У.Ш. Байчура

К ИСТОРИИ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ФОНЕТИКИ НЕКОТОРЫХ ТЮРКСКИХ И ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ

Дополнительные пояснения к диссертации:

"Звуковой строй татарского языка в связи с некоторыми другими тюркскими и финно-угорскими языками" (в трех томах), представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук

Казань 1965

ПРЕДИСЛОВИЕ

Диссертация "Звуковой строй татарского языка" в связи с некоторыми другими тюркскими и финно-угорскими языками",(38 печ.л.) целиком основанная на инструментальных исследованиях, проведенных ее автором и содержащая данные более чем по десяти тюркским и четырем финно-угорским языкам, являющаяся экспери - ментальным исследованием, основанным на о п ы т а х , рекомендована к защите Казанским университетом, представлена в Институт языкознания АН СССР в 1960 г., поставлена на защиту в этом институте 5.X.1962 г.

Все четыре официальных оппонента дали положительные отзывы (своим замечаниям они сами не придавали сколько-нибудь решающего значения), из присутствовавших на защите никто не выступал против (один выступил за), кроме того было получено около 25 положительных отзывов из 10 республик СССР и из центра - в том числе семь протоколов расширенных обсуждений диссертации, отзывы из-за рубежа -от профессоров Будапешта, Праги, Токио.

Из всех учреждений г.Казани, занимающихся изучением татарского языка (КГУ, КГПИ, ИЯЛИ бывш.КФАН), были получены положительные отзывы.

Единственным, так сказать, н а у ч н ы м основанием для отрицательного исхода защиты 5.X.1962г. явились два отрицательных отзыва - за подписью нескольких сотрудников сектора языка ИЯЛИ КФАН (где я тоже работал) - из которых ни один никогда не занимался ни инструментальной фонетикой, ни каким -либо из рассматриваемых в диссертации языков - кроме татарского

(это видно и из их печатных работ), причем только один из них является доктором наук, а некоторые вообще не имеют ученых званий.

Бывший директор Института языкознания АН СССР, Б.А.Серебренников, который в 1960 г. дал блестящий положительный отзыв на диссертацию, во время защиты не дал мне слова для ответа на указанные два отрицательных отзыва, зачитанные в самом начале защиты, которая шла семь часов - такое слово для ответа было предоставлено только в заключительном слове -именно п о с л е того, как члены Ученого совета успели проголосовать.

При этом последние шесть страниц т.е. наиболее существенная часть моего выступления по этим отзывам была опущена в стенограмме защиты - по письменному признанию самой стенографистки. (Представлена мною фотокопия в ВАК).

Слово для ответа на один из двух отзывов из Академии П е д а г о г и ч е с к и х наук РСФСР, содержавший замечания, хотя по форме и являвшийся положительным, вообще не было предоставлено диссертанту, хотя имело значение дать ответ, поскольку замечания эти были построены на искажении содержания диссертации и даже несколько задевали метод.

В своем объяснительном письме в ВАК (1963) бывший председатель экспертной комиссии ВАК - Б.А.Серебренников - представил указанные два отзыва от неспециалистов - как "обстоятельные" и дал понять, что эти два отзыва якобы заслуживают предпочтительного внимания по сравнению со всеми остальными (положительными) отзывами, якобы "поверхностными", под которыми стоят и подписи многих и многих ведущих специалистов СССР.

В ответ на четыре моих аппеляции в ВАК - о нарушениях порядка защиты и необоснованном зажиме новых инструментальных исследований, в том числе -о создании бывшим руководством Института языкознания (Б.А.Серебренников, Ю.Д.Дешериев, Ю.С.Елисеев) ненормальной обстановки и перед защитой, а также - в ответ на аналогичные многочисленные обращения в ВАК представителей широкой общественности (в том числе - присутствовавших на защите) и ряда организаций союзного и республиканского значения - Президиум ВАК (без направления диссертации в экспертную комиссию ВАК) вынес несколько решений, из которых приводим полностью содержание первого и последнего, т.к. в последнем имеется ссылка на первое.

I. Постановление от 16.II.63, согласно письму из ВАК - от 25.II.1963, № Ус-I.

" тов. Байчура У.Ш." (далее адрес).

"Копия: Директору Института языкознания АН СССР
члену-корреспонденту АН СССР
Серебренникову Б.А.

"На Ваше заявление от 30.I.1963 г.".
"Рассмотрев Вашу аппеляцию на решение совета Института языкознания АН СССР от 5.X.1962 г., которым Вам отказано в присуждении ученой степени доктора филологических наук, а также ознакомившись с материалами защиты Вашей диссертации на тему: "Звуковой строй татарского языка в связи с некоторыми другими тюркскими и финно-угорскими языками" Высшая аттестационная комиссия рекомендует доработать диссертацию с учетом требований

сегодняшнего дня и представить к повторной защите в установленном порядке (основание: пост.през.ВАК от I6.П.63г. прот. 222).

Приложение: личное дело и материалы защиты возвращаем во 2-ой адрес.

2 mg

Заместитель ученого
секретаря А. Сергеев ".

Таким образом, мое основное заявление от I2.X.62 вообще не рассматривалось, ибо имеется ссылка только на дополнительное второе заявление от 30.I.63, которое я был вынужден написать вследствие задержки рассмотрения основного заявления.

Неопределенное выражение об "учете требований сегодняшнего дня" применимо в любой области знания и именно поэтому, ввиду абстрактности, оно неприменимо ни к одной конкретной работе, а кроме того в ответе ничего не сказано о беспрецендентных нарушениях порядка защиты диссертации, изложенных мною выше и более полно - в заявлении в ВАК.

Указанное неопределенное выражение в данном случае может иметь только один смысл: поскольку ВАК утверждал и утверждает диссертации, основанные на слуховых наблюдениях, то, следовательно "учет требований сегодняшнего дня" должен заключаться в отказе от современных инструментальных методов исследования и в возврате к слуховым наблюдениям.

Однако это прямо не высказано, а передано в решении ВАК

лишь намеком.

Поэтому я вновь обращался в ВАК. Ниже приводится текст последнего решения -от 7.Ш.1964 (пр.№ 247)- согласно письму ВАК от 17.Ш.1964, № Ус-1. (Ответ на обращение Республиканского комитета профсоюза работников просвещения РСФСР). В письме ВАК говорится.

"Председателю Республиканского Комитета профсоюзов[1] работников просвещения, высшей школы и научных учреждений РСФСР тов. Чупраковой Л.Г.

"Копия: тов. Байчуре У.Ш." (дается адрес)

"Аппеляция У.Ш.Байчуры на решение Совета Института языкознания АН СССР от 5.Х.1962 г., который отказал ему в представлении к утверждению в ученой степени доктора филологических наук[2] была рассмотрена президиумом ВАК 16.П.1963 г. (пр. № 222). Ознакомившись с материалами защиты его диссертации "Звуковой строй татарского языка в связи с некоторыми другими тюркскими и финно-угорскими языками", президиум Высшей аттестационной комиссии 16.П.1963 г. отклонил аппеляцию У.Ш.Байчуры и рекомендовал ему представить к повторной защите диссертацию после ее доработки".

"Заявление У.Ш.Байчуры от 15.Х.1963 г., в котором он обжаловал это решение, еще раз было рассмотрено президиумом ВАК 7.Ш.1964 г.(пр. № 247). Президиум ВАК не нашел оснований к удовлетворению просьбы У.Ш.Байчуры".

---

1) В оригинале напечатано: "профсоюзов" (во множ.числе)- прим.У.Б.

2) Запятая отсутствует в оригинале - прим.У.Б.

жащихся в них замечаний, нам пришлось сделать изложение возможно более доступным, а иногда даже приводить некоторые популярные сравнения , чтобы лучше пояснить некоторые элементарные понятия. В некоторых случаях пришлось даже повторять отдельные положения - чтобы лучше пояснить для неязыковедов и авторов указанных отзывов те или иные общеизвестные истины.

Ниже показано, что нельзя согласиться ни с замечаниями указанных рецензентов, ни, тем более - с их, так сказать, методом критики, построенной на искажении содержания (и даже названий), так сказать, "рецензируемых" ими работ, на нагромождении ничем не подтвержденных и опровергаемых фактами голословных утверждений.

Однако, настоящее дополнение далеко не исчерпывается разбором замечаний рецензентов.

Настоящее дополнение к диссертации представляет из себя самостоятельное исследование - по тому кругу вопросов, который был затронут в замечаниях рецензентов и даже по некоторым незатронутым ими вопросам. Все эти вопросы, поднятые в отзывах, несмотря на их калейдоскопическое разнообразие, объединяются в том, что все они относятся к области истории и методов изучения.

Разумеется, эти вопросы не имеют отношения к конкретным инструментальным опытным исследованиям, каковой является рассматриваемая диссертация и сама постановка вопросов истории и методов изучения - в связи с данной э к с п е р и м е н т а л ь н о й работой, основанной на конкретных опытах, - сама эта постановка представляет из себя смешение экспериментальных наук с неэкспериментальными.

В экспериментальной физике или при инженерных расчетах не требуют изложения истории открытия дифференциального или интегрального исчисления.

Но в экспериментальной фонетике - видимо требуют изложения общеизвестной истории и чисто филологических вопросов - в опытном инструментальном исследовании.

И вместо продолжения экспериментальных инструментально-фонетических исследований, я вынужден подчиниться требованию президиума ВАК и заняться историко-филологическим исследованием, которое и предлагается вниманию читателя, в том числе -и не-языковедам.

В В Е Д Е Н И Е

Значение слова "татар", как известно, являвшегося некогда названием одного из монгольских племен, расширилось до максимального объема в эпоху монгольских завоеваний, когда этим словом обозначали монголов и все примкнувшие к ним многочисленные тюркские племена, в том числе кипчакские, уйгуров и др., которые вместе составляли подавляющую часть "татар", причем сами монголы, из которых состояла гвардия Чингизхана и его преемников, растворились в этой тюркской среде; однако в течение последующего полутысячелетия семантическое содержание слова "татар" подвергалось непрерывному сужению и в настоящее время под этим термином понимаются казанские татары, мишар-татары (к западу и к югу от ТАССР) и сибирские татары, причем объем семантики последнего выражения изменяется уже на наших глазах, ибо, например, дореволюционные абаканские татары ныне носят название хакасов, тувинские татары - тувинцев и т.д.[I]

В основном потомками и преемниками волжских булгар - и по культуре и по языку - считают казанских татар большинство наиболее серьезных татарских и ряд других историков, как на-

---

I О значении слова "татар" и др. - см. напр., статью известного татарского историка, проф. Г.С.Губайдуллина "К вопросу о происхождении татар", стр. I3I-I42 - Вестник Научного Общества татароведения № 8, Казань, I928.

пример, знаменитый Шигапэтдин Марджани - в двухтомном труде "Собрание сведений по истории Казани и булгар", Казань, том I, I897; том II - I900 (مستفاد الاخبار فی احوال قزان و بلغار),[I] Г.Губайдуллин (в указанной работе),[2] Г.Юсупов во "Введении в булгаро-татарскую эпиграфику", М.-Л., I960 (стр. II и вся III глава) и другие, хотя они и допускают присоединение кипчакского или иного тюркского элемента - в дополнение к булгарскому, причем, например, Г.Юсупов прямо говорит о "древнебулгарском языке, исторически воплотившемся в татарский язык" (стр. II). Мнение большинства других историков аналогично и вновь подкрепляется большим количеством фотокопий намогильных памятников XIII-XVII веков, приводимых в указанном труде Г.Юсупова - около сотни таблиц с надписями и немного меньше - фоторепродукций, не считая многочисленных трудов, на которые ссылается автор, излагающий и историю вопроса (стр. 7 -I8 и др.). Таким образом, ввиду общности территории ядра казанских татар (ТАССР) с основной частью Булгарского государства, вследствие преемственности культуры[3] и

I Например, стр. 4-I3 и др.

2 Указ.соч. стр. I4I, где читаем: "Историю приволжских татар следует начинать не с истории Золотой Орды, а с истории Казанского ханства, которое на самом то деле было тем "котлом-казаном", где варились различные элементы: с одной стороны "худые болгары" и "мнози варвари", пришедшие из большие Орды Златые", престарелые матери Ордам всем" (Каз. летописец)".

3 См.,напр., А.П.Смирнов "Волжские булгары", М., I95I,глава IУ и др., напр.,стр. 75-86 и др.Так на стр.76 читаем:"Если произвести сравнение культуры булгаро-татарской с культурой Казанского ханства и современных татар, то не трудно будет убедиться в том, что основой культуры казанских татар является булгарская", после чего излагается целая серия археологических, этнографических и даже антропологических фактов (стр.76-86 и др.), подтверждающих цитированное положение, причем автор учитывает и обширную литературу.

общности языка казанских татар с таковым намогильных и других булгарских памятников, число которых в Поволжье весьма значительно[I] и намного больше, чем приведено, скажем, в книге Г.Юсупова (на что указывает и сам автор), приходится согласиться с изложенной точкой зрения на происхождение казанских татар и их языка, ибо до тех пор, пока не доказано противное, имеются все основания полагать, что современные казанские татары и их язык в известном смысле примерно так же относятся к булгарам и их языку, как, скажем, современные итальянцы и их язык относятся к римлянам и к классической латыни, с тем однако, что между булгарами и казанскими татарами еще меньше различий.

*

Здесь приходится оговорить и то обстоятельство, что существует также противоположный взгляд, восходящий к миссионерам XIX века, например, Н.И.Ильминскому и оперирующий главным образом, если не исключительно, языковыми данными, что, по-видимому, объясняется и тем, что "изучение надгробных памятников как памятников материальной культуры, не имело места до сих пор" (т.е. до 1929 г.) - с точки зрения орнаментики и т.д., как указывает П.Е.Корнилов.[2] Однако и в языковом отношении до Х.Фейзханова (1863 г.) и после него, до последнего времени, как видно, эти памятники большей частью не изучались

I Например, в указанной книге А.П.Смирнова приводится карта "Булгарских археологических памятников X-XIУ вв. в пределах современной Татарии", к которой приложен "Список селений с булгарскими памятниками X-XIУ вв.", содержащий 144 географических названия.

2 П.Е.Корнилов.К изучению эпиграфического резного камня болгаро-татарской эпохи. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР, вып.Ш, Казань, 1929, стр. 3 (цитирую по книге Г.Юсупова - прим. У.Б.).

достаточно внимательно или квалифицированно сторонниками указанного (второго) взгляда. Об этом свидетельствует вторая точка зрения, поддержанная рядом языковедов - от Н.И.Ашмарина и Н.Ф.Катанова - до Б.А.Серебренникова и Н.А.Баскакова и по сути дела сводящаяся к тому, что булгарское (в основном) происхождение казанских татар отрицается и единственными преемниками и потомками булгар объявляются чуваши, хотя те же самые чуваши, например, по Н.И.Ильминскому, являются одновременно, будто бы отуреченным финским племенем (ссылаюсь по книге Г.Юсупова, стр. IO), причем не учитывается общность территории казанских татар и булгар, также как и факт почти полного отсутствия булгарских памятников, содержащих эпитафии с так называемыми << чувашизмами >> в XУ, XУI, XУП вв. (т.е. до крещения чуваш) на самой территории Чувашии, где мы во множестве находим памятники XУI в. только на татарском языке" (Г.Юсупов. Цит. раб. стр. II. Подчеркнуто мною - У.Б.)

Аргументация сторонников второго взгляда лингвистическая и по существу сводится к отождествлению п и с ь м е н н ы х ф о р м около пятнадцати булгарских слов из намогильных памятников (на территории ТАССР) с живыми звуковыми формами современного чувашского языка (Ср. Н.А.Баскаков, "Тюркские языки", М., I960, стр. I06 и др.) и при этом "игнорируются материалы татарского языка" (как выражается Г.Юсупов - стр. IO), а вместо булгарских форм нередко, особенно в общей характеристике "булгаро-чувашской группы" приводятся только чувашские (И.А.Баскаков, стр. I04-II0, особенно стр. I06). Однако, даже

если и допустить указанное совпадение форм, то этим н е и с к л ю ч а е т с я булгаро-татарское родство, ибо наличие одного родственника отнюдь еще само по себе не означает отсутствие других родственников, точно также как факт родства современного французского языка с латинским отнюдь еще не означает, что т е м с а м ы м исключается родство с латинским современного итальянского языка, не говоря уже о том, что булгарский язык - тюркский и, как таковой, он имеет общее со всеми другими тюркскими языками и вопрос может заключаться лишь в том, какой из современных тюркских языков ближе к булгарскому, а какой - дальше. Такова единственно правильная постановка вопроса и здесь сразу обнаруживается, что даже если и имелось бы I5 совпадений булгарских слов и форм с современными чувашскими, то памятники содержат гораздо большее количество совпадений булгарских форм слов с современными татарскими, причем по крайней мере большей частью по тем же самым языковым признакам, что и в отношении так сказать "булгаро-чувашских" форм, ибо написание тех же самых слов в памятниках не всегда одинаково. Однако сторонники "булгаро-чуваш" о т о ж д е с т в л я ю т понятие "булгарского" с этими I5 словами, специально подобранными из сотен булгарских памятников - по признаку якобы совпадения с чувашскими, а Н.Ф.Катанов, отождествляя язык булгарских памятников с чувашским, прямо заявлял, что "Задачей тюркологов остается выделить чувашский элемент в языках татарском и черемисском, чтобы определить влияние чуваш, доныне сохраняющееся" (цитирую по Г.Юсупову, стр. I0). Выделять то можно, но нельзя п о д м е н я т ь

I5 словами и их формами все содержание памятников. Если прямо об этом и не говорится, то тем не менее, исходят в своих построениях представители данного взгляда именно из этого.

Ибо что такое булгарский? Объективно мы можем полагать булгарскими лишь памятники соответствующей эпохи (учитывая и место) - в целом, а взятые в целом они демонстрируют преимущественное сходство с татарским, а не с чувашским (даже, если оставить в стороне арабские формулы на памятниках) и могут быть прочтены без специальной подготовки современным татарином, получившим восточное образование, например, в медресе, но не владеющим чувашским языком, тогда как для чуваш эти памятники недоступны, если они не знают татарского языка (хотя бы и знали арабское письмо) и от "выделения" здесь так сказать "чувашского" элемента дело не изменится: чувашский оказывается дальше по сравнению с татарским от языка памятников.

Если же действовать по такому принципу выборочного "выделения" небольшой части при одновременном отсутствии учета целого, а также географии и материальной культуры и т.п. народов, как поступают сторонники указанного булгаро-чувашского взгляда, то гораздо больше оснований, так сказать, "выделить" в этих памятниках арабский "элемент" и объявить на этом основании данные памятники принадлежащими арабам, ибо такой арабский "элемент" составляет большую часть текста едва ли не любого памятника и, как правило, до половины (начало) каждого булгарского памятника содержит чисто арабские предложения - да-

же не слова, а целые абзацы, а некоторые памятники едва ли не целиком написаны на арабском языке. Между тем, хотя мы и не можем сейчас точно сказать о степени проникновения арабских слов в булгарский, однако ясно, что арабизмы в целом характеризуют именно язык мусульман: булгар (которые были мусульманами) и татар, но не характеризует язык чуваш, не являвшихся мусульманами.

Во-вторых, не является доказанным якобы сходство произношения указанных около 15 булгарских письменных форм слов с современными звуковыми формами чувашского языка и такое отождествление основано на отсутствии учета особенностей практики арабского письма (которым написаны памятники и которое было малодоступно миссионерам), основано на отождествлении арабского написания с тюркским произношением. Для иллюстрации приведу один пример из числа многих.

Важнейшим аргументом "булгаро-чувашского" взгляда является предположение о том, что булгарскому будто бы был свойственен ротацизм -якобы в отличие от казанско-татарского зеканья, что по мнению сторонников этого взгляда не только является важнейшим доказательством родства чуваш с булгарами и отсутствия такого родства булгар с казанскими татарами, но даже более того, это чередование р - з положено некоторыми в основу деления булгарского языка на два диалекта, ибо в самих памятниках встречаются в одних и тех же словах буквы р или з, например, жуз - жур "сто".

Как давно известно, соответствие р - з существует в рамках самого современного татарского языка и является одним из призна-

ков для разграничения казанских татар (р) от мишар-татар (з), ср., например, каз.тат. я т к ы р, миш.тат. я т к ы з "уложи" и т.п. О том, что данное соответствие в татарских диалектах не принимается во внимание сторонниками "чувашско-булгарского" взгляда, свидетельствует, например, одно замечание А.К. Боровкова в отзыве на мою диссертацию, в котором он отождествляет факультативное, по его словам, употребление форм ötkör - ötköz "проводить" (точнее - "проводи") и т.п. - в киргизском с нефакультативным, закономерным и обязательным (в ряде случаев) чередованием р - з в татарских диалектах! Как будто факультативность и нефакультативность того или иного явления в киргизском позволяет заключить о факультативности и нефакультативности этого явления в татарском! И подобное отсутствие учета фактов татарского языка типично для миссионерской "чувашско-булгарской" трактовки, отрицающей булгаро-татарское родство. Хотя в конкретных татарских словах, соответствующих так называемым "чувашизмам" булгарских памятников - прежде всего ввиду наличия в этих словах письменного р, а также других графических особенностей - в современном татарском обычно произносится з, но не р, однако ничем не доказано то, что эти слова (около десятка) действительно будто бы произносились самими булгарами через р (жур "сто" и т.п.).

Не доказано по той простой причине, что, как известно, в арабской графике (на которой написаны данные памятники) все различие между буквами р = ر; з = ز заключается в одной точке, а в памятниках встречаем оба написания: с точкой جوز (джуз) "сто" и без точек: جور (жур) "сто" и т.п. Как известно

каждому, кто знаком с арабской письменностью, в последней часто опускаются не только надстрочные и подстрочные харакаты (значки для гласных), но также и надстрочные и подстрочные точки[I] - также, как и в западноевропейских языках опускаются, например, точки над i (и), что, как известно, вошло в поговорку: поставить точки над "и". Как видно из фотокопий, приводимых в книге Г.Юсупова, пропуск точек - весьма обычное явление и в данных булгарских памятниках - сравните, например, написание а р а б с к и х слов в них, произношение которых едва ли может подвергаться сомнению. Так, слово тарих "дата" пишется и со всеми точками и вообще без точек и с разным количеством точек, которые проставляются под (или над) одними буквами и не проставляются около других (хотя в полном стиле письма они необходимы), а также возможна, например, одна точка под буквой "яй" - вместо двух и т.д. и т.п.,однако все это еще отнюдь не означает, что арабское слово т а р и х , как и другие арабские слова, встречающиеся в памятниках, будто бы произносились булгарами по-разному - в разных памятниках, не значит, хотя бы уже потому, что как известно, подобные пропуски в письме возможны и у самих арабов и у персов и других народов, пользующихся арабским шрифтом. Вполне очевидно, что эти арабские слова не произносились по-разному - в

I) О том, что звуки Р, З в арабской письменности УП - XIII века большей частью обозначаются одним знаком: ر (без точки) можно прочесть и в брошюре А.П. Ковалевского "Чуваши и булгары по данным Ахмеда ибн Фадлана". Чебоксары,1954, стр.63, о том, что часто пропускаются диакритические точки над и под буквами - на стр.13 и др. Странно лишь то, что автор, вопреки фактам, не учитывает аналогичной возможности в булгарских памятниках.

том числе у булгар -, а только п и с а л и с ь по-разному и, например, написание تارىخ "дата" (табл.29,30 ук.соч.), которое Г.Юсупов, транслитерирует в одном случае تارىخ , а в другом تاريخ (там же) ни в коей мере не означает, что будто бы было, скажем два различных произношения этого в словах у булгар: я р и х и т а р и х или даже б а р и х или я р и д ж или я р б х , как можно было бы заключить, если не знать особенностей п р а к т и к и арабского письма и не иметь представления о звуковых переходах и соответствиях в тюркских языках. В других же таблицах, приводимых в указанной книге, ясно видны точки над начальной буквой Т. Не говорю уже о том, что в ряде памятников, в том числе -и древнейших, проставлены даже все харакаты (значки для гласных), тогда как в других - нет не только харакатов, но и точек.

Изложенное показывает, что чтение р вместо з или же х- вместо дж и т.п. в так называемых "чувашизмах" булгарских памятников в действительности не имеют ровно никакого научного основания и происходит в результате отсутствия учета общеизвестной (и не только для филологов) практики арабского письма, а также и вследствие отсутствия серьезной попытки филологического анализа текста памятников - со стороны представителей чувашско-булгарского взгляда.

Известный татарский историк Фейзханов сделал в 1863 г. филологическое открытие, расшифровав з н а ч е н и е слов يوز "сто" и т.п., а после этого некоторые филологи вместо того, чтобы дать филологическое исследование памятников, попросту отождествили арабское написание с булгарским произношением - в той мере, в какой это написание напоминало чувашское произношение,

И это несмотря на то, что даже по мнению самого Н.И.Ильминского так называемые " чувашизмы" в булгарском представляют из себя "что-то среднее переходное между тюркским и нынешним чувашским" (цитирую по Г.Юсупову, стр.10). А нечувашизмы, то есть, большая часть содержания памятников? Об этом И.И.Ильминский умалчивает, ибо это уже просто татарское -за вычетом того арабского, которое было принято в татарском. Не дает он пояснения и своему выражению "тюркский", ввиду чего приходится предполагать, что под последним он имеет в виду дореволюционный письменный литературный язык т ю р к и , общий для тюрков-мусульман. Но этот язык не есть казанско-татарский, который как раз и является в некотором отношении промежуточным между "тюркским" и чувашским и, таким образом, имеем дело с запутанной терминологией Н.И.Ильминского, который сравнивает чувашский с языком "тюркским", помещает булгарский между ними, а казанско-татарского вообще не касается, хотя , по-видимому, и знает об особенностях последнего, ибо издавал транскрибированные тексты разговорного языка казанских татар. Не учитываются география, большая близость как материальной культуры , так и языка казанских татар - к булгарским - в отличие от чувашского, более отдаленного от булгарского во всех этих отношениях.

Более, чем сомнительные гипотезы Н.И.Ильминского некоторыми его последователями выдаются уже за реальные факты, ибо, например, Н.А.Баскаков в книге "Тюркские языки" (М.,1960, стр.104-110 и др.) говорит уже о булгаро-чувашской группе языков и нередко приводит в качестве примера в целом для этой группы лишь слова современного чувашского языка - вместо булгарских или же общих для булгар и чуваш, хотя даже по Н.И.Ильминскому

"чувашизмы" в булгарском являются большей частью лишь "переходными" между "чувашским" и "тюркским" - не говоря уже о том, что эти, так сказать "чувашизмы" зачастую ближе к казанско-татарским формам, чем к чувашским.

Наконец, в-третьих, ничем не доказано то, что булгарский язык вместо предположительного своего ротацизма будто-бы не мог развить зеканье, чему способствовало возрастающее кипчакское влияние, с которыми булгары находились в постоянном контакте и что систематическое - в ряде случаев -соответствие каз.-татарского р мишарскому (кипчакскому) з будто бы не является остатком булгарских времен - если только в булгарском был ротацизм, отличающий его от ротацизма современного казанско-татарского, который, в свою очередь, является одним из фонетических отличий казанско-татарского от зекающего мишарского, кипчакского.

Строить булгаро-чувашскую теорию, основываясь на одной лишь более чем сомнительной точке (ссылаюсь по книге Г.Юсупова-стр.33 и др.) и тому подобном, забывать о самими же признанном делении булгарского языка на два диалекта (или даже языка -ссылаюсь по Г.Юсупову, стр.I7-I8 и др.) и полностью умалчивать о совпадении форм слов казанско-татарского языка с текстами булгарских памятников, каковых совпадений много больше, чем, якобы, совпадений булгарских форм с чувашскими; оставлять без внимания общность территории ядра казанских татар и их материальной культуры с таковыми булгар, как и различия в территории и в материальной культуре и др.- между чувашами и булгарами, не учитывать татарские диалекты и говоры и полностью пренебрегать практикой арабского письма - все эти приемы, использованные некогда миссионерами, отнюдь не способствуют научной

доказательности "булгаро-чувашского" (И-го) взгляда, который пренебрегает о с н о в н ы м научным требованием - о в с е - с т о р о н н о с т и исследования вопроса.

В качестве же новейшей иллюстрации к указанному "булгаро-чувашскому" взгляду, за недостатком места очень бегло рассмотренному выше, можно рекомендовать небольшую статью М.Р.Федотова в известиях АН СССР, ОЛЯ, 1963, том.ХХП, вып.5, стр.435-439 - которая демонстрирует и некоторые своеобразные приемы.

Поскольку научные аргументы автора не представляют собой чего-либо нового и отличного от обычного булгаро-чувашского взгляда, остановлюсь здесь лишь на одном характерном моменте этой статьи.

По-видимому вследствие недостаточной уверенности в доказательной силе своих научных аргументов, автор придает своей статье в некоторой мере публицистический, риторический оттенок, ибо начинает рецензию с заявления о том, что Г.Юсупов "поставил перед собою задачу исправить ошибку """ нескольких поколений ученых""" , которые """ без учета исторических корней""" булгарского и чувашского языков """ ставили знак равенства между чувашами и булгарами""", причем М.Федотов, видимо не случайно не дает здесь ссылок на страницы книги Г.Юсупова, из отрывочных цитат разных мест которой составил он приведенный абзац, ибо Г.Юсупов не ставил подобной задачи, а пришел к такому в ы в о д у (в конце главы "О языке булгарских надгробий П стиля", стр.93), а это не одно и то же.

Эта произвольная замена результатов исследования Г.Юсупова, приписанной ему М.Федотовым "задачей", сочетается с подробным поименным перечнем ряда авторитетных представителей чувашско-

булгарского взгляда, рассмотренного нами выше (не сопровождаемым ,однако,ссылками на аргументы этих авторитетов), которому противоречат в ы в о д ы Г.Юсупова и т е м с а м ы м Г. Юсупов по сути дела обвиняется в нескромности -за р е з у л ь т а т ы его исследования, хотя ни о каких научных аргументах еще не было речи в статье (они приводятся М.Федотовым ниже и не являются новыми). Между тем, как справедливо замечает К.Маркс, "Если скромность характеризует исследование, то это скорее признак боязни истины, чем боязни заблуждения. Скромность это средство тормозить каждый мой шаг вперед. Она есть предписанный свыше страх перед результатом, она - предохранительное средство против истины"I)

В довершение всего оказывается, что, по-первых, сам М.Федотов довольно смело (и без аргументации) берется судить о том, что может и что не может представить интерес для "историков -этнографистов", хотя сам М.Федотов, как видно уже из его статьи, занимается языкознанием, а не историей и не этнографией, а во-вторых, сам М.Р.Федотов тоже не признает авторитетов, поскольку излагаемая им точка зрения противоречит взглядам таких, например, известных авторитетов, как проф.А.П.Смирнов, проф. П.Н.Третьяков и др., хотя имена последних и не называются в рецензии, чем собственно и отличается "неуважение" со стороны Г.Юсупова от "неуважения" со стороны М.Р.Федотова - к авторитетам. Ибо Г.Юсупов, если и возражает против одних авторитетов, то поддерживает другие, тоже - авторитеты и,например, на той

I) К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. М.Л.1923, стр. 63.

же стр.93 труда Г.Юсупова, откуда взяты цитаты М.Р.Федотовым, имеется ссылка на авторитет П.Н. Третьякова, приводимая Г.Юсуповым в подтверждение своей позиции, однако данная ссылка Г.Юсупова- на авторитет -принципиально отличается от подобных ссылок на авторитеты М.Федотовым - тем, что Г.Юсупов не ограничивается упоминанием имени авторитетного ученого, а приводит и его доводы, а р г у м е н т ы , ввиду чего такая ссылка Г.Юсупова н а у ч н а - в отличие от ненаучной ссылки М.Р.Федотова - на г о л ы е авторитеты, не подкрепленные приведением а р г у м е н т о в этих авторитетов (или ссылок на труды последних, в которых те или иные аргументы содержатся). Так, на стр.93 книги Г.Юсупова читаем: "Критикуя доводы сторонников булгарского происхождения чуваш , проф.П.Н.Третьяков... говорил: " " упомянутые ученые исходили из того, что среди созременных народов, живущих в пределах Волжской Болгарии, один лишь чувашский народ обнаруживает в своем языке древние тюркские черты. Другим аргументом в пользу булгарской теории явились несколько отдельных чувашских слов и имен, обнаруженных на болгарских могильных плитах с арабскими надписями. Никаких иных данных в пользу болгарской теории в распоряжении буржуазной науки не имелось". По-видимому ясно.

А вот образчик ссылки на авторитет в статье М.Р.Федотова: "Обзор книги хотелось бы завершить словами тюрколога А.Н.Самойловича, что " казанско-татарский литературный язык вместе с казанско-татарским разговорным диалектом поныне с полной ясностью сохраняет преемственную свою связь с кыпчацким языком XI-XIУ веков " ". Тут нет ни одного аргумента и лишь один только авторитет АН Самойловича.

Вопрос об отношении к авторитетам и "поколениям" не имеет отношения к делу в данном случае уже потому, что Г.Юсупов поддерживает одни авторитеты и опровергает научно- другие авторитеты, тогда как авторитеты вообще разделяются на два противоположных лагеря. Изложенное показывает, какие методы, так сказать , научной полемики иногда применяются сторонниками "чувашско-булгарского" взгляда.

*

В изучении татарского языка я ограничился в диссертации инструментальным исследованием ряда вопросов фонетики в наречиях европейских татар и в первую очередь - казанских татар, а в известной мере - и в мишар-татарском, тогда как на наречие сибирских татар ссылаюсь только по литературным данным. Этнографическо-лингвистические понятия: казан-татар и мишар-татар, еще в XIX веке утвердившиеся в классической русской и иностранной тюркологии, в точности совпадают с таким же делением на "татар" и "мишар", существующим в практике самих казанских татар, а частично - и у мишарей[I] В месте с тем эти два диалекта подразделяются

I) Это деление нашло отражение, например, и в общественных трудах В.В. Радлова, в том числе - в "Фонетике северо-тюркских языков", Лейпциг, I882; Н.Ф.Катанова- "Опыт исследования урянхайского языка", Казань, I903 и др.; из татарских авторов -см., например, Джамал Валиди "О диалектах казанско-татарского языка" в Вестнике Научного Общества Татароведения, Казань, I927, № 6, стр.5I-53, след.; Г.А. Ахмарова "О языке и народности мишарей", Казань, I903, и другие работы разных авторов.

на более мелкие единицы; имеются промежуточные говоры, как например, таковой касимовских татар, который обладает кроме того и некоторыми присущими только ему своеобразными особенностями и т.д. Аномалии наподобие касимовского или нукратского говоров, разумеется, не могли служить для характеристики важнейших особенностей основных диалектов: казанско-татарского и мишар-татарского (на выяснении общих черт каждого из которых, в особенности - первого, было сосредоточено главное наше внимание), тем более, что в основном указанные аномалии (кроме разве соответствия гамзы в касимовском- заднеязычным и увулярным других говоров) сближают переходные говоры не только с казанско- или мишарско-татарским, но и с другими тюркскими языками, которые, однако, также, в свою очередь, специально исследовались (по тому же определенному кругу вопросов) в настоящей диссертации и поэтому специальное изучение промежуточных говоров, нетипичных для татарского и не дающих по крайней мере существенно нового в тюркологическом плане (например, для истории звуков) не могло представить серьезного интереса для тюркологии, даже если допустить, что такое изучение и имело бы какое-то значение для истории собственно татарского языка в его нынешнем понимании. Ясно, что промежуточные говоры наподобие указанных, дальше отстоящие и географически и лингвистически от казанско-татарского, представленные незначительным числом деревень, оторвавшиеся от основной милионной массы народа еще до консолидации этого народа и его я з ы к а (даже до образования Казанского ханства - в XУ в), разумеется, ни в коей мере не могут характеризовать данный язык в целом. Лингвистическое же значение

подобных говоров для истории татарского языка ничтожно, если есть вообще, по той причине, что существуют другие тюркские языки, а указанные говоры - самое большее могут занимать лишь промежуточное положение между весьма близкими татарским и другими тюркскими языками, да и здесь - с приближением этих говоров к татарскому, ввиду чего подобные говоры могли бы иметь сколько-нибудь серьезное значение для изучения истории татарского языка только в том случае, если бы внезапно исчезли не оставив следа другие тюркские языки, родственные татарскому. Но даже если бы промежуточные, не главные говоры или диалекты и имели бы какое-то историко-лингвистическое значение, то и в этом случае, естественно, следовало бы, прежде всего, характеризовать не эти периферийные говоры, а основной говор или диалект, представляющий собой лицо всего языка или наречия, в данном случае-казанско-татарский (для которого, в свою очередь, основным является говор Казани и близлежащих районов) и лишь после этого можно было бы заняться аномалиями и отклонениями от казанско-татарского - вопреки мнению некоторых отдельных критиков настоящей диссертации, считающих, "наиболее интересными" именно периферийные говоры: касимовский и нукратский, исследование которых выдвигается как непременное условие полноценности данной инструментально-фонетической описательной диссертации и аргументируется это требование тем, что без указанных двух говоров, якобы невозможно вообще сделать правильные выводы по истории языка (отзыв П, стр.4). Отсюда следует, что якобы подлежат исследованию в первую очередь указанные нехарактерные периферийные говоры, а исследование основного диалекта или говора будто-

бы не имеет существенного значения, а во-вторых, в плане сравнительно-историческом, такое требование исключительного внимания к нехарактерным промежуточным периферийным говорам по существу означает при данных условиях полное игнорирование значения исследования (и фактически - даже существования) других тюркских языков (уже не говоров, а даже языков) - для изучения татарского языка в сравнительно-историческом плане - поскольку ряд указанных тюркских языков специально исследуется в диссертации -по тому же кругу вопросов, что и татарские говоры, причем, как известно, исследование родственных языков (во всяком случае - в тюркологии) дает гораздо больше материала для сравнительно-исторического исследования в тюркологическом плане, чем изучение периферийных татарских говоров, занимающих по своим лингвистическим особенностям всего лишь промежуточное положение между татарским и другими тюркскими. Игнорирование других тюркских языков, в результате чего по сути дела получается выдвижение вместо них промежуточных татарских говоров в качестве первоочередного и абсолютно обязательного объекта исследования данной диссертации представляет из себя по сути дела завуалированное возражение против сравнительно тюркологической темы данного инструментального исследования, каковое возражение, ввиду отсутствия аргументации, подменяется требованием изучить все без исключения татарские говоры, причем подобное возражение можно было бы развить, продолжить, добавив еще требование инструментального исследования не около 40 татар, а каждого татарина - как условие полноценности инструментального исследования, а именно к этому ведет смешение языка

народа наречи отдельных периферийных промежуточных говоров и даже отдельных дикторов,- смешение, характерное для некоторых рецензентов, как увидим ниже.

Наконец, уже не приходится говорить о том, что настоящая диссертация является инструментально-описательной, ввиду чего предъявление к этой работе таких же требований как и к историко-лингвистическим означает д и ф ф у з н о е смешение элементарных понятий лингвистики, а рецензенты аргументируют именно будто-бы важностью указанных периферийных промежуточных говоров для истории языка.

ж

Литературный татарский язык существует много столетий, но содержание этого понятия также не оставалось неизменным. До XX века эту роль выполнял так называемый чагатайский письменный язык, позднее переименованный некоторыми в староузбекский, хотя он с таким же правом мог быть назван и старотатарским и староазербайджанским и т.п., а сами татары этот общетюркский к о й н е называли تورکی төрке, т.е. язык тюрки. Этот койне, недоступный для тех, кто не имел восточного образования, обладал, благодаря арабскому письму, той особенностью, что он был понятем для всех образованных тюрков-мусульман, хотя узбек читал его со своим произношением, своей огласовкой, а татарин - со своим акцентом, на свой лад и т.д., иными словами орфоэпия этого общетюркского койне не была единой для разных народов, пользовавшихся им.

Литературные данные[1], начиная со второй половины XIX века, и свидетельства очевидцев позволяют установить, что татарская о р ф о э п и я издавна основывалась на говоре татар Казани и близлежащих татарских районов, на говоре казанских татар, хотя и было некоторое мишарско-татарское и общетюркское влияние (например, йотирование в отдельных словах - вместо казан-татарского дж- канья и др.). После революции 1905 года татарам впервые было разрешено иметь свою периодическую печать и это способствовало развитию национального литературного татарского языка, причем знаменитый татарский поэт Г.Тукай в 1911 году определил татарский литературный язык как в своей основе, сути, сущности являющийся языком татар Казани, а следовательно -и заказанья[2] и других близлежащих и даже некоторых территориально более отдаленных от Казани казанско-татарских говоров: правобережья Камы, некоторых районов и сел нынешней Башкирии и даже Оренбургской области, а также правобережья Волги от Казани до Камского Устья включительно и некоторой части левобережья Волги в ТАССР, ибо все эти говоры довольно однообразны и в области фонетики отличаются друг от друга и от говора Казани лишь относительно небольшим числом особенностей. В соответствии с речевой практикой казанских татар, в качестве литературного языка и был после Великой Октябрьской социалистической революции

---

1) См. о них, напр., Звуковой строй"... часть I, стр.119-121 и др.

2) Так, в IУ томе Сочинений Г.Тукая, Казань, 1956 г., на стр.118 читаем: " э д э б и я т ы б ы з н ы н, а с л ы, жәүһәре булган безнең Казан теле...", а основатель татарской диалектологии и научной лексикографии Джамал Валиди (умер в 1937г.) относит говор коренного населения Казани к заказанскому говору (см.цит.работу во ВНОТ № 6, стр.57). Г.Тукай и сам происходил из Заказанья, где его именем был назван Тукаевский район - по старому адм.делению).

принят этот казанский язык, представляющий собой то общее, что содержится в перечисленных казанско-татарских говорах и за вычетом местных особенностей говоров, как например, соответствие литературным звукам Ч, Н звуков С, Л - в заказанском-или литературным З, ЫЙ - звуков Э, ай - в мензелинском; литературному а - звука ы-в нагорном и т.п. другие примеры. Едва ли не единственная уступка мишар-татарскому заключалась в допущении й о т в начале ряда гуттуральных слов (вместо Ж или ДЖ), причем описанное литературное произношение наиболее точно было отражено в татарской орфографии на латинской основе, что хорошо известно моему поколению.

ж

Рассмотрение современного состояния лингвистической науки в Казани: диалектологии и истории языка и состояния литературного татарского языка (включая орфоэпию и орфографию) не имеет отношения к настоящей инструментально-фонетической диссертации, от начала до конца основанной на экспериментальных опытных данных, к тому же написанной в сравнительно тюркологическом (и частично - финноугороведческом) плане, поскольку в диссертации (и книгах, ее отражающих) приводятся инструментальные данные, впервые полученные мною примерно по двадцати различным тюркским и финно-угорским языкам и наречиям и отражающие произношение примерно около шестидесяти дикторов, касающиеся основных аспектов фонетики (звуковой состав, звуковые изменения, словесное ударение и его изменения и пр) рассматриваемых языков (об этом приходится специально упоминать ввиду замечаний рецензентов).

Что же касается немногочисленных инструментальных исследований разных авторов-по фонетике некоторых тюркских языков, опубликованных до написания диссертации, то все они указаны во введении к первой части "Звукового строя" и на других страницах I и II частей этой книги и соответствующих местах диссертации, в том числе детально разобраны экспериментальные данные, излагаемые В.А. Богородицким в его статье " Движение тона в словах двусложных трехсложных в татарском языке" (ВНОТ № 4, 1926, Казань, объем - 8 страниц), представляющую основное его инструментальное исследование в тюркологической области и касающееся - по его мнению -татарского, хотя эта работа основана - по сообщению ее автора - на данных одного диктора, происходящего из Стерлитамакского уезда Уфимской губернии, то есть из центра Башкирии, правда позднее осевшего в Казани. Рассмотрены и содержащиеся во "Введении в татарское языкознание...", обобщения В.А.Богородицким данных его аспирантов - Г.Шарафа и Г.Валидова, записывавших на приборы самих себя, а также подробно рассмотрены и более обстоятельные две статьи Г.Шарафа, касающиеся инструментальной фонетики - "Палатограммы..." и " Сонорная длительность татарских гласных (длительность гласного а)", иллюстрирующие произношение одного диктора - самого Г.Шарафа, а тем самым -в пределах рассматриваемого им круга вопросов - и казанско-татарское произношение (подробнее о работах В.А.Богородицкого и Г.Шарафа см. также ниже).[I] Более того , специально рассматриваются в

I) Данные Г.Шарафа и выводы В.А. Богородицкого были рассмотрены также и в моей кандидатской диссертации "Гласные татарского литературного языка в свете экспериментальных данных, М.-Л., 1953.

диссертации и др. моих работах, в том числе -и в настоящем томе и слуховые наблюдения В.А. Богородицкого по татарскому языку. Последние, как показано, более значительны по тематике и объему материала и выводам - сравнительно с работами В.А.Богородицкого, основанными на экспериментальных данных по татарскому.

Инструментальные данные, содержащиеся в перечисляемых в диссертации экспериментальных работах разных авторов по другим тюркским языкам специально рассматривались и учитывались нами в соответствии с тем, в какой мере они имели отношение в теме диссертации, к рассматриваемым в ней вопросам и надо сказать, что таких точек соприкосновения было очень мало.

Исследований татарских и иных тюркских диалектов-с помощью методов инструментальной фонетики не появлялось в печати к моменту написания диссертации, ввиду чего первые экспериментально-фонетические данные по татарским говорам и диалектам содержатся в данной диссертации и других моих работах, также, как и в меру возможностей - относительно систематическое инструментальное исследование ряда основных вопросов фонетики татарского языка гор.Казани, тогда как слуховые наблюдения в этих областях, проводившиеся ранее другими авторами, во многом требуют проверки и уточнения с помощью инструментальных методов и прежде всего - ввиду именно с л у х о в о г о их характера.

В инструментально- фонетических исследованиях история вопроса рассматривается как история инструментально-фонетических исследований в данной области языкознания. Эта элементарная истина, казалось бы, почти тавтология, оказалась, тем не менее, не-

известной для некоторых наших рецензентов, взявшихся судить о данной докторской диссертации, целиком основанной на показаниях физических приборов, и тем не менее потребовавших изложения всей истории слухового изучения татарской и тюркской фонетики (зачастую независимо от научного значения этой литературы и от ее отношения к теме данной диссертации), притом - как обязательного условия полноценности инструментально-фонетической работы диссертации.

Подобное требование является результатом смешения инструментально-фонетического исследования со слуховыми наблюдениями, а также следствием приравнения к литературным обзорам экспериментальных работ, основанных на точных конкретных опытах, причем основывается все это смешение на том предположении, что инструментальная фонетика должна якобы ограничиться лишь вспомогательной ролью и служить как бы костылями или отдельными подпорками для слуховых наблюдений (которым будто-бы принадлежит примат), помогая выяснить те вопросы, которые оказались недоступными для слуха. Разумеется, физические приборы могут осуществлять и эту функцию, однако это не есть главная задача инструментального исследования, ибо последнее имеет прежде всего вполне самостоятельное значение и не только само призвано контролировать слух, но открывает новые горизонты и ставит свои особые задачи и выдвигает проблемы, доступные только инструментальному исследованию, перед которым слуховой метод как таковой отходит на второй план, а во многих отношениях он вообще вытесняется инструментальным методом.

Указанные выше требования об обязательном учете любых слу-

ховых наблюдений - при написании целиком инструментальной, опытной экспериментальной работы являются по существу попыткой контролировать инструментальное исследование с позиций слуховых наблюдений, ввиду чего представляет собой завуалированное возражение против инструментального метода как такового, против инструментальной темы диссертации, к которой по существу предъявляется требование о том, чтобы эта диссертация (и тема ее) не была бы целиком инструментальной. По сути дела указанное требование равносильно отрицанию какого-либо значения результатов экспериментальных наук вообще.

И поскольку мне предложено ВАК'ом " доработать диссертацию"- разумеется доработать с учетом замечаний, хотя это и не уточняется, а в числе замечаний содержится и указаниее требование о необходимости принять во внимание при инструментальном исследовании также и полученные разными авторами результаты слуховых наблюдений (хотя последние и не могут изменить показаний физических приборов и моих выводов из этих показаний) и прежде всего -слуховых наблюдений по татарскому языку, поскольку я в ы н у ж д е н "доработать диссертацию" прежде всего в общем филологическом (не инструментальном) плане (что связано также и с рядом других замечаний), хотя это и означает внесение поправки к т е м е диссертации, причем поправки, которая тянет от инструментального исследования к слуховому . По этой причине, несмотря на все изложенное выше и несмотря на то, что такой обзор слуховых наблюдений по фонетике татарского языка, представляющих научный интерес, был уже дан мною в статье "К истории изучения фонетики казанско-татарского языка (за период 1917 - 1957 г.г.)" - в сборнике "Памяти В.А.Богородицкого" (Ка-

зань, 1961, стр. 379-387) и др. работах, например, в книге "Звуковой строй", часть I, Казань, 1959, стр.103-140 и др. отражающих и содержание докторской диссертации (а ранее - еще в кандидатской диссертации - с учетом работ еще даже 1801 г.г.), тем не менее, я все же в ы н у ж д е н коснуться в настоящей работе и вопросов о состоянии лингвистики в Казани, особенно - состояния изучения слуховым путем фонетики татарского языка и его диалектов на сегодняшний день и не повторяя сказанного мною ранее, дать некоторый обзор, учитывая при этом и то обстоятельство, что подобное рассмотрение само по себе представляет все же известный филологический интерес, хотя и не имеет отношения к конкретному инструментальному исследованию татарского языка.

Кроме того это дает возможность с одной стороны продемонстрировать роль и значение инструментального исследования для татарского языка и для изучения его диалектов (рецензии показывают, что не излишне), а с другой стороны, позволяет наглядно илдюстрировать то, в какой мере и в каком объеме результаты слуховых наблюдений по татарской фонетике, проведенных различными авторами могли (или не могли) быть использованы в настоящей инструментально-фонетической работе и по какой причине, а также н а г л я д н о показать то, с каких позиций ведется критика диссертации некоторыми рецензентами, что существенно важно потому, что, как известно, критика, вообще говоря, может вестись и справа и слева, и с передовых позиций и с позиций консервативных.

*

После того, как не стало в 1937 г. руководителя Академического центра в Казани - писателя-классика Галиджана Ибрагимова; основателя татарской диалектологии и научной лексикографии - Джа-

мала Валиди - автора многотомного Толкового словаря татарского языка, а также-ряда других ученых, а известный татарский фонетист-экспериментатор Г.Шараф тоже умер для науки в 1937 г., - на смену им пришли языковеды типа Л.Заляя, при участии которых в 1938 г. были впервые установлены правила современной кириллической орфографии, до сих пор непрерывно реформируемой.

Л.Заляй и другие по видимому использовали диалектографические материалы, собранные ранее(и основанные, как и последующие, на слуховых наблюдениях), в том числе - собранные при участии ныне покойных языковедов Шигапа Рамаданова, Хужа Бадыйгова и др., а также собственные слуховые наблюдения над диалектами и говорами, причем все это, по-видимому, должно составлять " фонд ИЯЛИ", на который Л.Заляй и др. ссылаются в своем отзыве на мою книгу "Звуковой строй". Судя по опубликованным на основе этого фонда трем выпускам Диалектологического словаря (точнее-словарика)- Казань, 1940, 1953, 1958, а также "Татарской диалектологии" Л. Залля (Казань, 1947, около 8 печ.л.) и др., материалы этого "фонда ИЯЛИ" собирались без применения фонетической транскрипции с использованием только знаков орфографии, ввиду чего они имеют значение главным образом лишь для лексикографии и, возможно, грамматики. В своей "Татарской диалектологии" (которую точнее было бы назвать " диалектографией"), большая часть которой посвящена описанию фонетических особенностей говоров, Л.Заляй сумел обойтись одними знаками современной орфографии, ибо по сути дела добавлен только один знак - латинское Д - для интерденталього согласного, а также сохранены правила орфографии, согласно которым часто несколько звуков обозначаются одной буквой или, напротив, один звук нередко обозначается несколькими

буквами или же сочетаниями букв), а в диалектологическом словарике (карманного типа), слова даны только в орфографии, причем во многих случаях перепутаны литературные татарские слова с диалектизмами, а в III выпуске, например, к тому же нередко вместо указания хотя бы района, откуда взято слово, в ряде случаев указывается только так сказать "говор" целиком, причем в подобные "говоры" авторы (Л.Махмутова и Н.Бурганова) иногда включают далеко друг от друга отстоящие отдаленные районы и, вдобавок, не дают пояснения тому, что они понимают под тем или иным говором, хотя само деление на говоры и даже диалекты спорно,[I] не говоря уже о принадлежности отдельных слов к тому или иному говору или району. В результате, читая словарь, вы часто не можете толком понять ни того, в каких районах данное слово встречается, ни даже того, каково его точное произношение и можете лишь примерно установить то, сколько гласных и глухих, звонких или сонорных согласных имеется в этом слове.

Необычные результаты, к которым пришли некоторые татарские диалектологи, основываясь на указанных "материалах фонда ИЯЛИ" и руководствуясь своеобразным индивидуальным толкованием общеизвестных лингвистических и специально-татароведческих понятий и терминов -иллюстрируется нижеследующими примерами, число кото-

---

I) В этом можно убедиться, сравнив, например, работу Дж.Валиди "О диалектах казанско-татарского языка" (ВНОТ, № 6, 1927, стр. 50-64) с "Татарской диалектологией" Л.Заляя (Казань, 1947): не только деление на говоры, но и деление на диалекты у Дж.Валиди иное чем у Л.Заляя.

рых может быть намного увеличено.

В "Татарской диалектологии"[1] Л.Заляя к диалектизмам отнесены, например, следующие слова литературного татарского языка: б а с ы м ч а к "смирный", б и ш м э т "бешмет", б о г ы л "стог", ч а р д у г а н "ограда на могиле", т у а р "скот", у к с е з "сирота", ж а й д а к "всадник", я б ы ш и п "пристав" и т.д. (якобы диалектальная лексика заказанского говора - см.стр.27-29 ук.соч.); у т ы р у "заниматься чем - л". (н и ш л э п у т ы р а с ы з "что делаете?"), э в э л е "прежде", з а т "предмет", вещь", и н е ш "речка, ручей" (по Л.Заляю- текучая вода) (якобы диалектизмы нагорного говора, будто бы сближающие его с мишар-татарским - стр.53-54 ук.соч.), б ы к ы р - д ы к "грязный", к и з л э у "родник" (якобы диалектизмы Буинско-тарханского говора, будто бы сближающие его с мишар-татарским - стр. 64, 66 ук.соч.), с и п л э у "чинить, латать" (94). к а з а н а с у "варить пищу" (букв.: "вешать котел") и т.д. (будто бы диалектизмы "восточного", т.е. сибирского диалекта); б и з м и н (лит.тат.б и з м э н) " безмен", т а г ы н "качели" (лит.тат. таган), т е л ӱ "щепать" (ч ы р а т е л ӱ "щепать лучину") (якобы лексические особенности уральских татар- стр. I22-I23 ук.соч.); к мишарской якобы диалектальной лексике отнесены слова б ӱ т э н "другой, иной", ч э р ш а м б е "среда" (день недели), ӱ з е м "озимь" (лит.тат.ужым), ч е - б е ш "птенец", и р е н ч э к "ленивый" и др., а также упомя-

---

I) Являющейся той необходимой публикацией, отражающей основное содержание докторской диссертации Л.Заляя "Средний диалект татарского языка", защищенной им в I954 г. в Институте языкознания АН СССР и утвержденной ВАК'ом в I956 г.

нутые у к с е з "сирота", к и з л э у "родник, источник" и многие другие (ср.стр.II4-II5 ук.соч.)

В действительности же все перечисленные слова (и целый ряд неперечисленных) издавна, всегда были и до сегодняшнего дня являются литературными, в чем можно убедиться и по произведениям татарских писателей-классиков и по словарям, например, по Татарско-русскому словарю 1950 г., по Русско-татарскому словарю 1941 г.- и др.

С другой стороны, нередко к литературному языку отнесены типично мишарские диалектизмы наподобие к о ч ы к "собака" (нагорный диалектизм - к э ч э к "щенок"), ибо, например, на стр.53 Диалектологии Л.Заляя диалектальное (нагорное) слово э н ч е к объясняется мишарским диалектальным словом к о ч ы к "собака", тогда как литературно-татарское будет эт "собака", к которому автор приравнивает мишарское слово к о ч ы к , ставя рядом эти слова - не говоря уже о том, что и сам перевод диалектального (нагорного) э н ч е к будет не "собака", а - правильно-"сука", а по-татарски - а н а э т .

Сопоставляя изучаемые говоры со своеобразно понимаемыми литературными нормами, Л.Заляй постоянно приводит параллели из родного ему мишар-татарского, далеко не всегда уместные (например, на стр.29,44 и др.), пытаясь всюду и везде, независимо от фактов, установить влияние последнего, в чем ему помогает и отнесение целого ряда литературных и казанско-татарских слов и форм к якобы мишарским. Автор усматривает главенствующее мишарское влияние и на старый дореволюционный письменный язык -тюрки (стр. 4, I0), приводя в доказательство -на протяжении всей книжки -

отрывки из произведений двух своих земляков из ныне Ульяновских и Куйбышевских мишарей: М е у л а К о л ы й (XVII век) и, особенно, - односельчанина Л.Заляя - Габд - Эль - Хаббара Кандалый (1797-1860), который, по словам автора (стр.10) "сделал попытку поднять живой разговорный язык... до уровня книжного языка", а на стр. 74 говорится, что предложения в стихах Г.Кандалый построены по народному стилю. Не увязано только, что этот якобы "народный стиль" - в лучшем случае есть стиль мелекасских мишарей Ульяновской области, а не стиль казанских татар, что видно из примеров, приводимых в "Диалектологии" Л. Залля, которая в действительности является диалектографической работой, хотя и перегружена более уместными в учебнике по истории языка или хрестоматии по истории литературы стихами и прозой указанных двух писателей, которые малопонятны для современного читателя, не имеющего восточного образования, ввиду изобилия неупотребительных ныне старотюркских, арабских и персидских слов и форм, как например, р э к э п, с а х и б, и л э, б э г ъ з ы, к у л ы н д и н, к у й м а й и т.д. (стр. 25, 26, 74 и др.). Причину этой пропаганды стихов указанных двух поэтов раскрывает сам Л.Заляй, считающий, что в современном мишарском сохранилось много древних слов и что старописьменный язык тюрки будто бы базировался в основном на мишарском наречии (стр. 10), в доказательство чего приводятся одна грамматическая форма: б а р г ы м к е л и ("хочу итти") - у М.Колый (XVII в.) и шесть слов: у з г э "иной, другой", я м а н "дурной, плохой", я з ы к "грех, проступок", о ч с ы з "дешевый", у к с е э "сирота", и м г э к

"хлопоты, беда".[1]

Однако эти шесть слов все являются литературно-татарскими, что видно и из словарей татарского языка, существуют эти слова во многих немишарских говорах татарского языка, что отмечается даже в диалектологическом словарнике (под редакцией самого Л. Заляя), авторы которого фиксируют эти слова в говорах лишь постольку, поскольку относят их к диалектизмам и, наконец, все эти шесть слов имеются и в других тюркских языках. Сравни: уйгурск. озгэ, узбекск. ӱзга, казахск. озге "иной"; у й г. Яман, узб. ёмон, казахск., кара-калп. Жаман "плохой" и др.; казахск. ж а з ы к, каз.-тат., крымск., алтайск., телеутск., османск. и др. - ј а з ы к "грех, проступок"; крымск., чагатайск. у ч у з, карамск. у ч с у з. каз.-тат. о ч с о з // о ч о з "дешевый"; койбальск., качинск., тувинск., шорск., лебединск., сагайск., уйгурск. ӧ к с ӱ с, крымск.османск.: чагатайск ӧ к с ӱ з "сирота"; каз.-тат., барабаниск. и м г э к, крымск., османск., азербайдж. ӓ м ӓ к, команск., чагат., у й г., караимск. ӓ м г ӓ к "труд, хлопоты, мученье, беда"[2].

Что касается оборота а л г ы м к е л и "хочу брать", то он имеется и в башкирском: а л г ы м к и л э [3], причем фор-

---

1) Татарские переводы даю по словарю 1950 г.-У.Б.

2) Большинство примеров взяты мною из известного "Опыта словаря тюркских наречий" В.В.Радлова (СПБ,1893-1911), о существовании которого Л.Заляй и др. (как видно из примеров в "Диалектологии") и не подозревали.

3) Ср.Н.К.Дмитриев, Грамматика башкирского языка, М. 1948, стр. 177

ма а л г ы м возводится Н.К.Дмитриевым к уйгурско-чагатайским формам от глагольного имени на ы г или г ы (ук.соч.,171), тогда как мишарское к е л и "хочет" есть результат дальнейшего развития из татарской формы к и л э - в соответствии с известным Радловским законом о перебое гласных в поволжско-тюркских (и > (э)е; э > и).

Изложенное лишний раз показывает, что далеко не все то, что имеется в мишарско-татарском является исключительной принадлежностью этого мишарского, но, напротив, очень многое присуще также и другим родственным языкам и наречиям, диалектам, ввиду чего необоснованно считать язык тюрки, как и современный татарский литературный язык разновидностью мишар-татарского говора села Малекес Ульяновской области, откуда происходит сам Л.Заляй.

Таким образом, не только в области фонетики, но и в области лексикологии и лексикографии так называемые "материалы фонда ИЯЛИ", на которые ссылается Л.Заляй, как видим, приводят к столь удивительным в наш век результатам, что возникают серьезные сомнения в качестве этого "фонда ИЯЛИ" и его пользе не то, чтобы для фонетики (об этом уже говорить не приходится), но даже для изучения диалектальной лексики.

Эти сомнения возрастают, если учесть то обстоятельство, что значительная доля указанного "фонда ИЯЛИ" собрана такими, как Л.Заляй или Л.Махмутова представителями мишарского диалекта, которые за десятки лет практически не изучили литературного, казанско-татарского произношения и, кроме того,не имеют специальной подготовки для фонетических, а уже тем самым - и для диалек-

[illegible]

тологических исследований,[1] (о последнем говорит и проф. А. Зайончковский (см.ниже).

Достаточно сказать, что в своей речевой практике Л.Заляй, не говоря уже о его четко выраженном мишарском акценте, употребляет лексические и грамматические мишаризмы о чем, например, хорошо известно и в Татарском радиокомитете, в котором Л.Заляй, выступая однажды с лекцией по о р ф о э п и и заявил: б о р с е к е н к у р д е м , о ч е н ч е к е н б а р а ч а к м ы н , что на литературном языке означает: "послезавтра видел" и" позавчера пойду, причем подобные м и ш а р и з м ы нередко выдаются за литературные нормы Л.Заляем или Л.Махмутовой [2].

Сомнительное качество использованного "материала" фонда ИЯЛИ" (об этом и о его скромном количестве подробнее - ниже), так сказать, естественно дополняется обычными для Л.Заляя этимологиями слов, стоящими "на грани фантастики" (по выражению проф. А.Зайончковского), когда, например , Л.Заляй возводит аффикс кар||гар к слову к у л "рука" ("Диалектология,стр.90), сбли-

---

1) В медресе, где учился Л.Заляй, этому не обучали, а позднее в Казани ему тоже не у кого было выучиться, к тому же тут требуются и способности, но последние, однако, как известно, уменьшаются с возрастом; что же касается Л.Махмутовой, принадлежащей уже к следующему поколению, то отсутствие у нее специально-фонетической подготовки может быть легко проверено по ее анкетным данным -не говоря уже о том, что указанное отсутствие фонетической подготовки отражается в ее работах (см. ниже).

2) Последняя, например, относит мишарское слово а л ы н "перед" к литературному языку, слово б о р ы н "нос" переводит "место"(хотя следует "нос")и т.п.- подробнее- см.ниже.

жает слово о й р э т у "обучаю, учу" со словом у г и "не родной" (ук.соч.,стр.105) и так далее и тому подобное.

Член-корреспондент Польской Академии Наук, проф. А.Зайончковский, видимо, был прав, когда он, выступая на Первом координационном совещании по вопросам диалектологии тюркских языков в Баку в 1956 г. заявил по поводу доклада Л.Заляя, что в "В докладе" приведено несколько слов из Кодекса Куманского, но тут столько же ошибок, сколько и слов", что этимология слов Л.Заляя "стоит на грани фантастики", что писать как Л.Заляй можно было лишь 75 лет назад, когда не было еще известно критического издания Кодекса Куманского и что его "реферат показывает, насколько нужна большая языковедческая подготовка для диалектологических работ, ибо иначе могут воздвигаться положения, не всегда научно оправданные."[1]) Из этого же сборника, где помещено это выступление А.Зайончковского, видно, что его поддержал и представитель Института языкознания АН СССР - проф.Е.И.Убрятова, бывшая тогда зав.сектором тюркских языков этого института.

Результаты, достигнутые Л.Заляем в области фонетики и лексикографии татарских диалектов вполне подтверждают и оправдывают мнение проф. А.Зайончковского и других. Примеров сотни, но не располагая местом, приведем еще один - типичный и позволяющий ознакомиться и с,так сказать, научными приемами Л.Заляя и его последователей.

На стр. 33 упомянутой "Диалектологии" читаем: "Получается, что в общем для татарского языка свойственно произношение не

---

1) См."Вопросы диалектологии тюркских языков" Труды Института литературы и языка им. Низами, том,XII, Баку, 1958. стр. 134 и др.

через ж, а через й " Так сказать обоснованию этого парадоксальн ного вывода, побивающего все имевшиеся до сих пор в тюркологии представления, также, как и будто бы особой необходимости заменить ж через й в орфоррафии современного татарского языка посвящена весьма значительная часть этой небольшой книжки, причем такая замена намного приблизила бы литературный татарский язык, вернее его правописание, к йокающему мишарскому, например, - к говору села Мелекес Ульяновской области, откуда происходит сам Л,Заляй, ибо, как отмечал еще Г.Ахмаров (1903), особенно же - - основатель татарской диалектологии Джамал Валиди (1927), для мишарей характерно йоканье, для казанских татар -жоканье (или джоканье)[1], а что касается современного литературного татарского языка, то в этом вопросе он занимает в известной мере промежуточную позицию, т.к. допускает йот в начале гуттуральных слов, тогда как в палатальных словах большей частью имеем ж (см. любой школьный учебник или словари татарского языка -напр.от 1950).

Для доказательства указанного выше положения автор "Диалектологии" использует следующие приемы, являющиеся, так сказать, необходимыми аттрибутами "научного" метода Л.Заляя (и Л.Махмутовой).

Во-первых, известные в науке лингвистико-этнографические термины (с которыми точно совпадает и деление на казанских татар и мишарей, признаваемое самими татарами в повседневной практике) заменяются неопределенными географическими, так как назва-

---

1) Г.Ахмаров "О языке и народности мишарей", Казань,1903, стр.8. Автор по этому вопросу ссылается и на работу Казаринова "О мишарях Чистопольского уезда", стр.9. Работу Дж.Валиди см. в ВНОТ № 6, 1927, стр.54, Казань.

ния: мишарское, сибирское и казанско-татарское наречия (или диалекты) переименовываются Л.Заляем в "западный", "восточный" и "средний" диалекты (соответственно), после чего заявляется, что западный и восточный диалекты составляют "значительное большинство татар П о в о л ж ь я " (стр.33, разрядка моя - У.Б.), хотя от перемены названия с и б и р с к и е татары ("восточный диалект") отнюдь еще не переселились с берегов О б и на берега В о л г и , а Джамал Валиди даже вообще не включал сибирских татар в число татар (см.его цит.раб., стр.50-51 и др.). Поскольку же Л.Заляй включает в "средний диалект" помимо "казанского" также и "урало-уфимский" диалект Джамала Валиди, то согласно приводимым последним статистическим данным (более новых о диалектах не имеем) число мишарей составляет I миллион, а казанских татар-3,5 миллиона (по Л.Заляю -"средний диалект"). Число же сибирских татар, как известно, весьма незначительно, о чем можно судить еще по данным, приводимым В.В.Радловым в его "Фонетике" (во введении) согласно которым казанских татар во много раз больше, чем сибирских и нет оснований ожидать, чтобы эта пропорция изменилась, поскольку и теперь число всех татар в СССР около пяти миллионов - согласно последней переписи. Сам же Л.Заляй никаких цифровых данных не приводит. Следовательно, утверждая, что западный и восточный диалекты якобы "составляют значительное большинство татар Поволжья" Л.Заляй руководствовался тем, что йокающих диалекта два (сибирский и мишар-татарский), а жокающий - один (казан.-татарский), хотя, как известно, число говорящих на одном последнем в три раза превосходит число говорящих на двух первых вместе взятых. Такова арифметика и география по Л.Заляю.

Далее, хотя йоканье и является характерным для мишарей и сибирских татар, тем не менее эти диалекты отнюдь не являются всецело йокающими, ввиду чего не оправдывается и заявление Л.Заляя (стр.101), что в мишарском нет звука дж и что даже в арабских заимствованиях этот звук заменяется через йот, ибо на самом деле такая замена возможна лишь иногда. Даже в недостаточном диалектологическом словарике - под редакцией самого Л.Заляя - находим не менее семидесяти слов из разных мишарских говоров, имеющих звук дж (ж) и более, чем в сорока из этих слов - в абсолютном начале слова, например, жил "ветер", ж ы ю "собирать", ж и р "Земля", ж э й "лето", ж э ю "расстилать" и др., многие из них - даже в словах заднего ряда: ж ы л а н "Земля" (ср.лит. тат. йорф. елан ы л а н), ж ы р л а м а "не пой" (ср.лит.тат. йорф. ерлама ы р л а м а) и т.д. Сохранение ж (дж) в арабских и персидских заимствованиях, как правило, повсеместно: ж е н "Джин, черт", х у ц а "хозяин", ж о м а "пятница" и т.д. В сборнике "Материалы по татарской диалектологии" (Казань, 1962) сама Л.Махмутова отмечает звук ж (дж) во многих словах в общем йокающего по ее мнению говора пензенских мишарей (стр.128,129); Р. Шамгунова (там же, стр. 171, 176, 183 и т.д.) приводит примеры жоканья в тюркских и арабских словах у чистопольских мишарей, а Н.Бурганова (там же, стр. 97, 102-103) свидетельствует, что "в составе мишарского диалекта есть группы, говорящие с ж "и приводит примеры из говора л э м б р э (из мишарей Мордовии), в котором по ее наблюдениям, звук ж систематически выступает в начале тюркских слов: ж ы р "песня", ж и л "ветер" и др. И даже сам Л.Заляй приводит некоторые мишарские (без уточнения говора) слова, начинаю-

щиеся на ж: ж и г э м е н "запрягаешь" (цит.раб.,стр.29), а кроме того сам отмечает соответствие в ряде случаев мишарского з (z) лит. и каз.татарскому ж, например, к э з э "коза" (каз.и лит.тат. к э ж э).

Не является абсолютно йокающим и наречие сибирских татар, в котором, например, в заимствованных словах казанско и литературно-татарскому ж соответствует во многих случаях ч (č), то есть глухая пара ж (дж), как свидетельствует сам Л.Заляй (цит. раб.,101 и др.), Д.Г. Тумашева - в книге "Язык татар Западной Сибири ", Казань, 1961 (см.словарь и др.места книги) и другие авторы.

Далее. Заменив термин "казанско-татарский" диффузным выражением "средний диалект" и приравняв друг другу эти два неравных понятия ("Диалектология" 33), Л.Заляй включает в "средний диалект" такие по его собственному признанию (цит.раб.стр.35) промежуточные междиалектальные говоры, как, например, нукратский, малочисленный (1,5-2 десятка деревень), расположенный в стороне, в отрыве от остальных татар (в Пермской области -"под самым городом Кировом" - как он пишет в отзыве на мою диссертацию), причем сам Л.Заляй (Диалектология 2 стр.36 и др.) сводит все фонетические особенности нукратского говора к двум : 1) присущим только этому говору, 2) общим для этого говора и для мишар-татарского и тем не менее относит этот говор к "среднему диалекту", а не к мишарскому, хотя в области грамматики и др. особенности этого говора незначительны (потеря некоторых аффиксов и пр. -см.там же). В состав среднего диалекта включается также не только междиалектальный, но в известном отношении -межязыковый касимовский говор (в Рязанской области), каковое включение было бы невозможно при сохранении

старого четкого термина: "казанско-татарский", показывающего уже в названии, что это не касимовский, а казанский.

После всех этих необоснованных включений, опустив жокающий касмовский и т.п., избираются произвольно пять говоров (стр.33) из которых два - жокающие (заказанский и нагорный), олин -йокающий (нукратский), а в двух (мензелинский и парангинский) - по Л. Заляю - употребление звуков й, ж " в той или иной мере не установилось окончательно" и эти звуки якобы употребляются как равные - в парангинском, способны будто бы свободно замещать друг друга (стр.30,31), в мензелинском же - лишь "слабо выраженная тенденция к чередованию ж, й, использованию как равных" этих звуков (стр.33) - в общей по Л.Заляю - это какие-то, якобы промежуточные (по жоканью -йоканью) два говора. Отсюда автор делает вывод, что "жоканье не может считаться сплошным явлением для среднего диалекта" и что "в общем для татарского языка характерно произношение не через ж, а через й ".

Между тем, при подборе указанных пяти говоров не только произвольно опускаются некоторые жокающие, как например, касимовский но миллионные жокающие говоры получают, так сказать, такое же право голоса, как и междиалектальный нукратский, на котором говорят жители нескольких деревень на отшибе. Малочисленен и парангинский.

С лингвистической же стороны - Л.Заляй искажает факты языка.

Во-первых, мензелинский говор является жокающим, что давно известно, а Л.Заляй в подтверждение якобы замены ж - й в этом говоре не приводит ни одного факта, тогда как его примеры на стр. 44 свидетельствуют о жокании, например, ж ы л г ы р "бойкий"

(ср.лит.тат. j ы л г ы р, орф. е л г ы р) и др. В диалектологическом словарике (I-III вв.) находим примеры на жоканье в мензелинском не только в тюркских корнях, но и в заимствованиях: ж ы р ак "далекий", ж у л л ы к "дымоход", ж о м р о "шарообразный" и др. (ср.лит.тат. е р а к , ю л л ы к , й о м р ы) и даже ф а м и л ь ж э "фамилия" в а р и н ь ж э "варенье" и т.д. Л.Махмутова на основании тех же "материалов фонда ИЯЛИ заявляет (стр. 61 цитиров.сборника), что для мензелинского характерно начальное ж так же, как для касимовского, заказанского, нагорного говоров и приводит примеры. Она считает, что "лишь в речи н е к о т о р ы х носителей говора отмечается параллельное употребление звуков и // ж в словах й е п // ж е п (нитки), й ы р л а у // ж ы р л а у (петь), й у к // ж у к (не, нет), й а w л ы к // ж а w л ы к (платок). Слово й а х ш ы (хорошо) почти всеми... произносится через й " (Этот перечень по мнению автора исчерпывающий, так как нет выражения " и т.д. и т,п." и нет предшествующего выражения "например"). Все приведенные слова в литературном татарском языке произносятся через йот, - кроме слова й е п "нитки" (лит. тат. ж е п), ввиду чего не приходится говорить о йокании в этом говоре - сравнительно с литературным языком. Л.Махмутова не указывает того, в речи каких именно "некоторых" носителей говора в этих пяти словах возможно "параллельное употребление" звуков ж - й . В примечании же на стр. 60 ук.сборника она сообщает, что некоторые исследованные ими села имеют башкирский и тептярский и мишарский концы (например, в селе Аткуль), откуда можно сделать вывод, что в указанных пяти словах путаются между литературно-татарским и жокающим мензелинским говоррм не мензелинские татары ,

я

а представители мишарских или башкирских вкраплений в этом говоре. Однако представители йокающих мишарей - Л.Заляй и Л.Махмутова сочли эти более чем сомнительные пять примеров-в произношении неизвестно кого-достаточным основанием, чтобы утверждать о "параллельном употреблении" звуков ж - й в мензелинском говоре, который в действительности, как давно известно, является жокающим.

Не лучше обстоит дело и с парангинским говором, ибо из всего пяти приведенных Л.Заляем примеров три: ж у к - й у к "нет", д о н ь ж а - д о н ь я "мир", ж о л д ы з - й о л д ы з "звезда" (переводы мои - У.Б.) показывают тенденцию к жоканью, так как представляют собой колебания между жоканьем говора и йоканьем в литературном языке - в этих словах (ср.лит.тат. юк "нет", д о н ь я "мир", й о л д ы з "звезда",) что вполне объяснимо влиянием литературного языка. Речь, таким образом, может идти лишь о двух словах - в неизвестно чьем произношении и неизвестно каком селе, что, разумеется, не может служить никаким основанием для заключения об общей якобы взаимозаменимости звуков й -ж в парангинском говоре.

Более того, не ограниченное ни лексически, ни грамматически, ни территориально заявление о возможности свободного, безразличного "равного" (б э р а б э р) употребления этих звуков в парангинском и мензелинском говорах (Диалектология Л.Заляя, стр.30, 31,33) допускает производную замену этих звуков друг другом в л ю б о м слове, где эти звуки имеются, в результате чего мы можем получить такие, например, будто бы слова будто бы этих говоров: а ж у, а ж а з, к у ж у и т . п. бессмысленные сочетания звуков - вместо например, литературных татарских аю "медведь",

а я з "ясный", к у ю "класть" и т.п., а при обратной замене - й е н, б о й э к, и й а т, б а й а, у й ы м и т.п. серии ничего не означающих или означающих совсем другие слова звуков - вместо слов литературного языка: щ е н "Джин, чорт", б о щ ә к "насекомое, жучок", и щ а т "творчество", б а щ а "свояк", у щ ы м "озимь" и т.д.

Наконец, неверно, что в нукратском говоре "звук щ вообще не употребляется" и что, якобы " в эту группу казанских татар звук щ не вошел" (Диалектология Л.Заляя, стр.33). В доказательство на стр. 32-33 приведено Л.Заляем ч е т ы р е примера: й и р "Земля", й и д е "семь", й и т т е "достиг", м э р ъ й э м "бусы, коралл". Однако Н.Бурганова приводит пятнадцать примеров на жоканье в нукратском (цит.сборник, стр.28-29), в том числе м э р щ э м "бусы, коралл", щ а н "душа", щ и з н и "муж старшей сестры", э р щ э "сундук" и др., а в диалектологическом словарике (I-Ш) находим, помимо ряда упомянутых Н.Бургановой, также и такие слова, как например, к ы с ы р щ и р "Земля под паром" щ а н а г а "шурин", р э н щ у "обижаться" и даже щ е г э р "сила, мощь" (при литературном й е г э р) и т.д. Из четырех примеров Л.Заляя, иллюстрирующих будто-бы сплошное йоканье в нукратском, два опровергаются Н.Бургановой и диалектологическим словариком под редакцией самого Л.Заляя (щ и р, м э р щ э м). Причем как Л.Заляй, так и Н.Бурганова и диалектологический словарик - все опираются на "материалы фонда ИЯЛИ". Спрашивается, какой же части этих "материалов" следует доверять?

Как видно эти "материалы фонда ИЯЛИ путаны и противоречивы, а их обладатели сами "не владеют" даже собственными "материалами татарского языка" и не способны в них разобраться.

Остальные три аргумента Л.Заляя - в пользу й о т и против щ сводятся к следующим.

I) На стр. IOI Диалектологии читаем: "Если посмотреть на направление развития современного татарского языка, жизнеспособность звука й сильнее, чем щ и это так и должно быть, ибо фонема щ - это аффриката (составной согласный), свойственный очень немногим языкам". И это говорится несмотря на то, что Л.Заляй на стр. 32 -33 признает первичность й о т, вторичность происходящего из него щ, который теперь, оказывается, вновь должен перейти в й о т, т.к. "нежизнеспособен", что, так сказать, "доказывается" его будто бы редкостью в языках мира, хотя неясным остается то, какое значение имеет для татарской фонетики факт наличия или отсутствия дж (или ж), скажем, в папуасских, дравидских или германских языках. (уже не говорю о неправильном определении а ф ф р и к а т ы как " составного согласного").

2) Второй довод - тот, что в старописьменном языке т ю р к и и до Г. Тукая писали й о т вместо щ (стр.IOI) иными словами здесь Л.Заляй апеллирует к той самой арабской орфографии, которую он сам осудил как "далекое от народа письмо" (см.ниже); апеллирует против современного литературного языка, в котором после Октябрьской революции в большинстве случаев написание й о т были заменено написанием через щ (дж)- в порядке приближения правописания к живому разговорному языку подавляющего большинства татарского народа, в том числе - основной массы жителей Казани и ТАССР.

3) Третий довод - ссылка Л.Заляя на современную орфографию, которая, якобы " активизирует" й о т за счет щ , то есть идет

за арабской орфографией в татарском и за мелекесско-мишарским произношением Л.Заляя (не без помощи последнего, который принимал участие в составлении правил действующей орфографии), хотя, несмотря на старания Л.Заляя и его земляков, все же современное правописание не столько йокает, сколько джокает.

Наконец, изложив свои доводы, Л.Заляй заявляет, что необходимо всячески активизировать йот за счет дж (ср.стр.101 со стр.68-71, 74,81,112 и др. ук. сочинения Л,Заляя). Какими способами и приемами он "активизирует" и сколь мало имеют отношение к науке эти приемы - мы видели выше.

Отнюдь не претендуя на исчерпывающее изложение, можно добавить и некоторые другие факты, характеризующие метод и результаты, к которым приходят владельцы указанных "материалов фонда Ияли".

Так, Л.Заляй, например, приписывает казанско-татарскому мишар-татарский синтаксис (см.соответствующий раздел его Диалектологии"), а литературно-татарскому приписывает и предписывает - уже тем, что сам их употребляет - в качестве нормальных такие предложения, как например, " и н д е к и л е п к - г а в з а л а р ы н ... с о й л э у л э р е к а г ы й м ы л а р н ы ...а е р а " (в ук.соч.,стр.99), то есть примерно следующее: "и придя, их произношение... звуков к - г ... выделяет касимовских". (Кто придя? Так не разговаривают ни по-татарски, ни по-русски). И это далеко не единственный пример подобного рода - ЛВ.

В фонетике рецензенты не отличают увулярные согласные от заднеязычных (Л.Заляй - в "Диалектологии" - всюду; также Л.Махмутова - напр, в автореферате ее канд.диссертации "Говор касимовских татар",М.

1952. стр.5); глухие согласные не отличают от звонких (Л.Заляй, ук.соч., 32-33; 55 и др.), щелевые -от смычных (там же), переднеязычные - от заднеязычных (ук.соч., 99), губно-зубные-от губно-губных (ук.соч. - всюду) и т.д.; Л.Заляй, например, относит звук д(d) к сибилянтам (ук.соч.38-39) и т.п.

По-видимому достаточно.

*

О качестве и количестве указанных "материалов фонда ИЯЛИ" позволяют судить лишь два небольших отрывка объемом несколько страниц(по данным двух дикторов: один из мишарей и один из сибирских татар), помещенных в упомянутой "Диалектологии" Л.Заляя и немного больше приложено к цитированному сборнику "Материалы по татарской диалектологии" изданному однако, в 1962 г., то есть на два года позже представления мною диссертации (1960) и позже неудачной защиты (1962), а также позже публикации двух моих книг (1959,1961) и ряда статей (отражающих диссертацию),ввиду чего указанные "материалы" не могли быть использованы мною уже ввиду этих хронологических причин.

В остальном возможно судить об указанных "материалах фонда ИЯЛИ" лишь по тем необыкновенным результатам, к которым они приводят счастливых обладателей этими материалами (само существование которых в значительной части не доказано), а также по отдельным примерам, содержащимся в указанных выше двух работах, в диалектологическом словарике и еще в нескольких статьях Н.Бургано-

вой и Л. Махмутовой[1])

Поскольку все татарские тексты и примеры в указанных трудах, рассматриваемых некоторыми неязыковедами как некое достижение, основаны на орфографической (по примеру И.Гиганова - 1801г.) фиксации слуховых наблюдений, проводившихся лицами различной квалификации (в том числе -студентами, не имеющими специальной подготовки, но участвовавшими в экспедициях), причем указанный способ фиксации, как и метод получения фиксируемого материала уступает (судя по результатам) таковым в работах Н.Остроумова (1876) и ряда других тюркологов XIX века - не говоря уже о трудах В.В.Радлова, до сих пор во многом являющихся образцовыми (1882), а кроме того эти "материалы фонда ИЯЛИ" приводят своих обладателей зачастую к прямо противоположным выводам и таким как у Л. Заляя результатам, то отсюда следует, что указанные "материалы фонда ИЯЛИ" (в том числе -опубликованные) едва ли могут способствовать не то чтобы открытию нового в фонетике - об этом уже говорить не приходится -, но даже подтверждению известного.

Однако рецензенты, являющиеся в то же время сами собирателями, так сказать, авторами весьма значительной части "материалов фонда ИЯЛИ" в качестве непременного условия доброкачественности экспериментального, опытного исследования по фонетике ряда тюркских и некоторых финно-угорских языков, основанного исключительно на инструментальных данных, т.е. на показаниях физических приборов при записи произношения многих десятков дикторов по разным

---

1) Работы последней, впрочем, в весьма значительной (если не большей) части представляют собой переложение отдельных глав кандидатской диссертации -о касимовском говоре-, написанной ею в бытность в Ленинграде в 1952 г.

языкам выставляют требование " в л а д е н и я материалами татарского языка" рассмотренного выше фонда ИЯЛИ, основанного на слуховых наблюдениях (отзыв I, стр.8.4), причем сами владельцы указанных "материалов фонда ИЯЛИ", предъявляющие эти требования, пока что держат этот "материал ИЯЛИ",так сказать, у себя в кармане, ибо почти не публикуют - не потому ли, что его почти нет?

В связи с изложенным приходится пояснить ту элементарную истину науки, что независимо от, так сказать, достоинств "материалов фонда ИЯЛИ" (или иных слуховых наблюдений), бегло рассмотренных выше, слуховые наблюдения не могут служить критерием того, насколько правильно отражают фонетику языка инструментальные данные (т.е. полученные с помощью физических приборов), а напротив, степень правильности, достоверности слуховых наблюдений определяется, исходя из результатов инструментальных данных.

При этом владельцы материалов слуховых наблюдений обязаны сопоставлять и вносить поправки в свои слуховые наблюдения, если последние не согласуются с результатами инструментальных исследований, полученными теми, кто работает с помощью приборов, тогда как не является задачей экспериментатора заниматься проверкой ошибок тех или иных слуховых наблюдений № хотя бы уже потому, что в этом случае у него не останется времени для экспериментальных исследований. Никакие слуховые наблюдения - независимо от их качества - не могут ни на иоту изменить показаний приборов и выводов из инструментальных данных, а презумпция непогрешимости слуха рецензентов, исходя из которой они пытаются контролировать, оспаривают инструментальные данные, не имеет отношения к науке, как и их требование об учете практически недоступ -

ных бумажных "материалов" и архивных данных, каковые не могут быть объектом исследования для экспериментатора, для инструментальной фонетики, занимающейся изучением лишь живой, звуковой речи, а экспериментальный метод существенно отличается от метода а р х и в а р и у с а или историка. Более того, даже результаты других инструментальных исследований не могут изменить показаний приборов и выводов из них в том или ином конкретном данном исследовании.

Наконец, рецензенты, отвергающие (но не опровергающие) инструментальные данные и выводы из них, содержащиеся в настоящей диссертации -за их несоответствие слуховым наблюдениям рецензентов - видимо не случайно апеллируют к "неязыковедам" (отзыв П, стр.8), к "всякому, кто в какой-то мере[1] знаком с ...особенностями татарского языка"[1] (Отзыв I, стр.3), ибо рецензенты у м а л ч и в а ю т о том, что полученные мною инструментальные данные п о д т в е р ж д а ю т слуховые наблюдения В.В.Радлова, В.А.Богородицкого, Г.Шарафа и др. взгляды которых совпадают с моими выводами по фонетике татарского языка, оспариваемыми в упомянутых двух отзывах, и в то же время взгляды этих ученых расходятся со взглядами наших рецензентов - содержащимися в их отзывах.

Эти два отзыва рецензентов, исходящих из круга лингвистических познаний неязыковедов (и даже не казанских татар), а также и некоторые взгляды других, например, Б.А.Серебренникова, я вынужден специально рассмотреть ввиду (главным образом нелинг-

---

1) Подчеркнуто мною - У.Б.

вистической) поддержки, оказанной этим отзывом бывшим директором Института языкознания АН СССР и бывшим председателем экспертной комиссии ВАК МВО Б.А.Серебренниковым - вопреки его собственноручному безоговорочно положительному отзыву от 16.У.1860 -на ту же самую диссертацию, полный текст которого (т.е. отзыва Б.А. Серебренникова) приводится ниже.

"Отзыв о диссертации У.Ш.Байчура Звуковой строй татарского языка в связи с некоторыми другими тюркскими и финно-угорскими языками".

"Диссертация У.Ш.Байчура звуковой строй татарского языка в связи с некоторыми другими тюркскими и финно-угорскими языками", представляемая на соискание ученой степени доктора филологических наук, представляет действительно оригинальное и глубокое исследование звукового строя татарского языка. Работа основывается на большом количестве экспериментальных исследований, осуществленных автором. В ней подробно исследован вокализм и консонантизм татарского языка и его диалектов с различных точек зрения (длительность, редукция, выпадение, влияние соседних звуков и т.п.) Большое внимание уделяется в работе вопросу о характере ударения в татарском языке. Подробное исследование этого вопроса позволило автору вскрыть целый ряд новых закономерностей, не освещенных в работах его предшественников и дать классификацию тюркских языков, учитывая особенности ударения. Положительной особенностью представленной работы является исследование связей татарского языка с соседними финноугорскими языками, где автор устанавливает также целый ряд общих явлений и закономерностей, что представляет большой интерес не только для тюркологов, но и

финноугороведов. Привлечение данных родственных тюркских языков позволяет автору поставить некоторые новые проблемы в области фонетики тюркских языков.

Тщательность исследования материала, интересные наблюдения и выводы, содержащиеся в диссертации У.Ш.Байчура, актуальность затронутых в ней вопросов и другие ее положительные данные убеждают нас в том, что она может быть представлена на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Член-корр.АН СССР
Б.А.Серебренников"

I6/У-I960 г.

Поскольку, будучи председательствующим во время моей защиты 5.X.62 в Институте языкознания АН СССР, Б.А.Серебренников не допустил оглашения этого своего положительного отзыва на защите; не дал мне слова для ответа на рассматриваемые два отрицательных отзыва, зачитанные в самом начале защиты , которая шла семь часов и возможность для ответа на эти отзывы была мне предоставлена лишь в заключительном слове, то есть тогда, когда члены Ученого совета уже проголосовали и мои ответы не могли повлиять не результат голосования; вообще не дал мне слова для ответа по замечаниям в (положительном в целом) отзыве двух кандидатов наук из АПН РСФСР-на чувашскую и хакасскую части диссертации,-мотивируя тем, что этот отзыв официальный и обсуждению не подлежит (хотя замечания в этом отзыве, как показано ниже, основаны главным образом (если не целиком) на искажении фактов диссертации); наконец, в объяснительном письме в ВАК МВО (I963) Б.А.Серебренников представил два рассматриваемых отрицательных отзыва как "обстоятельные" и произведшие впечатление на членов Ученого совета, а

остальные около 25 отзывов (все безусловно положительные) определил в этом письме как "поверхностные", откуда следует, что по мнению самого Б.А.Серебренникова к " поверхностным" относится и его собственноручный отзыв, текст которого приведен выше, то в результате все изложенное позволяет сделать вывод, что Б.А.Серебренников, по-видимому, от этого своего отзыва отказался - в пользу рассматриваемых двух отрицательных отзывов, которые он счел наиболее заслуживающими внимания - из всех отзывов (как это явствует из его объяснительного письма в ВАК), однако по неизвестным причинам не пожелал довести до сведения присутствовавших на защите и вообще научной общественности об этом загадочном изменении своих научных взглядов.

Так как после четырех моих апелляций, поддержанных научной и иной общественностью, Президиум ВАК МВО "рекомендовал представить к повторной защите диссертацию после ее доработки"[I], не уточнив, в чем должна заключаться эта доработка, а единственным основанием для указанного решения о доработке диссертации являются два упомянутых отрицательных отзыва, ибо других отрицательных отзывов или выступлений на защите не было,- в следующих главах переходим к рассмотрению вопросов, поднятых рецензентами, причем, естественно, круг рассматриваемых проблем определяется в этом не мною, ибо я предпочел бы продолжать инструментальное исследование, начатое в первых трех томах диссертации, однако здесь (в настоящем томе) вынужден следовать в тематике - за авторами двух упомянутых отзывов, ориентирующихся, по их собственному признанию, на круг лингвистических познаний н е я з ы к о в е д о в .

I) Письмо ВАК МВО от I7.III.I964, № УС-I.

Р А З Д Е Л I.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТАТАРСКОГО ВОКАЛИЗМА (ВЫПАДЕНИЕ и др.) В СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ И МЕТОДОЛОГИЕЙ ИЗУЧЕНИЯ И ПИСЬМЕННОСТЬЮ

Г л а в а I. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА.

Указанные в заголовке раздела вопросы рассмотрены во введении и других частях диссертации в той мере, в какой это требуется инструментально-фонетическим методом исследования - и возвращаться к ним для рассмотрения по сути дела в неинструментально-фонетическом плане, а в плоскости слуховой фонетики приходится исключительно вследствие того, что этой теме посвящен почти целиком отзыв Л.Заляя и др. (отзыв I) и основная, главная часть отзыва Л.Махмутовой и др. (отзыв II), которые я вынужден рассматривать по изложенным выше причинам. Приходится возвращаться к этому рассмотрению несмотря на то, что л ю б ы е результаты слуховых наблюдений, любая история изучения и любая письменность не могут ни на и о т у изменить выводы диссертации, целиком основанные на инструментальных опытных данных.

§ I

Отзыв I, датированный 23 апреля 1962 г. подписан профессором-пенсионером Л.Заляем (Л.Залялетдиновым), окончившим медресе

(мусульманское духовное училище) и происходящим из села Мелексе Ульяновской области (т.е. он относится к мишар-татарам); просто пенсионером Ф.Газизовым, также окончившим медресе и происходящим из чистопольских мишарей, а также подписан ученицей Л.Заляя - кандидатом филологическим наук Н.Бургановой и согласно заголовку этот отзыв посвящен рассмотрению II части моей книги "Звуковой строй..." (Казань, 1961 г.) и имеет объем неполных десять страниц машинописи.

По своему содержанию этот отзыв полностью противоречит по ряду вопросов, в том числе - по всем, касающимся метода исследования - другому, ранее написанному целиком и безоговорочно положительному отзыву того же Заляя - от 27 декабря 1957 г. - на первую часть моей книги "Звуковой строй..." (Казань, 1959), представляющую собой основное содержание первого тома настоящей докторской диссертации, а кроме того противоречим многим другим положительным отзывам того же Л.Заляя - на ряд моих экспериментально-фонетических работ по исследованию татарского языка,[I] содержание которых вошло позднее как часть в состав докторской диссертации и м е т о д и м е т о д о л о г и ю исследования которых Л.Заляй считает (согласно указанным ранним отзывам) совершенно правильными (поскольку он не имеет возражений), в противоположность тому, что говорится о м е т о д е исследования диссертации - в данной последней отрицательной рецензии Л.Заляя и др. (от 23.IУ.62), посвященной II части книги "Звуковой строй...", отражающей содержание второго и

I Например, отзыв Л.Заляя от 5 апреля 1959 г. на мою статью (Нашечишы) в журнале "Советская Школа", Казань, 1959, № II (на татарском языке .Объем статьи I печ.л.)

третьего томов данной диссертации.

Ниже приводится полный текст положительного отзыва Л.Заляя от 27 декабря 1957 г. на I часть работы (один из оригиналов - одна страница машинописи - был представлен мною в ВАК МВО и должен находиться в деле в ВАК):

"Отзыв на работу У.Ш.Байчура "Звуковой строй татарского языка (инструментально-фонетический очерк) 8-9 печ.листов.

"В рассматриваемой работе дается анализ звукового состава татарского языка на основе рентгенографических, палатографических и частично спектрографических данных.

"Звуки татарского языка рассматриваются сравнительно с чувашскими и русскими звуками, а кроме того приводятся и некоторые диалектологические данные".

"Работа У.Ш.Байчуры, содержащая новые материалы, представляет вклад в татарское языкознание. Значение этой работы в следующем:

I. Дается научное освещение фонетического строя современного языка.

2. Работа имеет значение и для диалектологии.

3. Приводимые в работе материалы дают новую точку опоры для исследования исторической фонетики татарского языка.

Ввиду изложенного считаю необходимым опубликовать работу У.Ш.Байчуры в ближайшее время.

Доктор филологических наук Л.Заляй."
27.XII.57.

Поскольку, так сказать "методические"замечания Л.Заляя и др. в последнем его отзыве (от 23.IУ.62) на П часть книги по сути дела касаются почти исключительно вопроса о дикторах

и поскольку, с другой стороны, единственное различие между I и П частями книги "Звуковой строй..." в методологии и методе, в том числе - в вопросе о дикторах, заключается в к о л и ч е с т в е использованных дикторов по татарскому языку, ибо в I части книги использованы мною данные двух дикторов по татарскому языку (помимо дикторов по другим языкам), а во П части книги - до 40 дикторов - татар, происходящих из различных районов, то отсюда следует, что у в е л и ч е н и е м а с ш т а б о в исследования Л.Заляй рассматривает как у х у д ш е н и е м е т о д а , ибо в остальной методология и метод в обеих частях книги остаются идентичными. По логике Л.Заляя наиболее серьезны исследования Г.Шарафа, который ограничился изучением произношения всего лишь о д н о г о диктора - самого себя, ибо о нем Л.Заляй пишет: "очень серьезные исследования в широком масштабе проводились талантливым учеником проф. В.А.Богородицкого, крупным татарским языковедом - фонетистом Галимджаном Шарафом" (стр. 2 отзыва I), тогда как "книга У.Байчуры "Звуковой строй татарского языка", часть 2-я, не представляет особой научной и практической ценности" (отзыв I, стр. 9-10), хотя последняя основана на данных около 40 дикторов-татар. Едва ли можно согласиться с тем, что использование только одного диктора по одному лишь татарскому языку и притом для изучения несравненно более узкого круга вопросов, к тому же - при использовании более старой методологии и инструментальной базы только лишь Казани двадцатых годов будто бы придает исследованию большую широту и значение по сравнению с работой, основанной на данных всего около сорока дикторов по

татарскому языку, не считая десятков дикторов по многим другим языкам, использованным в диссертации, в которой рассматриваются вопросы, касающиеся до двадцати различных языков и наречий (или диалектов) - на основании инструментальных данных, полученных при использовании более новой современной методологии и инструментальной базы пятидесятых годов, притом - не только таковой Казани, но и лабораторий Ленинграда, Москвы и других городов.

По вопросу об оценке качества дикторов содержатся такие же противоречия в разных отзывах Л.Заляя на мои работы, как и в отношении количества дикторов, ибо заявляя без оговорок (на стр.7, 8 отзыва от 23.IУ.62, т.е. последнего), что дикторы подобраны мною будто бы принципиально неправильно, Л.Заляй, во-первых, отрицает пригодность и тех двух дикторов, на данных которых целиком основано инструментальное исследование татарской фонетики в I части книги "Звуковой строй...", на которую сам Л.Заляй дал безоговорочно положительный отзыв от 27.XII.57, ибо те же самые дикторы, наряду с другими использованы мною и во II части книги (авторы второго отзыва заявляют даже, что будто бы один из этих двух дикторов является основным и для II части книги, хотя это и не так, как увидим ниже). Таким образом Л.Заляй отрицает доброкачественность этих двух дикторов вопреки собственному прежнему положительному отзыву от 27.XII.57 г.

Во-вторых, мотивируя якобы неправильный подбор дикторов во II части книги тем, что будто бы <u>большинство</u> из них "являются "студентами-заочниками", "учителями средних школ", "владеющими литературным языком" (!) (отзыв от 23.IУ.62, стр. 7,8), Л.Заляй противоречит самому себе, ибо в другом своем отзыве -

от 1959 г. - на указанную мою статью, опубликованную в журнале "Советская Школа" (Казань, 1959, № II) - тот же Л.Заляй считает, что я "делаю новые открытия", "уточняя различия между гласными ударенных и безударных слогов" (по данным упомянутых выше двух дикторов), "что вопрос о длительности гласных в различных говорах и диалектах татарского языка представляет собой... совершенно новые данные (открытие)", которое по словам Л.Заляя делает автор рецензируемой им статьи (в этой статье), а между тем, последние данные в этой статье целиком основаны на результатах записи на приборы произношения тех же самых студентов-заочников (пять человек - из разных районов), которые, наряду с более чем 30 другими дикторами, использованы и во II части рецензируемой Л.Заляем книги, причем то, что эти 5 дикторов - заочники указано в этой моей статье (как и их имена и район происхождения и жительства) и не отрицается рецензентом; в книге же (часть II), эти данные "студентов-заочников", имена и место происхождения которых также указаны и здесь, занимают небольшое место - вопреки утверждению Заляя в последнем его (отрицательном) отзыве - от 23.IУ.62 г., ввиду чего даже само по себе заявление о том, что "большинство дикторов", использованных в диссертации, якобы "студенты-заочники" - не соответствует действительности и в лучшем случае проистекает из невнимательности Л.Заляя, который смешивает дикторов в указанной моей статье - с дикторами, использованными в диссертации, а это далеко не одно и то же (подробнее - см. обо всем этом в разделе о методе).

Аналогичные противоречия между предшествующими отзывами Л.Заляя - с одной стороны - и последним отзывом, под которым

фигурирует подпись того же Л.Заляя - с другой стороны наблюдаются и в области других вопросов, относимых Л.Заляем к методическим. Так, в последнем отзыве (стр. 7-8) утверждается, что якобы имела место "неправильная фиксация фонетических явлений," ибо запись на приборы производилась в городе (в Казани, Ленинграде и др.,куда приезжали дикторы), а не в сельском районе, не в деревне.[I] Между тем речь упомянутых выше двух дикторов-татар, на данных которых основывается инструментальное исследование вопросов татарской фонетики в I части "Звукового строя", а также речь упомянутых пяти дикторов студентов-заочников, на данные которых опираются мои диалектологические выводы в указанной статье - в журнале "Советская Школа" (называемые Л.Заляем "открытием") записывалась мною на приборы в городе, а не в районе, именно, первые два диктора записаны в Ленинграде, в ЛГУ, а частично - в Москве, в МГПИИЯ, тогда как произношение пяти студентов-заочников было записано в Казани, в экспериментально-фонетическом кабинете им.В.А.Богородицкого, причем м е с т о записи этих дикторов было указано и в I части книги "Звуковой строй" и в упомянутой статье. Поскольку же Л.Заляй дал безоговорочно положительные отзывы на I часть книги и указанную статью, не сделал никаких возражений, то отсюда следует, что он признает в этих отзывах вполне нормальным тот факт, что запись на приборы производилась не в деревне, а в городе, куда приезжали дикторы из деревни (как известно поход-

---

I Поясню: дикторы приезжали в город, где имелась лаборатория, а рецензенты в данном случае смешивают м е с т о записи на приборы со с п о с о б о м "фиксации фонетических явлений". Подробнее см. об этих вопросах ниже во втором разделе, посвященном рассмотрению вопросов метода.

ные лаборатории отсутствуют - по крайней мере практически - см. ниже).

Подобные противоречия в отзывах Л.Заляя, весьма неполно изложенные выше, лишают последний отрицательный его отзыв какой бы то ни было доказательности, аргументированности - в рассматриваемых вопросах (доказательности, впрочем, и нет в других вопросах, как показано ниже), и ставят под сомнение доброкачественность всего последнего отзыва.

x x
x

Эти сомнения переходят в уверенность при более детальном ознакомлении с последним "обстоятельным" (по выражению Б.А. Серебренникова) отзывом Л.Заляя (и др.) - от 23 апреля 1962 г.; ибо, вопреки названию ее, данная (отрицательная)рецензия не является по существу"отзывом на книгу У.Ш.Байчуры "Звуковой строй татарского языка", часть 2, Казань, 1961 год" (как утверждают рецензенты в заголовке отзыва), так как по своему содержанию представляет собой рецензию всего на 16 начальных страниц (7-10, 15, 36-40) указанной книги (имеющей объем 24,5 печ. листа = около 400 страниц) и почти целиком касается только татарского материала из одного небольшого (2,5 печ.л.) раздела о выпадении и протезе гласных, причем о с н о в н а я (по содержанию и по объему) часть этого отзыва Л.Заляя и других (также как и основная часто второго отрицательного отзыва кандидатов наук Л.Махмутовой и Х.Курбатова) посвящена по сути дела лишь оспариванию о д н о г о п о д с т р о ч н о г о п р и м е ч а н и я в автореферате (стр. 18) и соответствующего абзаца

и примечания на стр. 36 указанной книги, а в остальном-приведению будто бы лингвистических, так сказать, доказательств якобы подтверждающих возражения рецензентов - против указанного примечания.

Это мое примечание касается орфографии и поэтому не имеет отношения к теме диссертации, хотя оно целиком основано на инструментальном исследовании произношения десятков дикторов-татар, а также многих дикторов по родственным тюркским языкам. Ниже приводится полный текст этого моего примечания, являющегося одним из попутных выводов из инструментального исследования:

"Обозначение этих практически, а иногда абсолютно не существенных в речи узких и смешанных гласных особыми буквами в орфографиях некоторых тюркских языков едва ли может быть признано целесообразным с научной, а также и практической (при обучении) точки зрения. Не приходится уже говорить о том, какую пользу получило бы государство в области экономии металла, бумаги и времени при условии внедрения этого предложения".

Рецензенты усматривают здесь "попытку" "повернуть назад к уже пройденному и осужденному в свое время общественностью этапу" (стр. 9 рец.), то-есть к принципам "арабского письма" (стр. 9), в котором по их мнению "из всей системы вокализма обозначились на письме всего три знака" (стр. 8 рец.).

Ниже будет показано и доказано, что все эти заявления рецензентов не соответствуют действительности, но сейчас важно отметить другое, именно, - саму п о с т а н о в к у в о п р о с а .

Из постановки вопроса рецензентами вытекает, что независимо

от научных фактов, любое совпадение результатов, любое исследования татарской фонетики - с тем или иным арабским написанием отдельных татарских слов (каковое написание даже не исследуется в диссертации, не входит в тему ее) должно якобы рассматриваться как осуждение.Такова постановка вопроса в этом "обстоятельном" - по выражению Б.А.Серебренникова - отзыве - в отличие от остальных якобы "поверхностных" отзывов.

Однако, не говоря уже о ненаучности подобного требования авторов рассматриваемого отзыва, сводящегося по сути к тому, чтобы экспериментатор исходил в своих выводах из некоего антитезиса, так сказать негатива практики арабского письма в татарском, - независимо от результатов инструментальных данных - такое требование невыполнимо на практике уже потому, что правописание на арабской графике в татарском не имело устойчивых правил, по крайней мере - в отношении исконно-тюркского словаря, ввиду чего одно и то же слово могло писаться по-разному в разные периоды и у разных авторов: с пропуском гласного и без пропуска такового и это относится едва ли не ко всей истории арабского письма в татарском. Так, еще в памятниках XШ-XIУ вв. возможно было написание килган "сделавший", у Ш.Марджани (XIX в.) читаем клуб "делая", у Г.Ибрагимова (XX век) килинган "сделанный" и т.д.

Что же касается другого, так сказать, научного аргумента рецензентов - ссылки на мнение общественности, то, во-первых, ссылаясь на осуждение "общественностью" вообще (ибо не уточняется в отзыве то, о какой именно общественности они ведут речь: научной или ненаучной), рецензенты апеллируют к неязыковедам,

ибо даже в с я научная (а не только лингвистическая) общественность составляет лишь небольшую часть в с е й общественности, о которой ведут речь рецензенты, не уточняющие даже того, общественность какой нации они имеют в виду в отзыве, вследствие чего на основании формулировки рецензентов к этой неопределенной общественности могут быть отнесены и американские фермеры и украинские колхозники, не являющиеся специалистами ни по инструментальной фонетике, ни знатоками татарского языка и арабской письменности.

Во-вторых, в отзыве не приведено ни единого аргумента, ни единого научного (или иного) доказательства этой в большинстве нелингвистической "общественности", на которую, так сказать, в целом ссылаются рецензенты.

Между тем, по вопросу о правописании - с пропуском или без пропуска - кратких выпадающих гласных татарская "общественность" не менее шести раз принимала взаимоисключающие решения (два раза на арабском, два на латинском и два на русском шрифте), а в год написания рецензии находился в ТАТ ОК КПСС на утверждении седьмой проект татарской орфографии, причем некоторые из рецензентов сами участвовали в его составлении (и это не считая более мелких поправок к татарской орфографии, вносившихся в разное время).

Очевидно именно такие постоянные смены орфографий в татарском языке имеют в виду рецензенты, пишущие в отзыве, что в этой области в "30-х г.г." было много споров, обсуждений и экспериментов" (стр. 8-9 отзыва I), однако не раскрывают причин этих споров.

А причины этих споров и изменений орфографии заключаются,

как иззвестно, в отсутствии (как правило) научной аргументации,[I] а с другой стороны - во влиянии представителей различных диалектов (казан-татарского или же мишар-татарского), в которых, как устанавливается в диссертации, выпадение гласных не является одинаковым и таким образом оправдывается предположение В.А. Богородицкого - о возможности неодинакового выпадения и редукции гласных в различных тюркских языках и диалектах.

В-третьих, н а у ч н а я, лингвистическая общественность как самой Казани, так и СССР (из десяти республик и из центра) и даже зарубежная - полностью одобряет и безоговорочно поддерживает выводы в диссертации, основанные на инструментальных данных и это одобрение подтверждается примерно тридцатью научно аргументированными отзывами и в том числе - из всех основных учреждений г.Казани, имеющих отношение к исследованию татарского языка.

Из Казани получены следующие отзывы:

I) Протокол заседания кафедры татарского языка Казанского университета от I7 февраля I96I г., согласно которому кафедра признает большую научную и практическую ценность диссертации и безоговорочно рекомендует ее к защите, причем авторы рассматриваемых отрицательных отзывов были приглашены на это заседание, но не пожелали присутствовать и высказаться;

2) Аналогичный отзыв сектора лексикографии Инсвитута языка, литературы, истории бывшего Казанского филиала АН СССР, принятый на заседании сектора 26 апреля I962 г., на котором авторы

I Научной аргументацией пользовался Г.Шараф, однако его так сказать "опровергнули" тем "аргументом", что арестовали и сослали в I937 г. (реабилитирован после XX съезда КПСС).

отрицательных отзывов также не присутствовали, хотя кабинеты были расположены в одном коридоре.

3) Протокол заседания Редационно-издательского совета бывш.Казанского филиала АН СССР - от 26 октября 1960 г., касающийся второй части книги "Звуковой строй...", согласно которому "члены РИСо единодушно отметили большое научное значение рукописи У.Ш.Байчура и ... постановили рекомендовать в печати", причем рецензенты, работая в том же учреждении, не могли не знать об этом решении, ибо в составе РИСо были и представители института, а директор ИЯЛИ, как известно, являлся постоянным членом РИСо, не говоря уже о том, что книга "Звуковой строй..." части II издана под грифом ИЯЛИ КФАИ.

4) С кафедры татарского языка и литературы Казанского Пединститута также был получен положительный отзыв от 18 апреля 1962 г. - за подписью зав.кафедрой доц.А.Сайганова и доц. Л.Яфарова.

5) Наконец, ряд положительных отзывов в областной Казанской печати, например, бывшего доцента Казанского Пединститута (пенсионера) С.Муртазина (см.газету "Советская Татария" № 128 от 31 мая 1960 г.)

Что же касается руководства сектора языка ИЯЛИ КФАИ, то до 1962 г. оно или давало положительные отзывы (например,-Л. Заляй) или вообще не давало никаких отзывов (Л.Махмутова) на мои работы. При этом я неоднократно просил обсудить диссертацию на Ученом совете ИЯЛИ КФАИ, однако в 1961 г.- в ответ на предложение дирекции, Л.Заляй на заседании Ученого совета ИЯЛИ 19.1.61 публично отказался рецензировать, сославшись на свою некомпетентность в инструментальной фонетике и назначенное обсуждение не состоялось.

Диссертация, частично написанная мною, когда я работал еще в Казанском университете, получила в 1961 г. научную рекомендацию к защите от последнего учреждения. А осенью 1962 г., когда диссертация была уже давно принята к защите в Институте языкознания АН СССР, был издан автореферат и несколько раз назначался и откладывался день защиты - только тогда кандидат наук Л.Махмутова (и.о.зав.сектором языка ИЯЛИ) стала добиваться возвращения докторской диссертации из Москвы - в ИЯЛИ КФАН - с тем, чтобы обсудить ее на ее секторе (где не было ни одного доктора к тому времени). Ту самую диссертацию, которую не ставили на обсуждение в течение почти двух лет и которая была поэтому обсуждена в КГУ, а в ИЯЛИ - только в секторе лексикографии и на РИСо КФАН - отзывы положительные.

Несмотря на изложенное, авторы двух отрицательных отзывов, необоснованно присвоили себе право выступать от имени исследователей татарского языка вообще и претендуют быть единственными представителями слухового метода в татарском языкознании.

В отзыве И (кандидатов наук Л.Махмутовой и Х.Курбатова) это высказано прямо и без обиняков, ибо на стр.7 отзыва они без оговорок заявляют, что выступают, исходя из "точки зрения исследователей татарского литературного языка и его диалектов". Поскольку здесь отсутствуют какие либо оговорки, отсюда следует, что якобы в с е татароведы придерживаются тех же взглядов, что и рецензенты.

В отзыве же Л.Заляя и др. (№ I) рецензенты даже выступают, так сказать, от имени "всякого, кто в какой-то мере знаком с литературными нормами и диалектными особенностями татарского языка" (стр.3 рец.).

Отвергая результаты инструментальных данных, как противоречащие будто бы слуховым наблюдениям вообще, рецензенты нигде не указывают, что речь может итти только о наблюдениях самих рецензентов, ибо, как указано, полученные мною инструментальные данные п о д т в е р ж д а ю т слуховые наблюдения целого ряда ученых и в том числе акад.В.В.Радлова, проф.В.Д.Богородицкого, его ассистента М.И.Берг, его аспиранта Г.Шарафа, проф.Башкирского университета Дж.Киекбаева и других, выводы которых р а с х о д я т с я с мнением рецензентов -по оспариваемым последними вопросам татарской фонетики (подробно об этом см. ниже во II главе).

Есть слух и слух. Слух наших рецензентов, как видим, серьезно уступает слуху перечисленных выше ученых, наблюдения которых подтверждаются инструментальными данными диссертации, но мало этого, в своей рецензии авторы ее игнорируют даже собственные прежние слуховые наблюдения, по крайней мере частично совпадающие с моими выводами (см. главу II).

Наконец, претендуя на роль единственных представителей татарского языкознания, рецензенты игнорируют и указанные выше полностью, безоговорочно положительные отзывы на диссертацию (и отражающие ее книги), данные научной татарской общественностью.

§ 2

Видимо не случайно в отзыве I (напр., в его заголовке) рецензенты не указывают полного названия книги (и одноименной диссертации), которой посвящен их отзыв, ибо пишут рецензию на "Звуковой строй татарского языка " (стр. I рец. I), тогда как книга (и диссертация) называется "Звуковой строй татарского языка в связи с некоторыми другими тюркскими и финноугорскими языками" (см. титульный лист книги и автореферат) и содержит

инструментальные данные, полученные диссертантом, и выводы из них автора диссертации, относящиеся примерно к двадцати другим языкам и наречиям, а не только к татарскому. Этот нетатарский материал, составляющий половину работы, имеет, как правильно указали официальный оппонент Э.В.Севортян и другие, вполне самостоятельное значение - независимо от татарского. Так, например, на стр. 2 отзыва Э.В.Севортян читаем: "Очевидно, что методика автора полезна и оправдана. Она полезна вдвойне, так как приведенные им данные из ряда других тюркских языков имеют весьма существенное и самостоятельное значение для этих языков". Аналогичное содержится в отзыве официального оппонента академика П.Аристэ - в отношении финноугорского материала диссертации и книги (отзыв, стр. I, 6 и др.), аналогичное находим в отзыве официального оппонента -тюрколога - члена-корресп. АН СССР А.К.Боровкова.

А в отзыве Л.Заляя и др. читаем: "В качестве сравнительного материала У.Байчура привлекает выводы других авторов по родственным языкам, а также по соседним финно-угорским языкам". Отсюда следует, что инструментальные данные по ряду тюркских и финно-угорских языков, как и выводы из последних, содержащиеся в книге и диссертации, будто бы принадлежат не диссертанту, а другим ученым, имена которых однако не указаны в отзыве.

Следует сказать, что рецензенты вправе ограничить свой отзыв рассмотрением даже небольшой части (книги) (или диссертации), содержащей к тому же материал только по татарскому языку - как они и делают, оговариваясь на стр. 2 отзыва: "наши суждения и замечания будут относиться только к материалам татарского языка".

Однако никто не дал права рецензентам произвольно искажать название и содержание рецензируемой книги (и диссертации) и незаконно суживать последнее до тематики их собственной рецензии, насильственно подгоняя факты до круга своих собственных научных интересов(и своей научной осведомленности) и вопреки фактам утверждать, что якобы "книга посвящена инструментальному изучению фонетических явлений татарского языка (и название книги на это указывает)". Название книги в действительности указывает не только на татарский, но и на тюркские и финно-угорские языки и в любой рецензии о б я з а т е л ь н о указание на действительное содержание работы и приведение полного названия рецензируемой книги согласно титульному листу, до которого, как видно, рецензенты или не добрались вообще, ограничив свое знакомство с рецензируемой книгой лишь обозрением ее обложки, или сознательно игнорировали полное название работы, хотя в диссертации и в автореферате, которого не могли не знать рецензенты, указание на другие тюркские и финно-угорские языки содержится и на обложке, а не только на титульном листе.

И никто не дал права рецензентам распространять на всю II часть книги свои выводы, касающиеся только небольшой части этой книги, как это они делают с помощью умолчания (несмотря на указанную их оговорку) на стр. 9-10 отзыва, утверждая, что "книга У.Байчуры "Звуковой строй татарского языка", часть 2-я не представляет особой научной и практической ценности" (т.е. выходит, что в с я книга в целом) - несмотря на то, что во всей рецензии рассматриваются лишь несколько страниц из небольшого начального раздела книги (2,5 печ.листов), посвященного выпадению и протезе гласных, причем и из этого раздела рассматриваются в отзыве толь-

ко некоторые данные и только из числа относящихся к татарскому языку, тогда как вся диссертация составляет 38 печ.л., II часть книги "Звуковой строй" - 24,5 печ.л.

Хотя рецензенты и не решаются прямо утверждать, что содержащиеся в моей диссертации и книгах экспериментальные данные и выводы примерно по двадцати различным тюркским и финно-угорским языкам и наречиям будто бы принадлежат не мне, а каким то другим авторам, тем не менее голословное заявление рецензентов о якобы использовании мною "выводов других авторов по родственным языкам, а также по соседним финно-угорским языкам" (не только соседним - 13) создает у лиц, не знакомых с работой, неправильное впечатление об авторской принадлежности указанных материалов и выводов, ибо эти выводы и экспериментальные данные принадлежат мне, а не анонимным "другим авторам", что подтверждают и официальные оппоненты и специалисты по указанным "родственным" и "соседним финно-угорским языкам" - в своих отзывах. Рецензенты, таким образом, претендуют на то, чтобы лучше знать историю вопроса по тюркским и финно-угорским языкам по сравнению со специалистами по этим языкам, однако не подкрепляют фактами эти свои необоснованные утверждения; ф а к т о в у наших рецензентов нет здесь и в помине: одни лишь голословные утверждения и неясные н а м е к и. Рецензенты не называют ни одного имени, ни одного автора, которому они приписывают мои труды.

Аналогичный характер носит и голословное утверждение (стр. I отзыва) о том, что якобы книга "Звуковой строй..." ч.II (24,5 п.л.) будто бы представлена в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук", ибо в действительности я представлял и защищал машинописную диссерта-

цию в трех томах, основное содержание которой опубликовано не в одной, а в д в у х книгах, а также в ряде статей, изданных в Москве, Советских республиках и за границей (объем статей - около I2 печ.л., первой части книги - I2 печ.л.).

Противоречит фактам и утверждение (на стр. I отзыва) о том, что якобы первая часть книги "Звуковой строй... " (Казань, I959) будто бы является моей кандидатской диссертацией (защищена в I954 г.).

В действительности моя кандидатская диссертация "Гласные литературного татарского языка в свете экспериментальных данных" (М.-Л. I953, десять печ.л.), основанная на данных двух дикторов - татар, посвящена лишь исследованию вокализма в говоре татар Казани. Этот материал в полностью переработанном виде занял всего около двух с половиной печатных листов в I части книги "Звуковой строй..." (Казань, I959, объем I2 печ.л.), а именно, в основном страницы 24-62, а кроме того - часть приложений, т.е. в целом около одной четверти всего объема лишь I части книги "Звуковой строй татарского языка..."Казань, I959, о которой идет речь. Помимо татарского вокализма в I части книги рассматривается также татарский консонантизм, а кроме того - полученные мною инструментальные данные о вокализме еще пяти других тюркских языков (по вопросам до сих пор неисследованным), что в общей сложности составляет по объему около трех четвертей I части книги "Звуковой строй..." и полностью отсутствует в моей кандидатской диссертации.

x

Рецензенты не только приписывают мои выводы и данные каким то "другим исследователям", имена которых не указываются в отзыве, но также и сами они под видом критики - используют без указания

автора мои выводы и наблюдения, выдавая их за свои мысли.

Так, в отзыве Л.Заляя и др. (от 1962 г.) на стр. 9 читаем: "Глубокое изучение двух крупных диалектов (мишарского и казанско-татарского), сыгравших решающую роль в формировании и развитии татарского национального языка, методами экспериментальной фонетики дало бы очень ценные данные для истории языка и народа". А вот что находим в моей статье "К истории изучения фонетики "Казанско-татарского языка" (в сборнике "Памяти В.А. Богородицкого", Казань, 1961 , стр. 387):

"В области изучения звуковой системы татарского языка, таким образом, перед лингвистами встает задача, наряду с дальнейшим расширением сферы диалектологических изысканий, обратить внимание также и на углубление фонетических исследований путем применения новейших инструментальных методов. Результаты подобного исследования имели бы важное значение для изучения истории языка и народа". Как видим, совпадение не только по содержанию, но и буквальное - в значительной части.

О других многочисленных случаях, когда мои выводы и наблюдения рецензенты выдают за свои собственные, будет сказано ниже в соответствующих местах.

§ 3

Известно, что артикуляция каждого звука речи, так сказать, складывается из артикуляций различных органов речи: языка, мягкого неба, губ, голосовых связок и т.д., которые все занимают вполне определенную позицию при произношении того или иного конкретного звука речи. С другой стороны, как показывают физи-

ческие исследования, каждый звук речи может быть разложен на ряд определенной частоты колебаний среды. Инструментальные исследования показывают, что между наличием звука и его отсутствием существует целая серия переходных состояний, когда сохраняются одни артикуляции и акустические свойства звуков речи и исчезают другие. Пожалуй, наиболее часто, так сказать, выпадает артикуляция голосовых связок, которые перестают вибрировать, тогда как положение языка и других органов речи, характерное для данного гласного, может в той или иной мере сохраняться, иначе говоря гласный оглушается, но в остальном он может даже артикулироваться, хотя в таких случаях другие артикуляции органов речи обычно редуцируются, сохраняются и в качественном и в количественном отношении - если даже оставить в стороне шепотное произношение, которым мы не занимались специально.

Указанное явление в татарском и других рассматриваемых в диссертации языках наиболее часто регистрировалось приборами в позиции между глухими смычными и в абсолютном начале - перед глухим смычным, иногда же - и в абсолютном исходе - после глухого согласного, причем оглушение конечной части гласного в исходе было, как правило, систематично по многим языкам, а в некоторых -даже в относительно открытом слоге-перед последующим глухим согласным, тогда как более полное выпадение гласных отмечалось преимущественно в позиции между смычными сонантами, как указано в диссертации.[I]

Ввиду того, что наличие голоса является одним из наиболее общих (хотя и далеко не абсолютно обязательных) признаков гласных, случаи о г л у ш е н и я последних(сопровождаемые и зна-

---

I См."Звуковой строй...",часть П, Казань , 1961, стр.11-13 и др.

чительной редукцией других артикуляций) также, как и случаи полного выпадения гласных, относились нами у с л о в н о к выпадению гласных - по признаку отсутствия голоса - как при полном выпадении, так и при оглушении (сопровождаемом редукцией), причем все это у к а з а н о на стр. 7, II, I3 и других "Звукового строя..." ч.П (Казань, 1961 г.) и на соответствующих страницах диссертации. Более того, в этих работах всюду идет речь о "выпадении (или оглушении)" - стр. 7 "Звукового строя" ч.П - , о "выпадении (вернее оглушении)" - там же, стр.23- , о "полном оглушении ("выпадении")" - там же, стр. I7- и т.д., то есть я оперирую понятием "оглушение - выпадение" (а не просто "оглушение", что приписывается мне рецензентами), иначе говоря, в понятие "выпадение гласных" условно включаются и случаи полного отсутствия голоса, хотя бы гласный по остальным своим артикуляциям (положению языка, губ и пр.) не всегда исчезал полностью, а лишь сокращался, редуцировался.

При этом в диссертации учитывается два вида редукции: качественная - когда положение органов речи в той или иной мере приближается к абсолютному индифферентному укладу органов произношения (к положению покоя) и квантитативную (количественную) редукцию, то есть сокращение длительности артикуляции. При этом по вопросу о выпадении нам, естественно, приходится иметь дело - по крайней мере в основном - в первую очередь с квантитативной, количественной редукцией артикуляции гласных.

Рецензенты же смешивают качественную редукцию с количественной, ибо при рассмотрении выпадения гласных в качестве якобы недостатка исследования отмечают, что диссертант "не учитывает и другого фонетического явления, характерного для татарских

диалектов", а именно переход *ө > е* (и т.п.), то есть - "чередование губных гласных с негубными гласными" - в татарских диалектах -, хотя это общеизвестное качественное чередование не имеет отношения к инструментальному исследованию длительности, выпадения гласных, чему посвящен рассматриваемый раздел диссертации и книги. Это общеизвестное чередование *ө//е* (в татарских диалектах) отражено в примерах во всей диссертации и книгах ее отражающих, а специальное рассмотрение общеизвестных явлений уместно лишь в учебниках, с каковыми, видимо, смешивают рецензенты докторскую диссертацию.

В соответствии с вышеизложенным я подразделяю в диссертации I) "абсолютное выпадение"- такое, когда наличие звонкого гласного не может быть зафиксировано экспериментально-фонетическими приборами и 2) "относительное выпадение" - такое, когда сонорная длительность гласного настолько мала, что не улавливается ухом (стр. II "Звук.строя", ч.П), а именно, не превосходит 3-х сигм, в то время, как возможен протетический гласный б о л ь ш е й длительности (до 5 и более сигм), тем не менее н е у л а в л и в а е м ы й ухом среднего носителя языка (см. стр. II, I3 и 4I-46 книги "Звуковой строй" часть П и соответствующие страницы диссертации). Таким образом, на стр. 7-I0 "Звук.строя..." в перечень случаев "выпадения (или оглушения)"- стр. 7 - гласных в татарском включены I) случаи абсолютного, полного "выпадения или оглушения"; 2) относительного "выпадения или оглушения"; 3) случаи истинного, полного выпадения, то есть, выражаясь в точных терминах инструментальной фонетики, в этот перечень (стр. 7-I0) включены все случаи, когда сонорная длительность гласного не превосходит трех сигм, причем это ука-

зано на стр. 7-10 и др. "Звукового строя" часть II.

Рецензенты же, критикуя мои выводы на указанных страницах 7-10 и др. "Звукового строя" - с позиций слуховой фонетики, ведут речь исключительно о "выпадении" и не дают своего определения тому, что они понимают под термином "выпадение". Авторы отзыва не обращают никакого внимания на то, что 1) нет непроходимых граней между редукцией и выпадением и 2) что применение в фонетике физических приборов, позволяющих во много раз точнее и глубже изучить звуки речи, неизбежно вызвало к жизни и новые понятия, соответствующие новому уровню техники исследования и науки вообще, которые уже не могут обходиться с тем относительно ограниченным арсеналом понятий и терминов, которые, быть может и были достаточными для слуховой фонетики, результатом которой являются, однако в ряде случаев малопригодны в области инструментальной фонетики.[1]

Авторы отзывов приравнивают точные понятия и термины инструментальной фонетики, определяемые в диссертации зачастую с помощью цифровых величин (например - "выпадение-оглушение") - к гораздо менее определенным понятиям слуховой фонетики, которым рецензенты вообще не дают никакого определения (например - "выпадению"), в результате какового приравнения в отзыве искажаются содержание и выводы рецензируемой книги.

---

[1] Однако в следующей II главе и других мне придется больше пользоваться терминологией слуховой фонетики, к чему вынуждает тематика, избранная не мною, а по сути дела предписанная сверху.

Содержащееся в отзыве п р и р а в н е н и е друг к другу н е р а в н ы х понятий и терминов не является случайным уже по той причине, что как известно, не только оглушение гласных, но даже оглушение согласных малодоступно слуховому наблюдению, причем об этом со ссылкой на литературу, упоминалось и на стр. 9 "Звукового строя" часть I (Казань, 1959); некоторые ограниченные выводы по этому вопросу можно сделать на основании слуховых наблюдений только при наличии специальной серьезной фонетической подготовки и это подтверждается опубликованными работами самих рецензентов в том числе, Л.Заляя, который, например, в своей "Татарской диалектологии" смешивает глухие согласные со звонкими (стр.32-33,55), а также щелевые -со смычными (там же), переднеязычные с заднеязычными и даже увулярными и ларингальными (там же, стр.99), относит к сибилянтам переднеязычный смычный звонкий д(d) (38-39) и в общем не различает такие пары звуков как ɕ - č ; ʑ - ǧ ; k - q ; ɣ - G ; G - g ; γ - g ; φ - f ; w - v и т.д. и т.п., на что частично указывалось мною еще в I части "Звукового строя"... стр.112, 117 и др., причем факты подобного смешения встречаются, как указано мною выше и в работах Л.Махмутовой, а также у других - из числа наших рецензентов -поскольку, поскольку последние вообще в какой-то мере касались фонетических вопросов в своих работах, а надо знать, что по крайней мере некоторые из рецензентов не занимаются вообще ни фонетикой, ни диалектологией, например, пенсионер Р.Газизов, работавший в области лексикографии и сопоставительной грамматики татарского с русским языком.

Об этом же свидетельствует и тот типичный для данных двух отзывов факт, что бездоказательные "мнения", голословные высказы-

вания приравниваются рецензентами к инструментальным данным и выводам из них, как, например, на стр.I5 отзыва П, где говорится, что в слове икмэк "хлеб"[I] " << и >> по мнению автора оглушается "...

В действительности же дело тут заключается вовсе не в том или ином "мнении", а в показаниях приборов, именно в том, что как указано, например, на стр.I3 рецензируемой в отзывах книги "Звуковой строй..." часть П,- в определенных позициях "даже тогда, когда сонорная длительность гласного равна нулю, рефлексы гласных остаются. Эти гласные артикулируются и мы, по существу, имеем дело не с выпадением, а с оглушением гласных, о чем свидетельствуют примеры наподобие (i) кмэк "хлеб" ..., где гласный, находящийся в абсолютном начале перед глухим смычным, оглушается, но не выпадает, ибо при кимографической записи до начала смычки к наблюдается подъем ртовой кривой длительностью 5,0 сигм, которая, однако, не имеет вибраций так же, как и кривая гортани".

Это означает, что по выводам диссертации в подобных позициях не всегда имеет место п о л н о е выпадение всех артикуляций гласного.

И после этого рецензенты (напр., в отзыве I стр.5), повторяя во многом м о и выводы, пишут, что в подобных случаях "речь может итти только о редукции начальных э,и, но н е о п о л н о м[2] выпадении их. Ни в одном говоре татарского язы-

---

I Перевод мой, а в рецензии переводы большей частью опущены и как увидим - не случайно - У.Б.

2 Разрядка моя - У.Б.

ка не отмечено произношение слов эшли (работает), икмэк "хлеб".. в виде (э)шли, (и)кмэк... как это утверждает У.Байчура.[4]

Приведенные выше цитаты из книги показывают (и доказывают), что я отнюдь не утверждаю, что в подобных случаях, якобы, обязательно полное выпадение гласных в татарском, а лишь условно отношу такие случаи к выпадению - по признаку отсутствия голоса.

Приведенная же цитата из отзыва свидетельствует о том, что рецензенты от своего имени повторяют некоторые выводы диссертации и противопоставляют эти выводы другим выводам, также содержащимся в той же рецензируемой работе - несмотря на то, что первые (выводы) являются, как бы дополнением и уточнением ко вторым. Иначе говоря, о наличии в книге примечаний диссертанта к тем или иным выводам в книге же, рецензенты у м а л ч и в а ю т, а затем эти примечания, принадлежащие диссертанту, выдаются в отзыве за "мнение" рецензентов и противопоставляются основным выводам в рецензируемой книге.

Этот своеобразный прием рецензентов, довольно широко употребляемый ими в рассматриваемых, так сказать, "обстоятельных" (по выражению Б.А.Серебренникова) отзывах, требует некоторого внимания для расшифровки.

Без какой-либо аргументации рецензенты вопреки инструментальным данным отвергают саму возможность полного выпадения начальных гласных э, и в татарском - в любых условиях, в том числе и связной речи и в след за этим с а м и рецензенты на той же стр.5 отзыва I приводят ряд примеров, иллюстрирующих отпадение начальных гласных э,ы, ө, о, у - даже в изолированных словах[I] и это несмотря на то, что, как давно известно, вы-

---

I ниже показано (гл.II), что такие же примеры на полное выпадение гласных в изолированных татарских словах содержатся и в других, опубликованных работах рецензентов.

падение передних узких негубных э/е, и происходит легче и чаще - по сравнению с выпадением губного ө и гуттуральных губных о, у - -по крайней мере в тюркских языках. На той же стр.5 отзыва I (и в отзыве II) рецензенты признают наличие форм черек -эчерек "гнилой" и т.п. - в татарских словах т ю р к с к о г о происхождения и т.д.

Наконец, если ,как уверяют рецензенты, не отмечено выпадение начальных э,и в тат.диалектах и говорах, притом не отмечено с л у х о в ы м и наблюдениями и при этом не отмечено с а м и м и рецензентами, то отсюда отнюдь еще не следует, что такое явление будто бы не существует в языке и что оно якобы вообще не может быть и впредь отмечено никаким другим исследователем и притом - даже с помощью и н с т р у м е н т а л ь н ы х методов исследования.

Рецензенты, как видим, не допускают даже возможности д о п о л н е н и я их выводов другими исследователями. Однако, как выразился еще знаменитый Спиноза - в полемике против монахов -, ignoratio non est argumentum.

Далее. На стр. 7 "Звукового строя" часть II, в первой фразе раздела о "Выпадении... гласных" читаем: "По материалам более 40 дикторов, происходящих из различных районов ТАССР (все студенты КГУ и КГПИ), выпадение (или оглушение) гласных при связной татарской, а также русской речи татар возможно в нижеследующих случаях", после чего идет перечень I4 пунктов, а в заключении этого перечня - на стр.I0-указано: "Выпадение гласных в перечисленных выше позициях н е я в л я е т с я а б с о л ю т н о о б я з а т е л ь н ы м ", то есть оно факультативно.

А рецензенты, возражая, пишут (на стр.5 отзыва I): " В татарском языке начальные гласные никогда не выпадают. Лишь в диалектах ... зафиксированы нами случаи выпадания начальных гласных" и далее в отзыве приводится семь примеров выпадания в изолированных татарских словах.

Но, как видно из стр.7,I0 книги (ч.П), у меня как раз и идет речь в первую очередь о выпадении гласных в диалектах, о выпадении "По материалам... дикторов, происходящих из различных районов ТАССР" притом о выпадении в связной речи, а не в изолированных словах (стр.7 книги)!

Кроме того, в приводимой цитате из отзыва выражение "Татарский язык" противопоставляется выражению "диалекты" и, следовательно, означает "литературный татарский язык", хотя в других местах того же отзыва используется термин " литературный татарский язык", а выражение "татарский язык" может иметь в том же отзыве и иное, обычное общее значение. Такое смешение даже общеизвестных терминов имеет вполне определенное значение в отзыве.

Заявив, что в "татарском языке начальные гласные... не выпадают", рецензенты высказывают вполне определенное суждение: вообще в татарском этого явления нет. Однако в следующей фразе рецензенты вносят поправку, сделав исключение для диалектов, и тем самым опровергают свое собственное предшествующее утверждение, ибо оказывается (по мнению самих авторов отзыва), что в диалектах все же такое явление возможно, а раз так, то, следовательно неверно утверждение, что вообще в "татарском языке" нет этого явления, ибо диалекты - часть языка.

Если же толковать выражение "татарский язык" - в приведенной цитате - как литературный, то заявление, что в литературном татарском не может быть выпадения гласных является тавтологией - если исходить из воззрений рецензентов - ибо они рассматривают литературный язык как эталон, стандарт, как норму лингвистических явлений, процессов в татарском языке, о чем свидетельствует, например, тот факт, что авторы обоих отзывов в определении понятия протезы исходят (в отзывах) из литературной нормы (как в средней школе), а не из наиболее старой, первичной формы слова в данном языке - как это принято в науке (также и в диссертации).

Психологический эффект цитированного выше абзаца отзыва заключается в том, что при слуховом восприятии, на которое был расчитан отзыв, впечатление будет слабее, если сказать : "в литературном татарском этого явления нет", чем если заявить: " в татарском языке этого нет", а затем как бы между прочим, добавить: "... только в диалектах это явление иногда встречается". Последний способ выражений во-первых, создает более сильное впечатление у слушающих, а во-вторых внушает мысль , (противоречащую фактам), что диссертант, говоря о выпадении гласных, будто бы не ведет речи о диалектах, хотя в действительности, как показано выше, в диссертации и книгах в первую очередь речь идет о выпадении гласных именно в диалектах.

Далее, в книге "Звуковой строй..." как указано, говорится, что выпадение гласных, излагаемое на стр.7-10 книги в 14 пунктах, "не является абсолютно обязательным" (стр.10), что оно лишь "возможно" (стр.7), а рецензенты возражают: " в неударен-

ном положении они" (т.е. краткие гласные ы,э)" становятся еще более краткими, но не всегда выпадают"(стр.3 отзыва I , подчеркнуто мною - У.Б.).

А разве я говорю, что всегда?

Я говорю, что выпадение "возможно",но "не обязательно", а рецензенты возражают: "Не всегда выпадают"!

И в добавок, тут же в отзыве приводят сами ряд примеров, иллюстрирующих выпадение гласных в первом слоге слова, в абсолютном начале, в среднем слоге трехсложных слов, а во II отзыве - кроме того -и в конечном закрытом слоге слова - в татарских диалектах, а в печатных работах рецензентов встречается ряд примеров, показывающих, что по собственному мнению рецензентов вполне возможно выпадение гласных, например, в первом слоге слова и в литературном татарском языке.

Из стр.3 рецензии, на которой говорится, что якобы не могут выпадать гласные в словах типа тешеп > тшеп "опускаясь", Зелэйха > Зл эйха (собств.имя) и др., что во всех подобных " случаях речь может идти только о редукции гласных", следует, что не может выпадать гласный первого слога в слове белеш "знакомый", ибо это слово относится к тому же типу и также приводится в отрицаемом рецензентами пункте 2 на стр.7 "Звукового строя...", Часть II. Однако рецензенты при цитировании опускают это слово белеш "знакомый" - видимо потому, что сам Л.Заляй в своей брошюре "Основы орфоэпии татарского языка" (Казань, 1953) приводит на стр.7,31 то же слово белеш и утверждает, что может выпадать гласный первого слога этого слова в литературном произношении, а далее цитирует из В.А.Богородицкого и другие подобные примеры, говоря, что они правильны (стр.31 ук.соч.): б(е)лем "знание" ≠ т(е)лем "ломоть" (вместо

белем - телем) и т.д. Иными словами Л.Заляй признает возможность выпадения гласных первого слога как в диалектах, так и в литературном языке - признает и в рецензии и в других работах. А между тем, признания рецензентами самой такой возможности вполне достаточно для того, чтобы тем самым признать правильными положения диссертации, в которой ведь говорится о факультативном характере данного явления. Таким образом, получается, что по мнению рецензентов, когда Л.Заляй утверждает о выпадении гласного первого слога в словах наподобие белеш "знакомый" и т.п., то это научное изложение татарской орфоэпии, а когда У.Байчура экспериментально устанавливает возможность выпадения гласных в первом слоге этого же слова и в ряде подобных слов, - то он якобы представил "в превратном виде" звуковые явления, доступные простому слухлвлму анализу" и что, якобы, У.Байчура "тем самым" "под вывеской экспериментального исследования вводит в заблуждение научную общественность".

*

На основании изложенного в этой главе(и последующих) не будет ли более правильным отнести эти эпитеты по адресу У.Байчура, содержащиеся в отзыве, не к У.Байчура, а к самим авторам этих "обстоятельных" (по выражению Б.А.Серебренникова) отзывов, к авторам этого, так сказать "научного" изречения (хотя и не аргументированного) и к их покровителям?

Глава II. ВЫПАДЕНИЕ ГЛАСНЫХ В ТАТАРСКОМ. ВЗГЛЯДЫ РАЗЛИЧНЫХ УЧЕНЫХ.

Если оставить в стороне возражения в отзыве, касающиеся протезирования гласных в татарском, каковые возражения основаны на таком толковании рецензентами этого явления, когда за первичную исходную форму берется литературная норма, тогда как в диссертации принято н а у ч н о е понимание протезы, согласно которому первичной формой является наиболее старая или полная - пока не доказано, что более полная форма более новая, - независимо от того, является ли эта форма литературной или же -диелектальной, то в результате почти весь отзыв Л.Заляя и др.представляет собой возражения против выводов диссертации, касающихся вопроса о выпадении гласных в татарском языке, причем моих данных и выводов о выпадении гласных в других языках - в том же I разделе II части книги "Звуковой строй..." -рецензенты вообще не касаются.

Указанные возражения рецензентов состоят из голословного отрицания, основанных на инструментальных данных выводов, содержащихся в трех из четырнадцати пунктов на стр.7-10 II части книги "Звуковой строй...", причем ссылаясь на слуховые наблюдения, авторы отзыва утверждают следующее.

I. Что, якобы, не может выпадать гласный в абсолютном начале слов (стр.4-6);

2. Что, якобы, не может выпадать гласный первого слога слова между двумя согласными (3-4);

3. Что, якобы, не могут выпадать гласные средних слогов

многосложных слов, если в результате такого выпадения получается стечение трех или четырех согласных (стр.6,7 рец.);

4. Что, якобы, возможно (и то изредка) лишь выпадение гласного второго слога трехсложных слов или в средних слогах многосложных слов (стр.3,4).

Согласно же полученным мною инструментальным данным о произношении десятков дикторов, выпадение или оглушение гласных возможно и часто имеет место во всех перечисленных, и многих других позициях и случаях, хотя такое выпадение или оглушение не всегда является обязательным, а в большинстве случаев носит факультативный характер, на что также указывается в диссертации и в книге "Звуковой строй..." (напр.на стр.7,10, часть П).

Поскольку имеются расхождения между слуховыми наблюдениями и инструментальными данными, следовательно правильны последние, а первые ошибочны, однако рецензенты делают противоположный вывод, что, якобы, неправильны инструментальные данные. Доказывать н е н а у ч н о с т ь подобной позиции в наши дни не имеет смысла. О каких-либо хотя бы предположительных технических погрешностях эксперимента рецензенты даже не упоминают; не оспаривают они и того, что все наши дикторы по татарскому (около 40) являются нормальными татарами, уроженцами г.Казани или различных районов ТАССР и др.областей и что с детства эти дикторы говорят по-татарски, а по-русски изъясняются с татарским акцентом. Следовательно н е н а у ч н о отрицание инструментальных данных рецензентами, исходящими только из своих слуховых впечатлений.

Тем не менее, по указанным выше причинам, я вынужден продолжить рассмотрение вопросов, поднятых в отзыве.

В числе I4 типов выпадения или оглушения гласных, описываемых на стр 7-I0 II части "Звукового строя..." содержатся, например, следующие три типа.

I) Компоненты ударения концентрируются на последнем слоге слова, ввиду чего наибольшему ослаблению, а затем - выпадению или оглушению подвергается первый слог слова (стр.7, п.п.I,2; стр. 8, п.6; стр. 9 п.п. 8,9,I0,II). Этот тип выпадения я называю уйгурско-монгольским, для которых, согласно моим данным, характерен и подобный тип выпадения гласных и конечное словесное ударение.

2) При смещении компонентов ударения на первый слог возможны редукция и выпадение, а чаще - оглушение конечного гласного (стр.I0, п.п. I3,I4). Подобные случаи зафиксированы мною и в чувашском и в мишар-татарском и др., ввиду чего такой тип мог бы быть назван чувашско-мишарским.

3) Когда компоненты ударения распределяются между первым и последним слогами слова, в трехсложных и более сложных словах выпадает безударный гласный среднего слога (или гласные в средних слогах четырехсложных и более сложных словах)- стр.7-8, п.п. 3,4,5, стр. 9, п.7 "Звукового строя..." Этот тип я называю кипчакским, так как, хотя он и возможен в казанско-татарском в определенных случаях, но чаще встречается в мишар-татарском, башкирском и др.

По слуховым наблюдениям возможность подобного рода выпадений установлена еще В.В.Радловым на материале различных тюрк-

ских языков, в том числе -татарского (см. его "Фонетику" стр.91-96).

Рецензенты же едвали не две страницы своего отзыва посвятили, так сказать, доказательству возможности указанного третьего типа выпадения гласных в среднем слоге трехсложных слов в татарском (т.е. доказательству давно известного), причем ссылаются они только на "материалы фонда ИИЛИ " и ни словом не упоминают о том, что I) по слуховым наблюдениям этот случай выпадения был известен еще в XIX веке, 2) что в рецензируемой ими книге -на основании данных многих дикторов-татар инструментально уже доказана возможность такого выпадения среднего гласного в трех и более сложных словах в татарском и описан этот тип выпадения гласных на стр. 7-8 II части книги "Звуковой строй..." - под пунктом 3, причем в книге даже указано, что "выпадение гласных в этой позиции" (т.е. в среднем слоге трехсложных слов)" более или менее систематично".

При помощи этого умолчания рецензенты внушают тем, кто не знаком с диссертацией и трудами других ученых и в первую очередь - неязыковедам, на которых по признанию самих рецензентов - в основном и расчитаны данные два отзыва, что I) якобы сами рецензенты первыми установили возможность выпадения гласных среднего слога в трехсложных татарских словах и 2) что,якобы в диссертации и книгах ее отражающих, этот тип выпадения гласных будто-бы вообще не рассматривается.

Если бы рецензенты пожелали быть объективными и добросовестными, то они указали бы, что I) в диссертации правильно приведен третий тип выпадения, но 2) что рецензенты не согласны с первым типом выпадения,описанным в диссертации (см.выше).

Между тем в действительности рецензенты противопоставляют одну часть, одни выводы диссертации, выдаваемые за продукт творчества рецензентов, а якобы не результаты диссертанта - другой части, другим выводам той же диссертации, которые (выводы) рецензенты голословно отрицают.

При этом авторы данного, так сказать,"обстоятельного" (по выражению Б.А.Серебренникова) отзыва претендуют на то, чтобы выступать от имени всех "исследователей татарского языка, хотя в действительности, как показывают излагаемые ниже факты, рецензенты даже от собственного имени не имеют права отрицать выводы диссертации о выпадении гласных (по крайней мере - в основном, в принципе)- если не хотят впасть в противоречие со своими собственными опубликованными работами.

Поскольку взгляды В.В.Радлова по ряду вопросов, в том числе - по вопросу о выпадении гласных, изложенные в его "Фонетике"(стр.9I-96) и совпадающие с взглядами В.А.Богородицкого специально рассматриваются ниже, здесь мы, прежде всего коснемся слуховых наблюдений В.А.Богородицкого и других казанских языковедов-о безударном татарском вокализме.

Взгляды В.А.Богородицкого по вопросу выпадении и редукции гласных в татарском, частично упомянутые еще в его докладе "Фонетика татарского языка в связи с другими тюркскими языками", сделанном I3.XII-1925 г. в Обществе Татароведения (резюме опубликовано в № 4 Вестника Научного Общества Татароведения" стр.92-93-1926 г.) в расширенном виде изложены в статье "О корневом вокализме и его изменениях в казанско-татарском диалекте" (ВНОТ, № 8, 1928, стр.112-122, особенно - см.стр.116-121), а в

дополненном и развитом виде эти положения содержатся во "Введении в татарское языкознание", Казань, 1953^2, хотя некоторые отдельные высказывания имеются еще в его "Введении в тюрко-татарское языкознание" от 1922 г. (Казань).

Во "Введении в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками", Казань, 1953^2 на стр. 75 читаем: "Краткие гласные, ослабляясь в неударенном положении, могут доходить до нуля, как своего предела, напрр, бĭз-мы || Род.падеж бьзнĭң → → бᵇзнĭң, → бзнĭң . На стр. 83-85 находим другие подобные примеры: мĭн "лезь" - мьнäм → мнам "лезу"; бĭл "знай -бьлдĭм → → блдĭм "я узнал" и др. и замечание В.А. Богородицкого: "явления, аналогичные к рассмотренным наблюдаются и при других << кратких >> гласных - ъ, ѳ и ё " (то есть во в с е х четырех -при.У.Б.). При этом по наблюдениям В.А.Богородицкого в "примере, где корневым гласным является краткий (ĭ) последний в предударном слоге заметно укорачивается и может даже исчезнуть", причем "подмеченное явление находит подтверждение в ц е л о м р я д е о д н о р о д н ы х п р и м е р о в " (разрядка В.А.Богородицкого -прим,У.Б.). По наблюдениям В.А. Богородицкого выпадение гласного первого открытого слога сопровождается слоговым переразложением и сокращением слова на один слог: мĭнäм → мнäм "поднимаюсь", тогда как при выпадении гласного первого закрытого слога число слогов в слове сохраняется, слогообразовательная функция же переходит к одному из согласных первого слога: мьндĭм → мндĭм "я поднялся" (переводы мои -У.Б.). Далее читаем: " Редукция до нуля кратких гласных в трехсложных словах в том или другом из двух предударных слогов находится в зависимости от качества гласных

в них в отношении полноты и краткости" и приводятся примеры: ҫарын "чрево" - ҫарным "мое чрево", пъчаҫ "нож" -пъчаным "мой нож", тъшлыҫ "материя" - тшлыным "моя материя" (для верха пальто и т.п.)", после чего следует вывод: "В первом примере (ҫаръным) ъ утратился в первом предударном слоге при наличии полного гласного в начальном слоге, тогда как во втором и третьем примерах утрата ъ произошла во втором предударном слоге при наличии в первом предударном слоге полного гласного или тоже краткого" (стр. 84-85).

Таким образом, В.А. Богородицкий считает нормальным и обычным явлением для казанско-татарского выпадение гласного первого слога слова в двух и трехсложных словах - в позиции между двумя согласными - также как и выпадение второго гласного в трехсложных словах, причем таким же нормальным обычным явлением считает В.А.Богородицкий и "стечение" трех согласных в начале татарского слова - разумеется при условии, что один из этих трех согласных является слогообразующим. Этот вывод о взглядах В.А.Богородицкого подтверждается и страницами 91-96" "Введения (1953). Так на стр. 93 читаем, что в слове кйшй (кеше) "человек" возможно ослабление до нуля первого гласного, в результате чего получается кше -"человек",[2] на стр.96 говорится о возможности произношения кшесе "его, ее, их человек", причем по мнению В.А.Богородицкого "место нуля гласного могло сохраниться по аналогии к производящему кйшй ". На стр. 93 находим и другие примеры: пъчъкы "пила", в котором возможно "ослабление до нуля при закрытости начального слога" (т.е.ослабление ъ первого слога). "Ослабление, могущее доходить до нуля в области кратких гласных" (93) отмечается

1) Орфографическое е соответствует ĭ (б) В.А. Богородицкого. Подстрочным знаком ˛ он обозна-

В.А.Богородицким и в следующих примерах: тор "стой" - трам "стою", мĭн "поднимайся" - мнăм "поднимаюсь", бĭл "знай"- блăм "знаю", qош "птица" - q(о)шлар "птицы" и другие[I]), а также отмечается возможность выпадания н а ч а л ь н ы х гласных, например, в словах оч "лети", оча "летит", ĭч "пей" - бчăм "пью" (мин чăм "я пью"), ĭш "дело" - бшлим "делаю" и др. (стр. 93). Таким образом, В.А. Богородицкий считает вполне нормальным явлением и выпадение гласного в абсолютном начале слова в казанско-татарском и стечение трех согласных в начале слова. Более того, на стр. 96 находим не только такие слова, как слкьтăм "трясу", в которых по наблюдениям В.А.Богородицкого выпадает гласный начального слога и получается стечение трех согласных, но даже такие примеры, как кил^{ь}шт^{ь}рлдьлăр "они были приведены к соглашению", где по мнению В.А.Богородицкого мы наблюдаем в связи с пропуском краткого гласного , развитие второстепенных ударений при главном ударении, в результате чего получается в длинных татарских словах как бы некоторая ритмичность между усилениями и ослаблениями, т.е. тот тип, который придает своеобразие татарской речи" (96) [Заметим в скобках, что в действительности связь здесь обратная той, которая видимо предполагается В.А. Богородицким, ибо на самом деле потому и выпадают гласные, что имеется "ритмичность", имеются "усиления и ослабления"] .

Выпадение возможно по В.А. Богородицкому и в словах бълагĭм "мое запястье" (Iй гласный), урын "место" - урны "его место", исĭм "имя" - исмĭм "мое имя" (средний-второй-

---

I) Отмечаем О,Л-вместо θ, l В.А.Богородицкого.

гласный) и др. (94).

Таковы и другие примеры В.А.Богородицкого: сик(ъ)рäм "прыгаю", жёг(ъ)рäм "бегу", чаq(ы)рым "верста", бар(ъ)ның (род.ед.от бары "все"). Более того, возможно по его мнению даже выпадение гласных односложных слов - при стечении двух односложных слов, например, бр'хат "одно письмо" (стр.9I) (вместо бер хат).

На стр. 9I читаем также: "В конечном закрытом слоге неодносложных слов гласный ы достигает иногда такой краткости, что для слуха как бы элидируется, например, waqлT из waqыT "время", бурч - из бурыч "заем" (где с опущением гласного плавный получает характер слогообразующего)". Там же находим и другой пример: цилйн → цилн "вымя" и т.д. (орф. жилен → жилн).

Таким образом по В.А.Богородицкому выпадение гласных возможно в татарском и в абсолютном начале слова и в первом слоге слова - между согласными и в последнем закрытом слоге и в средних слогах многосложных слов, причем "получающиеся вариации образуют << чередования >>, относящиеся к данной морфеме, и таким образом являются фактом[I] не только фонетическим, но одновременно и морфологическим" (стр.85 "Введения" 1953). На стр.75 указывается, что в результате выпадения гласных возникают чередования разных звуков, "слоговое переразложение", которое в дальнейшем может послужить источником морфологического переразложения и образования новых морфем" (подчеркнуто мною - У.Б.). Этим путем объясняет В.А.Богородицкий историю

I) Подчеркнуто мною - У.Б.

возникновения окончания родительного падежа с начальным Н ! Другими словами вопрос переносится уже в историко-лингвистическую плоскость и выпадение гласных служит В.А.Богородицкому для объяснения закономерностей развития отдельных грамматических форм. А наши рецензенты от имени всех исследователей татарского языка заявляют, что, якобы, не может быть никакого выпадения гласных - кроме как среднего слога.

Почти сорок лет назад В.А.Богородицкий предвидел возражение Л.Заляя и др. рецензентов, ибо, приведя примеры на выпадение гласных в первом слоге (типа оч "лети" - (о)ча "летит:, мен "поднимайся" - мнäм "поднимаюсь" и т.д., он далее писал: "Процесс ослабления до нуля обычно завершается в новой генерации (в новом поколении), так как в произношении старшей генерации (старшего поколения) хотя бы гласный иногда и не произносился, однако в уме говорящего и слушающего он все-таки существует в ряде произносительных и слуховых идей данного слова" (ВНОТ,№8,1928,стр. 119, "Введение", 1953, стр. 94 - подчеркнуто мною -У.Б.). Таким образом, по мнению В.А.Богородицкого, лица, отрицающие возможность выпадения гласных в указанных позициях (т.е. в абсолютном начале, в первом слоге и конечных закрытых слогах и др.) исходят из аутоморфических восприятий и представлений и принимают за реальную действительность свои собственные и д е и . Следует отметить, что ведущие из авторов двух рассматриваемых отзывов как раз и являются представителями старшего поколения (Л.Заляй и Р.Газизов).

В свете изложенного ясно, что не оправдала ссылка во втором отзыве - на одно замечание В.А.Богородицкого, касающееся о р ф о г р а ф и и и помещенное в соответствующем

раздела "Введения" ст 1934 (стр. 33). Отрывочная цитата из указанной страницы "Введения" приводимая в отзыве, не дает правильного представления не только о фонетических взглядах В.А.Богородицкого по вопросу о выпадении гласных, о каковых взглядах вообще умалчивается в отзыве, но не дает такого представления и о взглядах В.А.Богородицкого на татарскую орфографию - ибо рецензенты произвольно усекают цитату.

В этом высказывании В.А.Богородицкого некоторое отношение к фонетике имеет лишь следующее: "Благодаря правилу 1929 г. ... татарская орфография стала перегружаться малосвойственным природе татарского языка скоплением согласных (иногда до шести, напр., tncszlbq, qcqrttb)", на чем рецензенты обрывают цитату и в результате слушателю, незнакомому в деталях с изложенными выше взглядами В.А.Богородицкого (о выпадении гласных в татарском) внушается, что, якобы последний вообще считает малосвойственным стечение любого количества согласных - для татарского, ибо в данной цитате не уточняется то, стечение скольких согласных автор называет "малосвойственным природе татарского языка" (разрядка моя - У.Б.), а приводимые для иллюстрации стечения до шести согласных два примера, в которых до выпадения (или пропуска на письме) гласных имелось в одном -три, а в другом - четыре звука ы: тынычсызлык "беспокойство", кычкыртты "заставил крикнуть", "дал свисток"- по словам самого В.А.Богородицкого встречаются лишь "иногда" и действительно, подобные случаи стечения согласных едва ли намного более часты в татарском, чем, скажем, стечение трех "е" в русских словах наподобие "долгошеее". К тому же, как указано выше, в отдельных случаях и сам В.А.Богородицкий допускает стечение до шести

согласных в таких, например, словах , как кил(ъ)ш т(ъ)рлдьлар они были приведены к согласию" - где в скобки заключены гласные, могущие выпадать по мнению самого В.А.Богородицкого (см. ВНОТ № 8, стр. II8-I2I, также "Введение" I953).

Во всем остальном в своих замечаниях по татарской орфографии (как на стр.33, откуда взята рецензентами цитата, так и вообще во "Введении" I934) В.А.Богородицкий исходит не из фонетических, а, напротив, из разнообразных иных, нефонетических соображений, ввиду чего одного уже - этих его высказывания не имеют отношения к теме данной диссертации.

Так, в усеченной рецензентами части цитируемого ими обзаца из стр.33 ук.соч.в качестве аргумента против пропуска на письме гласного первого закрытого слога в татарских словах выдвигается тот довод, что вследствие такого пропуска на письме выпадающих (по мнению самого В.А.Богородицкого) безударных гласных (напр., в словах типа м(е)нä "поднимается","вот") получалось затруднение... при изучении русскими татарской орфографии и чтения (ибо в этом случае приходится указывать производящее слово) и могло создаваться искусственное произношение через книжное влияние школы у учащихся татар" (Заметим в скобках,что, как известно, искусственным является любое воздействие литературного языка на диалекты, на учащихся, ибо, так сказать, естественным для последних может быть лишь их родной говор). Далее читаем: "Этот столь непрактичный прием уже упразднен с I933 г. и как до реформы I929 г., так и ныне начертания ь и е в неударенных словах сохраняются". Таким образом здесь выдвигается еще один принцип орфографии: практичность. Далее на стр. I56 читаем: " орфография яналифа" (т.е. татарского письма на латинской графике)" в отношении

заимствованных слов нуждается в дальнейшей разработке в смысле большего сближения с орфографией языка -источника" и в соответствии с этим принципом орфографии по мнению В.А.Богородицкого правильно написание (по-татарски) "красная", "группа"[I] и т.п.(стр.33), но как он считает, нецелесообразно написание (типа брэу, кше мнэ (вместо берэу "один", кеше "человек", менэ "вот", "поднимается"), хотя в подобных тюркского происхождения словах - по мнению самого В.А.Богородицкого- не только гласный первого слога может редуцировать до нуля, но даже может образовать морфологические чередования гласного с нулем звука, сопровождаемые словами переразложением и укорочением формы на один слог"(стр.29 цит.таб., курсив В.А. Богородицкого). Так как последний принцип В.А.Богородицкого введен в татарскую орфографию на русской основе, то теперь пишут: блокада, брак, план, психик и т.п., но считается неправильным писать блэн "с" (послелог), брэу "один" , кше "человек" и т.д.; а требуется писать белэн, берэу, кеше, тогда как, например, татарское слово плау "плов", давно заимствованное в русский, пишется в современном татарском в форме "пилау"- без гласного между п,л.

Возражая против правил 1929 года - о пропуске на письме выпадающих гласных первого слога - В.А.Богородицкий признает

I) Хотя он и пишет, что только "образованные татары произносят такие слова безставочного гласного". Слово же "красная" приводимое В.А.Богородицким в качестве примера заимствованных слов - наряду со словом"группа", в действительности не было заимствовано и до сих пор значение это передается в татарском словом тюркского корня: кызыл "красный, ая,ое", что можно проверить по любому словарю татарского языка.

(на стр.32 цит.раб.), что до 1929 г. и после 1933 года (т.е. при написании без пропуска гласного) "правописание ударяемого корневого вокализма следует фонетическому принципу", а "при переходе корневого слога в предударное положение гласные сохраняют свое основное обозначение, обозначаясь по аналогии к тому же корневому слогу под ударением" (курсив В.А.Богородицкого), т.е. иначе говоря, рекомендуемая В.А.Богородицким орфография основывается на двух различных принципах: на фонетическом - при обозначении ударенных гласных и на принципе аналогии (а не фонетическом) -при обозначении безударных гласных, а кроме того - и на вышеперечисленных иных нефонетических соображениях, к которым следует добавить и то его доказательство, что по мнению В.А.Богородицкого (стр. 33) "Правило 1929 г." "создавалось п о - в и д и м о м у не без влияния арабской орфографии" (разрядка моя -У.Б.), хотя совершенно независимо от его отношения к "арабской орфографии", это правило 1929 г. (написание с пропуском выпадающих гласных) по своей природе (пользуясь выражением В.А. Богородицкого) представляло из себя (по крайней мере - во многом) материальное воплощение выводов самого В.А.Богородицкого -о выпадении гласных, причем то, что это написание от 1929 года, против которого возражает В.А.Богородицкий, основываясь на одном едином фонетическом принципе - в отличие от предшествующих и последующих правил - видно и из "Введения" В.А.Богородицкого и не оспаривается последним, хотя он и приводит серию аргументов против такого пропуска гласных на письме. Совпадение или несовпадение выводов с чем-либо

в той или иной мере отнрсящимся к арабскому, принято обычно рассматривать как решающий научный аргумент против таких выводов -независимо от качества аргументации и данных, на которых основываются эти выводы - в том числе -фонетические, - хотя бы последние основывались на показаниях приборов; поскольку же, как показано ниже, арабское написание далеко не было единым, однообразным, ввиду этого возможно иногда идентифицировать с арабским письмом и прямо противоположные мнения об орфографии и т.п.

Однако следует отметить, что в данном случае В.А.Богородицкий не только не приводит каких либо аргументов в подтверждение своего предположения ("по-видимому... не без влияния арабской орфографии") о связи правил 1929 г.(в отличие от предшествующих правил)-с арабской орфографией, но даже из двух его примеров один явно противоречит "природе" арабского письма в татарском, ибо в словах подобных тынычсызлык "беспокойство" согласно традиции арабского письма скорее опускается гласный конечного аффикса (в данном случае -лык),представляющего закрытый слог,- чем гласный корня (идущего ранее аффикса).

В заключение рассматриваемого нами раздела "Введения" (1934) В.А.Богородицкий пишет на стр.33-34 следующее:

"Временно практиковавшийся после 1929 г. прием пропуска начертаний ь и е в предударном слоге можем назвать приблизительным обозначением т а м , где соответствующие краткие неударные гласные сохраняются еще как минимальные, н е редуцировавшись до нуля; в э т о м с л у ч а е орфография представляет чередование V // O , тогда как в произ-

ношении существует чередование краткого ударяемого гласного с минимальным безударным" (на этом раздел "Введения" кончается, курсив В.А.Богородицкого, разрядка моя - У.Б.).

А о том, как обстоит дело "т а м , где соответствующие краткие неударенные гласные " р е д у ц и р о в а л и с ь до нуля, В.А.Богородицкий здесь ничего не говорит.

Расшифровать это абстрактное высказывание В.А.Богородицкого возможно лишь допустив факультативное выпадение гласных, на что, собственно, он и сам указывает.

В этом случае имеем следующее:

I) Если гласный не редуцировался до нуля, скажем, в первом слоге того же слова кеше "человек" (в котором по В.А.Богородицкому этот гласный может редуцироваться до нуля), то тогда получаем " приблизительное обозначение " - при написании с пропуском гласного: кше.

2) Если же этот гласный действительно выпал в слове кеше "человек" - например, в произношении других лиц или того же лица, но в другом случае, - то тогда обозначение на письме этого слова с пропуском гласного: кше "человек" будет отнюдь не "приблизительным", а совершенно точным, тогда как написание с гласным: кеше "человек" будет приблизительным, не точным - притом согласно взглядам самого В.А.Богородицкого - на выпадение гласных в татарском, изложенным выше.

Поскольку В.А.Богородицкий не уточняет здесь того, о каких конкретных случаях и словах он ведет речь, данный его абзац не имеет конкретного содержания и для выяснения вопроса приходится вернуться к рассмотренным выше собственно фонетиче-

ским высказываниям В.А.Богородицкого, из которых видно, что "приблизительным" будет (по крайней мере - в ряде случаев) написание без пропуска гласного - согласие взглядам самого В.А.Богородицкого, тогда как написание с пропуском безударного гласного (в указанных случаях) будет соответствовать ф о н е т и ч е с к и м выводам В.А.Богородицкого - о выпадении гласных в татарском.

Изложенное показывает, что в своих высказываниях о татарской орфографии (на которые ссылаются рецензенты в отзыве П) В.А.Богородицкий исходил прежде всего и главным образом не из фонетического принципа письма, а, напротив, преимущественно руководствовался разнообразными иными, не фонетическими принципами и соображениями, зачастую (если не целиком) расходящимися с собственными наблюдениями В.А.Богородицкого - над татарской фонетикой, ввиду чего эти высказывания В.А.Богородицкого об орфографии, совершенно независимо от достоинств этих высказываний - не имеют никакого отношения к теме и содержанию данной чисто фонетической, да еще инструментальной и к тому же написанной в сравнительном плане диссертации, якобы в опровержение выводов которой указанные высказывания В.А.Богородицкого об орфографии приводятся рецензентами. Фонетические же выводы В.А.Богородицкого по данному вопросу, как указано, полностью подтверждаются инструментальными данными, приводимыми в диссертации и книгах ее отражающих. Наконец, поскольку при последующем издании "Введения" (Казань, 1953), подготовленном самим В.А.Богородицким, рассмотренный материал об орфографии почти целиком вообще опущен автором, в том числе - абзац, цитируемый рецензентами, а взамен - расширен раздел, трактующий о выпадении

безударных гласных в татарском, подтверждаемый материалами данной диссертации, то отсюда следует, что вообще несостоятельна ссылка рецензентов на эти высказывания В.А.Богородицкого - о принципах орфографии в татарском, каковые высказывания сам автор их не счел достойными быть включенными в последующее издание своей книги.

ж

В заключение на стр.96 "Введения" (1953), а также в статье "О корневом вокализме" (ВНОТ, 1928, № 8, стр.191) читаем: "Мы проследили лишь в общих чертах ослабления неударяемого вокализма в татарском языке. На этом вопросе, настоятельно требующем детального изучения по тюркским языкам, исследователи за редкими исключениями пока или совсем не останавливаются, или же останавливаются мало: между тем здесь имеем один из пунктов для сравнительной характеристики тюркских языков и диалектов" (цитирую по "Введению" - У.Б.). Другими словами, редукция и выпадение гласных может быть неодинаковой в различных тюркских наречиях и диалектах. Это предположение также инструментально подтверждено данными и выводами, содержащимися в диссертации, в которой (стр.7-10 и др.) и в автореферате -стр.14- показано, что редукция и выпадение гласных р а з л и ч н ы в разных языках и наречиях (хотя есть и общее), например, в мишар-татарском, башкирском и др. чаще выпадает гласный среднего слога трехсложных слов и конечный гласный, тогда как в казанско-татарском - напротив, чаще имеет место выпадение гласного в первом слоге слова, что связано с характером ударения.

*

Насколько мне известно, одним из первых обратил внимание на это указание В.А.Богородицкого профессор Башкирского университета Дж.Киекбаев, который еще в 1955 году написал мне в письме, что по его мнению одним из различий между башкирским и татарским является выпадение гласных первого слога слова в татарском, тогда как в башкирском этого не отмечается им. Надо сказать, что это мнение Дж.Киекбаева в общем подтвердилось в результате инструментальных исследований, содержащихся в диссертации - с той, однако, оговоркой, что выпадение гласных первого слога характерно для к а з а н с к о -татарского - в отличие как от башкирского, так и от мишар-татарского, для которых выпадение гласного первого слога менее характерно и, напротив, чаще выпадает гласный средних слогов трех или более сложных слов, что объясняется, как указывалось, наличием двух ударений в этих наречиях: на первом и на последнем слоге, тогда как в казанско-татарском, как и в некоторых других тюркских, компоненты словесного ударения все концентрируются, как правило, на последнем слоге, ввиду чего наиболее сильно ослабляется гласный начального слога.

*

В известном отношении даже рассматриваемые рецензии на диссертацию некоторым образом являются фактами, подтверждающими высказывание В.А.Богородицкого о возможности различного характера выпадения гласных в разных тюркских диалектах, а тем самым эти рецензии подтверждаются и выводы диссертации (13!).

Дело в том, что в этих рецензиях отстаивается возможность только одного, именно мишарского типа выпадения гласных (средний гласный в трехсложных и т.п. словах), причем из пяти авторов указанных отзывов трое ведущих являются мишарями: Л.Заляй, Л.Махмутова, Р.Газизов (двое первых - совершенно не усвоившими (как показано во введении) литературного, т.е. казанского татарского произношения), тогда как двое остальных, хотя и татары (а не мишары), но Н.Бурганова - ученица мишаря Л.Заляя и она, малознакомая с фонетическими вопросами, видимо положилась целиком на авторитет своего учителя, тогда как последний, пятый соавтор отзывов-Х.Курбатов -происходит из нукратских татар - "под самым городом Кировом", как определяет Л.Заляй этот говор, который он относит к промежуточным между мишар-татарским и казан-татарским, причем в фонетике - приближающимися к мишарскому. Заметим в скобках, что видимо этим происхождением Х.Курбатова из нукратских татар, видимо и объясняется его замечание (отзыв П, стр.4) о том, что якобы описание этого незначительного отдаленного промежуточного говора будто бы является важнейшим условием полноценности инструментального исследования фонетики казанско-татарского языка (не исторической фонетики, а современного языка),[I] ибо иных, научных оснований для указанного

[I] Х.Курбатов еще в 1954 году в отзыве на одну главу моей защищенной к тому времени кандидатской диссертации, которая (глава) была представлена мною в ИЯЛИ КФАИ для публикации (по предложению Л.Заляя), предъявил требование о том, что условием полноценности и пригодности для публикации этой главы об инструментальном исследовании длительности татарских гласных будто бы является сравнение этих гласных с качеством французских, английских и др. гласных и тут же сам Х.Курбатов признался, что ему непонятно то, для чего вообще необходимо изучать длительность гласных и как пользоваться результатами такого изучения

требования не имеется

ж

В связи с описанием выпадения гласных начальных слов, В.А. Богородицкий ссылается не только на свои собственные наблюдения, но также и на таковые своего ассистента М.И.Берг, ибо на стр. 121 ВНОТ № 8, 1928 читаем: "Явления элизии кратких гласных проявляются и в народных песнях; примеры можно найти в следующем издании: М.И.Берг << Восемь татаро-башкирских песен (мелодии, текст и перевод) >> под редакцией проф. В.А.Богородицкого, Казань, 1923".

ж

Взгляды Г.Шарафа на выпадение гласных в татарском совпадают с наблюдениями В.А.Богородицкого и более того, в некотором отношении являются даже более радикальными. Как видно из его работ, Г.Шараф не занимался специально указанным вопросом, но его отдельные высказывания по данному вопросу содержатся в двух статьях (" Палатограммы..."- ВНОТ, № 7, 1927, Казань, стр. 65-102 и "Сонорная длительность татарских гласных..." -ВНОТ № 8, 1928, Казань, стр. 180-264). В "Палатограммах" (ВНОТ № 7, стр. 98-99) читаем:" наличие в тюркских языках твердых и мягких слов, состоящих из одних согласных звуков, например, для татарского языка звукоподражательные слова шлт, ɣлт - клт, шрт, тр, шрк, пшт, и т.п." " В приведенных словах средние звуки л, л', р, р', ш являются слогообразующими согласными; эти слова нельзя рассматривать как шылт, ɣылт, кылт, тыр и т.д., потому что и здесь в акустическом и артикуляционном отношениях не

имеется звуков ы̥.і̥ . В живой речи тюркских народностей часто и в других словах получаются слогообразующие согласные, а также слова, состоящие из одних твердых или мягких согласных звуков, например, 45 вместо qыры̥q -би́ш' в живой быстрой речи часто произносится qрq -би́ш' со слогообразующим р" На стр.36 отд.отт.(ВНОТ № 7, стр. 98) находим даже теоретическое определение выпадения: "О наличии в каждом случае того или иного звука можно говорить только тогда, когда мы имеем свойственную этому звуку артикуляцию и соответствующий акустический эффект". Это определение важно, так как при отсутствии артикуляции (хотя бы и при наличии слухового восприятия, "Эффекта") уже нельзя говорить о наличии звука, а приходится говорить только о "восприятии" слушающим собственных и д е й , а не реально существующих звуков, как это имеет место у наших рецензентов.

В статье "Сонорная длительность..." находим аналогичные примеры: " лт ит п ис ма тошто " - сразу мне вспомнилось, барганык б л м (в быстрой речи барганн)- узнав о том, что он ходил ... и т.п. Здесь на слогообразующих согласных л - н может падать и логическое ударение "(ВНОТ, № 8, стр.180). В примечании (на стр.228-229) читаем примеры наподобие кчкі̥нäтäч "маленький петух", в котором имеем стечение трех глухих согласных в начале слова.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что данное довольно большое примечание в статье Г.Шарафа хорошо известно рецензентам, ибо они на стр.12 (отзыва П) цитируют из него -по поводу выпадения гласных при их стечении - однако не желают учитывать примеры Г.Шарафа, подобные кчкі̥нäтäч, иллюстрирующие

выпадение гласных н а ч а л ь н ы х слогов и содержащиеся в том же примечании Г.Шарафа, несмотря на указанную позицию которого рецензенты от имени всех "исследователей татарского языка" о т р и ц а ю т возможность выпадения гласных первых слогов, например, и в моем примере - кшлäр "люди", хотя этот случай ничем принципиально не отличается от примеров Г.Шарафа, в том числе - от его кчкна "маленький" или от примеров В.В.Радлова типа кше "человек" и т.п. (см.ниже)

Отсюда следует логический вывод, что или рецензенты не включают Г.Шарафа в число исследователей татарского языка также, как не включают они и В.А.Богородицкого и В.В.Радлова и других, или же рецензенты понятия не имеют о литературе вопроса.

Некоторые отдельные примеры выпадения гласных в статье "Сонорная длительность..." Г.Шарафа основаны на инструментальных кимографических записях . Здесь находим: стап (2) "угощая" (ВНОТ № 8, 198) статып (3) "заставляя угощать", статы (2) "заставим угощать, потчевать" (ВНОТ № 8, стр.210), статы - мы (2) "будем ли заставлять потчевать", стап- стап (3) "угощая" (сочетание четырех глухих согласных п ст равно по длительности 31,2 сигм); тш а чы ты (3) "вышел на улицу, на двор" (стечение трех глухих согласных в начале слова); ата тчqан (2) "мышь-самец" (стечение трех глухих согласных в начале слова или в середине словосочетания (ВНОТ, № 8, стр.228). В сочетании тшqа - чыqты "вышел на улицу" выпадает не только гласный первого слога, но, поскольку согласно данным Г.Шарафа длительность первого гласного второго слова равна 3,6 сигм, следовательно, имеем относительное выпадение и этого гласного

(здесь цифра 3,6 сигм является средней, следовательно некоторые измерения имеют и меньшую длительность - 13).

Изложенное показывает, что согласно слуховым наблюдениям Г.Шарафа и отдельным его кимографическим записям нескольких слов (наш перечень которых исчерпывающий) I) выпадение гласного первого слога - обычное явление в татарском языке; 2) обычно и выпадение гласного конечного закрытого слога; 3) возможно и выпадение гласных средних слогов слова; 4) возможны даже слова, состоящие целиком только из нескольких согласных; 5) наконец, стечение трех глухих согласных в начале татарских слов и до четырех глухих согласных в середине слов и словосочетаний является вполне допустимым и возможным в татарском языке явлением, (вопреки заявлениям рецензентов), причем словообразующую функцию выполняют глухой спирант щ или сонорные согласные.

А рецензенты от имени всех исследователей татарского языка и просто знающих татарский язык голословно заявляют, что не может быть выпадения гласных начального и конечного слогов в татарском, стечения согласных (например, четырех глухих согласных) и т.п.

Запись на кимограф "для определения сонорной длительности гласных звуков татарского языка в литературном произношении " (ВНОТ, № 8, стр.180) проводилась Г.Шарафом вначале под руководством В.А.Богородицкого и М.И.Берг , затем - самостоятельно (стр.182).

Г. Шараф указывает: "слова произносились нами со средней силой, но достаточно отчетливо.[1] Некоторые измерения мы даем из сочетаний слов в предложении. Но условия татарского языка,

[1] Подчеркнуто мною - У.Б.

в котором слово, взятое в предложении, весьма часто совершенно теряет ударение и вместе с тем полумает сильные изменения в длительности отдельных своих звуков, - выдвигали необходимость пользоваться для большинства опытов изолированными словами" (ВНОТ, № 8, стр.185). Таким образом, Г.Шараф производил записи при полном стиле произношения (как это обычно делается) и даже при"достаточно отчетливом" произношении и з о л и р о в а н н ы х слов (в большинстве случаев). И при этих условиях отмечается на его кимограммах указанные выше отмечаемые Г.Шарафом выпадения гласных первого слога слова, конечного закрытого и других.

А рецензенты не допускают выпадения гласных в указанных случаях даже в связной речи, из которой взяты все мои примеры на стр. 7-10 и др. книги "Звуковой стро..." часть П, голословно отрицаемые рецензентами.

Это объясняется тем, что рецензенты -мишари среднего Поволжья (за пределами ТАССР) (или их ученики)-говоря о полном стиле произношения, подменяют полный стиль казанско-татарского, литературного языка полным стилем м и ш а р е й среднего Поволжья, хотя это не одно и то же, ибо мишари, как известно, вообще говорят медленнее по сравнению с казанскими татарами (наиболее же быстрая речь - в заказанском говоре Атни и Дубъяза), а мишари Саратовские, куйбышевские , ульяновские (в том числе -хвалынские и мелекесские) говорят наиболее растянуто , наиболее медленно (как бы "поют) - среди всех мишарей, и в два-три раза медленнее казанских татар, особенно - по сравнению с заказанским говором, являющимся по всеобщему признанию основой лиературного татарского произношения (за вы-

четом некоторых его особенностей , о чем говорилось выше), причем на словах не отрицают этой основы литературного языка и сами рецензенты. На деле же рецензенты не только понимают под литературно-татарским произношением некое приближение к мишарскому, но они также смешивают и т е м п речи казанских татар, литературного татарского языка - с т е м п о м речи наиболее медленно говорящих средневолжских м и ш а р е й . А между тем, т е м п речи оказывает влияние на степень редукции и выпадения звуков речи, что признается и В.А.Богородицким (например,, см. "Введение" 1953, стр. 91), Г. Шарафом (ВНОТ № 7, стр. 98-99, ВНОТ № 8, стр. 180-181, 195 и др.) и даже самими рецензентами - в отзывах, где они отделяют изолированное произношение от связной речи (например, отзыв I, стр. 5 и др.) и даже "полный стиль произношения" (отзыв П, стр. 9 и др.) - от неполного, хотя и приравнивают полный стиль литературного языка к полному стилю мелекесских или хвалынских мишарей (средневолжских).

*

Но даже и в изолированном произношении, даже у мишарей сами рецензенты отмечают многочисленные случаи выпадения гласных начального слога слов, которые (слова) рецензенты берут в омертвелой застывшей словарной форме и, таким образом, фактически и сами признают возможность выпадения гласных начальных слогов.

*

Доказательство тому следующее.

Помимо упомянутых Л.Заляем (и др.) семи примеров на выпадение гласного первого слога: (ө) йалды "сени", (0)йаһт "стыд", (0) зак "долго" ("средний диалект"),а также: (у) сак "осина",(ы) шаныч "надежда", (ы)лан "дитя"(умарта "улей" ("мишарский диалект") (см. стр.5 отзыва), к которым следует добавить слова черек "гнилой", лэукэ "полок" (ө)стэл "стол", (э)скэмия "скамья" и ряд других, ибо надичие этих форм признается рецензентами - наряду с более полными формами: эчерек "гнилой", элэукэ "полок", өстэл "стол", эскэмия "скамейка" и т.д., причем даже рецензенты не отрицают, того, что более полные формы этих слов являются и относительно более старыми в татарском, а всего случаев подобного рода,т.е. примеров, показывающих выпадение гласных в первом и др. слогах в двух отзывах наберется до двух десятков - помимо всего этого находим десятки и сотни примеров, подтверждающих возможность выпадения гласных первого слога и стечения двух или нескольких согласных в начале слова - в "Диалектологическом словарике" (I-Ш) под редакцией самого Л.Заляя, а в числе составителей фигурируют те же Л. Махмутова и Н.Бурганова (Ш выпуск - только этих двух авторов), а кроме того, аналогичные примеры находятся и в других работах тех же авторов.

Так, в Диалектологическом словарике читаем диалектальные слова: квырма "жаркое" (перевод мой - У.Б., лит. тата - куыру " жарить ", жарение"), квэзлэну " щеголять " (лит. тат. көзэлэну); твар " скот " (лит. тат. туар), пчин, псин "сено" (лит. татарск.печэн), близэ " браслет " (лит. тат. белээк), влама " болтушка " (лит.тат. боламык), крый " край " (лит. тат.кырый) и т.д.; в заимствованиях (в диалектах) : члина " целина ", крапатка "куропатка " бгор, бгур "клубок " (рус. бугор), благан

"пожарная конюшня" (< рус.балаган), клукол "колокол", крамысла "весы" (< рус.коромысло -от весов с коромыслом), крандас, крантас "тарантас", птолук "потолок", тратайка "двухколесная тележка" (ср.рус.таратайка), бром, брум, брон "паром", вратник "воротник", кранташ "карандаш", плук "полог" и т.д. и т.п.

Отпадение начального гласного: лагу "пропадать бесследно"(лит.тат.олагу), трак "стелька"(лит.тат.олтырак), тэрге "долото" (лит.тат.этерге), чаяк (род посуды -ср.лит.тат. эчаяк "тренога" < учак яак "посуда для очага") и т.д. и т.п.

В этом же словаре можно найти десятки -если не сотни- диалектальных слов, по-видимому, заимствованных из русского- с сохранением в начале двух согласных, что могло иметь место лишь благодаря свойству самих татарских слов терять гласный первого слога: брат "брат", крюк "крюк", брач "врач", план "двор" крута "внезапно" (от круто) брюхан "брюква", грубля "грабли", дбур "двор", дрэ, зрэ "зря", знай, "знай"(в смысле "постоянно", "все время", несмотря на"); крис "крыса", плэмэ "племя", прэшкэ "пряжка", скут "свод печи", спас "Спас", страда "страда", прабур "проворный" и так далее и тому подобное, причем многие примеры - из мишарского диалекта, ибо в казанско-татарском, как известно, меньше совпадений с русскими словами и заимствований из русского -по сравнению с мишарским.

Рецензенты, как видим, сами приводят десятки изолированных слов, в которых выпадают гласные первого слога между согласными и отпадают начальные гласные и в то же время эти самые рецензенты голословно отрицают саму возможность подобного выпадения гласных даже в связной речи татар, отмечае-

мую согласно приводимым в диссертации инструментальным данным, хотя, как известно, в связной речи выпадение гласных чаще имеет место по сравнению с изолированным произношением слов.

Рецензентам по долгу службы должно быть известно, и о взглядах В.А.Богородицкого и Г.Шарафа по указанному вопросу и действительно, в брошюре "Основы орфоэпии татарского языка" (Казань, 1953) Л.Заляя читаем на стр.31: "звуки ы - е некоторых безударных, обычно предударных слогов смягчаются, даже выпадают, проглатываются. Об этом ученые, например, и В.А.Богородицкий, оставили правильное объяснение. Он говорил, что якобы ("эйткэн була") выпадает е первого слога слов, пишущихся в форме белеш, то есть по его мнению такие слова должны" (NB!)"читаться и произноситься блем, тлем..." [даю перевод примеров: белеш "разузнай", "знакомый", белем "знание, телем "ломать" - У.Б.] .

Как изложено выше, по мнению В.А.Богородицкого гласные первого слога в подобных словах могут выпадать в татарской речи и часто фактически выпадают. Рецензенты же необоснованно приписывают В.А.Богородицкому требование о том, что якобы эти гласные д о л ж н ы выпадать. Тем самым рецензенты переводят речь с плоскости констатации реально существующих фактов на зыбкую почву долженствования, нормирования языка и проч.и по сути дела искажают высказывания В.А.Богородицкого-как и мои выводы.

ж

Изложенное показывает, что факт выпадения гласных в первом и последнем слогах и в абсолютном начале слова, как и закономерность стечения до трех согласных в начале слова и до четырех - в середине - разумеется все это при определенных условиях, в определенных случаях - является э л е м е н т а р н о й истиной науки, известной еще в прошлом XIX веке, а инструментальные данные в диссертации подтверждают указанные языковые факты (и дополняют и уточняют их). Поэтому необоснованное отрицание этих лингвистических фактов нашими рецензентами, исходящими по их собственному признанию лишь из слуховых наблюдений и претендующих выступать от имени всех исследователей татарского языка в действительности не только противоречит выводам В.В.Радлова, В.А.Богородицкого, Г.Шарафа, Дж. Киекбаева и ряда других наиболее серьезных исследователей как татарского, так и тюркских языков вообще, но не согласуется даже с данными и выводами с а м и х рецензентов, изложенными в и х с о б с т в е н н ы х опубликованных работах и даже с рядом примеров в рассматриваемых отзывах.

Г Л А В А II ВЫПАДЕНИЕ ГЛАСНЫХ В ТАТАРСКОМ И АРАБСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Как известно, во многих языках мира нередко гласный в одной форме слова чередуется с нулем его в другой форме того же слова или в другом слове того же корня. К таким случаям, как известно, могут быть отнесены и такие пары слов в русском, как например: день - дня, пес - пса, меня - мне, город -град, молочный - млечный (напр., млечный путь) и т.п., а также чисто фонетические чередования: суголока- /суголка, пожалуйста - пожалуйст (а) и т.д. Поскольку буквенное письмо по своей идее является звуковым, фонетическим (точнее - фонологическим), орфография, как известно, в конечном счете постоянно приспосабливается к изменениям в произношении, что на примере русского языка отражается в в отмене непроизносимых букв и др. изменениях орфографии после Октябрьской революции, в таких заменах как итти "вместо идти" и т.п., а также видно из недавно закончившейся дискуссии по русской орфографии. При этом русская орфография ориентируется на литературное произношение, в основном - московское, независимо от диалектальных вариантов наподобие "мене" или "мипе" - вместо "мне".

По мнению В.А.Богородицкого в татарском - как и в русском - существуют грамматические чередования гласного с нулем звука - в разных формах слова, которые (чередования) возникают по его мнению из фонетических чередований, например, мен "поднимайся" - мнэ "поднимается", қош "птица" - қушлар "птицы" и т.п., возможно также фонетическое выпадение гласного I слога в словах

к(е)ше "человек" и т.п. (см.выше).

История татарской орфографии как до 1917 г., так и после показывает наличие колебаний в обозначении на письме выпадающих кратких гласных, особенно -негубных. Одним из примеров подобных колебаний является то, что, например, в книге М.Курбанташева и Х.Бадыгова " Синтаксис родного языка" (Казань,1919г.- на тат.яз.), в труде Г.Алпарова "Грамматика татарского языка на формальной основе" (см.Г. Алпаров "Избранные произведения", Казань, 1945, стр. 111, на татарск.яз.) и других авторов аффикс сравнительной степени обозначается рак // рэк // ырак // эрэк, тогда как ныне этот аффикс пишут лишь в двух формах: рак - рэк - без начального гласного э // е - независимо от того, присоединяется ли этот аффикс к словам, оканчивающимся на гласный или же - на согласный. По русско-татарскому словарю от 1929 года, изд. в Казани, имеем написание كشى = кше "человек", тогда как у М. Курбангалиева в указанной работе от 1919 г. находим كششى = кеше "человек" и т.д. и т.п. В подобных случаях, число которых можно увеличить ,как видим, татарская орфография - по сравнению с 1919 годом - шла по тому же пути, что и русская орфография, исключая из орфографии слов те гласные, которые выпадают или могут выпадать в речи (в приведенном аффиксе выпадение относительное, тогда как в слове к(е)ше -абсолютное), хотя теперь вновь вернулись к написанию кеше "человек" и т.п.

Наличие фонетических чередований в татарском, подобных описанным В.А.Богородицким (а ранее его - В.В.Радловым), т.е. выпадение гласного в одних случаях и сохранение его - в других,

подтвердилось при нашем инструментальном исследовании. Отсюда даже без специального фонологического анализа ясно, что в подобных случаях - при выпадении гласных - не может итти никакой речи и о фонологической функции выпавших гласных - и не только при абсолютном, но и при относительном их выпадении, т.е. когда длительность этих гласных не превосходит таковой протетического гласного, не ощущаемого, однако, носителями языка.

В соответствии с изложенным и исходя из фонетической природы буквенного письма, в качестве одного из побочных продуктов инструментального исследования, в подстрочном примечании на стр. 18 автореферата и в одном абзаце и подстрочном примечании на стр. 36 "Звукового строя...." часть II мною делается вполне последовательный вывод по (неотносящемуся к теме диссертации) орфографическому вопросу, а именно -следующий: "Поэтому обозначение этих практически, а иногда абсолютно не существующих в речи узких и смешанных << редуцированных >> гласных особыми буквами в орфографиях некоторых тюркских языков едва ли может быть признано целесообразным с научной, а также и практической точки зрения (не приходится уже говорить о том, какую пользу получило бы государство в области экономии металла, бумаги, времени при условии внедрения этого предложения". (См. автореферат) Иначе говоря, поскольку гласные выпадают в речи в том или ином слове, в той или иной позиции, то незачем их обозначать особыми знаками в орфографии этих слов или в данных фонетических позициях.

Приведенное мое подстрочное замечание послужило исходным и заключительным, конечным пунктом для обеих рассматриваемых

рецензий, едва ли на все остальные содержание которых по существу концентрируется вокруг этого моего подстрочного примечания и почти целиком направлено на представление будто бы доказательств,(а на самом деле - голословных утверждений) , что гласные в татарском якобы не выпадают (или почти не выпадают) и что поэтому будто бы несостоятельно это практическое предложение диссертанта,содержащееся в его подстрочном примечании. Связывая это примечание в книге с арабской письменностью, рецензенты тем самым внушают слушателю, что якобы выводы диссертации будто бы основаны не на инструментальных данных, полученных автором книги, а якобы эти выводы диссертации опираются на правила арабского письма, хотя в подтверждение этого не только не приводится в отзывах ни одного аргумента, но напротив, рецензенты сами признают, что мои инструментальные данные, послужившие основанием для данного оспариваемого рецензентами вывода, получены мною при записи произношения вполне определенных дикторов, имена которых известны и указаны в книгах и диссертации. И все это -несмотря на то, что, как показано ниже, мои данные и выводы во многом дальше отстоят от наиболее общих правил арабского письма в татарском - по сравнению со взглядами самих рецензентов на данному вопросу и несмотря на то, что в самом арабском письме в татарском имелся ряд колебаний в написании, лишь в очень небольшой части показанных выше.

На стр. 8 отзыва I рецензенты заявляют "У.Байчура приходит и к ошибочным выводам. Так, на стр. 36. где берется под сомнение фонологическая роль кратких и смешанных гласных, автор предлагает исключить их из алфавита (см.36, п.3 и сноску)".

Обращает на себя внимание неопределенность выражений рецензентов, а также многостороннее несоответствие действительности, противоречие фактам диссертации и рецензируемой книги этого высказывания авторов отзыва.

Во-первых - о неопределенности и бездоказательности. Заявив о якобы "ошибочных выводах" и косвенно задев в последующей фразе вопросы фонологии, рецензенты сразу переходят к орфографии, даже не указав определенно, согласны они или несогласны с фонологическими выводами. Но прежде, чем решать вопросы орфографии, необходимо решить фонологические вопросы, ибо научно обоснованные правила орфографии могут быть лишь следствием фонологических выводов. Рецензенты, напротив, в оценке фонологических вопросов исходят из орфографии, причем заявляют вопреки фактам, что орфографические выводы диссертанта совпадают с правилами арабского письма, а так как последние "осуждены общественностью" (стр.9 отзыва), то по логике рецензентов отсюда следует вывод, что и "осужденными" оказываются и фонологические взгляды диссертанта. Каких либо иных аргументов в подтверждение своего несогласия с фонологическими выводами диссертации, (к тому же основанными на инструментальных данных) рецензенты не приводят.

Во-вторых, о противоречии фактам утверждений рецензентов.

I. Не соответствует действительности безоговорочное заявление рецензентов о том, что " берется под сомнение фонологическая роль кратких и смешанных гласных".

На стр. 22 и др. "Звукового строя.." часть I и в I томе диссертации -вопреки утверждениям рецензентов -доказывается, что четыре кратких гласных являются фонемами татарского языка -также как и шесть долгих гласных.

На стр. 36 "Звукового строя..." часть II (на эту страницу ссылаются рецензенты) излагаются фонологические выводы из предшествующего обзора инструментальных данных о выпадении гласных (стр.7-35), согласно которым вне всякого сомнения краткие гласные теряют фонологическую функцию в ряде позиций, но не вообще теряют. А рецензенты, не дающие никаких оговорок, приписывают мне отрицание фонологической функции кратких гласных вообще.

2. В соответствии с изложенным в книге и диссертации предлагается не обозначать на письме фактически не произносимые гласные, если угодно -"исключить" такие буквы, но лишь из орфографии" слов -в определенных позициях -(каких именно - излагается на предшествующих страницах 7-35 книги), а вовсе не предлагается исключить "из алфавита" соответствующие буквы- как утверждают вопреки фактам рецензенты.

3. Наконец, противопоставление рецензентами (в нескольких местах отзыва) "Кратких и смешанных" гласных в применении к татарскому языку несостоятельно, ибо в татарском все краткие смешаны, а все смешанные гласные - краткие, что было доказано мною еще в кандидатской диссертации (1953)[I], причем самый термин "смешанные" впервые введен в татарское языкознание мною, а рецензенты, подхватившие этот термин в отзыве, не потрудились даже выяснить то, что этот термин обозначает.

I См. также, "Звуковой строй...", часть I, стр.35-38, 59-62 и др., а также соответствующие приложения к книге.

Возражая против результатов инструментальных данных, против выводов, содержащихся на стр. 36 рецензируемой ими книги, авторы отзыва не приводят ни единого научного аргумента. Вот их возражения по данному вопросу, приводимые целиком (стр.8-9 отзыва I).

"В истории тюркских языков был период, когда из всей системы вокализма обозначались на письме всего три знака. И как далеко было это письмо от народного языка! Об этом с горечью говорил еще просветитель XIX века Каюм Насыри "

[то, где, когда, что именно говорил, но не доказывал Каюм Насыри -рецензенты умалчивают и как увидим ниже, не случайно] . Далее рецензенты продолжают: "При переходе на латинский алфавит (в 30-х г.г.) по поводу обозначения на письме кратких гласных самостоятельными знаками было много споров, обсуждений и экспериментов. И тогда, не без влияния арабского письма краткие и редуцированные гласные не обозначались на письме, что крайне затрудняло обучение грамоте. Так что в этом вопросе У.Байчура, прикрываясь фразой об экономии металла бумаги и времени" (это в примечании то, да еще подстрочном, "прикрываясь"!) не только не делает никакого научного открытия, но и пытается повернуть назад к уже пройденному и осужденному общественностью этапу".

Как видим, цитированный абзац рецензии представляет из себя нагромождение серии голословных риторических заявлений, никакими фактами не подтвержденных, и тем самым демонстрирует один из широко применяемых в обоих этих отзывах прием, с поз-

воления сказать, научной полемики.

Результатам инструментальных данных, приводимым в диссертации и книгах, в отзыве противопоставляются 1) какие-то высказывания одного просветителя XIX века - без указания не только его доводов, но даже того, что именно говорил этот просветитель и, без упоминания даже работ последнего - не говоря уже о ссылках на страницы; 2) неопределенные ссылки на общественность, аргументы которой не приводятся, но зато указывается в отзыве, что "по поводу обозначения на письме кратких гласных ... было много споров", что само по себе уже показывает, что мнение общественности, на которую ссылаются рецензенты не было единым, а кроме того это мнение касалось не фонетики, а орфографии, а между тем даже рецензенты, смешивающие эти две вещи, признают, что орфография может строиться не на фонетическом принципе, ввиду чего это мнение общественности вообще не имеет отношения к фонетике и, следовательно, к теме диссертации; 3) ничем не аргументированное заявление, что У.Байчура, якобы " прикрывается фразой", "не делает никакого научного открытия", "пытается повернуть назад"; 4) наконец, противоречащее фактам утверждение, что при арабской письменности "из всей системы вокализма обозначалось на письме всего три знака" и т.п. (подчеркнуто мною - У.Б.).

Все эти голословные заявления в отзыве, разумеется, не только не могут служить никаким опровержением инструментальных данных и выводов из них, из которых целиком состоит рецензируемая в отзыве книга, но более того, все эти голословные заявления рецензентов не имеют никмкого отношения к теме диссертации и книги.

Однако ввиду упомянутого выше решения о доработке диссертации, я вынужден более детально рассмотреть возражения рецензентов.

О мнении научной татарской и иной общественности было сказано выше (гл.I).

Выражение рецензентов,что якобы У.Байчура "прикрывается фразой" (об экономии) не относится к области научных понятий и терминологии.

Как видно из контекста фразы в отзыве, неопределенное (в научном отношении) выражение: "прикрываясь фразой" приравнивается рецензентами к научным понятиям и терминам: "аргумент", "доказательство". Такое толкование подтверждается тем, что это выражение противопоставляется в отзыве выражению "научное открытие", которого, по мнению рецензентов, диссертант не совершил, хотя он якобы и " прикрывается фразой", откуда следует, что это "прикрытие" якобы могло если не способствовать научному открытию, то во всяком случае создать видимость аргументации выводов диссертанта. Тем самым в отзыве утверждается, что впадение безударных гласных, наличие или отсутствие у этих гласных фонологических функций в конкретных позициях, как и вытекающие отсюда орфографические выводы будто бы аргументируются, доказываются в диссертации указанным подстрочным примечанием -об экономии (стр.36 "Звукового строя..." часть II).

При любом ином толковании этого выражения рецензентов: "прикрываясь фразой" - оно теряет всякий научный смысл и само превращается в бессодержательную (и также ничем не доказанную) фразу.

. Между тем, в действительности -напротив -выпадение гласных доказывается инструментальными данными, приводимыми на предшествующих страницах книги (стр.7-35), тогда как данное подстрочное примечание (на стр.36 книги) является не аргументом, не основанием, не причиной, а следствием, не доказательством, а практически полезным выводом из уже доказанного факта - выпадения гласных (и частичной потери ими фонологических функций) в определенных, перед этим перечисленных (на стр.7-35 книги) позициях.

Как это обычно имеет место в данных двух отзывах, рецензенты смешали причину со следствием и произвольно поменяли их местами.

Таким образом, если с одной стороны (как показано в I и II главах), истинность, действительность основания для выводов (т.е. показания приборов) диссертации рецензенты рассматривают и оценивают с точки зрения содержания выводов,(а не сточки зрения качества этих аргументов, доказательств и сами косвенно признают это, например, стр.I-2 отзыва I), то с другой стороны, в данном примере - следствие из результатов исследования авторы отзыва выдают за основание для этих результатов, выводом из которых это следствие в действительности является.

Теперь перейдем к рассмотрению некоторых особенностей арабского письма в татарском.

Здесь прежде всего следует отметить то,что - вопреки голословным заявлениям рецензентов-согласно арабскому письму на татарском языке обозначалось вовсе не три, а все десять татарских гласных и более того, вообще не было периода в татарской орфографии ни на арабской, ни на какой либо иной основе, когда бы "из всей системы вокализма обозначались на письме всего три

знака". Рецензенты, окончившие медресе, казалось бы должны были знать об этом.

Так, например, в брошюре Гыймад Нугайбека "Основы орфографии", Казань, 1928, напечатанной уже на латинском шрифте, на стр.7 находим следующий список букв для обозначения татарских гласных как по арабской, так и по латинской орфографии:

ئا (a)، ە (ə)، ۆ (o)، ۇ (ə)، ئو (u)،
ئو (y)، ۆ (ь)، ئۆ (e)، ئى (ьj)، ئى (i).

Итого десять букв, в том числе шесть букв для шести долгих гласных и четыре буквы для четырех кратких (смешанных, редуцированных) гласных. Те же десять арабских букв для обозначения десяти гласных встречаем в "Палатограммах" Г.Шарафа (ВНОТ, № 7, 1927, стр. 90 и др.) в его "Сонорной длительности" (ВНОТ № 8, 1928) и в любой другой татарской книге того, а также и более раннего периода, например, в указанной книге М. Курбангалиева и Х.Бадыгова "Синтаксис родного языка", Казань,1919.

Не менее десяти знаков для обозначения десяти гласных татарского языка находим и в дореволюционных изданиях, например, в следующих книгах: "Татарские поэты" писателя-классика Г.Ибрагимова, Оренбург, 1913; "Собрание сведений из истории Казани и Булгар" известного историка Ш.Марджани (Казань,1897, 1900) и даже в "Сказании об Авиценне (Казань,1880 г.), изданном самим Каюпом Насыри , на которого ссылаются рецензенты. И более того, даже надписи на древних Булгарских намогильных памятниках XIII-XIУ веков (не говоря уже о позднейших документах), опубликованные в упомянутой книге Г.Юсупова, свидетельствуют о том, что еще семьсот лет назад обозначались на письме десять гласных, соответствующие современным десяти,

в том числе - как долгие, так и краткие, причем существовало не менее десяти знаков для обозначения гласных, например, буквы: ха -немое, а лиф, алиф с маддой, вав, вав с даммой, яй, яй с кясрой и т.д. и харакаты: фатха , кясра, дамма, которые могли нередко использоваться самостоятельно - ср., например, слова алты "шесть" улы "его сын" и др. - в табл. 3,13 и др. в книге Г.Юсупова (памятники от I29I г. и от I3I6 г.) Причем все это - еще не считая позиционных вариантов арабских букв и ряда ~~устойчивых сочетаний, число которых~~ более или менее устойчивых сочетаний, число которых вместе взятых намного ~~вместе взятых~~ больше.

Вот почему не соответствует действительности нелогичное ввиду его неопределенности, а следовательно неистинное утверждение рецензентов о том, что якобы "в истории тюркских языков был период, когда из всей системы вокализма обозначались на письме всего три знака". Такого периода не могло быть уже по той причине, что "письменные знаки" вообще не входят в систему вокализма, ибо последняя состоит из звуков, а не букв. Рецензенты, как видно, не отличают буквы от звука, о чем также свидетельствует и их утверждение, что якобы "краткие и редуцированные гласные не обозначались на письме" в латинской орфографии "30-х годов" якобы под влиянием арабского письма на татарском (стр.9 отзыва). Гласные, соответствующие современным татарским кратким в ряде случаев обозначались даже в Орхонских рунических надписях УI-УШ веков -не говоря уже об арабской и тем более, латинской письменности в татарском.

Более того, в современной арабской письменности персов

для обозначения шести гласных фонем персидского языка используется семь знаков, а два дифтонга обозначаются двумя соответствующими сочетаниями арабских букв.[I]

И в самом арабском языке обозначается не менее шести гласных: три долгих и три кратких и для каждого из этих гласных существуют, как известно, специальные знаки: буквы "яй", "вав" "алиф" и харакаты: кясра, дамма, фатха (не считая других значков), причем последние всегда проставляются на письме там, где есть опасность разночтений и смешения слов, в Коране же -проставляются всегда. И все это еще не считая позиционных видоизменений арабских букв, сочетаний и др. - во всех упомянутых языках.

По своему положению, по долгу службы все пятеро рецензентов казалось должны были бы знать все изложенное о количестве знаков в арабской графике. Более того, рецензенты Л.Далляй и Р.Газизов получили образование в медресе, духовном мусульманском училище, где в первую очередь, преподавался арабский язык, и уже поэтому они не могут не знать того, что не было "такого периода, когда из всей системы вокализма обозначались на письме три знака". И тем не менее они утверждают это.

Что же касается системы татарского письма по арабской графике, то она также свидетельствует против утверждений рецензентов.

Правила татарского письма согласно упомянутой книге М.Курбанталиева и Х.Бадыгова-от I9I9 года-по интересующему нас в

I См.,напри.,"Краткий очерк грамматики персидского языка" В.С.Расторгуевой - в Персидско-русском словаре Б.В.Миллера, М.,I950,стр.I06I,I065,I076 и др.

данном случае вопросу-о написании или пропуске букв для гласных в татарском-сводятся к следующим:

I. В абсолютном начале и абсолютном исходе всегда обозначаются все гласные: как долгие, так и все четыре кратких.

2. Долгие гласные (6) и краткие губные гласные (2), как правило, обозначаются во всех слогах слова.

3. Краткие негубные гласные (2), помимо указанного в пункте I, обозначаются а) как правило, также в первом слоге слова-между двумя согласными (исключение: бр "один"- наряду с бер "один"); б) большей частью обозначаются и в основах слов (в непервых слогах) хотя иногда могут и не обозначаться; в) в аффиксах, как правило, не обозначаются, т.е. здесь имеем морфологический принцип письма; г) при стечении нескольких гласных негубные краткие гласные часть пропускаются; д) в некоторых случаях обозначается большее число гласных звуков в слове - по сравнению с современной орфографией, например, билеге знак", зур-ырак "больше" и др. - см.книгу М.Курбангалиева-стр. 93 и др. (по современной орфографии эти слова пишутся билге "знак", зуррак "больше").

4. Слова, заимствованные из арабского, большей частью пишутся согласно обычной арабской орфографии, без харакатов (надстрочных и подстрочных значков для гласных).

Если обратимся к русско-татарскому словарю 1929 г. (на правила этого года ссылаются и рецензенты), то в общем находим такие же принципы обозначения, с тем лишь отличием, что краткие негубные (ы, э) в первом слоге основ (между двумя соглас-

ными) опускаются чаще, по сравнению с рассмотренными правилами 1919 года, хотя могут и обозначаться, например, شملانو шымлану "суеверие" и др. Кроме того, здесь чаще опускаются негубные краткие, а редко - и губные краткие - в средних словах трех - и более сложных слов, хотя и это не является абсолютным законом, так как часто эти краткие гласные сохраняются в письме, например; qалдыру "оставление", ителӱ - страд. от итӱ "делать", jанqырап "загремев", ишетелӱ "слышаться" и т.д. и даже jафырaq "лист"-при современном правописании и орфоэпическом произношении с пропуском гласного: яфрак "лист".

Для тысячелетней практики дореволюционного татарского письма на арабской графике характерным является отсутствие строгих правил правописания, в результате чего нередко один гласный мог обозначаться различными буквами или же, напротив, часто одним знаком обозначались различные гласные, а нередко опускались в письме те или иные буквы, обозначающие гласные - в конкретных позициях и словах, у конкретных авторов, но, как правило, лишь там и тогда, где и когда не было опасности смешения данного слова с другим. Иными словами здесь, в области графики, и притом,- на уровне слов (а не на уровне звуков речи -фонем) можно видеть материальное воплощение структуралистского принципа и противопоставления и различения, хотя с другой стороны возможно рассматривать этот способ обозначения как принцип сохранения в письме общего облика слова, о котором говорил (в плане фонем) С.И.Бернштейн [1])

---

1) См.Известия АН СССР ОЛя,1952, т.XI, вып.6, стр. 541-559.

. Ввиду изложенного, невозможно говорить о точных правилах дореволюционной татарской орфографии, а можно вести речь только лишь о традиции письма. Эта традиция, которую в некоторой мере мы проследили от наших дней до XIII-XIУ веков, свидетельствует о том, что I) всеобщей закономерностью является постоянное обозначение всех гласных в абсолютном начале и абсолютном исходе слов; 2) в первом слоге между двумя согласными, помимо долгих гласных, обычно всегда обозначаются также и краткие губные (а нередко и негубные) гласные - даже в памятниках XIII-XIУ веков, не говоря уже о более поздних. Например, в намогильных памятниках от I3I4, I3I7 и др, годов находим слово қылған "сделал","сделавший", қылсун "пусть сделает" и др.(см.Г. Юсупов, цит.раб.,приложения). Аналогичные примеры: қылған "сделавший", "сделал" встречаем у Кәюма Насыри (цит.раб.I880) и қылынған "сделанный " - у Г.Ибрагимова (цит.раб. I9I3), тогда как у Ш.Марджани находим қылуб "делая" (цит.раб.I897) - с пропуском гласного (в некоторых же случаях, напротив, можно встретить более полную форму написания слов у Ш. Марджани) 3) Долгие, а также губные (а нередко - и негубные) краткие гласные обозначаются большей частью и в непервых слогах основ, а часто и в аффиксах: лар//лэр//лр (афф.множ. числа), уп//п (деепричастный аффикс) и др., в том числе - у Ш. Марджани и др. Так в указанном труде Ш.Марджани находим : нурыны "его луч" (винпад.) (стр.244) -при современном литературно-татарском нурын; Дағстан "Дагестан" (242); тәрағы "его жилье"(247), ирешә "достигает" (239) , итдилэр "сделали" (257), булуп "будучи"(I82), курп "уидев (I82,200) (ср.совр., лит.тат. булып "будучи", куреп "увидев"), әлүү "великий"

(I44), элэсы "наибольший из них" (248), үч "три" (I98) и т.д. , хотя общей характерной особенностью дореволюционного татарского письма является пропуск (главным образом) негубных кратких гласных в средних слогах трех и более сложных слов.(а нередко -и внутри конечного закрытого слога), что впрочем, как видим, далеко не всегда имеет место. Иногда возможен и пропуск на письме долгих гласных средних слогов: эшлри "его дела" и т.п. (Ш.Марджани, цит.раб.,20I и др.)[I] 4) Другая общая особенность -опускание кратких негубных (ы, э) при стечении нескольких гласных (напр., -трех гласных). Примеры на последнее находим и у М.Курбангалиева (цит.раб.от I9I9): а у(ы) ллар(ы)ндагы "находящийся в их деревне", рәүү(е)шдә " в форме", ай(ы)рыла "расстается", куй(ы)логан "положенный" , ау(ы)ллар "деревни", җәй(е)лгән "простершийся," расплывающийся".

ж

После этого рассмотрения сравним теперь установленные особенности татарского письма на арабской графике с данными и выводами диссертации - с одной стороны и с точкой зрения рецензентов, выраженной в их отзывах - с другой стороны.

I) Согласно традиции арабского письма в татарском (от XIII века до I929 г.) все долгие и все краткие гласные в абсолютном начале и абсолютном исходе слов всегда обозначаются.

I Ср. примеры алашар, чабатлар и т.п., приводимые самими рецензентами в отзыве II (вместо алашалар- "мерины", чабаталар "лапти")

В диссертации и моих книгах, напротив, доказывается (инструментально), что как начальные гласные слова, так и конечные (в исходе) м о г у т выпадать и л и оглушаться ("Звуковой строй", ч.П, стр.9).

Рецензенты же обоих отзывов - в полном согласии с традицией арабского письма в татарском - о т р и ц а ю т саму возможность выпадения гласных в абсолютном начале слова, а авторы второго отрицательного отзыва (Л.Махмутова и Х.Курбатов), кроме того, возражают также и против приводимых в диссертации примеров на оглушение (или выпадение) конечного гласного, причем по-существу вообще отрицают возможность такого выпадения кроме как в одном слове тәрәз(ә) "окно" - в мишар-татарском (ср.лит.тат. тәрәзә // тәрзә "окно") и еще в двух-трех заимствованных словах (отзыв I - стр. 4-6: отзыв П -стр.9-I0,I3,I4 и др.).

2) Согласно практики арабского письма в татарском наиболее часто опускаются краткие негубные нласные в аффиксах, ср., например, көчлэп "насильно", төшп "спускаясь" (словарь I929 г.), курп "увидя" (Ш.Марджани, цит.раб.,I82,200) и др.(Ср.совр.лит.тат.: көчлэп, төшеп, куреп).

В диссертации же, напротив, доказывается, что в таких случаях м о г у т выпадать гласные корня, тогда как гласный аффикса п р о и з н о с и т с я : тшөп "спускаясь", күлап "насильно" и т.п. ("Звуковой строй...",часть П, стр. 7 и др.).

Рецензенты же первого отзыва в о з р а ж а ю т против такого типа примеров в диссертации и , в полном согласии с

традицией арабского письма в татарском, утверждают, что н е м о ж е т выпадать гласный первого слога, т.е. корня (отзыв I-стр.3), тогда как рецензенты II отзыва не говорят по этому поводу чего-либо определенного, однако приводимые и м и примеры также показывают совпадение с общей закономерностью а р а б с к о г о написания: бурк "шапка" (ср.лит.тат, бурек "шапка"), кырк "сорок" (ср.лит.тат.кырык "сорок" и т.д.- отзыв II, стр. I4.)

3) Наиболее часто в арабской письменности опускаются в татарском гласные средних слогов трех и более сложных слов.

В диссертации инструментально доказано, что такое выпадение гласных возможно в татарском, но, во-первых оно - лишь один вид выпадения из многих, а во-вторых, во многих таких словах часто выпадает гласный первого, иногда - последнего, а вовсе не среднего слога ("Звуковой строй",ч.II,стр.7-I0).

Рецензенты же этот наиболее распространенный в арабском письме тип пропуска гласного (среднего слога) объявляют едва ли не единственно возможным (не считая стечения гласных и отдельных примеров). Так, в отзыве I -Л.Заляя, стр.3 вопреки истине и фактам утверждается что только средний гласный может выпадать в словах кешелэр "люди", тешереп "отпуская" и т.п., хотя такое выпадение в данных словах возможно лишь у мишарей, а в казанско-татарском и литературно-татарском вообще не может быть выпадения гласных в средних слогах этих и им подобных по вокализму слов(т.е. содержащих краткий гласный в первом слоге)[I] и в действительности в таких словах в казанско-

I Кроме случаев, когда выпадают и первый и второй гласные слова -см.стр.7,36 строя, ч.II

татарском (а также и литературном) могут выпадать только гласные п е р в о г о слога, на что указывали еще В.В. Радлов, В.А.Богородицкий и др.и что подтверждено инструментальными исследованиями в диссертации (см.подробнее ниже). Во П отзыве - Л.Махмутовой (стр.I0-II,I4 и др.) утверждается примерно то же, что в первом отзыве. Например, стр.II утверждается: "В диалектах..... э начальное.... не выпадает, а выпадает или редуцируется...э(е) первого предударного слога: эчрек // эчерек", на стр.I4 приводятся другие подобные примеры, как бар(ы)сы "все", бур(е)ке "его шапка", чабат(а)лар "лапти", алаш(ал)ар "лошади", " кал'ус(а)лар "колеса", вариг(а)лар "варежки" и др. примеры, в которых, по мнению рецензентов, выпадают средние гласные и которые представлены рецензентами в качестве единственно возможного типа выпадения - взамен отвергаемых примеров диссертации: (э)черек "гнилой", барыс(ы) "все", бус(ы) "этот" и др. Тем самым,и эти рецензенты выдают, по существу, за единственно возможное выпадение гласных в татарском тот тип, который полностью соответствует пропуску гласных согласно традиции арабского письма.

4) При стечении трех гласных краткие негубные опускаются согласно практике арабского письма в татарском.

В диссертации и книгах такие случаи на материале татарского языка специально не рассматриваются.

Что же касается авторов отзывов, то, например, Л.Заляй, считающий дифтонгами или трифтонгами любое разложимое комбинаторное сочетание соответственно одного или двух гласных с "полугласным (сонорным)" (Татарская диалектология, Казань, I947, стр.ср. I05,II9,33,80), в своей брошюре "Орфоэпические

основы татарского языка" (Казань, I953), утверждает, что будто бы орфоэпически следует произносить т ы й л у "запрещение"-вместо лит. татарского и казанско-татарского т ы ы л у "запрещение" (орф.тыелу), жайна "его удобству" вместо лит. и каз.тат. жаjына (орф.жаена), айрылу вместо лит.каз. тат. аjырылу" расставание" (орф.аерылу), тәйре "его комок" вместо лит. и каз.тат. тәйәре (орф.тәере) "его комок" и т.п. и даже якобы в сочетании чәй эчу "пить чай" → чәйчу по мнению Л.Заляя будто бы также составляется трифтонг из двух последних звуков первого слова (чәй "чай") и начального гласного второго слова (эчу "пить"), который ("трифтонг") превращается будто бы в дифтонг "эй", хотя последний может распадаться морфологически ,-например, при добавлении аффикса принадлежности ы // э: чәjе "его чай" (стр.I8-I9, 22 и др.) Неудивительно, что Л.Заляй подобным способом якобы обнаружил в татарском I7 "дифтонгов" и несколько "трифтонгов"(стр.89), которые, однако, как следует из изложенного и как показано в диссертации, могут на самом деле существовать только в воображении Л.Заляя. Однако для нас важнее сейчас другое, именно то, что Л.Заляй подгоняет татарскую орфоэпию под этимолого-морфологические правила арабского письма при стечении трех гласных (как и в ряде других случаев -ср.выше).

Хотя арабское правописание в татарском лишь частично являлось фонетическим, а в ряде моментов - оно основывалось на морфологическом и историко-этимологическом принципах написания, однако рецензенты, строят орфоэпию татарского языка и фонетику его диалектов , исходя из традиции арабского письма в татарском.

Таким образом, рецензенты смешивают арабскую орфографию в татарском с современным татарским произношением, а тем самым смешивают и фонетику с морфологией, ибо арабское письмо в значительной мере опиралось на морфологический принцип.

Ниже приводится исчерпывающий перечень примеров на выпадение гласных в словах татарского языка (в том числе -заимствованных), содержащихся в пунктах I,2,9,I0,I3,I4 на стр.7-I0 "Звукового строя" часть П, п р о т и в которых (примеров) возражают рецензенты, причем для наглядности большая часть этих примеров (две трети) представлена в виде таблицы (на стр.....), в которой для сравнения привожу такие написание этих слов по арабской графике - согласно русско-татарскому словарю от I929 года, причем на правила этого года ссылаются при критике сами рецензенты (отзыв П) или же они ссылаются на 30-е годы (отзыв I), что не улучшает их положения, ибо после I929 уже идет даже не арабская и лишь латинская письменность в татарском. Выпадающие (или оглушающиеся) гласные в таблице заключены в скобки. В качестве примечания к приводимой таблице, следует оговорить, что поскольку мы ведем речь о наличии или отсутствии гласного, то в этом случае для нас в первую очередь имеет значение лишь факт наличия или отсутствия обозначения или не обозначения на письме гласного, тогда как качество (а не количество) гласного, как и с п о с о б его о б о з н а ч е н и я на письме при данных условиях, при данной постановке вопроса рецензентами (выпадают- не выпадают)не имеет значения.

Остальные I3 примеров, вызвавшие возражения рецензентов,-

№ п	Транскрипция по книге "Звуковой строй" часть II, стр 7-10	Арабское написание по словарю 1929 г.	Транслитерация на русский - с арабского написания	Русский перевод
	2	3	4	5
	(u)saq	ئوساق	усак	осина
.	(ɔ̇)lɔ̇š	ئولش	өлш	доля, часть
.	(ɔ̇)ɕɔ̇n	ئوچن	өчн	для
.	(ɔ̇)stæl	ئوستەل	өстэл	стол
.	(ɔ̇)stæp	ئوستەب	өстэп	добавив
.	(ə̇)lmæk	ئلمەك	элмэк	петля, вешалка
.	(ə̇)ɕæɣə̇	ئچەگی	эчэге	его кишка
.	(ə̇)ɕə̇næ	ئچکە، ئچنە	эчкэ, эченэ	внутрь, во внутрь его
.	(ə̇)ɕə̇rə̇k	چرك	чрк	гнилой, гниль
0	(ɔ̇)jaldə	ئوی الدی	өйалды	перед дома, площадка перед домом
1	(je)vrapeiskix	ئاوروپا	аурупа	Европа, европейских
2	šš̌ə	شوشی	шушы	этот
3	tš̌ə̇p	توشب	төш(е)п	спустившись
4	kɕläp	کوچلەب	көчлэп	насильно
5	pɕraq	بلچراق	блчырак	грязный
6	t(ɔ̇)š̌ɔ̇rɔ̇p	توشورب	төшөр(е)п	опустив, уронив
7	bus(ə)	بوسی	бусы	этот
8	täräz	تەرەزە	тэрэзэ	окно
9	barəs	بارسی، بارسی	барысы барсы	все

о том, что, якобы не могут выпадать гласные первого слога между двумя согласными - суть следующие: к(ə̇)šə̇ "человек", к(ə̇)š(ə̇)lær "люди", bskä (< bə̇zγä)"нам", р(ə)ɕaq "нож", р(ə̇)ɕän "сено", b(ə̇)räŭ "один", к(ə̇)rə̇š "вступление", b(ə̇)lə̇š "знакомый", "узнай", b(ə̇)län "с"(послелог), t(ə̇)lim "хочу", q(ə)zəl "красный", ɕ(ə)qqan "вышедший", baq(ə)r "медь", "медный", то есть за исключением последнего слова, все это примеры на выпадение гласного первого слога в позиции между согласными.

Согласно словарю 1929 г., действительно, эти 13 слов пишутся с пропуском гласного первого слога слова, хотя, как видно из приведенной выше таблицы, в других случаях и то же между согласными краткий гласный первого слога обозначается согласно орфографии этого словаря. Однако согласно "Синтаксису одного языка" М.Курбангалиева и Х.Бадыйгова - от 1919 года - по крайней мере в большинстве из этих 13 слов гласный первого слога (между двумя согласными) обозначается, не пропускается, например, كشى = кеше "человек", كشىله = кешелэр "люди", بىره و =береу "один", بىلب = белп "зная", بىله ن =белэн "с"(послелог), تىليم = телим "хочу" и т.д. Спрашивается, которая же из этих двух арабских орфографий, так сказать, правильная: орфография ли от 1929 г., требующая сокращенного написания д а н н ы х 13 слов или же орфография от 1919 года, дающая более полное написание этих же слов- без пропуска гласного первого слога слова?

Поскольку примеров различного написания одних и тех же

слов можно набрать много и из дореволюционной литературы (некоторые такие примеры были приведены выше), видимо в данном случае дело заключается вовсе не в арабской (или неарабской) письменности, которая, как это вытекает из уверений рецензентов, будто бы то влияла, то не влияла на то или иное написание слов в татарской латинской орфографии, причем влияла или не влияла всего лишь в течение трех-четырех лет (1929-1933). Как видно из изложенного, дело заключается не в той или иной графике, а в самом языке и его диалектном составе, в том, представители ли мишарей брали верх или же представители казанских татар -при решении вопросов орфографии.

На возможность различия в выпадении гласных в диалектах указывал еще В.А.Богородицкий (см.выше), а я прямо говорю, например, в автореферате, стр.14, что "в казанско-татарском выпадает преимущественно гласный первого слога, в мишар-татарском ... выпадает гласный второго слога", что связываю с второстепенным , а нередко и первостепенным начальным словесным ударением в мишарском, тогда как в казанско-татарском, напротив, имеем как правило, совпадение компонентов ударения на последнем слоге слова. Это во-первых.

Во-вторых, ставя вопрос о совпадении или несовпадении выводов и примеров в диссертации с написанием по арабской графике этих слов в татарском, рецензенты обязаны были уточнить то, о каком именно арабском написании или правописании они ведут речь. Основываясь на содержании отзыва (цитировано) можно догадываться, что рецензенты, обвиняя меня в якобы

подражании арабскому письму, по-видимому, имеют в виду правила от 1929 г.

Однако, если следовать логике рецензентов и подобно авторам отзывов вместо научного лингвистического исследования заняться разными (необоснованными) обвинениями в духе 1937 г., то в этом случае пришлось бы обвинить самих рецензентов за то, что они отстаивают более старое а р а б с к о е же написание - от 1919 г., а в некоторых моментах они (пользуясь их собственным выражением) "пытаются повернуть назад" от Ш.Марджани, писавшего в 1897 году قلوب (qlub ≃ клуб) "делая" (т.е. с пропуском гласного) -к XIII веку, когда писали قيلعان (qilgan ≃ килган) "сделал" (т.е. без пропуска гласного первого слога).

С другой стороны, если, скажем, напротив, приборы показали бы отсутствие выпадения гласных первого слога, то рецензенты могли бы вновь обвинять меня в подражании арабскому письму, но уже не письму от 1929 г., а от 1919 года и даже -от XIII века, ибо, как показано, татарское правописание на арабской графике не является единым.

В -третьих, поскольку результаты полученных мною инструментальных данных о выпадении гласных, в том числе - и в указанных тринадцати словах - совпадают с аналогичными слуховыми наблюдениями В.А.Богородицкого, Г.Шарафа, Дж.Киекбаева, М.И. Берг (см. выше), а также совпадают со слуховыми наблюдениями основателя русской тюркологической науки - академика В.В.Радлова (в его "Фонетике". Лейпциг,1882, стр.91-96 и др.) и многих других, а кроме того, выводы диссертации одобрены

широкой татарской и нетатарской научной общественностью страны, то отсюда следует, что обвинения рецензентов по моему адресу в якобы подражании арабской графике, якобы в том, что я "тяну назад" татарскую орфографию и т.п. (хотя орфография и не является предметом исследования диссертации) - все эти обвинения в неменьшей , если не в большей, мере должны быть предъявлены ко всем указанным ученым.

Так, например, в §120 (стр.92) "Фонетики" В.В.Радлова читаем: " В киргизском и во всех западных диалектах узкий гласный первого слога (за исключением u, ü, i Поволжских диалектов) может выпадать, если этот слог начинается взрывным согласным p, t, q и кончается переднеязычными спирантами s, š или аффрикатом č , коль скоро за этим слогом следует гласный, например, tis (кир.), tiš (каз.) (зуб)= t'sim , t'šim , tüs (кир.) töš (каз.)(сон) = t'süm , t'söm (мой сон), pys (кир.) piš (каз.) (созревать) = p'syp ; p'šip (созревая), k'gi (кир.) (человек)= kisi : k'sä (кир.) (карман)= kisä ; p'šaq (кир.) p'čaq (каз.)(нож) = pyšaq , pyčaq."

Вполне ясно и определенно сказано и совпадает с написанием этих слов по арабской графике - согласно словарю 1929 г., которого В.В.Радлов даже не видел, так как умер раньше.

У В.А.Богородицкого (без ссылки на В.В.Радлова по этому вопросу) находим аналогичные примеры: кшiгä "человеку", пчағым "мой нож", тшлығым "моя материя для верха одежды"[1]

---

1 Перевод мой - У.Б. о транскрипции В.А.Богородицкого см примечание выше. "Каз." В.В.Радлова = Каз.тат.

блӓм " знаю" б'р хат "одно письмо", бзнiң "наш" и т.п. (см.выше).

У Г.Шарафа: тщqа "наружу", тqан "мышь", кчкiнәтәч "петушок", qстап "угощая" и т.п. и даже междометия: шлт, шрт, пшт и т.п.

В обычной русской передаче татарских слов имеем: пәяк "нож", кзыл "красный", кше "человек"и т.п., причем это отражается и в печати: Кзыл Татарстнан "Красная Татария" - название газеты.

По логике рецензентов получается, что не только В.А. Богородицкий или академик В.В.Радлов, посвятивший специальную статью разбору недостатков арабской графики для тюркских языков, но даже рядовые русские люди, опускающие в татарских названиях гласный первого слога, будто бы следуют правилам арабского правописания в татарском (от какого года?), а якобы не действительному произношению казанских татар или других тюрков! И будто бы "тянут назад" к пройденному и осужденному этапу."

Однако из такого неловкого положения рецензенты "выходят" тем путем, что у м а л ч и в а ю т о взглядах всех упомянутых ученых - по данному вопросу о выпадении гласных и делают вид, что будто бы никаких подобных взглядов эти ученые никогда не высказывали и никаких слуховых наблюдений указанных ученых (а в небольшой части - и инструментальных данных Г.Шарафа) вообще будто бы не существовало в природе.

Более того, если следовать их собственной логике, то и сами рецензенты далеко не безгрешны в отношении, так сказать,

следования правилам арабской письменности в татарском. Об этом свидетельствует, например, и тот факт, что Л.Заляй утверждает, что орфоэпически в татарском будто бы произносится блеш "знакомый" (а будто бы не белеш) и даже якобы белш "узнай" (а не белеш) и т.д. ("Орфоэпия",стр.7 и др.), ввиду чего по логике самого Л,Заляя получается, что он пытается одновременно следовать двум р а з н ы м , так сказать, направлениям (или тенденциям) в арабской графике: и от 1919 года и от 1929 г. и времен Ш.Марджани (ср. qlub "делая") и XIII века (qilgan "сделал"). Сказанное относится и ко второму отзыву - Л.Махмутовой и Х.Курбатова, которые утверждают, что возможно произношение кырк "сорок" (вместо лит. и каз.тат.кырык) , бурк "шапка" (вместо лит.и каз.тат. бурек) и т.п. (стр.14), а также: алашар "лошади" (лит.тат. алашалар "мерины"!), чабатлар "лапти" (лит.тат.чабаталар) и т.д. и т.п. (там же).

У В.А.Богородицкого же находим аналогичные примеры: ваqт "время", бурч "долг" (ср.лит.тат. вакыт, бурыч), кучр "кучер" , мрамр "мрамор", скатр "скатерть" и т.п. (частично- из письменных ученических ошибок, частично- из слуховых наблюдений В.А.Богородицкого).

У Г.Шарафа - даже qpq биш "сорок пять", атысз "называете" и т.п. (см.лит.тат.написания: кырык биш, атысыз) и т.д.

У В.В.Радлова же имеем: qyrq "стричь", qorq "бояться", tultyr "наполнять" - tultra "наполняет" и т.п. (§ 119,стр.92).

Таким образом, по логике рецензентов получается, что если на основании слуховых наблюдений В.В.Радлова, В.А.Богородицкий, Г.Шараф и др., а также - и сами рецензенты говорят о выпадении гласных в первом, средних и последнем слогах татарских слов, то это отражает действительность и даже может представлять исследование " в широком масштабе", а если же У.Байчура инструментально доказал, что в тех же и подобных словах и позициях имеет место "выпадение гласных (например, к(ə) s̆ə "человек", baq(a)r "медь" и др.), то это будто бы означает, что У.Байчура якобы "пытается повернуть назад" к арабской графике, "к уже пройденному и осужденному в свое время общественностью этапу".

В действительности же, изложенное нами, как и приводимая выше таблица показывают несовпадение (в большинстве примеров) между арабским написанием с одной стороны и данными и выводами в диссертации - с другой и уже тем самым свидетельствует о совпадении позиции рецензентов, отвергающих выводы диссертации (притом - отвергающих в пользу произношения по типу арабского написания и во многом -такого написания всех времен)- с практикой арабского письма в татарском, каковое письмо, однако, основывалось не столько на фонетическом, сколько на этимолого-морфологическом принципе.

При этом рецензенты и сами вполне откровенно заявляют, что они отстаивают этимолого-морфологический принцип в современной татарской орфографии и более того, например, на стр.22 отзыва П (Л.Махмутовой и Х.Курбатова) читаем: ни татарская (ни, надеемся любая другая) орфография не должна и не может

отказаться от этимолого-морфологического принципа орфографии" и, таким образом, даже рекомендуют такое написание для других народов, языков которых они даже не изучали. Поскольку же буквенное письмо как таковое и орфографии всех европейских языков прежде всего основываются на фонетическом (точнее -фонологическом) принципе обозначения, причем этот факт лишний раз продемонстрировала недавно закончившаяся дискуссия о русской орфографии, в то время, как при татарском письме на арабской графике заимствованные арабские слова писались по правилам орфографии арабского языка, а тюркские слова - в ряде случаев по слоговому принципу (и нередко обозначались лишь морфемы, а не звуки речи - особенно в аффиксах, хотя и далеко не всегда, ибо нередко писались и по фонетическому принципу),- то в результате получается, что якобы отстаивая этимолого-морфологический принцип[I], авторы отзыва (пользуясь их собственным выражением) "тянут назад" - непосредственно к тому периоду истории человечества, когда вообще не было принципов орфографии, а была лишь тенденция фонетического обозначения не всегда различаемых "диффузных" (по выражению Л.Заляя) звуков речи и морфем, остатки какового смешения в обозначении можно и теперь еще найти в орфографиях различных языков, не исключая и современного татарского и русского (например, буквы я, ю и др.).

Противопоставляемые инструментальным данным и выводам диссертации взгляды рецензентов (основанные по их словам на

I В действительности , как показано, рецензенты не отстаивают по сути дела никакого принципа, ибо едвали можно назвать тем или иным "принципом" отсутствие принципа.

слуховых наблюдениях, отраженных в "фонде ИЯЛИ)" представляют из себя в действительности отражение традиционной практики тысячелетнего арабского письма в татарском, в то время как наши инструментально-фонетические данные и выводы из них, вполне естественно во многом расходятся с наиболее общими принципами арабской письменности - расходятся прежде всего вследствие того, что, как указано, это письмо во многом опиралось не столько на фонетический, сколько на этимологический и морфологический принципы написания слов. В тех же случаях, когда имеется совпадение наших инструментальных данных с тем или иным написанием различных слов по арабской графике - у разных авторов (а оно неодинаково у разных авторов, в разные годы)- то почти во всех таких примерах наблюдается одновременное совпадение наших инструментальных данных также и со слуховыми наблюдениями многих ученых, как, например, В.В.Радлова, В.А. Богородицкого, Г.Шарафа и других, взгляды которых по данному вопросу наши данные подтверждают, однако рецензенты у м а л ч и в а ю т об этом факте и вообще о взглядах этих ученых на выпадение гласных в татарском и других языках. Наконец, я вынужден отметить ту элементарную истину науки, что, вопреки мнению рецензентов, наличие или отсутствие совпадений ~~рецензентов~~ результатов инструментальных данных с практикой написания тех или иных слов как при арабской, так и при любой иной письменности, разумеется, не может служить никаким научным аргументом ни за, ни против достоверности инструментальных исследований, правильности показаний приборов и выводов из них.

Г Л А В А IУ. О ВЫПАДЕНИИ И ПРОТЕЗЕ ГЛАСНЫХ - КАК ДВУХ СТОРОНАХ ЕДИНОГО ЯВЛЕНИЯ.

§ I

В своем положительном (в целом) отзыве, впервые представленном и зачитанном в сентябре I96I года - на заседании Сектора тюркских языков Института языкознания АН СССР,(в связи с решением вопроса о допуске к защите данной диссертации) старший научный сотрудник Института русского языка АН СССР, кандидат филологических наук С.С.Высотский сделал следующее частное замечание (стр.I2-I3 отзыва): "В диссертации У.Ш.Байчуры встречается много интересных мест, посвященных определению живого фонетического процесса. Но кое где наблюдаются пропуски и недоработки, дезориентирующие читателя. Например: автор приводит общеизвестные факты разгрузки некоторых стечений согласных (явление, типичное для тюркских и финских языков) путем вставки протетических гласных. Однако в монографии не освещен вопрос ... почему из арабского китаб получается ктаб, а из русского кто получается кыто? Понятно, что в живой речи могут встречаться оба этих явления в определенных видах смешения, но статистика употребляемости таких форм вероятно показала бы параллельное бытование и форм типа к и т а б , к т о" (разрядка моя - У.Б.)

Таким образом здесь утверждается:

а) что данные и выводы диссертации по вопросу о протезе не новы, что они "общеизвестны";

б) что недостатком является отсутствие статистики употребляемости форм;

в) что диссертант якобы дезориентирует читателя, допуская стечение двух глухих согласных в начале слов, заимствованных из арабского языка и одновременно (будто бы) не допуская такого же стечения согласных в заимствованиях из русского языка.

Прежде всего следует отметить, что пункт а противоречит пункту б , ибо повторение "общеизвестных фактов" в работе не может "дезориентировать читателя", а противоречие логике означает неистинность суждения. С другой стороны, заявляя о своей некомпетентности в тюркологии, рецензент, в то же время, возражает по существу тюркологических вопросов, однако - без аргументации: "вероятно показала бы параллельное бытование и форм типа китаб, кто".

Возражая против результатов инструментальных данных, рецензент противопоставляет свои предположения ("вероятно показало бы...") каковые, как известно в науке, не могут служить никакими аргументами, доказательствами. При этом в отзыве отсутствует указание страниц диссертации, откуда взяты приводимые в отзыве примеры и даже не сказано ясно, имеются ли подобные примеры в диссертации или нет, и более того, рецензент даже не говорит, о каких именно конкретных языках он ведет речь. Отсутствие логического основания для суждения и неопределенность высказываний, как известно, является свидетельством неистинности этого суждения, этих высказываний.

Изложенные факты вообще снимают данное возражение рецензента, однако я вынужден рассмотреть эти возражения более детально потому, что по сути дела такое же обвинение (пункт б - выше) предъявлено мне и авторами "обстоятельного" отзыва Л.Заляя (см.ниже), который по существу п о в т о р я е т С.С.Высотского в этом пункте.

ж

*

А. "По роду своих занятий экспериментальной фонетикой" (стр.I отзыва), С.С.Высотскому, казалось, должно бы быть известно, что независимо от выводов, результаты инструментальной проверки, а тем более - проверки с л у х о в ы х наблюдений (ибо по данному вопросу инструментальных не было)- важны уже сами по себе и уже тем самым представляют из себя новое в науке, а во вторых, например, как выразился один из оппонентов-тюркологов (к которым апеллирует С.С.Высотский) - др.Э.В.Севортян,- в данной диссертации "впервые в тюркологии подвергнуты экспериментальному изучению выпадение ,оглушение, редукция гласных протеза..." (подчеркнуто мною - У.Б.).

И возражая по существу результатов, выводов диссертации -о протезе в тюркских языках - которые (выводы) по словам самого С.С.Высотского лишь подтверждают общеизвестное, он обязан был в д в о й н е приводить инструментальные доказательства, вместо которых,однако, в отзыве находим одни гадания: "вероятно..."

Инструментальный метод в диссертации С.С.Высотский находит правильным, а критику отдельных положений, выводов работы ведет с позиций р е з у л ь т а т о в исследования, каковые противоречат п р е д п о л о ж е н и я м рецензента - в области науки, в которой сам рецензент не считает себя компетентным, И несмотря на это еще обвиняет диссертанта в якобы "дезориентации читателя".

Б. Статистика употребляемости тех или иных форм слов в языке как известно, не имеет отношения к установлению в о з м о ж н о с т и или невозможности самого существования тех

или иных форм в языке-точно также, как не имеет отношения к теме диссертации и ее содержанию заявление С.С.Высотского (на стр.3 отзыва) - о необходимости изучения сотен дикторов "по полу, возрасту, тембру голоса и т.д.", причем сам рецензент тут же (стр.3) признает, что "такой размах работы, доступный лишь объединенным силам большого коллектива специалистов, конечно, был недоступен диссертанту".

Таким образом недостатком данной диссертации С.С.Высотский считает отсутствие в ней исследования речи детей, скажем от двух до пяти лет, речи стариков, например, 90 лет, речи мужчин и женщин, а также -речи баса, баритона, тенора, альта, фальцета и т.д. - и все это при современном состоянии инструментальных исследований, когда в области большинства тюркских языков вообще не проводилось ни единого экспериментального исследования и даже по русскому языку лишь в 1959 г. появилась в печати первая книга о спектрографическом исследовании русских гласных по данным 4-х дикторов, проведенное в Голландии Морисом-Халле! Мне неизвестны и какие-либо экспериментально-фонетические труды С.С.Высотского (и А.А.Реформатского), а когда я обратился непосредственно к самому С.С.Высотскому, то получил ответ, что у него нет опубликованных инструментальных работ. Что же касается доклада С.С.Высотского на Кишиневской конференции в 1959 г., то в нем (докладе) говорится лишь о том, к а к надо работать, но не излагается, по сути дела, то, к к а к и м р е з у л ь т а т а м пришел сам С.С.Высотский при инструментальном исследовании каких либо конкретных вопросов, хотя бы русского языка.

В.В якобы доказательство обвинения, что диссертант, допуская стечение согласных в арабских заимствованиях, в то же время якобы не допускает такого стечения в заимствованиях из русского,

рецензент -без ссылок на страницы диссертации и даже на конкретные языки (что, видимо, не случайно),- приводит один пример: будто бы по мнению диссертанта возможно произношение ктаб "книга", кыто "кто" и якобы по мнению диссертанта невозможно произношение китаб "книга", кто "кто" (в каком именно языке - не указано в отзыве). Такая неопределенность заявления рецензента означает неистинность его утверждения и последняя (т.е. неистинность) подтверждается следующими ф а к т а м и ,

Прежде всего, возможность произношения к и т а п "книга" в тюркских языках является элементарной ш к о л ь н о й истиной не только тюркологии, но ее, эту истину, знают школьники начальной школы. Такой же ш к о л ь н о й истиной является и тот факт, что выучившись русскому языку, представители тюркских (и иных) народов произносят "кто", но не произносят "кыто".

Рецензент же не только считает существенным недостатком диссертации отсутствие в ней с п е ц и а л ь н о г о рассмотрения и "исследования" этих школьных истин (форма китап -без выпадения гласных - многократно приводится в работе, а п р а в и л ь н о е русское произношение: кто и т.п., как известно, не может быть предметом исследования тюркологии, для которой имеют значение т о л ь к о о ш и б к и татар и др. в их русской речи)[I], но более того, это отсутствие в

I В ошибках этих, как известно, проявляются закономерности родного языка учащихся и об этом, например, В.А.Богородицкий, как известно, написал даже специальную статью - см. его "Введение..." 1934. О возможности же стечения согласных и в татарских и в русских словах было сказано выше, глава П

диссертации специального повторения начально-школьных истин тюркских языков рецензент приравнивает к "дезориентации читателя" диссертантом. В своей работе я исходил из того предположения, что подобного рода научные исследования, наподобие докторских диссертаций - расчитаны на специалистов и поэтому нет необходимости повторять в научном исследовании программу начальной школы - по изучаемым языкам. Судя по отзыву рецензент С.С.Высотский не согласен с этой точкой зрения, однако он не приводит каких либо аргументов в этой связи.

*

По существу вопроса следует отметить следующее. Ни в одном из тюркских (а тем более -финно-угорских) языков никогда не "бытовали" и не могли "бытовать" ни слова китаб или ктаб, ни вообще слова типа китаб или ктаб, ибо , как известно специалистам, во всех указанных языках конечный звонкий согласный оглушается, превращаясь в парный ему глухой, в данном случае- в согласный п : кaитап "книга".[I] Форма написания этого слова в отзыве человека, занимающегося даже экспериментальной фонетикой (а не только фонетикой) показывает, что автор имеет в виду арабский язык и арабское написание, а вовсе не тюркские или финно-угорские языки, о которых он ведет речь (и которые рассматриваются в диссертации, в которой нет речи об арабском)-

---

I Лишь в интервокальной позиции -(напр., при наращении слова аффиксами, начинающимися с гласного) и перед сонорными конечный п может о з в о н ч а т ь с я в б.

вопреки собственным заявлениям (рецензента) о своей некомпетентности в этой области.

Русское слово "кто" не было заимствовано ни в татарский, ни в другие тюркские языки и так же не могло поэтому "бытовать" в этих языках ни в форме "кто", ни в форме "кыто", ни в какой либо иной форме, ибо, как известно из сравнительно-исторического языкознания, такого рода слова могут заимствоваться лишь в последнюю очередь. Поэтому ни в одном из тюркских и, по крайней мере, многих из финно-угорских языков вообще не "получается" к ы т о из русского "кто", ибо это слово вообще отсутствует в указанных языках.

В книге "Звуковой строй..." ч.П на стр. 41 (и соответствующей странице диссертации) приводятся инструментальные данные о записи произношения дикторов - татар при р у с с к о й их речи (а не при татарской), причем отмечается п р и ставка гласного, а н е в с т а в к а, именно: э к т о "кто", а вовсе не к ы т о (стр.41). Слово же китап "книга" приводится в связи с примерами выпадения гласных в первом слоге слов в к а з а х с к о м языке (стр.30 книги) и в т у р к м е н с к о м (стр.31). При этом русское слово "кто" записано в изолированном произношении татар, а слово кitар - в с в я з н о й речи в казахском и туркменском, причем все это указано на упомянутых страницах книги (и диссертации). И приводится это слово китап среди многих слов т ю р к с к о г о происхождения (оставленных рецензентом без внимания), а в пункте I на стр.7 во П части "Звукового строя...", где рассматриваются подобного типа случаи выпадения гласных в первом слоге татарских

слов, приведены татарские слова исключительно т ю р к с к о г о происхождения, например,: kše "человек", paaq "нож", beeš "знакомый" и т.п. и, как видно уже из этих примеров,- в ином фонетическом окружении (ŋ), на что рецензент также не обращает ровно никакого внимания, хотя и заявляет, что занимается фонетикой -" по роду занятий"-и даже экспериментальной фонетикой. Каковы некоторые из методов и результатов этих занятий показывают приведенные нами примеры. Можно допустить, что для С.С.Высотского, занимающегося русским языком, быть может все тюркские языки, так сказать,- на одно лицо: и казахский и туркменский и татарский, хотя для тюркологов и для самих татар, казахов, туркмен - это отнюдь не одно и то же. Однако подобное смешение языков самим рецензентом не дает еще ему основания для обвинения [redacted] по адресу диссертанта- в том, что последний якобы "дезориентирует читателя". Книга то ведь расчитана на специалистов и не является учеником для тех, кто не знаком с этими языками!

К сказанному следует добавить следующее. Я вполне допускаю, что в связной речи, в определенных позициях, по данным отдельных дикторов-татар может иметь место выпадение гласного и в слове к и т а п , как и в отдельных случаях - произношение кыто - при русской речи татар и др.тюрков. Однако любые такие случаи требуют конкретного изучения, каковое делается невозможным вследствие (ненового) приема С.С.Высотского, пищущего о методах и приемах и тем не менее, избегающего указывать страницы рецензируемой им работы, откуда взяты им эти примеры и даже того, о каком языке он ведет речь.

Говоря же, что возможно "параллельное бытование и форм типа китаб кто" и форм типа "ктаб", "кыто"(стр.13 рец.), С.С. Высотский по сути дела попросту повторяет м о и же выводы, ибо, как указано, на стр. 7,10 "Звукового строя" часть II я пишу о том, что выпадение "возможно" (стр.7), но "не обязательно" (стр.10), откуда следует, что возможны оба произношения данного слова (или слов): и с гласным и без гласного - в одном языке, причем это п о в т о р е н и е моих же выводов (но от имени рецензента) представлено в отзыве как некое существенное возражение против положений диссертации, достойное занять особое место в отзыве.

Мой уважаемый коллега С.С.Высотский, с которым (а также с А.А.Реформатским) мы примерно в одно и то же время (около 15 лет назад) приступили к занятиям инструментальными исследованиями в ИМЛИЯ (под руководством проф.В.А.Артемова),- пишет в заключение своего отзыва следующее: "моя оценка работы, построенная в основном в аспекте подтверждения полноценности ее экспериментальной базы, прояснит для специалистов тюркологов дальнейший ход суждений об удельном весе и назначении рассматриваемой монографии и ее роли в развитии тюркологических дисциплин".

Однако содержащееся в отзыве противопоставление диссертации, ее метода и содержания тому, что м о г б ы сделать (но пока еще не делал) лишь "большой коллектив специалистов", в том числе - изучение" сотен дикторов... по полу, возрасту, тембру голоса и т.д." - при одновременном у м о л ч а н и и рецензентом о том, что, например, Л.В.Щерба, Г.Шараф, В.А.Бо-

городицкий (в своей единственной экспериментальной тюркологической статье) и ряд других ученых пользовались данными только одного диктора (например, Л.В.Щерба и Г.Шараф записывали лишь самих себя - согласно их опубликованным работам[I]), в результате чего, разумеется ни о какой статистике употребляемости тех или иных форм слов в языке не могло быть и речи в трудах этих ученых, так же как и об изучении "сотен дикторов... по полу, возрасту, тембру голоса и т.д. (хотя, несмотря на этот якобы недостаток труды указанных ученых вполне сохраняют и теперь свое научное значение), на ряду с умолчанием в отзыве о том, что и в настоящее время едва ли можно найти новейшую экспериментально- фонетическую работу, основанную на данных более, чем трех-четырех дикторов - в то время как в данной диссертации использованы результаты записи на приборы произношения десятков дикторов - по многим языкам и т.д. и т.п. - все это едва ли может способствовать "прояснению" вопроса, а скорее, напротив, затемнению вопроса.

Уважаемый коллега С.С.Высотский, разумеется, не может не знать той известной точки зрения (выраженной между прочим и в статьях В.А.Артемова, бывшего нашего общего консультанта по инструментально- фонетическим вопросам)- о том, что в речи,уже одного нормального среднего носителя языка содержится все практически существенное для фонетики данного языка и что при лингвистических (а не дефектологических или музыкальных) исследова-

---

I Л.В.Щерба "Русские гласные..." СПБ 1912: Г.Шараф "Палатограммы..." и "Сонорная длительность татарских гласных (длительность гласного а)" -см.ВНОТ № 7 и № 8, 1927, 1928 г.г.

ниях фонетики того или иного языка использование более чем одного диктора служит в первую очередь лишь для гарантии того, что первый диктор достаточно типичен и, скажем, не косноязычен и не обладает иными дефектами речи, а во-вторых - для отделения индивидуальных особенностей от практически существенных для данного языка, ибо, когда имеем только одного диктора, иногда, может быть не вполне ясным, что индинидуально, хотя и допустимо в данном языке, а что типично,, практически существенно. Несколько дикторов лучше, чем один, но и один диктор дает уже о с н о в н о е . Поэтому и было вполне допустимым и имеющим значение для науки исследование произношения только одного диктора в упомянутых трудах различных известных ученых.

Обо всем этом также ни слова не сказано в отзыве, хотя о сотнях дикторов, подобранных по полу возрасту и тембру голоса, изучить которые способен по признанию самого рецензента только целый коллектив ученых в больших лабораториях - говорится в отзыве - в связи с методом и содержанием данной диссертации.

В результате изложенного, учитывая указанную односторонность, постановку в отзыве вопроса об изучении речи детей и стариков (не указано какого возраста), а также, видимо, басов и теноров и баритональных басов (как скажем у Шаляпина), принимая во внимание и отсутствие в отзыве в ряде случаев и ссылок на страницы рецензируемой работы, отмеченные противоречия утверждений рецензента фактам диссертации, объединение в некое общее туркменского, казахского и татарского словаря, а заимствованных русских слов в татарском - с русской речью татар и т.д. и т.п. закономерно

поставить вопрос: у кого же в действительности "наблюдаются пропуски и недоработки, дезориентирующие читателя" или слушателя (ибо отзыв то был рассчитан на слуховое восприятие)?

§ 2

Суть рассмотренного (и не подтвердившегося) обвинения по моему адресу - со стороны С.С.Высотского -что якобы в диссертации допускается стечение согласных в арабских заимствованиях ("ктаб"), но будто бы не допускается стечение согласных при русских заимствованиях ("кыто"-стр.I3 отзыва С.С.Высотского) была подхвачена нашими авторами "обстоятельного" (по заявлению Б.А. Серебренникова) отзыва, в котором на стр.6-7, отзыв I, указав, что "автор... допускает в одном слове сочетание нескольких согласных (в том числе до трех глухих согласных" (следуют примеры наподобие курк(ы)штылар "они поиспугались" и др.- перевод мой- У.Б.) рецензенты продолжают так: "при рассмотрении вопроса о протезировании гласных" (диссертант якобы)" утверждает, что при произношении заимствованных и даже исконно татарских слов, имеющих сочетание непривычных согласных, между ними появляются протетические гласные. Спрашивается: почему татарину (хотя и по выражению У.Байчуры << плохо владеющему русским языком >> (стр.40) но привыкшему с малых лет произносить слова родного языка с опусканием гласных между согласными) не привычно сочетание согласных в русских словах? Какой же вывод можно делать из этого? Нет сомнения, автор в этих явлениях не находит никакой закономерности. Это, по-видимому, объясняется

плохим знанием материалов татарского литературного языка и его диалектов. Иначе бы он не стал утверждать, что в слове өстәл (стол) начальный гласный выпадает (стр.9), а в слове эскәмия (скамейка) произносится с начальным протетическим гласным (стр. 37). Или же не стал бы доказывать, что в словосочетании тугыз процент (девять процентов)"... происходит слоговое переразложение и начальное п второго слова переходит к первому слову, в результате чего получается сочетание сп в конце второго слога словосочетания, допустимое в татарском языке. Поэтому протезы здесь нет (стр.39) . На самом же деле словосочетание тугыз процент в татарском языке делится на слоги следующим образом: ту+гыс+пы+рат+си+ныт". (подчеркнуто рецензентами, разрядка моя - У.Б.).

Таким образом, если оставить в стороне мелочи (о которых -ниже), то суть рассуждений авторов "обстоятельного" отзыва Л.Заляя и др. сводится к следующему: почему диссертант считает, что в русских заимствованиях татары протезируют гласные, не допускают стечения согласных - несмотря на то, что в татарских словах нерусского происхождения возможно стечение нескольких согласных - по мнению самого диссертанта.

И, поставив этот вопрос, рецензенты грозно (в духе 1937г.) спрашивают: "Какой же вывод можно сделать из этого?"

В меру своих знаний постараюсь ответить в духе науки (а не 1937 года): если бы действительно был установлен подобный лингвистический феномен избирательного подхода того или иного языка - к заимствованиям -избирательного в зависимости от того языка, откуда взято слово, а не в зависимости от фонетической

структуры этого слова, то подобный феномен подлежал бы специальному исследованию для выяснения причин указанного явления. И этот вопрос (выяснение причин) не входил бы в задачу настоящего исследования, поскольку наша цель - в первую очередь, описательная. Не исключено и то, что, если бы, скажем, в тюркских языках действительно допускалось стечение определенных согласных - в определенных позициях и в то же время не допускалось бы стечения тех же согласных в тех же позициях в словах заимствованных, скажем, из русского, то причина такого явления могла бы заключаться в особенностях артикуляции, казалось бы, идентичных звуков, например, русского т или д - с одной стороны - и татарского т или д - с другой[I], во-вторых - в артикуляционной базе в целом и т.д.

Поскольку, однако, как в области протезирования и выпадения гласных, так и в любых других областях, мною не был обнаружен подобный феномен, честь якобы "открытия" которого необоснованно приписывается мне рецензентами, то есть мною не было обнаружено случаев, когда бы в идентичных фонетических условиях в каком-либо заимствованном слове было бы невозможно стечение согласных, допустимое (при тех же условиях) в исконных словах данного языка, то из приведенных выше отрывков из отзывов С.С. Высотского и (повторяющего его по сути дела) Л.Заляя приходится сделать тот вывод, что рецензенты эти невнимательно читали рецензируемые ими мои работы (если вообще читали).

Не случайно и то, что рецензенты избегают конкретных фак-

I Разницу подобного рода, как известно, отмечал еще Г.Шараф - в "Палатограммах...", так же см. "Звуковой строй..." часть I

тов татарского и иных языков и вместо анализа последних преподносят оторванные от действительности рассуждения, лишь изредка ограничиваясь одним двумя примерами, которые или не существуют в диссертации и книгах (ктаб) или не относятся к данному вопросу (өстәл).

Во-первых, как уже упоминалось, в диссертации и книге "Звуковой строй..." часть П (стр.7-I0 и др.) указано, что я веду речь о факультативном выпадении гласных в связной речи, зафиксированном по данным наших дикторов, причем "выпадение гласных" "не является абсолютно обязательным" (стр.I0 книги), оно лишь "возможно" (стр.7).

Тот факт, что в татарском языке имеется произношение өстәл "стол" известно и учащимся начальной школы, а написание өстәл "стол", эскәмия "скамья" отражено и в письменности, современная же орфоэпия требует произношения өстәл. О том, что в татарском возможно произношение скәмjэ "скамья" также давно известно. В отличие от этих общеизвестных истин, в диссертации устанавливается, что в татарском при определенных условиях может о т п а д а т ь начальный гласный в слове өстәл "стол" - вопреки орфографии этого слова, Таким образом возможно произношение: өстәл, стәл, эскәмия, скәмjэ.

Рецензенты же исходят из того, что если возможно произношение өстәл "стол" - в одних условиях, то якобы уже тем самым исключается сама в о з м о ж н о с т ь произношения с т э л - при совершенно других условиях. Это же относится и отзыву С.С. Высотского, который также не обращает никакого внимания на мое указание о факультативности тех или иных явлений.

Между тем, указание на факультативность выпадения, на его "возможность", "не обязательность" и есть вывод о "параллельном бытовании" обеих форм данного слова: и с гласным и без гласного.

Положим, что не имея фонетической подготовки и к тому же недостаточно владея русским языком (как, впрочем, и литературным татарским), авторы "обстоятельного" (по Б.А.Серебренникову) отзыва -Л.Заляй и др., возможно, не сумели идентифицировать выражения "не обязательное" и "факультативное", а последнее - с допущением диссертантом "параллельного бытования" обеих форм того или иного данного слова.

Однако, задающий тон в этом вопросе С.С.Высотский, специалист по русскому языку и фонетист "по роду занятий" - едва ли мог не понимать значения русских слов: "возможно", "не обязательно", как и того, что отсюда следует признание диссертантом "параллельного бытования" обеих"форм" (если выражаться слогом С.С. Высотского): и форм с гласным и форм без гласного, например, кеше - кше "человек", ~~без гласного, например, кеще-кше~~

Способ выражения С.С.Высотского (формы слова) показывает, что он оперирует понятиями, согласно которым имеются в виду изолированные застывшие словарные"формы" слов (заслуживает внимания и то, что у казанских диалектологов - тот же "формальный" подход) - в то время , как в диссертации, например, по вопросу о выпадении гласных, рассматривается движение звуков в потоке "связной речи" (как указано на стр.7 книги), в которой, т.е. в речи, от словарных "форм" слова остается всего лишь один общий облик слова, как справедливо пишет проф. С.И.Бернштейн,[I]

I См., напр., в Изв.АН СССР, ОЛЯ,т.XI, в.6, стр.541-559

известный ученик Л.В.Щербы. По меньшей мере странно, что в связи с отзывом такого уважаемого фонетиста, как С.С.Высотский, приходится объяснять элементарную разницу между изолированным произношением слова и произношением того же слова в связной речи.

Во-вторых, по рассматриваемому вопросу в отзывах не содержится ни единой пары примеров из книги, которые показывали бы выпадение, скажем, в татарском данного гласного в данной фонетической позиции и одновременно свидетельствовали бы о протезировании этого же гласного в той же позиции в заимствованном русском (или ином) слове, как и при русской речи татар. И это отсутствие примеров в рецензии не случайно, ибо таких примеров они привести не могли.

Несмотря на то, что фонетическая позиция, как и качество протезируемого (или выпадающего) гласного, как известно, имеет существенное значение, рецензенты оставляют без внимания указанные в книге фонетическую позицию и качество протезируемого или выпадающего гласного, а в единственном примере С.С. Высотского (ктаб -кыто) учтена только часть фонетической позиции и не учтено качество протезируемого или выпадающего гласного, не учтен гутуральный или палатальный ряд слова, не учено количество и качество остальных (кроме непосредственно окружающих выпадающий или протезируемый гласный) звуков слова и даже не вполне учтено качество предшествующего и последующего согласных, ибо в слове kitab звуки к, т н е идентичны таковым в примере С.С.Высотского: "кыто". Между тем, по крайней мере многие из перечисленных условий имеют значение, а кроме того - важно то, что я рассматриваю слова в "связной речи" (стр.7 книги),

тогда как С.С.Высотский (и Л.Заляй) ведет речь об изолированном произношении "форм" слов, а между тем, гораздо больше вероятности произношения "кыто" в изолированном слове, чем в связной речи.

Вместо конкретного анализа примеров в книге, с учетом условий, в которых эти примеры даны мною, С.С.Высотский (а за ним и Л.Заляй и другие) связывают с выпадением или протезой не существенный, не постоянный, а случайный признак слова - принадлежность его по происхождению к тому или иному языку - несмотря на то, что до сих пор элементарной школьной истиной являлось то, что, независимо от происхождения заимствованного слова, в заимствованных словах могли иметь место и протеза и выпадение гласных и не быть ни того, ни другого, причем все это, как известно, объясняется фонетическими закономерностями этих двух взаимодействующих языков. Например, сочетание ст, рт, и т.п. в конце слова (или слога) встречается в исконно тюркских словах, как скажем, аст "низ", арт "задняя сторона" и т.п., однако такое сочетание, как известно, не встречается в начале тюркских слов, тогда как в русском языке эти сочетания возможны и в начале, и в конце. Поэтому, когда говорят по-русски татары, даже плохо владеющие русским языком, в словах наподобие мост, порт не появляется протезы между ст, рт (возможно лишь отпадение конечного т - как и в татарских словах: дуст "друг", аст "низ и т.п.), однако протетический гласный появляется в начале слов стол > өстәл; стакан > ыстакан и т.п. (хотя в связной речи этот начальный гласный может вновь выпадать). Приведенный пример показывает важность учета любого фонетического условия (фонети-

ческого явления, а не только качества непосредственно примыкающих к изучаемому гласному - согласных. Далее, давно установлено[I], что легче выпадают гласные более узкие и более передние - по сравнению с соответствующими им гласными более широкими и артикулируемыми в более задней части ротовой полости. Отсюда же следует несостоятельность сравнения - в примере С.С. Высотского - выпадения гласного И в арабском китаб "книга" с протезой гласного ы в русском слове кыто. Иногда же, по-видимому, могут иметь значение и не только чисто фонетические условия, но и история проникновения данного заимствованного слова в тот или иной язык, время заимствования и проч. и, видимо, не случайно дореволюционные заимствования из русского в татарский пишутся согласно современной орфографии в той форме, в какой они были первоначально заимствованы: өстәл "стол" и т.п.

Также, как и С.С.Высотский, авторы "обстоятельного" отзыва -Л.Заляй и др. избегают конкретного анализа конкретных фактов. А в тех редких случаях, когда они все же приводят примеры, то сразу обнаруживается отсутствие у них какого бы то ни было учета конкретных фонетических условий того или иного фонетического явления.

Так, на стр.39 "Звукового строя" ч.П говорится, что в связной речи в словосочетании тугыс процент "девять процентов" слово "процент" может произноситься татарами без протетического гласного: тугыс процент, так как в связной речи, в

I В отношении же татарского языка мною доказано инструментально еще в канд. дисс. "Гласные татарского литературного языка в свете экспериментальных данных", М.-Л. 1953.

результате слогового переразложения образуются сочетания согласных, допустимые и в татарских словах тюркского корня.

Авторы же "обстоятельного" отзыва - Л.Заляй и др., возражая против возможности такого непротезированного произношения данного слова в татарском, лишь голословно заявляют, что указанное словосочетание "В татарском языке делится на слоги следующим образом: ту+гыс+пы+рат+си+ныт" и на этом ставят точку.(см. выше цитату). Если из этого заявления можно сделать какой либо вывод, то только тот, что при любых условиях слово процент может по мнению рецензентов произносится только в "форме пыратсиныт. Как видим, рецензенты в данном случае не допускают возможности произношения никакими татарами даже звука ц, хотя этот звук имеется в словах тюркского корня - в двух татарских диалектах: мишарском и сибирском (хотя этого ц нет в мелекесско-мишарском говоре родного села Л.Заляя и у чистопольских мишарей, из которых происходит второй соавтор этого "обстоятельного" отзыва - Р.Газизов, а третий соавтор И.Бурганова - из казанских татар и в ее говоре также нет ц). Кроме говоров этот звук ц в настоящее время произносится многими татарами в самой Казани в начале таких русских заимствований, как "цех", хотя и не всегда достаточно отчетливо.

Поскольку же (как мы видели выше) Л.Заляй смешивает фактически существующее в языке с нормативами литературного языка, что проявляется и в данном примере, в котором описанному мною общему фонетическому облику слова процент - взятому мною в связной речи - в отзыве противопоставляется даже не та или иная реально существующая форма этого слова, а лишь деление на слоги!) -то отсюда следует, что авторы "обстоятельного"

отзыва, так сказать, декретируют всем татарам произношение пыратсыныт - даже тем из них, у которых в родном говоре имеется звук ц (Правда, в Казани мало обращают внимания на, так сказать, открытия Л.Заляя и его последователей - особенно после его упомянутого выше выступления в Татарском радиокомитете, получившем, так сказать, известность).

В своей рецензии (на стр.I), в качестве одного (из двух), критериев в оценке научных работ авторы "обстоятельного" отзыва выдвигают необходимость определить то, "какие практические выводы могут быть сделаны на основе этих исследований."

В связи с постановкой вопроса рецензентами, я вынужден напомнить о некоторых общеизвестных истинах и привести некоторые иллюстрации.

Известно (хотя , как видно из рецензии - не авторам "бстоятельного"отзыва), что изучение особенностей того или иного языка имеет значение для преподавания не только этого языка, но и неродных языков, при обучении которым необходимо приходится учитывать особенности данного языка, родного для учащихся. С другой стороны, как известно (хотя и не нашим рецензентам), изучение и классификация ошибок по русскому языку, допускаемых учащимися нерусских школ вменено в обязанность каждому учителю средней школы специальным постановлением и это требование имеет научное и практическое основание, ибо для того, чтобы исправить ошибки (в том числе - произносительные) -надо прежде изучить эти ошибки и условия их появления.

Приводимые в диссертации результаты инструментального исследования фонетических особенностей ряда языков, также, как

и исследование произносительных ошибок татар и др. - в их русской речи, в том числе - о закономерностях появления и исчезновения протетических гласных, выпадения гласных и т.д. дают сведения по фонетике, которые могут быть использованы для улучшения методов и приемов обучения фонетики как родного, так и неродных языков.

Объяснение артикуляции при преподавании фонетики, как известно, имеет значение, прямо пропорциональное возрасту учащихся.

Некоторые практические приемы, основанные на изучении (в том числе инструментальном) фонетики татарского языка были использованы мною при преподавании русского языка студентам Татарского отделения Казанского пединститута и частично описаны в статьях "Эксперименталь фонетика һэм унын практик әһәмиәте" (Башкортостан укытыусыһы", өфө, 1955 № 5) и "Татар теленен авыз тәзелешен ойрәнудә эксперименталь фонетиканын хезмәте турында ("Совет мәктәбе",Казан,1959, № II), см.также некоторые сведения об этом на стр.12-13 "Звукового строя..." часть I и соответствующих страницах диссертации.

При этом возможен и учет диалектальных особенностей,ибо например, если казанских татар требуется специально обучать произношению, скажем, русского согласного ц, то сибирских или горьковских татар этому обучать не приходится, поскольку звук ц имеется в этих говорах.

Данные об условиях выпадения и протезы гласных, приводимые в диссертации и книгах, могут быть использованы как для того, чтобы знать, на какие вопросы необходимо обратить внимание при обучении, так и для выработки практических приемов

обучения - с учетом условий возникновения и исчезновения протетических гласных и выпадения гласных. Например, возможно вначале предлагать учащимся произносить трудно усваиваемые сочетания русских, немецких и т.п. согласных в тех позициях и условиях, в которых в самом татарском возможны в некоторых случаях подобные сочетания, а затем переходить к тренировке произношения этих сочетаний уже и в таких позициях, в которых эти сочетания не встречаются в татарском. То же со словами в связной речи и при изолированном произношении и т.д.

Данные вопросы не входят в тему работы и я привел лишь несколько иллюстративных примеров и лишь из одной области - методики преподавания языков - из числа тех областей, в которых возможно практическое использование данной диссертации и книг и нет необходимости продолжать, поскольку о практическом значении работы говорили и оппоненты и многие рецензенты.

Быть может не будет неуместным отметить здесь лишь то, что, если из книги и диссертации возможно уяснить, в каких фонетических условиях легче произносят татары , скажем, русское слово процент, то из рассуждений о слогоделении этого слова (пы + рат + си + ныт), содержащихся в "обстоятельном" отзыве едвали возможно сделать какие-либо как практические, так и теоретические выводы по татарской или иной фонетике - если не считать того предположения, что данное абстрактное рассуждение рецензентов - о слогоделении, как и некоторые другие их высказывания - пользуясь выражением с а м и х рецензентов "по-видимому объясняются плохим знанием материалов татарского литературного языка и его диалектов"- самими авторами "обстоятельного отзыва".

В довершение всего, мой вывод о том, что в татарском и др.языках "протеза появляется для избежания непривычных сочетаний согласных"и что "исчезновению протезы способствует более быстрое произношение, а также наличие начального гласного у последующего слова..." авторы "обстоятельного" отзыва переделали следующим образом: вторую часть вывода, в которой (части) говорится о том, когда, при каких условиях протеза исчезает -рецензенты вообще отпустили, а в отношении первой части вывода - вместо "непривычных сочетаний согласных"- приписали мне якобы мое "утверждение", что при произношении заимствованных и даже исконно-татарских слов, имеющих сочетание непривичных согласных, между ними появляются протетические гласные".

Можно допустить, что рецензенты не видят разницы в том, сказать ли: " непривычные сочетания согласных в исконно татарских словах" или же сказать "сочетание непривычных согласных в исконно татарских словах". Между тем, во втором случае, (вопреки фактам) приписываемом мне рецензентами, получается, что татары с детства разговаривают исконно-татарскими словами, содержащими непривычные для них согласные -непривычные, несмотря на то, что эти согласные содержатся в и с к о н н о татарских словах.

Здесь уместно поставить вопрос самих рецензентов - по отношению к самим рецензентам: какой вывод можно сделать из э т о г о ?

§ 3

Далее. В отзыве I (стр.4-5) читаем: "Положение автора о выпадении начальных гласных и приведенные им примеры, якобы характеризующие это явление (стр. 9-10), также нуждаются в пересмотре" (Это мы рассмотрели выше - У.Б.) " Здесь прежде всего автор должен был потрудиться выяснить, в чем отличие литературных норм от диалектных. Тогда он наверняка воздержался бы от утверждения, что в словах черек (гнилой), лэукэ (полок, лавка) и т.д. выпадает начальный гласный, а в слове зуррак (побольше) выпадает гласный между двумя -рр -. На самом же деле в подавляющем большинстве татарских говоров, а также в литературном языке эти слова произносятся без начальных и вставочных гласных (черек, лэукэ, зуррак, где зур -корень,- рак -аффикс сравнительной степени). И только для некоторых говоров (например, для нагорного говора) характерна произношение этих слов с протезой. Например, эчерек таракан (мокрица), эчерек бэрэнге (гнилая картошка), элэукэгэ мен (залезай на полок), зурырак пычак (побольше нож)".

Таким образом, то, имеем ли мы дело с протезой или выпадением гласных - определяется в отзыве исходя из литературных норм современного языка, который берется как мерило, эталон, масштаб - без внимания к истории форм слов и возражения рецензентов по вопросу о протезе основываются на этом понимании данного явления, расходящемся с общеизвестным научным пониманием (см.ниже).

Во втором из двух "обстоятельных" (по выражению Б.А.Серебренникова) отзывов находим аналогичный способ определения про-

тезы (возражения по этому вопросу, содержащиемя во П отзыве также приводим целиком).

Здесь, поведав читателю о том, что протеза - это "прибавление гласного в начале слова" и тому подобное, авторы второго "обстоятельного" отзыва пишут:

"Как известно, протеза обычно появляется в заимствованных словах. А в собственно-татарских словах она возникает очень редко. И лишь в определенной фонетической позиции" . Рецензенты пишут это от своего имени и не дают каких либо ссылок ни на одного автора.

Между тем, на стр. 37 П ч. "Звукового строя..." читаем вывод из инструментального исследования:

"Протетический гласный обычно появляется в заимствованных словах при стечении нескольких согласных", а на стр.40 той же книги (в разделе У главы "Протезирование гласных") написано: "Протетический гласный в позиции между двумя слогами, один из которых кончается, а другой начинается с согласного звука, наблюдается нет только в заимствованных словах или при русской реки татар, плохо владеющих русским языком, но также и в некоторых исконно тюркских словах, причем в последнем случае это явление обычно связано с тем или иным говором" Далее в книге (как и ранее) идет серия примеров как исконно-татарских, так и заимствованных слов в татарском и из русской речи татар, причем наибольшее внимание в книге обращено на последний случай, а далее в книге приводятся цифровые данные и по другим языкам.

Сказать ли: "протеза обычно появляется в заимствованных словах" (как говорят рецензенты на стр.18 отзыва П) - или же сказать: " протетический гласный обычно появляется в заимствован-

ных словах" (как пишу я на стр.37 книги)- это в данном случае одно и то же.

Однако авторы "обстоятельного" отзыва, переписавшие этот вывод из моей книги, не дают каких либо ссылок на источник заимствования.

Далее. Сказать ли, что протеза "в собственно татарских словах возникает очень редко" (отзыв П, стр.16) или же сказать: "Протетический гласный... наблюдается... не только в заимствованных словах ... но также и в некоторых исконно тюркских словах" ("Звуковой строй"...,ч.П, стр.40) - это одно и то же в данном случае.

Наконец, если сказать (как говорят рецензенты), что протеза "возникает... лишь в определенной фонетической позиции", то это в данном случае также будет по сути перефразированным повторением (без ссылки на источник) конкретных выводов в книге и автореферате - стр.18), в которой перечисляются конкретные позиции, где возможно протезирование гласных, притом перечисляется даже в заголовках разделов главы о "Протезировании гласных", например: в абсолютном начале (I раздел) в начале слова между двумя согласными (П раздел), при стечении согласных в конце слова (Ш раздел) в исходе слова (IУ), между двумя слогами (У раздел) и др.

Вся разница между конкретным перечнем позиций (в которых наблюдается протеза), сопровождаемым десятками примеров и цифровых данных, содержащихся в книге - с одной стороны - и заявлением рецензентов - о том что протеза "возникает... лишь в определенной фонетической позиции" - с другой стороны - заключается

в том, что последнее заявление рецензентов лишено какого-либо конкретного содержания и поэтому является общей фразой, основывающейся опять-таки на конкретных выводах рецензируемой в отзыве книги, хотя эта фраза и выдается за продукт творчества авторов "обстоятельного" отзыва. Правда, в этой цитате из отзыва содержится выражение "как известно", однако оно относится рецензентами только к их утверждению от том, что "как известно, протеза обычно появляется в заимствованных словах", после которого они ставят точку и тем самым исключают возможность отнесения выражения "как известно" - и к "собственно татарским словам" и к "фонетической позиции". Применим к области тюркских и финно-угорских языков это выражение "как известно" рецензенты не относят(в отзыве нет указаний), ибо "известно" быть может о китайском или английском, а кроме того умалчивают, что по крайней мере в области тюркских языков все это могло быть якобы "известным" только по с л у х о в ы м данным и уже поэтому в действительности не могли быть известны выводы диссертации об артикуляторной и сонорной длительности протезируемых гласных и многие др. выводы, основанные на инструментальных данных и содержащиеся в диссертации и моих книгах. Наконец, независимо от того, повторяют ли рецензенты "известное" до диссертации или после нее - и в том и другом случае повторение известного, хотя быть может, и прибавляет что-то к, так сказать, "обстоятельности" отзыва, однако подобная обстоятельность" едва ли может иметь научное значение.

Далее рецензенты продолжают так: "Обнаружить ее" (то есть протезу)" можно только при сравнении орфоэпич. норм языка

с орфографич. или литературных с диалектными (напр., литер, черек- диал. эчерек)". (Орфографию и пунктуацию отзыва сохраняю -У.Б.).

Таким образом, как и в первом "обстоятельном" отзыве, здесь также протеза (и выпадение) определяется исходя из литературных норм. Прежде [redacted], чем перейти к рассмотрению правомерности такого способа определения протезы, на котором рецензенты основывают ряд своих критических замечаний как по вопросу о протезе, так и по вопросу о выпадении гласных, закончим изложение других возражений авторов П "обстоятельного" отзыва - по вопросу о протезе.

Далее в отзыве читаем: "Приведенные У.Байчура примеры ызур (вм. зур) и эщир (вм. жир., к сожалению абсолютно) не соответствуют действительности. Других примеров на татарские слова мы не находим".

Здесь, таким образом, имеем голословное отрицание двух примеров: ызур "большой", эщир "земля", приводимых в, так сказать, преамбуле к главе о протезе (стр.37 книги, ч.П), каковое отрицание не подтверждено никакими фактами и, так сказать, "основано" лишь на энергичных выражениях: "абсолютно" не соответствует..." Но если рецензенты подобных случаев не слышали, то это отнюдь еще не означает, что такие случаи не могут быть никем, никогда зафиксированы ни при каких условиях и даже инструментальными методами.

Что же касается заявления рецензентов: "других примеров на татарские слова мы не находим", то ,по-видимому, авторы "обстоятельного" отзыва искали эти слова не там, где нужно и притом плохо искали.

Глава "Протезирование гласных" имеет в диссертации объем около одного печатного листа, а в книге "Звуковой строй" ч.П.-

десять страниц и несмотря на то, что в книге сокращено число примеров, содержащихся в диссертации, тем не менее и в книге приводятся десятки (если не более) примеров на выпадение гласных в различных тюркских языках - как в русской речи и при русских заимствованиях, так и в исконно-тюркских словах, в том числе - и в татарском, которому посвящена большая часть этой главы.

Так, на стр. 40 книги, наряду с протезируемыми в татарском словами арабского происхождения, приводятся и такие тюркские слова, как арымый - талмый (при литературном армый-талмый "неустанно"), а на стр.45 содержится даже таблица, в которой приведены цифровые инструментальные данные о протезе в татарских словах (тюркского происхождения), как kɔzɔyɔ "зеркало", barɔdɔ "ходил", arɔqa "спина" (при литературных соответствиях: көзге, барды, арка), а ряд подобных примеров содержится и на других страницах книги (напр., 49, 51, 85, 90, 91, 100 и др.).

Не случайно в отзыве не указано то, г д е именно "искали" рецензенты и к а к и е именно примеры - н а ч т о , для иллюстрации к а к и х именно явлений они "искали". Отзыв составлен из не связанных между собою фраз - наподобие мозаики. Общее впечатление - одно, а при детальном рассмотрении оказывается, что фразы друг с другом не связаны. При этом рецензенты в лучшем случае фактически возражают лишь по терминологическим вопросам и имеют в виду мелкую деталь, не стоющую упоминания. Так, из заявления: "Других примеров на татарские слова мы не находим" по общему смыслу всей цитаты из отзыва (- выше) вытекает, что, рассматривая вопрос о протезе, диссертант якобы приво-

дит всего два примера (ызур, эжир) в своих работах, ибо рецензенты умалчивают о том, что данному вопросу посвящена целая глава книги, содержащая десятки примеров - по разным языкам, в том числе - татарскому, умалчивают ~~лишь~~ они и о том, что, поскольку протеза появляется прежде всего (как они сами признают)- в заимствованных словах,- в книге рассматриваются в первую очередь десятки примеров заимствованных слов, причем упоминаются и некоторые давно известные случаи протезирования гласных. Например, на стр. 37 книги, на которой содержатся примеры ызур, эжир, цитируемые рецензентами, приведены и такие слова, как эскэмия "скамья", урыс "русский" и др. заимствованные давно и поэтому вполне являющиеся србственно татарскими, хотя бы писались теперь без протетического гласного - не говоря уже о примерах из русской речи татар (и др. тюрков), приводимых как на этой 37-й, так и на последующих девяти страницах данной главы книги.

В заголовке отзыва П указано, что это -"отзыв на работы У.Ш.Байчуры по экспериментальной фонетике татарского языка", на стр. 3 отзыва говорится, что рецензенты "для краткости позволят себе провести параллельный анализ" двух частей книги и автореферата, на последней странице отзыва читаем, что замечания в отзыве относятся "к автореферату докторской диссертации и соответствующим ему по своему содержанию книгам У.Байчуры". При рассмотрении же вопроса о протезе (как и во многих, если не в большинстве - других вопросов) авторы этого "обстоятельного" отзыва ссылаются только на(стр.18) автореферата и не обращают никакого внимания на книги и др. работы, которые они по собственному желанию вызвались рецензировать. В результате полу-

чается, что вместо книги общим объемом около 600 страниц, рецензенты рассматривают только автореферат, хотя как пишут с а м и эти рецензенты (на стр.9 отзыва) "в автореферате, по вполне понятным причинам, приведена только часть примеров."

И в вопросе о протезе вместо рассмотрения всего, что сказано мною в книге, рецензенты ограничились рассмотрением одного абзаца автореферата, хотя, согласно заголовку отзыва, это рассмотрение и выдается за "параллельный анализ" двух книг и автореферата и вообще всех работ У.Байчура по экспериментальной фонетике татарского языка.

Наконец, последний вариант толкования. Поскольку в самом начале рассмотрения протезы, рецензенты заявляют, что "под протезой (стр.I8 автореф.) автор подразумевает прибавление гласного в начале (протеза), в середине (эпентеза) и в конце слова (эпитеза), т.е. любой вставочный звук, появляющийся в словах при стечении непривычного сочетания согласных" и, поскольку, я на этой I8 странице автореферата употребляю слово протеза в общем смысле (включая в это понятие также добавление гласных в начале, середине и конце слова), ибо я противопоставляю это явление в целом - другому явлению - выпадению гласных (также в целом, независимо от того, начальный, средний или конечный гласный слова теряется), то при сопоставлении изложенного с заявлением рецензентов, что других примеров на татарские слова кроме <u>ызур</u>, <u>эжир</u> они не находят, допустимо заключить, что рецензенты в последнем случае ведут речь только об отсутствии в автореферате примеров отпадения начальных гласных в татарских словах, ибо сами они, как указано, под протезой понимают отпадение гласных <u>в начале</u> слова.

При наличии таких различий в понимании и употреблении термина "протеза" рецензентами с одной стороны и диссертантом - с другой (и сами рецензенты по сути дела признают это различие), когда рецензенты употребляют это слово в его, так сказать, видовом значении, тогда как я употребляю - в так сказать, родовом значении это слово,- то в этих условиях, говоря о якобы отсутствии "других примеров на татарские слова" - в связи с цитируемыми в отзыве примерами: ызур, эжир, рецензенты должны были (при их понимании термина протеза) тут же указать, что зато имеются примеры на эпентезу и эпитезу, чего однако, они не делают, хотя и не отрицают наличия подобных примеров в моих работах. А такое умолчание создает у читателя неправильное представление о содержании работы. Более того, даже на той самой странице автореферата, на которую ссылаются рецензенты, говоря, что якобы мною приведено только два слова: ызур, эжир - в действительности приведено четыре примера т а т а р с к и х слов, ибо слова рус, район, вне всякого сомнения, являются словами татарского языка, татарскими словами, ибо широко употребляются татарами в их родной речи - не говоря уже о том, что эти слова вошли и в словари и притом давно вошли, напр., слово рус (в форме урыс) - задолго до 1917 г. Рецензенты, как видно из их отзыва, считают "татарскими" только слова тюркского происхождения или же - вообще неизвестно какие, ибо определения они не дают. Но это вдвойне несостоятельная точка зрения, ибо, во-первых, "татарское" не равно "тюркскому" (что было уже показано и будет), а во-вторых, ведет к смешению двух понятий: I) всех слов современного татарского языка - независимо от их происхождения (в том числе такие, как китап "книга" (из арабского) и рус // урыс "русский" (из русского) и т.п., а не только исконно тюрк-

ские, как жир "земля", зур "большой и др.) 2) только тех слов современного татарского языка, которые по происхождению являются тюркскими (зур "большой", жир "земля"и др.)

Если в одном случае употреблять выражение "татарские слова" в первом смысле, а в другом случае - во втором, как это, например, имеет место в отзыве, в частности - в связи с вопросом о протезе, то в результате получается смешение терминов и понятий ввиду двусмысленности выражений, что как известно, несовместимо с наукой логики, а следовательно - и вообще с какой-либо наукой.

Если же рецензенты употребляют выражение: "татарские слова" не в смысле "тюркского происхождения", а в смысле всех слов татарского языка - независимо от их происхождения, - то в этом случае или они заведомо неправильно утверждают, что я привожу два примера, когда в действительности их четыре (на стр.18) или они не считают слова рус, район вошедшими в татарский язык, а последнее мнение не соответствует фактам современного татарского языка и тогда получается, что рецензенты, так сказать, " не вдадеют материалами татарского языка" (пользуясь выражением из "обстоятельного" отзыва)

Изложенное показывает, что данное возражение рецензентов по сути дела сводятся к терминологическому, а не по существу вопроса. Именно: почему У.Байчура не использовал греческие термины эпитеза и эпентеза, а вместо этих двух терминов и слова протеза использовал выражения: " протетический гласный в абсолютном начале слова", "протетический гласный в исходе слова", "протетический гласный между двумя согласными", " протетический

гласный при стечении согласных в конце слога", "протетический гласный между двумя слогами" и т.д. и т.п. (стр.37-46 "Звукового строя" м.П).

Объясню почему. Греческие термины эпитеза, эпентеза мало распространены и более доступными являются описательные выражения, а с точки зрения научной эти терминыи протеза эпитеза и эпентеза сами по себе все равно недостаточны, ибо указывают только на начало, конец и середину слова взятого в целом - без учета структуры слога и др. фонетических условий, учитываемых в диссертации. Использование трех терминов, при условии дополнения этих терминов описаниями могло лишь загромоздить работу, ничем не улучшая содержания работы.

В этой связи, быть может не будет лишним упомянуть здесь о том, что оппонент А.К.Боровков (давший, как и другие официальные оппоненты, положительный отзыв на диссертацию), значительную часть своего выступления на защите посвятил обоснованию противоположной мнению данных рецензентов точки зрения по вопросам терминологии, именно А.И.Боровков доказывал ненужность использования латинского сокращения op cit (opus citatus) при ссылках на иностранную литературу (о литературе на русском языке не было и речи) и о необходимости употреблять русское "цит.раб."- вместо латинского op cit -не только при ссылках на русские книги, по и на иностранные и счел недостатком диссертации то, что в нескольких местах вместо обычного в диссертации и книгах сокращения "цит.раб." я употребил при ссылке на иностранную литературу латинское сокращение op cit.

Однако следует отметить, что , как известно, вопросы терминологии едва ли могут иметь сколько-нибудь решающее значение

для существа дела.

И б олее того, увлечение, так сказать, новой терминологией, что характерно не только для наших рецензентов, но и для некоторых других (Б.А.Серебренников, А.А.Реформатский - см.ниже) притом,- в ущерб содержанию - может лишь служить иногда средством сокрытия отсутствия содержания, а не средством выражения того или иного содержания мысли.

ж

Характерным для данного "обстоятельного" отзыва является и включение вообще не относящихся к делу вопросов в данное и многие другие места отзыва. Ибо, например, в заключение рассмотрения вопроса о протезе в отзыве читаем: "Было бы интересно, если бы автор обратил внимание и на явления апокопы, встречающееся, чаще, разумеется, в диалектах, например, мус, дерес, дус, ос, эс)". На этом раздел о протезе в отзыве кончается.

По поводу последнего заявления рецензентов следует отметить, что, во-первых, к протезе гласных не имеет отношения утеря словом тех или иных согласных, а вопрос этот - об отпадении конечных согласных - не входил в круг рассматриваемых нами проблем, хотя в связи с выпадением гласных и слогов, естественно, отмечались нами и случаи выпадения согласных, что преимущественно имеет место, как известно, при заимствованиях, хотя нередко возможно и в исконно-тюркских словах.

Интересных вещей на свете много, хотя данный вопрос - об отпадении некоторых конечных согласных в татарских словах, едва ли может быть отнесен к числу наиболее интересных, причем ре-

цензенты не только не аргументируют того, почему именно данный вопрос представляет такой интерес, что о нем стоило упомянуть в рецензии, но они не указывают даже того, какое значение имело бы для диссертации специальное изучение этого довольно редкого - в исконно-тюркских словах - явления, не говоря уже о том, что всестороннее изучение татарских или иных диалектов, разумеется не входило и не могло входить в тему данного инструментального исследования.

Данное замечание в отзыве Л.Махмутовой и Х.Курбатова вполне в стиле последнего (и некоторых из замечаний С.С.Высотского -см.выше о тенорах, басах и др.), который (Курбатов) еще в 1954г. выдвинул в одном своем отзыве, так сказать, научное требование о рассмотрении качества английских и французских гласных - как условие полноценности инструментального исследования д л и т е л ь н о с т и татарских гласных (см.выше)

Рассмотренное показывает, что из замечаний рецензентов по вопросу о протезе не может быть сделано какого либо полезного научного вывода, а метод, так сказать, научной критики, характерный для отзыва П, заключается в том, что вначале выставляется хотя и ничем не обоснованное, но на первый взгляд - серьезное и, казалось бы, существенное критическое замечание, а затем рецензентами вносятся в это замечание поправки (так сказать пе-титом или в скобках), по сути дела сводящие это замечание на нет или ограничивающие первоначальное общее замечание иногда до полемики по поводу одного-двух терминов, однако эти дополнительные поправки вносятся рецензентами большей частью в такой завуалированной форме - вследствие неопределенности их утверждений, что эти их поправки способен расшифровать только тот,

кто внимательно сопоставит отзыв с рецензируемыми работами.

Поскольку же этот отзыв по признанию самих рецензентов, расчитан на неязыковедов, к которым они апеллируют на стр.8 отзыва, то ясно, что читатель или, тем более, слушатель (отзыв был впервые зачитан) получает совершенно превратное представление о содержании рецензируемой в отзыве работы (или работ), и члены Ученого Совета, впервые услышавшие этот отзыв на защите, не имели возможности для сопоставлений, тогда как участие диссертанта в обсуждении этого отзыва на защите было по существу исключено председательствующим Б.А.Серебренниковым, о чем - см.во введении.

Другой стороной метода рецензентов является повторение - от собственного имени рецензентов и без указания источника заимствования - выводов диссертации и одновременное приписывание мне того, что я никогда в жизни не писал и не говорил. Третья особенность отзыва - противоречие фактам голословных утверждений рецензентов, четвертая - загруженность отзыва посторонними рассуждениями, не имеющими прямого отношения к делу, пятая - выставление требований изучить неотносящиеся к теме и к рассматриваемым в диссертации проблемам мелкие вопросы, необходимость специального изучения которых и значение этого изучения для диссертации и для рассматриваемых в ней проблем вообще ничем не аргументируется в отзыве и т.д. и т.п.

Ввиду изложенного, рассмотрение замечаний, содержащихся во II "обстоятельном" отзыве (также, как и таковых в I "обстоятельном" отзыве) завершается нулем научного результата, - если не считать научным результатом установление того, что методы и приемы авторов этого "обстоятельного" отзыва едва ли могут иметь что либо общее с наукой.

ж

В заключение я вынужден остановиться на двух взглядах по вопросу определения протезы. Вопрос о принципах определения протезы (и соответственно -выпадения) звуков, казалось бы уже давно разрешен в науке. Однако возражения рецензентов вынуждают меня вернуться еще раз к этому вопросу..

Рассмотрение истории вопроса завело бы в сторону, а кроме того мало способствовало бы разрешению данного конкретного полемического вопроса о том, какой взгляд больше соответствует научному пониманию: взгляд ли рецензентов или взгляд диссертанта и чем отличаются друг от друга эти два взгляда. Поэтому ограничимся рассмотрением этих двух точек зрения, из которых одна выражена в двух отзывах, другая - в диссертации и моих книгах.

В порядке хронологической последовательности придется изложить вначале взгляд диссертанта. На стр. I8 автореферата читаем:

"Выпадение и протеза гласных представляют собой две стороны одного явления и лишь в определенных условиях могут противостоять друг другу, т.к. то, что является протезой (соответственно выпадением) для одного языка может быть нормой для другого и наоборот; достаточно сравнить туркменское araba и татарское arba "арба", каз.татарское bürəɣə "его шапка", išttəm "я услышал" и башкирские, мишар-татарские bürkə, ištəm (с тем же значением) и т.д. и т.п. Протезу и выпадение можно отделить друг от друга лишь в

историческом плане, и с этой точки зрения протетический гласный обычно появляется лишь в заимствованных словах при стечении нескольких согласных, в результате чего разлагаются непривычные сочетания звуков, чуждые для данного языка, причем здесь значительную роль играет индивидуальное значение того языка, откуда заимствуется слово. Кроме того, некоторые согласные обычно не могут находиться в абсолютном начале, в частности звонкий вибрант r , вследствие чего возникают, например, следующие формы слова rus "русский" (тат.); uras , iras , ərus , ərus и др., слово "район" может иметь формы ərayon arayon и др. Условием звонкого произношения начальных z, ze часто является наличие предшествующего гласного, ввиду чего нередко имеем формы əzur "большой" (орф. зур), əzir "земля" (орф. жир) и др."

Кроме того, выше приводились выдержки из книги "Звуковой строй..." часть П, Казань, I96I.

Для удобства сопоставления приведем здесь же цитированное выше высказывание рецензентов: "Как известно, протеза обычно появляется в заимствованных словах. А в собственно татарских словах она возникает очень редко. И лишь в определенной фонетической позиции. Обнаружить ее можно только при сравнении орфоэпич. норм языка с орфографич. или литературных с диалектными (напр., литер. черек - диал. эчерек)". (Отзыв П, стр. I6).

Сравнение с цитированным выше абзацем автореферата, также, как и приведенное выше сравнение этого отрывка из отзыва с соответствующими местами книги "Звуковой строй", показывает, что рецензенты в других выражениях повторяют изложенное мною в автореферате и книге: I) о том, что протеза

появляется большей частью в заимствованных словах мною сказано; 2) что появляется она в определенной позиции - мною сказано и уточнено в какой именно, тогда как из абстрактного заявления рецензентов нельзя сделать конкретного заключения о том, в какой именно позиции появляется протеза; 3) мною указано, что в словах тюркского происхождения протеза бывает редко и что лишь условно можно говорить о протезе в этих случаях, ибо с точки зрения историко-лингвистической приходится, прежде всего, говорить о протезе в заимствованных словах; рецензенты же говорят, что " в собственно татарских словах она возникает редко", не поясняя того, что они понимают под выражениями "собственно татарский" и не собственно татарский ; 4) о той элементарной истине, что для установления протезы (и соответственно - выпадения) необходимо сравнивать диалекты, литературный язык и проч., так сказать, формы языка - мною тоже сказано и даже приведены примеры конкретного сравнения конкретных языков и диалектов (стр.I8 автореферата и соотв.страницы книги и т.д.); 5) кроме того, на стр. I8-I9 (а также в книге - см.стр.37-46) излагается и то, какие гласные протезируются, в каких именно позициях, каких конкретных словах, в каких языках, причем приводится и серия цифровых инструментальных данных о длительности протезируемого гласного, причем все это, разумеется, как известно, отсутатвует у рецензентов как в отзывах, так и любых других их научных работах.

По существу единственное различие точек зрения заключается в том, что рецензенты в определении протезы исходят из литературных норм и в зависимости от этих норм, с точки зрения этих литературных норм определяют то, имеем ли мы дело с протезой

или выпадением и поэтому они пишут: "напр., литер, черек -диал. эчерек", что после расшифровки означает: литературная форма - черек "гнилой", диалектальная -"эчерек" "гнилой" и отсюда рецензенты делают вывод (стр.I0 и др. отзыва):" В словах черек лəукэ никакого выпадения или редукции не может быть, т.к. это-основные формы указанных слов", а на стр.I0-II читаем: "В диалектах происходит следующее: эчрек // эч'рек // эчерек, элəукэ // 'лəукэ - характерны для нагорного говора, причем э(е) начальное (протеза!) не выпадает, а выпадает или редуцируется в зависимости от темпа речи э(е) первого предударного слога: эчрек эчерек".

Таким образом, точка зрения рецензентов изложена здесь с той ясностью, на которую они вообще способны, ибо отнюдь не лишне отметить тот существенно важный для дела факт, что данный отзыв по неопределенности выражений, по каламбурам и двусмысленностям, смешению понятий, неясности или абстрактности суждений и т.п. затрудняющих понимание, особенностей и тому подобном мог бы занять одно из ведущих мест в подобного рода литературном жанре.

В другом (первом) отзыве (Л.Заляя) и др., как видно из приведенной выше цитаты, высказана та же точка зрения на способ определения протезы и выпадения. Эти рецензенты считают, что "здесь прежде всего автор должен был потрудиться выяснить, в чем отличие литературных норм от диалектальных. Тогда он наверняка воздержался бы от утверждения, что в словах черек (гнилой), лəукэ (полок, лавка) и т.д." выпадает начальный гласный (стр.4-5). Рецензенты (стр.5 отзыва I) считают, что в слове зур(ы)рак "больше"[I] (э)черек, (э) лəукэ

I) А не "побольше", как переводят рецензенты

нет выпадения гласных, ибо во многих говорах и "в литературном языке эти слова произносятся без вставочных гласных (черек, лэукэ, зуррак... и только для некоторых говоров.... характерно произношение этих слов с протезой. Например, эчерэк... элэукэгэ... зурырак" (кроме слова элэукэ - остальные слова тюркского происхождения).

Таким образом, все пятеро авторов двух "обстоятельных" отзывов (написанных, разумеется, при взаимной консультации), сходятся в том, что литературные нормы являются критерием того, имеем ли мы дело с протезой или выпадением.

Напротив, в диссертации указано, что "выпадение и протеза гласных представляет собой две стороны одного явления и лишь в определнных условиях могут противостоять друг другу" и что "протезу и выпадение можно отделить друг от друга лишь в историческом плане", ввиду чего я п р а к т и ч е с к и и определяю протезу (или выпадение) исходя из первичной формы слова. А в словах наподобие лэукэ "полок", өстәл "стол" - исхожу из ширины первичной т а т а р с к о й , а не русской формы слова. (Эти слова заимствовались в татарский в форме өстәл "стол", элэукэ "полок", а уже затем происходило отпадение начального, протезированного ранее, гласного, в результате чего последние формы: стәл "стол", лэукэ "полок, лавка" в н о в ь приближались к исходной р у с с к о й (а не исходной татарской) форме.

Таким образом, в определении протезы (или выпадения) я исхожу из и с т о р и и слов и их форм, тогда как рецензенты исходят из современных орфографических и орфоэпических литературных норм.

И на этом своем понимании явлений протезы и выпадения авторы

данных двух "обстоятельных" отзывов строят свою критику положений диссертации и других моих работ.

Несмотря на то, что ведущие из этих рецензентов по роду занятий изучают диалектологию, а Л.Заляй - даже и историю языка, тем не менее они оставдяют без всякого внимания именно и с т о р и ю языка - в своем определении протезы и выпадения - когда они критикуют мою инструментально-фонетическую работу.

Эта констатация различий точек зрения вполне достаточна для того, чтобы уяснить, что рецензенты критикуют работу с ненаучных позиций.

Однако, поскольку мне предложено доработать диссертацию, причем такая доработка, разумеется, надо полагать, должна вестись с учетом именно этих двух "обстоятельных" отзывов (ибо других отрицательных отзывов или выступлений на защите не было), и к тому же эти два отзыва по словам Б.А. Серебренникова произвели впечатление на членов Ученого совета "Института языкознания АН СССР (точнее сказать,- речь могла бы итти лишь о шести членах совета, голосовавших против), а с другой стороны, поскольку сами же авторы "обстоятельных" отзывов ориентируются на (если не исходят из) круг знаний "неязыковедов" (стр.8 отзыва II), то придется мне привести и ряд иллюстративных примеров, показывающих (между прочим) , и то, "какие практические выводы могут быть сделаны на основе исследований" рецензентов - в их отзывах, а эти практические выводы сами рецензенты (отзыв I,стр.I-2) считают одним из двух кардинальных критериев в оценке научной работы.

Определение наличия или отсутствия протезы иди выпадения гласных рецензенты ставят в связь с орфоэпическими и орфографи-

ческими нормами литературного языка.

А как быть с бесписьменными языками и диалектами? Может ли в них существовать явление протезы или выпадения гласных? Рецензенты оставляют этот вопрос открытым . Следовательно, получается, что в этом случае обнаружить наличие протезы или выпадения невозможно. Однако в этом случае один вопрос - о возможности или невозможности наличия, существования реального явления действительности,- протезы или выпадения гласных в бесписьменных языках подменяется другим, неравным вопросом - возможностью или невозможностью обнаружения этого явления н а м и , но не теми людьми, которые жили в то время, когда данный язык был бесписьменным. В этом случае, при такой замене одного вопроса другим, получается уклонение от сути дела.

Вопрос стоит так: могло или не могло существовать данное лингвистическое явление до появления письменности, орфографии, орфоэпии, до литературного языка или не могло?

Только ли после появления письменности и литературных языков начали народы подставлять протетический гласный и опускать гласные (например, при заимствованиях, а также в исконных словах) или же они это делали и до появления письменности, до появления литературного языка, орфографии и орфоэпии?

Ясно, что языковые явления, в том числе - рассматриваемые (выпадение, протеза) существовали ранее любой письменности, любой орфоэпии, и независимо от последних. В "Фонетике" В.В.Радлова, например, приводится достаточно материалов о выпадении и протезе гласных не только в письменных, но и в бесписьменных языках и диалектах. Распространение звукового письма, ведущее к

унификации языка, имеет даже тенденцию ограничения разнообразия языковых явлений в данном языке - пределами, рамками литературных требований.

Если речь идет о бесписьменных языках (каковые имеются еще и в настоящее время), то какие же "орфографич." нормы языка надо сравнивать - и с какими "орфоэпич." нормами, если у данного языка вообще нет письменности? Невозможно будет в этом случае и сравнение диалектных форм с литературными - если нет литературы и литературного языка.

Однако дело этим далеко не исчерпывается. Есть письменность и письменность, орфография и орфография. Хотелось бы знать, например, каким образом можно было бы обнаружить протезу (или выпадение), сравнивая "орфоэпич." нормы языка с "орфографич.", если орфография эта основывается на пиктографическом, идеографическом или даже слоговом принципе письма? Такое сравнение равносильно сравнению картины или чертежа с звуками речи. Ясно, что в этом случае ничего похожего на серьезные фонетические выводы о протезе и выпадении сделать не удастся. Более того, даже современное звуковое письмо, как известно, имеет ряд отклонений от лежащего в его основе принципа - обозначения фонем. К таким отклонениям относится и рекомендуемый в отзыве -для всех языков и отстаиваемый рецензентами этимолого-морфологический принцип в орфографии. Но в этом случае, если слова написаны согласно этимолого- морфологическому принципу, то отсутствует о с н о в а н и е для сравнения этого написания ("орфографич." норм) с литературным произношением ("орфоэпич." нормами). Такое сравнение в принципе мало отличалось бы от сравнения, скажем китайского иероглифа с китайской орфоэпией этого слова. Письмо

на языке тюрки строилось во многом на этимолого-морфологическом принципе (хотя в ряде случаев - и фонетическом), а единой орфоэпии для него вообще не было: в каждом тюркском языке слова читались на свой лад, со своей огласовкой. Спрашивается, какой вывод, например, о протезе можно сделать, сравнивая литературное, так сказать, орфографическое написание в языке тюрки таких, например, заимствованных, из арабского слов, как г л м "наука, к т б "книга" и т.п., которые писались в этом языке по историческому или, так сказать, историко-этимологическому принципу? Да и в тюркских словах, например, аффиксы нередко писались и по морфологическому (или, если угодно,- слоговому), а не только по фонетическому принципу: к э т п "ожидая", к и т п "уходя", вместо кэтеп, китеп), аффикс множественного числа лар мог писаться и без гласного: лр, аффикс родительного ед.ч. писался нередко нң (вместо ны ң) и т.д. и т.п., т.е. по сути дела обозначались морфемы, а не звуки. Если, согласно рекомендации рецензентов, для обнаружения протезы мы станем "сравнивать" (несуществующие) в языке тюрки "орфоэпич." нормы с "орфографич.", построенными по изложенным принципам, или же будем сравнивать литературный язык тюрки с"диалектными""нормами" (как выражаются рецензенты), то неизбежно придется притти к выводу, что представители тюркских народов, пользовавшихся этим языком тюрки, не столько разговаривали, сколько изобретали разнообразные вставочные и приставочные гласные в словах своих языков, а в некоторых случаях-напротив, опускали гласные. Сам принцип сравнения литературного написания с литературным произношением несостоятелен и как средство обнаружения фонетических явлений, ибо отсутствует общее основание для сравнения: с одной стороны имеем написание, т.е.

значки на бумаге (или на камне и т.п.), а с другой - определенной частоты колебания среды и движения органов речи человека.

Сравнение написания с произношением допустимо лишь в том случае, если это написание молчаливо принимается за фонетическую (или по крайней мере-) фонологическую транскрипцию, обозначающую эти самые колебания среды и движения органов речи человека.

Рецензенты не отрицают фонетический и фонологический принцип письма. Отсюда следует, что их сравнение "орфоэпич. норм языка с орфографич." не может дать никакого научного результата в области исследования звуковых явлений языка.

В-третьих, предлагаемый рецензентами ,так сказать, " нормативный способ "обнаружения" протезы, в свою очередь, обнаруживает свою непригодность и при его применении к современным литературным языкам, имеющим твердо установленные орфоэпические нормы и звуковое письмо.

Хотелось бы знать, каким образом, исходя из нормативного принципа рецензентов, можно определить, скажем, то, какая из письменных форм fenêtre или Fenster является протезированной, а какая -напротив - усеченной, сокращенной? Так как рецензенты вполне могут не знать этих слов и того, из каких языков эти слова взяты, то пояснию: в литературном французском la fenêtre значит "окно", в литературном немецком "окно" - das Fenster . Обе формы литературны и произносятся согласно современному орфоэпии каждого из этих языков, по-разному: fənɛtr // fnɛtr , fenstər Слово одно, а "орфографич", и "орфоэпич." нормы - разные. Как тут быть,

если ограничиваться способом определения протезы и выпадения по принципу рецензентов? Можно взять и другой подобный пример, скажем, из тюркологической области, более доступной, если не самим авторам "обстоятельных" отзывов, то, быть может, их покровителям и вдохновителям.

В татарском литературном языке имеется слово arba "телега", которое так и произносится, как пишется - т.е. орфография этого слова совпадает с его орфоэпией. А в татарских говорах встречается слово araba "телега", которое по правилу рецензентов должно рассматриваться как протезированное, ибо имеет лишнее а в середине слова -по сравнению с литературной формой.

А в турецком языке, где тоже имеется это слово, литературной является форма более полная: arаba "телега", тогда как более краткая форма: arba , допустимая в турецких говорах, должна по принципу рецензентов рассматриваться как синкопированная, сокращенная, в то время как литературное araba "телега" не может считаться протезированной. Попробуйте ка, исходя из принципа рецензентов, разобраться здесь в том, какая форма протезированная, а какая - сокращенная: получается, что одно и то же слово арба будет в турецком сокращенной, а в татарском - не сокращенной, нормальной, тогда форма араба будет в татарском протезированной, а в турецком - непротезированной, нормальной. И любая попытка выбраться из этого противоречия ведет к еще большей путанице.

Так, в Кодексе Куманском зафиксировано слово araba "телега". Была ли эта форма протезированной у бесписьменных

куман XIУ века? И с каким литературным языком надо было тогда сравнивать эту форму для выяснения протезы или выпадения? С османским? С чагатайским?

В турецком османском и в чагатайском тогда существовала полная форма araba "телега". Следовательно, исходя из принципа рецензентов, приходится заключить, что пять веков назад куманское араба было непротезированной, нормальной, литературной формой. А после появления современного литературного языка эта же команская форма араба стала протезированной, ибо путем сравнения литературных норм с диалектальными - по способу рецензентов - приходится признать протезированной диалектальную форму араба, коль скоро сами рецензенты устанавливают этим своим способом, что слово эчерек является протезированной формой литературного черек "гнилой".

В итоге получается, что если принять принципы определения протезы, предложенный рецензентами, то волей неволей мы приходим к оценке явлений других языков с позиций татарского языка или же вынуждены признать, что одно и то же слово, одна и та же форма в одном языке является протезированной (араба), а в другом языке - она не является протезированной и что эти наши определения зависят от точки зрения, от того, с позиций какого литературного языка мы рассматриваем материальные языковые явления. Следовательно, принцип рецензентов приводит к полному субъективизму и произволу в определении и характеристике материальных явлений языков. Ибо с точки зрения османского турка - слово араба в куманском - нормальная литературная форма, а с точки зрения современного литературного татарского языка - форма араба - проте-

зированная, ибо в современном литературном татарском языке орфоэпической и орфографической нормой является арба, а именно с последней формой, как эталоном, меркой приходится сравнивать, если исходить из принципа рецензентов. Однако с точки зрения чагатайского письменного языка, которым пользовались и татары еще в XIX веке - как литературным письменным языком, нормальной опять таки, оказывается более полная форма: араба " телега" (см.словарь В.В. Радлова). Получается, что и с точки зрения татарского литературного языка различных периодов приходится по-разному определять то, является ли форма араба протезированной или же не является. Однако все это еще только цветочки, а ягодки будут дальше.

В уйгурском (таранчинском) имеем слово hariba "телега". Следовательно араба "телега" оказывается не только не протезированной, по даже ,напротив, сокращенной, если исходить из норм уйгурского (таранчинского), в котором помимо редукции гласного среднего слога (а > i) имеется лишний звук h. (По словарю Н.А.Баскакова и проф. Насилова, М,1939, в письменном уйгурском - عرابه ӓрабӓ). С точки зрения рецензентов обе формы: araba , hariba будут протезированными, ибо рецензенты, исходя из своего принципа, не могут не подходить к явлениям других языков с меркой "орфографич." и "орфоэпич." норм современного литературного татарского языка.

Если исходить из позиций рецензентов, то протезированной формой будет и слово aramра "телега", зафиксированное в османском азербайджанском, чагатайском. Куманское же arава может рассматриваться с точки зрения этих языков, в том числе - письменного чагатайского, как не только на протезированная, но, нап-

ротив, как сокращенная форма.

Неясным, однако, - с позиций рецензентов - останется вопрос о том, которая форма из трех: araba , aramra , или harība "телега" будет протезированной, или, напротив, сокращенной - в их соотношении между собой. По-видимому, этот вопрос рецензенты будут решать, исходя из норм современного литературного татарского языка.

Однако, неразрешимым останется случай, когда в одном и том же языке в качестве литературной нормы допускаются две формы одного и того же слова, скажем, в османском и чагатайском - araba и aramra "телега". А такие примеры имеются во многих языках, в том числе и в современном татарском, в котором в качестве литературной нормы могут допускаться две различные фонетические формы одного слова. В таких случаях, исходя только из литературных норм, как это требуют рецензенты , вообще невозможно решить вопрос о том, какая из таких двух форм протезированная, какая сокращенная.

В ряде языков народностей, не имевших письменности до 1917 г., зафиксирована В.В.Радловым (в его "Опыте словаря тюркских наречий") форма abra "телега", например, у алтайцев, шорцев, лебединских и кизыльских татар, кюэриков. Исходя из принципа рецензентов, приводящего, как мы видели выше, к тому, что на весь тюркский мир приходится смотреть глазами татарской орфоэпии и орфографии и мерить меркой татарского литературного языка, придется, по-видимому, назвать форму abra "телега" метатазой слова arba совершенно независимо от того, принята ли в литературных языках указанных народов форма абра или арба - так как в литературном татарском существует только одна форма: арба.

Но как быть с литературно-татарскими формами: чэчэк "цветок" и чэчкэ "цветок" ? Обе формы литературны, но в которой же имела место протеза? Ответа на этот вопрос мы, разумеется, не получим, если будем следовать принципу рецензентов.

Следует отметить, и то, что в первую очередь (хотя и не исключительно) именно у бесписьменных народов зафиксирована более краткая форма слова арба // абра. Так, слово арба "телега" отмечается В.В.Радловым (в его словаре) у киргизов, казахов, не имевших собственной письменности до 1917 г. (если не считать использования ими языка тюрки), а кроме того - наряду с более полной формой араба - также в Восточном туркестане и у крымских татар.

Более же полная форма этого слова отмечается в первую очередь в письменных памятниках и у народов, среди которых была более широко распространена письменность до 1917 г.[1]) (Теперь, как известно, у всех у них имеются свои национальные литературные языки, с их орфографическими и орфоэпическими нормами). Отсюда следует, что современный татарский язык взял в качестве литературной нормы именно краткую разговорную, а не более полную письменную форму слова arba - araba - arampa - hariba - abra "телега".

Неразрешимые (на основе принципа рецензентов) противоречия возникают и при смене орфографий и изменений орфоэпии языков.

За период с 1917 года по настоящее время татарская орфография многократно менялась. Например, до 1929 г. писали менэ

"вот" "с" (послелог) и т.д., а после реформы 1929 г. стали писать "вот", "с" и т.п., тогда как орфоэпические нормы при этом не изменились. Отсюда следует, что "при сравнении орфоэпич.норм языка с орфографич." внезапно стали "обнаруживаться" протетические гласные в сотнях татарских слов, в которых до тех пор протезы "не обнаруживалось".

Вновь изменили татарскую орфографию в 1933 г., начав писать по-старому: " вот", "с" и т.п. и вновь исчез протетический гласный, якобы "обнаруживший" в сотнях и тысячах слов татарского литературного языка, ибо так получается по мнению рецензентов, с одной стороны отрицающих (голословно) возможность выпадения гласных в начальных слогах - даже в связной речи, а с другой стороны - считающих, что "обнаружить ее" (т.е, протезу - У.Б.) " можно только при сравнении орфоэпич.норм языка с орфографич. или литературных с диалектными".

Нет необходимости в дальнейшем перечне тех явных несообразностей, неразрешимых противоречий, к которым приводит указанный принцип рецензентов - так сказать "обнаружения" языковых явлений, исходя при этом из литературных норм, которые, к тому же, по точному смыслу фразы рецензентов, не равны "орфоэпич." и "орфографич." нормам, ибо отделены от последних - в цитате - союзом "или" и таким образом противопоставлены "орфоэпич". и "орфографич". нормам (под этими нормами, в свою очередь, в отзывах I,П понимается некое приближение к говорам мелекесских, хвальынских и чистопольских мишарей-Поволжья), причем такое необоснованное разделение и противопоставление фонетических литературных норм - орфографическим и орфоэпическим нормам того же языка, содержащееся в отзыве, подтверждается и тем, что под литературными нормами в

цитате из отзыва можно понимать только фонетические литературные нормы, поскольку в данном случае речь идет об "обнаружении" фонетических явлений, а не лексических и не грамматических особенностей ("Норм"- как выражаются рецензенты) диалектов.

Изложенное наглядно иллюстрирует субъективизм рецензентов в оценке материальных звуковых явлений языка и смешение в отзыве элементарных понятий лингвистики, что между прочим объясняется также и тем, что по их собственному признанию (напр., на стр.8 отзыва П) в написании "обстоятельного" отзыва рецензенты исходят из круга познаний неязыковедов.[I]

Поскольку же стараниями рецензентов и их покровителей в орбиту данной лингвистической полемики оказываются втянутыми не только языковеды, но также и н е я з ы к о в е д ы, то для сведения последних, к которым апеллируют рецензенты (отзыва I,П), сообщим следующее.

В науке давным давно (не позднее начала XIX века) установлено, что протеза, выпадение, метатеза и другие материальные фонетические явления и изменения устанавливаются отнюдь не на основе сравнения "орфоэпич.норм с орфографич. или литературных с диалектными", а совершенно на другой основе, именно, на основе установления п е р в и ч н о й формы того или иного слова, с которой (первичной формой) и сравниваются последующие видоизменения этого слова. Первичной же принято обычно считать наиболее полную форму слова или грамматической формы, морфемы и т.д.,- но с той существенной оговоркой, что более полная форма считается

I О том, к каким новым искажениям содержания рецензируемой работы это приводит, см.ниже.

первичной лишь до тех пор, пока не доказан ее производный характер (лв бремя доказательства). Установление же первичных форм производится методами сравнительно-исторического анализа, учитывающего как все имеющиеся письменные исторические источники, так и современные живые языки и диалекты, причем те или иные современные или древние литературные формы слов не имеют ровно никакого преимущества и даже более того, считают, что в диалектах особенно - оторванных от основного языка, нередко сохраняются даже более древние формы слов, которые, таким образом, и становятся критерием, меркой для определения тех или иных последующих фонетических изменений слов и их форм. Не с точки зрения звуковых (а тем более - письменных) форм современного литературного языка, а с точки зрения п е р в и ч н ы х форм определяются в лингвистике и протеза и выпадение и метатаза и другие фонетические явления и изменения, а первичными далеко не всегда являются формы литературные. Поэтому, вопреки необоснованным заявлениям рецензентов, диалектальное слово эчерек "гнилой" в татарском приходится рассматривать как первичную полную не протезированную форму, а литературное черек "гнилой" - как сокращенную, усеченную, производную форму того же слова. Разумеется, до тех пор мы можем так считать, пока н е д о к а з а н о сравнительно -историческими исследованиями, что начальный гласный Э в диалектальной форме этого слова возник позднее путем прибавления дополнительного гласного к (якобы

первоначальной) более краткой форме этого слова. До тех же пор, пока это не доказано научно, приходится признать, что в данном случае не может итти никакой речи о протезе в диалектальной форме этого слова и что, напротив, можно говорить только об отпадении начального гласного в более краткой литературной форме этого слова.

К сказанному следует добавить, что в диссертации и книгах я исхожу из той презумции, что истинно первичная форма того или иного слова как такового вообще практически не установима на современном этапе развития науки и поэтому под первичной формой приходится понимать относительно первичную форму. При реконструкции древних первичных форм исследователи имеют в виду о т н о с и т е л ь н о первичные формы, хотя это обычно лишь подразумевается. Следует отметить, что относительность эта двоякого рода: с одной стороны мы можем говорить о первичной форме того или иного языкового явления (напр., - слова)- в пределах данной группы языков или же - данного конкретного языка, ограничиваясь таким образом рассмотрением форм данного слова лишь в пределах данной группы языков или даже одного языка; с другой же стороны, и даже в пределах той или иной группы языков или отдельного языка , мы не в состоянии

установить истинно первичную форму и вынуждены остановиться на той глубине проникновения в историю, какую допускают имеющиеся в распоряжении науки данные.

С наибольшей степенью точности (иногда с абсолютной) возможно определить лишь первичную в данном языке (быть может - в группе языков) форму з а и м с т в о в а н н ы х слов. Так, слова остэл "стол", ышкаф "шкаф", эскэмия "скамья" и тому подобные заимствования из русского в татарский по имеющимся данным, являются первичными для татарского языка, ибо впервые были заимствованы в этой более полной форме, что нашло отражение и в татарской письменности вообще и в современной орфографии и орфоэпии в частности. В дальнейшем же, в потоке речи, возможно было отпадение протезированного (при заимствовании) начального гласного. Утверждая, что в заимствованиях наподобие приведенных (напр.элэукэ - стр.II отзыва П), имеет место протеза, а не выпадение рецензенты смешивают историю слова как такового, вообще - с историей слова в данном языке, а кроме того, уж если брать за первоначальную форму в т а т а р с к о м русскую форму стол, как это делают рецензенты, то и в этом случае при отпадении начального гласного в словах остэл "стол", элэукэ "лавка" и т.п. не будет протезы: сравни рус. стол, лавка и тат. стэл, лэукэ, получающиеся при отпадении начальных О, Э. Протеза - по сравнению с русскими стол, лавка - будет только при произношении в форме остэл, элэукэ. Однако рецензенты, заменив мое рассмотрение истории форм этих слов в татарском изучением истории этого слова вообще, тем не менее не пошли дальше современной

русской формы этих слов, а между тем, сравнительно-историческое изучение показало бы, что русское современное : стол отнюдь не является ни первоначальной, ни даже единственной литературной формой этого слова - как в славянских, так и вообще в индоевропейских языках.

Принцип определения языковых явлений (в том числе - протезы, выпадения и проч.) установлен не мною, он является результатом всего сравнительно-исторического исследования языков, результатом всей истории языкознания и отражен во множестве трудов по различным языкам (см.,напр., труды А.Мейе) - разумеется отражен в том случае, если авторы этих трудов знакомы с достижениями лингвистики хотя бы на уровне прошлого XIX века.

Этого, однако, мы не можем утверждать ни об авторах двух данных "обстоятельных" отзывов, ни о покровителях этих рецензентов, ибо недостаточно оперировать лингвистическими терминами, но необходимо, кроме того, понимать, что означают эти термины; недостаточно всюду и везде писать и говорить: "сравнительно-исторический "метод", "сравнительно историческое языкознание" и т.д. (как это делает Б.А.Серебренников), но необходимо кроме того еще и уметь применять на практике эти методы.

На практике же Б.А.Серебренников счел данные, рассматриваемые здесь две рецензии "обстоятельными" - в отличие от якобы "поверхностных" (по его словам) отзывов широкой научной общественности, в том числе -протоколов расширенных обсуждений диссертации и книг в семи научных учреждениях страны, положительных отзывов из десяти Советских республик СССР - не

считая положительных отзывов из-за рубежа - и положительных отзывов всех четырех официальных оппонентов, причем в числе поверхностных оказывается, таким образом, и безоговорочно положительный отзыв на диссертацию, данный самим Б.А.Серебренниковым.

Б.А.Серебренников счел рассматриваемые, так сказать, "обстоятельные" два отзыва более значительными по сравнению со всеми другими упомянутыми рецензиями и отзывами (неполно перечисленными выше) и сообщил в Высшую аттестационную комиссию об этом своем новом мнении , причем единственной аргументацией его было то, что указанные два отзыва "обстоятельны", т.е. надо полагать, это значит: велики по объему. На основании этого мнения Б.А.Серебренникова (в его объяснительном письме в ВАК.) Президиум ВАК принял решение, в результате которого я был вынужден специально исследовать замечания, содержащиеся в указанных двух отзывах, сами авторы которых исходят из круга познаний неязыковедов и даже пишут: "Для того, чтобы наш разговор был понятен и для наших неязыковедов будем пользоваться средствами орфографии", причем то, к каким искажениям рецензируемой работы авторами отзыва привела одна только эта замена, можно судить из того, что мною в общем использовано около ста пятидесяти простых и комплексных знаков (в основном - A.Ph. I), тогда как в орфографии содержится три десятка букв, причем рецензенты не только пользуются лишь буквами орфографии, но и правилами орфографического написания, что приводит к смешению разных звуков, транскрипцию русских слов из книги они переводят на орфографическое написание, а затем

заявляют, что якобы диссертантом (а будто-бы не самими рецензентами - напр.на стр.II,I2 и др. отзыва П) "за основу" берутся русские слова в их написании..." (стр.8, отз.П, подробнее - см.ниже).

В результате всего изложенного вместо продолжения инструментального исследования языков, рассматриваемых в диссертации, я вынужден был заняться изложением элементарных истин, языкознания (к сведению авторов двух "обстоятельных" отзывов и их покровителей) и исправлением искажений содержания моих работ, допущенных авторами этих "обстоятельных" отзывов. Однако, решение Президиума ВАК - о доработке диссертации - уполномачивает меня на это, хотя в решении и не сказано о том, в чем и м е н н о должна была состоять указанная доработка

*

РАЗДЕЛ II

ИЗ ИСТОРИИ

ГЛАВА У ИЗ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО ОДНОГО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ КРИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

§ 1

Две страницы истории

А. XIX век.

В 1884 г. В.Смирнов, признававшийся историком, например, за его работу по не новой (для того времени) теме - истории Крымского ханства,- выступил с рецензией на "Фонетику северно-тюркских языков" В.В. Радлова (см.журнал Министерства просвещения, 1884, ноябрь, объем рецензии 2 печ.л.). Вот несколько примеров, иллюстрирующих то, что получилось из этого более,чем смелого предприятия.

В этой рецензии, только половина которой посвящена "Фонетике", а в остальном - заполнена не относящимися к делу посторонними вещами, В.Смирнов сетует на обилие рассматриваемых в книге языков и "таблиц и схем, построенных во всевозможных направлениях - и в вертикальном и в горизонтальном и в р а с к о с о м , что надобно довольно долго всматриваться в эту хитрую механику, чтобы н а к о н е ц у р а з у м е т ь заключающуюся в ней систему" (стр.8 отд.отт.рец., разрядка моя -У.Б.)

Поскольку таблиц, построенных "в раскосом" направлении в "Фонетике" В.В.Радлова не имеется, а кроме того и сам В.Смирнов (на стр.IO) признает, что по крайней мере ряд вопросов ему остался непонятным, то надо полагать, что сей историк, сколько ни всматривался, все же не смог "уразуметь заключающуюся в ней" (т.е. в книге) "систему".

Об этом свидетельствует и рекомендация В.Смирнова, имеющая целью, так сказать, улучшить (читай обалгорнить) систему книги В.В.Радлова: необходимо, чтобы "всякий раз" "обозначались места в "Образцах" г. Радлова, где эти примеры могут быть отысканы" (стр.IO). Иными словами, при упоминании каждого тюркского слова в "Фонетике" необходимо по В.Смирнову - указать страницу, на которой это слово встречается в другой работе-восьмитомных текстах: "Образцы народной словесности тюркских племен" В.В.Радлова. Легко себе представить, во что превратилась бы в этом случае "Фонетика" В.В.Радлова, едва ли не половину которой составляют примеры. Рекомендация В.Смирнова-есть перенесение методов исторической науки в фонетику - или непродуманное перенесение, или, напротив,слишком продуманное. Это - главная рекомендация В.Смирнова для якобы спасения всей системы книги В.В.Радлова.

На последующих страницах (IO-30) - не считая посторонних включений в них - содержится около десятка разных замечаний, ряд которых рецензент сам называет "мелочными" "пустяками",но оговаривается, что " не в такой мелочной науке, как фонетика и в частности не для г.Радлова". Отсюда следует, что предъявляя, казалось бы, научные требования, в то же время В.Смирнов

считает, что должны предъявляться различные требования и применяться разные мерки - при оценке трудов различных ученых, именно, - в зависимости и от личности ученого, а не только от качества их трудов, т.е. якобы следует исходить не только из научных, но также и из личных соображений, причем не указано рецензентом то, каким из этих соображений (личным или научным) следует придавать большее значение.

Рецензент не брезгует упоминать о явных опечатках (что сам он признает), а наиболее "обстоятельным",(выражаясь слогом Б.А.Серебренникова) из десяти конкретных возражений, которому посвящено вдвое или втрое больше места в рецензии, чем критике "системы" книги является полемика о происхождении сингармонизма (тема не имеющая прямого отношения к описательной "Фонетике" В.В.Радлова), которому, т.е. сингармонизму, В.В.Радлов дает морфологическое объяснение, тогда как В.Смирнов считает результатом особого "устройства рта" инородцев (стр.I3, I5 и др.), например, - у "несчастных тарачей" (стр.I6), являющихся по В.Смирнову "сбродным полусартовским племенем" (стр.I3) - хотя сам В.Смирнов, как известно, анатомией не занимался.

Исходя из подобных "аксиом", В.Смирнов вопреки фактам голословно отрицает наличие установленной В.В.Радловым регрессивной ассимиляции в тюркских, чему посвящено также больше места в рецензии, чем критике всей "системы". Это - второе по "обстоятельности" конкретное замечание В.Смирнова, тогда как остальные не только не лучше, но еще и того менее состоятельны, ибо основываются на смешении рецензентом смягчения согласных с их озвончением, а тех и других - с усилением и т.п.

Так, на стр.20 утверждается, например, что sayaq "борода" звучит "более твердо-гортанно", а saqal "звучит уже мягче"; В.Смирнов пишет: "твердо выговариваемый аффикс lyq и смягченная форма lyg " и т.п., а на стр.21 - 22 "смягчением" рецензент уже называет переход q > g .

Нет сомнения в том, что фонетика -для неязыковеда- и в то время представляла из себя довольно "хитрую механику" и чтобы ее "уразуметь" недостаточно было "долго всматриваться", а надо было в с л у ш и в а т ь с я , а прежде всего - учиться , как и какому-нибудь ремеслу, скажем, хотя бы сапожному делу, ибо без подготовки, без учебы нельзя сшить хороших сапог, как нельзя разобраться и в фонетике.

Однако вместо изучения фонетики, В.Смирнов мобилизует серию будто бы научных приемов, наподобие следующего. Произвольно переименовав "фонетику северно-тюркских языков" В.В.Радлова - во "всетюркскую" (стр.10), далее (на стр.11, след.) рецензент заявляет, что тюркские языки представлены в книге неравномерно. По В.Смирнову, также, слишком большое внимание уделено В.В.Радловым таранчинскому наречию, хотя в действительности такое внимание В.В.Радлова оправдано известными о с о б е н н о с т я м и данного наречия, между прочим - значительным развитием в нем регрессивной ассимиляции, саму возможность которой в тюркских по сути дела отрицает В.Смирнов, голословно „аргументируя", как указано, "особым устройством рта" инородцев. В.В.Радлов имел ф о н е т и ч е с к и е основания для того, чтобы уделить внимание и таранчинскому, хотя последний, как известно, и не входит в число северно-тюркских, которым посвящена книга В.В.Рад-

лова - согласно заголовку. Однако В.Смирнов, апеллирующий к логике против ф а к т о в языка, и считающий, что в книге слишком большое внимание уделено таранчинскому, в то же время обвиняет В.В.Радлова за то, что последний не использовал тексты некоего, так сказать, фонетиста Пантусова - по таранчинскому же, хотя и сам В.Смирнов признает недостаточность этих текстов даже для изучения таранчинского (стр.I2), причем последнее наречие, как указано, даже не входит в число северно-тюркских.

Если по стилю (особенно - первые страницы) и некоторым выражениям (напр.; "оптом" и т.п.) данная рецензия сближается некоторым образом с известными газетками того времени, описанными, напр., в романах Достоевского, то некоторые неточности в немецких переводах В.Смирнова позволяют полагать, что он был не очень хорошо осведомлен о состоянии науки в Германии того времени, однако последнее отнюдь не означает, что к В.Смирнову не может быть применено высказывание Ф. Энгельса - о некоторых немецких профессорах XIX века, считавших, что "свобода науки означает право писать обо всем, чему не учился и выдавать это за единственный строго научный метод".

Правда, В.Смирнов отстаивает скромные, "не претендующие" научные труды (не претендующие на истину , надо полагать) и даже сообщает (на стр.8), что он лишь "намерен поговорить", "не вдаваясь в подробности" (не вдаваться в подробности, конечно, благоразумно для неязыковеда) "высказать впечатления" о некоторых качествах "фонетики" В.В.Радлова. Рецензент, таким образом и сам признает, что он собирается не доказывать, а лишь "поговорить" и "высказать впечатления" - как скажем, о новой

пьесе в театре, притом - "не вдаваясь в подробности" (№). И содержание рецензии подтверждает это смешение "разговоров" и "впечатлений" с научными доказательствами и фактами.

Заявив (на стр.7), что "в 1876 г. профессор Бодуэн де Куртенэ оповестил ученый мир, что "знаменитый лингвист и один из лучших знатоков туранских языков В.В.Радлов" сообщил ему выдержки из своей фонетики", на стр.8 В.Смирнов пишет, что Императорская Академия наук фактически" рекомендовала переделать сызнова" труд В.В.Радлова и что затем этот труд появился в Лейпциге. Таким образом, мнению специалиста -Бодуена де Куртенэ - противопоставлено мнение организации, большинство членов которой не являются специалистами, причем единственный аргумент этой организации, указанный В.Смирновым - тот, что "Фонетика" написана на немецком (а не на русском) языке. Таким образом, если верить В.Смирнову, "Фонетика" В.В.Радлова появилась вопреки воле Императорской Академии наук. Однако этот факт сам по себе отнюдь еще не является свидетельством наличия недостатков в этой книге, о чем можно судить и из судьбы геометрии Лобачевского.

Надо полагать, и сам В.Смирнов отнюдь не был уверен в доказательной силе своих аргументов, ибо он начинает свою рецензию с того, что, мысля категориями старопрусского земского права (хотя, быть может и не знал этого сам) он пытается поставить под подозрение саму л и ч н о с т ь В.В.Радлова, и уже этим осудить его, видимо, полагая, что если заподозрить личность В.В.Радлова, то легче поверят люди несостоятельным возражениям В.Смирнова - против трудов В.В.Радлова.

В. Смирнов начинает свою рецензию с утверждения (стр.I), что, во-первых, "В.В.Радлов сообщил очень немного о происхождении "своего труда" Образцы народной словесности тюркских племен", хотя это совсем другая работа В.В.Радлова, "Фонетике" (а не "Образцам") которого посвящена рецензия -согласно ее заголовку - причем о происхождении "Образцов" в действительности сообщено В.В.Радловым более того, что требуется: не только проставлено имя В.В.Радлова, собравшего эти "Образцы", но более того, как указывает сам В. Смирнов, в "Образцах" сообщаются даже такие подробности, как годы, когда собирался материал и т.п.

Во-вторых, на той же стр.I рецензии говорится, что помимо В.В.Радлова собирали образцы народной литературы также и миссионеры, именно , по сообщению В. Смирнова - по трем наречиям Сибири. Здесь следует отметить, что в восьмитомных "Образцах" В.В.Радлова представлен обширный материал, относящийся к десяткам тюркских языков и наречий и не только сибирских, что видно даже из дальнейших страниц рецензии, в которой несколько страниц посвящено оспариванию немецкого перевода пары киргизских фраз из "Образцов", неправильность перевода которых будто-бы "случайно" обнаружена рецензентом.

В-третьих, на В.В.Радлова возлагается рецензентом ответственность за то, что рецензенту "неизвестно" то, "в каком отношении их труд" (т.е. записки миссионеров) "стоит к труду г.Радлова" и "что сталось с материалами, собранными почтенными миссионерами", которые по словам самого В.Смирнова больше интересовались религиозными делами.

Между тем, В.В.Радлов вполне определенно указал на то, что его труд не стоит ни в каком отношении к то ли существующим, то ли не существующим запискам миссионеров, само существование которых никогда не было доказано. И связал это В.В.Радлов тем, что поставил свою фамилию в качестве собирателя "Образцов" и ни словом не упомянул о миссионерах. Можно соглашаться с В.В.Радловым или же -не соглашаться, если к тому имеются основания, можно опровергать принадлежность "Образцов" В.В.Радлову, если имеются ф а к т ы для такого опровержения, однако нет никакого основания обвинять В.В.Радлова в том, что он н е у к а з а л того, в каком отношении стоит его труд к миссионерам или кому угодно: именно - ни в каком.

В.Смирнов не решается оспаривать В.В.Радлова по этому вопросу, ибо не располагает никакими фактами. В.Смирнов только н а м е к а е т на свое несогласие, на то, что якобы эти "Образцы", изданные В.В.Радловым будто бы принадлежат не В.В.Радлову, а анонимным миссионерам (имена их тоже не указаны). И требует объяснения у В.В.Радлова о том, что сталось с материалами миссионеров, даже имена которых тоже не указаны В.Смирновым! Как будто не сами миссионеры, а якобы В.В.Радлов обязан знать, куда анонимные миссионеры подевали свои то ли существующие, то ли не существующие записки, пышно именуемые В. Смирновым "Трудом". Однако выяснение подобных вопросов не могло входить в обязанности тюрколога-фонетиста, каковым был В.В.Радлов, никогда не только не имевший

отношения к миссионерам, но даже едва ли находившийся с ними в каких-либо близких отношениях, хотя это не мешало ему, иногда ссылаться даже по поводу о д н о г о слова на того или иного миссионера, например, Ильминского (в "Фонетике").

Если В.Смирнов не согласен и полагает, что В.В.Радлов обязан знать то, куда неизвестные миссионеры девали свои неизвестные записки, - В.Смирнов обязан представить ф а к т ы в подтверждение своих претензий. Однако рецензент этого не делает, ибо фактами не располагает и потому не решается взять на себя ответственность утверждать что-либо определенное по этому поводу.

Наконец , в четвертых, в заключение этой своеобразной критики авторства с помощью н а м е к о в В.Смирнов (на стр.2 отд.отт.) пишет: " Как бы то ни было, за г.Радловым остается та безспорная заслуга, что он сделал доступным ученому миру эти любопытные памятники". Таким образом, авторство В.В.Радлова поставлено К.Смирновым под сомнение, хотя последний не только не приводит никаких фактов в подтверждение голословных намеков, но даже не решается утверждать что-либо о п р е д е л е н н о . А между тем, в совокупности стр.I-2 рецензии содержат именно весьма прозрачный намек на то, что якобы сомнительна авторская принадлежность "Образцов" В.В.Радлову, И Это несмотря на то, что рецензент и сам признает, что ему об этом ничего "неизвестно".

Как видно из рецензии, автору ее (как и тем, на кого рассчитана эта рецензия), по-видимому недостаточно были из-

вестны также языкознание и тюркология того времени, хотя рецензент и высказывает мнение даже по вопросам "методики лингвистического исследования тюркских языков" - почему тюркских, а не вообще языков? Уже эта цитированная фраза показывает, какова цена "методическим" заявлениям рецензента, ибо из них закономерно следует, что тюркские языки должны изучаться по иной методике, чем, скажем, монгольские или иные алтайские или палеоазиатские и т.д.

Рецензент жалуется на то, что В.В.Радлов придумал собственную своеобразную транскрипцию, в которой даны примеры в "Образцах", причем якобы В.В.Радлов не дал и ключа к этой транскрипции, якобы держит этот ключ у себя "в кармане".

Между тем, этот ключ содержится, например, в самом начале "Фонетики" и В.Смирнов или не читал рецензируемой им книги или ничего в ней не понял. Последнее неудивительно, если учесть область занятий В.Смирнова, как и то, что В.В. Радлов, будучи всесторонне образованным ученым, стоял на уровне науки своего времени и учитывал специально фонетические труды, как,например, Сиверса и др., имеющие значение и до настоящего времени, как и труды самого В.В.Радлова.

Однако тот факт, что В.В.Радлов использовал намного более сложную транскрипцию (на трудность и непонятность которой жалуется и сам В.Смирнов)- по сравнению с написанием слов миссионерами, например, в анонимной Грамматике алтайского языка, составленной членами Алтайской духовной миссии (Казань 1869 г.), о которых, видимо, и ведет речь В.Смир

нов,- этот, казалось бы мелкий" (с точки зрения рецензента) факт имеет тот немаловажный результат, что уж если действительно ставить вопрос, как В.Смирнов, то прежде всего следовало спросить не у В.В.Радлова, а у "почетных миссионеров" - о том, в каком отношении и х труд (неопубликованный), труд миссионеров находится по отношению к труду В.В.Радлова (опубликованному). Ибо элементарной истиной фонетики является тот факт, что если вполне возможно упростить транскрипцию того или иного текста, ранее записанного по произношению конкретных дикторов, то есть, скажем, сократить количество транскрипционных знаков и при переписывании этих текстов заново обозначать те или иные звуки уже только одним знаком - вместо прежних двух различных знаков, соответствующих ранее услышанным двум различным звукам, то невозможно проделать обратную замену: усложнить транскрипцию ранее записанных текстов и при переписывании заново обозначать больше звуков,чем ранее было услышано и зафиксировано в тексте, например, невозможно обозначать два звука (и использовать для этого два знака)- там, где при непосредственном прослушивании диктора первоначально был отмечен только один звук в тексте. Указанного усложнения нельзя произвести в транскрипции без нового прослушивания дикторов, а это означает новый сбор материала. Если же такое усложнение произведено без вторичного сбора материала, то это будет попросту фальсификацией, а в ней В.Смирнов не обвиняет В.В.Радлова, но если бы даже обвинял, то обязан был бы д о к а з а т ь ф а к т а м и свое

обвинение ибо бремя доказательства лежит в таких случаях на том, кто что либо утверждает, а не на том, о ком утверждается и только старопрусское феодальное земское право допускало промежуточную категорию - оставления под подозрением, каковая категория была отменена уже законодательством Наполеона.

В заключение этого краткого обзора одной из страниц истории следует отметить, что В.Смирнов не ошибся, по-видимому, только в одном: именно, в том, что даже в далеком будущем, люди, упоминая труды известного тюрколога, ученого - В.В.Радлова - быть может помянут и о В.Смирнове, написавшем рецензию на эти труды, разумеется, при любых обстоятельствах (даже если бы рецензия была квалифицированной) помянут прежде всего ввиду достоинств трудов В.В.Радлова, а не ввиду, так сказать, достоинств рецензии, помянут потому, что труды В.В. Радлова до сих пор сохраняют научное значение, а вовсе не ввиду научного значения рецензии, каковое последняя не имела и в то время, 80 лет назад, что видно уже из сопоставления этой рецензии с "рецензируемыми" в ней трудами и пользуясь выражениями В.В.Радлова, цитируемыми и в рецензии, о последней можно заключить, что ее метод столь далек от науки, что не может привести ни к каким результатам.

Б. XX век.

Об этой рецензии В.Смирнова, не заслужившей даже ответа В.В.Радлова и до сих пор не заслужившей рецензии (на эту рецензию) пришлось вспомнить потому, что методы и приемы наших авторов (так сказать) "обстоятельных" отзывов обнаруживают во многом единство с таковыми рецензии В.Смирнова и преемственность по отношению к последним.

Указанная преемственность, однако, отнюдь еще не означает, что в составдении своих двух рецензий наши авторы "обстоятельных" отзывов, будто бы взяли себе для образца и руководства рецензию В.Смирнова (которая является еще более "обстоятельной", ибо содержит два печатных листа, тогда как у наших рецензентов-один печатный лист, а другой отзыв -того меньше). Не означает прежде всего потому, что надо еще уметь разыскать эту рецензию из архивной пыли, а это не одно и то же, что рассуждать о неизвестного содержания архивах - в отзыве на инструментальную работу.

Во-вторых,-и это главное - и в наш более просвещенный век имеется ряд авторов, во многом сохраняющих преемственность в своих методах и приемах - с таковыми В.Смирнова и числе этих авторов одно из первых мест занимает А.А.Реформатский.

Как было указано еще во время фонологической дискуссии 1952-53 г.г. на страницах Известий АН СССР ОЛЯ (т.XII.в.6, стр. 551) в редакционной статье говорится о А.А.Реформатским, что "как известно , он выдвинул парадоксальное положение о том,что фонема может реализоваться нулем звука". В этой формулировке А.А.Реформатского не только отражена целая школа, но и целая

идеология: фонема (нечто нематериальное - по структуралистскому взгляду) "реализуется", так сказать, "воплощается"[1]) в материальном, но может "реализоваться" и в нематериальном, даже в нуле. В данном случае имеем: нематериальное (.т.е.фонема) "реализуется"(?) в нематериальном (нуле). Если с одной стороны имеем тавтологию, то с другой стороны -едва ли не всевозможные противоречия даже элементарной логики (о высшей диалектической логике уже не говорю). Остальные высказывания А.А.Реформатского по данному вопросу мало отличаются от этого венца его теоретических исследований, которые не без оснований были определены в редакционной статье Известий АН СССР ОЛЯ (XII,в 6), как имеющие в деталях немало общего с структуралистскими. Точнее было бы сказать: даже в деталях[2]. А отличия этих взглядов от структуралистского понимания фонемы, скорее заключается в том, что высказывания А.А.Реформатского отстоят еще дальше от материалистического учения Л.В.Щербы -о фонеме - чем учение структуралистов.

Согласно последнему (т.е. структуралистскому) взгляду фонема не есть система реального существующих и близких по артикуляции и акустическим свойствам звуков речи, обладающих рядом признаков, свойств и функций в речи - как учит Л.В.Щерба и его школа, а напротив, фонема есть лишь единица смыслоразличения,

---

I) Этот термин также употребляется структуралистами, например, И.С.Шаумяном -см.его автореферат докт.дисс. "Проблемы теоретической фонологии" М.1962.

2) По общему смыслу редакционной статьи и всей предшествовавшей дискуссии можно полагать, что вследствие опечатки просто пропущено это совершенно необходимое слово "даже"

"единица оппозитивная, негативная и релятивная" (Ф.де Соссюр)[1] фонема есть "фикция" (по Тводделу -в том смысле, что это понятие, не имеющее физической реальности -цитирую по "Основам фонологии" И.С.Трубецкого, стр. 50, Звуки речи определяются И.С.Трубецким как "материальные символы" нематериальных фонем, а качество вариантов фонем (т.е. материальных звуков) зависит якобы от " фонологического содержания фонемы", то есть от места фонемы в системе других фонем, как скажем,- в семасиологии объем значения слова "синий" будет больше, если в данном языке отсутствует слово "голубой", в результате какового отсутствия значение слова "синий" может включать в себя и значение слова "голубой"[2])

Материальные артикуляторные признаки звуков речи, как например , переднеязычность, звонкость и т.п. мыслятся И.С.Трубецким как независимые от реальных звуков речи; фонемы,так сказать, "составляются" или из различных комбинаций этих понятий -подобно тому, как, например, Эрнст Мах или Рихард Авенариус составляли все предметы объективной реальности из абстрактных ничьих ощущений, называемых ими "элементами" или подобно тому, как Джордж Беркли в 1710 г. определял, скажем, яблоко № как "комбинации ощущений" круглого ,красного, вкусного и т.п.[3]) Исходя из своих взглядов И.С.Трубецкой, например, считает (стр. 80-81) , что вариантом японской фонемы r̃ является l̃ - по

---

1) Ф.де Соссюр Курс Общей лингвистики,М.1933,стр.117.

2) Об указанных взглядах И.С.Трубецкого см.его "Основы фонологии", М.1960,стр.50,51,80,81 и др.

3) Ссылаясь по книге В.И.Ленина "Материализм и эмпириокритицизм", например - введение.

той причине, что в японском н е т фонемы ɾ , ввиду чего нет и противопоставления r - ɾ в "системе" фонем данного языка. И это совершенно независимо от того имеется ли в д е й с т в и т е л ь н о с т и в японском языке (или том или ином его говоре) звук ɾ или же - но имеется, чередуется ли позиционно звук ɾ со звуком r в японском или же не чередуется.

Исходя из принципа И.С.Трубецкого, придется признать, что поскольку в русском нет фонемы гамза (гортанный взрыв), фарингального ħ или звонкого аффриката ǧ , то, следовательно, вместо русского "кот" якобы можно сказать 'от (ʕот), вместо "хан" можно будто бы сказать ħан , вместо "ночь" можно сказать нодж и т.д.

Способ определения фонемного состава и вариантов фонем, исходя из одной лишь смыслоразличительной функции звуков речи -фонем, иначе говоря,- исходя из "фонологического содержания фонемы". т.е. из ее места в системе фонем данного языка или, как выражается А.И.Боровков (в отзыве) -из "момента системности фонетической структуры"- как видно из изложенного - столь далек даже от какой-либо видимости реальности - ввиду отрыва от звуковой материи языка -, что не без основания этот метод был отвергнут и на западе[I], а извеатный датский ученый языковед Отто Есперсен окрестил структуралистское учение о фонеме -"бумажной фонртикой"[2] И нет ничего удивительного в том, что этот структуралистский взгляд, имеющий некоторое распространение

I) См.редакционную статью в Известиях АН СССР, ОЛЯ, том XII, стр.549

2) Изв.АН СССР ОЛЯ, т.XI,в 6 стр.541 - статья С.И.Бернштейна.

лишь вследствие абстрактной терминологии, так сказать, прикрывающей сущность этого учения, был отвергнут и в редакционной статье Известий АН СССР ОЛЯ, т.XII, вып.6 и в ней было поддержано материалистическое учение Л.В.Щербы -о фонеме как материальном звуке речи. С тех пор не имела места даже какая-либо попытка опровергнуть учение Л.В.Щербы или положения указанной редакционной статьи в Известиях АН СССР ОЛЯ.

И тем не менее А.А.Реформатский пишет в послесловии к "Основам фонологии" Н.С.Трубецкого (изданных в Москве в 1960 г.- в переводе с немецкого издания 1938 года), что Н.С. Трубецкой якобы "боролся за реалистическое понимание фонологии и фонемы", хотя он и "готов подписаться под прагматической формулой Тводдела : фонема - это фикция "[1]. Заметим, что в действительности Н.С.Трубецкой не "готов подписаться", а п о д п и с а л с я , ибо на стр. 51 :Основ фонологии" читаем: "Тводдел пришел к тем же результатам, которые мы получили более кратким путем".

Своеобразный прием А.А.Реформатского заключается в данном случае в том, что он не сообщает читателю о том, достиг ли князь Н.С.Трубецкой(приписываемой ему А.А.Реформатским) цели его борьбы -за "реалистическое понимание фонологии и фонемы" и умалчивает о разрыве между "целью"(по словам А.А.Реформатского) указанной "борьбы" Н.С.Трубецкого - с одной стороны и реальным результатом Н.С.Трубецкого же, выражающимся, например, в определении звуков речи как "материальных символов"

---

1) См. Послесловие А.А.Реформатского к книге Н.С.Трубецкого "Основы фонологии", М.1960, стр. 344 - сравни со стр. 50-51.

нематериальных фонем ("фикций"), мыслимых как комбинации признаков -независимо от реальных звуков - с другой стороны. Между тем, подобный результат, как известно, никак не может быть назван "реалистическим пониманием" и поэтому редакционная статья Известий АН СССР определила этот р е з у л ь т а т И.С.Трубецкого и других структуралистов - как идеалистический- в отличие от материалистического взгляда Л.В.Щербы и его школы.

Использование слова "реалистический" А.А. Реформатским - не в обычном, а в своем собственном (А.А.Реформатского) понимании значения этого слова, наряду с тем, что под этим термином "реалистический" на западе нередко называют то, что у нас принято называть материалистическим - ведет к смешению А.А, Реформатским противоположных направлений - и в философии и в лингвистике, в том числе - к смешению учения школы Л.В.Щербы с учением И.С.Трубецкого и др. структуралистов. Структуралистские взгляды на фонему рассматриваются А.А.Реформатским в этом послесловии по сути дела как единственно сущие, учение о фонеме представлено как одно единое и хотя о некоторых взглядах Л.В.Щербы и упоминается, но оставлена совершенно без внимания непримиримость материалистических взглядов Л.В.Щербы - с учением структуралистов

Нельзя запретить А.А.Реформатскому отстаивать структуралистские или иные взгляды, однако нельзя признать научным приемом такой, когда (очевидно за недостатком аргументации) смешиваются противоположные взгляды и направления, в результате чего неосведомленному читателю внушается, что только рассмотренные структуралистические взгляды являются будто бы единственно существующей в природе теорией фонем и фонологии, а книга

И,С. Трубецкого более чем двадцатилетней давности (1938г.) рекомендуется как "фундаментальный труд XX века".

А вот и некоторые результаты, к которым привела указанная односторонность информации, содержащаяся в этом послесловии А.А.Реформатского.

Оппонент А.К.Боровков (давший положительный отзыв на мою диссертацию) замечает, что в моей диссертационной работе "в определении понятия фонемы не выделен отчетливо момент системности фонетической структуры, хотя об этом У_Ш.Байчура упоминает в своем перечислении различных сторон фонемы". "Именно это обстоятельство, возможно, сказались на отборе одинаковых позиций отдельных фонем без достаточного внимания к структурным особенностям слова в тюркских языках" (подчеркнуто мною-У.Б.). Это все по данному вопросу - в его отзыве. В чем выражается якобы отсутствие" достаточного внимания..."и.т.д.- не указано. Слово "возможно" то ли относится к предшествующему слову "обстоятельство", то ли - к последующему -"оказалось" - неизвестно. А на стр. 18 "Звукового строя" по-русски сказано: "с третьей" (стороны)" фонема - единица смыслоразличения", что как известно, и означает "момент системности". А.К.Боровков имеет в виду, что "не выделен" особо указанный "момент системности" ибо " отчетливость",как видим, имеется в диссертации. К чему ведет такое особое "выделение" мы видели выше - на примере структуралистского учения.

Общий смысл данного замечания А.К.Боровкова тот, что I) фонема определена не по-структуралистски (это они и выделяют "момент системности" - из всех других "моментов"), а согласно учению Л.В.Щербы (в диссертации перечисляются различные стороны

признаки, свойства фонемы); 2)"именно это (т.е.следование диссертанта школе Л.В.Щербы , а не учению И.С.Трубецкого) "возможно сказалось "(а возможно и не сказалось!) на инструментальном исследовании,точнее на подборе слов. В чем заключается это якобы несовершенство подбора слов - не указано в отзыве.

Таким образом, степень достоверности инструментальных исследований ставится некоторым образом (через "подбор слов") в зависимость от принятия или непринятия структуралистических взглядов - выделения "момента системности" "в определении фонемы". А на то, что я следую учению Л.В.Щербы, а не структуралистскому - на это не обращается никакого внимания. Другими словами, экспериментатору навязывается учение о фонеме структуралистов - как условие безоговорочного признания полноценности инструментального исследования. И это несмотря на то, что даже сам И.С.Трубецкой не выдвигает такого условия и не связывает инструментальное исследование с определением фонемы и ее вариантов ("Основы фонологии", стр.17,20,21 и др.). Таким образом, в цитате высказан по сути дела суперструктуралистский взгляд -несмотря на то, что инструментальное как и неинструментальное исследование фонетики, как известно, возможно было и без какого-либо понимания и без самого термина фонема, причем, как указано в редакционной статье Известий АН СССР (ОЛЯ,1953, XII,в,6), самый термин "фонема" при наличии равнозначного ему термина "звук речи" не так уж необходим, тюркологи XIX и XX вв (В.В.Радлов и другие), не исключая и экспериментаторов как В.А.Богородицкий и Г.Шараф, вполне обходились в изучении татарской и иной фонетики и без понятия фонемы.

В действительности связь между звуками и фонемами может быть лишьобратная, ибо, по крайней мере материалистическое учение о фонеме Л.В.Щербы основывается на изучении звуков, от которых исходит- а не наоборот, как имеем у структуралистов, определяющих качество звуков, составляющих фонему -исходя из функции фонем , из них места в "системе". Однако в вопросе об отношении к инструментальным данным даже И.С.Трубецкой считает, что экспериментальные данные должны использоваться фонологией и в этом -известная непоследовательность структуралистов.[I] Рассмотренное же замечание А.К.Боровкова, который, как известно, никогда фонологией не занимался , есть результат того, что он поверил на слово А.А.Реформатскому - в вопросе о фонеме и фонологии.

А вот другой результат. Авторы второго "обстоятельного" отзыва, на который положили отпечаток и некоторые взгляды и методы А.А.Реформатского, пишут: "Автор совершенно не учитывает фонологической роли ударения, не рассматривает его в связи с лексико-грамматическим значением слов, ограничиваясь только рассмотрением его фонетической роли. В результате суждения и выводы автора оказываются непоследовательными" и, якобы диссертант не указал "конкретно, в каких случаях какой слог бывает подударным ". Доказательств, разумеется, в отзыве нет, как нет даже одного хотя бы единого примера или указания на то, в чем выразилось это якобы отсутствие "конкретного "указания" или " неучета", тогда в книгах и диссертации не только всюду указано место ударения в словах, но более того приводится

I) См. "Основы фонологии", стр.I7,20,2I, Введение и др. места.

целая серия таблиц (например, в книге, часть II, стр.170-189), в которых указано даже то, какое ударение в каком слоге конкретных перечисляемых слов имеется: тоническое (интервал дается в герцах и музыкальной шкале), силовое (также в цифровых единицах) и т.п. Как обычно, ссылка рецензентов не соответствует фактам книги.

Суть же дела в том, что рецензенты по существу предлагают исходить при инструментальном исследовании из значений слов и форм из фонологии и из литературных норм, а не исходить из результатов показаний приборов. Касаясь ударения, они не высказывают этого определенно, но на предшествующей странице, рассуждая о примере (из татарского) бусы "этот", в котором мною зафиксировано отпадение или оглушение конечного гласного, рецензенты возражают так: "все татары говорят бусы - этот (афф.принадл.3л подударный)". Иначе говоря, в своей аргументации рецензенты исходят из з н а ч е н и я аффикса, а не из показаний приборов -о произношении этого аффикса, причем результатам инструментальных записей конкретных дикторов из разных районов противопоставляют литературные нормы произношения - в качестве, так сказать, опровержения экспериментальных данных. Это все та же система (рецензентов) о которой писал еще В.А. Богородицкий: исходить из аутоформических представлений, из и д е й , преподносимых читателю или слушателю в качестве якобы отражения реальных фактов языка, вообще, а будто бы не собственной речи или вернее - представлений говорящего.

Что касается фонологической функции ударения в татарском, то она рассмотрена мною специально с статье "К истории изучения

фонетики казанско-татарского языка"- в сб.Памяти В.А.Богородицкого, Казань, 1961 (стр.386), причем статья эта включена в перечень работ, отражающих содержание диссертации - на стр.66 автореферата (М.1962). Несостоятельность позиции рецензентов заключается в том, что они не обращают никакого внимания на диалектальное разнообразие языковых явлений и на то, что мною зафиксирован ряд случаев, когда то или иное слово, произносимое в литературном языке с ударением на последнем (или напротив -на первом) слоге, по данным инструментальной записи дикторов из разных районов иногда имело ударение не на последнем, а на первом (или напротив-на на первом, а последнем) слоге, а кроме того рецензенты смешали и другие условия, ибо, например, в ряде случаев (как со словом бусы "этот") я привожу примеры в связной речи, а рецензенты противопоставляют этому литературные нормы, касающиеся изолированного произношения слов (даже не произношения, а нормы произношения). Для А.А.Реформатского или С.С.Высотского, не являющихся тюркологами, разумеется, могут быть неизвестными диалектальные особенности татарского языка (хотя. тем не менее, они должны уметь различать связную речь и изолированное произношение, а также язык отличать от речи, ибо все это имеется и в других языках, а не только в тюркских и финно-угорских), однако странно, что приходится разъяснять диалектальные различия в татарском нашим авторам "обстоятельного" отзыва, из которых один даже "по роду занятий" изучает татарскую диалектологию, хотя и не смог еще установить какие либо диалектальные различия в ударении -хотя бы уже потому не смог, что пользовался слуховым методом.

Одним из моментов, общих как для В.Смирнова, так и для А.А.Реформатского (и структуралистов вообще) и для наших рецензентов является то, что в ряде случаев(пользуясь выражением В.А.Богородицкого) все они исходят из идей и с точки зрения априорных представлений оценивают степень достоверности тех или иных материальных фактов. Этим, разумеется, не исчерпывается то общее, что роднит указанных авторов, но это, пожалуй, одна из сторон метода их научного мышления, имеющая значение. В связи с рассматриваемым приходится упомянуть и о некоторых других взглядах и о способах, так сказать, научной аргументации А.А.Реформатского, поскольку они напоминают в известной мере таковые авторов "обстоятельных" отзывов.

В 1953 г., завершив подготовку в штатной аспирантуре Института языкознания АН СССР в Москве, я представил кандидатскую диссертацию, которая должна была защищаться в том же институте, причем вторым оппонентом оказался назначенный без моего ведома мой бывший коллега - по занятиям инструментальной фонетикой в I МГПИИЯ - кандидат филологических наук А.А.Реформатский, сотрудник того же Института языкознания.[1] Читая диссертацию он неоднократно консультировался со мною, автором ее, ибо, как он говорил (а в дальнейшем написал и в отзыве) не

---

1) Несмотря на то, что при всем старании мне не удалось до сих пор обнаружить каких-либо инструментально-фонетических работ, опубликованных А.А.Реформатским (или С.С. Высотским), тем не менее я являюсь свидетелем того, что оба они в 1951-52 г.г. занимались ,наряду со мною, в лаборатории I МГПИИЯ и консультантами, общими для нас троих были тогда проф.В.А.Артемов и проф.В.Г.Гинзбург (последний -из Института рентгенологии в Москве) и можно полагать установленным тот факт, что одно время А.А. Реформатский действительно начал было заниматься экспериментальной фонетикой.

все было ему понятно в диссертации. Возможно по этой причине он не дал мне отзыва до дня назначенной защиты (30.XII.1953), а в день защиты не явился в Институт и назначенная защита была отменена. Свою неявку А.А.Реформатский мотивировал тем, что он не может дать положительного отзыва на диссертацию, а следствием было то, что пошли слухи, будто бы диссертация У.Ш.Байчуры никуда не годится. Защита состоялась через два месяца, 5 марта 1954 и прошла единогласно, причем на этот раз вторым оппонентом была приглашена тогда доцент М.И.Матусевич (теперь профессор), зав.фонетической лабораторией им. Л.В.Щербы при Ленинградском университете, а первым оппонентом был известный тюрколог чл.корр. АН СССР проф. Н.К.Дмитриев, с самого начала давший положительный отзыв и отстаивавший его.

Отзыв А.А.Реформатского я получил только в следующем 1954 году, причем, как и следовало ожидать, этот отзыв не содержал каких-либо научно аргументированных возражений, если не считать за таковые энергичные выражения моего бывшего коллеги - как например: " недостаток мыслей", "паника", "нелепость", "дешевая хрестоматия" и т.п. "эпитеты" по адресу диссертанта. Этот отзыв объемом около половины печатного листа был в основном посвящен фонологическим вопросам - несмотря на то, что сам рецензент заявил в отзыве: "Зачем понадобилась фонема У.Ш.Байчуре? Она ему в его исследовании не нужна. Это какой-то довесок от теории", и тем не менее А.А.Реформатский посвятил основную часть своего отзыва именно этому "довеску", защищая позиции структуралистов-против щербовских взглядов диссертанта. Поскольку среди 1300 слов (не считая предложений), записанных на приборы и 400 слов, которыми я оперировал в фонологической главе, рецензент обнаружил

помимо существительных, глаголов и др. также и три междометия, то он счел это достаточным, чтобы обвинить меня в "недостатке мыслей", выражающейся в "погоне за монофтонгическими словами и, тем самым за междометиями..." и присовокупил, что "полезнее брать... не раритеты, как междометия..." Обнаружив невыправленную опечатку, А.А.Реформатский посвятил ей почти целый абзац, в котором указал, что "сказать на стр.38 << язык, вот что гласное>> нелепо...", хотя из контекста в диссертации ясно, что следует читать "главное", а не "гласное", не говоря уже о том, что прилагательное "гласное" в русском языке не употребляется в среднем роде. Слова "исторический" и " морфологический", поставленные в диссертации через запятую (стр.193), при своем вольном пересказе содержания диссертации он приравнял друг к другу тем, что слово "морфологический" написал в скобках, сделав вид, что будто бы диссертант так пишет и т.д. и .т.п. Заявив на стр.2, что диссертант "ловил ценное, что может дать электроакустика, рентген(и др), на стр. 6 пишет: "ополчаться на электроакустический метод в целом нелепо и нецелесообразно", хотя в диссертации использован ряд данных, полученных путем записи на электроакустических приборах, хотя на стр. 33 (дисс.) говорится: "наряду с формантными характеристиками одинаково~~го~~ решающим для характеристики гласного является резонатор", и хотя на стр.54 (дисс.) указано: "большим преимуществом этой лаборатории является использование ряда электроакустических методов... именно анализ спектра звука с помощью осциллографа и спектрографа...". Рецензент заявляет: " вряд ли следует без достаточного основания протестовать против наложения... рентгенограмм друг на друга", а между тем,

например, на стр.41-42 дисс. говорится, что метод наложения очень удобен лучше некоторых других методов, причем в диссертации как раз и использован именно метод наложения, например, схемы на стр.221-230 и десятки схем во всей диссертации. Если к этому добавить бесконечные сетования рецензента на то, что ему непонятно (эта непонятность для него ряда поднятых им вопросов подтверждается содержанием рецензии), что рентгеносхемы трудны и сложны для изучения и т.п. (хотя ignoratio non est argumentum), и неподтверждающиеся ссылки на страницы диссертации то мы по сути дела исчерпаем доводы и аргументы в отзыве, имеющие какое-то отношение к теме диссертации.

То ли мой бывший коллега по изучению инструментальной фонетики А.А.Реформатский, сам счел свои аргументы в отзыве недостаточно убедительными и решил их , так сказать, подкрепить своей неявкой на работу (хотя еще накануне назначенного дня защиты был в Институте и консультировался со мной - о моей диссертации- 29 декабря 1953 г.), то ли,напротив , он хотел подкрепить свою неявку на работу - отзывом, врученным мне уже в следующем 1954 году - так или иначе, изложенные факты показывают, что по сути дела указанная неявка оказалась на практике приравненной А.А.Реформатским к числу его, так сказать, научных аргументов - также, как и то,что он не дал никакого отзыва до следующего года.

§ 2

Отражение в настоящем истории прошлого

Метод и содержание возражений авторов второго "обстоятельного" отзыва не отличается какой либо новизной по сравнению с таковыми В.Смирнова и всего данного критического направления. Сколько нибудь более или менее конкретные их возражения касаются мелких частностей и никак не аргументируются или, в лучшем случае, так сказать, аргументируются от авторитета каковым для них являются нормативные правила школьной грамматики, а изредка - отдельные высказывания тех или иных ученых, не основанные на инструментальных данных и зачастую касающиеся даже других вопросов и поэтому вообще не относящихся к делу, которые все, однако, вместе со своими собственными слуховыми впечатлениями о мишарском диалекте рецензенты противопоставляют полученным мною конкретным цифровым и др. инструментальным данным, касающимся не столько мишарского, сколько всего татарского, в том числе , и прежде всего - казанско-татарского, а также целого ряда (около 20) различных тюркских и финно-угорских языков и наречий. Эти свои несущественные мелкие замечания, не основанные на инструментальных данных, а в большей части даже не относящиеся к теме моих работ, (хотя и направлены эти замечания против инструментальных данных), рецензенты снабжают всеобъемлющей шапкой, распространяя тем самым свои частные выводы (напри -

мер, об одном звуке)- на характеристику всех моих работ, а при проверке выясняется, что н е о б о с н о в а н ы и несостоятельны эти возражения даже в отношении этих мелких частностей, причем одни возражения в отзыве противоречат другим - в том же отзыве.

При этом рецензентами избирается в отзыве в качестве объекта критики по тому или иному конкретному вопросу - та их моих работ, в которой по э т о м у конкретному вопросу сказано мною меньше (например - автореферат), а не та из моих работ, в которой по э т о м у вопросу сказано б о л ь ш е, например, - книги, специальные статьи и др., хотя отзыв этот посвящен рассмотрению в с е х работ У.Байчуры по инструментальной фонетике - согласно заголовку отзыва, странице 3 отзыва, заключению отзыва.

*

Авторы будто бы "обстоятельного" отзыва П подобно В.Смирнову предпослали своей рецензии некую вступительную часть, в которой ведут речь о части оглавления и нескольких страницах одной моей (меньшей) книги, которая в целом имеет объем I2 печ. листов. Однако рецензенты делают вид, что их суждения об этой части о г л а в л е н и я и двух абзацах I части моей книги (на стр. I33 и I36)[I] будто бы относятся ко всем работам У.Байчура, имеющим объем около 60 печ.листов и целиком состоящим из полученных мною инструментальных данных по р а з л и ч н ы м языкам и выводов из этих данных (в том числе - якобы относятся и ко П части книги объемом 24,5 печ.листа), причем не только

I) Еще один абзац из введения к I части книги затрагивается - уже по другому вопросу - на стр.2 отзыва.

содержание, но даже т е м а т и к а моих работ полностью игнорируется и з а м а л ч и в а е т с я рецензентами в этом отзыве, расчитанном (по их собственному признанию, на стр.8) на неязыковедов и даже единственное упоминание полного названия и то лишь одной из I2 опубликованных моих работ - запрятано в отзыве на третьей странице.

Более того, в полном согласии с д у х о м всего данного направления, свой отзыв (П) рецензенты начинают с того, что при помощи о с о б о г о п р и е м а у м о л ч а н и я - в н у ш а ю т слушателю неправильное представление не только о содержании, но даже - о т е м а т и к е рецензируемых в отзыве работ.

Так, как известно, мои работы, имеющие объем около 60 печ. листов (не включая докторскую диссертацию) посвящены инструментальному исследованию ранее экспериментально даже не изучавшихся (или почти не изучавшихся) вопросов фонетики примерно около двадцати различных тюркских и финно-угорских языков и наречий, причем не менее половины всех этих инструментальных данных относится не к татарскому, а к другим упомянутым языкам и наречиям, тогда как т о л ь к о о д н о м у татарскому посвящено мною лишь несколько статей.

Рецензенты же, согласно заголовку отзыва, ограничивают с е б я рассмотрением только "работ У. Байчура по экспериментальной фонетике т а т а р с к о г о языка", а слушателю и читателю, незнакомому с работами в н у ш а ю т , что якобы у д и с с е р т а н т а будто бы н е т инструментально-фонетических исследований - кроме посвященных татарскому языку.

Это внушение производится следующими приемами и способами.

I) Без каких либо оговорок рецензенты заявляют в заголовке и подзаголовке отзыва, что их о т з ы в относится к моим работам по Фонетике татарского языка.

А, так сказать, "рассматривают" они в отзыве мои работы н е по-татарскому, а по с р а в н и т е л ь н о м у изучению р а з н ы х языков (хотя в числе последних содержится и татарский материал).

При этом выводы в отзыве делаются только по нескольким страницам из числа ~~ш~~ страниц, содержащих материал по татарскому, а распространяются эти выводы на всю работу и на все языки (ср. стр I отзыва – о консонантизме – со стр.I33,I36 I части "Звукового строя" и т. п.)

2) В подзаголовке отзыва (стр.I) говорится, что "статьи У.Байчуры", "а также его кандидатская диссертация на тему «Гласные татарского литературного языка в свете экспериментальных данных» вошли в I и II книги "Звуковой строй татарского языка (I959 и I96I г. изд.)"

Именно "изд", а якобы не "часть".

При этом не указывается в отзыве даже названия статей (которые посвящены разным языкам), ни года издания их, ни года кандидатской диссертации, произвольно усечены названия книг и не случайно усечена именно та часть названий, которая содержит указание на другие тюркские и финно-угорские языки и на инструментальный метод исследования рецензируемых работ (рецензенты не желают этого признавать); не указано, что эти книги являются двумя частями одной, а вовсе н е двумя изда-

ниями одной книги, на что намекают (но не говорят прямо) рецензенты, всюду в отзыве повторяющие: "Книга изд.1959", "Книга изд.1961" (стр.1, 3 и др. отзыва) и т.д., причем различие в в содержании этих книг отражено уже в заголовках,в названиях их, и видимо именно поэтому рецензенты произвольно усекли именно те части названий, которые (части) показывают различие содержания этих книг и при этом, не поставив многоточия, внушают, что якобы в отзыве приведены п о л н ы е названия.

Между тем, один простой перечень неусеченных произвольно названий книг и статей (названия последних вообще выброшены в отзыве) развеял бы тщательно и скрупулезно создаваемую рецензентами иллюзию (у не посвященных) о том, что якобы у диссертанта н е т других работ кроме посвященных татарскому языку). Даже название докторской диссертации стыдливо спрятано на стр.3, в другом разделе отзыва, а на первой странице - вместо названия докторской диссертации фигурирует название.... кандидатской диссертации У.Байчуры, посвященной только татарскому вокализму и выполненной в 1953 году, ранее публикации всех других работ, о чем тоже умалчивается в отзыве. Неусеченным является только название кандидатской диссертации. Названия всех других работ не упоминаются, а при единственном упоминании о д н о г о названия, в последнем тщательно вытравлено все, что имеет отношение к инструментальной фонетике и к другим,кроме татарского,языкам, чем внушается, что якобы все работы У.Байчура посвящены (якобы только слуховому изучению только татарского языка.

3) Указанная иллюзия (например,- у неязыковедов, на которых расчитан данный отзыв - по признанию самих рецензентов на стр. 8 отзыва) поддерживается и тем, что вступительной части отзыва (стр.I-3) не дается названия и на протяжении трех страниц этого введения рецензенты не говорят сколько - нибудь определенно о том, о какой же и м е н н о работе У.Байчура они ведут речь, названия других работ не упоминается, а название книги "Звуковой строй..." часть I, о которой в действительности идет речь в этой части отзыва (стр.I-3) неопределенно упомянуто в произвольно урезанном виде только в начале I страницы, ввиду чего остается совершенно неясным (особенно - при слуховом восприятии, а также - для неязыковедов) - о какой работе диссертанта идет речь на этих страницах и этим внушается, что речь будто бы идет обо всех работах диссертанта, а якобы вовсе не об одной из его I2 работ.

Более того, эта вступительная часть отзыва разделена, в свою очередь, на две части - посредством тройного интервала - в начале стр.2 и этим прямо дается понять, что 2 и 3 страницы отзыва вообще не относятся к I части книги, о которой шла речь на стр.I отзыва, а дается понять, что эти страницы якобы относятся вообще к работам У.Байчура. То, что эти страницы отзыва относятся в действительности лишь к одной работе - лишь к I части книги - могут определить только те, кто знаком с этими работами.

Помимо указанного, название первой части книги - в форме: "Звуковой строй тат. яз." (1959 г.)" упоминается лишь в подстрочном примечании на стр. 2 - в связи со ссылкой на одну фразу, причем, как указано, внушается, что это не ч а с т ь , а якобы и з д а н и е книги. Отсутствие же многоточия после

приводимых рецензентами у с е ч е н н ы х названий работ, означает утверждение рецензентов о том, что якобы они передали полностью название этих работ.

При помощи всех изложенных ухищрений, показывающих научный у р о в е н ь этого, так сказать, "обстоятельного" отзыва неязыковедам и незнакомым с работами в н у ш а е т с я :

I) что в с е работы У.Байчура будто бы посвящены одному татарскому;

2) все эти работы будто бы повторяют одна другую (в том числе - две книги);

3) что якобы отражают все эти работы по существу лишь содержание кандидатской диссертации автора.

При этом умалчивается, в отзыве не только о том, что кандидатская диссертация была написана в I953 и защищена в I954 г., но у м а л ч и в а е т с я , прежде всего тот существенный факт, что даже по т е м а т и к е подавляющая часть моих опубликованных работ не совпадает с темой кандидатской диссертации (и это умолчание наряду с отсутствием упоминания в отзыве даже названий работ создает неправильное представление у незнакомых с работами лиц.

Рецензенты у м а л ч и в а ю т , например, о том, что в двух частях моей книги общим объемом 36,5 печ.листов менее трех печатных листов совпадает (даже) по т е м а т и к е - с кандидатской диссертацией - а в остальном в книгах рассматриваются вообще другие вопросы и даже языки. Что общего, например, может быть между канд.диссертацией о литературно-татарском вокализме и моими статьями об ударении в удмуртском языке,

об ударении в уйгурском языке, о длительности гласных и согласных в чувашском языке и даже -об ударении в мишар-татарском диалекте, исследованием об ударении в башкирском и т.д. и т.п.? Не случайно рецензенты умалчивают даже о названиях статей и усекают названия книг, делая вид, что будто бы приводят полные названия этих книг.

Неправильное представление не только о содержании, но даже о тематике рецензируемых в отзыве работ указанными приемами внушается рецензентами тем кто не знаком с этими работами, а также неязыковедам, к которым апеллируют рецензенты (ибо их не поддержали казанские языковеды)- и на которых (неязыковедов) расчитан этот "обстоятельный" отзыв - по собственному признанию рецензентов на стр.8 отзыва, где, между прочим, говорится и следующее: "для того, чтобы наш разговор был понятен и для наших неязыковедов, будем пользоваться средствами орфографии"[1]... Таким образом, все различие между языковедами и неязыковедами заключается (по мнению авторов "обстоятельного" отзыва) в том, что неязыковеды незнакомы с фонетической транскрипцией.

Рецензенты имеют право писать научно-популярные статьи для неязыковедов и пользоваться орфографией вместо фонетической транскрипции.

Однако, на так сказать, "основании" этой своей оговорки они в отзыве целые страницы посвящают цитированию примеров из моей книги и эти чужие примеры дают в отзыве в орфографии (например, на стр.II,I2 и многих других отзыва), причем

I) Разрядка моя У.Б.

если учесть то, что мною использовано около 150 простых и комплексных знаков (в основном - A.Ph. I), тогда как в орфографии 38 букв, то легко представить то, какие искажения возникают при подобной произвольной замене - особенно если учесть отношение к делу и своеобразные фонетические и вообще лингвистические представления рецензентов, о некоторых из которых было упомянуто выше. *

Неправильную передачу содержания рецензируемых работ иллюстрируют уже самые первые страницы отзыва, тогда как во всей этой рецензии в целом едва ли можно найти хотя бы одно утверждение, соответствующее действительности. Вот один из примеров.

Отзыв начинается следующими двумя фразами: :Первая книга << Звуковой строй татарского языка >> (1959 г.) У.Байчуры состоит из двух разделов: << Вокализм >> и << Консонантизм >>. В раздел о вокализме включена кандидатская диссертация автора, дополненная данными о длительности гласных в некоторых тюркских языках) кстати, экспериментальное исследование большинства из этих языков проводилось также специалистами по этим языкам)" [1] Это все.

Далее в отзыве уже идет речь о консонантизме.

Во-первых, рецензенты не указывают того, чьими данными о других тюркских языках будто бы дополнена канд.диссертация автора, рецензируемой в отзыве работы. Вопрос оставлен в отзыве открытым.

Между тем, своим заявлением о том, что "Экспериментальное

---

1) Обе скобки оставляю в той форме, в какой они даны в отзыве - У.Б.

исследования большинства из этих языков производилось также специалистами по другим языкам" рецензенты внушают, что

а) данные в этой книге якобы не новы;

б) более того, их происхождение будто бы неизвестно, и то ли они списаны диссертантом -без указания автора -то ли с указанием - этот вопрос оставлен открытым.

Между тем, в действительности дело лишь в том, что рецензенты попросту у м о л ч а л и , что эти специалисты по другим тюркским языкам проводили экспериментальные исследования в целях изучения совершенно других вопросов фонетики этих языков, а вовсе не тех, которые исследуются в моей книге. Так, в данном случае, речь идет об экспериментальном исследовании длительности гласных. Указанные специалисты не исследовали инструментально длительности гласных этих языков, тогда как я -в данном разделе книги - исследовал как раз именно длительность гласных в пяти тюркских языках (помимо татарского), именно: в чувашском, казахском, азербайджанском, хакасском и туркменском.

Далее, рецензенты у м о л ч а л и и о т о м , что в моей книге рассматриваются и перечисляются работы этих самых специалистов по другим тюркским языкам, причем с а м и рецензенты, не имеющие отношения к экспериментальной фонетике, по-видимому, только из моей книги и узнали о самом существовании этих специалистов, что, между прочим, подтверждается и тем, что в этой книге содержатся некоторые такие сведения об экспериментальных работах , проведенных специалистами по другим тюркским языкам, которые (сведения) вообще отсутствуют в печати или отсутствовали во время написания этого "обстоятельного"

отзыва (например,- ссылки на работы С.Б. Садыкова и др.).

Во-первых, не соответствует действительности и другое утверждение в приведенной цитате из отзыва, связанное с моей кандидатской диссертацией.

Моя кандидатская диссертация, имеющая объем IO печ.листов, да еже дополненная (многочисленными) данными по ряду других языков, никак не может быть включенной и содержаться внутри раздела вокализм I части моей книги, ибо этот раздел (книги)- "Вокализм" - составляет менее пяти печатных листов, причем материал по другим, кроме татарского, пяти тюркским языкам, который (материал) рецензенты называют "дополнением", включенным в тот же раздел, составляет сам два с половиной печатных листа (стр.62-I02 книги) , вследствие чего по словам авторов "обстоятельного" отзыва получается, что кандидатская диссертация объемом IO печ.л. содержится внутри раздела (книги), имеющего объем два с половиной печатного листа.

Данное утверждение рецензентов мало чем отличается от того случая, когда трехлетний ребенок просит маму посадить его во внутрь игрушечного автомобиля размером с папиросную коробку.

В-третьих, эта моя книга состоит не из двух разделов, а из четырех. Не будучи экспериментаторами, рецензенты даже не обратили внимания на приложения, содержащие инструментальные данные и даже опустили это приложение в 2,5 печ.листа - в своем перечне, хотя оно имеет существенное значение; опустили рецензенты и введение (I печ.лист) к книге, хотя и ссылаются на него ниже - даже во вступительной части отзыва. Наконец, начав сравнивать эту первую часть книги с кандидатской диссертацией, рецензенты о б я з а н ы были указать, что в книге

содержится большой раздел о консонантизме, полностью отсутствующий в моей кандидатской диссертации, однако авторы "обстоятельного отзыва об этом факте также у м о л ч а л и и этим создали неправильное впечатление у слушателя, не знакомого с работой. Рецензенты только упомянули о наличии в книге раздела консо тизма, но не сравнили его с кандидатской диссертацией.

В - четвертых, выражение "Первая книга << "Звуковой строй татарского языка >> (1959)", наряду с умолчанием о том, что - часть, а не издание (хотя это указано в обеих книгах - на обложке и титульном листе) и в сочетании с другими умолчаниями и намеками, рассмотренными выше, распространяет эти выводы рецензентов о небольшой части данной книги - на все работы диссертанта.

Этому необыкновенному распространению способствует и у м о л ч а н и е рецензентами о том, что б о л ь ш а я часть полученных мною инструментальных данных и выводов по татарскому консонантизму содержится не в I части, где этому вопросу посвящено 37 страниц, (стр.103-140) и приложения (о которых вообще умалчивается в отзыве), а, напротив,- во II части книги, где одному лишь татарскому консонантизму посвящено в целом более 150 страниц (выводы на стр.47-122, инструментальные данные - на стр.271-354). Неправильное впечатление создается и ввиду умолчания на стр.1 отзыва о том, что раздел "Вокализм" не исчерпывается таковым в I части книги, что продолжение его содержится во II части книги, где тоже имеется раздел "Вокализм" объемом почти три печ.листа), в котором содержится почти столько

же материала - о татарском вокализме,- сколько и в I части книги, однако эти два раздела "Вокализм" являются продолжением один другого и содержат совершенно разные материалы и выводы - по разным вопросам татарской фонетики (вокализмы) и фонетики других языков.

Во введении к отзыву не указано также и то, что основную часть моих работ - как по содержанию, так и по объему составляют инструментальные исследования до сих пор экспериментально не изучавшихся вопросов консонатизма и ударения рассматриваемых мною всего около двадцати тюркских и финно-угорских языков и наречий, включая и татарский, по которым приводятся (полученные много) многочисленные инструментальные данные, причем умалчивается в отзыве и о том, что указанные исследования содержатся во II части книги и в 10 других специальных моих работах, среди всех которых I часть "Звукового строя", рассматриваемая во введении к отзыву, составляет незначительную часть.

Далее, заявляя на стр.I и 2 отзыва, что книга (какая именно?) У. Байчура не содержит "ничего существенно нового" (подчеркнуто рецензентами - У.Б.) по сравнению с трудами (какими именно? - не указаны в отзыве даже названия трудов) [illegible] В.А. Богородицкого и Г.Шарафа, авторы "обстоятельного" отзыва основываются на следующем способе рассмотрения.

Они не сравнивают то, что есть различного в работах указанных двух ученых и в работах У.Байчура (за исключением д в у х звуков). Напротив, рецензенты сравнивают только то, что есть сходного в работах У.Байчура с одной стороны и в работах В.А. Богородицкого и Г.Шарафа - с другой.

Например, рецензенты ни словом не упоминают о то, что ни В.А.Богородицкий, ни Г.Шараф никогда не проводили инструментальных исследований длительности гласных казахского, туркменского,

хакасского, азербайджанского, чувашского языков, инструментальные данные о которых полученные мною и по данным вопросам – впервые полученные содержатся в указанной I части книги, а во II части книги "Звуковой строй..." приведены полученные опять таки мною инструментальные данные о консонантизме и ударении едва ли не в двадцати различных тюркских и финно-угорских языках и наречиях, никогда не являвшихся предметом экспериментальных исследований В.А. Богородицкого или Г.Шарафа.

В лучшем случае эти ученые лишь иногда ссылались на фонетику других тюркских и только по слуховым данным и притом только по материалам других исследователей и вообще не касались финно-угорских языков.

Рецензенты "сравнивают", так сказать, лишь те немногочисленные случаи, когда У.Байчура – с одной стороны – и В.А.Богородицкий и Г.Шараф – с другой – рассматривают инструментальные данные об одних и тех же вопросах и поскольку мои данные большей частью подтверждают данные этих ученых – в тех немногих случаях, когда совпадает предмет исследований, – отсюда в рецензии дается вывод, что в м о и х данных и выводах нет нового.

А о том, что У. Байчура рассматривал по инструментальным данным, полученным им самим, много других вопросов татарской фонетики, которых не касались В.А.Богородицкий и Г.Шараф или касались лишь на нескольких страницах, тогда как я привожу по этим вопросам целые тома инструментальных данных и выводов (например, – об ударении), притом выводов нередко принципиально расходящихся с выводами этих ученых, основанными на недостаточном количестве материала – обо всем этом нет ни слова в отзыве, как и о том, что в целом ряде случаев мои выводы и данные н е подтверждают

таковые В.А.Богородицкого, а иногда - и Г.Шарафа (см.стр.I5-I6, II9 - I2I I части "Звукового строя..." и др.).

Приведу один частный пример. На стр.II9-I2I доказывается мною, что В.А.Богородицкий необоснованно отнес литературно-татарские " Ч", ДЖ" - к аффрикатам и что прав был Г.Шараф (и ряд предшествующих исследований), относивших этот звук в казанско-и литературно татарском - к щелевым, тогда как В.А.Богородицкий, смешал мишар-татарское и русское произношение этого звука - с казанско-татарским и литературным татарским. О подобных инструментально доказанных мною неточностях определений В.А.Богородицкого рецензенты в отзыве также умалчивают, но именно за такую с а м о с т о я т е л ь н о с т ь в в ы в о д а х обвиняют меня в "пренебрежении" к В.А.Богородицкому (см.ниже).

В.А.Богородицкий, как известно, занимался,главным образом индоевропейскими языками, а его инструментальных исследований и выводов из таковых по татарскому очень мало, а по другим тюркским - вообще нет. И именно эту малочисленность инструментальных исследований В.А.Богородицкого по татарскому языку рецензенты объявляют недостатком м о и х работ - тем объявляют, что так сказать "сопоставляют" с работами В.А.Богородицкого только то в моих работах, что его тематика приближается к ограниченной тематике и еще более ограниченному содержанию инструментальных исследований В.А.Богородицкого по татарскому языку (здесь не идет речи о трудах В.А.Богородицкого по русскому и т.д.). О различиях же -даже в т е м а т и к е даже по татарскому - у м а л ч и в а ю т .

Мои же инструментальные данные и выводы по другим (кроме татарского) языкам, составляющие половину всех моих работ - по

языкам, которые никогда не изучались В.А.Богородицким и Г.Шарафом - рецензенты, как указано, голословно и вопреки фактам приписывают анонимным "специалистам по этим языкам".

Что же касается с а м и х этих специалистов по другим (кроме татарского) языкам, то, согласно около тридцати отзывов на мои работы - в том числе из десяти республик СССР, эти самые специалисты придерживаются иного мнения, которое может быть резюмировано словами официального оппонента -тюрколога А.К.Боровкова: "В целом выводы У.Ш.Байчуры касательно природы звукового состава татарского языка и привлеченных им других тюркских языков, общие положения о словесном ударении являются новыми и принципиально значительными. Специалисты в дальнейшем почерпнут в труде У.Ш.Байчуры очень много ценных данных". Это подтверждает и другой оппонент--тюрколог - д-р Э.В. Севортян :"Методика автора полезна и оправдана. Она полезна вдвойне, так как приведенные им данные из ряда тюркских языков имеют весьма существенное и самостоятельное значение для этих языков".

Таково же и мнение оппонента - финноугороведа и других финно-угроведов, что подтверждается многими отзывами, в том числе из финно--угорских республик СССР и из Будапешта.

Рецензенты имеют право не соглашаться с приведенным мнением тех самых специалистов по другим языкам (в том числе -тюркским), на которых сами рецензенты ссылаются в отзыве (ссылаются вообще, не называя имен). Рецензенты вправе оспаривать это мнение если к такому оспариванию имеются р е а л ь н ы е основания, ф а к т ы .

Однако в отзыве не содержится ни единого факта, подтверждающего голословные заявления рецензентов об отсутствии нового в

моих работах по сравнению с работами В.А.Богородицкого и Г.Шарафа, или других, причем даже сами рецензенты пишут: нет "существенно нового" и подчеркивают слово существенно. Однако при с слуховом восприятии это "существенно" вообще теряется, а во-вторых, ввиду своеобразного, индивидуального понимания значения слова "существенно" рецензентами (что видно и из изложенного), рецензенты обязаны были объяснить, оговорить, что фактически они называют "существенным" - не существенное, и наоборот, что рецензенты вкладывают противоположный смысл даже в обычные, известные слова -не говоря уже о лингвистических терминах (Примеры этому приводились и будут еще)

Способами, подобными изложенному выше, рецензенты, так сказать, обрабатывают и факт применения в моих работах методов рентгенографии и осциллографии, которые вообще не были доступны для В.А.Богородицкого и Г.Шарафа.

О применении мною осциллографических записей, на которых основана значительная часть исследования, в том числе -и ряд данных, приводимых в I части книги "Звуковой строй", а еще больше - во II части -об этом рецензенты вообще умалчивают.

Приводимые же мною данные рентгенографического исследования, так сказать, "сравниваются" с неопределенными работами В.А. Богородицкого и Г.Шарафа - вообще - и видимо только в той части сравниваются в которой части эти данные рентгена подтверждают выводы указанных двух ученых и совершенно не обращается внимания рецензентами на ту часть рентгенографических данных, которая содержит расхождения или дополнения по сравнению с наблюдениями и выводами В.А.Богородицкого и Г.Шарафа -расхождения и дополнения как по содержанию, так и по тематике. (Говорю: видимо

сравнивается, так как сравнения в отзыве нет, а приводятся только якобы результаты будто бы сравнения, причем в отзыве не указано и то, с какими и м е н н о работами В.А.Богородицкого и Г.Шарафа будто бы приведено сравнение моих работ, которые тоже не указаны определенно).

Нет необходимости повторять здесь все то новое (в том числе - перечислять обнаруженные десятки вариантов фонем в одном только татарском языке), которые удалось установить благодаря применению рентгенографического метода, недоступного для В.А. Богородицкого и Г.Шарафа. Желающий может в этом убедиться, сопоставив мой автореферат (1962) и I часть книги "Звуковой строй.. -с соответствующими местами работ указанных двух ученых.

Здесь заслуживает быть отмеченным лишь тот факт, что, как явствует уже из упомянутого выше различия в определении некоторых звуков, как Ч, ДЖ, - между В.А.Богородицким и Г.Шарафом.- то, что является принципиально новым по отношению к В.А.Богородицкому может оказаться принципиально не новым по отношению к Г.Шарафу, ввиду чего без конкретного рассмотрения вообще нельзя приравнивать друг к другу и противопоставлять в целом взгляды этих ученых - моим работам.

Наконец, самый факт проверки и подтверждения незаконченных и непроверенных предшествующих опытов, как известно является новым и имеет значение для науки, особенно - проверки и подтверждение с помощью новых методов и технических средств, каковой факт полностью игнорируется в отзыве.

Рассмотренное показывает, что вместо какого -либо конкретного изучения и сравнения рецензируемых и иных работ, вместо аргументации и приведения каких-либо доказательств, фактов - в

подтверждение своих голословных и противоречащих фактам утверждений - вместо всего этого рецензенты используютсвоеобразный и неновый прием, суть которого сводится к замене содержания -тематикой, притом к замене содержания (и тематики) в с е й работы тематикой небольшой ч а с т и этой работы и последующему распространению выводов рецензентов, касающихся т е м а т и к и (а не содержания) этой небольшой ч а с т и работы - на содержание и тематику в с е й работы, неизмеримо большей,чем маленькая ее часть.

В некотором смысле рецензенты рассуждают наподобие следующего: I) У.А. Пушкина есть стихотворение "Пророк" и 2) у М.Лермонтова есть стихотворение "Пророк", 3) следовательно "данные" М.Ю.Лермонтова (будто бы) "в сущности не расходятся с данными" А.С.Пушкина, ибо I) тематика одна, и там и тут идет речь о пророке, 2) различие же сводится к расстановке запятых и разному месту слов.

А то, что означают эти слова в том или ином сочетании - этого по методу рецензентов - не следует касаться.

Таким образом, метод рецензентов, как видим, состоит из голословных, противоречащих фактам утверждений, умолчаний, намеков, двусмысленностей, смешения и отождествления различного, неправильной передачи содержания, тематики и даже названий рецензируемых работ, которые произвольно урезываются, а большей частью даже не упоминаются и заменяются неопределенными выражениями: "Книга", "Работа", "работы" - в то время, как у этого автора не одна книга и не одна работа, а много работ, причем отзыв посвящен вообще "работам У.Байчуры",а вовсе не одной какой-либо из его работ, а речь ведут рецензенты лишь об одной (из I2)

меньшей работе, хотя и делают вид (путем умолчаний и т.п.) что якобы их суждения относятся ко всем работам данного автора. Сказанное подтверждается и всем последующим нашим изложением.

Вторая половина вступительной части отзыва (отделенная от первой ее половины тройным интервалом) начинается с т р а д и ц и о н н о г о обвинения по адресу диссертанта - в "пренебрежительном отношении" к авторитетам, именно к В.А.Богородицкому.

По словам рецензентов указанное "пренебрежение" будто бы выражается в "стремлении умалить значение" трудов В.А.Богородицкого.

В качестве же, так сказать, доказательства этого (голословного) доказательства в свою очередь утверждается, что такое "умаление" и "пренебрежительное отношение" - рецензентам "чувствуется" " в целом".

Более - в этой связи о В.А.Богородицком даже не упоминается в рассматриваемой части отзыва, трактующей о "пренебрежении".

Как само содержание, так и форма, так сказать, "доказательства" данного н е о п р е д е л е н н о г о (и потому уже неистинного) обвинения, не имеющего отношения к какой либо конкретной отрасли науки, характеризуют собой научный уровень этого "обстоятельного" отзыва.

Человечество помнит лишь имена великих ученых, мыслителей, художников и др., которые подвергались преследованиям и гонениям за их противоречащие авторитетам научные открытия, достижения, взгляды - помнит о таких, как ,например,Джордано Бруно и Галилео Галлилей или даже Паганини и Лев Толстой, отлученные от церкви и преданные анафеме (хотя и были верующими).

Однако в действительности преследования и гонения за самостоятельные взгляды гораздо чаще имеют место прежде всего в отношении рядовых, но самостоятельно мыслящих тружеников науки, которых, например такие как В.Смирнов и его продолжатели допекают требованиями ссылок на тех, кого эти В.Смирнов и другие с ним считают (для себя) авторитетами- совершенно независимо от того, соответствуют ли действительности по данному вопросу взгляды этого того или иного будто бы "авторитета " и даже независимо от того, относятся ли эти взгляды к данному рассматриваемому вопросу, в связи с которым требуются подобные ссылки на якобы авторитеты. И требуют такие критики ссылок только на те места работ этих "авторитетов", которые (места) нравятся им, критикам, которые в то же время не обращают внимания на другие взгляды тех же самых авторитетов , на которых они ссылаются.

Например, наши рецензенты игнорируют результаты слуховых наблюдений В.А.Богородицкого и Г.Шарафа о выпадении гласных в татарском и др., а о В.В.Радлове - вообще не упоминают - видимо не знают о нем. При этом подобно В.Смирнову в полемике последнего против авторитета акад. Шифнера (положительно отзывающегося о работе В.В.Радлова) которому В.Смирнов противопоставляет анонимные авторитеты, знающие языки (видимо имея в виду миссионеров, знания языков которыми, однако, более чем сомнительны и намекая,но не говоря прямо, что якобы акад.Шифнер не знал языков), наши рецензенты как признак авторитетности выдвигают по сути дела (стр.8 и др.отзыва) знание языка - в м е с т о з н а ния языкознания -тем выдвигают, что аппелируют к неязыковедам - против языковедов. Но если т а к противопоставлять, то знание лингвистики важнее для языкознания, ибо практически языком вла-

деют и лица, не имеющие иногда и среднего образования и дети, которые, согласно этому противопоставлению рецензентов, восходящему еще к В.Смирнову, оказываются, таким образом, наиболее компетентными авторитетами, скажем, в вопросах татарского языкознания.

Сейчас, вероятно, мало кто помнит, что такое обвинение в неуважении к авторитетам и даже - в глумлении над ними предъявлялось упомянутым В.Смирновым к основателю русской тюркологической науки - академику В.В.Радлову (хотя в то время, когда В.В.Радлов еще видимо не был академиком).

Характерным и типичным для всего данного натравления является при этом тот факт, что, например, обвинив В.В.Радлова в глумлении над Вамбери -за критику В.В.Радловым некоторых этимологий и метода этимологизирования Вамбери-В.Смирнов при этом ни единым словом не обмолвился о существе разногласий между этими учеными и о том, кто же действительно был прав в вопросе о критикуемых В.В.Радловым этимологиях Вамбери. Так сказать основанием же для такого громкого обвинения послужило В.Смирнову выражение В.В.Радлова о том, что метод Вамбери не может привести ни к каким результатам. В этом суть подхода к делу всего данного критического направления *a la* В.Смирнов и др. Не существо дела их интересует (оно им вообще недоступно), а только внешняя сторона. Только сам факт критики В.В.Радловым этимологий Вамбери дошел до сознания рецензента. А то, прав ли В.В.Радлов или Вамбери - этого В.Смирнов не касается - видимо потому, что не знает Ни не удивительно, ибо сам В.Смирнов, как известно, даже не языковед.

Неопределенность этого обвинения - в "пренебрежении" к "авторитетам", в "стремлении умалить значение их", как и способ аргументации -от индивидуальных чувств (хотя как известно, чувствовать могут все млекопитающие и ящеры и даже низшие одноклеточные) позволяет обвинить кого угодно - независимо от фактов и вопреки фактам.

Вероятно рецензентам тогда не "чувствовалось" бы этого "пренебрежения" и "умаления", когда бы если бы я вслед за решением конференции (в Казани), посвященной 100 летию В.А.Богородицкого (1957) признал бы (вопреки фактам), что будто бы основателем экспериментального метода в лингвистике является якобы не Петр Руссло, профессор Сорбонны автор многотомного труда "Принципы экспериментальной фонетики", Париж, 1897-1901 (см.библиографию), а будто бы В.А.Богородицкий, который учился у П.Руссло и из двухлетней командировки в Париж привез в Казань экспериментально-фонетические приборы, снабженные французским товарным знаком, в том числе -кимограф системы Verdin , изготовленный в 1895 г. в Париже, что можно обозреть на этом кимографе, находящемся в Казанском пединституте, а Курс экспериментальной фонетики В.А.Богородицкого относится к 1917-1922 годам.

Профессор В.А.Богородицкий имеет достаточно своих собственных заслуг и не нуждается в приписывании ему чужих и, если бы он был жив, то, вероятно, сам стал бы протестовать против подобных приписок. А подобные решения только роняют авторитет В.А.Богородицкого и не меняют фактического положения дел.

Помимо своих чувств рецензенты не выдвигают каких либо аргументов в подтверждение якобы моего пренебрежения и умаления этого ученого и его трудов. Рецензенты стыдливо умалчивают о

том, как, на каком основании возникли у них эти "чувства", хотя эти чувства рецензентов, надо сказать, не возникли на совершенно голом месте: дело в том, что по ряду вопросов я не согласился с выводами В.А.Богородицкого, касающимися татарской фонетики и ясно дал понять об этом своем несогласии, как и о том, что некоторые техническое приемы метода его исследования (например,- длительности) хотя, быть может и вполне удобны для индоевропейских языков, но неприменимы в принципе своем для исследования фонетики тюркских и финно-угорских языков - ввиду особенностей фонетики этих языков и особенностей этого метода, что было мною доказано инструментально.

Однако, наши рецензенты, как и В.Смирнов не интересуются существом дела и не понимают его, так как тоже, как и В.Смирнов, не являются специалистами в той области, в которой пишут рецензии. Рецензенты обратили внимание только на самый факт моего несогласия с некоторыми положениями В.А.Богородицкого. И отсюда им "почувствовалось" якобы "принебрежение" и "умаление". Но рецензенты даже не решились высказать какие либо конкретные возражения против моих выводов, расходящихся с некоторыми взглядами В.А.Богородицкого и даже умолчали об этих расхождениях. Взамен они обвинили меня в"умалении"и т.п. в подтверждение же сослались на свои "чувства" и поскорее перевели разговор на другое, ибо в остальном - даже имея В.А.Богородицкого не упоминается более-в этой связи - во вступительной части отзыва, где идет речь о "пренебрежении" и "умалении".

Для того, чтобы увести от сути дела, рецензенты поскорее перевели на Г.Шарафа свой "разговор" - как они выражаются - вслед за В.Смирновым (и другими его продолжателями) который,

как известно, тоже решил в свое время "поговорить" и высказать свои "впечатления о Фонетике" В.В.Радлова - вместо научного изучения рецензируемой им работы.

"Пренебрежением" к Г.Шарафу рецензенты называют факт моего цитирования (на стр.I5 Iч. "Звукового строя") следующего выражения Г.Шарафа: "Таким образом, многое из вышеизложенного является не столько разрешением, сколько постановкой вопроса".

Заявляя вслед за этим: "между тем эти слова Г.Шарафа относятся лишь к разделу У "его статьи "Сонорная длительность...", рецензенты т е м с а м ы м вопреки фактам приписывают мне утверждение о том, что якобы я говорю, что Г.Шараф относит это свое высказывание ко всей своей статье.

Однако в действительности - не содержится ничего даже подобного ни в одной из моих работ: я нигде не утверждаю, что это свое замечание Г.Шараф относит ко всей своей статье, и нигде не говорю, что это замечание будто бы не относится к У главе статьи Г.Шарафа.

Заявляя: "между тем,эти слова Г.Шарафа относятся лишь к разделу У", рецензенты - по своему обыкновению - смешивают две совершенно различные вещи: I) оценку самими рецензентами этого высказывания Г.Шарафа и 2) оценку работ Г.Шарафа и этого его высказывания д р у г и м и , а также смешивают оценку своей статьи самим Г.Шарафом - с оценкой его работ - другими.

В оценке этого выясказывания Г.Шарафа рецензенты толкуют его, как относящееся только к У главе статьи Г.Шарафа, полагая, что Г.Шараф относит его только к У главе своей работы.

Я же просто констатирую это высказывание Г.Шарафа и указываю страницу работы, откуда оно взято и не вдаюсь в толкование

того, относит ли сам Г.Шараф это высказывание только к У главе или - ко всей своей статье, и правильно ли отнесение этого высказывания только к У главе или же следует отнести ко всей статье. Я предоставляю читателю самому решить то, в какой мере это высказывание может быть отнесено к той или иной работе или части работы Г.Шарафа. Сам же Г.Шараф не считал свою статью "Сонорная длительностью..." окончательной истиной в последней инстанции, что видно уже из первых ее страниц, на которых им отмечен ряд фактов, свидетельствующих о ряде несовершенств этой его работы и ее метода, что понимал сам автор статьи. И рассматриваемая цитата из У главы этой статьи по сути дела только дополняет то, что сказано в начале статьи Г.Шарафа и то, что содержится во всей статье. Авторам отзыва непонятно и значение ряда конкретных замечаний (на той же стр.15 и 16 моей книги) касающихся метода и отдельных выводов В.А.Богородицкого и Г.Шарафа, ибо иначе рецензенты не поднимали бы этой полемики о толковании цитаты из Г.Шарафа. Рецензенты не касаются этих моих замечаний. Из ф а к т а н а л и ч и я таких замечаний они, по-видимому, и выводят то, что им "чувствуется" (якобы) "пренебрежение" - совершенно независимо от содержания этих замечаний и от того, что в большинстве указанные мною недостатки исследования признаны ранее самими этими учеными.

В примечании (на стр.2 отзыва) - поставив слово "статья" в кавычки и написав: " << статья >> объемом 88 стр.!" - сопроводив знаком восклицания, рецензенты по-видимому, хотят сказать, что это не статья (как я пишу), а якобы книга или брошюра и что будто бы я не указал объема статьи Г.Шарафа. Однако этот

объем 88 страниц указан мною на стр.I4 I части "Звукового строя..."(хотя это указание объема и не обязательно), а в том, что это статья, а не брошюра - можно убедиться, взяв журнал "Вестник Научного Общества Татароведения" № 8 за I928 год. Как видно, рецензенты не отличают брошюры от оттиска из журнала, хотя и пишут" отд.отт." в рецензии при ссылках на эту статью, но видимо, не знают того, ч т о з н а ч и т "отд.отт" - иначе к чему данное замечание?

Наконец, последний штрих, характерный для всего этого критического направления. Перед тем, как привести цитату из моей работы, рецензенты пишут: "Но далее автор восклицает". Между тем, в книге нет знака восклицания (стр.I5). Да и нет основания для восклицания. Просто в спокойном тоне излагаются взгляды диссертанта. Только А.А.Реформатский приписывает другим что якобы они "ополчаются", "протестуют", воюют" и т.п., хотя в действительности речь идет об изложении взглядов без эмоций и только В.Смирнов, А.А.Реформатский и наши рецензенты склонны заменять эмоциональными словами отсутствующие у них научные аргументы.

Изложенными исчерпываются, так сказать доказательства рецензентов, приводимые в якобы подтверждение обвинения, торжественно провозглашенного (в начале второй половины вводного раздела рецензии) и касающегося якобы "пренебрежения" и "умаления" диссертантом трудов В.А. Б о г о р о д и ц к о г о и Г.Шарафа. Далее уже речь идет о другой.

Остается лишь отметить опровержение рецензентами самих себя. На той же стр.2 отзыва рецензенты признают "наличие" заявлений У.Байчуры о заслугах проф. В.А.Богородицкого и Г.Шарафа", хотя

и называют эти реальные заявления диссертанта (противоречащие "чувствам" рецензентов) - "декларативными" - поскольку рецензентам "ч у в с т в у е т с я"! При этом не поясняется в отзыве то, что понимают рецензенты под этим будто бы научным термином "декларативный" и то, в чем именно выражается эта неопределенная "декларативность".

Наконец, на той же стр.2 отзыва рецензенты пишут: "давая оценку трудам татарских фонетистов, У.Байчура справедливо замечает, что рассматриваемые труды далеко не исчерпывают стоящих перед татарским языкознанием проблем в области фонетики" (То есть труды В.А.Бородицкого и Г.Шарафа). Так в чем же тогда разница во взглядах между диссертантом и рецензентами - по вопросу об отношении к трудам В.А.Богородицкого и Г.Шарафа?

Получается буквально следующее: У.Байчура говорит о заслугах В.А.Богородицкого и Г.Шарафа, а рецензентам "в целом чувствуется пренебрежение". И других аргументов кроме неопределенных "чувств" и "в целом" в отзыве по сути дела не приводится: о В.А. Богородицком более вообще в этой связи не упоминается, а по поводу Г.Шарафа вся полемика сводится к толкованию одной фразы Г.Шарафа.

В этом суть специфики в постановки вопросов не только в данном "обстоятельном" (по словам Б.А.Серебренникова) отзыве, но и во всем данном критическом направлении: выхватывается мелкая деталь и ей придается несоразмерно большая шапка, а на поверку выходит, что даже эта мелкая деталь выхвачена необоснованно и что сами рецензенты себя же и опровергают.

* *

*

Занимаясь скрупулезным исследованием одной фразы Г.Шарафа, рецензенты уводят в сторону от сути дела.

А заключается эта суть дела в следующем.

Мною проанализированы опубликованные экспериментальные работы и метод В.А.Богородицкого, применявшийся и Г.Шарафом - в исследовании ими татарского языка.

Установлено, что инструментальные записи В.А.Богородицкого по татарскому языку исчерпываются по сути дела данными о движении тона в I5 изолированных словах и о колебаниях амплитуды вибраций гласных в них - в произношении одного диктора из Башкирии (стр.I67-I68 "Звукового строя," часть II). Причем статья эта (В.А.Богородицкого) перепечатывалась многократно и без изменений - в разных сборниках , в том числе - в "Этюдах" и разных изданиях "Введения" В.А.Богородицкого. Помимо этого во "Введении" В.А.Богородицкого рассматриваются лишь результаты записей аспирантов В.А.Богородицкого -Г.Шарафа и Г.Валидова.

Во-вторых, установлено, что метод записи и исчисления длительности гласных по способу В.А.Богородицкого, применявшийся и Г.Шарафом, содержит ряд неточностей и неприменим ко многим тюркским и финно-угорским языкам - в отличие от более совершенного метода Л.В.Щербы (см.стр.I5-I6 и 44-48 I части "Звукового строя...")

В-третьих, установлены погрешности при опытах со спирометром, излагаемых во "Введении" В.А.Богородицкого, I934, стр.48-49.

4) В -четвертых, на стр. I5-I6 I части "Звукового строя" констатируется, что указанные неточности эксперимента признаются самим В.А.Богородицким - во "Введении " I934: о спирометрических данных -на стр.49, о движении тона - на стр.73, Г.Шарафом - признаются неточности исследования им сонорной длительности -на стр.I85 ВНОТ № 8, I988. При этом мною указано, что сноска В.А.Богородицкого на стр.73 "Введения" I934 - в посмертном издании I953 г. опущена (см.стр.I5-I6 "Звукового строя", часть I).

5) В моих работах доказано, что не подтвердился ряд выводов В.А.Богородицкого - о татарской Фонетике.

Во-первых, не подтвердился его вывод о якобы наличии тонического ударения в начале татарских слов и экспираторного - в конце. Экспираторное ударение даже не было им исследовано экспериментально (см.стр.I67-I68 II ч. "Звукового строя")

Во-вторых, не подтвердилась характеристика некоторых татарских звуков, даваемая В.А.Богородицким.

Например не подтвердилось утверждение В.А.Богородицкого о якобы аффрикатном произношении казанско-татарских и литературно-татарских "Ч", ДЖ". В действительности прав был Г.Шараф, характеризовавший эти звуки в "Палатограммах" как щелевые ("Звуковой строй, часть I, стр.II9-I2I и др.) и т.д.

Не подтвердилось утверждение В.А.Богородицкого о язычном (заднеязычном) произношении татарских звуков К-Г, в действительности являющихся увулярными. (Без упоминания о В.А.Богородицком излагается этот вывод на стр.I28, след.I части "Звукового строя...")

И так дадее.

6) Некоторые выводы из непроведенных и незаконченных опытов В А.Богородицкого, например, о двойном ударении в татарских словах, полученные к тому же по данным записи одного лишь диктора из Башкирии, хотя впоследствии и осевшего в Казани- по традиции переходили, так сказать, из учебника ~~в учебника~~ в учебник и даже были в дальнейшем распространены на в с е тюркские языки - как якобы общая для всех этих языков специфика.

Своими инструментальными исследованиями на материале десятков дикторов по многим языкам я показал и доказал, что этот вывод В.А.Богородицкого не оправдан, что он применим только к горно-башкирскому и неприменим к татарскому и большинству исследованных мною тюркских языков (см.стр.204, 244 и др. II части "Звукового строя"). И так далее и тому подобное.

7) И в отношении статьи "Сонорная длительность..." Г.Шарафа,- из большого примечания 2 на стр.I5-I6 "Звукового строя" (как и из текста) совершенно очевидно, что работа Г.Шарафа "нуждается в проверке и уточнении" (стр.I5), что ясно экспериментаторам, но, видимо, совершенно непонятно нашим рецензентам. О методе записи было сказано. А "вывод Г.Шарафа о систематическом увеличении сонорной длительности ударенного гласного... не подтвердился при нашем исследовании," а кроме того этот вывод Г.Шарафа противоречит данным самого Г.Шарафа, согласно которым нередко длительность неударенных гласных может превышать таковую ударенных" и следуют ссылки на страницы I (см."Зв.строй," стр. I5-I6). А этот вопрос - один из основных в статье Г.Шарафа - если не самый главный.

8) Если по всему изложенному добавить, что инструментальный материал, полученный мною при более новой методике и в том числе -и с помощью новых технических средств, по многим языкам и с использованием десятков дикторов - в десятки раз превосходит таковой материал, полученный В.А.Богородицким и Г.Шарафом - -вместе - по татарскому языку, то этим мы можем закончить изложение истинных причин обвинения в якобы "пренебрежении" и "неуважении" с моей стороны -к работам В.А.Богородицкого. Ссылка на Г.Шарафа служит в отзыве для отвлечения внимания.

Никаких даже попыток опровергнуть перечисленные мои выводы, расходящиеся с выводами В.А.Богородицкого (а иногда - с выводами Г.Шарафа) - не содержится в "обстоятельных" отзывах. Более того, об этих расхождениях даже не упоминается.

Суть позиции рецензентов (I,II) сводится к следующему: как это какой-то У.Байчура осмелился высказать мнения, противоречащие мнению такого авторитета, как В.А.Богородицкий и как это какой-то У.Байчура осмелился пойти дальше В.А.Богородицкого в инструментальном исследовании тюркских языков?

То, что к этому сводится точка зрения рецензентов подтверждается, например, тем, что рецензенты (отзыв I, стр.2) считают, что "очень серьезные исследования в ш и р о к о м [I] масштабе проводились талантливым ученым проф. В.А.Богородицкого, крупным татарским языковедом-фонетистом Галимджаном Шарафом..." (Г.Шараф использовал данные о д н о г о диктора -самого себя и исследовал палатограммы согласных и сонорных длительность одного гласного, а объем обеих статей Г.Шарафа - 135 стр.) а

I) разрядка моя - У.Б.

на стр. 9-10 отзыва I читаем: " Книга У.Байчуры « Звуковой строй татарского языка » часть 2-я не представляет особой научной и практической ценности", хотя в последней использованы инструментальные данные до 60 дикторов примерно по двадцати языкам и наречиям, использованы недоступные Г.Шарафу и В.А.Богородицкому методы (например,осциллограмм) и рассмотрены - как говорят оппоненты - все основные вопросы ФОнетики татарского языка и многие неисследованные до сих пор вопросы ряда других языков (объем одной П части книги -392 стр.).

Отсюда закономерный вывод: если бы У.Байчура ограничился повторением положений В.А.Богородицкого и Г.Шарафа, то в этом случае его работа была бы признана достижением, написанным "в широком масштабе" и не было бы обвинений в "пренебрежении" и "неуважении". *

При всем этом ни авторы указанных "обстоятельных" отзывов, ни их покровители даже пальцем не пошевилили, когда подвергались систематическому необоснованному нападению самые о с н о в ы метода В.А.Богородицкого, Л.В. Щербы и других экспериментаторов старшего поколения (в 1950-1959 г.г.) Да эти рецензенты и их покровители, не будучи экспериментаторами, и не могли что-либо сказать - даже при желании -ибо ведь для этого нужны не рассуждения об уважении или "пренебрежении", а необходимо научно аргументированное, доказательное исследование вопроса.

И никто иной, как я , которого обвиняют теперь в "пренебрежении" к В.А.Богородицкому, выступил и научно доказал (например, в докладе Кишиневской конференции в 1959 г.) правильность самих о с н о в метода В.А.Богородицкого, Л.В.Щербы и других и доказал необоснованность отрицания о с н о в ме-

тода этих ученых и тем помог отстоять для науки труды этих ученых - в целом. И это мое доказательство содержится также во введении к I тому диссертации, написанной в 1960 г. Итог таков (о "пренебрежении" и "умалении"). I) Имеются мои высказывания о заслугах В.А.Богородицкого и Г.Шарафа, причем признание заслуг последнего даже в такое время, когда никто его и не упоминал, именно в 1953 г. Наличие моих высказываний о заслугах В.А.Богородицкого и Г.Шарафа признают даже сами рецензенты и эти мои высказывания содержатся не только в "Звуковом строе", часть I -стр.14-16 и др., но и в специальной статье "К истории изучения казанско-татарского языка" (см.библиографию), где несколько страниц посвящено перечню заслуг указанных двух ученых.

2) Имеется факт моего выступления в защиту самих основ метода В.А.Богородицкого - выступление в 1959 г. на Кишиневской конференции, причем в основном содержание этого моего выступления входит и во введение к I тому диссертации (1960). Я принял самое активное участие в отстаивании от нападок самих основ метода и методологии В.А.Богородицкого и других.

3) Имеется факт моего несогласия с отдельными положениями В.А.Богородицкого и его метода исследования некоторых вопросов татарской фонетики (перечислено выше). Свои сомнения или несогласия с отдельными положениями В.А.Богородицкого я высказывал всегда прямо и всегда аргументированно научно, конкретно и не касался личности В.А.Богородицкого. Многие из указанных мною неточностей были даже признаны самими этими учеными.

И после этого рецензенты обвиняют меня в пренебрежении к

В.А.Богородицкому, а затем, стыдливо избегая упоминать о последнем, ибо все мои замечания по данному вопросу, правильны и научно доказаны на фактах - рецензенты для отвода глаз затевают малосодержательную полемику о толковании одной фразы Г. Шарафа: о том, ко всей или не ко всей своей статье относил Г. Шараф свое заявление в У главе статьи о том, что "Многое из вышеизложенного является... постановкой вопроса". (ВНОТ № 8, 224-225).

Для науки имеет значение не то, как оценивал свою статью сам Г.Шараф, а то имеет значение, к какой части его работы или работ, или к каким его работам можно и следует в действительности отнести это высказывание Г.Шарафа.

В действительности же постановкой вопроса является в с я статья "Сонорная длительность..." Г.Шарафа, что п о к а з а н о и доказано мною в примечаниях к стр.I5-I6 I части "Звукового строя" (в форме конкретных технических замечаний), ибо исследование длительности о д н о г о гласного да к тому же в произношении только самого автора статьи никак не может считаться разрешением вопроса, особенно если учесть технические неточности при записи и исчислении длительности, признаваемые даже самим автором (ВНОТ № 8, I85) плюс к этому расхождение некоторых из основных выводов статьи Г.Шарафа даже с некоторыми данными самого Г.Шарафа, приводимыми в той же его статье.

И тем более является только постановкой вопроса четырежды перепечатанная статья В.А.Богородицкого "Движение тона в словах двусложных и трехсложных в татарском языке", имеющая объем восемь страниц и содержащая данные о движении тона в I5 изолированных татарских словах - в произношении одного диктора даже не из

Татарии, а родом из центра Башкирии, причем даже в этих 15 словах отмечаются противоречивые цифровые показатели. Даже если присоединить сюда еще восемь слов и отдельных слогов - в произношении аспиранта В.А.Богородицкого - Г.Валидова (приводимые во"Введении"), то дело не только не изменится в лучшую сторону, а напротив, возрастут противоречивые данные (подробнее -см. стр.167-168 II части "Звукового строя").

*

Таким бразом, У.Байчура защищал методологию В.А.Богородицкого - в целом, подтвердил правильность многих его (прежде всего -слуховых) наблюдений над татарским языком, неоднократно "заявлял" (по выражению рецензентов) о "заслугах В.А. Богородицкого и Г.Шарафа", но по некоторым частным вопросам посмел свое суждение иметь.

Это и есть истинная причина обвинения в неуважении и пренебрежении со стороны тех, кто в трудную минуту пальцем не пошевилил чтобы отстоять экспериментальные наследие этих ученых в целом, да и не мог бы помощь, поскольку не являются эти критики специалистами-экспериментаторами, о чем лишний раз свидетельствует их рецензия.

*

Вступительная часть отзыва завершается другим традиционным обвинением, которого, как известно не избежади многие ученые, даже такие, как например, Ньютон и др. или писатели как Стендаль или Тургенев - обвинением в использовании чужих трудов без должных ссылок, причем по способу В.Смирнова (который рецензен-

ты, видимо, получили не прямо, а через посредников), это голословное и противоречащее фактам обвинение по сути дела даже не выражено в отзыве определенно, а передано намеком, хотя и весьма прозрачным, причем по содержанию это обвинение относится к нескольким страницам, но делается в отзыве вид, что оно относится ко всем работам У.Байчура.

Подготовив слушателя предшествующими намеками, умолчаниями, двусмысленностями и голословными обвинениями, противоречащими фактам, рецензенты пишут (стр.2-3 отзыва):

"У.Байчура нигде ни словом не обмолвился об архивах, указанных ученых. Например, в архиве Г.Шарафа имеется рукопись второй части "Сонорная длительность" ч.П Маш. стр.77, в которой рассматривается длительность всех гласных (кроме а)". "Длительность гласного а очень подробно рассматривается в I части работы "Сонорная длительность тат.гласных" (1928г. отд.отт. 88 стр.)". "Подобное[1] изучение книги У.Байчуры" (какой из книг У.Байчуры? - У.Б.) и трудов проф.В.А.Богородицкого и Г.Шарафа" (каких именно трудов? - не указано в отзыве -У.Б.)" показывает, что данная книга" (какая именно книга? -У.Б.)", хотя на первый взгляд и создана на эксперимен[2] материале, полученном автором "(следовательно выходит, что на "второй" взгляд она не создана "на эксперимен. материале, полученном автором"- У.Б.)" ничего существенно" (подчеркнуто рецензентами - У.Б.)" нового не дает, не является новым словом в науке". (Следовательно, какая-то

---

1) В отзыве написано "подобное", а не "подробное" -У.Б.

2) Сокращение рецензентов - У.Б.

книга У.Байчуры - не указано в отзыве, какая именно-все же дает новое, хотя и "несущественное" и все дело в том, что называют рецензенты "существенным" и что "несущеатвенным", а этого они не поясняют. Практика же показывает, что нередко рецензенты считают несущественным целое, существенным же - третьестепенного значения деталь от целого - У.Б.).

На стр.3 вступительная часть отзыва завершается следующим: "Большим недостатком следует считать отсутствие библиографии в работе" (какой работе? Ведь рецензенты пишут отзыв на все "работы У.Байчуры по экспериментальной фонетике татарского языка" -стр.I отзыва). "Автор не всегда дает ссылки на использованные труды, вследствие чего иногда создается неправильное впечатление об открытии автором нового в науке (об этом см. ниже)".

Между тем, в действительности, не подтверждается ссылка в отзыве : "об этом см.ниже", так как ни "ниже", ни выше во всем этом "обстоятельном" отзыве нет ни единого слова ни об архивах, ни о библиографии.

Во всем отзыве -по поводу якобы отсутствия должных ссылок - ниже идет речь (на стр.I7-I9) только о двух не относящихся к теме диссертации и вообще моих работ вопросах, по которым рецензенты требуют ссылок на другие о п у б л и к о в а н н ы е труды (и, в порядке исключения, даже называют эти труды) причем указанные два вопроса рецензенты определяют как связанные[I)] с характеристикой о д н о г о согласного звука-

I) Правда о перебое и спирантизации я ссылаюсь на п е р в о и с т о ч н и к и : В.В.Радлова, Н.Остроумова и др., а не на Б.А.Серебренникова, не упомянувшего об этих авторах, что видимо и привело наших рецензентов к приписыванию ему некоторых давно известных открытий.

гамзы - в татарском (точнее - с его историей) и 2) с субстратом, по которому в отзыве предлагается смотреть о "перебое гласных" и "спирантизации согласных". Однако ссылки по обоим этим вопросам имеются в моих работах: о гамзе-на стр. I36 I ч."Звукового строя ", о перебое гласных -на стр.22 и др., о спирантизации согласных[I] -на стр.II9-I2I и др. той же книги и др.моих работах, а о самом понимании действия субстрата достаточно сказано и в вузовских учебниках, которые рецензенты видимо позабыли, а в отношении указанных ссылок сделали вид, что не заметили этих ссылок - сделали вид в отзыве, расчитанном на с л у х о в о е восприятие. (Подробнее эти вопросы рассматриваются ниже). Об архивах же и библиографии так таки и нет ни единого слова ни "ниже", ни выше во всем отзыве.

И в результате мы остаемся. так сказать, с глазу на глаз с цитированными голословными и неопределенными утверждениями, противоречащими фактам - утверждениями об архивах (ибо остальные здесь - " вспомогательные").

Об утверждениях в связи с архивами.

I) Рецензенты не утверждают, что я использовал архивы.

2) Рецензенты не утверждают, что я знаком с упомянутой машинописью (неизвестного происхождения).

Рецензенты утверждают:

I) что будто бы я знаком вообще с архивами указанных двух ученых;

I) Правда о перебое и спирантизации я ссылаюсь на п е р в о и с т о ч н и к и : В.В.Радлова, Н.Остроумова и др., а не на Б.А.Серебренникова, не упомянувшего об этих авторах, что видимо привело наших рецензентов к приписыванию ему некоторых давно известных открытий.

2) что будто бы и м е е т с я (лишь "имеется" - В) в архиве Г.Шарафа будто бы "рукопись" и она же = "маш.стр.77"

А о том, знаком, ли я с этой машинописью и о том какое вообще отношение имеет эта машинопись и все эти архивы - к моим работам - об этом рецензенты ничего не говорят. И не только умалчивается в отзыве о том, что, как известно, не существует рукописи Г.Шарафа под указанным названием (как и любых других рукописей его - по экспериментальной фонетике), а что в лучшем случае речь может итти лишь о машинописи (неизвестного происхождения), но даже более того, рецензенты делают вид, что не понимают разницы между рукописью и машинописью и приравнивают одну к другой и тем внушают неправильное представление неосведомленным, пользуясь несколько свободным толкованием з н а ч е н и я слова "рукопись". (Это в стиле А.А.Реформатского см. выше, § I,Б).

И на так сказать "основании" будто бы моего знакомства с архивами вообще - требуют ссылки на эти архивы - в опытной, экспериментальной работе.

Этим исчерпывается сказанное рецензентами об архивах.

Однако п р и с т а в и в к этим рассуждениям об архивах утверждения о якобы отсутствии нового в моих работах, о якобы отсутствии библиографии и особенно - заявление: "автор не всегда дает ссылки на использованные труды... (об этом см. ниже) и не оговорив, у м о л ч а в при этом о том, что последнее утверждение, как и ссылка "см.ниже" не относится к архивам, а относится самими рецензентами (в отзыве) лишь к гамзе и субстрату, о которых вообще до сих пор в отзыве и вообще во вводной части к отзыву не было речи, т е м с а м ы м рецензенты

внушают - с помощью намеков, что якобы мною использованы указанные архивы -без ссылок, хотя никаких доказательств этому якобы использованию не приводится, и более того, сами рецензенты даже не утверждают прямо, что архивы будто бы использованы мною. Само обвинение даже не выражено определенно, оно является неопределенным и передано намеком - не говоря уже о его абстрактности.

Умалчивается и то, что последняя фраза и "см.ниже" не относится ни к одному из содержащихся во вводной части голословных утверждений" и тем внушается, что будто бы далее в отзыве будут приведены доказательства этих голословных утверждений об архивах и проч., тогда как в действительности таких доказательств в отзыве не приводится и более того, об этих вопросах (об архивах и проч.) во всем отзыве более даже не упоминается.

В результате получается следующее: слушатель или не очень внимательный читатель забывает -пока доберется до конца отзыва (22 страницы м/п)-то, что не были подтверждены фактами эти утверждения на стр.2-3.

Вследствие же бесконечного нагромождения ничем не подтвержденных обвинений и голословных утверждений у слушателя и читателя "что нибудь да останется"[I], ибо добросовестный, но незнакомый с делом, с работами научный работник, слушатель будет думать, что наверное у рецензентов имеются основания для

I) О таком способе "Критики" писал, например, В.И. Ленин в своей статье "Союз лжи" -см.в библиографии, в конце.

таких утверждений (ибо будет принимать рецензентов за таких же добросовестных, как и он сам) - тогда как в действительности у рецензентов не имеется никаких оснований для подобных утверждений и обвинений.

Иначе говоря, хотя вина и ошибки диссертанта ничем не доказаны в отзыве, однако тем не менее диссертант и его работа будут поставлены под подозрение этим нагромождением голословных обвинений, утверждений и т.п., зачастую даже не выраженных определенно, а только переданных намеком - по способу В.Смирнова и его последователей. Кто же захочет разбираться?

И все это - несмотря на то, что перечисленные голословные утверждения опровергаются не только фактами вообще, но даже и самими рецензентами - на последующих страницах отзыва, ввиду чего приходится признать, что рассчитаны были эти утверждения лишь на в п е ч а т л е н и е (слуховое), на п с и х о л о г и ю слушателя или читателя, который не будет иметь времени в н и к н у т ь в суть дела.

I) О том, что не подтверждаются ссылки в отзыве "Об этом см. ниже" - в связи с библиографией и архивами - было сказано выше.

2) Во всех моих работах библиография использованных работ дается - вопреки голословному отрицанию наличия ее - рецензентами, не указывающими сколько нибудь определенно даже того, в какой из моих работ они ведут речь (согласно заголовку и подзаголовку отзыва - о всех работах ведут речь). Библиография всех использованных работ дается мною во всех работах в сносках, подстрочных примечаниях и в тексте. Она не собрана в конце, но

это вопрос композиционный. Речь может итти о м е с т е библиографии в моих работах, о композиции работ, но не о ее наличии или отсутствии.

Причина же такой композиции - та, что данная работа - экспериментальная, опытная, основанная на о п ы т а х, а не на литературном обзоре, ввиду чего вообще библиография имеет здесь второстепенное значение - в отличие от обзоров исторических и т.п. работ.

3) Ничем не доказанное голословное заявление рецензентов о том, что моя книга (которая? даже название более или менее определенно не указано рецензентами) будто бы только "на первый взгляд""создана на экспериментальном материале, полученном автором", опровергается самими рецензентами, которые уже на следующих страницах (3-5) отзыва признают, что мною использованы многие дикторы по разным языкам (рецензенты, правда, критикуют этих дикторов, но это другой вопрос, рассматриваемый в разделе о методе).

Рецензенты даже (вопреки фактам) заявляют, что будто бы "основным диктором автор берет себя" (стр.3) и по логике рецензентов получается, что дикторы мои, а "экспериментальный материал" - принадлежит кому-то другому, но кому именно - в отзыве н е у к а з ы в а е т с я, а сам я будто бы выступаю основным диктором по всем языкам и диалектам, ибо оговорок даже о языках не содержится в этой связи в отзыве (стр.3). И при всем этом материал этот, в котором будто бы я сам выступаю основным диктором, тоже только "на первый взгляд" будто бы принадлежит мне. Такова уж логика рецензентов.

4) Как мне известно со слов погибшего в 1963 г. препода-

вателя КГУ Э.Афлетунова, специально занимавшегося архивами Г. Шарафа, в природе не существует рукописи Г.Шарафа "Сонорная длительность...." часть II (как не существует и любой другой рукописи этого автора, посвященной инструментальной фонетике), а имеется только м а ш и н о п и с ь под таким или сходным названием, ввиду чего не доказана, а при созданных рецензентами условиях и недоказуема принадлежность этой машинописи Г.Шарафу, а скажем не кому либо другому, как и то, что после реабилитации Г.Шарафа (после XX съезда) эта машинопись будто бы не могла быть переписана и перепечатана заинтересованными лицами - с моей кандидатской диссертации (1953), четвертой главе которой корреспондирует эта машинопись - судя по заголовку ее, сообщаемому рецензентами в отзыве и судя по опубликованной I части статьи Г.Шарафа "Сонорная длительность.... гласного а".

Эта четвертая глава моей кандидатской диссертации была, как известно, выполнена мною в бытность мою в штатной аспирантуре Института языкознания АН СССР - как плановая работа - и выполнена она в кабинете им. Л.В.Щербы в ЛГУ под руководством проф. Л.Р.Зиндера и основана на результатах инструментальных записей двух дикторов, из которых одному было 14 лет, а другому около 10 лет в 1937 году, когда был арестован и сослан Г. Шараф, с тех пор умерший для науки, и архив которого мог быть создан только после его реабилитации - после XX съезда КПСС (не ранее 1957 или 1958 года), то есть много позднее публикации моего автореферата кандидатской диссертации и ряда статей, а другие мои работы были уже сданы в редакции, и уже была сдана в РИСо Казанского университета I часть моей книги, с четырнадцатью страницами которой (стр. 48-62) корреспонди-

рует упомянутая машинопись, - судя по ее заглавию, приведенному в отзыве.

5) Таким образом, вся полемика по поводу архивов, содержащаяся в отзыве, все громогласные заявления и намеки сводятся к оспариванию моего авторства I4 страниц I части "Звукового строя" (48-62).

Однако, рецензенты путем умолчания и двусмысленных намеков распространяют свои противоречащие фактам утверждения по этому поводу - на все "работы У.Байчуры по экспериментальной фонетике татарского языка" (стр. I) - распространяют уже т е м, что ведут речь о неопределенной работе У.Байчуры - вообще и тем, что у м а л ч и в а ю т о т е м а т и к е и даже о н а з в а н и я х м о и х р а б о т ; распространяют независимо от тематики и в о п р е к и этой тематике.

6) Изложение показывает, что уже по тематике рассуждения - в отзыве - об архивах не имеют сколько нибудь существенного значения для содержания диссертации, моих книг, статей (тем более это относится к двум другим вопросам - о гамзе и субстрате) и цитированный выше отрывок из отзыва представляет из себя лишь попытку поставить под подозрение саму личность диссертанта, что речь идет по сути дела не о качестве научных работ, а о качествах л и ч н о с т и диссертанта.

Поскольку же последнее тоже принимается во внимание при присуждении ученых степеней, я вынужден более детально рассмотреть все три обвинения: об архивах, о гамзе и субстрате, хотя все они по сути дела не относятся по своему содержанию к существу, а по крайней мере два последних - даже к теме диссертации и других моих работ.

Для удобства сопоставления с отзывом рассмотрим прежде вопрос об архивах, затем о гамзе, а потом - о субстрате.

§ 3

О необоснованном смешении экспериментальных наук с неэкспериментальными (в связи с требованиями об использовании архивов - в экспериментальных опытных работах).

Одним из частных случаев типичного для "обстоятельных" отзывов смешения и отождествления различного является отождествление авторами "обстоятельного" отзыва II методов экспериментальных наук с методами неэкспериментальных, например, исторических наук.

Это смешение выражается в необоснованном требовании рецензентов дать ссылки на какие-то архивы - в работе, посвященной инструментальному о п ы т н о м у исследованию.

Как известно, специфика экспериментальных опытных наук - в отличие, например, от исторической науки - заключается в том, что экспериментальные науки вообще не имеют дела ни с какими архивными и тому подобными данными. Архивы изучает историческая наука, тогда как экспериментальные науки ставят опыты, физические и другие эксперименты.

Например, учение физиолога И.П.Павлова построено на данных о п ы т о в, а не изучении архивов.

Не только какие либо письменные или иные данные, но даже результаты других опытов, проведенных другими лицами и при любых условиях, не могут оказать ни малейшего влияния на показания приборов - при д а н н о м опыте, эксперименте, а сле-

довательно и не могут повлиять на результаты и выводы из данного опыта, эксперимента.

При сходных условиях результаты, выводы из различных опытов, проведенных различными исследователями могут совпадать, но могут и не совпадать. Последнее требует изучения и выяснения причин несовпадения, тогда как первое (совпадение основных выводов) может служить одним из подтверждений правильности постановки обоих опытов, хотя и не является условием правильности их, ибо совпадать могут и ошибки.

В двух словах: экспериментатор ставит опыты и делает из них выводы. В этом суть специфики экспериментальных наук. Рецензенты же требуют от меня ссылки на архивы - как условия признания полноценности д а н н о г о экспериментального исследования, д а н н о г о опыта (или опытов). И вдобавок, н и ч е м не аргументируют того, п р ч е м у в опытной экспериментальной работе я должен (якобы) ссылаться на какие-то архивы, о содержании которых рецензенты также ничего не сообщают в отзыве.

Исходя из м е с т а в отзыве этого замечания об архивах, которое помещено п о с л е обвинения в якобы "пренебрежении" и п е р е д обвинением в якобы отсутствии ссылок на использованные труды, причем н е с в я з а н о (формально) рецензентами ни с тем, ни с другим обвинением, допустимо предполагать, что ссылки на эти архивы рецензенты требуют как некоей особой доли уважения к В.А.Богородицкому и Г.Шарафу, хотя все опубликованные работы этих авторов рассмотрены мною не только в данных книгах (в обзорах), но, как указано и в специальной статье - в обзорах. При этом не ука-

зывается в отзыве ничего о содержании этих архивов и о том, какое отношение к моим работам имеет содержание какой-либо рукописи из имеющихся в этих архивах.

Более того. Исходя из м е с т а же в отзыве этого замечания об архивах, не связанного ни с предшествующими, ни с последующими замечаниями (по крайней мере - формально), возможно и иное толкование, при котором, если связать его с последующими замечаниями, - приходится считать это заявление об архивах н а м е к о м на то, что в э к с п е р и м е н т а л ь н о й, о п ы т н о й работе (или работах) мною якобы использованы без ссылок какие-то архивные данные, хотя и не уточняется то, какие именно - не говоря уже о голословности и противоречии фактам этих н а м е к о в, опровергаемых официальными документами регистрации проведенных мною экспериментов и отсутствием регистрации моей работы над рукописями в архивах.

Выдвигая это обвинение - путем намека - о якобы использовании мною архивов и голословно утверждая, что будто бы я знаком с указанными архивами вообще (без уточнения того, с какими именно архивными документами я будто бы знакомился), рецензенты опять-таки рассчитывают на тех, кто понятия не имеет об общесоюзных архивных правилах и о порядке работы в архивах. Ибо "знакомство" с архивами тоже может быть различным: например, I) можно притти на экскурсию в архив и обозреть помещение и, скажем, способ хранения рукописей, 2) можно, напротив, специально заниматься изучением той или иной рукописи. При этом характер работы в архиве, как и то, какими и м е н н о рукописями человек занимался в том или ином ар-

хиве, как известно, подлежит регистрации в этом архиве согласно общеобязным правилам – и должна быть п о д п и с ь самого лица, знакомившегося (или работавшего над) [1] рукописями в архиве. Поэтому не случайно рецензенты пишут, что диссертант якобы "несомненно знаком". Это "несомненно" свидетельствует о их собственных с о м н е н и я х (рецензентов), ибо будь у них факты – они бы просто сослались на эти факты и не прибегали бы к словечкам наподобие "несомненно", выдаваемым в качестве суррогата научного доказательства.

Рецензенты и з б е г а ю т к а к о й л и б о к о н к р е т и з а ц и и, каких либо о п р е д е л е н н ы х утверждений. Логическая схема их умозаключений иллюстрируется следующим популярным примером.

А.) А.Пушкин что-то писал о Кавказе;

Б.) Л.Толстой тоже что-то писал о Кавказе;

В.) Следовательно Л.Толстой должен упомянуть об архивах А.Пушкина, с которыми он "несомненно знаком" – совершенно независимо от того, знаком ли Л.Толстой в действительности с архивами А.Пушкина и был ли сам Л.Толстой на Кавказе или же был, и чем могла бы такая ссылка на архивы А.Пушкина улучшить труд Л.Толстого и могла ли бы она, эта ссылка, вообще чем либо улучшить труд Л.Толстого.

При этом – по методу рецензентов – м о л ч а л и в о предполагается, что Л.Толстой будто бы не мог с а м побывать на Кавказе и якобы не мог с а м описать Кавказ, что Кавказ, будто бы доступен был только А.Пушкину, но не Л.Толстому

---

1) Знакомство или систематическая работа над рукописью – это тоже не одно и то же.

Порочность этого способа умозаключений заключается в о т с у т с т в и и к о н к р е т н о г о а н а л и з а с о д е р ж а н и я п р о и з в е д е н и й : вместо содержания будто бы "сравниваемых" произведений п о д с т а в л я е т с я т е м а т и к а .

Подобными приемами а la В.Смирнов (и наших рецензентов тоже) можно, например, приписать Ньютону теорию относительности Эйнштейна, а Пифагору или Эвклиду - неэвклидову геометрию Лобачевского. Ибо ведь трое последних занимались геометрией, а первые два - физикой. Да еще вдобавок обвинить Эйнштейна и Лобачевского - в использовании ими без ссылок архивов Ньютона и даже Пифагора или Эвклида, хотя как известно, во времена Архимеда чертежи делались даже на п е с к е (который, следовательно, должен был быть и"архивом").

Так сказать научный метод наших рецензентов (и В.Смирнова тоже) - универсален, применим во всех областях науки и общества и каких либо з н а н и й для его применения тоже не требуется.

ж ж

Несмотря на изложенное, несмотря на недоказанность голословных обвинений, даже не выраженных определенно, а переданных н а м е к о м, я все же вынужден доказывать свою невиновность, хотя обвинение н и ч е м, никакими фактами не подтверждено.

Это принципиально важно - то, что я вынужден (рецензентами и решением о "доработке") - опровергать не доказанное обвинение. Ниже излагаются доказательства моей невиновности - в связи с архивами - только в небольшой части затронутые выше.

Итак, во-первых, я не был знаком ни с В.А.Богородицким, ни с Г.Шарафом - ввиду молодости [1] и не знаком с их архивами, что

доказывается отсутствием моей подписи в архивных документах регистрации читателей: я никогда не имел дела ни с какими архивами, так как архивы не имеют никакого отношения к роду моих занятий - инструментальному исследованию живого языка. Архивы это бумага, а я исследую звуки речи, т.е. колебания среды и движения органов речи.

Что касается опубликованных работ указанных двух ученых (как и других), то те из их работ, которые имеют какое-то отношение к теме диссертации не только мною указаны, но и вкратце рассмотрено их содержание и методы (см.напр.,"Звуковой строй...", часть I, стр. I4-I7, 24,27,I08,I36 и др. -не говоря уже о П части книги и др.моих работах, например, статьи "Ишим "К истории..."- см.в библиографии). Однако все эти вопросы - вопросы истории и не имеют по крайней мере прямого отношения к моим работам, которые все являются экспериментальными, опытными, ввиду чего в лучшем случае могут сопоставляться с полученными мною данными лишь немногочисленные результаты В.А.Богородицкого и Г.Шарафа.

Во-вторых, Г.Шараф был репрессирован в 1937 г. и реабилитирован только после XX съезда КПСС и поэтому до 1957 г. даже имя Г.Шарафа не упоминалось, а об архивах и говорить нечего: его бумаги были изъяты соответствующими органами.

При втором издании "Введения"В.А. Богородицкого (1953) ссылки на имя Г.Шарафа отсутствуют и указаны только его инициалы, хотя в том же 1953 г. я все же полностью указал имя Г.Шарафа в своем автореферате канд.дисс. (М-Л.)

Ввиду изложенного самый архив Г.Шарафа был организован только после XX съезда КПСС, после реабилитации Г.Шарафа, т.е.

не ранее 1957 года.

В-третьих, известное науке исследование длительности всех татарских гласных (а не только сонорной длительности одного гласного а в татарском) впервые было проведено мною - в бытность мою аспирантом Института языкознания АН СССР. Это исследование по данным двух дикторов - татар из Казани было проведено мною в 1952-53 г.г. в лаборатории им.Л.В.Щербы при Ленинградском университете, и проводилось оно, это исследование, под руководством проф.Л.Р.Зиндер, на основе более современной щербовской методологии, а частично- длительность татарских гласных была также исследована мною по спектрографическим записям в лаборатории экспериментальной фонетики и психологии речи I Московского пединститута иностранных языков - под руководством проф. В.А.Артемова (1951-52 г.г.).

Осциллографом, тем более -спектрографом ни В.А.Богородицкий, ни Г.Шараф, разумеется пользоваться не могли -также, как и использованным мною рентгенографическим методом (съемки проводились во Всесоюзном институте рентгенологии и радиологии в Москве в 1951 -52 г.г. - под руководством проф.В.Г.Гинзбург) И все это нашло, как известно, отражение и в печати - в статьях В.А.Артемова и др.

Указанное исследование мною длительности татарских гласных (метод описан на стр.44-48 "Зв.строя",часть I) составило IУ главу моей кандидатской диссертации и рекомендуя последнюю к защите, кафедра фонетики Ленинградского университета 30.IX. 53 г. указала, что в диссертации У.Байчура "характеристика татарских гласных основана на в п е р в ы е [1] полностью

---

1) разрядка моя - УБ.

проделанном всестороннем рентгенографическом, палатографическом и кимографическом исследовании" (подчеркнуто мною - У.Б.).

Поскольку научная тема "длительность татарских гласных" была, таким образом, разработана мною экспериментально в 1952-53 г.г., и притом на более новой методологической основе - по сравнению с более узкой темой работы Г.Шарафа - от 1928 г. - "Сонорная длительность татарских гласных (длительность гласного а)" то уже тем самым покрывалась более узкая тема "Сонорная длительность татарских гласных", которую, ктому же, Г.Шараф не успел закончить и опубликовать. Работа Г.Шарафа, как это ясно для лингвистов, требовала проверки еще и потому, что основывалась на данных одного диктора и притом - самого Г.Шарафа, а о методологических неточностях школы В.А.Богородицкого (к которой принадлежал и Г.Шараф) - в записи и исчислении длительности звуков-было сказано мною на стр.15-16 "Зв.строя", ч.I.

Ввиду изложенного позднейшее обнаружение (даже если бы таковое действительно имело место) чьей-либо работы на подобную тему имело бы уже только исторический интерес.

В-четвертых, авторы "обстоятельного" отзыва сами говорят о "машинописи" 77 стр. статьи Г.Шарафа, хотя и именуют ее "рукописью".

Рукописи указанной статьи Г.Шарафа (часть П) -по имеющимся данным - не существует. Отсюда следует, что принадлежность этой машинописи Г.Шарафу не установлена и едва ли установима.

Над архивами Г.Шарафа, как известно, работал преподаватель Казанского университета А.Афлетунов (погибший в 1963 г.) -работа в период около 1959 г.

При обсуждении моей диссертации и книг (в том числе - I части "Звукового строя", в которой изложены мои данные о длительности татарских гласных) - на заседании кафедры татарского языка Казанского университета I7 февраля I96I г. три рецензента и в том числе - А.Афлетунов, работавший над архивами Г.Шарафа и действительно "несомненно знакомый" с этими архивами, дали блестящий положительный отзыв на диссертацию и никто ни словом не упомянул о том, что якобы мне следовало будто бы сослаться на архивы В.А.Богородицкого или Г.Шарафа. Напротив, кафедра единогласно и безоговорочно рекомендовала мою диссертацию к защите - см. протокол № I7 заседания кафедры татарского языка КГУ от I7 февраля I96I г., имеется в деле в ВАК, представлен и при защите. При этом, та же кафедра татарского языка рекомендовала к печати эту первую часть моей книги "Звуковой строй татарского языка" - в I957 г. и она была издана Казанским университетом в I959 г. И никто никогда не поднимал вопроса о якобы необходимости ссылок на архивы.

В-пятых, авторы "обстоятельного" отзыва -Х.Курбатов и Л.Махмутова были приглашены на указанное заседание кафедры Татарского языка Казанского университета (I7. II.I96I г.), но не явились. А они могли бы еще тогда высказать свои соображения об архивах и по другим вопросам - в связи с обсуждением моей диссертации. Однако не пожелали высказаться.

Авторы "обстоятельного" отзыва имели такую возможность высказаться и ранее.

Так, соавтор "обстоятельного" отзыва, Х.Курбатов, будучи назначен дирекцией одним из рецензентов моих работ, на заседании

Ученого совета ИЯЛИ КФАН 19 января 1961 г. дал безоговорочно положительный отзыв на первую часть моей книги "Звуковой строй" и ни единым словом не упомянул о якобы необходимости ссылки на архивы В.А.Богородицкого или Г.Шарафа или любые иные.

Л.Махмутова ,- второй соавтор "обстоятельного" отзыва - сотрудник того же института, не высказалась по поводу моей книги на на этом Ученом совете, на котором была поставлена на обсуждение моя работа, ни на каком-либо ином - до защиты. Ни единого слова об этих архивах не было сказано ни одним из членов Ученого совета ИЯЛИ.

В-пятых, утверждая, что У.Байчура якобы "несомненно знаком" с архивами Г.Шарафа, рецензенты, по-видимому, хотят намекнуть на возможное сходство результатов исследования У.Байчуры с таковыми - в указанной машинописи, по словам рецензентов будто бы являющейся II частью статьи "Сонорная длительность татарских гласных" ("маш.стр.77"), будто бы принадлежащей перу Г.Шарафа, ибо другого какого-либо основания для этого заключения: "несомненно знаком" не может быть, а в отзыве - вообще не приводится никаких оснований для этого заявления "несомненно знаком".

Однако элементарной истиной науки является то, что при одинаковом объекте исследования совпадение основных выводов двух исследователей, хотя бы работавших не зная друг о друге,- вещь обычная, разумеется, если эксперименты поставлены на должном уровне. В.В.Радлов не мог знать о В.А.Богородицким и Г.Шарафа, когда писал свою "Фонетику", однако он в 1882г., исследуя фонетику тюркских языков, в том числе -татарского, пришел,

например, по вопросу о выпадении гласных к тем же самым основным выводам, к которым в области татарского языка пришли полсотни лет позднее В.А.Богородицкий и Г.Шараф[1] (Здесь особенно важно совпадение выводов В.В.Радлова с отдельными инструментальными данными Г.Шарафа - см выше).

Поскольку В.А.Богородицкий и Г.Шараф не упоминают ни словом о В.В.Радлове по данному вопросу[2], приходится заключить, что они исследовали вопрос независимо от ВВ. Радлова и, видимо, даже не читали "Фонетику" В.В.Радлова. Тем не менее, результаты оказались во всем основном аналогичными, во многом совпадающими, ибо объект исследования был одним и тем же -в отношении татарского языка.

В нашем же случае - со II частью статьи якобы Г.Шарафа дело обстоит хуже - для рецензентов, ибо, если при других условиях, быть может, и не возникало бы столь серьезных сомнений в подлинности машинописи статьи Г.Шарафа, то при данных обстоятельствах, поскольку рецензентами по сути дела поставлен вопрос о будто бы необычном совпадении результатов, содержащихся в машинописи якобы Г.Шарафа -с моими результатами, то вполне допустимо, что указанная машинопись в 77 страниц, приписываемая Г.Шарафу, возможно в действительности была попросту списана и пе-

---

I) Ср."Фонетику" В.В.Радлова, стр.91-96 и "Введение" В.А. Богородицкого (1953),стр.75,83-85, 92-96 и др. и соответствующие места других его работ и работ Г.Шарафа.

2) Во "Введении" 1934 я нашел только одну ссылку на В.В. Радлова - по другому вопросу, в связи с морфологией. Здесь говорится, что по мнению В.В.Радлова в более полных формах аффиксов типа ып // п, быз // ыбыз начальный гласный аффикса является протезированным, а не исконным

репечатана на машинке тем или иным заинтересованным лицом - с моей кандидатской диссертации от 1953 г., которая с 1954 г. находится в Библиотеке им. В.И.Ленина в Москве и является общедоступной (в отличие от архива Г.Шарафа, вообще недоступного до 1957 или 1958 года). И после XX съезда КПСС и после реабилитации Г.Шарафа, т.е. не ранее 1957 года эта списанная с моей диссертации машинопись (а не рукопись - NB) могла быть представлена в Институт языка, литературы истории Казанского филиала АН СССР -в открывшийся архив Г.Шарафа - под видом произведения последнего.

Это, конечно, предположение, основанное только лишь на информации рецензентов, согласно которой пока еще неясно к а к о г о характера совпадения имеются между моими работами с одной стороны и упоминаемой в отзыве машинописью неизвестного происхождения - с другой. Но если это - совпадения в деталях, то тогда наше предположение оправдано и указанная машинопись действительно списана с моих работ. В пользу возможности такого предположения свидетельствует и то обстоятельство, что указанная IУ глава моей кандидатской диссертации после защиты в 1954 году была представлена мною в сокращенном виде - в форме статьи объемом полтора печатных листа под названием "Длительность татарских гласных" - все в тот же Институт языка,литературы,истории КФАН - на предмет публикации и пролежала там несколько месяцев, побывала в руках многих и в том числе - у соавтора рассматриваемого "обстоятельного" отзыва - Х.Курбатова, причем последний даже написал отзыв от 22 июня 1954 г. на эту мою статью о длительности татарских гласных (о котором -отзыве - упоминалось выше). В этом отзыве от 1954 г. Х.Курбатов ни еди-

ным словом не упоминает ни о Г.Шарафе, ни о В.А.Богородицком, ни о каких-либо архивах, Оно и понятно, ибо, как указано, сам архив Г.Шарафа мог быть создан только после XX съезда КПСС, не ранее 1957 -58 годов.

Поскольку же Х.Курбатов и Л.Махмутова об архивах молчали до 1962 г., а Х.Курбатов еще в 1961 г. дал положительный отзыв на мою книгу (часть I), представляется возможным довольно точно определить, так сказать, время " введения в оборот" указанной машинописи, якобы принадлежащей Г.Шарафу: 1962 г.- именно примерно тогда, когда был опубликован уже мой автореферат докторской диссертации. Вполне допустимо, что могли быть "введены в оборот" не одна, а несколько машинописей якобы работ Г.Шарафа, ибо из моей кандидатской диссертации (10 печ. листов)- 1953 - и опубликованных работ - около 60 печ.листов - можно составить два десятка машинописей по 77 страниц и выдать их за труды Г.Шарафа или В.А.Богородицкого или кого угодно.

Все дело, однако, в том, что нельзя верить на слово рецензентам в правильности определения ими содержания научных работ, ибо, как мы выше убедились, они постоянно смешивают различное и объявляют различным идентичное, не говоря уже о неосведомленности их в инструментальной фонетике, и по меньшей мере невнимательном отношении к делу, к научным работам, в результате чего они смешивают выводы разных авторов, себе рецензенты приписывают нередко выводы автора рецензируемых ими работ, а этому автору -приписывают ,видимо,свои собственные (не состоятельные) взгляды рецензентов. При этом авторы "обстоятельного" отзыва не только не приводят каких либо фактов совпадения содержания моих работ с содержанием указанной машино-

писи якобы статьи будто бы Г.Шарафа, но даже более того, в отзыве даже ни слова не сказано о содержании и о выводах этой машинописи - кроме общего указания, что она касается длительности всех гласных татарского языка. Длительности всех гласных татарского языка касается по слуховым данным и В.А.Богородицкий, аналогичное ему говорит и Г.Шараф - в "Палатограммах", однако - без приведения каких-либо инструментальных данных, а кроме того -касаются и другие ученые.

Рецензенты умалчивают о том, что же нового по сравнению с указанными последними работами ("Введением" В.А.Богородицкого и опубликованными статьями Г.Шарафа) содержит эта загадочная "машинопись" - будто бы "рукопись" -неизвестно кому принадлежащая. Ибо со слов упомянутого выше преподавателя Казанского университета - А.Афлетунова, работавшего над архивами Г.Шарафа (а также по другим источникам) хорошо известно о том, что не существует рукописи Г.Шарафа, которая будто бы является второй частью статьи и якобы равна "маш.стр.77" как утверждают рецензенты.

В-шестых. Ничем не подтверждено и противоречат фактам заявления в отзыве о том, что моя книга (какая именно из моих книг - весьма "дальновидно" не указано рецензентами) будто бы лишь на "первый взгляд" создана на эксперимен.материале, полученном автором" (т.е. мною).

Ибо инструментальные исследования я, как известно, проводил не в лесу и не у себя дома. Дома у меня лаборатории нет. Все мои инструментальные исследования, как известно (только не рецензентам), проведены во всесоюзно

известных экспериментально-фонетических лабораториях - в официальных учреждениях, на глазах научной общественности: в лаборатории Ленинградского университета, в лаборатории Московского пединститута иностранных языков, в лаборатории при Казанском пединституте и др. причем сами авторы первого "обстоятельного" отзыва признают этот факт-письменно, в своем отзыве, не отрицают его (В этом расхождение между двумя "обстоятельными" отзывами)

Да и невозможно отрицать указанный факт, ибо каждый эксперимент, каждая запись на приборы, каждый опыт подлежит официальной регистрации в этих лабораториях, где производились эти опыты, записи, подлежат регистрации в соответствии с принятыми в Советском Союзе правилами. И мои инструментальные записи на приборы, разумеется, не представляют в этом исключения из Всесоюзного правила: они все зарегистрированы. Более того, как указано, о том, что мною проводились указанные инструментальные исследования - по лаборатории I МГПИИЯ отмечено и в печати - руководителем лаборатории проф.В.А.Артемовым - в книге его "Экспериментальная фонетика и в Ученых записках I МГПИИЯ и др.

Авторы "обстоятельного" отзыва, как видно, не знают этих азбучных истин экспериментальных исследований и видимо полагают, что я мог проводить эксперименты у себя дома и пытаются даже внушить эту, так сказать "мысль" читателю или, вернее, слушателю, являющемуся неязыковедом - ибо к последним апеллируют рецензенты на стр.8 отзыва.

В-седьмых, вместо какой-либо попытки подтвердить фактами свое голословное утверждение о том, что якобы моя книга (которая? - не указано в отзыве) будто бы лишь "на первый взгляд" основана на моих материалах, рецензенты, напротив, сами опровергают это свое утверждение, опровергают в той же рецензии, последующей странице 3, также на стр.4-5,I2 и др. - как в отношении принадлежности материалов диссертации, так и в отношении ее выводов.

Так, на стр.I2 отзыва - в связи с вопросом о выпадении гласных при их стечении - рецензенты лишь пытаются доказать наличие р а с х о ж д е н и й (а не схождений) в выводах Г.Шарафа - с одной стороны и У.Байчура - с другой[I]).

Как связать такое утверждение рецензентов на стр.I2 отзыва со стр.I и 2 отзыва, где говорится, что в работе У.Байчура (какой?) нет "ничего существенно нового" (стр.2) и что все различие между работой У.Байчура и работами В.А.Богородицкого и Г.Шарафа будто бы заключается в определении двух согласных (стр.I), а о каких именно работах этих трех авторов идет речь умалчивается в отзыве.

На стр.3 отзыва рецензенты голословно утверждают: "основным диктором автор берет себя" и на этой же странице отзыва ссылаются на две моих книги и автореферат (I962) и даже еще и на кандидатскую диссертацию.

Ввиду отсутствия оговорок в отзыве получается, что это

I) Хотя в действительности различие лишь в том, что выводы Г.Шарафа -частны, мои же - общие и частные выводы Г.Шарафа целиком содержатся в моих общих как небольшая часть последних общих выводов, причем ссылка на опубликованную статью Г.Шарафа, разумеется, имеется в моей книге, как указано.

утверждение приходится отнести ко всем около 20 языкам и диалектам и к татарским говорам, хотя, как показано в разделе о методе, это заявление рецензентов не соответствует действи - тельности даже в отношении говора татар Казани, а их ссылки в отзыве (расчитанном на слуховое восприятие) - на страницы моих работ - не подтвердились при проверке (см.подробнее раздел о методе).

Сейчас дело однако не в этом, а в том, что если рецензенты сами утверждают, что "основным диктором автор берет себя", то как это связать с заявлением на стр.2 того же отзыва, где говорится, что моя книга (которая?) будто бы только "на первый взгляд" основана на моих материалах?

По логике рецензентов получается, что материалы не мои, хотя основным диктором являюсь я сам, как утверждают сами рецензенты. Отсюда следует, что по мнению рецензентов я только наговаривал на приборы, а опыт ставило третье лицо. Спрашивается, кто же именно проводил опыт? Быть может Г.Шараф, сосланный в 1937 г., когда мне было 14 лет, снимал с меня рентгеноснимки и записывал мое произношение на звуковом спектрографе, осциллографе и др. приборах?

Далее, на стр.4 отзыва указывается, что в моих работах использованы данные еще одного контрольного диктора С., что материалы по татарскому языку получены мною и "от дикторов - студентов вузов г.Казани", что два моих диктора представляют в моих работах чистопольский говор, а на стр.5 отзыва читаем: "автор в своей работе приводит также данные диктора из Дрожжановского района ТАССР и ...диктора из деревни Пашат Горь-

ковской области". Рецензенты не оспаривают факта использования мною указанных дикторов, напротив, они этот факт признают и лишь критикуют этих дикторов с точки зрения их подбора, но это уже другой вопрос, рассматриваемый в разделе о методе.

Спрашивается, как связать эти заявления и признания рецензентов на стр.3-5 и др. -со стр.2 отзыва, на которой голословно ставится под сомнение принадлежность мне экспериментальных материалов, на которых основана моя книга (какая? , которая?)

Если указанных дикторов и меня самого "в придачу" записывал на приборы и делал выводы из результатов этих записей не я, а кто-то другой, то кто именно? В отзыве не указано.

Быть может их, т.е. моих дикторов и меня, записывал на приборы Г.Шараф, хотя в момент осуждения его и ссылки в 1937 году большинству моих дикторов было от двух до пяти лет, а остальные несколько - учились в школе?

Фамилии тех дикторов известны, как и место происхождения их, все это указано и в моих книгах, статьях и диссертации и может быть проверено по архивам КПГИ и КГУ да и сами дикторы эти сейчас живы и здоровы.

В-восьмых, оспаривая - в связи с архивами -14 страниц инструментальных данных в моей книге "Звуковой строй.." часть I (стр.48-62), рецензенты смешивают и тему этого раздела в 18 страниц (4 страницы -изложение метода), именно, тему "Длительность татарских гласных" - с темой статьи Г.Шарафа: "Сонорная длительность татарских гласных", каковое смешение свидетельствует о неосведомленности рецензентов в инструментальной фонетике и о незнакомстве их с рецензируемой ими книгой - если это смешение не является сознательным.

В-девятых, как указывалось, принадлежность мне (а не кому-либо другому) исследования длительности татарских гласных, составившему указанный выше раздел I части "Звукового строя" (стр.44-62), а в более полном виде - IУ главу моей кандидатской диссертации (1953) подверждает кафедра фонетики ЛОЛГУ (в решении от 30.IX.53), при котором, в кабинете им.Л.К.Щербы и было проведено мною указанное экспериментальное исследование в 1952-53 г.г.- по данным записи двух дикторов, которым в 1937г. (год осуждения Г.Шарафа) было старшему 14 лет, младшему же около 10 лет, а к 1952-53 годам эти будущие дикторы подросли и могли уже быть использованы для изучения речи взрослых татар гор.Казани, а этот говор принимается за литературное произношение (см.введение).

В статье же Г.Шарафа исследована лишь длительность гласного а. Но дело в данном случае не в этом.

Дело в том, что рецензенты исходят из презумпции, что если кто-либо поставил какие-то опыты по определенной теме, то этим самым якобы исключается сама возможность самостоятельного экспериментального исследования другого автора - на ту же тему и что якобы недопустимо э к с п е р и м е н т а л ь н о е , о п ы т н о е исследование другого автора на ту же тему без ссылки на прежний эксперимент -предшественника. Эта презумпция прямо в отзыве не высказана, но она вытекает из рассуждений реценхентов на стр.I-3 отзыва.

Разумеется, учет предшествующих исследований необходим. Однако это не значит, что самый факт отсутствия учета каколи-бо одной из работ предшественников - независимо от содержа-

ния этой неучтенной работы - будто бы служит свидетельством неполноценности данной, тем более - опытной работы, в которой отсутствует этот учет.

Следует еще доказать то, какое значение для данного исследования имеет учет или неучет конкретной той или иной работы. Это, как известно, общее правило для всех исследований.

Что же касается экспериментальных, опытных работ, основанных, скажем, на физических опытах, то, как известно, во всем мире едва ли не сплошь и рядом ставятся эксперименты по одной теме - разными учеными, в разных странах и совершенно независимо друг от друга и даже часто - не зная друг о друге.

Учитывая научный уровень "обстоятельных" отзывов, расчитанных на круг лингвистических познаний неязыковедов, приведу пример для иллюстрации. Атомная бомба или космические и даже межконтинентальные ракеты были изобретены, как известно, в разных странах независимо друг от друга - разными учеными. И, надо полагать, от советских ученых-изобретателей ракет и атомных электростанций и т.д. не требовали, чтобы они ссылались на архивы американских ученых по данному вопросу - в качестве условия признания полноценности изобретений советских ученых.

А постановка вопроса нашими авторами "обстоятельных" отзывов по сути дела мало отличается от такой постановки вопроса.

Будучи совершенно незнакомыми даже с принципиальными отличиями экспериментальных наук от не экспериментальных, наши рецензенты не только без какой либо аргументации ставят полноценность данного эксперимента - в зависимости от наличия или отсутствия ссылок на предшествующие эксперименты других, проведенные, к

тому же, на более ранней ступени развития науки, но даже более того, авторы "обстоятельного" отзыва, апеллируют к неспециалистам и факт отсутствия ссылок на работу, само существование которой не доказано, по сути дела используют для намеков о том, что данный современный эксперимент будто бы вообще не имел места, и что якобы мое экспериментальное исследование просто списано с другого - 30-летней давности, причем, ввиду отсутствия оговорок, в отзыве, рецензенты распространяют это свое голословное внушение (даже не являющееся сколько нибудь определенным утверждением) - не только на I4 страниц, но даже на в с е 77стр. 60 печ.листов моих работ, хотя эта загадочная машинопись по названию (как сообщают рецензенты) корреспондируют лишь с I4 страницами первой части моей книги.

При этом в отзыве никаких конкретных фактов (напр.-совпадений и т.п.) не приводится и даже ни единого слова не сказано о содержании указанной машинописи, о ее выводах. Рецензенты лишь упоминают о некоторых р а с х о ж д е н и я х между моими работами и опубликованной статьей Г.Шарафа.

* *

*

Изложенное об архивах позволяет заключить, что архивы В.А.Богородицкого и Г.Шарафа (тридцати-сорокалетней дпвности) не могут иметь какого либо отношения к моему исследованию, о содержании этих архивов рецензентами даже ничего не сообщается, обвинению по моему адресу даже не выражено определенно, не говоря уже об отсутствии доказательств. Постановка же вопроса рецензентами, наряду с их утверждением о наличии машинописи 77 страниц, приписываемой Г.Шарафу, а наряду с намеками, содержащимися в отзыве - о якобы возможности необычного сходства содержания этой машинописи с результатами моих работ, хотя рецензенты и не утверждают, что я знаком с этой машинописью)-, все это, наряду с неизвестностью состояния указанных архивов и обращения с ними, позволяет поставить законный вопрос: не происходит ли в настоящее время процесс пополнения архивов некоторых умерших ученых - за счет перепечатки на машинке доступных и опубликованных трудов живых исследователей - с последующим приписыванием этих перепечатанных работ - умершим ученым ? (При всем этом мы продолжали заниматся ~~около~~ 14 страницами из двух (частей) книги тогда как общий объем этих (двух частей) книги - около 600 стр.)

§ 4

О смешении некоторых лингвистических понятий
(К вопросу об одном татарском согласном -гамзе)

*

История происхождения звуков не является предметом исследования данной диссертации. Однако иногда, когда позволял

материал, я делаю попутные замечания, связанные с исторической фонетикой и одно из них - на стр.140 I ч. "Звукового строя относится к звуку гамза (Starker Eeinsatz) После описания артикуляции этого звука и встречаемости в говорах (стр.138) на стр.140 читаем: "Кроме того,проведенные нами записи на кимографе показали, что во многих тюркских языках (в том числе, например, в х а к а с с к о м) краткие гласные в абсолютном начале произносятся с твердым приступом, который, однако, фонологически относится к гласному. В свете изложенного сомнительным представляется тезис о том, что гамза могла возникнуть в тюркских языках исключительно благодаря арабскому влиянию".

Авторы "обстоятельного" отзыва П переписали даже этот отрывок (хотя и с искажением), но ничего, видимо, не поняли, но тем не менее обвинили меня в том, что якобы я не даю ссылки на использованные труды (ср.стр.3,17 отзыва) и заявили, что вовсе не только У.Байчура "доказал исконно татарский характер" этого звука, что гамза давно "признана исконно татарским звуком и уже в 1921 г... стала обозначаться", а "об исконно-татарском характере этого звука писал, например, Г.Шараф..." "см. также: В.А.Богородицкий << "Введение..>>1922 стр.15, где он пишет: << ... так что гласный получает аттакированное начало (термин употребляющийся у певцов), как это имеет место при произношении гласных, начинающих слово,в немецком языке, а также в татарском (т. маз. "hamza")...»

"См. на стр.47 того же труда В.А.Богородицкого: << Весьма характерной для произношения татарских гласных является та черта, что они, начиная слово, имеют аттакированное начало (hamza) ...»"

"<<hamza встречается... в татарском иногда в конце гласного в виде моментальной смычки и происходящей отсюда моментальной остановки звучания голосовой щели напр. в детском слове мамай ..." "А что касается мнения о заимствованном характере этого звука, то оно было бы сказано, в частности, Г.Алпаровым (см. Сайланма хезмәтләр, Казань, 1945, стр. 43)."

" Вот такова << история >> открытия исконно-тюркского характера этого звука". (Орфография, пунктуация рецензентов - Ү.Б.)

Этим кончается данное замечание рецензентов - в связи с цитированным абзацем со стр.140 книги. Как видно из сопоставления это замечание не относится к указанному абзацу (а не только к теме и содержанию диссертации).

Не относится даже к указанному абзацу книги потому, что во-первых я веду речь об исконно-тюркском происхождении, а рецензенты смешивают это с исконно-татарским, хотя это разные вещи; во-вторых, утверждая, что В.А.Богородицкий и Г.Шараф якобы доказали "исконно-татарский характер" гамзы, рецензенты приводят отрывок из "Введения" В.А.Богородицкого, где содержится не доказательство исконного происхождения этого звука, а только о п и с а н и е (по слуховым данным) этого звука в современном татарском, немецком и французском; в-третьих, В.А. Богородицкий и Г.Шараф ведут речь только о т а т а р с к о м, тогда в моей книге (стр.140) идет речь о х а к а с с к о м и других т ю р к с к и х языках; в-четвертых, во всех своих работах ни В.А.Богородицкий, ни Г.Шараф не доказывают исконно-татарское происхождение гамзы, а лишь описывают этот звук и

его распространение в татарском (фонетически и диалектологически); в-пятых, по поводу описания этого звука содержится ссылка на последнюю из упоминаемых в отзыве четырех работ указанных двух авторов, а именно - на стр.136 "Звукового строя..." ч.I приводится целая цитата из "Палатограмм" Г.Шарафа, однако эта цитата приведена на две страницы ранее раздела о гамзе в книге "Звуковой строй...", так как Г.Шараф рассматривает артикуляцию гамзы совместно с другим звуком-фарингальным ʜ и потому эта цитата из "Палатограмм" Г.Шарафа помещена в разделе книги о фарингальных звуках.

Рецензенты же или не заметили этой цитаты или сделали вид, что не заметили, что вернее, ибо, на стр.I отзыва они упоминают о фарингальных, касаясь данного раздела книги.

Как известно, вывод об исконно-тюркском (как и об "исконно татарском" - о котором говорят рецензенты) происхождении гамзы невозможно сделать из одного лишь факта наличия этого звука в татарском или ином тюркском, испытавшем воздействие арабского через ислам , но допустимо сделать этот вывод об исконно-тюркском (а не татарском ✓В) происхождении гамзы на основании обнаружения этого звука в хакасском или ином тюркском не испытавшем воздействия арабского через ислам , поскольку, например, хакасы никогда не были мусульманами, не принимали ислам и поэтому едва ли допустимо заимствование ими гамзы из арабского, вследствие чего приходится заключить, что гамза могла быть исконной в этом языке и др.тюркских. Именно этот вывод и содержится в моем замечании (как бы между строк)- на стр.140 "Звукового строя..." (ч.I) и на стр.4 автореферата (1962) (послужившем темой для двух прочувственных (ВА) страниц I7-

I8 обстоятельного "отзыва П) и на которые (страницы моих работ) ссылаются рецензенты и даже цитируют однако уже изложенное показывает, что авторы "обстоятельного" отзыва (П) хотя и читали эти страницы моих работ и даже переписали пару абзацев со стр.I40 моей книги, однако, в лучшем случае ничего не поняли и на глазах читателя смешали тюркские с татарским, а татарский с хакасским и приравняли друг к другу эти языки и даже группу языков к одному татарскому.

Таким образом, не подтверждаются ссылки рецензентов ни на мои работы, ни на работы В.А.Богородицкого и Г.Шарафа. Последний ни в "Палатограммах" (I927) ни в журнале Магариф (I926, № 5), как и В.А.Богородицкий ни слова не говорит о п р о и с х о ж д е н и и гамзы. Он лишь описывает этот звук, а в журнале Магариф рассуждает об орфографии этого звука. Рецензенты же выдают описание звука и рассуждения об орфографии этого звука в современном языке - за исследование его истории. При этом как В.А.Богородицкий, так и Г.Шараф ни единым словом не упоминают своих предшественников, описывавших этот звук ранее их.

По слуховым наблюдениям гамза в тюркских языках была описана еще В.В.Радловым в его "Фонетике", в том числе описана им и гамза в татарском (см.стр.I65, § 232 и др.), тогда как на письме гамза, как известно, обозначалась еще в булгаро-татарских памятниках, а вовсе не с I92I года, как вопреки фактам утверждают рецензенты (как обозначалась, в каких случаях обозначалась, в каких - не обозначалась - это уже вопрос орфографии). Это можно видеть, например, и из упомянутой книги Г.Юсупова, приводящего фотокопии памятников XШ-XVП веков.

Неопределенное же заявление рецензентов о том, что "гамза давно была признана исконно татарским звуком", как и их утверждение, что "об исконно-татарском характере этого звука писал Г.Шараф" помимо недоказанности, голословности и противоречия фактам, вообще в принципе не могут быть научными аргументами, ибо "признать" и "писать" еще отнюдь не значит "доказать". Инструментально же гамзу в татарском и, насколько известно -, в тюркских никто не исследовал (до моих работ). При этом рецензенты не сообщают в отзыве того, кто "признал" гамзу "исконно-татарским звуком", когда признал, в какой работе это "признание" отражено и на каком основании "признал".

Вопреки утверждениям рецензентов, "мнение о заимствованном характере этого звука", т.е. гамзы было впервые высказано вовсе не Г.Алпаровым, на работу которого от 1945 года ссылаются авторы "обстоятельного" отзыва, а было это мнение высказано еще В.В.Радловым в его "Фонетике" в 1882 г., например, на стр.96 (§§ 133,134 и др.), где читаем: " Произношение арабской гамзы... воспроизводится в татарском благодаря подражанию: mü'min, qur'an" и т.п. Авторы "обстоятельного" отзыва, не владеющие немецким языком, не знакомы, как видим, с этим фундаментальным трудом основателя русской тюркологической науки.

Невнимание к указанному фундаментальному труду В.В.Радлова, составившему целую эпоху в изучении фонетики тюркских языков (в том числе - и татарской фонетики) и в основном сохранившему свое научное значение (как по содержанию, так и особенно - по методу исследования) и для нашего времени,-

это невнимание, проявляемое далеко не только нашими рецензентами и приведшее к таким искажениям фактов, как у наших рецензентов, и приводящее к необходимости открывать то, что открыто в прошлом веке - все это результат влияния последователей В.Смирнова и некоторых миссионеров тож .

Как известно, не принято в науке ссылаться на таблицу умножения и тому подобные общеизвестные вещи. Видимо поэтому в издании от 1922 г. "Введения" (цитируемого в отзыве) В.А. Богородицкий не дает ссылок на труды своих предшественников - когда он рассматривает, например, следующие вопросы.

1) Он описывает то, как произносится гамза - описывает по слуховым данным. Между тем о физиологии произношения этого звука как такового было известно и это произношение описано много ранее В.А.Богородицкого - многими учеными еще в XIX веке.

2) Во-вторых, В.А.Богородицкий пишет, что гамза имеется во французском и немецком. Это тоже было известно задолго до В.А.Богородицкого (речь идет о сильном приступе: Starker Einsatz, un coup de glotte, glottal stop).

3) В.А.Богородицкий, описывая гамзу в татарском, также не дает ссылок на предшественников - на В.В.Радлова.

И все это видно из той самой страницы "Введения" В.А. Богородицкого, на которую ссылаются рецензенты и которую они цитируют в отзыве, однако при цитировании произвольно усекают цитату, например, в той части ее, где говорится о гамзе во французском.

Таким образом по логике рецензентов получается, что когда В.А.Богородицкий (или Г.Шараф) просто описывает физиологию произношения гамзы - как звука -и говорит о ее наличии в немецком и французском, а также-по слуховым данным-ссылается на наличие гамзы в татарском, не вдаваясь в историю происхождения этого звука в татарском и не упоминая при этом о своих предшественниках, давших такое описание ранее - это, по мнению рецензентов - в порядке вещей. Когда же У.Байчура, на основе своих инструментальных данных по х а к а с с к о м у пишет о возможности исконно-т ю р к с к о г о (а не татарского) происхождения гамзы и при этом цитирует с л у х о в о е описание только и имеющееся у Г.Шарафа - по татарскому (хотя я даже и не согласен с этим описанием) -то это якобы отсутствие у диссертанта "ссылок на использованные труды" (ср. стр.3,17-18 отзыва П).

В довершение всего в цитате (в отзыве) из моей книги рецензенты заменили слово "проведенные" словом "приведенные" и с помощью этого мелкого искажения (в духе А.А.Реформатского) не только испортили стиль, но даже приписали мне утверждение, что якобы в книге п р и в о д я т с я инструментальные записи, касающиеся гамзы в хакасском и др. тюркских, тогда как приведены в I части книги только кимографические записи по татарскому .

Смешение рецензентами элементарных лингвистических понятий, неосведомленность рецензентов в литературе вопросам - вот, так сказать, "основания", на которых воздвигнуто в отзыве обвинение по адресу диссертанта - в том, что будто бы последний

не дает ссылок на использованные труды, причем относится это обвинение ровно к двум абзацам со стр.140, касающимся неотносящегося к теме диссертации вопроса об истории гамзы в тюркских, в том числе -хакасском, каковые языки авторы "обстоятельного" отзыва приравнивают к татарскому - приравнивают буквально.

А Б.А.Серебренников объявляет этот отзыв "обстоятельным" и тем поддерживает ненаучный метод рецензентов.

§ 5

Замечание в связи с субстратом

Второе и также, как и первое, противоречащее фактам утверждение рецензентов - о якобы отсутствии в моей работе должных ссылок на использованные труды других - связывается рецензентами с неотносящимся к теме диссертации вопросом о субстате.

Повторив без указания источника заимствования - от собственного имени рецензентов м о й вывод о том, что далеко не все особенности татарского языка могут быть объяснены влиянием финно-угорского субстрата и что в действительности многое, напротив, может быть следствием типологического сходства этих групп языков [1] и т е м с а м ы м приписав диссертанту объяснение "всего и вся" субстратом (хотя в действительности к этому по сути дела сводится не моя точка зрения, а точка

---

1) См., например, автореферат (1962), стр.28,32-33,5 и др., "Звуковой строй...", часть II, стр.147, 194 и др.

зрения Б.А.Серебренникова - в его статье от 1956 г.-см.ниже), рецензенты без какого либо указания страниц моих работ заявляют, что "Эта" (которая из двух?) "идея не нова", но что в автореферате и книге отсутствуют ссылки на то, что "Эта"(которая из двух?)" мысль уже высказывалась до него" и в якобы доказательство предлагают сравнить "о перебое гласных и спирантизации согласных и др. в статье Б.А.Серебренникова «Финно-угорский субстрат в языке казанских татар» (сб.статей «Академику В.В.Виноградову» М., 1956, стр.215-224) и в работах У.Байчуры". Между тем , одно с другим не связано, ибо, как известно, субстрат - это одно, а перебой гласных и спирантизация согласных - это нечто совсем другое и не знать этого могут разве лишь неязыковеды, к которым, правда, как раз и апеллируют рецензенты (на стр.8 отзыва), пишущие рецензию, исходя из круга лингвистических познаний неязыковедов - по собственному признанию авторов "обстоятельного" отзыва.

Сказанным возражение, связанное с субстратом, исчерпывается.

По данному вопросу, как и многим другим, в отзыве нет не только указаний страниц моих работ, но даже отсутствует указание на то, с какой именно из моих работ следует сравнить статью Б.А.Серебренникова, название которой рецензенты урезали (по их обыкновению), а на страницы этой статьи ссылаются лишь в целом и притом -предположительно:" 215-224", хотя в действительности на стр. 218-224 статьи Б.А.Серебренникова пишет о морфологии и синтаксисе, которыми я не занимаюсь и которые не имеют отношения ни к перебою гласных ни к спирантизации

согласных, как известно, относящихся к фонетике, а не морфологии и синтаксису. О перебое же гласных Б.А.Серебренников пишет главным образом на стр.214, которую рецензенты вообще не упоминают.

Ввиду общеизвестности установленного еще В.В.Радловым закона о перебое гласных в поволжско-тюркских[1], дополненного Х.Паасоненом[2], можно согласиться с Б.А.Серебренниковым в том, что не было необходимости ему ссылаться на труды этих ученых по данному общеизвестному вопросу,- также как и ссылаться на труды Н.Остроумова (1876 г.), В.А.Богородицкого, Г.Шарафа и других-в связи с описанием Б.А.Серебренниковым спирантизации согласных в татарском - в его статье. Однако о т с у т с т в и е этих ссылок в статье Б.А.Серебренникова привело наших авторов "обстоятельного" (по словам Б.А.Серебренникова) отзыва - к приписыванию Б.А.Серебренникову открытий и выводов указанных ученых по этим вопросам - начиная от Н.Остроумова (1876) и В.В.Радлова (1882) и до В.А.Богородицкого и Г.Шарафа и более того, даже -приписывания Б.А.Серебренникову результатов и выводов из инструментальных данных моей диссертации и др. моих работ - несмотря на то, что Б.А.Серебренников, как известно, никогда не занимался инструментальной фонетикой и не имеет каких либо трудов в этой области.

---

1) W.W.Radloff. Phonetik der Nördlichen Türksprachen. Leipzig 1882; Zur Geschichte des Türkischen Vocalsystems (Изв.Имп. Ак.Наук, 1901, т.XIУ, № 4)

2) H.Paasonen. Die Türkische Lehnwörter im Mordwinischen. J S F O u. XV 2.

В отличие от указанной статьи Б.А.Серебренникова, в моих работах содержатся ссылки по вопросу о перебое гласных и спирантизации согласных (как и по другим вопросам - где необходимо)- на труды указанных ученых: Н.Остроумова, В.В. Радлова, В.А.Богородицкого, Г.Шарафа и др.- например, на стр. 22, 120 и др. "Звукового строя", часть I и др. моих работах.

Своим требованием, обвинением, замечанием - если угодно - рецензенты по сути дела предлагают мне ссылаться не на первоисточники, скажем не/ на обширную работу В.В.Радлова от 1901 г.(на которую имеется ссылка у меня - в связи с перебоем), а напротив, предлагается ссылаться на несколько фраз Б.А.Серебренникова, не сказавшего ничего нового о перебое (кроме ошибочных положений о пути перехода) и не упомянувшего о В.В.Радлова, Х.Паасонене и других своих предшественниках - не упомянувшего в отличие от диссертанта.

Как видно из отзыва, по-видимому, рецензенты сравнивают в т о р у ю часть моей книги(от 1961 г.)(не указывая, что это вторая часть) - с более ранней статьей Б.А.Серебренникова (от 1956г.), хотя о перебое гласных и спиринтизации говорится в п е р в о й части моей книги (стр.22, 120-121 и др.), а кроме того, рецензенты не обращают внимания на мои более ранние работы, вышедшие до или одновременно со статьей Б.А. Серебренникова. Между тем, все, что сказано Б.А.Серебренниковым в его статье от 1956 г. (и сказано без ссылок на В.В. Радлова 1882, 1901, Н.Остроумова -1876 и др.) - по вопросу о перебое гласных и спирантизации согласных в татарском (за исключением объяснения исторических причин возникновения этих

явлений финно-угорским субстратом, каковое объяснение Б.А. Серебренникова восходит еще Н.И.Инльинскому - сто лет назад в 1865 г. высказавшему ту же "идею" о финно-угорском влиянии или субстрате в поволжско-тюркских[1], а сам Н.И.Ильинский, по-видимому, почерпнул эту идею из народных л е г е н д[2], хотя в этой статье Б.А.Серебренникова и не содержится никаких указаний на его предшественников, высказавших ту же "субстратную идею"),- повторяю, все, что сказано Б.А.Серебренниковым в его статье от 1956 г. о перебое и спирантизации в татарском уже содержится в б о л е е п о л н о м виде (и с соответствующими ссылками на литературу) в более ранних моих статьях, основанных к тому же, на инструментальных данных- в отличие от статьи Б.А.Серебренникова.

В том числе, содержится в двух моих статьях в Акта Лингвистика (Будапешт), тома У, УШ и даже (о перебое) в авторефе-рате кандидатской диссертации (1953).

Так, на стр.214 указ.статьи Б.А.Серебренников лишь вскользь (без ссылок) упоминает о перебое гласных в поволжско-тюркских и пишет, что развитие шло: *u > o > o̤* на стр. 215: *i > e > > e̤* Индивидуальная транскрипция Б.В.Серебренникова означает здесь известный радловский закон: *u > ɔ ; i > ə* и т.д. (у В.В.Радлова: *u > ɵ , i > i̤* и т.д.).

А на стр.174 Акта Лингвистика УШ в моей ~~ш~~ статье читаем: "... wie aus dem Prüfen des nach W.W.Radloff gesammelten

---

1) См.Г.Юсупов "Введение в булгаро-татарскую эпиграфику" М.Л., 1960, стр.9

2) См там же, стр. 137

dialektologischen Materials hervorging, ist die Brechung der Vokale in den Türksprachen der Wolga-Gegend verhältnismässig und zwar sowohl in dialektologischem als auch in lexikalischem Sinne. Infolge der Vokal-Brechung von verschiedenem Grad lässt sich in den Dialekten der Kasan-Tatarischen Sprache der Lautwechsel u/ɔ .... ü/ö .... i/ə .... beobachten"... и так далее. Приведены ссылки на труды начиная от В.В.Радлова (1882, 1901) и до Н.К.Дмитриева (1952), тогда как в статье Б.А.Серебренникова нет ссылок на труды этих авторов - по данному вопросу.

О спирантизации в статье Б.А.Серебренникова читаем: "В развитии татарского консонантизма сравнительно легко обнаруживается общая тенденция к спирантизации некоторых взрывных звуков, особенно взрывных аффрикат. Аффриката ч скорее напоминает палатализованное ш , а аффриката дж - палатализованное ж. Точно также усилился спирантный характер звука в, который в современном татарском языке произносится как английское w" . Это все о спирантизации в татарском - по статье Б.А.Серебренникова, причем отсутствует какое-либо упоминание о том, что спирантность этих звуков ч дж в татарском была установлена еще в 1876 г., а экспериментально подтверждено впервые Г.Шарафом (палатограммы)), а затем - мною, например в статье от 1955 г. (см.ниже).

А в моей статье в Акта лингвистика (УШ) на стр. 196-198 описано на основе инструментальных данных (рентген, кимография, палатография) по многим дикторам-татарам щелевое, т.е. спирантное произношение татарских "ч","дж" и их соот-

ветствий в башкирском и чувашском, после чего читаем (стр.198):

" Die Zone der mit vorderer Zungenstellung gebildeten stark palatalisierten Engelaute (S' oder ʃ', ʒ') erstrekt sich über die Tschuwaschische Autonome Sozialistische Republik und mit Ausnahme einiger (hauptsächlich südlicher) Rayons über einen grossen Teil der Tatarischen Autonomen Sozialistischen Republik. Die Einwohner der Gebiete, die die Ausnahme bilden, sind Mischär-Tataren, deren Aussprache aber nicht immer gleichförmig ist. (Es ist möglich, dass dieses Gebiet durch weitere Forschungen sich als noch grösser erweisen wird)." При этом в моей статье даются ссылки на литературу, в том числе на Г.Шарафа и В.А.Богородицкого, тогда как в статье Б.А.Серебренникова от 1956 г. таких ссылок на Г.Шарафа и В.А.Богородицкого нет.

Звуки v, w в татарском описаны мною в той же статье - по и н с т р у м е н т а л ь н ы м данным (стр.190-193), тогда как у Б.А. Серебренникова находим лишь сравнение с английским w , да голословное утверждение о якобы развитии татарского v > w , хотя известно, что губно-зубной v появился в татарском и др. тюркских только в последнее столетие - с заимствованиями, ввиду чего это утверждение Б.А.Серебренникова есть отражение развития его собственного познания тюркских звуков, а не отражение реальной действительности этих звуков.

Спирантность татарского ɣ отмечается мною еще в первой моей статье в Акта лингвистике (1955), а также в статье от мая 1955 г. в журнале "Учитель Башкирии"(№5), а перебой гласных в тюркских рассматривается, как указано, еще в канд.диссертации и автореферате (1953).

Сборник же "Академику В.В.Виноградову", в котором опубликована статья Б.А.Серебренникова подписан к печати 18.УШ.56, а третий вариант моей статьи - о звуковом составе казанско-татарского - получен редакцией Акта Лингвистика 30.УШ.1956г. (указано на стр.247), т.е. до выхода в свет упомянутого сборника (В.В.Виноградову), тогда как первый вариант этой моей статьи был отправлен в Венгрию летом 1955 г. самим Б.А.Серебренниковым, ввиду чего я и поблагодарил его в предисловии к I части книги "Звуковой строй...", 1959.

В последней статье рассмотрен мною и вопрос о перебое гласных в поволжско-тюркских (174 стр.и др.) и вопрос о спирантизации (стр.198 и др.) и Б.А.Серебренников ничего не добавил к изложенным мною экспериментально зафиксированным фактам. А перебой гласных в татарском впервые изучен экспериментально еще в моей кандидатской диссертации (1953). Единственно, о чем могла бы итти речь - так это о добавлении Б.А.Серебренниковым ненового объяснения этих фонетических явлений влиянием финно-угорского субстрата (по сути "эта идея" восходит еще к миссионеру Н.И.Ильинскому), тогда как я в автореферате (1962) пишу на стр.32: "говорить о финно-угорском субстрате... возможно лишь относительно северной кромки рассмотренного тюркоязычного района (например, средний Урал, Горьковская, Пермская области, Удмуртская и Марийская АССР и т.п.)" и в отличие от Б.А.Серебренникова в моем автореферате говорится: "не исключается и исконная однотипность консонантизма этих, а также и некоторых

других групп языков, однако выяснение всех этих вопросов не входит в задачу настоящей работы"(стр.33). И это финно-угорские влияние я допускаю вовсе не ввиду перебоя и спирантного произношения двух звуков, а допускаю это влияние прежде всего на основании экспериментально установленного в диссертации оглушения слабых шумных согласных, увеличивающегося у татар из указанных более северных районов, допускаю, так как у этих более северных татар более четко противопоставлены слабые согласные сильным (вместо противопоставления звонких глухим), и допускаю вследствие других подобных явлений, особенно характерных для речи татар указанных более северных районов, каковые лингвистические особенности сближают эти татарские говоры с системой противопоставления согласных в финно-угорских языках - в отличие от речи более южно расположенных татар. Если же на основании лишь спирантного произношения ч, дж и наличия губно-губного w (вместо губно-зубного) заключать о финно-угорском субстате, как это делает Б.А.Серебренников, то в таком случае получается, что наибольшее влияние этот финно-угорский субстрат будто бы оказал на казахский язык, в котором татарскому дж соответствует ж (произносимое как русское ж), а также имеется губно-губной w , но нет губно-зубного v (кроме, быть может, русских заимствований), а перебой гласных, как известно, имел место не только в поволжско тюркских, но в ряде моментов и в южно-тюркских, например,- в азербайджанском или узбекском и др.

Б.А.Серебренников вообще не говорит ничего об оглушении слабых согласных, о противопоставлении слабых шумным в татарских говорах и т.п. вещах и не говорит, прежде всего ввиду того, что исследование подобных явлений доступно главным образом лишь для инструментальных методов исследования, которыми Б.А.Серебренников вообще не занимался.

Я не счел нужным протестовать против того, что Б.А.Серебренников не дал ссылки на мои работы в своей статье от 1956г. и др., но при настоящих обстоятельствах я вынужден упомянуть о том, что утверждение Б.А.Серебренникова в его статье "О взаимодействии языковых явлений и их исторических изменений" (Вопросы языкознания, 1964 № 3) - на стр.25: "Наличие абсолютно глухого начала слова очень часто связывается с ударением на первом слоге..." (без каких либо ссылок на литературу вопроса), относимое автором к финно-угорским и некоторым тюркским языкам по своей сути совпадает с м о и м и выводами из инструментальных исследований мною ряда тюркских и финно-угорских языков и тем не менее никаких ссылок на мои работы в этой статье Б.А.Серебренникова (как и в других) не содержится - несмотря на то, что в "Звуковом строе..." часть II на стр. 211-212 говорится, что наличие "предшествующего сильного глухого согласного" "во многих языках является фактором, повышающим высоту тона гласного", причем то же относится и к силовому ударению; в связи с чувашским это сказано на стр. 218 моей книги, удмуртским - на стр.254, Марийским - 257, о татарском - см.стр.28,29 автореферата (1962) и т.д. и т.п. Моя книга опубликована в 1961г.,

написана в 1960 г., в 1960 г. Б.А.Серебренников ее рецензировал даже и, следовательно, знаком с ней, но не нашел нужным сослаться на нее, хотя по сути дела повторил указанные мои выводы в своей статье от 1964 года.

Позиция авторов "обстоятельного" отзыва ("обстоятельного" по словам Б.А.Серебренникова, которому рецензенты эти приписывают заслуги других) сводится к следующему:

1) В.А.Серебренников -что-то писал о субстрате;

2) У.Байчура что-то писал о субстрате;

3) якобы поэтому У.Байчура использовал без указания работу Б.В.Серебренникова. А то, что эти авторы писали разное по содержанию,- на это рецензенты не обращают внимания.

По вопросу же о перебое гласных и спирантизации согласных в татарском позиция рецензентов сводится к приписыванию Б.А.Серебренникову заслуг многих ученых - от В.В.Радлова и до Н.К.Дмитриева, и к приписыванию результатов моих инструментальных данных, опубликованных ранее статьи Б.А.Серебренникова (1956 год), о которой рецензенты ведут речь, причем эти мои выводы повторены мною в расширенном виде одновременно с Б.А.Серебренниковым и более полно по сравнению с последним.

Авторы этого "обстоятельного" (по словам Б.А.Серебренникова) отзыва показали и свое неповторимое своеобразие не только в истолковании (наоборот) известных и подтвержденных фактами связей вещей и взаимоотношений, но также они показали и своеобразие в понимании известного термина "субстрат", о котором ведут речь. Рецензенты допускают тюркский субстрат

в тюркских языках, ибо на стр.5 "обстоятельного" отзыва (II) говорят о булгарском субстрате в татарском, хотя, как известно, поволжско-булгарский был тюркским языком и сами рецензенты этого не отрицают и не оспаривают.

Рассмотренными замечаниями об одном звуке - гамзе - и по неотносящемуся к теме диссертации вопросу о субстрате исчерпываются утверждения рецензентов -о якобы отсутствии необходимых ссылок на литературу - в моих работах.

Если к сказанному добавить голословное (без ссылки даже на название работы) утверждение рецензентов:"бурят-монгольский... автор относит к тюркским" (в конце отзыва II), тогда как на стр.391 "Звукового строя..." часть II, напротив, читаем: "бурят-монгольский, разумеется, относится к монгольским...", если к этому добавить, такие факты, как приписывание мне (на стр.15 рец.II) утверждения о "сохранении рефлексов выпавших гласных", тогда как на упоминаемой в отзыве по этому поводу стр.16 автореферата содержится противоположное утверждение диссертанта, ибо слово "выпавших" поставлено в автореферате в кавычки, причем на указанной рецензентами странице автореферата читаем: " рефлексы << выпавших >> гласных остаются, эти гласные артикулируются... о чем свидетельствуют примеры типа (i) ктэк "хлеб" и.. и др., где гласные в абсолютном начале.... не выпадают, поскольку при кимографической записи наблюдается подъем ртовой кривой (длительностью 5-7 сигм), которая, однако, не имеет вибраций, как и кривая гортани"; если добавить сюда множество

подобных фактов, содержащихся в рецензии, то ясно будет, что метод рецензентов во многом повторяет приемы моего бывшего коллеги по изучению инструментальной фонетики - А.А.Реформатского, причем повторяет даже в деталях: как указывалось, последний в отзыве на мою канд.дисс., слова "исторический" и "морфологический", поставленные в моей работе через запятую, пересказал в отзыве, поставив второе слово в скобки и тем приписав мне приравнение исторического к морфологическому, тогда как в "обстоятельном" отзыве (П) рецензенты при пересказе опустили кавычки , в которые взято мною слово "выпавших" и тем самым прямо приписали мне диаметрально противоположное тому, что я доказываю инструментально на указанной рецензентами стр.16 автореферата и соответствующих страницах других моих работ.

Обвинения рецензентов - о якобы отсутствии у меня необходимых ссылок на использованные работы, таким образом, являются результатом неосведомленности рецензентов в элементарных вопросах и строятся эти обвинения на смешении эдементарных понятий, например, татарского - с тюркским, изучения истории -с описанием современного состояния звуков; моего инструментального исследования по одному вопросу - со слуховыми наблюдениями других авторов - по другому вопросу, на смешении голословных заявлений (зачастую противоречащих фактам)- с научной аргументацией и т.д. и т.п.

Эти обвинения так сказать, "опираются" на голословное приписывание мне прямо противоположного тому, что содержится в моих работах и на (также) противоречащем фактам приписывании

рецензентами себе или другим ученым (даже имена которых не упоминаются в отзыве) - м о и х выводов, содержащихся в моих работах.

Поэтому можно предъявлять требование о ссылках на использованную литературу не к диссертанту, а только по отношению к самим авторам "обстоятельного" отзыва и к Б.А.Серебренникову - поскольку указанные в отзыве и некоторые другие его выводы совпадают с результатами моих более ранних и притом - инструментальных работ.

Заключение по вопросу о ссылках на литературу.

Итог рассмотрения замечаний рецензентов - по вопросу о якобы недостающих нескольких ссылках на литературу таков.

Получается как в пословице: один с сошкой, а семеро - с ложкой. Диссертанту У.Байчура, который работал непокладая рук в области инструментальной фонетики отводится данными рецензентами как бы роль поставщика для, как известно, оскудевших ныне архивов В.А.Богородицкого и Г.Шарафа (в которых не осталось неопубликованных рукописей научных работ), а заодно и роль негласного безвестного помощника, поставляющего материал и выводы для статей Б.А.Серебренникова.

Да и сами рецензенты, как показано, под прикрытием разных необоснованных обвинений по моему адресу, так сказать широкой дланью беззастенчиво черпают из моих работ мои выводы не только не давая при этом ссылок на источник и выдавая, тем самым

эти выводы диссертанта за якобы наблюдения рецензентов, но более того приписав себе или некоторым другим м о и выводы, эти рецензенты еще к тому же требуют от меня ссылок на тех, кому мои выводы незаконно приписаны -по этим приписным вопросам.

В полном согласии с практикой культа личности работы У. Байчура, который на взгляд рецензентов, сделал слишком много, они пытаются поделить и распределить между собою и некоторыми другими авторами, никогда даже не занимавшимися инструментальным исследованием языков вообще или по крайней мере - рассматриваемых мною вопросов - в том же плане и объеме.

Даже численные соотношения пословицы в общем сохраняются, ибо У.Байчура один, а данных рецензентов - пятеро, плюс к этому еще два умерших и один живой претендент на плоды труда У.Байчура.- если не считать анонимных "специалистов по другим языкам".

Оказывается диссертант виноват в том, что рецензентам неизвестно состояние инструментального и неинструментального исследования рассматриваемых в диссертации языков.

Поскольку рецензенты, поддержанные Б.А.Серебренниковым, настаивают на изучении мною архивов - вместо инструментального исследования языков,- я вынужден отвлечься от темы и привести пару ссылок. Однако, поскольку, как известно в Казани, в архивах В.А.Богородицкого и Г.Шарафа не имеется каких либо рукописей неопубликованных работ этих авторов, то я приведу ссылку на другой архив, который,хотя и не имеет прямого отношения к языкознанию, однако показывает некоторые

приемы и , так сказать, методы, практикуемые рядом из данных рецензентов и отношение данных рецензентов к делу вообще.

На улице Банковской[1] в Казани, в центре города, находится учреждение, именуемое Контрольно-ревизионное управление Министерства финансов СССР - по Татарской АССР и в архиве этого учреждения находится любопытный документ под названием "Акт ревизии отдельных вопросов финансовой деятельности Института языка, литературы и истории при Казанском филиале Академии наук СССР за период с 1950 по 1961 год"[2] "Ревизия проводилась с 26 сентября по 20 октября 1961 г."

Между прочим в этом Акте упоминается, что Махмутова Л. и Бурганова Н. (из числа соавторов двух отзывов) "перебрасываются из группы в группу, с разработки одной темы на другую" (стр.1). Указанное обстоятельство не могло не повлиять на качество научной работы этих лиц, в том числе - и на рассматриваемые отзывы. На стр.2 читаем: "Имеются и другие факты срыва плановых сроков научно-исследовательских работ, как например "Очерки по исторической грамматике татарского языка (руководитель проф.Залялетдинов Л.З.)"

[План Л.Заляя -соавтора одного из двух отзывов - откладывался три года подряд, так и не был выполнен и в 1962г. его проводили на пенсию - [redacted] после того, как он написал рассмотренный нами отзыв - прим. У.Б.]. О качестве

---

1) Эту улицу, если не ошибаюсь, в последнее время переименовали в улицу Гаяди Такташа.

2) Название несколько сокращенно мною -У.Б.

же того, что выполнено А.Заляем было сказано во введении - выше.

Далее в Акте читаем (стр.5):

"Со второго полугодия 1950 года в план работы сектора языка была включена тема составление русско-татарского словаря в 4-х томах. С 1950 по 1959 год, мл.научный сотрудник Газизов Риза Салихович работал над составлением этого словаря и возглавлял словарную группу. Составление словаря в начале запланировано было на 5 лет, затем сроки продлевались и составление этого словаря завершилось только в 1959 году".

"3о марта 1956 года главредактор Таткнигоиздата тов.Ахметов М.И. заключил издательский договор № 86 с группой авторов на издание однотомника "Русско-татарского словаря" в размере до 150000 слов. Авторы обязывались сдать Таткнигоиздату готовый материал не позднее мая 1957 года. За указанную работу Таткнигоиздат обязуется уплатить авторский гонорар в общей сумме 15000 руб. В счет этого гонорара был выплачен группе авторов аванс в сумме 3392 руб., из них: мл.научному сотруднику Газизову Р. - 525 руб., ст.научному сотруднику Махмутовой Л.- 650 р.,,, Ввиду того, что издательство установило преемственность однотомного русско-татарского словаря из 4-томного русско-татарского словаря, издание однотомника не производилось и в текущем году приказом по Таткнигоиздату заключенный ранее договор расторгнут, но полученный аванс до настоящего времени с группы составителей не взыскан".[1]

---

1) Он так и не был взыскан -прим.У.Б., подчеркнуто мною - У.Б.)

"Кроме того, имея непосредственную связь с материалами по составлению 4-х томного русско-татарского словаря, тов. Газизов Р. в 1954-1955 годах через Таткнигоиздат (договор № 0191) выпустил в свет "Школьный русско-татарский словарь", за что получил гонорар в сумме 661 руб."

"Обращает на себя внимание тот факт, что с 4-го квартала 1959 года по сентябрь 1960 г. тов. Газизов Р. не имел индивидуальных планов работы и посуществу не занимался плановой работой сектора языка", и так далее, и тому подобное.

Л.Махмутова и Р. Газизов -тоже соавторы "обстоятельных" двух отзывов. После этого акта Р.Газизов был отправлен на пенсию.

Этот "Акт" был признан правильным и подтвержден рядом других официальных документов, в том числе и в решениях комиссий Тат.ОК КПСС и Бюро Тат ОК КПСС (1961), некоторые данные этого акта отражены и в крокодиле № 5 за 1963 в фельетоне "Принципиальность..." (получившем премию см."Крокодил" № 36 за 1963 г.) и других документах, а в Постановлении Президиума бывшего Казанского филиала АН СССР - от 9 марта 1962 г. (протокол № 4) уже в первой фразе говорится:

"Президиум КФАН снитает, что в акте КРУ Министерства финансов РСФСР по ТАССР правильно обмечается такое ненормальное явление в ИЯЛИ, как невыполнение плана научных работ в установленные сроки и злоупотребление некоторых научных сотрудников работой за гонорар".

Наконец , решением Народного суда 1-го участка Советского района гор.Казани - от 24 февраля 1956 г. признано право ав-

торства Шарифа Байчура (моего отца) - в качестве одного из составителей Диалектологического словаря[1] 2-го выпуска. До этого же - в качестве авторов были указаны в книге только Н. Бурганова и Г.Якупова - несмотря на то, что один Ш.Байчура составил около половины словаря (I5 букв). Правда,мой отец Ш.Байчура пострадал во время и от культа личности, но, по крайней мере, формально он не был лишен гражданских прав, а в год издания II выпуска словаря (I948) он был пенсионером (восстановлен в КПСС после XX съезда.)

Рассмотренные официальные архивные документы[2], в которых фигурируют имена четырех из пяти соавторов двух, рассматриваемых нами "обстоятельных" отзывов, а именно -Л.Махмутовой, Ф.Газизова, Л,Заляя и И.Бургановой, с несомненностью подтверждают следующие факты, имеющие отношение к предмету наших научных занятий.

Во-первых, область занятий рецензентов -не относится к инструментальной фонетики, ибо, как видно из этих документов (а также и из научных работ этих авторов, упомянутых во введении - выше), основные их "достижения" относятся к словарной работе, а у Л.Заляя вообще отсутствуют достижения, что вменяется ему в вину в Акте.

Во-вторых, документы подтверждают -в отношении Л.Махмутовой, Ф.Газизова и Н.Бургановой, что они и ранее оперировали разными работами, не давая при этом необходимых ссылок (а

I) Упоминался выше - во введении.

2) Подлинность ссылок легко установима, а решение суда даже было представлено в ОЛЯ АН СССР- в I96I г.

не только это имеет место в данных отзывах, в которых нередко мои выводы представлены как якобы выводы рецензентов), причем в одном случае, когда дело дошло до суда, суд подтвердил этот факт.

В-третьих,- указанные документы характеризуют вообще отношение к делу четырех рецензентов и отношение к гонорарным вопросам - двух из них: Л.Махмутовой и Р.Газизова (последний после Акта уволен на пенсию)

* *
*

Таков малоутешительный (с точки зрения научных выводов) итог рассмотрения вступления к якобы "обстоятельному" отзыву.

В отзыве содержатся лишь мелкие замечания по частным вопросам , не касающимся основного содержания и даже темы диссертации и относящиеся к нескольким страницам, касающимся, притом, только одного татарского языка-из общего числа около 60 печ.листов моих работ, из которых половина (по объему) посвящена другим языкам. Выводы же по этим частностям распространяются рецензентами на все мои работы и на все языки - распространяются с помощью умолчания, намеков, двусмысленностей и т.п. На поверку же обнаруживается, что даже эти мелкие замечания неправильны и необоснованы и не соответствуют действительности и что претензии (если говорить о них) могут быть предъявлены только к самим рецензентам и к тем, кто их поддерживает.

Va Заключение к У главе. О некоторых специфических чертах и исторических корнях данного направления критической мысли.

§ I

О специфических чертах.

Изложенное выше показывает, что одной из выдающихся черт или сторон рассматриваемого критического направления в науке является отождествление р а з л и ч н о г о (зачастую - противоположного) - при одновременном н е отождествлении (и даже противопоставлении) т о ж д е с т в е н н о г о . Поскольку же рецензенты возражают и против моего стиля, то я вынужден перевести вышеприведенное определение также и на язык рецензентов: если выражаться слогом авторов "обстоятельного" отзыва, тогда придется сказать, что для данного критического направления характерно "сваливание в одну кучу" "всего и вся" (стр. 7 отзыва П) и неразличение того, где право и где лево.

Это смешение и отождествление различного, как показано (§ I, § 2 и др.), вполне отчетливо проявляется у всех рассмотренных представителей данного так сказать научного направления: от В.Смирнова до А.А.Реформатского и до авторов "обстоятельного" отзыва.

У В.Смирнова видим смешение изучения живой речи с изучением книг и архивов, смешение "фонетики" с "образцами народной словесности", в фонетике- смешение сильных согласных со слабыми и т.д. (см. выше).

У А.А.Реформатского находим спешение взглядов Твоздела (фо-

нема = фикции) и И.С.Трубецкого (фонема = понятию, которое "реализуется" в звуках речи) и др. - с материалистическими взглядами Л.К.Щербы (фонема = система реальных звуков речи), смешение "готовности подписаться" с фактом подписи, смешение высказываний автора рецензируемой А.А.Реформатским работы - с утверждениями самого рецензента (см. в § 2 об историческом-морфологическом и т.д.) смешение факта малопонятности для рецензента (по его собственному признанию) рецензируемой им работы - с независимым от сознания рецензента качеством этой рецензируемой им работы; смешение н а л и ч и я того или иного ф а к т а - с о т с у т с т в и е м этого факта и наоборот - и так далее (см. выше, § 2).

У наших авторов "обстоятельного" отзыва находим смешение грамматических и орфоэпических и т.д. норм и литературных требований с реальным произношением в речи, зафиксированным физическими приборами, смешение с литературными нормами речи дикторов из районов, смешение изолированного произношения слов - с произношением этих слов в потоке речи, смешение оглушения гласных с полным выпадением и с редукцией (на таком смешении они даже построили основной раздел своего "обстоятельного" отзыва), смешение протезы гласных с выпадением гласных и научного понимания лингвистических вопросов с пониманием этих вопросов (например протезы) учениками начальных классов школ и рецензентами тож. и т.д. и т.п.

Факты подобного смешения в изобилии приведены выше и среди всех этих видов смешений наиболее распространенным типом является приписывание себе (представителями данного направления) взглядов и выводов д р у г и х, а другим - приписывание с о б с т в е н н ы х не соответствующих действительности взглядов или даже только ч у в с т в.

Нельзя сказать, чтобы случаи смешения различных взглядов и т.п. и вообще отождествления различного не встречались у разных ученых, не имеющих отношения к данному направлению критической мысли. Напротив, такие случаи нередко имеют место и у других, но это еще не является основанием для отнесения их к данному направлению.

Специфика данного направления критической мысли заключается в двух моментах: во-первых, - это смешение, отождествление различного принято здесь как с и с т е м а;

во-вторых, представители этого направления не ограничиваются просто смешением, но напротив, на этом их с о б с т в е н н о м отождествлении различного (и даже противоположного) и неотождествлении тождественного (тем не менее) воздвигают целую пирамиду обвинений против других, причем обвинений, не только не доказанных, но зачастую даже не выраженных определенно, а переданных намеком (В.Смирнов, авторы отзыва П).

В некоторых случаях такие неопределенные (В.Смирнов) или относительно определенные вместе с неопределенными (авторы "обстоятельного" отзыва П) обвинения затрагивают даже области, предусмотренные соответствующим законодательством.

Другим краеугольным камнем системы метода этого направления научной мысли является нагромождение возможно большего количества разнообразных обвинений - совершенно независимо от качества этих обвинений, от степени их обоснованности, аргументированности, в результате чего "что нибудь да останется" в сознании слушающих или читающих.

Третьей чертой метода этого критического направления является наступательный его характер. И сопровождается (и прикры-

вается) это наступление на представителей объективной науки такими, например, обвинениями, как "ополчаются", "протестуют", "воюют" и т.п. - в то время, как в действительности те, к кому относят эти критики подобные выражения, лишь излагают результаты своих экспериментальных, опытных исследований или наблюдений над живым произношением живых дикторов и выводы из этих наблюдений.

Подобные (приведенным) так сказать, эпитеты, не подкрепленные никакими фактами и противоречащие фактам, не способствуют и даже мешают созданию спокойной обстановки, без которой невозможно объективное научное исследование (недаром сказано: pax mater artium apellatur). Эту недостаточность материальных аргументов, фактов данные критики пытаются, так сказать, возместить э н е р г и ч н о с т ь ю выражений, что однако не только не увеличивает доказательной силы их утверждений, но, напротив, только уводит в сторону от науки.

В четвертых, указанная выше слабость научной аргументации представителей данного критического направления подтверждается и той т и п и ч н о й для этих критиков характерной их особенностью, которая заключается в следующем.

Как правило, ни один из них, этих критиков не является по роду занятий специалистом в той области, в которой он занимается критикой.

В.Смирнов не является специалистом по фонетике (это лишний раз подтверждается и его рецензией) и даже не является языковедом. Область его занятий - история. И хотя нам не приходилось заниматься исследованием исторических работ данного ученого, однако вполне допустимо, что свои приемы и методы, использованные в критике "фонетики" этот В.Смирнов мог перенести и в область истории, так же

как необоснованно перенес некоторые из методов исторической науки в область изучения фонетики звуков живого языка.

А.А.Реформатский не имеет каких-либо трудов по инструментальной фонетике и по тюркологии, в области которых он выступает критиком; по крайней мере, при самом тщательном исследовании нам не удалось обнаружить подобных трудов данного автора, а его попытки начать изучать инструментальную фонетику - под руководством проф. В.А.Артемова - не дали каких либо материальных, вещественных результатов в форме научных трудов, если не считать менее одной четверти печатного листа необоснованных и противоречащих фактам рассуждений на экспериментально-фонетические темы в его рукописной рецензии, рассмотренной выше.

Помимо двух изданий вузовского учебника по языкознанию (1947, 1955- с вариантами и вариациями в заголовках и содержании, но при сохранении в обоих изданиях таких, граничащих с мистикой парадоксов, как о возможности якобы "реализации" фонемы в нуле звука, тогда как ссылки на литературу в этом труде А.А.Реформатского вообще подлежат пересмотру как в отношении их систематичности, так и в отношении их формы, так как нередко автор лишь называет имя, но не указывает работу - не говоря уже о страницах), а также помимо упоминавшегося выше послесловия этого автора к книге К.С.Трубецкого - помимо этого можно говорить лишь в нескольких статьях А.А.Реформатского, не имеющих отношения к инструментальной фонетике, причем общая сумма его трудов, основную часть которой составляет упомянутый учебник (и учитывая часть повторений), выражается в цифре порядка 20-25 печ.листов - за десятки лет работы и, как видно, эта, в основном научно-популярная литература, признается достаточной для присвоения ее автору (пару лет

назад без защиты ученой степени доктора филологических наук.

Наконец, ни один из пяти авторов двух "обстоятельных" отзывов не является по роду занятий и по подготовке специалистом по инструментальной фонетике и не является тюркологом. Область занятий этих языковедов - татароведение, но не тюркология, иначе говоря, только небольшая ч а с т ь тюркологии. Объектом же критики "обстоятельных" отзывов являются мои работы в области инструментальной фонетики, притом - в области ряда тюркских и даже финно-угорских языков, причем являются таким объектом как по содержанию рецензий, так и по некоторым собственным заявлениям рецензентов, пишущих отзыв на мои книги и другие работы в целом, вообще, - а не ограничивающих себя рассмотрением только татарского материала. Например, см.стр.I, 5-6 и другие отзыва II, где рассматриваются даже некоторые вопросы, связанные с финно-угорскими языками. В отзыве же I дело обстоит аналогично.

Авторы не являются специалистами по инструментальной фонетике. Что же касается других - кроме татарского - языков, то здесь читаем например следующее (стр. 2 отзыва I): "В качестве сравнительного материала У.Байчура привлекает выводы других авторов по родственным языкам, а также по соседним финно-угорским языкам".

Приписав, таким образом, мои данные и выводы, и весь экспериментальный материал, полученный м н о ю (по этим языкам и составляющий половину всей работы, диссертации) - анонимным другим авторам, рецензенты тут же добавляют, что их "суждения будут относиться только к материалам татарского языка", "поскольку" пишут рецензенты, "книга посвящена инстру-

ментальному изучению фонетических явлений татарского языка (и название книги на это указывает)". Между тем, название книги, как известно, таково: "Звуковой строй татарского языка в связи с некоторыми другими тюркскими и финно-угорскими языками", а половина ее содержания касается нетатарского материала. Рецензенты вправе ограничить свой отзыв частью книги, но они не вправе свой отзыв на ч а с т ь книги выдавать за отзыв на в с ю книгу и распространять выводы о ч а с т и книги на в с ю книгу - как они делают на последней странице отзыва, говоря о значении книги в целом.

Область занятий старшего из всех соавторов двух этих отзывов - Л.Заляя, профессора - пенсионера - диалектология и история татарского языка и объем его опубликованных работ по татарскому языкознанию порядка около I5 печатных листов: книжка 8 печ.листов и две брошюры, плюс несколько статей. Что же касается к а ч е с т в а этих работ, то мы были вынуждены коснуться этого выше - во введении.

Другой соавтор - Р.Газизов - вообще никогда не занимался фонетикой, его область - составление словарей.

Из других соавторов - Л.Махмутова и К.Бурганова занимались только татарской диалектологией, да еще словарной работой, причем вообще не имеют опубликованных книг или брошюр, а только статьи, весьма значительная часть которых основана на их кандидатских диссертациях, защищенных более десяти лет назад.

Последний же соавтор - Х.Курбатов - перепробовал много областей - от музыки и литературоведения, стилистики - и до синтаксиса и истории графики (с учетом неопубликованного труда

покойного проф. М. Фазлуллина - о татарской письменности, причем подлежит проверке степень соответствия между незначительной ссылкой на этот труд и степень фактического использования этого труда М.Фазлуллина Х.Курбатовым). Однако Х. Курбатов никогда не занимался инструментальной фонетикой или другими языками - кроме татарского - также как и остальные четыре соавтора двух "обстоятельных" отзывов.

Изложенное в данном пункте показывает , что если, с одной стороны, представители данного критического направления выступают с рецензиями в тех областях науки, которые они не изучили, а, как правило, даже не изучали, то с другой стороны обнаруживается известная диспропорция в том отношении, что "обстоятельными" оказываются, в первую очередь лишь критические выступления этих авторов - в области неизученных ими отраслей наук, тогда как их собственные научные труды, даже в той области, в которой они занимаются, так сказать, по роду занятий, отнюдь не отличаются обстоятельностью. И это также является спацифической чертой данного критического направления.

В пятых. В свете изложенного неудивительно, что представители данного критического направления пытаются возместить недостаток научных аргументов разнаобразными каламбурами, наподобие как у В.Смирнова, который пишет о таблицах В.В.Радлова, построенных в "раскосом" направлении, что содержит в себе лишь намек на предположительную раскосость глаз тюрков, в том числе "несчастных таранчей", по В.Смирнову (будто бы) являющихся "сбродным племенем", такие сравнения, как "оптом", содержащиеся в рецензии В.Смирнова призваны, видимо, создать

некую ассоциацию между оптовой торговлей и "фонетикой" В.В. Радлова и т.д. и т.п.

То же - у А.А.Реформатского. Например, он пишет: "всякий эксперимент сопряжен с риском, отсюда - опасность данного пути" (в рассмотренной выше рецензии).

Этот каламбур, основанный на различной семантике слова "эксперимент" должен по мысли автора его посеять недоверие к работе, основанной на инструментальных данных, на показаниях физических приборов, так как ранее этот инструментальный метод назывался экспериментальным. И тем самым этот каламбур призван внушить неосведомленным, что только с л у х является критерием правильности работы физических приборов, на показаниях которых основываются выводы инструментально-фонетических работ. А это равносильно тому, как если бы мы определяли правильность показаний микроскопа или телескопа, исходя из того, соответствуют ли результаты таких наблюдений тем впечатлениям, которые можно получить при непосредственном наблюдении невооруженным глазом. И таких примеров у А.А.Реформатского можно найти много.

Авторы "обстоятельных" отзывов не отстают от своих предшественников - по части каламбуров и тому подобного.

Так, например, заявление на стр. 8-9 отзыва I - о том, что "по поводу обозначения на письме кратких гласных.... было много споров, обсуждений и э к с п е р и м е н т о в" также признано создать ассоциацию между экспериментальной фонетикой (в действительности - инструментальной фонетикой) и между неудачными - по мнению рецензентов - о п ы т а м и в совершенно другой области - орфографии.

Что касается "обстоятельного" отзыва П, то он почти целиком построен на двусмысленностях и недоговорках, чему примеры приводились выше. Рецензенты (стр. 9, отзыв I) голословно заявляют, что якобы я "жонглирую языковыми фактами", хотя и не подтверждают фактами то, в чем выражается это якобы "жонглирование".

Приведенные же нами примеры показывают, что это высказывание авторов "обстоятельного" отзыва скорее применимо как раз к представителям рассматриваемого направления и в том числе - к самим авторам этого, так сказать, научного (а будто бы не циркового) изречения.

Шестой (по счету, но не по важности) стороной рассматриваемого метода критики является смешение качеств научного труда с качествами личности автора этого труда и попытка с помощью, так сказать, доказательства (будто бы) недостатков личности тем самым якобы доказать недостатки научной работы, труда этой личности. Последнее иллюстрируется всем "обстоятельным" отзывом П, ибо возражения в нем, с одной стороны, по сути дела (во-первых) не касаются основного содержания рецензируемой работы и существа ее метода, а с другой стороны, и в то же время (во-вторых) - по своему характеру эти возражения служат для, так сказать, характеристики недостатков, приписываемых л и ч н о с т и автора рецензируемыз работ. Аналогично обстоит дело и с рецензией В Смирнова. (Примеры касаются вопроса о ссылках и даны выше, как и в последующих разделах).

В седьмых, ввиду слабости или отсутствия научной аргументации данное направление не может существовать без поддержки, оказываемой ему ненаучными методами - со стороны некоторых

влиятельных лиц. Примеры такой поддержки приводились. Некоторые из способов такой поддержки описаны, например, в "Крокодиле" № 5 за 1963 г. в фельетоне "Принципиальность...", получившем премию и переизданном в брошюре в 1964 г. Здесь мы уже выходим за пределы языкознания..

Так сказать, научную поддержку (но без какой либо научной аргументации) оказал, например, Б.А.Серебренников данным двум отзывам, назвав их в своем письме в ВАК "обстоятельными" (в отличие от всех других якобы поверхностных) и тем самым в н у ш и л, что эти отзывы заслуживают наибольшего внимания.

Тем самым в указанном письме метод этих отзывов (а следовательно, всего данного направления) признается единственно правильным. И видимо, не случайно признается, ибо, как будет показано ниже, метод научного исследования Б.А Серебренникова имеет некоторые черты, роднящие его с методом данного направления, суть которого (если не считать голословных личных нападок) сводится к следующему: "писать о том, чего не изучил и выдавать это за единственно правильный научный метод" (в данном случае пишут рецензенты, а выдает Б.А.Серебренников - разделение функций) и уже тем самым (помимо других способов) навязывать свое мнение другим как единственно правильное.

§ 2.

Об исторических корнях.

Наше рассмотрение было бы незавершенным, если бы мы не коснулись исторических корней, истоков указанных приемов и методов В.Смирнова и его последователей, в данном случае - постановки вопроса, постановки обвинения в отзыве - по адресу диссертанта.

Суть этой постановки обвинения в отзыве заключается в двух моментах.

Во-первых, рецензенты предъявляют г о л о с л о в н о е обвинение и этим полагают свою миссию исчерпанной: пусть мол теперь диссертант д о к а з ы в а е т свою н е в и н о в н о с т ь , а они, обвиняющие, якобы вовсе не обязаны доказывать в и н о в н о с т ь якобы диссертанта. (Это не во всех случаях , но в вопросе об архивах эта постановка выражена вполне отчетливо).

Во-вторых, это обвинение в отзыве не выражено определенно и не высказано прямо. Обвинение выражено неопределенно и высказаано не прямо, а косвенно, только н а м е к о м (например - об архивах). Так, рецензенты не говорят прямо, а только намекают на то, что якобы диссертант что-то позаимствовал (без ссылки) то ли из архива Г.Шарафа, то ли В.А.Богородицкого, то ли из загадочной машинописи неизвестного происхождения ("маш. стр. 77"), причем не указано в отзыве и то, что именно он якобы позаимствовал.

Такая постановка обвинения рецензентами в принципе ничем не отличается от постановки обвинения в заявлении, что возможно Сидоров что-то украл то ли у Петрова, то ли у Иванова. Тут не указано определенно украл или нет и что именно якобы украл Сидоров и у кого он будто бы украл и чем это доказывается. Смешение элементарных понятий, известных фактов, противоположных точек зрения, бесформенность высказываний, неопределенность выражений, несвязанность суждений рецензентов оказывает ту услугу авторам "обстоятельного" отзыва, что создает путаницу, которая вместе с нагромождениями голословных утверждений, что

является особым приемом (попыткой завалить обвиняемого количеством обвинений и этим возместить их негодное качество, затруднив ответы по каждому обвинению и надеясь, что "что нибудь да останется") оставляет у слушателя только в п е ч а т л е н и е о том, что диссертант обвиняется в неправильном использовании чужих трудов, но эта путаница и нагромождение скрывают недоказанность, неподтвержденность фактами этих обвинений, как скрывают они и то, что в действительности даже отсутствует само сколько нибудь определенное обвинение, ибо прямо, определенно рецензенты даже не обвиняют диссертанта в использовании без ссылок архивов В.А.Богородицкого или кого угодно.

В итоге получается, что на научную репутацию диссертанта брошена тень, безкаких либо оснований опорочено его имя и его работа, а попробуйте привлечь к ответственности этих рецензентов! Они тут же откажутся от самого факта обвинения, ибо действительно, по архивам даже нет прямого определенного обвинения, не говоря уже об отсутствии доказательств обвинения. Есть только намеки.

Не располагая фактами, рецензенты и не решаются выставить определенное обвинение и лишь с помощью намеков ставят п о д п о д о з р е н и е личность диссертанта.

Изложение этой с у т и постановки обвинения рецензентами уже само показывает, каковы исторические корни такой постановки обвинения.

Эта постановка обвинения в отзыве (через посредников) восходит к В.Смирнову, что было показано. Однако, вовсе не В.Смирнов изобрел эти методы и приемы постановки обвинения, постановки

вопроса. В.Смирнов только отражал определенные исторические явления своей эпохи и более ранних эпох - также как и небезизвестный Е.Дюринг.

За спиной В.Смирнова и Е.Дюринга стоит средневековое феодальное право (и средневековый образ мышления), к которому (если не к рабовладельческой эпохе) и восходят описанные выше два момента, характерные для постановки обвинения в "обстоятельном отзыве".

Во-первых, при феодальном праве не было презумпции невиновности и повсеместное установление ее, как известно, является результатом буржуазных революций, со времен которых,[2] в особенности после Наполеона, во всем мире установлен этот принцип презумпции невиновности, заключающийся в том, что каждый гражданин считается невиновным, пока не доказана его вина, а б р е м я доказательства лежит на том, кто обвиняет, тогда как обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность.

Во-вторых, как известно (на это указывал и Карл Маркс, например, в статье о прусской цензурной инструкции[I]), характерной особенностью средневекового феодального права является неопределенность и расплывчатость формулировок, в результате чего открывается путь к произвольному толкованию и применению закона. Феодальное право не случайно было названо правом сильного, кулачным правом. И, как указывает и К.Маркс (там же), большим достижением французской буржуазной революции была замена феодального законодательства - законодательством Наполеона с его четкими формулировками - в отличие, например, от неопределенной расплывчатости положений старопрусского земского права, допускав-

---

I) К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т.I, М.-Л.,1923.

2) Здесь мы не касаемся римского права.

шего, например, категорию "оставления под подозрением" - за отсутствием доказательств вины обвиняемого. Согласно этому принципу по сути дела достаточно было факта обвинения (независимо до доказанности), чтобы к обвиняемому (а не к осужденному - 13) применялись те или иные санкции, хотя и менее строгие, чем если бы была доказана его вина. Вот что означала категория "оставления под подозрением" старопрусского феодального земского права. По другую же сторону Рейна действовало во время К.Маркса законодательство Наполеона, которое было более прогрессивным и вообще не признавало указанной категории оставления под подозрением: если было недостаточно доказательств для обвинения, то данное французское буржуазное законодательство о п р а в д ы в а л о обвиняемого - за недоказанностью его вины. (Я не касаюсь здесь злоупотреблений и отдельных пережитков феодализма, а говорю о п р и н ц и п е).

Именно вследствие неопределенной расплывчатости законов полуфеодальной Российской Империи и возникла народная поговорка того времени: закон - что дышло: куда повернешь - туда и вышло.

Неопределенность формулировок, категория оставления под подозрением - отражали и еще более древнее положение, когда возможно было применение полных санкций - только по одному подозрению.

Однако изложенным дело не исчерпывается.

От неопределенности формулировок следует отличать неопределенность с а м о г о о б в и н е н и я, что также было

характерно для эпохи феодализма. Голословное и противоречащее фактам (см.выше) утверждение наших рецензентов - авторов "обстоятельного" отзыва - о якобы пренебрежении к трудам того или иного ученого не только не имеет отношения к языкознанию и к науке вообще, поскольку наука (кроме, разве, психологии и истории) изучает не отношение той или иной личности к тем или иным явлениям или другим личностям, а изучает научные факты, изучает ту или иную область научного знания, изучает явления природы (или общества) и в особенности это относится к точным и экспериментальным наукам. Более того, это обвинение по адресу диссертанта, содержащееся в отзыве, является неопределенным по своей сути, ибо то, что на взгляд одних - пренебрежение, на взгляд других - нормальная научная полемика и в принципе своем в своей сущности - в отношении неопределенности - мало чем отличается от известного средневекового обвинения в связи с дьяволом или подобных обвинений.

подобное обвинение рецензентов - в их отзыве

Наконец, сам метод доказательства, - когда представлено подобие такового (доказательства) в отзыве, - во многом восходит к идее, отражающей систему формальных доказательств средневековья.

И В.Смирнов, и авторы обстоятельного отзыва приравнивают к научным доказательствам решения и постановления, тогда как в действительности таковые могут иметь только организационное значение, а научное значение имеют только научные факты, явления действительности, а не постановления, не "признания", не установления. Для науки эти постановления могут лишь служить в первую очередь для характеристики самого "постановившего".

Так, В.Смирнов по существу аргументирует якобы плохое качество книги В.В.Радлова тем, что Императорская Академия наук предложила "переделать труд сызнова". Но это не есть научный аргумент. Все дело в том, на каком о с н о в а н и и было вынесено это постановление, какими ф а к т а м и оно было аргументировано.

Наши рецензенты идут еще дальше. Якобы "исконно-татарский характер" звука гамза они, так сказать, доказывают тем, что "гамза давно была признана исконно татарским звуком" (стр. I7 отзыва). Тут даже не указано к е м признана, ибо дальнейшее указание, что об этом "писал, например, Г.Шараф" показывает, во-первых, что Г.Шараф только присоединился к этому "признанию", а во-вторых, здесь факт писания Г.Шарафом приравнивается также к научным доказательствам, хотя писать это одно, а доказать фактами - это нечно совсем иное. Герберт Уэллс тоже писал о нашествии марсиан на Землю. Приравнивая написанное к доказательству - без внимания к содержанию этого написанного и без внимания к тому, доказательством ч е г о может быть это написанное - рецензенты в данном случае действуют уже в духе восточной традиции эпохи феодализма, а именно: любое написанное мусульмане считали едва ли не священным (разумеется, написанное арабским шрифтом).

Далее, отрицая возможность отпадения кончного гласного в слове "бусы" этот и т.п. и оспаривая показания физических приборов, рецензенты аргументируют тем, что аффикс принадлежности третьего лица подударный, откуда они выводят то, что якобы ни один татарин не опустит конечного гласного этого слова

ни при каких обстоятельствах (хотя и сами рецензенты подтверждают, что в других словах, как например, т э р э з э "окно" отпадение конечного гласного имеет место даже в изолированных словах, а не только в связной речи) (ср. стр. I3, I4, I5 "обстоятельного" отзыва II). Таким образом, наличие или отсутствие того или иного языкового факта действительности определяется рецензентами не исходя из этих фактов, а напротив, исходя из законодательных литературных норм, отраженных в грамматических правилах, содержащихся в учебниках, то есть отраженных на письме (а на то, что правила орфографии в татарском многократно менялись лишь за последние сорок лет, как и на изменения в татарской орфоэпии - в данном случае, в данной связи рецензенты не обращают внимания и умалчивают, хотя в конце отзыва - по другому поводу и упоминают об этих изменениях) иначе говоря, в оценке реальности конкретных языковых явлений, фактов, включая диалекты и говоры, рецензенты вполне формально исходят из правил последней грамматики, то есть из последних нормативных, так сказать, постановлений. (В отзыве I - то же- см. стр. 4,5 и др.).

Для пятилетнего ребенка - в вопросах грамматики - высшим авторитетом является, как известно, букварь - совершенно независимо от того, что этот букварь может содержать ошибки и даже опечатки. Для средневекового способа мышления было характерно поклонение идолу авторитета (против которого еще в XVII веке выступал известный Френсис Бэкон, к которому и восходит самый термин "идолы"), поклонение независимо от того, соответствует ли мнение этого авторитета фактам действительности или не соответствует.

Средневековому методу мышления (лишь отдельных сторон которого, имеющих отношение к делу мы коснулись выше) соответствовал и средневековый метод доказательств, например, так называемая теория формальных доказательств. Некоторое представление о последней делают следующие известные примеры. Свидетельские показания подразделяются по определенной заранее данной шкале, согласно которой заранее декретируется степень доказательной силы, так сказать, весомость, весткость тех или иных доказательств в зависимости от характера последних. Так, показание графа, барона или князя считается более веским, чем показание простого мелкопоместного дворянина, а показания последнего - более весомым, чем показание бюргера, не дворянина, тогда как показания крестьян практически вообще не имеют какой либо доказательной силы, ибо последние представляют собой объект права, а не субъект права (и приравниваются к говорящей скотине). И эта градация-независимо от существа дела и степени знакомства графа или бюргера с происшествием, о котором они дают показания (за исключением случая, когда человек вообще ничего не знает о деле).

Другая сторона - деление на вещественные и невещественные доказательства. Вещественное доказательство, например, письменное - признается более веским, чем невещественное - независимо от степени соответствия фактам. О том, к каким результатам приводит подобное поклонение письменным документам в ущерб реальным фактам - написано немало художественных произведений, показывающих, как человек, признанный по бумаге мертвым оказывался живым, но то, что он живой не желали признавать, хотя он и обивал пороги.

В "обстоятельном" отзыве виден в принципе именно этот подход, когда рецензенты якобы невозможность отпадения конечного гласного в слове бусы "этот" аргументируют исходя из литературных норм: "афф.3 л.подударный" (стр.15), а если бы они не имели в виду литературные нормы, то в этом случае вообще это было бы голословное, накакими фактами не подтвержденное заявление рецензентов.

Аналогичное предпочтение письменных источников реальным фактам наблюдается и в указанной рецензии В.Смирнова. Например, это выражается в противопоставлении книжки некоего ,так сказать, фонетиста Пантусова - выводам в "Фонетике" В.В.Радлова - из наблюдений его над живым языком. По В.Смирнову получается, что не живой язык таранчей якобы должен был исследовать В.В.Радлов, а напротив н а п и с а н н у ю книжку Пантусова, хотя и сам В.Смирнов признает, что эта книжка Пантусова недостаточна для изучения даже таранчинского, которому она посвящена, тогда как В.В.Радлов в "Фонетике", как известно (и не отрицается В.Смирновым), исследовал многие д е с я т к и языков, а таранчинский даже не входит в число северно-тюркских, которым посвящена "Фонетика" В.В.Радлова.

Рассмотренное в данном параграфе показывает, что по своему методу голословных обвинений, с помощью которых на обвиняемого возлагается обязанность доказывать свою невиновность, хотя вина его ничем не подтверждена и даже нет определенного обвинения; по неопределенности и расплывчатости, как формулировок обвинения, так и содержания ряда обвинений (даже не относящихся к делу, к теме), по формальному (от ав-

торитета, от нормы, от напечатанного или написанного и т.п. — без внимания к фактам) методу оценки реальных фактов, доказательств - по крайней мере в ряде рассмотренных моментов - изучаемое направление критической мысли, предстaвленное, например, Е. Дюрингом в Германии, В. Смирновым - в России и имеющее последователей и продолжателей и в наши дни (например, в лице авторов "обстоятельного" отзыва, возможно и не подозревающих об этом своем родстве) - в конечном счете - через прусское земское право XIX века с его категорией "оставления под подозрением" за недоказанностью вины обвиняемого - восходит к средневековому судебному процессу не признающему презумпции невиновности и опирающемуся на известную теорию формальных доказательств и на неопределенные формулировки и обвинения, соответствующие и средневековому (так сказать, относительно диффузному - сравнительно с XX веком) строю или способу мышления.

Глава УI О НЕКОТОРЫХ ВЗГЛЯДАХ НА СУБСТРАТ И ФИННО-УГОРСКО-ТЮРКСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Когда в арифметике пользуются правилами таблицы умножения, то не принято ссылаться на то, что пятью пять содержится в указанной таблице. Просто говорят: пятью пять - двадцать пять - без ссылки на эту таблицу.

Когда в высшей математике пользуются дифференциальным или интегральным исчислением, т.е. дифференцируют и интегрируют, то не принято ссылаться на то, что Лейбниц и Ньютон изобрели это исчисление.

Все это подразумевается и если в инженерных расчетах давать историю открытий тех или иных математических формул, то не будет самих изобретений, вместо которых будут получаться популярные изложения истории математических открытий.

Однако, как видно, в лингвистике дело обстоит иначе, ибо в качестве обязательного условия оперирования общеизвестным (с XУ столетия) термином субстрат рецензенты по существу выдвигают требования изложения всей истории взглядов на субстрат. Причем изложение в диссертации, посвященной инструментальному исследованию - в описательном плане, то есть в такой работе, тема которой не имеет отношения к субстрату. На стр.I8-I9 отзыва читаем: " Автор часто говорит о финно-угорском субстрате

в татарском языке ... . эта идея не нова, она не является новым, никогда никем ранее не высказывавшимся в словом в тюркологии. Однако мы нигде ни в автореферате, ни в книге (1961 г.) не находим ни слова о том, что эта мысль уже высказывалась до него", после чего предлагается сравнить о перебое гласных и спирантизации согласных в работах Б.А.Серебренникова и У.Байчуры Последнее мы рассмотрели выше.

Таким образом, в лингвистике, оказывается, требуется не проводить дальнейшие исследования, а только повторять избитые истины, ибо дело не в том, что рецензенты могут выставлять подобные требования вследствие своей неосведомленности в элементарных истинах языкознания и тюркологии, а дело в том, что эти необоснованные требования, в том числе - ссылок на Б.А.Серебренникова поддерживаются частью членов Ученого совета Института языкознания АН СССР, поддерживаются самим Б.А.Серебренниковым и решением ВАК о доработке диссертации.

Эти требования о повторении истории изучения субстрата и ссылок на Б.А.Серебренникова выдвигаются совершенно независимо от того, что взгляды Б.А.Серебренникова на финно-угорский субстрат не совпадают с моими, а во многом прямо противоположны, ибо, как указано, я допускаю наряду с действием субстрата, также и типологическое исконное сходство рассматриваемых финно-угорских и тюркских языков (например, на стр.32-33 автореферата, на которые ссылаются и которые даже частично цитируют рецензенты, видимо или не понимая, или делая вид, что не понимают того, что они цитируют и выдавая м о и взгляды за с в о и (рецензентов), а взгляды Б.А.Серебренникова, по сути дела

объясняющего едва ли не любое сходство финно-угорских и тюркских языков действием финно-угорского субстрата (или влияния тюркских на финно-угорские) - за якобы взгляды диссертанта.

Ввиду подобного смешения рецензентами "всего и вся" (выражаясь словарем самих рецензентов), а также вследствие требования Президиума ВАК - о доработке, я вынужден привести некоторые известные факты, а также рассмотреть отдельные взгляды Б.А.Серебренникова - чтобы показать различие между моими взглядами и взглядами Б.А.Серебренникова.

§ I

К истории идеи субстрата вообще, финно-угорского субстрата в тюркских-в частности и о некоторых взглядах.

Б.А.Серебренников пишет: "Мысль о возможности влияния субстрата при образовании характерных особенностей языка была высказана еще в XУ столетии, но широкое распространение эта идея получила в XIX и XX вв".[I)]

С тех пор понятие субстрата вошло в учебники по языкознанию и вузовские программы, знание понятия субстрата требуется от студентов и это понятие, таким образом, является в наше время элементарной школьной истиной.

Общеизвестность, элементарность этого понятия подтверждается и лингвистической литературой.

Например, в труде проф.Л.Р.Зиндер "Общая Фонетика" (Ленинград, I960) читаем:

I) Вопросы языкознания I955 № I, стр.7 - в статье "О взаимодействии языков (проблема субстрата).

"В вопросе о причинах звуковых изменений наиболее широким признанием пользуются три теории, развитые еще в XIX веке:... 2 « теория субстрата » , которая видит причину звуковых изменений в несовершенстве восприятия иноязычного произношения" (стр.252-253) и далее: " Теория субстрата нашла себе много приверженцев среди германистов, которые пользуются её для объяснения причин перебоев согласных в германских языках, а также в трудах лингвистов других специальностей" (стр.254) и ссылается на ряд работ, например, - H. Hirt, Geschichte der Deutschen Sprache, München, 1919 (там же, стр.330).

В книге А.Мейе "Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л., 1938 на стр.58 говорится: " влияние языков, смененных языком индоевропейским, называется « действием субстрата » ".

В книге Ф де Соссюра "Курс общей лингвистики" (М.1933, на стр.143): " высказывалась также гипотеза о предшествующем лингвистическом субстрате..."

Ж.Вандриес в книге "Язык" (М.1937, на стр.58-59) признает существование теории субстрата.

А.И.Томсон в "Общем языковедении" (Одесса, 1910) на стр. 258-259 и др. признает теорию субстрата: " крупные изменения... происходят... при двуязычии и связанном с ними смешении языков".

Э.Сепир в книге "Язык", М.-Л.,1834г., О.Есперсен в книге "Язык", Гейдельберг, 1925 и другие авторы признают существование теории субстрата и в той или иной мере - все признают эту, так сказать,"мысль", как называют теорию субстрата наши рецензенты. Или нашим рецензентам неизвестны элементарные школьные

истины, изложения которых (и их истории) они требуют в отношении докторской диссертации по экспериментальной фонетике, или они делают вид, что им неизвестны эти истины.

Однако, если жителю Огненной земли неизвестно, что Волга впадает в Каспийское море, это еще не значит, что ради просвещения этих жителей Огненной земли необходимо в докторской диссертации повторять подобные прописные истины.

А именно такой элементарной истиной тюркологии является предположение о финно-угорском субстрате в тюркских языках (особенно - поволжско-тюркских), распространенное еще в XIX веке.

В отношении татарского языка, например, дело дошло даже до предположений о финно-угорском происхождении всех мишар-татар, что между прочим, пытались обосновать также и фонетическим сходством слов: мишар-мажар-мадьяр и связав с мещерскими лесами, (исторической) мещерой, доказать, что мишари - это отуреченные племена финно-угорского происхождения[I]. Аналогичные мнения высказывались еще в XIX веке относительно некоторых других тюркских народностей, живших в западной Сибири. Уже не говорю об известных необоснованных предположениях о том, что якобы даже государство Волжских болгар было

I) Ахмаров "О языке и народности мишарей" [redacted]. Казань, 1903, стр. 5-6; 68-70 и др.
На стр. 6 указывается, что "омусульманенной мещерой" (т.е. финским племенам - стр.5) считали мишарей "Небольсин, Вельяминов-Зернов, Можаровский, Н.И.Золотницкий, Черемшанский, Казаринов, протоиерей Малов", татарами их считали "Модерах, Татищев, Радлов".

финно-угорским, также, как об известных и опровергнутых попытках приписать Орхонские рунические наскальные надписи финно-угорским народам - попытках -, имевших место до расшифровки этих надписей (в конце XIX века).

Только Л.Махмутова и Х.Курбатов способны думать, что Б.А. Серебренников сказал "новое слово в науке" тем, что в своей статье от 1956 г. вновь поднял вопрос о финно-угорском субстрате в языке поволжских тюрков.

Чтобы убедиться в том, насколько старым и общеизвестным является предположение о влиянии финноугорских народов на поволжско-тюркские (в том числе - субстратное влияние), достаточно взять любой солидный труд, имеющий отношение к истории народов и языков данного края, например, труды известных ученых А.П.Смирнова или Г.В.Юсупова и др.

В книге"Волжские булгары" (М,1951) А.П.Смирнов, например, указывает "на существование в культуре булгар многих элементов ранних культур края, - обстоятельство, позволяющее заключить о большой роли местных племен в формировании Булгарского государства" (стр.3) Дается ссылка на статью самого А.П.Смирнова от 1938 г., на работы И.Фирсова "Прошлое Татарии", Казань, 1926 г. Ю.В.Готье "Железный век в Восточной Европе" (М.-Л.1930,стр.159), В.Ф.Смолина "Археологический очерк Татреспублики, Материалы по изучению ТАТАРСТАНА, т.П, Казань, 1925, стр. 32.

Особенно показательной является глава IУ указанной книги А.П.Смирнова (стр.75-86). На археологическом и этнографическом материале автор показывает взаимовлияние (в том числе-

финно-угорское влияние - например, -стр.83,80,76) между поволжско-тюркскими и финноугорскими народами, в том числе - субстратное влияние финно-угорских народов на тюркские, а на стр.86 читаем: "Эти древние племена послужили основным компонентом в формировании чувашского народа, они же составили основное ядро и других народов Поволжья-мордвы и мари". (Речь идет о племенах "рогожной керамики").

"Таким образом, чуваши, как и татары сформировались на основе оседлого населения Поволжья, в то же время последние являются наследниками кочевых булгарских и более поздних кипчакских элементов" (стр.86). А под оседлым населением Поволжья здесь понимаются в первую очередь финно-угорские народы.

На стр. 75 читаем: " Г.Ф.Дебец в своей работе << Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеантропологии >> отмечает, что среди древних народов Поволжья был распространен европеидный длинноголовый и высокоголовый тип, характерный для булгаро-татар XIУ-XУ вв н.э., к которому примешаны также черты низкоголового узколицего монголоидного типа. Этот последний встречается весьма часто среди чуваш".(статья Г.Ф. Дебец в журнале "Антропология", М.1932,№ I). Таким образом , чуваши -монголоидны, булгаро-татары-европеидны. Именно булгаро-татары европеидны, в отличие от чуваш, имеющих по А.П.Смирнову, общих предков с марийцами и мордвой -13 .

Необычная точка зрения, показывающая недостаточность материала для чувашско-булгарской теории. Однако для нас важно было лишь констатировать наличие взглядов, признающих финно-угорский субстрат в Поволжско-тюркских языках. Эту мысль по

книге А.П.Смирнова нам удалось пока проследить до 1925 года.

Обратимся к книге Г.В.Юсупова, обладающей, помимо содержащегося в ней обширного фактического (в том числе и лингвистического) материала также, еще двумя важными отличительными достоинствами: 1) объективностью и 2) учетом лингвистических факторов -помимо исторических. Автор владеет современным и древним языками. Во "Введении" в булгаро-татарскую эпиграфику" (М.-Л.1960) на стр. 137 Г.Юсупов констатирует: "согласно легенде юмартынское племя башкир происходит от мадъяр". Таким образом, финно-угорский субстрат в башкирском отмечается даже в л е г е н д а х ! Настолько это влияние - общеизвестная вещь!

На той же стр.137, со ссылкой на работу от 1949 г. Г.А. Трофимовой и на проф. С.П. Толстова, Г.В.Юсупов пишет, что С.П. Толстов "допускает, что татары и мещера были одним племенем мажар, ответвлением которых являются современные мадъяры Венгрии". Также см. стр.95-96 и др. книги Г.Юсупова. Здесь, например, читаем: "Не всецело булгарским признает чувашский язык проф.В.Г.Егоров, указывая на добулгарские нетюркские элементы как в словарном составе (в том числе в топонимике и ономастике) так и в грамматическом строе. Исходя из лингвистических, археологических и этиографических данных, В.Г.Егоров приходит к заключению о происхождении чуваш от местных угро-финских племен, из которых формировались финно-угры Среднего Поволжья" (следует ссылка на книгу В.Г.Егорова "Современный чувашский литературный язык",ч.I, Чебоксары, 1954,стр.10-16 (не забудем, что указанные статьи Б.А.Серебренникова датируются 1955 и 1956 г.г.)

Далее, на стр.95-96 указывается, что об обособлении чувашского языка, родственного булгарскому, в самостоятельный язык еще до прихода булгар на Волгу ранее писал В.Г.Егоров: (следует ссылка на "Совр.чув.яз.", 1954, стр.18,19,22,75 и статью Б.А.Серебренникова к вопросу о действительных взаимоотношениях... в Уч.зап. ЧНИИЯЛИЭ,1956 т.XIУ,стр.73).

Чтобы не утомлять читателя отметим еще только один характерный факт. На стр. 9 ук.соч. Г.В.Юсупова приводится отрывок из письма, как он говорит, "крупного тюрколога, миссионера-руссификатора Н.И.Ильминского"- к акад.В.В.Григорьеву. Согласно цитате в книге Г.В.Юсупова Н.И.Ильминский пишет: „Если предположить отношение чувашского языка к тюркскому такое же, какое находится между романскими языками и латинскими, т.е. что чувашский язык, некогда особенный, финский, впоследствии уже существенно изменился от влияния тюркского языка, то вышеупомянутые памятники УШ века хиджры могут указывать эпоху полного переворота в чувашском языке, эпоху довольно позднюю, когда между татарами господствовало мусульманство. На это указывали несколько арабских и персидских слов в языке чувашском". Следует ссылка на работу Н.И.Ильминского "О фонетическом отношении между чувашским и тюркскими языками." Изв.Ареолог.общ.,т.У, СПб,1865, стр. 84.

Как видим, у миссионера Ильминского используется и языковой переворот (=революции) и "несколько арабских и персидских слов" - лишь бы доказать финноугорское происхождение чуваш. Но для нас важно здесь лишь то, что мысль о взаимодействии, о финно-угорском субстрате существовала уже в 1865 году, сто лет

назад, т.е. тогда, когда не было на свете ни Б.А.Серебренникова, ни многих других языковедов.

Мы намеренно взяли для примера две работы археологов, историков, этнографов: Смирнова и Г.В.Юсупова, чтобы проиллюстрировать наглядно, что не только языковедам известны указанные мысли о финноугорском языковом влиянии на поволжско-тюркские.

Рассмотренное показывает, что теория субстрата вообще, как и ее частный случай - конкретное мнение о наличии финно-угорского субстрата в поволжско-и сибирско-тюркских языках представляет собой общеизвестные взгляды, возникшие столетия тому назад, причем такие же взгляды нашли отражение даже в народных легендах, ввиду чего затруднительно установить, кто именно первым высказал мысль о финноугорском влиянии на тюркские языки.

В настоящее время в науке вопрос ставится в иной плоскости, не так как это представлено рецензентами, ибо речь идет в науке не о том может или не может быть влияние субстрата вообще, в том числе - финно-угорского субстрата на тюркские (такая возможность, как мы видели, была известна в глубокой древности). И не идет речи о том, кто именно впервые высказал эту мысль: об этом не может ничего сообщить и сам Б.А.Серебренников, ограничившийся замечанием, что "мысль о возможности влияния субстрата... была высказана еще в XУ столетии".

Вопрос в науке, в тюркологии стоит сейчас так: в какой мере финно-угорские языки оказали влияние на тюркские и какие имеются конкретные доказательства указанного влияния. (В финно-

угороведении может стоять вопрос о степени влияния тюркских языков на финно-угорские.)

Новой же эта "идея" о финно-угорском влиянии на поволжско-тюркские могла показаться нашим рецензентам только вследствие их недостаточной общелингвистической и общетюркологической подготовки и неосведомленности рецензентов в истории татарского языкознания и в истории татар.

* * *

Теперь мы вынуждены рассмотреть статью Б.А.Серебренникова от 1956 г., на которую ссылаются рецензенты и которой мы уже касались в предшествующей главе.

Общего между статьей Б.А.Серебренникова от 1956 г. (на которую ссылаются рецензенты) и моими работами очень мало и сводится оно главным образом к общности терминологии: "спирантизация", "перебой", "редуцированные гласные" и т.п., если не считать некоторых общеизвестных положений тюркологии, которые у меня даются со ссылками, а в статье Б.А.Серебренникова- без ссылок литературу вопроса.

Различия обнаруживаются прежде всего в основной концепции: в указанной статье, например, любое фонетическое сходство между финно-угорскими и поволжско-тюркскими языками Б.А.Серебренников механически объясняет результатом влияния финно-угорских языков, (или, напротив, тюркских)
не считаясь с фактами как тюркских, так и финно-угорских языков, тогда как в моих работах постоянно говорится (наряду с лишь

возможным действием субстрата) о типологическом единстве рассматриваемых языков - в ряде моментов, а также о других возможных причинах, результатом которых могли быть фонетические сходства между финно-угорскими и тюркскими языками. Без указания литературы вопроса, не говоря "ни слова о том, что эта мысль уже высказывалась до него", Б.А.Серебренников очень кратко упоминает о перебое гласных в татарском и объясняет его финно-угорским влиянием. Переход тюркских широких губных в узкие губные (о > и ; ӧ > ӥ) и т.п. и узких губных в редуцированные краткие (и > ъ ; ӥ > ӧ) был, как известно, специально изучен В.В.Радловым и описан на рубеже века, в 1901 г. в его известной работе "К истории системы гласных тюркских языков", дополнен финским ученым Х.Паасоненом (специально по поволжско-тюркским) и другими. То же, что, так сказать, "добавил" к этому Б.А.Серебренников.- не выдерживает научной критики, так как нигде не зафиксирован переход от узких кратких губных к редуцированным кратким гласным через будто-бы "промежуточное" звено - широкий и долгий губной гласный О.

В истории имел место, как известно, только прямой переход от узких губных к редуцированным (и > ъ)- как следствие фонетической квантитативной редукции, о чем я высказался еще в автореферате кандидатской диссертации (1953 г.) и в других работах. А такая редукция исключает "промежуточный" переход узкого губного в широкий губной (и > о); такой переход фонетически исключается; а в действительности же отмечен только противоположный переход исторически широкого губного в узкий губной: о > и . Неосведомленность в фактах как истории, так

современных тюркских языков, справедливо отмечавшаяся проф. Н.А.Баскаковым[1], привело Б.А.Серебренникова к явной ошибке. Только "графически этот процесс можно изобразить: ы > о > о" (стр.214). На бумаге можно, а в действительности дело обстояло наоборот и отмечается лишь переход о > ы > о. Графическое же обозначение, знак Б.А. Серебренникова: о с точкой (о) не соответствует физиологии произношения редуцированного губного гласного в татарском, что подтверждается экспериментально. Знак Б.А. Серебренникова (о) лишь запутывает дело, ибо неправильно отражает соотношение звуков. Точно так же обстоит и с другими гласными, ибо невозможен переход от узкого негубного переднего ряда к соответствующему редуцированному через промежуточный полуузкий (или полуширокий) негубной гласный і > е > е (215). Здесь также вводит в заблуждение неправильное обозначение редуцированного гласного Б.А.Серебренниковым (е) Фонетически возможен и имел место в действительности только переход от долгого полуузкого е к узкому и (і), затем лишь к редуцированному краткому (ə), ибо долгое е дальше отстоит от краткого редуцированного (ə) - по сравнению с узким и (і), также как долгое о дальше отстоит от краткого редуцированного (ɔ) (у Б.А.Серебренникова о с точкой) по сравнению с узким губным ы. Это подтверждается экспериментально, а невозможность перехода гласных, описываемого Б.А.Серебренниковым, доказывается историческими фактами, которые читатель может в изобилии найти в упомянутых ра-

---

1) Н.А.Баскаков. К критике новых классификаций тюркских языков. Вопросы языкознания 1963 № 2.

ботах В.В.Радлова и других, Б.А.Серебренников совершенно не учитывает в своих построениях (основанных лишь на зрительном восприятии бумажно-фонетических обозначений) важной роли квантитативного фактора и связи особенностей артикуляции указанных звуков с их квантитетом, длительностью - в татарском и других тюркских языках, как не учитывает он и саму физиологию артикуляции этих звуков.

Попытка объяснения Б.А.Серебренниковым возникновения редуцированных гласных в поволжско- тюркских (стр.216) воздействием финно-угорского субстрата обязывает автора дать подобное же объяснение многочисленным фактам аналогичного перебоя гласных, в результате чего возникли такие же редуцированные гласные и в других тюркских языках, как ,например, казахском, кара-калпакском, хакасском, узбекском (в котором ведь имеются и не иранизованные говоры) и др., хотя и менее распространенные чем в татарском и башкирском. С другой стороны, каким образом может Б.А.Серебренников, исходя из его собственной теории о финно-угорском субстрате, объяснить отсутствие указанного перебоя в ряде случаев в мишарско-татарском, например, у горьковских мишарей (что было описано еще Х.Паасоненом - в Журнале финно-угорского общества, I5-2 и подтверждено многими исследователями). Как известно, эти мишари наиболее близки территориально к финно-угорским народам (буквально в гуще их) по сравнению с другими татарами. И в то же время, как объяснить наличие в общем более полного перебоя у оренбургских татар, далеко отстоящих от финно-угорских народов?

Ясно, что мысль о действии финно-угорского субстрата остается не более как гипотезой - в данном вопросе, причем гипотезой далеко не новой, как было показано.

Не выдерживает никакой критики и противоречащее фактам утверждение (на стр.216-217) о якобы "каком-то" развитии в сторону заднерядности", будто бы "типичной для всех языков волго-комского ареала ". Утверждение, что в пермских и некоторых поволжско финских языках происходил процесс развития от переднерядности к заднерядности надо доказать. А в статье (217) мы находим только констатацию факта, что по сравнению с прибалтийско-финскими и эрзя-мордовским - в коми, удмуртском и марийском наблюдаются формы с более, так сказать, задними гласными, например, удм. кыл, коми кыв, тогда как в финском kieli , эрз-морд. кель "язык". Марийские и мокша-мордовские формы не указаны в статье, как и эстонские (keel "язык"). Спрашивается, чем доказывается "развитие в сторону заднерядности" в пермско-финских языках? Тем, что письменность у прибалтийско- финских возникла на ряд столетий раньше, чем в пермских и потому оказались ранее зафиксированы "переднерядные" формы в прибалтийско-финских? А где доказательство того, что в ту же эпоху ряд столетий назад в пермско-финских были не "заднерядные", а "переднерядные" формы? В том, что тогда у пермско-финских народов не было письменности? Это же не научно рассуждать подобным образом, особенно если учесть, что в тюркских языках того же ареала (В) происходил и видимо еще происходит как раз обратный процесс - переход от, так сказать, "заднерядных" гласных - к "переднерядным" (в

отличие от горьковских мишар.татар) - вопреки необоснованному неподтвержденному заявлению Б.А.Серебренникова.

Вот факты. То же слово со значением "язык" звучит в современных татарском и башкирском языках тел (təl), оно "переднерядно" (в отличие от удмуртского и коми) также едва ли не во всех других современных тюркских языках (и сибирских и кипчакских и южных): тил (til), дил (dil). Напротив, в древнетюркских языках имеем "заднерядную" форму: тыл "язык", а именно, в Орхонских надписях (Kyдaтky билик), в уйгурских письменах, в команском, а из живых языков эта "заднерядная" форма сохранилась - в саянском наречии и у крымских караимов (см.например, известный Словарь В.В.Радлова). Спрашивается, где здесь развитие в сторону задпередности? Я привел один пример, но их можно привести сотни - достаточно сравнить, например, мишар-татарский (более западный) с казан-татарским (более восточным), чтобы убедиться, что в мишарском (например, у горьковских) гораздо чаще встречаются, так сказать, "заднерядные" формы по сравнению с казанско-татарским, для которого характерна как раз "переднерядность" многих слов, ср., например, мишарское ачы "кислый, горький" и каз.тат. äче (с тем же значением), мишар-тат. кычык, кочок "собака" и в нагорном говоре казан-татарского: кӧчӧк "щенок" и т.д., и т.п.

Примеры из чувашского (стр.217) показывают, что Б.А.Серебренников не обращает внимания на артикуляцию чувашских гласных, хотя вполне мог бы узнать об этом из известных, даже инструментальных работ Е.И.Степановой и И.П. Павлова, изучав-

ших звуки чувашского языка методом рентгенографии, причем материалы эти и выводы Е.И.Степановой опубликованы в 1954 (за два года до статьи Б.А.Серебренникова) в Уч.зап.I МГПИИЯ, т.УШ, причем этот их рентгенографический материал специально разобран и в моей кандидатской диссертации, а выводы отражены и в автореферате (1953), [illegible] не говоря уже о позднейших работах.

На стр.217 статьи Б.А.Серебренникова читаем: "Любопытно отметить, что та же тенденция к заднерядности гласных наблюдалась и в истории чувашского языка. Гласным переднего ряда других тюркских языков в чувашском языке нередко соответствует гласный заднего ряда; ср.тат. бар "есть", чув. пур ; тат, а ҫ "голодный", чув. вăҫă ; тур. sakla "стереги", чув. сыхла ; тур. altın "золото" чув. ылтăм тур. oğul " ", чув. ывăл тур. at "лошадь", чув. ут ; тур. ay "месяц", чув. уйăх "месяц", тур. ağaҫ "дерево", чув. йывăҫ "[1]

Цитата сама говорит за себя. По мнению автора статьи, таким образом, оказывается, что редуцированный чувашский гласный ă , а также, как и гласный ы будто бы произносятся при более задней артикуляции языка по сравнению с гласным а в том числе -турецким, хотя в действительности этого не наблюдается, что подтверждено и инструментальными данными, также, как и то, что татарское а является не менее задним, чем татарский же губной узкий гласный у (и)а следовательно, не более передним по сравнению с чувашским и (у). К тому же позволительно спросить, на каком основании Б.А.Серебренников взял для сравнения турецкий (по татарскому - лишь два примера),

[1]) Запутывает дело разная транскрипция по разным языкам в этом отрывке; соответствия же сами по

без учета того, что в турецком вся артикуляционная база продвинута вперед по сравнению с поволжско-тюркскими, в результате чего, например , турецкое а более переднее по сравнению с татарским и чувашским а и т.д.

Более того, как видно из цитаты, даже обычные термины используются Б.В.Серебренниковым неправильно, ибо подменяется значение давно известных терминов (гласные "переднего и заднего ряда") наиболее архаичным их толкованием, именно, таким, какое было возможно лишь в эпоху, когда языковеды понятия не имели о сингармонистических языках, к каковым относятся все или почти все урало-алтайские языки, в особенности - тюркские и финно-угорские. В XУШ веке, быть может, и допустимо было заявлять, что гласный а является гласным переднего ряда, а гласный у(и)- заднего ряда, однако уже с конца XIX века (не говоря о нашем времени) в тюркологии и алтаистике к гласным переднего ряда относят палатальные (например, ä, ü, i а к гласным заднего ряда - гуттуральные (например, а, ы, ы). Ничего, кроме путаницы обычных понятий в лингвистике не может произвести эта подмена значений современных терминов их архаическими значениями, причем, как мы видели, и эта подмена не может помочь доказать недоказуемое - якобы тенденцию исторического развития от переднерядности к заднерядности в языках волго-камского ареала.

Далее в статье Б.А.Серебренникова читаем: "В развитии татарского консонантизма сравнительно легко обнаруживается общая тенденция к спирантизации некоторых взрывных звуков, особенно взрывных аффрикат. Аффриката ч скорее напоминает

палатализованное Ш , а африката ДЖ палатализованное Ж. Точно так же усилился спирантный характер звука V , который в современном татарском языке произносится как английское W ". Это все, что сказано Б.А.Серебренниковым по вопросу о спирантизации согласных в татарском.

Что же касается моей диссертации, то лишь во II части "Звукового строя" целиком инструментальному (а не голословному) исследованию "длительности, звонкости и спирантности согласных" в одном только татарском языке посвящено 73 страницы (49-122), не считая приложений, то есть более четырех с половиной печатных листов и это не говоря еще о том, что в I части "Звукового строя" (стр.117-123) специально рассматриваются звуки ч, дж в татарском и дается история их изучения, причем как указывалось, наиболее важное из того, что содержится в I ч. Звуков.строя, было изложено мною еще в упомянутой моей статье в Акта лингвистике, УШ, стр.196- 198, то есть более двух страниц инструментальных данных и выводов, не считая еще обширного (3 печ.листа) приложения в виде рентгенограмм, палатаграмм, кимограмм, содержащихся в конце этой моей статьи.

В цитированной же статье Б.А.Серебренникова содержится лишь небольшая доля того,что заключено в моих работах по рассматриваемому вопросу о спирантизации, в том числе - звуков ч, дж в татарском, причем, все, что сказано Б.А.Серебренниковым об этом было известно еще в 1876 году - Н.Остроумову,а также многим другим, не говоря уже о В.А.Богородицком и Г.Шарафе, ибо последний первым экспериментально доказал в своих Палатограммах щелевой характер татарских ч, дж (1927г.). Обо всей

этой истории изучения более обстоятельно сказано мною на стр. II9-I20 "Звукового строя", часть I (I959), сказано и в Акта лингвистика (т.УШ,стр.I96-I98) то есть ранее публикации статьи Б.А.Серебренникова.

Что же касается фразы : "усилился спирантный характер звука v , который в современном татарском языке произносится как английское w ", то здесь видно явное незнание дела автором. Ибо, во-первых, губно-зубного v никогда не было в татарском (да и во многих, если не всех других тюркских) - до последнего времени и он появился лишь под влиянием русского языка, а во-вторых, если бы даже и допустить переход губно-зубного v в губно -губной w ., то это, как известно, не имеет никакого отношения к спирантизации, так как отдичие между этими звуками (v – w) с точки зрения фонетической заключается не в "усилении" или "ослаблении" спирантизации их (они оба щелевые), а прежде всего в характере образования фокуса: в участии обеих губ -при губно губном w или же одной нижней губы - при губно-зубном v Уже не говорю об архаичном способе характеристики звуков, даваемых в рассматриваемой статье Б.А.Серебренникова, который вместо точных научных физиологических определений пользуется описаниями в стиле ХУШ века: "как английское" и т.п.

Помимо изложенного им в доказательство якобы наличия тенденции к спирантизации согласных в поволжско-тюркских в статье приводится лишь один пример из чувашского: соответствие общетюркскому увулярному смычному q чувашского щелевого χ .

Это было известно еще В.В.Радлову (в его Фонетике,1882 - см. весь раздел о чувашском консонантизме), на которого, однако Б.А.Серебренников не дает ссылок. К моей же работе рассуждения, подобные приведенным (относительно звуков v - w и чувашского χ) не имеют отношения, ибо нигде я не изрекаю глубокомысленно также общеизвестные факты, как, например, то, что татарскому ҫ соответствует в ряде слов чувашское χ .

Из того, что не является повторением общеизвестных истин тюркологии, притом - без ссылок на литературу), во всей статье Б.А.Серебренникова нет, пожалуй ни одного положения, с которым можно было бы согласиться и которое было бы не противоречило как фактам языка, так и моим выводам в разных работах.

Сказанное относится в значительной мере и к последующим разделам статьи Б.А.Серебренникова, посвященным морфологии и синтаксису, на которые, однако, ссылаются рецензенты.

Например, на стр.218 читаем, что форма алачакмын якобы должна переводиться "возьму бывало", и что якобы это "будущее прошедшее". На самом деле каждому носителю языка известно, что форма алачак мын переводится "возьму" или "непременно возьму", но никак не "возьму бывало", и перевод Б.А.Серебренникова неправилен. В действительности выражение "возьму бывало" передается по-татарски формой "ала идем" и др. оборотами. Форма " алыр идем " является в настоящее время условной и может относиться не только и не столько к прошлому, сколько и прежде всего - к будущему - вопреки уверению Б.А.Серебренникова о том, что " алыр идем " - "Прошедшее незаконченное 2-е" (стр.218). Даже самый термин Б.А.Серебренникова: "буду-

щее прошедшее" содержит в себе логическое противоречие, ибо "будущее" не может быть "прошедшим", а "прошедшее" - "будущим" и этот так сказать, "термин" свидетельствует о непродуманном и механическом перенесении некоторых понятий из грамматик индоевропейских, в частности - германских; однако Б.А.Серебренников неправильно употребил даже термин, ибо, например, в английском языке существует "будущее в прошедшем" = future in the past , что означает, что будущим данное время является лишь по отношению к другому, тоже прошедшему действию. Уже не говорю о том, что татарская (и тюркская)форма алачак мын, как показано, отнюдь не совпадает по грамматическому значению с английским (и германским) "будущим в прошедшем".

Ссылка Б.А.Серебренникова на "Грамматику башкирского языка" Н.К.Дмитриева ни в коей мере не спасает положения и не сглаживает ошибки, так как, во-первых Н.К.Дмитриев пишет о башкирском, а не о татарском, на который Б.А.Серебренников механически переносит сказанное Н.К.Дмитриевым о башкирском, хотя известно, что даже в диалектах и говорах одного языка, например, татарского, возможно различное употребление глагольных форм, причем, говоря вообще о татарском Б.А.Серебренников, разумеется , обязан был исходить из казанско-татарского, который является, также, и литературным татарским. Но значение "возьму бывало" не зафиксировано нигде в литературе - для формы алачакмын - и в татарских диалектах. Такое значение противоречило бы вообще строю татарского языка. Во-вторых, Б.А.Серебренников не опровергает взгляда Н.К.Дмитриева, но напротив, присоединяется к нему, ввиду чего несет ответствен-

ность и за ошибочные положения, если таковые имеются у Н.К. Дмитриева. Наконец, Б.А,Серебренников попросту исказил высказывание Н.К.Дмитриева. [redacted] На стр. 152 Грамматики башкирского языка Н.К.Дмитриева, на которую ссылается Б.А.Серебренников, читаем: "Приведем схему спряжения Будущего 2-го .... I-ел. ал - асак -мын (я возьму буду брать -непременно), кил - эсэк мен (я приду буду приходить - непременно)..." А Б.А.Серебренников на стр. 218 своей статьи утверждает, что по Н.К.Дмитриеву, якобы эта форма глагола, во-первых, представляет собой "Будущее прошедшее" (а будто бы не "будущее 2-е", как пишет Н.К.Дмитриев), а во-вторых, будто бы эта форма переводится "возьму бывало", хотя по Н.К.Дмитриеву имеем "Непременно возьму".

На стр. 161, "Грамматики..." Н.К.Дмитриева, на которую ссылается Б.А.Серебренников, эта форма аласак мын также названа Н.К.Дмитриевым "Будущим 2-м", а перевода на этой странице не дается, он дан раньше.

Изложенное показывает, что, подобно нашим рецензентам, которых он поддерживает, Б.А.Серебренников весьма вольно обращается с высказываниями других ученых. О научных же фактах - и говорить нечего. Рассмотрение статьи Б.А.Серебренникова, которая, пожалуй, целиком построена на серии натяжек и искажений фактов действительного состояния и истории языков, всецело подчинена "стремлению автора подвести свои данные под готовую теорию, готовую схему даже тогда, когда факты говорят

об обратном" (как выражаются наши рецензенты, протежируемые Б.А.Серебренниковым) именно подчинена стремлению "объяснить" "вся и вся" финноугорским субстратом, или тем или иным влиянием языков тогда как многое на мой взгляд, (а вовсе не на "взгляд" рецензентов, у которых, как видно из рецензии, вообще нет научных взглядов, а есть только "чувства" и "впечатления", как они выражаются) может объясняться общим типологическим сходством тюркских и финно-угорских языков (см.,например, автореферат М.1962, ст р.28, 32-33 и др.).

* * *

Подняв повпрос о субстрате и приписав мне взгляды Б.А. Серебренникова, спутав тем самым, две противоположные точки зрения, авторы отзыва Л.Махмутова и Х.Курбатов -оказали плохую услугу Б.А.Серебренникову. Дело в том, что до сих пор я вообще не читал данной статьи Б.А.Серебренникова о финно-угорском субстрате в казанско-татарском (и как убеждаюсь, мало что потерял). Прочитав же ее теперь, вынужден был (рецензентами) дать опровержение, указав на различие точек зрения моей и Б.А.Серебренникова, а также на то, что мои работы по упомянутым рецензентами вопросам были написаны ранее публикации статьи Б.А.Серебренникова, из которой будто бы были мною позаимствованы без указания автора некоторые положения о перебое гласных и спирантизации согласных в татарском.

Ввиду наличия подобного обвинения я был вынужден показать, что данная статья Б.А.Серебренникова в действительности -помимо

ошибочных рассуждений - не содержит ничего нового не только по сравнению с моими инструментальными исследованиями, но не содержит эта статья ничего нового даже по сравнению со слуховыми наблюдениями и выводами ученых XIX и начала XX веков, на которые, в отличие от меня, Б.А.Серебренников не дает ссылок, а если и дает иногда - нередко искажает высказывания других ученых, приписывая им и научно безграмотные заявления, как это имеет место по адресу Н.К.Дмитриева.

Наши рецензенты, которые исходят из позиций нелингвистов, ввиду отсутствия ссылок в статье Б.А.Серебренникова, конечно, могут предполагать, что будто бы эта статья Б.А.Серебренникова, якобы, представляет что-то новое в науке, и что Б.А.Серебренников первым открыл перебой гласных в поволжско-тюркских и спирантизацию некоторых согласных, что будто бы Б.А. Серебренников первым выдвинул "мысль" о действии субстрата вообще и финно-угорского субстрата на поволжско тюркские-в частности. Специалистам известно, что это не так, что все это -общеизвестные истины тюркологии и языкознания и что были известны они не менее ста лет назад.

Несмотря на признание возможности влияния финно-угорского субстрата на поволжско-тюркские, объяснение одним субстратом, например, перебоя гласных в поволжско-тюркских и др. вопросов несостоятельно уже потому, что аналогичный,хотя и менее сильный перебой зафиксирован и в ряде других, далеких территориально от финно-угорских тюркских языках - и еще В.В.Радловым (1901), тогда как, напр., у горьковских мишар-татар в ряде случаев этого перебоя не было, как показано еще Х.Паасоненом,

ввиду чего связать этот перебой в тюркских с действием финно-угорского субстрата или иного финно-угорского влияния возможно только в том случае, если отнести этот перебой к более раннему периоду, когда и южно -тюркские языки могли контактировать с финно-угорскими (аналогично -о системе противопоставлений согласных). Рецензенты же даже не потрудились вникнуть в суть дела. Об этом свидетельствуют заключительные слова рецензентов - по данному 8-му разделу рецензии, касающемуся вопроса о субстрате:

"Кроме того, чувствуется стремление автора подвести свои данные под готовую теорию, готовую схему даже тогда, когда факты говорят об обратном. Напр.на стр.32-33 автореферата У.Байчура пишет: "Противопоставление согласных в первую очередь по долготе и силе сближает тюркские языки" с финно-угорскими, однако говорить о финноугорском субстрате (по крайней мере для исторически обозримого периода) возможно лишь относительно северной кромки рассмотренного тюркоязычного района (например, Средний Урал, Горьковская, Пермская области, Удмуртская и Марийская АССР и т.п.), поскольку финно-угорские племена не могли столкнуться с тюркскими в Средней Азии или на Кавказе и т.п.". Хотя несколько ниже он и вынужден признать что " не исключается и исконная однотипность консонантизма этих групп языков". (Подчеркнуто рецензентами - У.Б.). Это все.

Рецензенты сами себя опровергли, ибо если автор диссертации признает, что "не исключается и исконная однотипность консонантизма [I] этих групп языков", то это значит, что диссертант

I В области ударения и др.,напротив, отмечаются различия между финно-угорским и тюркским языками - см.напр.,книгу "Звуковой строй. часть II, стр.3 и др.

весьма далек от того, чтобы "все и вся" объяснять действием субстрата. А если так, то к чему были все предшествующие рассуждения рецензентов?

Зачем они отнимали время у людей, пытаясь доказать то, что они в конце-концов сами же опровергли? Видимо для увеличения объема рецензии?

Для того же, чтобы продемонстрировать, так сказать, "метод" искажения содержания рецензируемой работы, примененный Л.Махмутовой и Х.Курбатовым, мы продолжим цитату из автореферата с того места, где рецензенты произвольно отсекли весьма важную для понимания позиции диссертанта часть высказывания в автореферате.

После слов: "финно-угорские племена не могли столкнуться с тюркскими в Средней Азии или на Кавказе и т.п." в автореферате (стр.33) читаем следующее: "Этим, однако, не исключается возможность взаимовлияния в более отдаленные периоды, когда размещение тюркских (и финно-угорских) языков было иным, причем не исключается и исконная однотипность консонантизма этих, а также и некоторых других групп языков, однако выяснение всех этих вопросов не входит в задачу настоящей работы".

Таким образом, во-первых, опустив содержащиеся в автореферате замечание о том, что некогда размещение как тюркских, так и финно-угорских языков было иным, то есть игнорировав историю, рецензенты хотели вообще исключить всякие контакты между финноугорскими и южно-тюркскими языками,- несмотря на то, что тюрки в целом могли контактировать с финно-уграми до

появления в Средней Азии и на Кавказе. Тем самым, рецензенты исказили высказывание диссертанта.

Во-вторых, усеченную часть цитаты из автореферата, в которой говорилось, что не исключается исконная однотипность, рецензенты присвоили себе без указания автора и написали в самом начале раздела 8 рецензии -о субстрате - как, якобы свою мысль, которую они противопоставили незаконно приписанному диссертанту взгляду Б.А.Серебренникова. Наконец, чтобы искажение не было слишком явным, рецензенты, так сказать п е т и т о м написали в самом конце раздела 8 (стр. I8 рец.), что диссертант "вынужден признать, что "не исключается и исконная однотипность..." Причем здесь опять-таки опустили слова "и некоторых других." На самом деле не диссертант "вынужден признать", а сами Л.Махмутова и Х.Курбатов "вынуждены признать" (хотя и, так сказать, в скобках и п е т и т о м), что они сами, в так сказать, а н ш л а г е раздела 8 рецензии исказили высказывания диссертанта.

И в-третьих, выдвигая вопрос о субстрате, как один из важных вопросов диссертации, рецензенты и г н о р и р у ю т заявление диссертанта на той же цитируемой ими странице 33 автореферата -о том, что "выяснение всех этих вопросов не входит в задачу настойшей работы"; ибо задачей является инструментальное описание в сравнительном плане ряда языков и наречий тюркской и финно-угорской групп, то есть описание в плане с и н х р о н и и, а не в историческом плане (см.об этом "Звуковой строй" часть I, стр. 3, где подчеркивается, что задачей работы является синхроническое описание фонетических явлений, а также см.Звук.строй, часть П,стр.3,- то

есть обо всем этом говорится в предисловиях, на первой странице каждой книги). Вопрос же о субстрате - это вопрос глубокой истории языка, не имеющий отношения к теме диссертации.

§ 2

О некоторых взглядах на финно-угорско-тюркское языковое взаимодействие (продолжение).

В статье "О взаимодействии языков (проблема субстрата)"[I] Б.А.Серебренников пишет на стр.I4, что "возможно влияние одного языка на другой в тех условиях, когда эти языки находятся на смежных территориях", а на стр. I0 читаем: "для того, чтобы особенности одного языка отразились на другом языке, совершенно безразлично, будет ли при этом двуязычие полным или частичным. Различие может заключаться только в степени влияния. Контактирование языков имеет различные формы. Из всего многообразия этих форм можно выделить два основных случая контактирования языков, так называемое маргинальное и внутриретональное контактирование. Маргинальное контактирование характеризуется наличием контакта двух языков, расположенных на смежных территориях. Никакого глубокого проникновения масс населения, носителей одного языка в область распространения другого языка при этом не происходит. Типичным примером такого

I) Вопросы языкознания, I955, № I

контактирования является взаимодействие татарского и удмуртского языков". И далее стр.II-I3 излагаются фонетические и другие особенности удмуртского языка, которые по мнению Б.А.Серебренникова "возникли под влиянием другого языка" (т.е. татарского, с которым сравнивается удмуртский).

В противоположность цитированному взгляду Б.А.Серебренникова, в автореферате моей диссертации говорится: " Условием взаимовлияния по-видимому является не просто соседство, а длительное общение и двуязычие большинства населения данного района, поскольку влияет не географическая среда, не наследственность, а язык",(стр.I2). И на тех же страницах автореферата я говорю о типологическом единстве в языках Волго-Камского бассейна (стр.I2 и др.).

На стр.II моего автореферата читаем: "...тенденция к относительному возрастанию длительности второго[I)] гласного (при всех обстоятельствах и независимо от качества гласного) характерна и для низового чувашского и для ряда татарских говоров Запада и северо-запада Тат.АССР, что не может быть объяснено иначе, как влиянием финно-угорского субстрата, поскольку возможность тюркского субстрата в удмуртском и марийском историческими материалами не подтверждается, а путем маргинального влияния по-видимому возможно лишь лексическое (быть может в какой-то степени грамматическое) заимствование, тогда как тонкие фонетические особенности наподобие системы квантитативных соотношений звуков едва ли могут появляться и исчезать иначе как под влиянием субстрата, длительного двуязычия..."

I) В двусложных словах, т.е. конечного гласного

Различие точек зрения очевидно.

По Б.А.Серебренникову двуязычие большинства населения не обязательно, по моему же мнению -оно необходимое условие влияния.

По Б.А.Серебренникову вследствие маргинального влияния возможно фонетическое влияние, а по-моему - невозможно.

По Б.А.Серебренникову татарский язык повлиял на удмуртский по ряду фонетических моментов, а по-моему - наоборот, ряд фонетических особенностей, общих для татарского и удмуртского объясняются влиянием финно-угорского субстрата в татарском (особенно в его северных говорах) и т.д., хотя при этом не исключается и типологическая общность.

Перейдем к конкретным вопросам. На стр. II статьи Б.А. Серебренникова читаем: "любопытно отметить прежде всего изменение характера удмуртского ударения. В финно-угорских языках ударение либо падает на первый слог, как, например, в западнофинских, мокше-мордовском, венгерском, либо является разноместным, как в луговом марийском, коми-пермяцком и эрзя-мордовском. В удмуртском языке ударение, за исключением формы 2-го лица повелительного наклонения глаголов, падает всегда на последний слог слова"[I]" В татарском языке, за немногими исключениями, ударение также падает на последний слог слова", "Ясно, что ударение на последнем слоге в удмуртском языке не первоначально. Оно возникло под влиянием другого

I) То же повторено Б.А.Серебренниковым в его книге Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской группы", Москва,1960, стр.265.

языка".

Ударение в удмуртском (а также как и в марийском и эрзя-мордовском) согласно моим инструментальным данным падает на первый слог слова -см."Звуковой строй",ч.П, стр. 244-260, где приведены инструментальные данные по шести дикторам,также см.мою статью "К вопросу о характере ударения в удмуртском языке"- в Ежегоднике Общества родного языка, Таллин,1959, стр.294-307, например, на стр.306-307 читаем: "Общий вывод: силовое и тоническое ударения в удмуртском языке приходятся большей частью на первый слог двухсложного слова", тогда как "сонорная длительность второго гласного значительно превышает сонорную длительность первого гласного".

Не владея методом даже слуховых наблюдений (для этого тоже требуется специальная подготовка) Б.А.Серебренников аутоморфически смешивает ударение с возрастанием сонорной длительности гласного конечного слова в удмуртском и это последнее-с действительным, как правило - конечным ударением, не зависящим от длительности гласного - в казанско-татарском. Или же Б.А.Серебренников просто берет из третьих рук непроверенные результаты наблюдений других языковедов.

Что же касается причины возрастания длительности конечного гласного в языках этого ареала, то, как указано, здесь не может итти речи о тюркском влиянии на удмуртский, уже потому, что это явление сильнее выражено в удмуртском, чем в тюркских, а кроме того оно наблюдается и во многих других финно-угорских языках, как например, марийском (см. "Звуковой строй", ч.П, стр.255-256) эстонском - по наблюдениям проф.

П.А.Аристэ [1] и Г.Лийв [2] и др. Например, в слове tere "здравствуй" (эст.) длительность второго гласного заметно превосходит таковую первого, хотя оба гласных данного слова относятся к одной категории -кратких, это один и тот же гласный, никто однако не делает из этого возрастания длительности конечного гласного вывод, что якобы в эстонском ~~языке~~ здесь ударение падает на последний (второй) слог, хотя не-эстонцы нередко действительно произносят такие слова с ударением на последнем слоге, искажая тем самым эстонское произношение.

В удмуртском дело обстоит аналогично. Это подтверждается и авторами Грамматики современного удмуртского языка (фонетика и морфология), Ижевск, 1962, в которой читаем: "ударный слог в удмуртском отличается от безударного главным образом своей долготой" (стр.49), а на стр. 47 сообщается, что "В удмуртском языке ударение обычно падает на последний слог".. "однако в ряде случаев ударение в удмуртском языке покоится не на последнем слоге". На стр. 73 кроме того сообщается, что в диалектах нередко в ряде случаев ударение "отклоняется" на первый слог.

Если считать (аутоморфично считать), что ударенный слог отличается от безударного своей долготой, тогда придется сделать вывод, что в эстонском в словах с открытым конечным

---

1) См.П.Аристэ, Фонетика эстонского языка, Таллин, 1953, стр. 93 и др.

2) Г.Лийв, Ударные монофтонги эстонского языка (артикуляторно-акустическое исследование) автореферат кандд.дисс. Таллин, 1962, стр. 26-29.

слогом типа tere "здравствуй" и тому подобных, ударение также приходится на последний слог слова. Противоречие фактам подобного заключения очевидно. Придется сделать такой же вывод и по ряду других языков, ибо в татарском и ряде тюркских, в словах с ударением не на последнем слоге длительность конечного гласного открытого слога (при прочих равных условиях) как правило не менее чем в 1,5-2 раза превышает таковую предшествующих,[I] причем то же относится и к изученным нами марийскому, частично и к эрзя-мордовскому (не считая удмуртского) -"Звуковой строй", ч.П, 255-259).

Выдавать сонорную (или несонорную) длительность гласных в языке за "ударение" это значит насильственно подгонять языковые факты к своей заранее придуманной схеме, и подменять давно известные обычные термины и понятия лингвистики неравными им терминами и понятиями.

В дополнение следует отметить, что сами авторы в Удмуртской грамматике пишут на стр.49: "В связной речи все же мы не наблюдаем резкого различия между ударными и безударными гласными" " как показывают экспериментальные данные, ударные гласные середины фразы могут отличаться по своей длительности от безударных незначительно, зато долгота конечного ударного гласного весьма ощутима".

На стр. 22-23 указанной Удмуртской грамматики приводятся три фотографии пяти кимограмм, записанных в произношении одного из двух авторов раздела о фонетике - Тепяшиной. Никаких

I) См., напр., об этом в моей статье "Некоторые экспериментально-фонетические данные относительно характера словесного ударения в казанско-татарском языке" - в АКТА Лингвистика, Будапешт, 1955, том.У, стр. 265-269.

цифровых или иных данных о высоте тона или интенсивности не приводится, о длительности же имеем 5 примеров - по отдельным словам. т.е. взяты случайные несколько цифр. Указанные недостатки записи, лишают эти фотографии какойлибо доказательной силы вследствие несоблюдения авторами элементарных требований экспериментального исследования. Однако любопытно отметить, то, что, несмотря на это даже в этих случайных записях отдельных примеров проявляется все та же указанная выше закономерность, а именно, повышение высоты тона и силы звука в начальных слогах слов, что можно легко расчитать по приводимым в книге репродукциям указанных кимограмм, которые (кроме одного номера) доказывают прямо противоположное тому, что утверждают авторы.[1]

Во всяком случае для нас сейчас прежде всего важно то, что точка зрения Б.А.Серебренникова - в связи с удмуртским ударением и его происхождением диаметрально противоположна моим выводам из инструментального исследования этого и других языков.

Ясно, что, вопреки Б.А.Серебренникову, "ударение на последнем слоге в удмуртском языке" не могло возникнуть под влиянием татарского - хотя бы уже потому, что, во-первых даже наличие конечного ударения в удмуртском не доказано, а во-вторых, возрастание сонорной длительности конечного гласного выражено в удмуртском сильнее, чем в татарском и наиболее сильно оно у тех удмуртов, которые происходят из Удмуртской АССР, а не тех удмуртов, которые происходят с территории ТАССР.

1) Подробнее см. в разделе V.

Возьмем другой случай. Для подтверждения своего мнения о фонетическом влиянии татарского на удмуртский Б.А.Серебренников приводит следующий пример (стр.II): "В удмуртском языкевозникла аффриката ДЖ, чуждая остальным финно-угорским языкам, в том числе коми-зырянскому языку" и далее: "Ср. наличие этого звука в татарском языке: щир "земля", жибәрер гә "посылать", жил "ветер".

Во-первых здесь обнаруживается, что в 1955 г. Б.А.Серебренников считал этот звук аффрикатой в татарском - ЖВ . О спирантизации его ни слова. А я еще в 1955г. в упомянутой статье в АКТА Лингвистика, как само собою разумеющееся, обозначал даже парный ему и более сильный глухой Ч как щелевой, а не как аффрикату.

О спирантности татарского "дж" Б.А.Серебренников заговорил только после указанной моей статьи и после другой моей статьи в журнале Учитель Башкирии (1955, № 5), где даже указан спирантный характер звуков дж, ч в татарском.

Во-вторых, и это - главное - Б.А.Серебренников говорит только о влиянии татарского на удмуртский, тогда как я ни словом не касаюсь влияния татарского на финно-угорские и, напротив , упоминаю лишь о возможности финно-угорского влияния на татарский или - о возможности типологического единства (ср.напр., стр. 32-33, 65 и др. автореферата) и напр, на стр. 33 автореферата говорится: " не исключается и исконная однотипность консонантизма этих, а также и некоторых других групп языков, однако выяснение всех этих вопросов не входит в задачу настоящей работы."

Б.А.Серебренников говорит о тюркском влиянии, а я, напротив, говорю о финно-угорском влиянии или об исконном типологическом единстве; Б.А.Серебренников пишет о влиянии современных языков, а я допускаю финно-угорское влияние на тюркские "в более отдаленные периоды, когда размещение тюркских (и финно-угорских) язнков было иным" (стр.32 автореф.)

Точки зрения противоположны и касаются разных вопросов.

Серию натяжек представляют и дальнейшие страницы статьи Б.А.Серебренникова от 1955 года, на которых сраниваются языки финноугорские с татарским и русским.

На стр. 12 утверждается, что, в отличие от татарского "в коми-зырянском языке два существительных могут быть соединены между собой союзом да, соответствующим русскому союзу и, например, коч да руч "заяц и лисица"" "В удмуртском языке встречается иная конструкция, полностью в структурном отношении совпадающая с татарской. В татарском языке, например, чтобы сказать "заяц и лисица", первое из двух существительных употребляется с послелогом белән "с", а второе остается в именительном падеже, например, куян белән төлкә "заяц и лисица (буквально: « с зайцем лисица ») Поскольку в удмуртском языке нет послелога, соответствующего татарскому белән , первое существительное употребляется в творительном падеже с ассоциативным значением, например удм. зӥчӵек атас "лиса и петух" (буквально: « с лисой петух »)" Несостоятельность подобных параллелей видна уже из того факта, что наряду с послелогом белән "с" в татарском имеется и союз (вернее было бы сказать, частица, играющая роль союза)

да // дэ // та // тэ со значением "и", также как и союз һәм "и", ввиду чего по-татарски можно сказать: куян һәм төлке "заяц и лиса", син дэ мин "ты и я" и т.п. и это - с незапамятных времен. Уже не говорю о том, что творительный падеж - с любым значением - не есть именительный (основной) с послелогом и что в татарском говорят төлкә "лиса", но не төлкә "лиса".

Далее, автор говорит о влиянии татарского синтаксиса на удмуртский, (стр,I2), а на стр. I3 замечает: "Возможно, что влияние татарского языка способствовало сохранению многих синтаксических черт, характеризующих древние финно-угорские языки пермской группы". Если уже в древне-пермских языках существовали особенности, сохранившиеся в удмуртском, то где доказательство того, что не древне пермские с удмуртским воздействовали на татарский, а напротив, татарский якобы помог (со стороны) удмуртскому сохранить древние пермские черты?

Б.А.Серебренников удивляет нас все больше и больше. Так, на стр. I3, характеризуя влияние русского языка на коми, он пишет далее:

"I. Постпозиция родительного падежа, типичная для всех финно-угорских языков, в коми-зырянском стала необязательной. Можно с одинаковым правом сказать воклӧн пыс «сын брата» (буквально «брата сын») и пыс воклӧн."

Если постпозиция родительного падежа действительно типична для всех финно-угорских языков (кроме коми), то это значит, что по-эстонски, например, якобы говорят: raamat venna "книга брата", а вовсе не venna raamat и т.д.

Выходит, что, будто бы ошибается автор даже элементарного учебника эстонского языка - К.Абен, который пишет о своем р о д н о м эстонском языке: Как уже видно из приведенных примеров, определяющее слово в эстонском языке (в данном случае в падеже omastav) " [т.е. родительном -прим.У.Б.] "всегда стоит перед определяемым словом, в отличие от русского языка" (стр.46 Учебника эстонского языка, Таллин,1960). Следуют примеры: vabriku direktor "директор фабрики", meeskoorikontsert "концерт мужского хора" и так далее. На стр. 47 читаем: "как в русском, так и в эстонском языке падеж генитив (omastav) личного местоимения tema (он, она,оно) служит определением перед именем существительным" . Приводятся примеры: tema raamat "его(ее) книга", и др. И после всего этого читаем у Б.А.Серебренникова, что якобы постпозиция родительного падежа будто бы типична для всех финно-угорских языков (стр.13 цит.раб.). Тут же на стр. 13 утверждается,что будто бы замена перфекта и плюсквамперфекта простым прошедшим в коми-зырянском будто бы является результатом влияния русского языка, хотя,во-первых, такая замена возможна во многих языках и не только, например, в татарском, но и в таких отдаленных, как английский -особенно в разговорной английской речи, хотя, как известно, английский язык обладает наиболее четкой системой глагольных времен по сравнению не только, скажем, с некоторыми языками волго-камского ареала, но даже по сравнению с французским и др.; во-вторых, в самом русском языке никогда существовала, как известно, сложная система глагольных времен, и "по-видимому в результате смешения с древним

финно-угорским населением северных, западных и центральных областей Европейской РОссии русский язык утратил многие индоевропейские формы (например, глагола), приобретя взамен ряд финно-угорских форм", как сказано в моем автореферате, 1962, стр. 12.

Вновь мы видим здесь точку зрения прямо противоположную таковой Б.А.Серебренникова.

Изложенное показывает, что Б.А.Серебренников недостаточно осведомлен в тех языках, о которых он берется писать, а именно: в финно-угорских и тюркских. Это, по-видимому, может быть объяснено и тем фактом, что как показывает тема кандидатской его диссертации, посвященной артикелю в греческом языке, автор чрезвычайно разбрасывается по разнообразным и недостаточно им изученным темам. Таково было первоначальное мнение. Но вот перед нами брошюра Б.А.Серебренникова "Система времен татарского глагола", Казань, 1963. Тема не новая, как признает сам автор на стр.3, но по его мнению неисчерпанная, а имеющиеся труды по этому вопросу "часто очень противоречивы" "Иногда они касаются отдельных сторон исследуемого вопроса и не дают представления о системе в целом". "Некоторые ошибочные утверждения, некогда высказанные авторитетными тюркологами приобрели характер прочно укоренившихся догм, которые на протяжении десятков лет не сходят со страниц школьных грамматик и механически повторяются в более солидных исследованиях".

"В этих условиях всякое новое начинание, стремление осветить данный вопрос с иных точек зрения может быть в какой-

то мере полезным...", "дать стимул к... исканиям".

"Предлагаемая читателю эта небольшая работа является результатом многолетних наблюдений ее автора, конечным итогом его попыток найти основные закономерности употребления глагольных времен в татарском языке".

Итак, мы имеем дело с "конечным итогом" "многолетних наблюдений".

Вот некоторые открытия автора брошюры.

На стр.6, указав, что "настоящее время в татарском языке образуется из деепричастия на -а, -э,-и, соединенного с личными окончаниями I-ой категории", автор приводит примеры спряжения в настоящем времени: 1. ала-м "я беру" ала - - сын, "берешь", ала и т.д. Далее читаем: "К личным окончаниям I й категории относятся окончания, исторически восходящие к личным местоимениям. Личные окончания первой категории являются типичными только для настоящего времени, второго прошедшего или перфекта и будущих времен - будущего первого и будущего второго", после чего речь идет о "Закономерностях употребления..." Здесь находим подразделения:

I) " Одноплановое настоящее время или настоящее время данного момента" (сопровождается примерами), 2) "Многоплановое настоящее время" (сопровождается примерами), которое также "вневременное настоящее время, когда действие или состояние захватывает разные временные планы и только частично совпадает с данным моментом": "Форма настоящего времени эшли (работает) захватывает временный план прошлого и в перспективе план будущего: жир кояш тирәсендә әйләнә

"земля вращается вокруг солнца"

"Многоплановое настоящее время широко используется для выражения различных свойств и привычек, длительных состояний и т.п. Мин чәчәкләр яратам "я люблю цветы" и так далее. Можно взять учебник латинского или русского языка и дополнить не глядя в текст брошюры то, что сказано об употреблении настоящего времени в татарском. Правда, указанные учебники богаче брошюры Б.А.Серебренникова.

В Грамматике башкирского языка Н.К.Дмитриева на стр.145 читаем "В основе настоящего времени лежит деепричастие с аффиксами $\frac{а}{ә}$ || $\overset{с}{и}$ " следуют примеры и парадигмы спряжения глагола в настоящем времени, указание на то, что окончание наст.времени глагола восходит к местоимениям (146), а о значении этой формы читаем (146): "Что касается основного содержания формы, то она означает и действие данного момента, совпадающее с моментом речи [язам я пишу (сейчас, когда говорю), англ. I am writing] и действие не совпадающее с моментом речи. В этом последнем случае форма язам указывает не действие, а состояние или склонность субъекта к данному действию. т.е. « я пишу » = я способен || имею привычку писать - англ. I write ; кроме того она же указывает на такое будущее, осуществление которого говорящий считает несомненным..."

В брошюре Б.А.Серебренникова читаем: "Настоящее время в татарском и башкирском языках также употребляется в значении будущего категорического : Шул көнне кич белән без разведкага китәбез..." В этот день вечером мы пойдем

в разведку" [перевод в брошюре Б.А.Серебренникова по обыкновению, неточен, ибо следовало: "мы идем в разведку"] . То "новое", что мы находим в рассматриваемой брошюре - это терминология. У Б.А.Серебренникова имеем "будущее категорическое", у И.К.Дмитриева - " будущее несомненное", " осуществление которого говорящий считает несомненным" у Н.К.Дмитриева "действие данного момента, совпадающее с моментом речи", у Б.А. Серебренникова " одноплановое настоящее время или настоящее время данного момента". У Н.К.Дмитриева "действие, несовпадающее с моментом речи", "состояние", " склонность", а у Б.А.Серебренникова - " многоплановое настоящее время", "захватывающее временный план прошлого и в перспективе плана будущего" - "Земля вращается вокруг солнца", - также "для выражения" "свойств", "привычек", "длительных состояний". (Следовательно, недлительные состояния это время по Б.А.Серебренникову не отражает, а у Н.К.Дмитриева - отражает, ибо там говорится просто о "состоянии". Но в этом прав Н.К.Дмитриев).

То, что настоящее время используется для передачи прошлого действия и придает,так сказать, живость изложению - это известно из школьных грамматик всех языков - и русского и татарского и др.

То, что эти же окончания употребляются и во "втором прошедшем" : алганмын (я взял) -стр.17 брошюры-и будущем первым: алырмын (59) и в будущем втором: алачакмын (62)- все это мы находим и в книге И.К.Дмитриева. стр. 161 и др.

В заключение раздела (на стр.9 брошюры Б.А.Серебренникова читаем: " Форма 3-го лица ед.числа настоящего времени возможно некогда имела специальное окончание - -тыр, -дыр (-тер, -дер), Современем отпавшее".

В Грамматике же башкирского языка И.К.Дмитриева находим вполне определенное высказывание: "Здесь в более архаичной стадии башкирского языка можно предполагать особый аффикс сказуемости 3-го лица, который сохранился в других тюркских языках под формой - дыр , а в башкирском звучал: - дыр||тыр||зыр||лыр".

Таким образом по Б.А.Серебренникову в татарском аффикс тыр||дыр возможно был, а, значит, возможно и не был . Это примерно то же самое как если бы сказать, что в русском языке до революции буква ять то ли была, тол ли не была, "возможно была", а возможно - нет. Таков "конечный итог" "многолетних наблюдений".

Если бы Б.А.Серебренников умел читать по-татарски или же хотя бы ознакомился с литературой вопроса, то у него не было бы сомнений относительно существования этого аффикса, который до сих пор имеется в татарском, а в старом письменном языке - обычен. Наконец о форме на ыр/эр||р (в Грамматике Н.К.Дмитриева -стр.148-152, также см. "Строй турецкого языка", также-А.Н.Кононов "Грамматика турецкого языка"). На стр. 9 брошюры Б.А.Серебренникова читаем: " В тюркских языках огузской группы сохранился более древний тип настоящего времени на -р, ср.турецк. alir (он берет), verir (он дает) и т.д., которое по всей видимости одновременно имело

значение будущего времени. В кипчакских языках реликтом этого древнего типа является будущее на -р. ср. татарский алыр (он возьмет), барыр (он пойдет) и т.д.". Таким образом, реликт древнего типа настоящего времени. Это примерно то же самое, как если сказать, например, что слово "стрелять"- реликт древности (так как изменило значение) Будущее на-р обычное явление в татарском языке, а не реликт. Реликтом же является не "будущее на р" , а, так сказать, настоящее на р , правильно отмечаемое И.К.Дмитриевым на стр.150 цит.раб.: "туи кимэгэн туи кисэ, кага-кага бетерер -если тот, кто не надевал шубы, наденет шубу, он издерет ее, то и дело выколачивая (пословица)". Здесь форма бетерер "означает настоящее время, не связанное с данным моментом и потенциально происходящее при соответствующих условиях" И не будущее это на р и не настоящее, а причастие настоящего времени, пока не добавлены к нему личные окончания, ибо, как отмечал и Г.Алпаров и другие, эта форма, отнюдь не реликтовая, употребляется она в качестве определения, тогда как личные формы глагола не могут выступать в роли определения. Например, агар су "Текучая вода" (или, точнее, "текущая вода") и др.

Если добавить сюда голословное заявление Б.А.Серебренникова, что "Окончание I-го лица ед.числа - м не восходит непосредственно к личному местоимению мин (я). Оно перенесено по аналогии из сферы первого прошедшего времени, ср. алды-м (я взял)", то мы полностью исчерпаем содержание первого раздела брошюры Б.А.Серебренникова, ибо все остальное в этом

разделе составляют громоздкие примеры. Например, чтобы иллюстрировать употребление слова барасың "идешь" - в этом самом значении - на стр. 8 приводится целый абзац из шести строк, состоящий из четырех предложений, из которыз три ненужны, так как иллюстрируемое слово содержится только в одном (последнем)из них. Остальные примеры в брошюре аналогичны. Более того .На той же стр.8 читаем пример: " Искәндәр ялты-рап торган ераклыкка карап әкрен генә җырлый: только белая пена играет, только синее море поет" после чего следует перевод: " Искандер, взглядываясь в сверкающую даль тихо поет: только белая пена играет, только синее море поет".

Эти русские стихи, вкрапленные в татарский текст, приводятся Б.А.Серебренниковым каждый стих с новой строки, как в татарском тексте, так и в русском "переводе", хотя они не имеют никакого отношения к выяснению семантики татарского слова җырлый "поет", ибо что именно поет - здесь не имеет значения, важно лишь, что герой смотрит в даль и поет.

Подобные цитаты, иллюстрирующие рбщеизвестные вещи наподобие того, что настоящее время может употребляться по отношению к прошлому действию - для живости изложения, занимают основное место во всей брошюре, а в промежутках находим скупые "конечные итоги" "многолетних наблюдений" автора брошюры, которые (ИТОГИ), как видим не отличаются по сути от таковых других исследователей, разумеется, если оставить в стороне сравнительную неполноту этой брошюры по сравнению с работами других, например, Н.К.Дмитриева , а также оставить в стороне ошибки автора брошюры и его сомнения и колебания по поводу

элементарных школьных истин.

При этом, хотя в данном разделе, как и во многих других, по сути дела нет ничего нового (а даже меньше) по сравнению с якобы "ошибочными утверждениями, некогда высказанными авторитетными тюркологами" (как пишет Б.А.Серебренников), тем не менее выводы этих авторитетных тюркологов "механически повторяются" автором брошюры - притом повторяются без единой ссылки на этих авторов якобы "укоренившихся догм ", а в тех немногих случаях, когда Б.А.Серебренников отклоняется от этих "догм", то он показывает свою недостаточную осведомленность в фактах татарского и др.тюркских языков и некоторых элементарных положениях тюркологии. Так на стр.8 без каких-либо пояснений и доказательств к " кыпчакским" языкам относятся автором брошюры уйгурский, кабардино-балкарский и т.п., хотя давно известно, что уйгурский например, не входит в кипчакские и это э л е м е н т а р н а я школьная истина тюркологии. Если Б.А.Серебренников считает эту истину "догмой", то он обязан объяснить, почему он не согласен с отнесением этого языка не к кипчакским, а к другой группе. Но такого объяснения мы не находим, просто имеется голословный перечень языков, относимых автором к кипчакским, что свидетельствует лишь о неосведомленности автора в тюркологии. Просто так, без доказательств, без фактов утверждать, что уйгурский относится к кипчакским - это и есть догма. Те же, кто не включал уйгурский в число кипчакских, исходили из языковых фактов, которым Б.А.Серебренникову нечего противопоставить, кроме голословных заявлений

о якобы "ошибочных утверждениях" "авторитетных тюркологов", упоминания о "догмах" и т.п.

Даже если допустить, что Б.А.Серебренников не пользовался трудами Н.К.Дмитриева, на которого не дается ссылок в данном разделе, то спрашивается, кому нужны выводы в брошюре, являющиеся менее полными, менее точными и менее определенными по сравнению с работами Н.К.Дмитриева и других? Ведь Б.А. Серебренников сомневается даже в том, например, был или не был в древности в татарском аффикс 3/го лица, наст.времени -дыр||тыр тогда как он даже сейчас имеется, не говоря уже о дореволюционной литературе. Определение Н.К.Дмитриевым функций татарского и башкирского настоящего времени дается более точно одним уже сравнением с английскими формами, тогда как в данной брошюре находим менее определенные объяснения известных положений.

На стр. 6 брошюры находим перечень 9 времен "Современного татарского литературного языка" Те же 9 времен находим в книге Н.К.Дмитриева на стр. 161. Это следующие.

I а) настоящее время: ала - м (я беру) (Б.А.Серебренн.)
I б) настоящее время: ал - а - м(ын)
(Н.К.Дмитриев)

2 а) первое прошедшее время ал - дым
(я взял) (Б.А.Сер.)

2 б) прошедшее законченное ал - д - ым (Н.К.Дм.)

3 а) прошедшее второе алган - мын
(я взял) (Б.А.Сер.)

3 б) прошедшее-настоящее алган - мын (Н.К.Дм)

4 а) преждепрошедшее время алган идем
(я взял раньше) (Б.А.Сер.)

4б) давнопрошедшее алган имем (Н.К.Дмитриев)

5а) прошедшее незаконченное ала идем
(я брал) (Б.А.Сер.)

5б) прошедшее незаконченное I-е ала имем (Н.К.Дм.)

6а) прошедшее многократное ала торган идем
(я брал неоднократно)(Б.А.Сер.)

6б)

7а) Будущее первое алыр мын (я возьму")
(Б.А.Сер)

7б) будущее первое ал-ыр-мын (Н.К.Дм.)

8а) будущее второе алачак-мын (я обязательно возьму) (Б.А.Сер)

8б) будущее второе ал-ачак-мын (Н.К.Дм.)

9а) будущее-прошедшее алачак идем (Б.А.Сер.)

9б) будущее-прошедшее алачак идем (Н.К.Дм.)

I0б) прошедшее незаконченное 2-е алыр идем (Н.К.Дм)

Приведенная сравнительная таблица глаголов в изъявительном наклонении показывает, что (кроме изменения названий) в восьми случаях из девяти в брошюре Б.А.Серебренникова даются те же самые времена и формы глагола, которые даны у Н.К.Дмитриева. А ведь мы сравнили эту брошюру всего лишь с несколькими страницами одного труда -Грамматики Н.К.Дмитриева и не коснулись известных татарских грамматик В. Хангильдина, Г.Алпарова и многих других, Или тюркологических трудов А.Н.Кононова, Э.В. Севортян и др. Независимо от того, использовал или не использовал Б.А.Серебренников труды "авторитетных тюркологов", содержа-

щие по его словам "некоторые ошибочные утверждения", ставшие будто бы "догмами", его собственные "конечные итоги многолетних наблюдений" в брошюре, как видим не содержат по сути дела никакой новой классификации времен и форм татарского глагола .

Главное внимание Б.А.Серебренников уделил семантике указанных глагольных форм, что видно уже из того, что основную часть книги составляют многочисленные и громоздкие примеры, о некоторых из них говорилось выше. Причем, поскольку не указаны переводчики этих примеров, приходится отнести их к самому автору брошюры. В "Списке произведений, использованных для иллюстративного материала" на стр.76 фигурирует 37 названий, в том числе есть и переводные с русского. Списка же использованной литературы не приводится, а ссылки в тексте на Н.К.Дмитриева и др. большей частью находим лишь при спорных вопросах, ввиду чего создается впечатление, что Н.К.Дмитриев кругом неправ (стр.II,32-33, I6,I9, 23,43,59,64,65 и др.) и делал, якобы, только одни ошибки, ибо автор брошюры соглашается с Н.К.Дмитриевым только в двух случаях (стр.34,62), а во всех остальных случаях выступает против. В результате читателю в н у ш а е т с я совершенно необоснованная и неправильная мысль о том, что якобы Б.А.Серебренников будто бы сделал какие-то важные открытия в татарской грамматике, а Н.К.Дмитриев и другие "авторитетные тюркологи" будто бы в основном лишь ошибались. В действительности же Б.А.Серебренников п о в т о р я е т (в сокращенном виде и ином словесном наряде) т о ж е , что писали эти якобы ошибавшиеся авторитеты. Различие - в мелочах, ибо в н о в ь затронув некоторые так сказать "спорные" д е т а л и

автор брошюры лишь п о в т о р я е т в с е м д а в н о и з в е с т н ы е возражения - по поводу этих д е т а л е й, высказывавшиеся еще десятки лет тому назад, например, в 1950 году -т.е. тогда, когда сам Б.А.Серебренников не знал еще ни одного единого татарского слова. (он начал изучать татарский в бытность мою в аспирантуре Института языкознания - в 1950-53г.г. и неоднократно обращался ко мне и другим аспирантам за консультациями по татарскому и тюркским языкам). При этом Б.А.Серебренников приводит цитаты и ссылки из работ А.А.Юлдашева, В.Н. Хангильдина и др. и даже... Р.Газизова, который только занимался, так сказать, обработкой трудов покойного проф.М.Курбангалиева, имя которого при этом исчезало с титульных листов последующих изданий. С этими авторами, как известно, Б.А.Серебренников солидаризируется не только и даже не столько по научным, сколько по определенным ненаучным (кроме Х.И.Хангильдина) вопросам. Например, почти целый печатный лист (стр.17-31) посвящен рассмотрению формы на -ган, называемой автором "прошедшим вторым" и критика в этой связи взглядов И.К.Дмитриева, считавшего эту форму перфектной. А каков результат этой критики? На стр. 23 брошюры Б.А.Серебренникова читаем: "Прошедшее второе в татарском и башкирском языках действительно м о ж е т иметь перфектное значение. И.К.Дмитриев был совершенно п р а в, когда он отмечал в своей Грамматике башкирского языка наличие у башкирского прошедшего времени на -ган этого значения. Однако, ошибка И.К.Дмитриева состоит в том, что он возвел это значение в абсолют и не хотел признавать за ним никаких других значений". Правильна ли эта критика и что в ней нового?

Рассмотрим по порядку.

На стр. I7-I8 брошюры цитируется следующее значение этого времени: "которое употребляется тогда, когда речь идет о давно поцедших событиях, действиях или с о с т о я н и и предметов или вообще о том, чего сам рассказчик не видел собственными глазами или хорошенько не помнит их"I). Далее следует ссылка на школьные грамматики, затем цитата из А.Юлдашева: "Основным значением прошедшего на -ган является обозначение действия, которое имело действие в прошлом и очевидцем которого говорящий не был. Остальные формы прошедшего времени не имеют указания на этот модальный оттенок ("заглазность"). Поэтому он является для формы на-ган наиболее характерным. Следовательно, наиболее подходящим ее названием будет << прошедшее неочевидное >> , а не перфект..." как это предполагается отдельными тюркологами, тщетно стремящимися найти здесь тождество с индоевропейским перфектом, т.е. законченным прошедшим (совершенным)

"Трактовка этой формы как перфекта возможна разве только с помощью логизирования..." Далее в брошюре, со ссылкой на А.Юлдашева, отмечается "невозможность образования формы на -ган от глаголов, обозначающих действие, протекающее на глазах, употребление прошедшего на - ган в повествованиях, сказках, в которых описываемые действия имели место давно, во всяком случае не на глазах говорящего"I).

I) М.Курбангалиев и Р.Газизов "Систематическая грамматика татарского языка в сравнении с грамматикой русского языка" Казань,I932, стр.I26 (цитирую по брошюре Б.А. Серебренникова).

2) А. Юлдашев, Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке.

На стр. 19 брошюры, после критического изложения известных взглядов Н.К.Дмитриева, читаем: " А.Х. Нуриева [первым оппонентом которой выступал Б.А.Серебренников при защите ею кандидатской диссертации - при У.Б.] "называет второе прошедшее время неопределенным прошедшим временем. Неопределенное прошедшее время обозначает действие, которое известно только по его результатам, очевидцем которого говорящий не был: действие, которое не характеризуется категоричностью. В этом определении- продолжает автор - чувствуется тенденция примирить между собой две полярно противоположные точки зрения"[1])

А каковы результаты самого Б.А.Серебренникова? На стр.21 брошюры читаем подчеркнутое самим автором:" В татарском языке прошедшее на-ган или второе прошедшее м о ж е т употребляться для выражения чистого результата действия. При этом говорящий совершенно абстрагируется от какой-либо модальности". Чем это отличается от взгляда Н.К.Дмитриева?

Наконец, на стр.26 находим схему, согласно которой первоначально существовало только перфектное значение, от которого далее развились I) перфектное же значение 2) значение неочевидности действия. И заключение на стр.27: "Употребление прошедшего второго в современных татарском и башкирском языках двухаспектно. Оно может употребляться и в значении перфекта и в значении прошедшего неочевидного времени (подчеркнуто Б.А.Серебренниковым).

I) А.Х.Нуриева. Система спряжения глагола по категории времени в татарском языке, стр.20 (цитирую по брошюре Б.А.Серебренникова - У.Б.)

Чем это не попытка "примирить" противоположные взгляды? Сложили два давно известных взгляда и вот результат: возможно и то значение, возможно и это. Абсолютизирования здесь действительно нет: есть лишь эклектизм и отсутствие какого-либо самостоятельного грамматического анализа рассматриваемой формы. И полная неопределенность: "может быть", "возможно" - которые приведены в замен четких грамматических определений И.К.Дмитриева, который правильно взял то общее и постоянное, притом грамматическое, что характеризует форму на -ган (дополненную личными окончаниями), именно-совершенность действия.

Б.А.Серебренников следует за А.А.Юлдашевым, по сути дела (голословно) объявляющим грамматику "логизированием" и исходит из известных позиций "семантической", с позволения сказать, грамматики, которая может иметь отношение к современности лишь постольку, поскольку подобные несовременные взгляды действительно высказаны некоторыми в наше время. Следующим этапом движения вспять к Махмуду Кашгари[1]) (который тоже - и без необходимости - упоминается в брошюре) могло бы быть только приписывание форме на -ган полисемантизма, ибо, например, алган значит "взял", улган "умер", тырышкан "старался" и т.д. Ибо, с каких это пор модальность стала выдаваться за грамматическое время?

Как видно, иногда можно даже в наше время окончить классическое отделение Московского университета и не знать элементарных школь-

---

1) Ученый, живший тысячу лет назад в Средней Азии.

ных истин грамматики.

Ведь речь может итти в данном случае лишь о том, передает ли рассматриваемая форма совершенность действия или не передает, а примешивать сюда модельность - это значит становиться на позицию, приближающуюся к древней относительной, так сказать, диффузности понятий и значений слов и форм. Антиисторично в свете изложенного, и заключение в брошюре -о якобы расщеплении древнего перфектного значения на перфектное же и на "значение неочевидности действия". Грамматика есть объективный результат унификации форм и их значений, а не следствие расщепления. Во всяком случае последнее, т.е. расщепление, надо д о к а з а т ь ф а к т а м и истории, а не голословными заявлениями .

И последнее - по счету, но не по важности.

Автор брошюры, как указано, не ограничивается ссылками и цитатами из трудов "авторитетных" и неавторитетных тюркологов-для подтверждения спорных положений - и "механическим" объединением "двух полярно противоположных точек зрения".

Занявшись семантической стороной грамматических явлений, автор приводит в подтверждение своих высказываний многочисленные отрывки из художественной и иной литературы на татарском языке. То, что эти громоздкие цитаты по крайней мере большей частью иллюстрируют положения, не требующие доказательства - было показано выше.

Однако по меньшей мере сомнительна доказательная сила этих отрывков, заполняющих брошюру -по той причине, что на 75 страницах этого труда содержится несколько сотен ошибочных переводов. Я ограничусь несколькими примерами.

На стр. 74: " начар атмыйлар " переведено "плохо стреляют", тогда как следует: " хорошо стреляют". На стр. 60: " үзебезгә кайтырсыз " переведено "возвращайтесь (домой)", тогда как следует: "Вы возвратитесь к нам" (а не домой, хотя возможно и значение "возвращайтесь"). На стр.15: туктамаган әле переведено: " не переставал", тогда как следует: " не перестал", на стр. 22: авыл... матур җиргә сальнган "деревня расположена на... красивом месте", тогда как следующее сальнган означает "построена", "заложена: и др., но ни как не "расположена". Слово "расположена" по-татарски будет " урнашкан" — от слова "урын" - место. На стр. 25 слово ышкыган переведено "терся", тогда как правильно будет" тер" и так далее и тому подобное.

Спрашивается, может ли быть дана соответствующая действительности, а не фантастическая характеристика семантики глагольных времен в татарском, если оперировать подобными примерами, значения которых автор сам не понимает, что видно из его переводов? Едва ли.

В этой связи весьма отрадно констатировать, что в советской тюркологии едва-ли можно найти подобные ошибочные переводы в трудах не то чтобы "авторитетных", как И.К.Дмитриев, но и рядовых, так сказать, неавторитетных (если следовать терминологии Б.А.Серебренникова) тюркологов и татароведов, как А.Юлдашев и др., которых можно обвинить самое большее - в смешении семантики с грамматикой.

Однако Б.А.Серебренников своей брошюрой только способствовал укреплению смешения грамматики с семантикой.

Б.А. Серебренников не без основания пишет на стр.3, что в брошюре "читатель найдет немало отступлений от тех положений, которые многим исследователям татарского языка могут показаться прочно установленными истинами" и "не претендуя на безупречность высказываемых им положений" (т.е. высказываемых автором брошюры - У.Б.), дает понять, что сам сомневается в истинности своих высказываний.

Отступления действительно есть и прежде всего отступления от грамматики вообще - отступления в область семантики, к Махмуду Кашгари.

Что же касается других отступлений, то если не считать сотен неправильных переводов с татарского, то во всей брошюре едва ли можно найти какую-либо мысль, которая не была бы высказана ранее тем или иным тюркологом, татароведом -быть может лишь за исключением отдельных ничем не подтвержденных предположений автора брошюры, наподобие рассмотренного якобы расщепления значения будто бы первоначального перфекта.

Таков малоутешительный "конечный итог" "многолетних наблюдений" Б.А.Серебренникова и будто бы самостоятельных его "попыток найти основные закономерности употребления глагольных времен в татарском языке" (стр.3) *

За недостатком места и времени придется оставить до другого удобного случая детальный разбор новой статьи Б.А.Серебренникова "О взаимодействии языковых явлений и их исторических изменений", опубликованной в "Вопросах языкознания" за 1964 г. № 3 (стр.19-31), также, как и рассмотрение других его работ, да и едва ли в этом есть необходимость.

*

Здесь, все же приходится остановиться на отдельных положениях упомянутой статьи (от 1964 г.), т.к. я вынужден к этому рецензентами, которые не признают отличий экспериментальных опытных данных, содержащихся в моей диссертации, - от априорных гипотетических или основанных на неквалифицированных слуховых наблюдениях[1] предположений, а также способны игнорировать и тот факт, что ряд моих работ, содержащих определенные выводы был опубликован ранее более или менее сходных по тематике работ Б.А.Серебренникова (или одновременно с ними), как мы имели возможность продемонстрировать выше. Поэтому имеется опасность того, что совпадение по тематике некоторых моих выводов 1958, 1961, 1962 г.г. - с отдельными выводами в статье Б.А. Серебренникова от 1964 г. может послужить для некоторых, так сказать, "основанием" для обвинений по моему адресу - в использовании работ Б.А.Серебренникова без указания автора - несмотря на анахронизм.

Сплошь структуралистская т е р м и н о л о г и я статьи Б.А.Серебренникова "О взаимосвязи языковых явлений и их исторических изменений"[2], отличающая эту его работу от предшествующих его трудов сопровождается, однако, отсутствием четкости грамматических понятий, являющейся положительной стороной структуралистского учения и по содержанию едва ли может представить что-либо новое не только в науке вообще, но и в творчестве данного автора.

---

1) Ибо есть и квалифицированные слуховые наблюдения - ?

2) Вопросы языкознания, М. 1964, № 3

На стр. 23 утверждается, что "одной из наиболее типичных особенностей агглютинативных языков является сильно развитый способ суффиксального формо и словообразования".

Если к этому внести поправку, что, как известно, агглютинативные языки, между прочим, тем и отличаются от многих других, что в них, как правило, нет суффиксов (и префиксов), а есть лишь постпозитивные однозначные аффиксы, следующие после корня и отнюдь не равные по значению, например, окончаниям во флективных языках, то в остальном цитированный абзац статьи Б.А.Серебренникова не может представить чего-либо нового в науке.

Говорить " суффиксальное формообразование в агглютинативных языках" было естественно, быть может, сто лет назад, когда недостаточно была выяснена разница между суффиксами -и постпозитивными аффиксами агглютинирующих языков. Если же иметь в виду под"суффиксальным формообразованием" просто факт наличия системы словообразовательных и словоизменительных постпозитивных аффиксов - т о э т о и е с т ь суть агглютинации и автор статьи, говоря "сильно развита" показывает лишь свою неуверенность в данном вопросе, ибо "сильно развитым" может быть и второстепенное, не главное явление, а здесь эта постпозитивность и однозначность аффиксов есть с у т ь агглютинативного строя.

Как видно из самого названия, соответствующего содержанию, статья посвящена доказательству "существования причинных связей между языковыми явлениями, признание которого не ново для лингвистической науки", но по мнению автора " не всегда в

достаточной мере учитывается, однако, при изучении истории языка" (стр.21). И далее следуют на протяжении около печатного листа (всей статьи) примеры из раздичных, преимущественно финно-угорских и тюркских языков, не связанные друг с другом и призванные лишь иллюстрировать постулируемую в начале и по признанию самого Б.А.Серебренникова не новую мысль о наличии связей между языковыми явлениями.

Тематика журнала "Вопросы языкознания" вполне допускает подобные научно-популярные статьи и не приходится сомневаться в пользе популяризации хотя бы и давно известных в науке положений, тем более, что по уверению автора статьи даже языковедами "не всегда в достаточной мере учитываются" подобные давно известные в науке факты.

Дело однако в том, что на 3 года ранее я привел в своей диссертации целую серию инструментальных опытных данных, свидетельствующих о наличии связей между различными языковыми явлениями в тех же тюркских и финно-угорских языках, которыми в основном оперирует Б.А.Серебренников, однако в отличие от последнего мне не пришло в голову писать специальную, хотя бы даже популярную работу, доказывающую наличие связей между языковыми явлениями, так как я полагал наличие таких связей давно известной вещью и сам занимался вопросом лишь о том, какие и м е н н о связи существуют между теми или иными конкретными языковыми явлениями или группами явлений в ряде конкретных тюркских и финно-угорских языков.

С точки зрения современной науки не только факт наличия связей между языковыми явлениями, но и так называемый закон

системности языковых явлений - не более, как частный случай универсального закона диалектики - о всеобщей связи и взаимозависимости явлений в природе и обществе, каковой закон, как известно восходит еще к К.Марксу и Ф.Энгельсу и Г.Гегелю (если не к Аристотелю).

В Анти-Дюринге Ф.Энгельса читаем: "Для метафизика вещи и их умственные образы, т.е. понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого" (стр. I6, М._#.I930). И этому метафизическому взгляду Ф.Энгельс противопоставляет диалектико-материалистический взгляд, - о всеобщей связи и взаимозависимости (и взаимодействии) явлений и предметов - как во всем Анти-Дюринге, так и в других своих работах.

В философских тетрадях В.И.Ленина (М.I936; стр.I59) цитируется из Г.Гегеля, том УI, стр. 259: "Правда, взаимодействие есть ближайшая истина отношения причины и действия и стоит, так сказать, на пороге понятия. Но как раз именно поэтому нельзя удовлетворяться применением этого отношения, поскольку дело идет о понимающем познании. Если остановиться на том, чтобы рассматривать данное содержание только с точки зрения взаимодействия, то такое отношение на самом деле будет бессодержательным". И на полях пометка В.И.Ленина: "Только <<взаимодействие>> = пустота".

Ниже на той же I59 стр. находим и пример из Г.Гегеля: "Так, например, если мы будем считать нравы спартанского народа следствием его законодательства и обратно, последнее следствием первых, то мы будем, может быть, иметь правильный взгляд

на историю этого народа, но этот взгляд не удовлетворит вполне ума, потому что мы с помощью такого объяснения не поймем ни его законодательства, ни его нравов. Понять это можно будет только тогда, если мы постигнем, что обе стороны отношения, как и все прочие особые стороны, которые вошли в жизнь и в историю спартанского народа, вытекали из того понятия, которое лежало в основе их всех " [Г.Гегель, 260] . И помета В.И.Ленина: "Все «отдельные стороны >> и целое (« понятие >>)".

Гегель умер в 1831 году.

А в XX веке структуралисты "доказывают" системность и взаимосвязь языковых явлений, и наконец, в 1964 году Б.А.Серебренников выступает со статьей, в которой пытается доказать наличие взаимосвязи, причинных связей между языковыми явлениями, так как они кое-кем (де) недостаточно учитываются.

И подобные доказательства выдаются за новые достижения в науке, хотя только для метафизиков могло показаться открытием заявление о системном характере языковых явлений, между которыми существует взаимосвязь и взаимозависимость. То, что языковые явления не представляют собой хаос, какое-то случайное собрание разнородных и не связанных между собой явлений - это в наш век ясно каждому грамотному языковеду и может требовать доказательства или иллюстраций разве лишь для неязыковедов, да и то не всех. И даже будучи вновь доказанной , эта "не новая" (по признанию автора статьи) мысль о наличии взаимодействия вообще, взаимодействия как такового, оказывается даже по Г.Гегелю "бессодержательной" и "пустой", -не говоря уже о теории марксизма.

В противоположность статье Б.А.Серебренникова (от 1964г.) в моих работах (1961,1962 г.г.) рассматриваются экспериментальные опытные данные о том, какие именно конкретные связи существуют между различными языковыми явлениями в фонетике ряда тюркских и финно-угорских языков. Особенно показательным в этом отношении является автореферат моей докторской диссертации, который по сути дела едва ли не целиком посвящен изложению основанных на инструментальных данных конкретных выводов о конкретных причинно-следственных связях между различными языковыми явлениями в конкретных тюркских и фиинноугорских языках. Так, в разделе "Вокализм"(стр.4-19) излагаются связи между качеством и количеством (длительностью) гласных, качеством слогов, качеством и количеством окружающих звуков и т.д. (см.особенно стр.13), во втором разделе "Консонантизм"- аналогично - рассматриваются связи между качеством и количеством (длительностью) согласных звуков, звонкостью, глухостью, спирантностью и т.д. (стр.19-33, особенно - см.стр.28-31); в третьем (последнем) разделе автореферата "Ударение" рассматриваются связи между ударением и его компонентами - как между собой, так и в целом , связь их с качеством и количеством гласных, согласных, слогов и т.д. (стр.33-65 , например, 48 и многие другие), рассматривается зависимость между внутри лингвистическими и экстралингвистическими факторами, между фонетическими и морфологическими факторами и т.д. и т,п,, между современным состоянием и историей языка и народа и так далее и тому подобное. Но все это рассмотрение конкретных связей между конкретными явлениями отнюдь не претендует на открытие и даже подтверждение наличия самого

факта связи языковых явлений вообще.

Поскольку и другие языковеды на каждом шагу устанавливают и разрешают причинно-следственные связи между языковыми явлениями, хотя и не считают нужным специально доказывать самый факт наличия взаимосвязи языковых явлений вообще, как таковой, то вполне допустимо, что вовсе и на мой автореферат (от 1962 г.) подал Б.А.Серебренникову мысль для написания рассматриваемой статьи. Однако фактом является совпадение отдельных примеров в статье Б.А.Серебренникова с таковыми, приводимыми мною в диссертации и автореферате, также, как и совпадение некоторых положений Б.А.Серебренникова с более ранними выводами других авторов, имена которых, как и мое не упоминаются в его статье.

Так, на стр. 27 указанной статьи находим изложение ряда положений радловского закона о перебое гласных в поволжско-тюркских - без упоминания В.В.Радлова.

Допустим, что в тюркологии этот радловский закон о перебое известен. Но статья Б.А.Серебренникова расчитана не только на тюркологов, а и на более широкий круг, а между тем едва ли этот перебой известен для специалистов по другим языкам, которые поэтому тем более могут воспринять это как открытие Б.А.Серебренникова, коль скоро уж лица, носящие звание кандидатов наук и работающие в области татарского, потребовали от меня ссылки по вопросу о перебое гласных в поволжских -не на В.В.Радлова, (на которого у меня имеется ссылка), а на Б.А.Серебренникова.

Допустим, все же, что перебой гласных в поволжско-тюркских вещь извеатная в языкознании.

Но вот на стр. 25 рассматриваемой статьи читаем: "Есть целый ряд агглютинативных языков, имеющих так называемое абсолютно глухое начало слова (т.е. в начале слова не может быть звонких согласных). К таким языкам относятся многие финно-угорские и некоторые тюркские языки" "Наличие абсолютно глухого начала слова очень часто связывается с ударением на первом слоге и с наличием долгих гласных, которые в известной степени компенсируют фонологическую пассивность слова" "Чувашский язык приобрел абсолютно глухое начало слова,..."

Чтобы полнее передать мысль автора я привел в контексте подчеркнутую мною фразу -вместе с другими высказываниями автора.

Хотелось бы знать, К Е М "связывается" "наличие абсолютно глухого начала слова" "с ударением на первом слоге"? Например, в чувашском или удмуртском и др., о которых ведет речь автор статьи? Для тюркологии эта связь не являеися известной истиной, а и н с т р у м е н т а л ь н о эта связь была доказана мною в 1961 г.. Например, в "Звуковом строе", ч.П, на стр. 211-212 указывается (в связи с чувашским), что наличие "предшествующего сильного глухого согласного" "во многих языках является комбинаторным фактором, повышающим высоту тона гласного". На стр. 218 той же книги читаем: "Факторами, повышающими высоту тона гласного являются:... наличие соседних, главным образом, предшествующих глухих сильных согласных..." На стр. 254 (об удмуртском) читаем: "Факторами, влекущими за собой относительное повышение тона могут быть: "закрытый характер слога, глухость, смычность, сильное произношение соседних,

главным образом предшествующих согласных" "При этом комбинаторное возрастание интенсивности гласного обуславливается теми же факторами, что и позиционное повышение тона".

На стр. 257 о луговом марийском говорится: "Фонетические факторы, влияющие на отдельные компоненты ударения, те же, что и в удмуртском..." и так дадее и тому подобное. И все это - выводы из экспериментальных опытных данных, полученных мною. Об этом же говорится в автореферате. Например, на стр.28 читаем: "Спирантизации может способствовать..... 4) безударное положение (напр., озвончение и спирантизация d в татарском чаще имеют место в словах типа qədaqa "сватья" по сравнению со словами типа daladan "из степи", ибо и в том и другом слове акцент приходится на последний слог; в последнем случае интервокальное d находится в позиции под ударением); " При этом звонкость считается "спирантизующим признаком" (стр.29). И таких примеров сотни в моей работе. Они совпадают с высказываниями Б.А.Серебренникова в его статье, вышедшей на три года после моей книги, на четыре года после представления мною диссертации в Институт языкознания, где директором был Б.А.Серебренников, который дал отзыв на эту мою работу и не мог не знать ее .

Сама "идея" о том, что якобы "в тюркском языке-основе было абсолютно глухое начало" (стр.30) представляет собой некую комбинацию, составленную из давно известной гипотезы и начальном ударении в тюркских - с одной стороны и с другой - из доказанной мною связи между оглушением и ударением в тюркских и некоторых финно-угорских языках - об оглушающем, усиливающем соседние согласные влиянии ударения (силового) в этих

языках.

В рассматриваемой статье находим и стилизацию исторических фактов (напр., -на стр. 30 в полемике с М.Рясяненом), логические противоречия , например, абсолютно глухим началом в чувашском, которое по автору вначале было, потом исчезло, вновь возникло под влиянием марийского(!) субстрата и т.д. да и сам термин "абсолютно глухое начало", объясняющийся автором как невозможность звонких согласных в начале слова, например во многих тюркских и финно-угорских языках и в то же время допущение Б.А.Серебренниковым в начале слова звонких согласных в этих языках, например, на стр. 30: "начальный j вообще не подвергается никаким изменениям, в том числе аффрикатизации" "в тех языках, где существует абсолютно глухое начало слова". Другими словами *contradictio in adjecto* у любителя логики.

В довершение всего - неосведомленность автора в области фактов тюркских языков.

Так, на стр. 30 говорится об отсутствии "в начале слова плавных и носовых *m, n, r* и *l*, которые в сочетаниях с другими согласными в середине слова ведут себя как звонкие, ср. татар. *bergä* "вместе", *aldy* "он взял", *qulymda* "в моей руке" и т.д. Между тем известно, что в татарском сонорные могут быть и часто действительно бывают в начале слова: ср. *min* "я" *mənda* "здесь" *naĭar* "плохой" *jaqšə* "хороший" и т.д.

На стр. 21 утверждается, что "в целом ряде языков (... некоторые тюркские ...) произошло оглушение конечных звонких.... татар. qys "девушка" (вместо qyz)..." и т.п.

Но это совершенно неправильно в отношении татарского, в котором в абсолютном исходе конечный слабый звонкий z не оглушается, также как и перед добавляемыми аффиксами, начинающимися на звонкий согласный; звук этот в исходе остается слабым и может оглушаться только конечная его часть, ввиду чего неправильно и написание Б.А.Серебренникова: qys . Рассуждение об этом оглушении в татарском есть ~~фактор~~ стилизация фактов, подведение под заранее предвзятую схему, основанное на невнимании к фактам татарского языка.

Такое же игнорирование проявляется и в переводах Б.А.Серебренникова, ибо алаша (alaša) по-татарски означает "мерин", а вовсе не "лошадь", как неправильно утверждает на стр.25 автор статьи, не потрудившийся даже взглянуть в татарско-русский словарь. Слово же "лошадь" по-татарски будет ат .

Я не имею возможности продолжать этот перечень за недостатком места и времени, да и едва ли в этом есть необходимость, ибо уже изложенное дает известное представление о рассматриваемой статье Б.А.Серебренникова, которая не только не содержит чего-либо нового по сравнению с предшествующими трудами других авторов, на которых далеко не всегда имеются ссылки, в данной статье, как и в других того же автора, но напротив, эта работа показывает незнакомство ее автора как с фактами тюркских и др. языков, так и некоторыми элементарными основами фонетики, языкознаниям марксистской теории, ибо иначе он не стал бы доказы-

вать в своей, так сказать, научной статье того, что является элементарной общеизвестной истиной не только языкознания, но и [redacted] марксизма-ленинизма и [redacted] признавалось еще Г.Гегелем, цитированное рассуждение которого о бессодержательности установления только связи, только взаимозависимости бьет не в бровь, а в глаз автора рассматриваемой статьи.

В современной науке речь и идет не о том е с т ь или н е т взаимосвязи явлений (в том числе лингвистических), а речь может итти лишь о том, к а к и е и м е н н о связи и "взаимозависимости" существуют в тех или иных языках, а в этом отношении мы находим в данной статье лишь перечень несвязанных между собой отдельных общеизвестных истин или же ряд ошибочных положений, ничем не доказанных и опровергаемых фактами языков.

Р А З Д Е Л III

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДА

Г л а в а У П ОБЗОР ПОДНЯТЫХ ВОПРОСОВ

Несмотря на то, что рецензенты никогда не занимались инструментальной фонетикой и не имеют ни одной работы в этой области, тем не менее они выступили с возражениями, которые они сами относят к "методу и методике" данного инструментального исследования, хотя в действительности эти поднятые рецензентами вопросы не относятся к технике постановки опытов, расчетам, способу фиксации и вообще к технике инструментально-фонетических исследований, а относятся только к тематике и организации вообще изучения тех или иных вопросов, и прежде всего касаются содержащихся в моих работах р е з у л ь т а т о в и в ы в о д о в из инструментальных исследований, притом только по татарскому языку.

Здесь по существу имеем критику "метода" с точки зрения результатов полученных этими методами, критику метода за несоответствие результатов исследования слуховым впечатлениям рецензентов.

Будучи в ы н у ж д е н следовать за рецензентами в тематике данного дополнения к диссертации, я вынужден остановиться и на всех более или менее определенных, в той или иной форме выраженных замечаниях рецензентов, связываемых (ими - НВ) с

"

"методом и методикой" диссертации, а после этого обзора будут детально рассмотрены данные возражения, которые сводятся к следующим.

I."Метод и методика" рецензируемых в отзывах работ объявляется якобы неправильной потому, что р е з у л ь т а т ы инструментального исследования (касающиеся одних вопросов, при одних условиях, в одних языках и диалектах) - не соответствуют, не согласуются со слуховыми впечатлениями рецензентов (касающимися, как правило, других вопросов, в других условиях и притом, относящихся только к одному мишарско-татарскому говору)- хотя полученные нами инструментальные данные и выводы по всем оспариваемым рецензентами вопросам подтверждают ряд наблюдений других тюркологов и татароведов (см.выше) и одобрены татарской научной общественностью (отзывы из КГУ, КГПИ, Сектора лексикографии ИЯЛИ бывш.КФАИ; РИСо бывш.КФАН, отзывы в казанской областной печати и др.)

На подобном способе критики строятся основные разделы обеих рецензий: основной раздел 4 отзыва П (стр.7-15) и др., три основных раздела отзыва I (стр.3-7) и др. и сами рецензенты это подтверждают: в отзыве I на стр.3-4 и др. в отзыве П - на стр. 8 и др.

2. М е с т о "фиксации фонетических явлений" рецензенты считают неправильным, так как запись проводилась в городе, в лаборатории, а не в селе, не в полевых условиях. Рецензенты полагают, что самый факт переезда диктора с места на место (из деревни в город и обратно), способен немедленно изменить произношение дикторов. При этом м е с т о фиксации фонетиче-

ских явлений рецензенты смешивают со с п о с о б о м фиксации (отзыв I, стр. 7-8) и свои замечания о месте фиксации без оговорок распространяют на способ фиксации, хотя о последнем ни слова не сказано рецензентами. Во-вторых, данное замечание о месте фиксации, касающееся только тех дикторов, которые приехали в Казань из сельских местностей, рецензенты распространяют на в с е х дикторов, в том числе на тех, которые, живя в Казани, никуда не переезжали и были записаны там, где они живут, в Казани. Кроме того, путем умолчания, намеков, неопределенных выражений и общей оценки книги в целом, рецензенты распространяют данное свое замечание, касающееся некоторых дикторов-татар - на всех дикторов по всем языкам.

Во П отзыве рецензенты вообще умалчивают о месте происхождения большинства дикторов и в н у ш а ю т незнакомым с работой лицам, что якобы для выяснения диалектальных особенностей татарского языка мною будто бы использованы дикторы, родившиеся и живущие в Казани (стр.4 отзыва П).

3. Возражения по поводу пригодности тех или иных дикторов-татар (стр.7 отзыва I, стр.3-5 отзыва П).

Рецензенты не отрицают того, что для исследования татарского языка I) нами использованы данные около 40 дикторов - татар; 2) что все они говорят по-татарски с детства; 3) не имеют дефектов речи; 4) в большинстве говорят по-русски с татарским акцентом, а других языков не знают; 5) происходят из различных районов ТАССР и сопредельных областей, а также - из самой Казани; 6) не отрицают рецензенты и того, что указанные дикторы из сельских местностей могут представлять территориаль-

ные диалекты и говоры; 7) не отрицают авторы отзыва и того, что другие ~~авторы~~ дикторы родились и живут в Казани, что произношение их официально признано литературным -самим Институтом языка, литературы, истории бывш.КФАН, или же что один происходит из района так называемого опорного диалекта, являющегося базой литературного языка, причем прожил в Казани много лет и получил образование на татарском языке, окончив Татарское отделение Казгосединститута и преподает татарский язык и литературу на татарском языке в КГПИ и в настоящее время. Не отрицают рецензенты и того, что ни один из этих казанских дикторов не является представителем мишар-татарского диалекта, что существенно важно, ибо любой казанско-татарский говор гораздо ближе к литературному татарскому языку - по сравнению с мишарским (к которому относится и большинство данных рецензентов).

Возражения рецензентов против дикторов-татар (дикторов по другим языкам они не касаются) сводится к пяти моментам.

Во-первых (в отзыве П, стр.4) путем умолчания внушается читателю и слушателю, что большинство дикторов происходит из самой Казани, а не из сельских местностей и что поэтому якобы эти дикторы непригодны для изучения диалектов. Уроженцы Казани, конечно, непригодны для изучения диалектов, однако дикторы, использованные для изучения диалектов, как указано, не являются уроженцами и жителями Казани, о чем ясно сказано в моих работах (напр. "Звуковой строй",ч.П, стр.7 и др.) и легко может быть проверено, ибо имена указаны и сами дикторы живы.

Во-вторых, хотя рецензенты и признают, что наши дикторы могут представлять местные диалекты и говоры (стр.5 отзыва П), но они голословно, без каких-либо пояснений заявляют, что эти дикторы будто бы не могут представлять т р а д и ц и - о и н ы е говоры. Под последними же (традиционными говорами) рецензенты имеют в виду не говоры, а представления о делении говоров, притом не традиционные, а свои собственные (рецензентов) представления, расходящиеся с традиционными. В моей работе как раз и отражено традиционное деление на диалекты и говоры, против которого рецензенты возражают, требуя, например, чтобы я не пользовался даже известными традиционными т е р м и н а м и и понятиями: казанско-татарский -мишарско-татарский и т.п. (отзыв П стр.21) и заменил бы их угодными рецензентам терминами "средний" и "западный" диалекты, н е - р а в н ы м и по признанию самих авторов отзыва П традиционным терминам: казанско-татарский и мишарско-татарский (т.е. предлагается даже мыслить только в рамках взглядов рецензентов).

Однако вопросы о традиционных взглядах на имеют вообще отношения к теме настоящей работы, ибо традиционные взгляды подлежат проверке инструментальными методами, а в инструментальных исследованиях вообще пока нет традиции, ибо такое исследование еще лишь начинается.

Смысл данного замечания рецензентов опять таки в том, что инструментальные данные, результаты исследования, выводы в моих работах н е п о д т в е р ж д а ю т взглядов рецензентов, каковые взгляды они необоснованно и претенциозно име-

нуют традиционными; наши выводы в действительности подтверждают многие действительно традиционные взгляды (по всем спорным вопросам), что было показано выше.

Данное возражение рецензентов - традиционности - основано опять таки не на каких-либо фактах, а напротив, лишь на неправильном употреблении известных обычных слов, когда в отзыве "традиционным" называется нетрадиционное, а действительно традиционное (напр. -взгляды предшествующих ученых) по сути дела (и уже тем самым) объявляются нетрадиционными. Каламбуры и искажение значения обычных слов - это типично для всего данного критического направления: и для В.Смирнова и для А.А. Реформатского (см.выше).

В-третьих, в отношении одного из дикторов-уроженцев Казани, почти всю жизнь прожившего в Казани и не выезжавшего в сельские районы, рецензенты просто так, голословно и гадательно утверждают, что будто бы "по некоторым данным в его речи отражаются особенности нагорного говора татарского языка", а в отношении другого диктора -просто ставят знак вопроса (стр. 3-4 отзыва П).

Спрашивается, почему якобы отражаются в говоре первого диктора особенности нагорного говора, а, скажем, не мензелинского, оренбургского, приуральского или касимовского?

В чем выражаются эти якобы особенности нагорного говора в речи данного диктора?

Что означает просто знак вопроса, поставленный в отзыве после упоминания второго диктора?

Все это означает только то, что у рецензентов нет никаких фактов против дикторов и поэтому авторы отзыва по методу В.Смирнова (восходящему к старопрусскому феодальному земскому праву) пытаются лишь поставить под сомнение, под подозрение доброкачественность дикторов и, не имея фактов для обвинения, ставят знак вопроса.

В связи с "нагорным акцентом" рецензенты умалчивают о том, что нагорный говор -один из двух опорных для казанского литературного татарского языка и поэтому более близкий к последнему - сравнительно с говором самих рецензентов, являющихся представителями даже другого диалекта: мишар-татарского, ввиду чего их заявление равносильно тому, как если бы представитель русского вятского или архангельского говора, приехав в Москву нашел бы "ленинградский акцент" у некоторых коренных москвичей.

В-четвертых, на стр. 3 отзыва II (после ссылки на II часть "Звукового строя") утверждается, что один из упомянутых дикторов-уроженцев Казани взят в качестве основного диктора и в доказательство ссылаются на .... кандидатскую диссертацию и стр.27 I части "Звукового строя". А на указанной странице читаем, наряду с замалчиваемыми рецензентами полными биографическими сведениями об этих двух дикторах, также указание, что основным первый диктор является лишь в данной г л а в е , которая (глава) составляет около одной-пятнадцатой части обеих частей рецензируемой книги. Название же кандидатской диссертации (не говоря уже о страницах) не приводится здесь в отзыве, в результате чего остается неясным для читателя и слушателя,

что кандидатская диссертация посвящена совсем другому вопросу и даже по тематике не совпадает с этими книгами. Видимо предполагается при этом, что, так сказать, петитом упомянутое пару страниц ранее это название кандидатской диссертации (без указания года и места) слушающий уже позабыл (или, что оно вообще не было зачитано).

В-пятых, последнее (о дикторах) возражение - в отзыве I- заключается в том, что якобы дикторы-студенты-заочники, владеющие татарским литературным языком и что поэтому их данные не могут характеризовать диалектальные особенности.

Здесь прежде всего бросается в глаза непоследовательность Л.Заляя, который в цитированном выше отзыве от 1959 г. на одну мою статью считал, что с помощью дикторов-студентов-заочников можно делать открытия в диалектологии, а в 1962 г. он считает, что эти дикторы непригодны, так как они -студенты-заочники, притом персонально (5 человек) те же самые, что и в указанной статье. Между тем, помимо этих пяти человек, из остальных дикторов (из числа около 40) почти ни один не является студентом-заочником. Авторы отзыва попросту смешали моих дикторов в статье от 1959 г. - с дикторами в книгах и диссертации.

Большинство наших дикторов-татар являются выпускниками средних школ районов, впервые приехавшими в Казань и только что поступившими на первый курс Пединститута.

Рецензенты, рассуждающие (вообще, абстрактно) об изменениях в языке, не обращают никакого внимания на тот факт, что исследователю в наш век приходится иметь дело с дикторами, испытавшими в той или иной мере влияние литературного языка, который

нивелирует диалекты через школу, радио, газеты и проч.

Тем не менее диалектальные особенности во многом сохраняются, они сохранялись и у наших дикторов-заочников и незаочников, что было ясно уже при наших слуховых наблюдениях.

Рецензенты, не слышавшие этих дикторов из сельских районов, гадательно утверждают, что они владеют литературным языком (Допустимо, что т е п е р ь они владеют им, хотя едва ли все и едва ли полностью). И в то же время рецензенты (любители логики) находят "нагорный акцент" у коренных жителей Казани.

В итоге получается нечто наподобие того, что, жители Казани говорят на диалекте, а жители сел, притом р а з н ы х районов - говорят якобы на одном литературном языке. Такова логика рецензентов. Это примерно то же самое, как если бказать: москвичи говорят на орловско-курском диалекте, а жители Архангельской и Вятской и Краснодарской и др.областей - говорят на едином русском литературном языке - в отличие от москвичей.

Однако для нашего исследования не имеет значения то, какой процент того или иного диалектизма, например, мелекесского (Л.Заляй)- или хвалынско (Л.Махмутова)-мишарского произношения якобы создает литературный татарский язык и что именно принимается за его нормы, как не имеет значения и то, какие районы в какой говор включают наши рецензенты, а какие - не включают.

В диссертации и книгах ставилась иная задача: исследовать ряд конкретных языковых явлений согласно произношению многих дикторов, происходящих как из самой Казани, так и из ряда рай-

онов; ставилась задача исследовать произношение дикторов, являющихся представителями как казанско-татарского, так и мишар-татарского наречий. Эта задача была выполнена (см.,например, стр.3, II ч. "Зв.строя" и др.).

В результате инструментального исследования установлено нами гораздо больше диалектальных различий, чем было до сих пор известно благодаря слуховым наблюдениям и этот факт уже сам по себе показывает пригодность использованных нами дикторов-татар не только вообще, но и для конкретного изучения диалектов и говоров.

Если бы дело обстояло так, как утверждают рецензенты, данные наших дикторов из сел были бы расположены м е ж д у известными особенностями литературного татарского языка с одной стороны и между соответствующими известными по слуховым наблюдениям диалектальными особенностями-с другой . В действительности же - данные этих дикторов из сел расположены за пределами до сих пор известного о диалектальных особенностях говоров этих сел. И не за то критикуют рецензенты эти инструментальные данные, что они недостаточно, так сказать, диалектальны, а за то критикуют, что эти данные, так сказать, слишком диалектальны.

* *
*

Наконец, рецензенты совершенно не обращают внимания и на общеизвестные правила целевого подбора дикторов. Возражая по поводу степени пригодности в о д н о м о т н о ш е н и и

т е х и л и и н ы х конкретных дикторов -татар (например,- для изучения конкретного говора), рецензенты затем в н у ш а - ю т, что якобы непригодны в с е дикторы в о в с е х о т - н о ш е н и я х, в л ю б о й с т е п е н и для изучения л ю б о г о вопроса и эти свои возражения м о л ч а л и в о распространяют на в с е х дикторов -по в с е м языкам, которых даже не затрагивают в отзывах.

И затем рецензенты сами себя опровергают уже тем, что продолжают рассматривать содержание рецензируемых работ. Ибо если дикторы в о о б щ е непригодны, то и з л и ш н е рассматривать содержание работ.

И если исходить из указанных принципов рецензентов о б я з а т е л ь н о необходимо было бы полностью забраковать в с е до сих пор приводившиеся инструментально-фонетические исследования: Л.В.Щербы, В.А.Богородицкого, Г.Шарафа, лабораторий Москвы, Ленинграда и т.д., ибо к этому неизбежно приводят выдвинутые рецензентами, так сказать, "принципы" - записи в селе о способах подбора дикторов, об оценке метода с точки зрения, соответствия инструментальных данных слуховым наблюдениям рецензентов и т.д.

4. К р у г рассматриваемых диалектов и г о в о р о в татарского языка.

Авторы обстоятельного отзыва П считают недостатком, так сказать, "рецензируемых" ими работ то, что якобы в них не рассматриваются особенности двух малочисленных периферийных междиалектальных говоров: I) татар Рязанской области (касимовские) и 2) нукратских татар - из Пермской области (под самым городом

Кировым - как определяют авторы отзыва I).

Во-первых,особенности этих говоров рассматриваются в I части "Звукового строя" (а не во II части)- по литературным данным;

во-вторых, якобы предпочтительная необходимость исследовать именно эти говоры аргументируется якобы важностью этих говоров для истории татарского языка,хотя и с т о р и я языка не имеет отношения к теме настоящего инструментального описательного исследования, а значение этих говоров для изучения истории языка в действительности незначительно (если есть вообще) ибо нами исследуется одновременно более десяти других тюркских языков по единому кругу вопросов и особенности данных говоров не выходят за пределы особенностей указанных языков.

В-третьих, рассуждениями об этих двух незначительных междиалектальных говорах (из которых один -родной для рецензента Х.Курбатова, а другой - предмет кандидатской диссертации рецензента Л.Махмутовой) рецензенты полностью заслоняют необходимость в первую очередь исследовать два основных диалекта: казанских татар и мишар-татар, т.е. тех самых, которые изучались традиционно и по терминологии самих рецензентов являются именно традиционными (и которые как раз и рассматриваются в моих работах). И все же несмотря на это рецензенты, выступающие за изучение традиционных диалектов и говоров, подменяют необходимость исследовать в первую очередь эти типичные, так сказать "традиционные" диалекты, которые, в первую очередь- казанско-татарский, характеризуют в с е лицо данного языка и потому , в первую очередь, и рассматриваются нами - рецензенты

подменяют эту задачу требованием изучать, в первую очередь нетипичные и "нетрадиционные" (напр.-нукратский, о котором традиция тюркологии и татароведения вообще ничего не знает и не упоминает о ней) периферийные междиалектальные, нехарактерные говоры, которые однако по мнению рецензентов - якобы едва ли не единственно достойный объект изучения для исследователя татарской фонетики.

Притом это требование -об изучении всех без исключения говоров татарского языка выдвигается рецензентами по отношению к данной и н с т р у м е н т а л ь н о й работе о д н о г о человека - несмотря на то, что за многие десятки лет в с е ученые татароведы не дали полного описания в с е х говоров,[I] а рецензент Л.Заляй ограничил свою докторскую диссертацию описанием по слуховым наблюдениям всего лишь "Среднего диалекта татарского языка" (1954).

Между тем, в моих опубликованных работах и диссертации вообще не ставится задачи дать полное исследование всех татарских говоров. В книге "Звуковой строй..." часть П, на стр.3 ясно по-русски сказано: "Вторая часть Звукового строя татарского языка... посвящена инструментальному исследованию некоторых звуковых изменений и словесного ударения, рассматриваемых в двух плоскостях: в плане позиционном (комбинаторном) и в плане территориальном (т.е. в диалектах и говорах)". Сама книга посвящена описанию звукового с т р о я татарского

I) Как справедливо указывал еще Дж.Валиди, классификация всех татарских говоров - задача более сложная, чем классификация всех тюркских языков(цит.раб.)

языка, что видно из заглавия. Рецензент же Л.Махмутова, получившая высшее образование на р у с с к о м языке (в Ленинграде) - делает вид, что не понимает того, что означает русское слово "строй", что выражение "звуковой строй языка" не равно выражению "фонетика языка" или " диалектология языка". Здесь вновь видим просто переиначивание смысла слов произвольное употребление рецензентами известных слов в своем (рецензентов) индивидуальном значении, причем на этом неправильном словоупотреблении авторы отзыва строят свою,так сказать, научную критику.

Приравняв выражение "строй языка" к неравному ему выражению: "диалектология (или диалектография) языка", рецензенты затем заявляют, что работа неполна, так как не рассматриваются некоторые незначительные (в научном и ином отношении) два говора. Подобная практика построения якобы научных рассуждений и даже критики - на индивидуальном, необычном употреблении рецензентами обычных известных слов - характерная черта всего данного критического направления - от В.Смирнова до А.А.Реформатского и наших рецензентов.

Из приведенной выше цитаты из П части книги "Звуковой строй", а также из предисловия к I части книги, где вообще нет речи о диалектах, как и из самого названия работы видно, что в данной диссертации и отражающих ее содержание книгах отнюдь не ставится цели дать исчерпывающее исследование всех говоров татарского языка и поэтому данное замечание рецензентов - об "охвате говоров", построенное не на фактах, а на каламбурах и неправильном словоупотреблении по сути своей является завуалированным прикрытым нападением на т е м у диссертации, хотя это

свое несогласие с т е м о й рецензенты не решаются высказать открыто, а напротив, даже заверяют, что т е м а вполне научно обоснована (отзыв I, стр.9 и др. , это явствует и из отзыва П, стр.8 и др.)

Но если рецензенты имели бы какие-либо возражения против т е м ы , то им следовало говорить о т е м е , а не прикрываться неправильным употреблением слов - как это типично и для Реформатского и др.

5. Круг рассматриваемых нами языков.

Последнее возражение рецензентов - якобы связанное с "методом и методикой" - это то, что среди четырех финно-угорских языков, исследованных в работе (по ряду вопросов - в сравнительном плане) -будто бы лишним является эрзя-мордовский и недостает мокша-мордовский.

Кроме того содержится признание рецензентов, что им непонятно то, почему в сравнительном плане нами исследованы именно такие-то более десяти[I)] тюркских языков и наречий, а не какие-либо другие. Объяснение же этого подбора, содержащееся на стр. 3 I части "Звукового строя" рецензенты голословно, без аргументации объявляют " неточным" и ставят точку (заодно присвоив себе некоторые мои высказывания и выводы, например - об относительной истинности современных классификаций тюркских языков, каковое присвоение совершено очень просто: перестановкой кавычек - при цитиррвании. - стр. ср. 5 отзыва со стр.3 "Звукового строя", часть I, подробнее ниже). Произвольное из-

I) в отзыве их число произвольно сокращено вдвое

менение диакритических и иных значков при цитировании или пересказе содержания рецензируемой работы - это специальный прием данного направления, например, А.А.Реформатского и др. Рецензенты произвольно изменяют эти дополнительные знаки, например, опускают кавычки и пр., но обычно лишь в тех случаях, когда от такого изменения м е н я е т с я с м ы с л высказывания. Это,так сказать, микрокритика -с помощью произвольного изменения мелких значков, в результате чего тому или иному автору приписывается зачастую п р о т и в о п о л о ж н о е тому, что он в действительности говорит. Эта микрокритика, основанная на мелких искажениях, способна, однако, создать большие, макро-недоразумения, ввиду чего приходится обратить внимание на подобную критику - несмотря на кажущуюся ее незначительность.

В диссертации и книгах использованы для сравнения наши данные по четырем языкам: хантыйскому, удмуртскому, марийскому и эрзя-мордовскому. Мотивируя необходимость включить мокша-мордовский исключить эрзя-мордовский, рецензенты говорят, что первый больше подвержен влиянию татарского языка, тем самым имея в виду, что в диссертации будто бы ставится задача изучить татарское влияние на поволжско-финские. В действительности же такая задача не ставится нами, она и не может ставится,т.к. относится в компетенции финно-угроведов. В диссертации и книгах речь идет лишь о попутных к основной теме замечаниях, касающихся возможности обратного влияния: финно-угорских на тюркские, что относится к компетенции тюркологии. Именно ввиду возможности влияния татарского на мокша-мордовский последний

и опущен нами, как недостаточно типичный с финно-угорской точки зрения.

Но главное не в этом, а в том, что, как видно из перечня выше, рецензенты лишь выискивают то, чем еще можно было бы дополнить рецензируемую работу и найдя (по их мнению) такое, они не говорят об этом просто и прямо, что можно дополнить тем-то, а напротив, выставляют этот якобы недостаток, как существенное упущение, уничтожающее все значение работы, несмотря на то, что в диссертации нигде не сказано о том, что ставится задача исчерпать все финно-угорские языки, в частности - все мордовские языки и наречия, диалекты. Как известно, мордовские наречия не ограничиваются упомянутыми и эрзя-мордовский взят нами лишь как один из более типичных в финно-угорском отношении представителей.

Однако тема диссертации даже вообще без сравнения с финно-угорским, остается более чем оправданной, о чем справедливо говорил и оффициальный оппонент А.К.Боровков (в отзыве на стр. I) и др.

Более того, как известно, даже сравнение двух (а скажем, не двенадцати) родственных языков оправдано как тема докторской диссертации и дело заключается лишь в том, как выполнена эта тема.

* *
*

Изложенное показывает, что все возражения авторов двух "обстоятельных" отзывов - так сказать по вопросу о "методе и

методике", исчерпывающе перечисленные в предшествующих пяти пунктах, не имеют никакого отношения к инструментальному методу диссертации, к способу и приемам "фиксации фонетических явлений" - вопреки утверждениям рецензентов (на стр.8 и др. отзыва I и на стр. I6 и др. отзыва П)

Более того, как видно из предшествующего обзора, эти возражения вообще не научны и даже не заслуживают рассмотрения, однако, ввиду требования о доработке диссертации, мы вынуждены более подробно рассмотреть все эти замечания авторов двух "обстоятельных" отзывов - в м е с т о дальнейшего инструментального исследования.

Глава УШ. К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫХ (ОБЪЕКТИВНЫХ) И СЛУХОВЫХ (СУБЪЕКТИВНЫХ) МЕТОДОВ В ЛИНГВИСТИКЕ

Данный вопрос рассмотрен нами во введении к диссертации (том I) и в I части книги "Звуковой строй" и возвращаться к этому вопросу приходится только вследствие замечаний в рассматриваемом "обстоятельном" отзыве.

Результатам инструментальных данных, приводимым в диссертации, рецензенты противопоставляют свои "чувства" и слуховые впечатления и сами прямо заявляют, что они отвергают (но не опровергают) результаты инструментальных данных, исходя при этом из своих слуховых впечатлений (отзыв I, стр.4 и др., отзыв II, стр. 8 и др.)

В связи с подобной постановкой вопроса рецензентами, приходится напомнить, что как известно, инструментально-фонетические методы неизмеримо углубляют и расширяют наши познания о звуковой стороне языка - по сравнению с тем, что можно получить путем непосредственных слуховых наблюдений, что, однако, не означает отрицание слуховых наблюдений как таковых, ибо последние сохраняют вполне свое значение там и постольку, где и поскольку вопросы не исследуются, инструментальными способами- также, как, например, результаты наших зрительных наблюдений сохраняют значение там, где не применяются телескопы, микроскопы и т.п. инструменты, неизмеримо усиливающие наши возможности наблюдений. Ясно, что критиковать результаты наблюдений,

проведенных с помощью телескопа и микроскопа, исходя в этой критике из простых зрительных впечатлений невооруженного г л а з а - по крайней мере ненаучно.

А именно так поступают наши рецензенты, критикующие р е з у л ь т а т ы инструментальных исследований, исходя из собственных впечателний невооруженного слуха.

И, поскольку они считают инструментальные данные несоответствующими их слуховым впечатлениям, они объявляют неправильным и сам метод исследования, хотя совершенно не касаются технической стороны дела.

Исправность или неисправность приборов - вопрос которого рецензенты вообще не касаются, следовательно, не имеют возражений по этому вопросу. Следует отметить, что эта исправность не может определяться тем, соответствуют ли показания приборов показаниям органов чувств, да еще органов чувств того или иного отдельного индивидуума, например, данных рецензентов. Исправность приборов может быть проверена только путем техническим, косвенно иногда она может устанавливаться на основании сравнения с показаниями других приборов, при других опытах, причем вопрос требует в таком случае специального исследования причины расхождений, каковыми могут оказаться более совершенная техника, различия в объекте исследования, в принципах описания результатов и проч., тогда как техническая исправность приборов обычно вообще не подвергается сомнению.

Там, где совпадает объект исследования, инструментальные исследования, данные приборов являются критерием правильности или неправильности слуховых и т.п. впечатлений и показаний органов чувств.

Исследования с помощью приборов, разумеется могут подтвердить те или иные слуховые наблюдения, если последние правильны, или, напротив, опровергнуть те или иные слуховые наблюдения, если последние неправильны. Однако все это отнюдь не является главной функцией инструментальной Фонетики, ибо основная ее задача - получение объективной и более обширной и глубокой информации, данных - прежде всего в областях, недоступных или малодоступных слуховым наблюдениям.

Об этих элементарных истинах приходится напомнить потому, что рецензенты перевернули указанные соотношения и правильность показаний приборов определяют, исходя из своих "чувств" и слуховых впечатлений и даже прямо говорят об этом.

Как и всякое прогрессивное явление, применение инструментально-фонетических методов имеет и своих сторонников и противников. Отдельные представители слухового метода в лингвистике возражают против инструментальных методов в языкознании вообще - возражают без какой-либо научной аргументации и возражают по той причине, что собственные выводы этих возражающих, основанные на слуховых наблюдениях, опровергаются тем или иным инструментальным исследованием. Иногда, признавая важность инструментальных исследований вообще, возражают (без научных аргументов) против того или иного конкретного инструментального исследования, содержащего данные, опровергающие те или иные устарелые и необоснованные взгляды, являющиеся результатом слуховых впечатлений.

Подобные возражения против инструментальных методов или отдельных инструментально-фонетических исследований, не подкрепленные какими-либо научными аргументами, если не считать

за таковые спорадические ссылки на собственные индивидуальные "чувства" и впечатления возражающих, совершенно явно, не являются научными даже по в и д и м о с т и .

Поэтому нередко пытаются придать этим несостоятельным возражениям видимость научности – тем, что критика ведется завуалированно. Как показывает практика, возможны разнообразные способы прикрытия ненаучного противопоставления субъективных слуховых впечатлений и чувств – результатам объективных инструментальных исследований.

Ряд таких прикрытий рассмотрен выше, в первом разделе настоящего тома. Приведем примеры.

I. Рецензенты заявляют, что они критикуют инструментальные данные диссертации с точки зрения слуховых своих наблюдений. Возражая по вопросу о выпадении гласных, однако, они подменяют условия, ибо

а) на стр. 7 II ч. Звукового строя идет речь об о г л у ш е н и и или выпадении, а рецензенты говорят только о выпадении;

б) в книге идет речь о выпадении в связной речи, а рецензенты противопоставляют ей слова, произнесенные изолированно (словарную форму)

в) в книге идет речь о произношении выходцев из разных районов, а рецензенты, возражая, противопоставляют литературное произношение, которое к тому же, понимают как некое приближение к средневолжско-мишарскому;

г) в книге идет речь в ряде случаев о казанско-татарском, рецензенты же противопоставляют этому мишар-татарский, в котором, как установлено нами, имеются другие фонетические

особенности и т.д. и т.п.

А после и, так сказать, на основании всех этих смешений условий, допущенных рецензентами, последние заявляют, что инструментальный метод в диссертации якобы неправилен, так как результаты противоречат слуховым впечатлениям рецензентов. Впечатлениям о чем?

Рецензенты подменили объект исследования, ибо они говорят об одном объекте, а в диссертации рассматривается д р у г о й объект. И, так сказать, на основании этой собственной (рецензентов) подмены объекта, а также подмены понятий (оглушение-выпадение) и т.д. рецензенты делают вывод о якобы неправильности инструментального метода в диссертации.

Перечисленные приемы смешения элементарных лингвистических понятий и подмены одних -другими используются как прикрытие научно несостоятельного противопоставления слуховых впечатлений - инструментальным данным, хотя вообще говоря, эти рецензенты даже не скрывают того, что они критикуют результаты инструментальных данных с позиций слуховых впечатлений и чувств.

2. Однако, некоторые критики проявляют большую осторожность и, не возражают открыто против инструментальных данных, но пытаются , так сказать, отвергнуть их косвенным образом и используя разные прикрытия, которые все лишь уводят в сторону от инструментальной фонетики и в то же время создают в и д и м о с т ь того, что якобы, подвергаются критике инструментально-фонетические выводы и метод данной работы. Вот несколько образцов.

а) В устном добавлении А.К.Боровкова - к его отзыву содержится обвинение о якобы неуважении к В.А.Богородицкому, проявленное будто бы диссертантом - во введении к диссертации. Об уважении -неуважении говорилось выше, в разд.П.

Как раз во введении к диссертации я отстаиваю метод В.А. Богородицкого, указываю большое значение его работы и деятельности, но попутно (в примечании к стр.I5-I6 I ч."Зв.строя") отмечаю некоторые недостатки техники исследования В.А.Богородицкого, в большей части признанные им самим.

По А.К.Боровкову, следовательно, нельзя было указывать на эти технические погрешности в работах В.А.Богородицкого.

Однако, независимо от правоты критика или диссертанта, этот вопрос об уважении-неуважении уводит в сторону от инструментальной фонетики, хотя и представлен оппонентом (вслед за "обстоятельным" отзывом),как якобы имеющий отношение к теме диссертации, хотя ни единого слова по существу того, правильно ли мое замечание об этих технических погрешностях у В.А.Богородицкого - не сказано А.К.Боровковым, да он и не возражал по существу этого вопроса о погрешностях, а возражал только по поводу самого ф а к т а упоминания в диссертации об этих погрешностях, признанных в большей части даже самим В.А.Богородицким.

б) Другое устное добавление А.К.Боровкова к своему положительному письменному отзыву заключалось в том, что он счел серьезным недостатком употребление мною латинского сокращения op.cit. (opus citatus) - при цитировании одной работы на немецком языке - вместо обычно принятого в диссертации и

моих книгах русского сокращения: "цит.раб." (цитированная работа). Он посвятил минут десять обсуждению данного вопроса, тем самым создавая впечатление о том, что имеет какие-то серьезные возражения против инструментально-фонетического метода диссертации.

в) Следующее замечание в устном добавлении А.К.Боровкова к его отзыву, заключалось в том, что в трех местах я не указал страниц, а только названия упоминаемых в диссертации работ Г.Ракетта и В.В.Радлова, причем сам оппонент "предусмотрительно" не указывает страниц диссертации или книг, хотя обязан был это сделать.

Между тем, на стр. 267 II части "Звукового строя" (в точности совпадающей с соответствующими страницами III тома диссертации) находим единственную ссылку на Г.Ракетта: "О словесном ударении в турецком см. прекрасную работу G.Raquette. The accent problem in Turkish. Lund-Leipzig, 1927." На какую страницу должен я указать при подобной ссылке: на I или на 40?

Когда говорят, что роман А.С.Пушкина "Евгений Онегин" - прекрасное произведение, то кто при подобной ссылке указывает страницы?

Замечание А.К.Боровкова абстрактно, оно игнорирует конкретные условия и целевое назначение ссылки, а последние имеют значение, ибо в данных условиях вообще невозможно было указать на страницы работы Г.Раккета.

Аналогично обстоит и с В.В.Радловым. Ссылки на его труды содержатся во введении к "Звуковому строю" (ч.I) - стр.22 и

др.местах, даются они в связи с упоминанием о перебое гласных в поволжско-тюркских, каковой закон излагается В.В.Радловым на протяжении едва ли не всей его обстоятельной статьи от 1901 г. и в заключительных выводах ее и эту работу обязан знать каждый тюрколог. Положим, А.А.Реформатский, видимо, подсказавший эти замечания А.И.Боровкову, мог не знать, не будучи тюркологом, этих азов тюркологии, а у А.К.Боровкова, видимо не было времени продумать, тогда как продумать свой письменный положительный отзыв А.К.Боровков имел время.

г) Однако и в письменном отзыве А.К.Боровкова встречаются замечания, уводящие в сторону от инструментальной фонетики, хотя и создающие видимость наличия каких-то возражений якобы по данной инструментальной работе, например, абстрактное (вообще) и уже потому неистинное рассуждение о "Булгарской проблеме".

Булгарский вопрос был рассмотрен во введении к данному дополнению, а в первых трех томах диссертации этот вопрос вообще не рассматривался. Лишь при описании чередования r||z в татарских диалектах, вскользь (половина предложения) упоминается о существовании булгарской теории происхождения татарского языка (см. "Звуковой строй", часть I, стр.126).

В связи с этой половиной фразы (в работе, имеющей объем 38 печ.листов), А.К.Боровков в своем пятистраничном отзыве на диссертацию в целом написал едва ли не целую страницу (3-4): "Мимоходом также У.Байчура касается << булгарской теории >> : << чередование r||z в татарских диалектах, например т. тат. utk r I) "проведи", jatq r

I) Орфографию подлинника сохраняю - У.Б.

"уложи", миш.тат. utk z - "проведи", jatq z -"уложи", а также исторические чередования наподобие kur -повелит. 2 л. от глаг. видеть - " в и ж д, б", kuz "глаз" и т.п. сближают татарский язык с монгольским и чувашским и являются одним из оснований для булгарской теории происхождения татарского языка, которая, впрочем, мало подтверждается нашими данными >> (ч.I, стр. I67)".

"Хорошо известно" - продолжает А.К.Боровков - "что, например, в киргизском языке основы ötkör = и ötköz = "праводить", jatqir = и jatqiz "уложить" употребляются одинаково, факультативно, что основы kör ="видеть " и köz "глаз" известны во всех тюркских языках, и, что следовательно все эти случаи не могут служить никаким основанием для << булгарской теории >> Булгарская проблема в тюркском языкознании занимает очень большое место и нуждается в специальных исследованиях с точки зрения исторической фонетики, нуждается в правильной постановке вопроса с фонетической стороны" (Это все по булгарскому вопросу - в отзыве).

Спрашивается, какое отношение имеют все эти не подкрепленные никакими конкретными фактами общие рассуждения о "булгарской проблеме", притом вообще рассуждения - к темеи и содержанию диссертации? Никакого.

И более того, я пишу о наличии взглядов некоторых других ученых -по булгаро-татарскому вопросу, и даже добавляю, что "мало подтверждаются нашими данными" эти взгляды - мало подтверждаются прежде всего потому, что тема диссертации (и книг) с одной стороны и "булгарская теория"- с другой - лежат в раз-

ных плоскостях: первая - описание современного состояния фонетики, вторая - в области истории языка и вообще истории, археологии, этнографии и т.п.

Совершенно независимо от того, кто прав: А.К.Боровков или сторонники того или иного взгляда на булгар и тюрков - вопрос этот не имеет отношения к инструментально-фонетической теме диссертации, а во-вторых, рецензент обладает странной манерой: критиковать данную диссертацию -за якобы ошибки - совсем других авторов, притом в области, не относящейся к теме диссертации.

Далее, я пишу не об абстрактной "булгарской теории", "проблеме", а о вполне конкретном взгляде: "булгарской теории происхождения татарского языка".

Я пишу о том, что на основании чередования р - з (р -з) в татарских диалектах некоторые ученые построили гипотезу о происхождении татарского р -диалекта из булгарского, ибо полагали, что ротацизм характерен для булгарского.

А.К.Боровков же ничего по этому поводу не может сказать и лишь ссылается на факультативность употребления р - з в киргизском! Что доказывает эта факультативность в к и р г и з - с к о м ? Факультативность чередования р - з в киргизском не может служить никаким основанием для заключения о якобы отсутствии или факультативности (а будто бы не обязательности) чередования р - з в татарских диалектах. Указанная факультативность в киргизском (если это так) не доказывает, что нельзя сближать каз.татарский с монгольским и чувашским - по ротацизму. То есть, тезис диссертанта остается нетронутым и

даже не затронутым.

Наконец, характерная концовка (в отзыве): булгарская проблема "нуждается в правильной постановке самого вопроса" и притом - -"с точки зрения исторической фонетики".

Какое отношение имеет историческая фонетика к данной инструментально-фонетической описательной (в плане синхроники) диссертации? Никакого.

И, наконец, в чем неправильность имевшейся до сих пор постановки "Булгарской проблемы"? Какова должна быть правильная постановка "булгарской проблемы"? Ответа в отзыве не содержится.

Изложенное показывает, что данное возражение А.К.Боровкова -о "булгарской теории" представляет из себя абстрактные рассуждения на посторонние к теме и задачам диссертации темы,- о взглядах других ученых, даже не разделяемых диссертантом, притом эти рассуждения в отзыве вообще лишены какого-либо конкретного содержания. И тем не менее, эти рассуждения, толчком для которых явились два-три слова в одной фразе (в работе 38 печ. листов) воспринимаются незнакомыми с диссертацией лицами - как какое-то существенное замечание, касающееся инструментально-фонетического исследования.

Что можно сказать о подобных способах критики инструментальных исследований -так сказать, критики,с точки зрения абстрактных априорных гипотез, связанных с глубокой историей и уже поэтому не относящихся к теме диссертации?. Едва ли можно такую критику признать научной.

3. Третьим способом прикрытия научной несостоятельности возражений против конкретных инструментальных исследований является подмена т е м ы и з а д а ч и данного инструментального исследования - задачами, которые может ставить перед собой только целый коллектив ученых или даже е д в а л и не все человечество - в ходе всего его поступательного развития (последнее небуквально, но в принципе).

К таким относятся упомянутые в I разделе замечания С.С. Высотского - об изучении речи различного возраста лиц - в зависимости от тембра голоса и т.д. (т.е. баритонов, басов, альтов, теноров, фальцетов, сопрано и так далее, речи малолетних детей и глубоких стариков, сотен дикторов и проч. т.п. - в то время, как В.А.Богородицкий (по татарскому), Л.В.Щерба (по русскому) и др. использовали данные о д н о г о диктора - каждый, а теперь обычно используют не более 3-4 дикторов.

Сюда же относятся и замечания наших авторов "обстоятельных" отзывов -о неполноте охвата говоров татарского языка и других языков: тюркских и финно-угорских и т.д. Татарские говоры не изучены полностью даже слуховым путем -за 25 лет существования Института языка, литературы истории КФАИ СССР и ответственность за это лежит на самих авторах "обстоятельных" отзывов, до последнего времени руководивших диалектологической работой этого института. К этому следует добавить, что диалектологические экспедиции и исследования проводились в течение многих лет также и Казанским университетом и Казгоспединститутом. И несмотря на то, что в области татарской диалектологии появился ряд опубликованных работ (упомянуты во

введении - выше), тем не менее многие татарские говоры остаются еще не исследованными даже слуховым путем -несмотря на участие в этой работе нескольких научных коллективов. Остаются неисследованными ввиду сложности задачи, как справедливо говорил еще Джамал Валиди.

А рецензенты вменяют в вину диссертанту, что он "не охватил" в с е периферийные междиалектальные говоры - при и н с т р у м е н т а л ь н о м исследовании.

Вот это и есть подмена з а д а ч и данного инструментального исследования з а д а ч е й , которую может ставить перед собой только большой коллектив или даже в е с ь народ в тот или иной период.

4. Наконец, вообще не относятся к области какой-либо отрасли науки такие, с позволения сказать, "аргументы", прикрывающие борьбу против новых объективных инструментальных методов - как :

а) административное давление - с целью заставить отказаться от одних научных взглядов и принять другие, не научные взгляды;

б) лишение возможности высказать научное мнение - например, диссертанту - во время защиты им диссертации. Так, Б.А. Серебренников, председательствуя на защите, вообще не дал мне, диссертанту, слова для ответа на некоторые отзывы; на другие - разрешил отвечать только в заключительном слове - после окончания голосования; неоднократно прерывал и произвольно сокращал мои выступления и ответы оппонентам;

в) иногда - распространение измышлений о диссертанте, превращающих иногда защиту диссертации в некое подобие того, что описано Марком Твеном в рассказе "О том, как я баллотировался в губернаторы штата" (Running for gouvernor) - См.пример в "Крокодиле № 5 за 1963 г., фельетон "Принципиальность..." где разоблачается такой прием.

Глава IX.

О ЗНАЧЕНИИ МЕСТА, ГДЕ ПРОВОДИТСЯ ЗАПИСЬ НА ПРИБОРЫ

Здесь не идет речи об оборудовании студии и т.п., ибо этот вопрос не поднимается в "обстоятельных" отзывах, хотя только такая постановка вопроса и могла бы иметь какой-либо смысл – в связи с "местом" записи – коль скоро речь идет об инструментальном исследовании.

В качестве существенного недостатка метода исследования рецензируемых работ рецензенты объявляют тот факт, что запись на приборы производилась не в деревне, не в сельском районе, а напротив, в городе Казани, куда приехали дикторы из сельской местности. По мнению рецензентов необходимо перевозить лабораторные установки, приборы, студию из села в село – для записи произношения дикторов "на месте", то есть там, где эти дикторы обычно проживают. Это требование означает, что по мнению рецензентов произношение дикторов при переезде их из одного места в другое, из села в город, якобы должно немедленно и существенно измениться ввиду одного лишь этого факта переезда диктора.

Указанный якобы недостаток исследования согласно рецензентам (например, отзыв I, стр. 7) касается лишь наших дикторов-татар, происходящих из сельских местностей и записанных вскоре после приезда их в Казань, ввиду чего предполагается в диссертации, что эти дикторы в той или иной мере отражают

особенности говоров тех районов, откуда они происходят, точнее - учитывается в исследовании произношение и тех дикторов, которые происходят из сельской местности, о чем сказано на стр.3 части II "Звукового строя").

Согласно этому принципу рецензентов -о записи "на месте"- данное возражение, казалось бы, не должно распространяться на дикторов, происходящих и живущих в Казани, ибо здесь дикторы не переезжали с "места" на "место", а были записаны там, где живут.

Несмотря на это уже на той же стр.7 отзыва I рецензенты распространяют это свое замечание на в с е х дикторов -татар, ибо говорят, что "поэтому..... сомнительна достоверность цифровых данных его дикторов" (т.е. дикторов диссертанта) - "включая и говоры". Следовательно, о якобы непригодности дикторов из города и говорить нечего! Они признаются непригодными в отзыве и об этом говорится как о само-собою разумеющемся факте, хотя в отзыве о дикторах не из сельских районов никакой речи и не было. Никаких возражений против дикторов из Казани не высказано в этом отзыве (I), однако, тем не менее рецензенты просто распространили свое заключение о дикторах из сел - также и на дикторов из самой Казани. Критика дикторов из Казани ведется косвенно, с помощью намеков.

Более того, тот факт, что запись на приборы производилась, якобы не "на месте" (в городе, а не в селе) рецензенты называют "неправильной фиксацией ими фонетических явлений" (стр.8) и тем самым распространяют свой вывод о м е с т е

"фиксации" - на с п о с о б "фиксации" фонетических явлений, ибо в н у ш а ю т , что якобы имеют возражение по поводу м е т о д а (с п о с о б а) и н с т р у м е н т а л ь н ы х з а п и с е й (стр. 8 отзыва I).

Частный вывод, касающийся места записи на приборы ч а с т и дикторов-татар, рецензенты распространяют на в с е х дикторов по в с е м языкам (о которых вообще не содержится замечаний в отзыве), а так же распространяют на способ фиксации фонетических явлений, т.е. на технику инструментальных записей, которую даже не рассматривают. Достигается подобный, с позволения сказать, научный результат в "обстоятельном" отзыве - с помощью намеков, смешения элементарных терминов, бесформенности высказываний, неопределенности суждений и т.п., короче - благодаря отождествлению различного и неотождествления тождественного (по выражению самих рецензентов -" сваливание в одну кучу всего и вся")

По существу же данное замечание (о месте) научно несостоятельно ввиду следующих причин.

I. Дикторы были записаны мною в течение самое большее нескольких месяцев после переезда их из села - в Казань и за это время их произношение не могло существенно измениться, что я и наблюдал с первого дня, ибо эти записанные мною дикторы-татары из сельской местности были моими студентами в Казанском пединституте, только что поступившими на первый курс отделения татарского языка и литературы. Моей же задачей было обучать их правильному произношению - как татарскому, так и русскому.

Резкий диалектальный мишарский акцент, как правило, сохранялся у студентов стационара (даже стационара!) Казанского университета - также и по той причине, что по сути дела студентов в КГУ специально не обучали литературному татарскому произношению и прежде всего потому, что Л.Заляй (рецензент) и другие представители мишар-татарского диалекта, преподававшие тогда (в 1954-59 г.г.) в КГУ, не только не обращали внимания на этот акцент, не стремились его исправить, но пытались теоретически оправдать этот акцент, ибо с а м и Л.Заляй и другие не избавились за всю жизнь от мишарского акцента (о живучести которого писал еще Дж.Валиди - см. во введении - выше). Они пытались административным путем приблизить литературное произношение к говору родного им села,, например, - Мелекес Ульяновской области, откуда происходит Л.Заляй.

Что касается акцента казанско-татарских (не мишарских) говоров, входящих в казанско-татарское наречие (или диалект), то исправление произношения их было гораздо легче уже потому, что эти говоры мало отличаются от литературного, казанского и отличия эти в основном не принципиальны - в отличие от мишарского диалекта.

П. Существенно важно то, что благодаря использованным нами инструментальным методам исследования, как показано в диссертации, удалось установить гораздо большее количество диалектальных особенностей диалектов и говоров, - по сравнению с тем, что было известно ранее - на основании слуховых наблюдений, в том числе - самих рецензентов, зани-

мавшихся диалектологией.

Рецензенты, критикующие метод диссертации, исходя при этом из результатов, из выводов исследования, критикуют рецензируемые ими работы не за то, что результаты эти слишком близки к литературному произношению, а напротив, за то критикуют, что наши инструментальные данные о говорах "слишком" д а л е к и от литературного языка; не за то они критикуют, что нами установлено слишком мало диалектальных отличий, а за то критикуют, что обнаружено нами "слишком" м н о г о диалектальных особенностей (отзыв I - стр.3-6, отзыв II, стр. 8-15,17 и др.).

Рецензенты лишь голословно о т р и ц а ю т установленные нами инструментальным путем в диссертации диалектальные особенности. Например, Л.Заляй и др. в отзыве I, вопреки экспериментально установленным в диссертации и книгах фактам, утверждают, что якобы н е т не только различий в выпадении и оглушении гласных в татарских диалектах и говорах, но что по сути дела вообще будто бы нет выпадения гласных в татарском.

С вариациями то же повторяется в отзыве II (стр.8-15). На стр. 14 (отз.II) - вопреки инструментально установленным нами фактам - голословно утверждается, что "мишарский диалект отличается в этом отношении (в отношении выпадения конечного гласного) от литер.[1] языка и среднего диалекта, пожалуй только словом ТЭРЭС // Тёрэз " [даю перевод:"окно"].

---

1) Сокращение рецензентов - У.Б.

И все это касается, прежде всего о с н о в н ы х разделов, основного содержания двух "обстоятельных" отзывов.

Еще пример. Нами установлено экспериментально, что в мишар-татарском наблюдается тенденция чаще ставить ударение на первом слоге слова - в отличие от казанско-татарского, имеющего (за редкими исключениями) ударение на последнем слоге. Рецензенты (отзыв П. стр.17) голословно отрицают эти экспериментально установленные факты и утверждают, что якобы н е т р а з л и ч и й по этому вопросу между мишарским и казан-татарским. И тут же делают вывод, что так как нами установлено указанное диалектальное различие, - то это " по всей вероятности потому, что материал был записан неправильно". Будто бы неправильность инструментального метода ("записи"), так сказать, аргументируется рецензентами тем, что нами установлено большое количество диалектальных особенностей до сих пор неизвестных; а якобы не соответствие действительности этих установленных нами диалектальных особенностей - так сказать, "доказывается" рецензентами якобы "неправильностью записи" на приборы.

Таким образом, способ аргументации рецензентов сводится по сути к известному порочному кругу: земля - на ките, кит - на воде, вода - на земле.

Установление наличия ряда неизвестных ранее диалектальных особенностей, отличающих казанско-татарский от мишар-татарского, рецензенты называют "противопоставлением" двух диалектов - в соответствии с общей тенденцией всех представителей мишар-татарского называть себя казанскими татарами (что

показано и Джамалом Валиди -цит.раб.) В оценке же инструментальных данных диссертации они исходят не из фактов, а из своих чувств, впечатлений и разных и д е й .

Таким образом, рецензенты отнюдь не утверждают, что У.Байчура не обнаружил того-то и того-то, не говорят, что диссертант не заметил таких-то особенностей, пропустил то-то и то-то. Отнюдь нет, напротив, рецензенты лишь голословно отрицают существование тех или иных установленных нами диалектальных особенностей, которые они с а м и пропустили, не заметили, причем в большинстве случаев и н е м о г л и заметить установленные нами особенности, ибо многие рассматриваемые нами вопросы уже по самому характеру явлений вообще малодоступны или даже недоступны для слухового наблюдения, как например, спирантизация, степени фонетической длительности и звонкости согласных, оглушение гласных, компоненты ударения и т.д., то есть о с н о в н ы е вопросы, рассматриваемые в диссертации.

Результаты наблюдений рецензентов над теми или иными диалектами и говорами по данным и др.вопросам размещены м е ж д у литературным казанско-татарским языком-с одной стороны и н а ш и м и результатами инструментального исследования диалектов и говоров - с другой.

Этого всего не могла бы случиться, если бы многочисленные наши дикторы не сохранили бы многие особенности говора родного для них села или района -независимо от того, что незадолго перед записью на приборы переехали в Казань.

Ш. Заявив, что полученные нами инструментальные данные будто бы непригодны потому, что запись на приборы проводилась в городе, а не в селе (и молчаливо распространив это свое отрицание инструментальных данных также и на наших дикторов, проживающих в городе, уроженцев города и записанных в городе же) рецензенты т е м с а м ы м отрицают и считают непригодными в с е инструментально-фонетические исследования в с е х ученых, ибо все экспериментаторы-фонетисты, как известно, почти всегда проводили свои инструментальные записи в г о р о д е , куда приезжали или где проживали дикторы.

По логике рецензентов многочисленные инструментальные исследования по тюркским, финно-угорским, палеоазиатским, монгольским, кавказским, славянским и др. языкам, проведенные, например, за последние десятилетие только в лабораториях Москвы и Ленинграда будто бы основаны на "неправильной фиксации фонетических явлений", ибо запись проводилась не в селе, а в городе и дикторы (кроме таковых по литературному русскому языку) не являются жителями этих городов, они все приехали в Ленинград и Москву из различных республик или даже стран.

По логике рецензентов "неправильная фиксация" имела место и при изучении русских диалектов и говоров, ибо дикторов привозили в Москву (из села) - для записи на приборы.

По логике рецензентов Л.В.Щерба, В,А,Богородицкий, Г. Шараф и другие "под вывеской экспериментального исследования

вводят в заблуждение научную общественность" и "языковые явления, доступные простому слуховому анализу" "представлены в превратном виде" этими учеными, ибо все они проводили свои инструментальные записи в городе, а не в деревне. То же самое придется сказать (если следовать логике рецензентов)- о работах проф. В.А.Артемова (Москва), проф. Л.Р.Зиндер и проф.М.И.Матусевич (Ленинград) ибо они не проводили записей в селе, а проводили инструментальные исследования в городских лабораториях. То же самое придется сказать о всех без исключения работах, проводимых в различных республиках и во во всех странах, в том числе - о работах основателя инструментальной фонетики - П.Руссло (Париж), о работах бывш.руководителя Гамбургской фонетической лаборатории - Панкончелли Кальция, об известных экспериментальных трудах О.Дж.Рассела (США) и множества других работ разных авторов. Все это работы - по логике рецензентов - "не представляют особой научной и практической ценности", ибо ведь запись на приборы проводилась всеми ими не в селе, а в городе - /В

По логике рецензентов все труды всех перечисленных и многих неперечисленных фонетистов-экспериментаторов подлежат, выражаясь слогом рецензентов, списанию в утильсырье, ибо "не имеют особой ценности", так как запись была проведена в городе, а не в деревне.

Между тем, в действительности ошибаются сами авторы двух "обстоятельных" отзывов, а вовсе не ученые всего мира.

Запись дикторов в городе, а не в деревне имеет научное основание, заключающееся в том, что, как это лишний раз под-

тверждено и результатами наших инструментальных исследований, от внезапной перемены местонахождения диктора его произношение не меняется. Более того, для изменения произношения взрослых дикторов необходимо специальное обучение, ибо, например, как показывает практика, даже многолетний отрыв от родного села и проживание в Казани, среди казанских татар, само по себе не может существенным образом изменить мишарское произношение, уничтожить этот диалектальный акцент, чему живым свидетельством являются сами рецензенты, хотя, вообще говоря, при многолетнем отрыве от родного села некоторые изменения произношения, разумеется возможны. Если же диктор выехал из своего родного села недавно, скажем ,несколько недель или месяцев тому назад, то, как известно, его произношение не может измениться сколько-нибудь существенно, тем более -внезапно, что известно каждому школьнику, но, видимо,- не нашим авторам "обстоятельного отзыва".

Именно, указанная, так сказать, консервативность произношения дикторов, отсутствие сколько-нибудь существенных, тем б олее -внезапных изменений произношения - при переезде с места на место - и является н а у ч н ы м основанием для принятой в современной практике инструментальных исследований записи дикторов в городе, куда приезжают или куда специально привозят этих дикторов (если они не являются жителями данного города, где имеется лаборатория).

Т е х н и ч е с к и м же основанием для записи дикторов не в селе, а в городе является сложность перевозки аппаратуры лабораторий, студии и проч. Правда, изредка применяются и

портативные приборы, как например, походный кимограф, однако эти портативные приборы, к тому же не являющиеся фабричными, не обеспечивают достаточной т е х н и ч е с к о й надежности, точности записей ("фиксации фонетических явлений") и как правило, в лучшем случае могут быть применены только для решения некоторых отдельных вопросов фонетики того или иного языка. Понятно, что записи на технически ненадежных приборах не могут иметь научного значения.

И поскольку от самого факта переезда диктора с места на место, из села в город и т.п. не меняется его произношение, тем более -внезапно, поэтому повсеместно в экспериментальной фонетике принято проводить инструментальные записи в городе, в специально оборудованной лаборатории, но не развозить по деревням иногда многопудовые приборы, которые, к тому же, от перевозки могут выйти из строя, а ряд приборов вообще не может быть использован там, где нет электричества, определенного напряжения и т.п., те же приборы, которые, скажем, приводятся в движение гиревым часовым механизмом, вообще нельзя трогать с места, это - стационарные установки (как например, в лаборатории Ленинградского университета), спектрографы также являются обычно стационарными и т.д. и .тп.

При изложенных условиях общего состояния инструментальной фонетики наших дней - требование рецензентов возить лабораторию из села в село (вопреки всеобщей практике)- равносильно тому случаю (из английского фольклора), когда бы требовали затащить корову на крышу деревенской бани, крытой дерном - для того что бы пасти корову - вместо того, чтобы

самому скосить траву на крыше бани и дать ее корове.

Наконец, и сами рецензенты немедленно отказываются от этого своего требования -о записи в городе,- выставляемого как непременное условие правильности способа "фиксации фонетических явлений" -как только речь заходит не о данной диссертации, а о работах д р у г и х экспериментаторов, например, о Г.Шарафе, В.А.Богородицком и др., ибо несмотря на то, что Г.Шараф не соблюдал эти требования рецензентов и проводил запись на приборы не в селе, а в городе, тем не менее работы Г.Шарафа объявляются в отзыве "очень серьезными", " в широком масштабе", хотя Г.Шараф записывал в Казани произношение одного диктора - из села (самого себя)[I].

Предъявление различных н е р а в н ы х требований по отношению к различным ученым - это черта, типичная для в с е г о данного критического направления и,например, В.Смирнов с а м признает, что следует предъявлять н е р а в н ы е требования по отношению к работам разных ученых, н е р а в н ы е - в зависимости не от труда, а от л и ч н о с т и того или иного ученого (см.выше).

Ввиду своей неосведомленности и тенденциозности рецензенты могли написать разное.

Однако, как следует оценить действия Б.А.Серебренникова, который этот отзыв рекомендовал ВАК'у как "обстоятельный"- в отличие от всех других будто бы поверхностных и тем дал

I) Эти данные сообщает сам Г.Шараф - см.ВНОТ № 8 1928, стр. 181; ВНОТ № 7, 1927, стр.74, Казань.

понять, что эти два отзыва заслуживают наибольшего внимания и предпочтения?

Г л а в а X.

О КОЛИЧЕСТВЕ И КАЧЕСТВЕ ДИКТОРОВ

§ I

Количество дикторов

Вопроса о количестве дикторов авторы обстоятельного отзыва не касаются, но этого вопроса касается в одном замечании С.С.Высотский, а кроме того вопрос о количестве непосредственно связан и с вопросом о качестве дикторов.

О замечании С.С.Высотского (за которым следуют и наши рецензенты) было сказано выше, в главе IУ - стр.150,155 (-157) и др. Суть это замечания заключается в требовании от диссертанта изучения сотен дикторов, подобранных "по полу", возрасту, тембру голоса и т.д.", причем и сам С.С.Высотский тут же (стр.3) оговаривается, что "такой размах работы доступный лишь объединенным силам большого коллектива специалистов, конечно был недоступен диссертанту".

Правда, в отзыве не говорится прямо, что диссертант обязан был исследовать эти сотни дикторов по полу, возрасту, тембру и тп, однако приходится это рассматривать как требование, ибо иначе вообще не к чему было говорить об этих вопросах в отзыве на конкретную работу.

В диссертации и отражающих ее печатных работах содержатся наши данные примерно по шестидесяти дикторам по различным (около 20) языкам и наречиям, причем большая их часть

(около 40) приходится на татарский язык (прежде всего - казанско-татарский).

Как известно, в практике современных инструментальных исследований допускается использование даже всего лишь о д н о г о диктора, если последний говорит на данном языке, или говоре с детства (родной язык, диалект, говор), не обладает дефектами речи и является средним нормальным носителем данного языка или наречия. В этом случае в его речи содержатся в с е практически с у щ е с т в е н н ы е свойства и признаки исследуемого языка.

Несколько дикторов лучше, чем один, но и один диктор дает все существенно важное.

Несколько дикторов используются главным образом, для гарантии от дефектов речи и для отделения индивидуального (хотя и допустимого) -от практически существенного. Инструментальное исследование обычно сочетается и со слуховым контролем -над типичностью произношения диктора, нормальностью его.

Когда возможен параллельный слуховой контроль над акцентом (вернее - отсутствием акцента) диктора, инструментальное исследование произношения даже одного диктора обычно дает много ценнейших сведений по фонетике изучаемого языка, совершенно недоступных слуховому методу.

Сказанное иллюстрирует известная работа акад.Л.В.Щербы "Русские гласные в качественном и количественном отношении", СПБ,1912, которая основана на инструментальных данных всего лишь о д н о г о диктора - самого Л.В.Щербы -и тем

не менее, отражает специфику русского языка.

Аналогично - с работами Г.Шарафа "Палатограммы..." и "Сонорная длительность"... (ВНОТ № 7,8, 1927,1928), которые также основаны на записи произношения одного диктора - самого Г.Шарафа.

Аналогично - с единственной инструментальной тюркологической статьей В.А.Богородицкого "Движение тона...", в которой тоже представлены данные записи о д н о г о лишь диктора - выходца из Башкирии (Стерлитамак). В последнем случае тот факт, что В.А.Богородицкий практически не владел татарским языком, затруднил слуховой контроль, а данные его диктора были необоснованно распространены на казанских татар и всех татар вообще, (и даже - на все тюркские языки), однако в действительности эти данные все же сохраняют свое значение для выходцев из Стерлитамака.

Ряд более новых исследований, получивших заслуженно высокую оценку, также основаны на данных одного диктора - каждое. Например, канд.дисс.Ф.А.Казимова,- по азербайджанскому языку, Е.И.Степановой -по чувашскому и др. (выполнены в Москве - 1951, 1952 - см. о них также в I ч "Зв.строя", стр. 16,17).

Очень многие исследования основаны на данных инструментальных записей двух-трех дикторов - по многим разным языкам, (выполнены в Ленинградском университете и в Москве, I МГПИИЯ).

За исключением труда В.А.Богородицкого "Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных" (Казань,1930),

в котором использовано около десятка дикторов, в СССР и России не было ни одной экспериментально-фонетической работы, в том числе - новейшей, в которой было бы использовано более трех-четырех дикторов, а большей частью - меньше.

В общем аналогично обстоит дело, видимо, и за рубежом, ибо, например, признанное лучшим за 1959 год - за границей - инструментальное (спектрографическое исследование гласных русского языка, выполненное в Голландии Морисом Халле (Гаага,1959) также основано на данных трех-четырех дикторов.

Диалектолог С.С.Высотский и наши авторы обстоятельных отзывов умалчивают обо всех этих фактах, зачастую неизвестных языковедам, не являющимся экспериментаторами — о фактах, характеризующих современное состояние и уровень требований к инструментальным работам - в отношении количества используемых дикторов.

Взамен этого С.С.Высотский выставляет требование об изучении сотен дикторов, "подобранных по полу, возрасту, тембру голоса и т.д.", причем откровенно признавая, что "такой размах работы доступен лишь объединенным силам большого коллектива", тем самым С.С.Высотский, видимо, имеет ввиду, что докторские диссертации степени вообще не должны присваиваться отдельным лицам, а только коллективам.

Авторы "обстоятельного" отзыва, как указывалось, еще более откровенны: они считают, что две статьи Г.Шарафа (125 страниц), основанные на данных одного диктора,- Г.Шарафа- "очень серьезные" и в "широком масштабе", тогда как книга дан-

ного диссертанта : "Звуковой строй..." часть II (около 400 стр.), основанная на данных около 40 дикторов -татар (а всего 60 дикторов) - "не представляет особой научной и практической ценности".

И С.С.Высотский и "обстоятельные" рецензенты, также, как и В.Смирнов, таким образом, предъявляют р а з н ы е научные требования к различным ученым - взависимости от л и ч н о с т и автора, но не в зависимости от качества работ этого или иного автора.

§ 2

Качество дикторов

Качество дикторов-татар, степень их пригодности для той или иной цели контролировалось мною до записи на приборы слуховым путем. Для выяснения диалектального акцента, отсутствия дефектов речи и проч.- согласно общепринятой практике инструментальных исследований.

В этой связи я должен сообщить объективные данные и о себе. Я родился и вырос в Казани, в семье известного татарского журналиста, и сам имел публикации на татарском языке в областной татарской периодической печати - еще будучи студентом. С детства владею казанско-татарским, т.е. литературным языком, который является для меня родным. Факт владения мною литературным татарским языком в свое время подтвердил официально (при поступлении в аспирантуру) все тот же Инсти-

тут языка литературы истории Казанского филиала АН СССР. Именно с позиций татарского языка самой Казани я и подходил к оценке произношения дикторов. Некоторые из них, хотя и родились в районе (но, разумеется, в районе казанско-татарского языка - не мишар-татарского), как например, сын известного татарского писателя - М.Сагитов, окончивший Татарское отделение Казгоспединститута и ставшийся преподавателем кафедры татарского языка и литературы КГПИ и также ряд других дикторов - в момент записи безупречно владели литературным казанско-татарским языком. Ряд других дикторов-татар, родившихся и выросших в районе, в сельской местности, и впервые прибывших в Казань по окончании школы для поступления в вуз (- студенты I-го курса Казгоспединститута и Каз.университета) обладали диалектальным акцентом в различной степени, причем степень акцента определялась прежде всего не случайными причинами, как например, качеством постановки преподавания в той или иной школе, которую они окончили и т.п., но прежде всего этот акцент стоял в связи со степенью отдаленности представляемого дикторами говора от казанского наречия и был особенно резок у мишарей, - откуда бы они не происходили, что объясняется тем, что в этом случае речь шла об отличиях диалектов (мишар-татарский-казан.-татарский), тогда как в других случаях (не мишари) речь шла об отличиях г о в о р о в внутри казанско-татарского (не мишар-татарского).

Изучение языковых явлений проводилось "в плане территориальном (т.е. в диалектах и говорах)" в изложенном смысле, то есть изучалось произношение не только говора самой Казани

(что было взято за исходный пункт), но кроме того исследовалось произношение многих выходцев из различных районов ТАССР и сопредельных областей. Большинство дикторов относилось к казанско-татарскому наречию, меньшинство – к мишар-татарскому. Учет этих двух диалектов и явился "рассмотрением в диалектах". (стр.3 "Звукового строя", чтП). Кроме того, нами записаны представители всех основных в ~~литературном~~ лингвистическом отношении (и большая – в географическом) районов, ТАССР (почти все районы, прилегающие к Волге и Каме и ряд других – всего несколько десятков районов), а также ряд дикторов-татар из других областей и республик: Чувашии, Башкирии, Оренбургской области. Учет произношения дикторов из различных районов и явился рассмотрением в говорах (стр.3, Пч. "Звукового строя"), в плане территориальном.

Причем, это были в большей части представители говоров казанско- татарского языка. В диссертации и книгах много/всюду указывается то, к какому говору или диалекту относят Заляй и Л.Махмутова и др. тот или иной район (откуда происходит тот или иной наш диктор).

Поскольку дикторы, происходящие из сельских местностей, окончили среднюю школу и поэтому, несмотря на свой диалектальный акцент, были, по-видимому, знакомы в той или иной мере с литературным татарским языком, можно было предполагать, что их данные представят главным образом подтверждение нашим выводам в отношении говора Казани, а отклонения, обусловленные диалектальным акцентом, будут заключаться в пределах известных говоров. По вычете этих особенностей говоров, данные исполь-

зованных нами десятков дикторов, несомненно составили бы весьма основательную, обширную базу для характеристики собственно (казанского) казанско-татарского говора, что и ставилось главной задачей исследования - в отношении татарского языка. Кроме того, были использованы и данные дикторов, являющихся представителями мишар-татарского наречия.

Как показала, однако, практика, в этих предположениях неучтенным оказались преимущества и н с т р у м е н т а л ь н о г о метода исследования. Действительность превзошла все ожидания, ибо данные дикторов из различных районов (хотя несколько и знакомых с литературным языком) показали такое исключительное богатство и разнообразие особенностей произношения, которое не было известно ни одному представителю слухового изучения татарских диалектов и говоров, хотя, разумеется, выявился и ряд новых моментов, объединяющих говоры, скажем, казанско-татарского - в отличие от мишар-татарского.

Р е з у л ь т а т ы инструментального исследования речи представителей различных районов оказались расположенными не между литературным татарским языком и известными до сих пор особенностями говоров, но, напротив, за п р е д е л а м и до сих пор известных диалектальных особенностей диалектов и говоров, в том числе за пределами до сих пор известного рецензентам.

Выше упоминалось об установленных нами инструментально особенностях ударения Казан-татарского и мишар-татарского и т.д. и голословно отрицаемых рецензентами.

Аналогично обстоит дело и с другими диалектальными осо-

бенностями, установленными в диссертации и отрицаемыми рецензентами. Нами установлено, что, в отличие от казан-татарского, в мишар-татарском имеет место регрессивная ассимиляция по звонкости и озвончение даже сочетаний согласных в середине слова: миш.тат. ibdəš каз.тат. iptəš "товарищ" и т.п. Рецензенты голословно отрицают существование такой диалектальной особенности, хотя она вполне различима и на слух, например, в речи даже того самого Л.Заляя. Нами установлены диалектальные особенности в выпадении гласных, заключающиеся ,например, в том, что для мишар.татарского характерно выпадение средних, иногда -отпадение конечных гласных слова - в отличие от казанско-татарского, для которого характерна прежде всего редукция и выпадение начальных гласных в слове и вообще гласных начальных слогов. Рецензенты голословно отрицают наличие этой особенности, зависящей от характера ударения и более того, вообще отрицают выпадение гласных -кроме мишарского типа выпадения гласных, т.е. в средних слогах многосложных слов и т.д. и т.п.

Отсюда видна позиция рецензентов, которые утверждая, что дикторы будто бы не отражают специфики говоров (Л.Заляй, стр. 8, Л.Махмутова, стр. 4-5) понимают под спецификой о т с у т с т в и е с п е ц и ф и к и , тогда как результаты использованных мною дикторов показывают н а л и ч и е той или иной с п е ц и ф и к и , которую рецензенты г о л о с л о в н о о т р и ц а ю т . Голословно, ибо проверить ряд вопросов, например, оглушение гласных, возможно только инструментально, рецензенты же не владеют методом экспериментального исследования, а в тех вопросах, которые в той или иной мере доступны слуховому наблюдению, рецензенты с л ы ш а т с п е -

цифики, и в первую очередь потому, что сами не отделались от мишарского диалектизма, от диалектальной специфики, а также ввиду отсутствия соответствующей подготовки для диалектологических исследований, о чем справедливо говорили еще проф.А. Зайончковский и др.(см. выше).

Рецензенты обязаны были предупредить читателей и слушателей, что под "спецификой" они понимают о т с у т с т в и е специфики и наоборот. Однако они умолчали об этом своем индивидуальном (по образцу А.А.Реформатского) словоупотреблении.

Аргументируя, якобы непригодность наших дикторов для диалектологических целей, Л.Заляй и др. пишут (в отзыве I): "дикторы подобраны принципиально неправильно, ибо ни один из них не является носителем традиционного говора, так как большинство из них еще тогда (когда он производил записи) являлись учителями средних школ, владеющими литературным языком" (стр.7). Это вся аргументация в отзыве I - о якобы непригодности дикторов.

Во-первых, рецензенты этих дикторов не слышали. В своем заключении они ,опять таки, исходят не из фактов, а из априорных идей, с позиций которых оценивают степень реальности фактов и объявляют несуществующими факты, если последние не соответствуют и д е я м .

Так, якобы владение литературным языком (дикторами) выводится из предположения, что учителя средних школ и студенты -заочники якобы все без исключения владеют литературным языком. Между тем общеизвестной истиной является то, что нередко учителя татарских школ, да еще не получившие высшего обра-

зования (они еще студенты-заочники) тем и отличаются, что н е владеют в достаточной мере литературным татарским произношением (сам Л.Заляй до старости так и не овладел им).

В этом я лично убедился во время пятилетнего преподавания татарского языка в Казанском университете (1955-1959). И особенно силен акцент у представителей мишар-татарского диалекта, тогда как речь представителей казанско-татарского наречия много ближе, а иногда - почти совпадает с литературным (особенно - у тех, кто из заказанья - из Арского и др. районов).

Именно по указанной причине, в 1959 г., тогда,когда Л.Заляй еще оценивал объективно результаты наших исследований, он в своей положительной рецензии на мою статью и написал, что, исследуя речь студентов-заочников, У.Байчура даже сделал открытия в диалектологии.

К диссертации и книгах же использованы данные тех же пяти студентов-заочников- персонально -, которые представлены и в указанной моей статье от 1959 г.

Таким образом, когда Л.Заляй исходил из фактов , из д а н н ы х -он делал вывод об "открытиях", а тогда, когда он исходит из и д е й, из предположения , что в с е студенты-заочники, учителя средних школ будто бы по одному своему положению уже владеют литературным языком - тогда Л. Заляй приходит к выводу, что те же самые дикторы (5 чел.) персонально - не могут быть использованы для изучения диалектологических вопросов, ибо якобы владеют литературным языком. Однако в последнем случае эти дикторы могут, выходит, представ-

лять литературный язык. Тем не менее Л.Заляй и др. так не считают, они заявляют без оговорок, что дикторы вообще непригодны (т.е.непригодны ни для каких целей). И еще обвиняют меня в нелогичности.

И поскольку речь указанных дикторов объявляется литературной, то т е м с а м ы м явный диалектальный акцент этих дикторов (например,- мишарский акцент) приписывается литературному казанско-татарскому - как якобы аттрибут последнего.

Во-вторых, только указанные пять человек и еще один-два диктора являются студентами-заочниками, а остальные - из числа около с о р о к а не являются таковыми: в большинстве -это впервые приехавшие в Казань и поступившие на первый курс Пединститута мои студенты, которых я обучал и которые были записаны вскоре после их приезда в Казань.

Тем не менее рецензенты их также объявляют студентами-заочниками, являющимися учителями средних школ и владеющими -по положению (а не по фактам) литературным языком. Однако этих дикторов рецензенты также не слышали даже. И не имеют никаких конкретных возражений против их произношения .

Вновь мы здесь имеем отождествление различного и рассуждение - от предвзятых идей - - к оценке наличия или отсутствия фактов, хотя научный путь - противоположный: от фактов- к заключениям, идеям.

Фамилии и место происхождения дикторов мною указаны, поэтому легко проверить по архивам Пединститута, да и сами дикторы живы и здоровы,

В третьих, цитированный абзац из отзыва I содержит противопоставление традиционных говоров (которым не дается объяснения) - литературному языку, и умалчивается при этом о м е с т н ы х говорах. Признаками традиционного говора объявляется: I) невладение литературным языком, 2) то, что дикторы - учителя средних школ.

Следовательно, если человек ушел с преподавательской работы - он уже наполовину стал представителем традиционного говора.

Однако, признаком м е с т н о г о (не традиционного) говора тоже, по-видимому, будет невладение литературным языком. В чем же отличие традиционного говора -от нетрадиционного? Рецензенты ничего об этом не говорят, ибо они и сами не знают (подробнее об этой традиции - ниже).

В действительности же несостоятельно противопоставление т р а д и ц и о н н ы х говоров литературному языку, а возможно лишь противопоставление г о в о р о в - литературному языку. Просто говоров. Не являющихся литературными. В том числе и местных и традиционных и любых иных - какие будут еще изобретены (названия изобретены, конечно, а не сами говоры). Противопоставление литературному языку традиционных (а не иных) говоров мало чем отличается от противопоставления з е л е н о г о яблока -автомобилю. Именного зеленого, а не (красного) яблока, и не вообще яблока.

В целом смысл этих голословных рассуждений - с помощью слова "традиционный" - сводится к тому, что поскольку несколько (небольшая часть) дикторов - студенты-заочники, учителя

школ, то, следовательно (якобы) они уже по одному этому владеют литературным языком, а поэтому (якобы) и все околое сорока дикторов негодны ни для каких целей, в том же числе -и для изучения литературного языка.

А не то, что большинство дикторов - не заочники, не учителя, что сами рецензенты не слышали этих дикторов, что результаты инструментальных записей показывают более значительные диалектальные отличия речи этих дикторов, чем это до сих пор устанавливали путем слуховых наблюдений - для представляемых этими дикторами говоров - на все это рецензенты обращают н о л ь внимания. Это связано со способом мышления: исходить не из фактов, а из предвзятой идеи и подгонять и искажать факты для, так сказать, доказательства этой предвзятой идеи.

Со вторым отзывом дело обстоит аналогично. Заявив (на стр.4), что "Материалы по татарским говорам получены от дикторов-студентов вузов г.Казани, которые не являются и не могут быть носителями традиционных говоров" и умолчав при этом о том, что все эти дикторы происходят из разных районов (в книге указано) и впервые приехали в Казань и только что поступили учиться на I курс вуза, далее рецензенты пишут (стр.5): "Автор в своей работе приводит также данные I-диктора (студента вуза?) из Дрожжановского района ТАССР и неизвестного диктора из деревни Пашат Горьковской обл., которые, по-видимому, являются представителями цокающего (но не традиционного!) говора "(подчеркнуто мною, знак восклицания - рецензентов - У.Б.)

Так сказать, аргументация якобы непригодности дикторов этим по сути дела исчерпывается. Далее идет уже опровержение рецензентами самих себя.

Уже из цитаты видно, что рецензенты отнюдь не отрицают того, что наши дикторы могут представлять м е с т н ы е г о в о р ы . Они лишь отрицают, что дикторы представляют т р а д и ц и о н н ы е говоры. А на стр. 7 отзыва читаем безоговорочное признание того, что в диссертации "привлекаются данные литературного языка, диалектов и т.д.", хотя и "неравномерно" и более того , оказывается "Часть 2-й книги (1961 г.) ("Консонантизм"), например, строится лишь на данговоров...."

Таким образом имеем самоопровержение рецензентов, ибо получается, что хотя "дикторы-студенты вузов г.Казани " и "не являются..... носителями традиционных говоров" (4), тем не менее, однако, по признанию самих рецензентов (стр 7) основные разделы книг (и диссертации) все же строятся" на данных говоров", притом "говоров" без оговорок, говоров вообще, следовательно, сюда входят и традиционные и нетрадиционные и местные и всякие иные говоры.

Есть такая пословица в одном из языков: язык ошибается и говорит правду. Так и в данном случае - с утверждениями рецензентов.

И собрание подобных противоречий Б.А.Серебренников именует "обстоятельным" отзывом, который будто бы заслуживает предпочтительного (перед другими) внимания.

* *

*

Цитаты показывают, что авторы отзыва не отрицают, что все наши дикторы - татары являются татарами, происходят из разных районов ТАССР и сопредельных областей и республик, что не отрицают рецензенты того, что эти дикторы владеют татарским языком с детства, а русским - с акцентом, не отрицают того, что эти дикторы могут представлять м е с т н ы е говоры и замечание в отзыве сводится лишь к тому, что данные наши дикторы не представляют т р а д и ц и о н н ы е говоры.

Таким образом, во-первых, вновь мы имеем дело с голословными рассуждениями в отзыве, не относящимися не только к теме, но и вообще не относящимися к содержанию диссертации, ибо ни единым словом не упоминаются в моих работах традиционные говоры. Я не ставлю задачи и с с л е д о в а т ь традиционные говоры.

Как указано на стр.3 II ч. "Звукового строя", в работе исследуется определенный круг языковых явлений" в плане позиционном (комбинаторном) и в плане территориальном".

А против того, что дикторы могут представлять территориальные говоры - рецензенты не возражают.

Следовательно, вновь ведется в отзыве завуалированное нападение на т е м у когда диссертанту приписываются задачи, которых он не ставит, а затем его критикуют за невыполнение этих задач, которые он не ставил.

Во-вторых, в отзыве этот термин "традиционные говоры" попросту прикрывает голословное противопоставление собственных идей, априорных представлений рецензентов, основанных на их слуховых впечатлениях, "чувствах" - инструментальным данным диссертации и книг.

Априорных - прежде всего по отношению к инструментально-исследованным нами фактам.

Прикрывает, ибо нет в природе традиционных говоров, а имеются только традиционные представления о говорах.

Чтобы убедиться в этом - достаточно спросить: в чем отличие традиционных говоров - от нетрадиционных? от местных говоров?

В чем, например, отличие традиционного вятского (или, скажем, северно-великорусских) говора -от нетрадиционного вятского же говора? В чем отличие традиционного вятского говора от местного вятского говора? Или скажем, традиционного орловско-курсого диалекта - от нетрадиционного орловско-курского диалекта?

Допустим существование традиционных говоров, придется допустить и существование традиционных диалектов и традиционных языков, поскольку отличие диалектов и языков - от говоров - прежде всего в количественном отношении, а не качественном, то есть не принципиальное.

Отсюда следует, что, например, возможны два нижне-немецких диалекта: традиционный и нетрадиционный (например,-местный)

нижненемецкие диалекты. В чем их отличие друг от друга?

Более того, по логике рецензентов получается, что возможны, два русских языка: традиционный русский язык и нетрадиционный русский язык. В чем их отличие друг от друга? Можно допустить и иное толкование: скажем, вятский говор -традиционный, а архангельский - нетрадиционный; русский язык традиционный, а немецкий - нетрадиционный или наоборот. Однако в чем выражается эта традиционность?

Ясно, что вносящее путаницу выражение "традиционные говоры" означает не говоры (традиционные), а означает в действительности традиционные взгляды на говоры. Означает и д е и, ходячие в о з з р е н и я. И заявление в отзыве - о несоответствии наших дикторов и их данных -традиционным говорам, голословное утверждение рецензентов, что наши дикторы не представляют традиционные говоры - означает в действительности, что данные, результаты инструментальных исследований произношения наших дикторов - не соответствуют традиционным в з г л я д а м на говоры.

И в н о в ь (в который уже раз!) мы приходим к критике рецензентами инструментальных данных за несоответствие р е з у л ь т а т о в исследования - традиционным в з г л я д а м и п р е д с т а в л е н и я м. Приходим к противопоставлению традиционных взглядов, основанных на слуховых впечатлениях - результатам и н с т р у м е н т а л ь н ы х данных и отрицанию последних рецензентами -за несоответствие инструментальных данных - прежним слуховым представлениям, и д е я м. Старый прием, восходящий к эпохе средних веков и даже более ранний.

В-третьих. Рецензенты не дают определения того, ч т о они понимают под "традиционностью". Изучение же содержания отзывов показывает, что т р а д и ц и о н н ы м и авторы отзыва называют вовсе не традиционные взгляды и не говоры, а свои с о б с т в е н н ы е п р е д с т а в л е н и я.

Приведу пару примеров из числа многих. Рецензенты возражают против принятого в диссертации и моих книгах деления татарских диалектов на казанско-татарский и мишарско-татарский (стр.21 отзыва П и др.). Они требуют, чтобы это деление, являющееся в то же время, известно, т р а д и ц и о н н ы м, было бы заменено делением на "средний диалект" и на " западный диалект". Во введении (выше) была показана несостоятельность последнего деления. Здесь важно то, что, сами авторы отзыва П признают, что н е с о в п а д а е т значение этих терминов, они пишут: «Ведь "каз.-татарский" по своему "объему" не соответствует термину "средний диалект", который давно уже утвердился в тат.диалектологии» и т.д.

Термины и понятия "средний диалект" и "западный диалект" впервые применены самими рецензентами в частности Л.Заляем - в 1947 г. - в его " Диалектологии", рассмотренной нами во введении, причем сам Л.Заляй и авторы I отзыва не отличают "каз. татарский" от " среднего диалекта" - в отличие от авторов П отзыва (к чему ведет указанное неразличение - показано нами во введении). Эти термины "средний" и "западный" употребляются и другими рецензентами, в том числе - авторами П-го отзыва -Л. Махмутовой и др. и не употребляются ими традиционные:" "казанско-татарский" и "мишар-татарский".

Отсюда следует, что в качестве "давно утвердившейся" традиции рецензенты навязывают читателю и слушателю вовсе не традиционные, а с в о и с о б с т в е н н ы е понятия и термины, ибо традиционным, как известно, является деление на казанских ~~и~~ татар и на мишар-татар.

Последнее подтверждается и литературой вопроса.

Один из основателей татарской диалектологии -Джамал Валиди (1927) вообще не знал ни "среднего" , ни " западного" диалектов Л.Заляя (1947). Дж.Валиди пользовался только терминами "казанско-татарский и "мишар-татарский," его деление на диалекты вообще не совпадает с делением на диалекты Л.Заляя и др. наших рецензентов. Дж.Валиди выделял казанский диалект, урало-уфимский диалект и мишарский диалект, а сибирских татар вообще не включал в число татар (см.ВНОТ № 6, стр.52 и др.). И это всего лишь за 20 лет до З.Заляя. В 1937 году Дж.Валиди был арестован и погиб (реабилитирован после XX съезда КПСС).

Известный татаровед Г.Ахмаров даже книжку свою назвал: "О языке и народности м и ш а р е й " (Казань 1903) и пользовался только терминами и понятиями "казанско-татарский" и "мишар-татарский" (напр., стр.69 и др.)

Н.Ф.Катанов, например, в "Опыте исследования урянхайского языка" (Казань, 1903) пользуется терминами и понятиями "Казанско-татарский" - " мишар-татарский" и не знает никаких "средних" или "западных" диалектов - как и все другие тюркологи и татароведы - кроме наших рецензентов.

В.В.Радлов и другие русские тюркологи XIX века пользуются лишь понятиями "казанско-татарский - "мишарско-татарский".

В иностранной тюркологии - приняты те же термины: "казанско-татарский" - "мишарско-татарский" - см.например статью Х.Паасонена в Журнале финно-угорского общества ХУ2

То же и в новейшей иностранной тюркологии - см. например, книгу М.Рясянена "Материалы по фонетике исторической тюркских языков" - Хельсинки, I949, Москва, I955.

То же - в трудах акад.Ю.Немет.и других. Примеров достаточно.

Изложенное показывает, что само понятие "традиционности" используется рецензентами неправильно, ибо за "традиционное" они выдают н е т р а д и ц и о н н о е , а напротив они выдают с о б с т в е н н ы е взгляды, мнения, "ч у в с т в а" и проч., не имеющие ничего общего не только с т р а д и ц и е й , но и вообще с наукой, не имеющие ничего общего с традицией тюркологии и татароведения, всего татарского языкознания, более того, ничего общего не имеющие даже с традиционными взглядами с а м и х казанских татар вообще. Ибо казанские татары в повседневной практике только так и разделяют: т а т а р (соответствует "казанско-татарскому") и м и ш а р - (= мишар-татарский).

Д р у г о г о д е л е н и я н е т в п р а к т и к е с а м и х т а т а р и н е б ы л о н и к о г д а

Однако в соответствии с общей тенденцией многих представителей мишар-татарского наречия -выдавать себя за казанских татар, что на с т а т и с т и ч е с к и х данных показано Джамалом Валиди (цит.раб., 52) наши рецензенты пытаются искоренить это правильное, традиционное деление, принятое искони

как с а м и м и татарами, так и в русской и мировой тюркологии.

Не смея, однако, п р я м о выступить против этого правильного и действительно т р а д и ц и о н н о г о подразделения татарских диалектов, рецензенты в отзыве вкладывают п р о т и в о п о л о ж н ы й смысл в общеизвестные понятия "традиционность" и на подобных и н д и в и д у а л ь н ы х словоупотреблениях, на заведомо неправильном использовании общеизвестных слов строят критику инструментальной, опытной диссертации.

Это полностью в духе всего направления -от В.Смирнова - до А.А.Реформатского. ж ж

Кроме традиционности (читай: соответствия взглядам рецензентов и несоответствия действительно традиционным взглядам) в отзыве П выдвигается еще одно требование - по отношению к дикторам из мишар-татар: чтобы дикторы-мишари были бы представителями чокающих и цокающих и притом, опять таки "традиционных" говоров (то есть согласно не традиции, а согласно нетрадиционным представлениям рецензентов).

В отзыве П читаем: "мишарский диалект не представлен дикторами - носителями типичных, традиционных цокающих и чокающих говоров", стр.5, " которые отличаются друг от друга и, прежде всего, в системе гласных, например, в употреблении гласных $\bar{о}$, θ (последний почти русское долгое О), дифтонгов $у^{о}$ - $у^{\theta}$, а также "чистых" у - $у$ "(стр.4-5). В этой цитате едва ли можно найти хотя бы одно утверждение, которое соответствовало бы действительности или имело бы отношение к теме и содержанию рецензируемых работ.

Во-первых, я не изучаю цоканье и чоканье в мишарских говорах. Не изучаю употребления гласных О - ɵ в этих говорах. Не изучаю "дифтонгоидов" и гласных у - у (? почему два раза повторено "у" в отзыве?). Эти вопросы не входят в круг вопросов, рассматриваемых в диссертации (и книгах), если не считать отдельных попутных замечаний и упоминаемых всюльзб литературных данных - в книге "Звуковой строй" часть I. А упоминаемые рецензентами дикторы -мишари и их данные рассматриваются во II части книги.

Вопросы, для исследования которых были привлечены нами дикторы-мишари, против которых возражают рецензенты - это следующие: I) оглушение и редукция гласных; 2) ударение и степени длительности, звонкости, спирантности согласных. Эти вопросы, как видно из перечня, не имеют ничего общего ни с цоканьем, ни с дифтонгоидностью, ни с тем, произносится ли звук ɵ в мишарском - как русское О или не произносится.

Последний случай вновь показывает неосведомленность рецензентов в элементарных вопросах фонетики тюркских языков, и татарского, ибо известно, что перечеркнутое ɵ означает краткий смешанный губной гласный, который никак не может быть равным гуттуральному долгому русскому О. Если бы рецензенты были действительно хотя бы знакомы с традицией науки, то уже и в этом случае они бы не допустили подобного ошибочного приравнивания неравных звуков.

Или еще: от имени "всех исследователей татарского языка" (стр.75 рецензенты заявляют, что "прежде всего" различие между "цокающими и чокающими" говорами будто бы заключается не в цокании или чокании, а в системе гласных. Тогда, спрашивается,

какое имеется основание подразделять эти диалекты на цокающие и чокающие, а скажем не на окающие и укающие?

Рецензенты как и С.С.Высотский, так сказать, по роду занятий, занимаются изучением диалектов. Однако при данном замечании в отзыве -о цокании и укании и проч. они не обращают никакого внимания на общеизвестный лингвистический факт: несовпадение и з о г л о с с различных лингвистических явлений. Или же рецензенты делают вид, что им н е в е д о м о даже слово изоглосса. Делают вид - в о т з ы в е , расчитанном на н е я з ы к о в е д о в и тем дезориентируют читателя и слушателя.

Между тем, р е з у л ь т а т ы наших исследований речи представителей мишар-татарского диалекта, происходящих из р а з л и ч н ы х , о т д а л е н н ы х друг от друга районов оказались принципиально одинаковыми: у всех этих дикторов зарегистрирована тенденция произносить слова преимущественно с начальным ударением. Аналогично - в отношении озвончения согласных - по произношению дикторов из Дрожжановского района (юго-запад ТАССР) и Чистопольского (на Каме) -несмотря на то, что как признают и сами рецензенты, говор чистопольских мишарей испытал некоторое влияние казанско-татарского. И н е с м о т р я на это влияние, чистопольские мишари сохранили тенденцию всех мишар-татарских говоров - переносить (или сохранять) тот или иной (или несколько) компонентов ударения на первый слог слова - в о т л и ч и е от(влиявшего) казанско-татарского, в котором, согласно нашим данным, нередко (в говорах) ударение переносится на п о с л е д н и й слог

слова даже в тех словах, в которых по литературным нормам требуется произношение с ударением на первом слоге.

Нами установлено, что в исследуемых вопросах д а ж е чистопольский говор сохранил о с о б е н н о с т и , а рецензенты аргументируют: привлеченный для исследования чистопольский говор "не является типичным (классическим) мишарским говором", так как этот говор испытал влияние казанско-татарского (стр.4-5 отзыва). А установленные нами особенности этого говора, отличающие его от казанско-татарского, рецензенты голословно отрицают.

Говор чистопольских мишарей объявляется нетипичным и нетрадиционным (стр. ср.4-5 отзыва, концовку раздела-цитировано), хотя этот говор по традиции изучался многими еще в XIX веке (Казаринов и др.) и в XX (Е.Малов, С.Е.Малов и др.)- в специальных работах, посвященных именно этому говору (см. введение). Кроме того в отзыве находим еще один, так сказать, научный критерий пригодности для изучения того или иного говора - "классичность". В чем выражается эта "классичность" в диалектологии - рецензенты не определяют. Между тем, наука требует точности выражений, а неопределенность высказываний, как известно, означает н е и с т и н н о с т ь и х .

Говор горьковских (бывш.нижегородских) мишарей рецензенты также объявляют нетрадиционным -хотя, как известно, еще академик Бетлинг в первой половине XIX века начал свои тюркологические исследования с этого -если использовать терминологию рецензентов -"классического" мишар-татарского говора, который рецензенты -вопреки собственным утверждениям - признают цокающим. И нашего диктора из Горьковской области -то же признают цокающим. Но только не "традиционным", то есть - в дей-

ствительности традиционным, но не по той традиции. Именно, нетрадиционным - не по традиции тюркологии и татароведения и самих татар, а по , так сказать домашней"традиции" рецензентов Л.Заляя и Л.Махмутовой, по традиции 1947 года. Что это за традиция - известно. И упомянуто о ней выше.

Сказанное относится и к нашему диктору из Дрожжановского района ТАССР, представляющего один из традиционно изучавшихся говоров Средневолжских мишарей.

Изложенное показывает, что независимо от того, в какой мере осведомлены сами рецензенты в области фонетики, татароведения и тюркологии, независимо от того, знают ли рецензенты изложенные элементарные истины, или же они их не знают (несмотря на занимаемое положение и "род занятий") - независимо от всего этого их отзыв дает неправильное представление о состоянии тюркологической науки и татароведения, а также - о данной диссертации и отражающих ее работах.

Без какой либо аргументации рецензенты голословно утверждают противоположное действительности, противоположное о б щ е и з в е с т н ы м фактам и, надо полагать, не случайно аппелируют к неязыковедам, а также к тем, кто мало знаком с состоянием татароведения и тюркологии.

* *
*

Неправильное представление внушают рецензенты тем, кто не знаком с работой - также и в отношении дикторов из самой Казани.

На стр. 3 читаем: "I. Как указывает само название книги и

как это видно из предисловия автора ко второй книге (изд.1961) автор ставит своей задачей осветить звуковой строй татарского литературного языка и его диалектов с привлечением сравнительного материала по некоторым другим тюркским и финно-угорским языкам. В качестве носителя литературного языка (основным диктором автор берет себя (см.автореферат канд.диссерт.стр. 6; I книгу, стр.27), хотя по некоторым данным в его речи и отражаются особенности нагорного говора татарского языка. В качестве контрольного -диктора С (??)"

Это вся аргументация.

И это целый клубок голословных и несоответствующих действительности, опровергаемых фактам утверждений, в н у ш а ю щ и х (но отнюдь ничего не доказывающих) неправильное представление тем, кто не знаком с работой.

Во-первых, опустив здесь название книги и название кандидатской диссертации, и сославшись на кандидатскую диссертацию- когда ведут речь о "Книге (изд.1961г.)" - тем самым рецензенты приравняли друг к другу эти две работы.

В действительности это разные работы, для которых общим является только автор их (если не считать того, что обе они касаются инструментальной фонетики и татарского языка - вообще) (Во всей рецензии не указаны год и место кандидатской диссертации) Ссылка в отзыве, таким образом, не подтверждается - в отношении приравнивания этих работ.

Во-вторых, не подтверждается и ссылка в отзыве - на предисловие "ко второй книге", ибо там по поводу приводимых в книге данных по другим тюркским и финно-угорским языкам говорится:

"Поскольку рассматриваемые здесь вопросы инструментально до сих пор не исследовались или почти не исследовались, вполне естественно не представилось возможности провести сравнение с результатами других языковедов" (стр.3).

Рецензенты же, приравняв книгу "Звуковой строй татарского языка в связи с некоторыми другими тюркскими и финно-угорскими языками" (1961) - к моей кандидатской диссертации: "Гласные татарского литературного языка в свете экспериментальных данных" (1954) и умолчав о содержании этих работ, которые, как видно даже из предисловия к книге, на которую ссылаются рецензенты, совершенно не совпадают друг с другом, тем самым в н у ш а ю т читателю, что будто бы это одна и та же работа. Но не осмеливаются прямо заявить об этом и только на I странице отзыва говорят, что кандидатская диссертация будто бы включена в обе книги и что якобы другие исследователи проводили инструментальное изучение рассматриваемых в диссертации языков, не упоминая, однако, ни одного имени - не только труда, как и того, какие именно вопросы этих языков рассматриваются разными авторами. Таким образом, не подтверждается косвенное утверждение рецензентов, что якобы данные и выводы по другим кроме татарского языкам будто бы принадлежат другим исследователям, а якобы не диссертанту.

В-третьих, читателю и слушателю внушается, что якобы имеются не две части книги, а два издания книги.

В-четвертых, неправильно указан на той же странице отзыва даже год написания докторской диссертации: 1961. Эта цифра в действительности является лишь средним арифметическим от года написания докт.диссертации (1960) и года издания автореферата (1962).

Все эти недоговорки, а умолчания, намеки д е з о р и е н т и р у ю т [I] читателя и с л у ш а т е л я, не знакомого с рецензируемой работой и в н у ш а ю т неправильное представление, хотя и ничего не доказывают кроме ненаучности приемов рецензентов.

Далее, непосредственно после упоминания о второй части "книги (изд.1961г.)" рецензенты утверждают, что "основным диктором автор берет себя, да еще по литературному языку. Какому именно - не указано в отзыве. Следовательно - по любому.

В действительности у меня никогда не было подобной нелепой идеи выступать основным диктором примерно по двадцати языкам и наречиям, исследуемым в этой книге и других работах. Каждый диктор в работах указан - по каждому языку.

И даже по татарскому языку не было у меня подобной идеи выступать основным диктором в таком исследовании, как докторская диссертация и отражающие ее работы.

Ссылка рецензентов на стр.27 I части "Звукового строя" по поводу "диктора Б" - также не подтверждается уже потому, что на указанной странице говорится, что этот диктор является основным только в этой главе, составляющей одну пятнадцатую часть всей книги (две части). Это же подтверждает содержание двух книг, которые рецензенты или вообще не читали, или сознательно искажают действительность, что, собственно, одно и то же в данном случае, ибо писать отзыв на работу, которую не читал - это значит заведомо искажать действительность.

I) Пользуясь выражением рецензента С.С.Высотского -из Москвы, Институт Русского языка АН СССР

И даже в самом отзыве (стр.7) говорится, что некоторые разделы, например.- "Консонантизм" (II часть "Звукового строя...") (она, имеет объем около 15 печ.листов - не считая I части книги) "строятся лишь на данных говоров". Если основные разделы строятся на данных говоров, причем "основным диктором автор берет себя", то что из этого следует? То, что рецензенты косвенно, намеком, обвиняют меня в том, что якобы я сам наговаривал на приборы - в качестве представителя говоров. Но не решаются прямо высказать это обвинение, ибо такое обвинение надо подтвердить фактами, а факты противоречат этому обвинению и легко могут быть проверены. Поэтому рецензенты ограничиваются указанным н а м е к о м , за который трудно привлечь к ответственности, ибо от н а м е к а можно всегда отказаться. Тем более, что и сами рецензенты в отзыве признают, что я использовал многих дикторов и лишь оспаривают степень "традиционности" и литературности их произношения. То есть уже в отзыве отказываются от своего намека.

То, что сказано об одной небольшой главе в 2,5 печатных листа (на стр. 27 I ч. 3в.строя) рецензенты распространяют на все двенадцать работ общим объемом около 50 печ.листов и на докторскую диссертацию - вопреки содержанию всех упомянутых работ.

Далее. По поводу указанного диктора Б - из одной главы - рецензенты голословно заявляют, что якобы "по некоторым данным в его речи отражаются особенности нагорного говора татарского языка" и что он поэтому будто бы не может представлять литературный язык.

Между тем, во-первых, в моих работах вообще не ставится задачи изучения литературных норм; работа сравнительно-лингвистическая, а не орфоэпическая; во-вторых, в чем выражается этот нагорный акцент? Рецензенты не приводят никаких фактов, никаких аргументов. Их позиция в данном вопросе подобна позиции представителя вятского говора русского языка, который бы приехав в Москву, нашел бы "орловско-курский акцент" у коренных москвичей, ибо сами рецензенты - представители наиболее отдаленного от литературного татарского языка диалекта, тогда как даже сам нагорный говор, как известно (наряду с заказанским говором) является базой литературного татарского языка, как это правильно указывал и Джамал Валиди - в цит.работе (ВНОТ № 6, 1927, стр.56, след.). Рецензенты умалчивают об указанном - в отношении нагорного говора и тем самым создают неправильное представление у тех, кто не знаком с татарским языкознанием.

Между тем, вот что пишет по этому поводу (о говорах) Джамал Валиди (ук.соч.,56): "На долю собственно казанских татар в диалектическом смысле остается с одной стороны Свияжский и Тетюшский кантоны, а с другой - Арский, Лаишевский и Мамадышский кантоны. Значит, территория эта из себя представляет внутренний круг, который обхватывает г.Казань со всех сторон.... Таким образом, собственно-казанские татары распадаются на две части - правоволжскую и лево-волжскую..." ! лево-волжская часть занимает больше территории, несколько ближе стоит к самой Казани и не отделяется от нее Волгой. Эта часть называется в обиходе Казан арты, т.е. заказанье, а право-волжская - тау-Ягы, т.е. горная страна. Само собою разумеется, что эти две

разобщенные части имеют диалектические особенности, но несмотря на это между ними больше общности, чем между главными тремя диалектами татарского языка". К последним автор относит: казанско-татарский, мишарский и урало- уфимский. Говор же самой Казани Дж.Валиди относит к заказанскому говору (57), к которому, как видно и из цитаты, ближе всего стоит право-волжская часть, т.е. горный (или нагорный) говор. Наиболее же отдаленным от казанско-татарского (точнее - казанского) Дж.Валиди справедливо считает диалект мишарей, который он называет "наиболее особенным"(стр. 53).

И вот, представители этого "наиболее особенного" диалекта будто бы обнаружили нагорный акцент у коренного жителя Казани -несмотря на то, что сами эти "обнаружившие" неизлечимо "больны" (по выражению Дж.Валиди) мишарским диалектизмом в своей речи.

Джамал Валиди справедливо говорит, что мишарский акцент весьма "трудно поддается лечению" и что даже "отатарившегося мишаря не трудно разоблачить" (стр.54). Живым подтверждением этого являются сами рецензенты: Л.Заляй, И.Махмутова, Р.Газизов.

Однако при учете изложенного ясно, что в известном смысле так сказать, "нагорный" будто бы акцент и д о л ж е н быть в литературном (т.е. казанском) татарском языке, а именно, он должен быть в той мере, в какой этот акцент нагорного говора совпадает с акцентом заказанского говора и с говором самой Казани и в то же время в той мере, в какой он по этим же признакам не совпадает, расходится с мишар-татарским. Литературный татарский язык - это то общее, что содержится в двух его опор-

ных говорах: заказанском и нагорном и в чем он отличается от мишарского.

Рецензенты же давно уже пытаются административными мерами навязать казанским татарам мишарский диалект и об этом свидетельствует и современная татарская орфография, составленная в 1938 году, которая н а в я з ы в а е т мишарское произношение (напр.,- звуков К - Г и др. поскольку отсутствуют знаки для увулярных, а есть только для заднеязычных).

Рецензенты, толкующие о традиции, в действительности пытаются разрушить традиционные многолетние нормы литературного казанско-татарского произношения, в особенности - пытаются разрушить нормы, установленные после Великой Октябрьской социалистической революции, когда литературный язык был приближен к языку подавляющей массы татарского народа - особенно - населения Татарской АССР - разрушить нормы, установленные на основе указанного казанского говора и в качестве литературной нормы навязать мелекесско-или -хвальынско-мишарское произношение. Современное литературное татарское произношение "по существу не отличается от казанско-татарского"(по Дж.Валиди - казанского диалекта)" за исключением редких отдельных случаев, которые мы всюду указываем по ходу изложения" - как сказано и в примечании к стр.103 I части "Звукового строя".

Однако бесплодны споры о литературных нормах. И в диссертации был взят за основу говор казанских татар (по Дж.Валиди - говор "казанского диалекта") -от Тетюшей и Свияжска - до Арска и Мамадыша, т.е. окружающие Казань районы, хотя вообще нами излагаются данные не только по этим говорам. Вопрос же о том, подходят ли данные дикторов, происходящих из этих райо-

нов,- под определение литературного языка или тех или иных говоров, даваемых рецензентами - это не имеет никакого отношения к делу, к данному конкретному инструментальному исследованию, отнюдь не ставящему даже задачи исчерпывающего описания всех татарских диалектов и говоров и установления литературных норм , ибо последние давно установлены.

Заявляя без какой либо аргументации, что один диктор - коренной житель г.Казани, уроженец Казани, всю жизнь проживший в Казани, который , кт тому же, по свидетельству Института языка литературы истории говорит на литературном татарском языке и т.д. -будто бы несмотря на все это имеет нагорный акцент, рецензенты в то же время утверждают, что дикторы - студенты, происходящие из различных районов ТАССР и впервые приехавшие в Казань, а также - дикторы-студенты заочники, уроженцы разных районов, живущие в них, этих районах,- якобы говорят на литературном языке (т.к. они - учителя) и что поэтому не могут представлять традиционные говоры (отзыв I, стр.7, отзыв II, стр.4).

Таким образом, все возражения данного рода по сути дела сводятся к толкованию слова "литературный" и к разным искажениям содержания работы, ввиду чего эти возражения не имеют отношения ни к теме диссертации, ни к ее содержанию.

Все рассуждения о литературном языке и о говорах, так сказать, основаны в отзыве не на фактах, а на априорных предположениях и прежде всего - на индивидуальном (рецензентов) толковании смысла слов:"литературный", "говор" и содержания тех или иных говоров и эти словесные шарады выдаются Б.А.Серебренниковым за "обстоятельный"отзыв".

* *
*

Наконец, последнее - в связи с дикторами.

На стр.4 рецензенты предъявляют еще одно обвинение - о якобы отсутствии "полной неспортизации материала", что "местами автор ограничивается лишь указанием инициала диктора", а на стр.5 говорится, что использован "неизвестный диктор из деревни Пашат Горьковской области".

Данное замечание явно дезориентирует неязыковедов, на которых расчитан отзыв.

Прежде всего позволительно спросить, на каком основании решили рецензенты, что в настоящей лингвистической работе вообще должны быть какие-либо паспортные данные о дикторах?

Паспортные данные, как известно должны содержаться только в диалектологических материалах, т е к с т а х .

А в лингвистических работах паспортные данные в о о б щ е , как известно, н е п р и в о д я т с я . А ведь неспециалисты, на которых расчитан отзыв, могут подумать, что якобы в л и н г в и с т и ч е с к и х и с с л е д о в а н и я х (а не текстах) д о л ж н ы содержаться паспортные данные.

Это и есть д е з о р и е н т а ц и я рецензентами тех, кто не знаком с состоянием дел в данной отрасли науки.

Во-вторых, несмотря на указанное, все же мною приводятся лингвистические ("паспортные") данные об использованных дикторах: указаны фамилии, место происхождения, в большинстве случаев - род занятий, во многих случаях - возраст. и т.д. (лишь в отношении нескольких из общего числа около 60 дикторов указаны только инициалы - согласно желанию самих дикторов).

Несмотря на это рецензенты недовольны: " местами автор

ограничивается лишь указанием инициала диктора" (В отношении дикторов-татар фамилии указаны всюду кроме двух случаев). Якобы "неизвестен" диктор из деревни Пашат Горьковской области.

Как же он неизвестен, если указано даже село?

Как видно, рецензентов интересуют не лингвистические данные, а анкетные - скажем по форме № I или, на худой конец - личный листок по учету кадров. Ибо как можно говорить, что диктор неизвестен, если указаны область и село его?

Место происхождения дикторов и другие л и н г в и с т и ч е с к и е данные указываются нами во всех работах.

Однако в отзыве рецензенты и г н о р и р у ю т эти данные произвольно о п у с к а ю т их, а затем заявляют: нет полной паспортизации дикторов.

Вот пара наглядных примеров.

В отношении двух дикторов из Казани рецензенты заявляют, что у одного "по некоторым данным... отражаются особенности нагорного говора", а о другом - ничего не говорят, а только ставят знак вопроса. И ссылаются на стр.27 I ч.Звувого строя".

А на указанной странице книги читаем следующие л и н г в и с т и ч е с к и е данные об этих дикторах.

"Настоящая глава основана на данных двух дикторов: основного диктора Б. и контрольного диктора С. Оба диктора - казанские татары" (что значит! не мишары).

"Диктор Б. является уроженцем г.Казани, говорит по-татарски с детства по свидетельству Института языка, литературы и истории при Казанском филиале Академии Наук СССР, говорит на правильном литературном татарском языке, возраст 30 лет".

(В отношении этого диктора и заявляют рецензенты голословно, что у него имеется якобы нагорный акцент).

Далее в книге читаем о втором дикторе, в отношении которого рецензенты ограничились тем, что поставили знак вопроса:

"Диктор С.- уроженец Буинского района ТАССР, говорит по-татарски на правильном литературном языке с детства, окончил татарское отделение историко-филологического факультета Казанского университета, возраст 25 лет".

Рецензенты игнорируют эти лингвистическо-паспортные данные и ставят знак вопроса.

Голословное заявление о диалектизме у коренного жителя Казани и этот знак вопроса и есть в данных условиях попытка поставить под п о д о з р е н и е - без оснований -и уже т е м с а м ы м о с у д и т ь - согласно приемам старо-прусского феодального земского права. Осудить без доказательств.

Если рецензенты имеют возражения - они обязаны мотивированно изложить эти возражения. Если же у них нет фактов -они н е и м е ю т права ставить под подозрение. Однако рецензенты пытаются одновременно и обвинить и не обвинять, ибо у них нет фактов против дикторов. И осудить с помощью намека. По старорусскому земскому праву.

Таким образом, приводимые нами лингвистические паспортные данные рецензентами игнорируются, более того, они, эти данные, молчаливо (и голословно) отрицаются в отзыве - отрицается сам факт существования этих данных -отрицается вопреки фактам, отрицается путем умолчания об этих данных и одновременного заявления, что якобы паспортные данные неполны № хотя вообще не

требуется приводить паспортные данные в л и н г в и с т и ч е с к и х исследованиях, не являющихся сборником диалектологических текстов.

В то же время, данное требование - о паспортизации - рецензенты отнюдь не считают обязательным для с а м и х с е б я. В Диалектологии Л.Заляя только в двух местах указаны имя и место происхождения дикторов. В остальном - во всей книжке даже не упоминается о том, от кого Л.Заляй получил те или иные сведения о говорах, описываемых им. Л.Махмутова и Н.Бурганова в своих д и а л е к т о л о г и ч е с к и х статьях (большей частью восходящих к их кандидатским диссертациям) вообще даже не упоминают о дикторах, о том, от кого они получили те или иные данные об описываемых говорах -например,- о касимовском (Л.Махмутова). Только в двух-трех последних статьях их (от 1962 г.), в которых приведены в приложении т е к с т ы - при этих т е к с т а х указаны дикторы (как правило -не больше данных о дикторах - чем приводится мною, а зачастую - меньше). Однако в самих этих статьях, опять таки даже не упоминается о дикторах и о том, от к о г о получены ими сведения об описываемых говорах.

Более того, как показано во введении (выше), в своих диалектографических работах рецензенты исходят не из изоглосс не из данных дикторов, не из сел и районов, а так сказать, из "говоров", которым не дают определения. Например, в диалектологическом словарике III выпуск (авторы Л.Махмутова и Н.Бурганова, редактор - Л.Заляй), зачастую (если не всегда) вместо указания на село или хотя бы район, в котором зафиксировано то или иное слово, находим лишь о б щ е е указание на тот

или иной, нередко -существующий только в воображении авторов- "говор"в целом, причем авторы нередко относят к такому "говору" районы, находящиеся в разных концах ТАССР (если не в разных республиках иди областях), а перечень районов, включаемых авторами в такой говор,то есть расшифровка этого говора не всегда дается (чтобы не сказать : обычно не дается). О диктофонах уже и речи нет - не говоря уже о паспортизации. Попробуйте ка при таких условиях определить то, в каком районе (не говорю уже о селе) употребляется то или иное диалектальное слово! (приводимое в этом словаре)

И эта доселе невиданная система построения диалектологических словарей открывает, конечно, полный простор для субъективной характеристики говоров и не дает никакого представления о географическом, территориальном распространении диалектальных слов. Факт печальный для татарского языкознания, ибо этот факт означает, что исследование диалектов (секторами или) по сути дела не ведется и более того, искажается действительность и будущим поколениям придется все переделать заново, хотя на подобные"исследования" расходуются в настоящее время миллионы государственных средств, народных денег, то есть трудящийся народ оплачивает из своего кармана подобные эксперименты Л.Махмутовой и других и оплачивает по весьма высокой ставке- оплачивает за то, что этими авторами искажается действительность.

Что же касается нашей работы (выполненной, к тому же, вне плана) то здесь был избран единственно правильный путь: последовательно исследовано по определенному кругу вопросов произношение выходцев из около двадцати районов ТАССР и ряда сопредельных областей и республик, причем указаны фамилии и

место происхождения дикторов; полученные данные сопоставлены с существующими делениями на диалекты, например, признаваемыми Л.Заляем и др. рецензентами - указано, к какому говору относят эти авторы в признаваемой ими классификации те районы, откуда происходят наши дикторы. Это сопоставление давало возможность сравнить и проверить, насколько обоснована указанная классификация говоров и облегчало использование наших данных другими языковедами. Сам же я воздержался от высказывания какого либо мнения об указанной классификации: если было необходимо - говорили сами результаты инструментальных данных.

И после всего изложенного, рецензенты еще предъявляют ко мне претензии по поводу якобы неполноты паспортизации лингвистического материала, хотя сами они в своих диалектологических или диалектографических работах вообще обычно не дают никакой паспортизации и даже не упоминают о дикторах.

В отношении, так сказать, рецензируемых ими лингвистических исследований рецензенты предъявляют требования, которые могут быть предъявлены только к материалам и текстам. Иначе говоря отождествляют различное: исследования с материалами и текстами. Притом отождествляют вдвойне.

Ибо рецензенты не дают сами лингвистической паспортизации там, где они обязаны ее дать (хотя-бы в словаре - указать район, где употребляется то или иное диалектальное слово), тогда как я даю эту лингвистическую паспортизацию там, где я не обязан ее давать. И тем не менее меня (а не рецензентов) обвиняют в том, что якобы

моя паспортизация неполна.

* *
*

В с е возражения рецентов по поводу дикторов сводятся к попытки доказать якобы с л у ч а й н ы й характер полученных нами инструментальных опытных данных. Аргументируется при этом тем, что эти наши данные будто бы не соответствуют предшествовавшей с и с т е м е взглядов, являющейся априорной по отношению к данному (инструментальному) о п ы т у .

Результаты о п ы т а - ф а к т ы отбрасываются (но не опровергаются) - за их несоответствие принятой системе (рецензентов) и объявляются с л у ч а й н ы м и . Это есть повторение в миниатюре общего хода развития и борьбы против ф а к т о в - в области естественных наук - в XIX веке. Повторение аргументации против фактов - аргументации середины XIX века.
И в ходе развития наука уже давно дала ответ на этот принципиальный вопрос: факты остаются, системы меняются и в интересах целостности самой системы - эта система должна объяснить все якобы случайности - все факты, полученные эмпирическим путем - исходя при этом из принципов с а м о й системы (и, разумеется, не искажая фактов , как это делают наши рецензенты). Если система не способна объяснить якобы "случайные" факты - исходя из собственных основ системы - эта система снимается, заменяется более современной.

Глава XI.

О КРУГЕ РАССМАТРИВАЕМЫХ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

§ I

О казанско-татарских говорах

Рецензенты не отрицают того, что в диссертации и отражающих ее книгах исследуется татарский язык. Не возражают они и против рассматриваемых нами диалектов татарского языка и даже не говорят, что не все диалекты "охвачены". Все возражения в отзыве П (в первом отзыве по этому вопросу возражений нет) сводятся по данному пункту к тому, что якобы не все говоры татарского языка "охвачены" в диссертации и книгах.

На стр. 2 отзыва П читаем: "Ряд наиболее интересных говоров среднего диалекта (нукратский, касимовский и др.) вообще не охвачены. Между тем, без исследования их нельзя сделать правильные выводы по истории языка. Автор работы ведь претендует на выводы общего характера".

Этот типичный для данного отзыва абзац состоит из трех несвязанных между собою фраз, каждая из которых содержит в себе г о л о с л о в н о е и неистинное суждение, создающее и в отдельности и в целом неправильное представление у неязыковедов и тех языковедов, которые не знакомы с рецензируемыми работами.

Во-первых, нигде в работах я не "претендую" на "выводы общего характера", а просто д е л а ю выводы общего характера,

а это вещи разные. И если рецензенты не согласны с этими выводами,- они о б я з а н ы доказывать ф а к т а м и то, в чем по их мнению ошибочность конкретных выводов .

Между тем, рецензенты, как видим, возражают не против содержания этих общих выводов, а возражают против с а м о г о ф а к т а того, что диссертант д е л а е т о б о б щ е н и я . Притом возражают, разумеется, голословно, без аргументации, возражают не прямо, а к о с в е н н о , н а м е к о м ,- приписывая диссертанту какие-то "п р е т е н з и и". По мнению рецензентов диссертант н е д о л ж е н делать о б о б щ е н и я . Ибо, ведь если бы не было в работах обобщений, то не было бы и голословного выпада против л и ч н о с т и диссертанта - с обвинением в "претензиях".

Во-вторых, о б щ и е выводы в работах относятся к плоскости с и н х р о н и и , а вовсе не к истории языка, которая не относится к теме исследования. Рецензенты же делают вид и в н у ш а ю т (не доказывают) неязыковедам, к которым апеллируют, что якобы л ю б о й общий вывод является уже т е м с а м ы м выводом по и с т о р и и языка. В действительности же, как известно, о б щ и е выводы могут быть в различных областях лингвистики , а не только в области и с т о р и и языка. Вот почему последняя (третья) фраза цитированного абзаца рецензии не связана с предшествующей (второй) фразой этого же обзаца.

В-третьих, неправильно то, что якобы нельзя без исследования касимовского и нукратского говоров сделать правильные выводы по истории языка.

Прежде всего это неправильно потому, что можно, например, без изучения этих татарских говоров сделать правильные выводы по истории, скажем, туркменского, казахского, хакасского и ряда других тюркских, а также-финно-угорских языков, исследуемых в диссертации и книгах.

Ведь рецензенты не оговаривают того, о выводах по истории какого и м е н н о языка они ведут речь. Следовательно их утверждение относится к любому языку, рассматриваемому в диссертации и книгах.

Далее, можно вполне сделать правильные выводы как по истории тюркских языков вообще, так и по истории поволжско-тюркских, так и по истории татарского языка - без изучения указанных двух говоров, что было продемонстрировано академиком В.В. Радловым. Последний даже не подозревал о существовании нукратского говора татарского языка и не исследовал специально касимовский и тем не менее, очень точно установил, например, что в поволжско тюркских, в том числе - татарском имел место перебой гласных -примерно в XIУ веке.

Х.Паасонен не изучал указанные два говора и тем не менее внес правильную обобщающую поправку - дополнение к упомянутому Радловскому закону, указав, что у горьковский мишарей этот перебой гласных не является полным, имеет исключения.

Поскольку рецензенты утверждают, что вообще (ибо оговорок нет) без исследования этих двух говоров будто бы нельзя сделать правильные выводы по истории языка (татарского и любого иного, ибо оговорок нет) -тем самым рецензенты возражают и против указанных и любых иных историко-лингвистических выводов В.В.Радлова, Х.Паасонена, а также и против в с е х выводов В.А.Богородицкого

и других по исторической фонетике татарского языка, ибо В.А. Богородицкийф также не изучал этих двух говоров и даже не знал о нукратском.

Более того, поскольку рецензенты приравнивают общие выводы по любому вопросу - к общим выводам п о и с т о р и и, то следовательно они возражают против л ю б ы х обобщений указанных и неуказанных ученых - по фонетике татарского, тюркских и финно-угорских языков (ибо оговорок в отзыве нет), причем возражают голословно.

Возражать, конечно, можно и даже должно - когда этого требуют факты. Однако необходимо подкреплять свои возражения конкретными д о к а з а т е л ь с т в а м и, фактами. Рецензенты же делают вид, что это требование науки -якобы к ним не относится и высказав свои парадоксальные (и голословные) утверждения, ставят точку. А после точки вместо приведения научных аргументов делают л и ч н ы й (и опять таки голословный) выпад по адресу диссертанта, которому вменяется в вину (без доказательств) какие-то "претензии" (делать обобщения).

В-четвертых, поскольку история языка не относится к теме диссертации, которая является сравнительным описанием в плане синхронии (по инструментальным данным), то теряет всякое значение, так сказать, "обоснование" будто бы необходимости исследования указанных двух периферийных и незначительных говоров - якобы невозможностью без такого описания сделать правильные выводы по истории языка. История языка не входит в тему диссертации. Тем самым вторая фраза цитированного обзаца рецензии оказывается н е с в я з а н н о й с первой фразой этого обзаца. Ибо если не ставится задача исследования и с т о р и и

языка, следовательно не имеет отношения к делу, не имеет значения то, можно ли сделать правильные выводы по истории языка на основании материала диссертации или же этого нельзя сделать. Имеет значение только правильность описания фактов в диссертации.

Если рецензенты считают, что описание говоров неполно - они обязаны аргументировать это фактами, исходя при этом н е и з истории языка, а исходя из состава и лингвистических особенностей говоров и из того, какое значение для выполнения т е м ы диссертации имеет наличие или отсутствие описания в ней этих двух периферийных незначительных говоров, причем рецензенты обязаны аргументировать ф а к т а м и .

Между тем в отзыве не содержится даже попытки подтвердить фактами, доказательствами свои голословные заявления о якобы необходимости первоочередного изучения указанных двух незначительных говоров.

В-пятых, не соответствует действительности и первая фраза цитированного абзаца.

Прежде всего, нами исследуется не "средний диалект", а казанско-татарское наречие, с которым сравнивается ряд фонетических явлений мишар-татарского наречия, тогда как нукратский и касимовский междиалектальные говоры даже не входят ни в казанско-татарский, ни в мишар-татарский, что видно из самих названий, как и из местонахождения указанных говоров: в Пермской области - под городом Пермь и в Рязанской области.

Если же придерживаться классификации, признаваемой Л.Заляем и Л.Махмутовой, то оказывается, что в диссертации "охвачены" все о с н о в н ы е говоры среднего диалекта: заказанский,

нагорный (составляют основу каз.татарского наречия – см.выше), саба - мамадышский, мензелинский, а также использованы данные дикторов из промежуточных районов и даже из Башкирской АССР, Оренбургской области и т.д.

Судя же по отзыву, тот кто не знаком с татарским языкознанием, разумеется, заключит, что нукратский и касимовский говоры (местонахождение которых, видимо, не случайно н е у к а з а н о в рецензии) будто бы являются о с н о в н ы м и говорами татарского языка и казанско-татарского наречия. В н у ш е н и ю (но не доказательству) этого неправильного впечатления способствует и то, что рецензенты у м а л ч и в а ю т о составе говоров, из которых складывается казанско-татарское наречие, ни единым словом не упоминают о том, что в работе исследованы в первую очередь о с н о в н ы е говоры, а кроме того рецензенты голословно объявляют эти два упомянутые говора "наиболее интересными" и тем внушают указанное неправильное представление неязыковедам и не знакомым с татарским языкознанием.

Между тем, нукратский говор, представленный полутора десятками деревень Пермской области, под самым городом Пермь и касимовский говор- в Рязанской области являются малочисленными периферийными и оторванными от основной миллионной массы татар, расположенных в ТАССР и далее на восток. В лингвистическом отношении, согласно имеющимся данным, указанные касимовский и нукратский говоры не содержат фонетических особенностей, которых бы не наблюдалось в тех или иных казанско-татарских или мишар-татарских говорах - если не считать некоторых особенностей в употреблении гамзы и, возможно, фарингального звука

h в касимовском, что известно было еще в прошлом веке, ввиду чего эти говоры отнюдь не представляют какого либо особого интереса даже и для истории языка, как это голословно, без каких-либо доказательств утверждают рецензенты, не приводящие ни единого факта в подтверждение своих заявлений. Для представителя нукратского говора - рецензента Х.Курбатова или для Л. Махмутовой, написавшей свою кандидатскую диссертацию о касимовском говоре, возможно эти незначительные как по численности, так и в лингвистическом отношении два окраинных говора, быть может, и представляют особый интерес-в силу личных воспоминаний и связей, однако для науки, для языкознания, как и для истории татарского нашего языка едва ли могут представлять значение эти говоры, ни в коей мере не характеризующие основную массу казанских татар, что являлось предметом исследования в диссертации.

Не имеют значения эти два говора для истории татарского языка еще и потому, что в той же диссертации рассматривается целый ряд других тюркских языков (по тому же кругу вопросов), а это значит, что языковые особенности указанных двух говоров, - будь они даже межязыковыми, а не только междиалектальными, - полностью покрываются различиями между татарским языком в целом и другими тюркскими, ввиду чего как раз именно для и с т о р и и языка особенности этих двух говоров в о о б щ е т е р я ю т значение, ибо эти особенности перекрываются, оказывается в н у т р и особенностей исследуемых в диссертации других тюркских я з ы к о в .

Рецензенты не обращают внимания на этот факт. Они делают

вид, что им неведомо, что история как татарского, так и любого языка исследуется прежде всего и главным образом на основе сравнения с другими языками родственной группы и только вспомогательную (необязательную) роль играет изучение даже диалектов, а не то, что говоров, что в области тюркологии было продемонстрировано и в известных трудах основателя русской тюркологической науки - акад.В.В. Радлова и других.

И все это - школьные истины компаративистики, по поводу которых рецензентами внушается неправильное представление неязыковедам - в отзыве, в котором неправильно представлено и состояние языковой науки и языковые факты.

В-шестых, не соответствует действительности само заявление в отзыве, что якобы нукратский и касимовский говоры будто бы "вообще не охвачены" в рецензируемых в отзыве работах.

Фонетические особенности касимовского говора, например, рассматриваются в книге "Звуковой строй...", часть I, стр.105, 117,124, 135,138,140 и др. - хотя и по литературным данным. Или рецензенты не читали даже основных моих работ, хотя и действительно претендуют дать отзыв на все "работы У.Байчура по экспериментальной фонетике татарского языка" (стр.1 отзыва) или же рецензенты сознательно внушают неправильное представление о рецензируемых ими работах. Слушающие же (а отзыв был расчитан не слуховое восприятие) не имели возможности проверить и сопоставить отзыв с рецензируемыми в нем работами.

Следует отметить, что если те или иные говоры действительно имеют особенности, существенно отличающие их от основного-

казанско-татарского, разумеется, представляет интерес и значение для лингвистики изучить в первую очередь эти отличающиеся говоры. Однако, прежде, чем изучать эти особенные говоры, необходимо изучить то, что представляет из себя я д р о , о с н о в у , л и ц о всего языка, т.е. казанско-татарский говор самой Казани и ее окружения. Рецензенты же, выдвигая на первый план далекие периферийные и незначительные говоры из Рязанской и Пермской областей, о п у с к а ю т о с н о в н о е -казанско-татарский язык (или наречие), который в первую голову и рассматривается в диссертации. Рецензенты делают вид, что изучение этой о с н о в ы языка, г л а в н о г о в татарском языке - будто бы не имеет значения, а якобы важны только два периферийных междиалектальных говора: касимовский и нукратский, тогда как изучение языка татар, живущих в Татарской АССР -будто бы не имеет значения и дело это будто бы второстепенное.

Таким образом вновь мы приходим к неправильному употреблению в отзыве общеизвестных слов и понятий: н е и н т е р е с н о е с лингвистической точки зрения рецензенты называют "интересным", второстепенную или третьестепенную деталь выдают за главное, основное, а основное - за третьестепенное.

И внушают уже тем, что не оговаривают, что употребляют общеизвестные слова (в отзыве) в индивидуальном (рецензентов) значении, противоположном обычному значению этих общеизвестных слов.

Лишая какой бы то ни было конкретизации свое голословное утверждение (в цитированном трехфразовом абзаце), не оговаривая у с л о в и й , в которых оно применимо и того в какой м е р е

применимо это их заключение, а также с помощью неопределенного: "и др" (прикрывающего здесь отсутствие доказательств, фактов), рецензенты т е м с а м ы м придают своим трем не связанным между собой утверждениям характер в с е о б щ н о с т и и распространяют на в с ю диссертацию и работы, на все языки этот свой н а м е к о якобы недостаточном "охвате"говоров, не указывают того, какое значение имеет этот якобы неохват для т е м ы диссертации и др. работ и избегают даже каких-либо определенных суждений.

§ 2

О мишарско-татарских говорах

В диссертации и отражающих ее работах исследуются данные дикторов, представляющих традиционно изучавшиеся говоры чистопольских (ТАССР, Прикамье) буинских (диктор[illegible] из Дрожжановского района - на юго-западе ТАССР) и горьковских (бывш.нижегородских -диктор из села Пашат) мишарей.

На стр. 4-5 отзыва П рецензенты заявляют, что "мишарский диалект не представлен дикторами - носителями типичных, традиционных цокающих и чокающих говоров" (стр.5), в отзыве утверждается, также, что не являются представителями типичных и традиционных мишарских говоров дикторы из Дрожжановского района и из Горьковской области и прямо говорится на стр.4, что чистопольский говор тоже не является характерным "классическим" типичным мишарским говором.

Поскольку рецензенты не оспаривают того, что наши эти дикторы происходят из указанных районов и даже того, что являются

представителями соответствующих говоров (но только "нетрадиционных"), приходится заключить, что нетипичными и нетрадиционными рецензенты считают сами говоры горьковских, буинских и чистопольских мишарей.

На долю типичных и традиционных мишарских говоров, таким образом, остаются (по утверждению рецензентов) главным образом мишари средне-волжские, например, хвалынские (из которых происходит рецензент Л.Махмутова, родившаяся и выросшая в Хвалынске).

Ибо, как известно и как подтверждают сами рецензенты в своих статьях от 1962 г.[1] и др., остальные мишари: пензенские и из Мордовской АССР по своим важнейшим лингвистическим особенностям занимают промежуточное место между горьковскими (цокающие) - с одной стороны и казанско-татарским наречием - с другой. Например, это относится к жоканью и йоканью, к цоканью-чоканью и т.д., причем по чоканью приближаются к казанско-татарскому также и средневолжские мишари Ульяновской и др.областей, тогда как в Дрожжановском отмечается и звук Ц и звук Ч. Если сюда добавить еще тамбовских мишарей, которые с одной стороны примыкают к пензенским, а с другой - к саратовским, то мы по сути дела исчерпаем мишар-татарские говоры, ибо остальные мелкие мишарские вкрапления в других областях и республиках, в том числе - в Москве и Ленинграде, а также - к востоку от Волги - согласно имеющимся в науке данным не только не обладают какими либо значительными лингвистическими своеобразиями, но более того, они , как правило, п о т е р я л и ряд типичных мишарских особенностей и отатарились или обашкирились и т.д.

---

1) См.упоминавшийся сборник "Материалы по татарской диалектологии", Казань, 1962.

Таким образом, горьковские мишари в целом представляют собой по говору наибольшее отдаление от казанско-татарского, а чистопольские - наибольшее приближение, тогда как Дрожжановские (бывш.Буинский уезд Симбирской губернии) в некотором отношении представляют промежуточный говор - как в направлении с запада на восток, так и в направлении с севера на юг, хотя в целом ближе к средневолжским мишарям (Саратовская, Куйбышевская области).

В диссертации, таким образом, "охвачены" (пользуясь выражением рецензентов) как те мишар-татарские говоры, которые наиболее отличаются друг от друга, так и такие, которые наиболее отличаются от казанско-татарского (напр.,горьковские).

Между тем, как известно, именно диалектальные о т л и ч и я и представляют наибольший интерес и значение для и с т о р и и язнка, для сравнительно-исторического языкознания, для компаративистики. А тот факт, является ли, скажем хвалынский говор средневолжских мишарей р о д н ы м для рецензента Л.Махмутовой (как и то, является ли родным нукратский говор Пермской области - для второго соавтора этого отзыва - Х.Курбатова) - не имеет какого-либо научного значения, а имеет только с у б ъ е к т и в н о е значение для самих рецензентов.

К сказанному следует добавить, что нас интересовали в первую очередь не мелкие различия, так сказать, м и к р о о с о б е н н о с т и разных мишарских говоров - между собой - , а прежде всего то о б щ е е что имеется в мишар-татарском и отличает его от казан-татарского Это общее же выразилось в перенесении (или сохранении) ударения на первый слог слова и вытекающем отсюда сохранении гласных первого слога слова, в ассимилятивном озвончении групп согласных и т.д. - в противоположность казанско-татарскому, для ко-

торого характерно конечное ударение и связанное с этим выпадение или оглушение гласных первого слога, тенденция к оглушению согласных и т.д.

Рецензенты совершенно не обращают внимания на то, для выяснения каких именно к о н к р е т н ы х вопросов использованы нами данные по мишарским говорам. Ни слова нет в отзыве о том, какие именно мишар-татарские особенности оказались будто бы п р о п у щ е н ы нами при исследовании конкретных языковых явлений. А если кое где в отзыве упоминается о конкретных вопросах, - то лишь исключительно для того, чтобы голословно о т р и ц а т ь установленные нами экспериментально, о с о б е н н о с т и мишарских говоров. Иначе говоря, фактически рецензенты, как указывалось, признают за мишарские особенности (отличающие их от казан-татарского)- отсутствие особенностей. Например, на стр. I7 отзыва П, голословно отрицая наличие тенденции ставить ударение на первом слоге в мишар-татарском, рецензенты так же голословно заявляют, что "отличие мишарского диалекта от среднего диалекта и от литературного языка... не в том, в чем видит У.Байчура". Во-первых, я вообще не говорю о среднем диалекте в этой связи. И поскольку сами рецензенты признают, что понятия "казан-татарский" и "средний диалект" не совпадают, то получается опровержение (в отзыве) по типу: в огороде бузина, а в Киеве дядько. Рецензенты под видом возражения преподносят рассуждение на посторонние темы, не относящиеся к делу. Во-вторых, если отличие мишар-татарского от казан-татарского не в том, в чем видит У.Байчура, то спрашивается, в чем же заключается это различие? Ответа в отзыве нет.

Причем, эти голословные заявления выдаются будто бы за опровержение инструментальных данных диссертации. И все это - в якобы "обстоятельном" отзыве, будто бы заслуживающем предпочтительного внимания перед всеми другими.

Абстрактной истины, как известно, не бывает. Истина конкретна. И не случайно рецензенты всячески избегают в отзыве какой бы то ни было конкретизации.

Даже если допустить, что дрожановские и чистопольские мишари недостаточно типичны в отношении цоканья-чоканья, то тем не менее, как показывают инструментальные данные, эти говоры достаточно типичны для мишарского - в отношении начального словесного ударения, выпадения и редукции гласных, озвончения согласных и т.д. - также, как и в употреблении звуков К - Г, Ж - Й и др.

Как справедливо указывали многие исследователи, в том числе - Джамал Валиди, произношение К, Й вместо казанско-татарских увулярного қ и щелевого Ж являются наиболее важными, решающими признаками мишарей вообще.

То же самое мы можем теперь сказать и о тенденции ставить ударение на первом слоге, сохранять начальный гласный и др., ибо в этих пунктах совпадают данные наших дикторов-мишарей из разных, далеко отстоящих друг от друга районов и принадлежащих к разным мишарским говорам. Последнего не отрицают и сами рецензенты. И эти особенности, общие для наших мишар-татарских дикторов (и отличающие их от представителей казанско-татарского) отчетливо видны даже у чистопольских мишарей, наиболее близких к казанско-

татарскому - с его конечным ударением в слове и др. Чистопольский говор, таким образом, с о х р а н и л эти особенности, н е с м о т р я н а в л и я н и е казанско-татарского.

А рецензенты, возражая против чистопольского говора, как якобы недостаточно типичного для мишарей, заявляют, что эта недостаточная типичность данного говора - есть прежде всего следствие влияния казанско-татарского. (Правда, здесь рецензенты вновь употребляют выражение "средний диалект", но это не улучшает, а ухудшает их аргументацию, ибо в этом случае они вообще говорят не на тему).

Как видим, логика рецензентов не подчиняется обычным законам. Ибо, если бы я утверждал, что чистопольско-мишарский говор ближе к казанско-татарскому,- тогда возражение рецензентов о влиянии казанско-татарского имело бы какой-то смысл. Между тем, наше исследование показало, что различий между казанско-татарским - с одной стороны и чистопольско-мишарским- с другой стороны - б о л ь ш е чем предполагали ранее и предполагают рецензенты. И несмотря на это рецензенты, возражая, аргументируют: чистопольский говор претерпел влияние казанско-татарского и потому нетипичен.

Или рецензенты сами не понимают того, что они сами пишут или же расчитывают на невнимательность и незнакомство с рецензируемой работой - слушателей , которых вольно или невольно "вводят в заблуждение" (если пользоваться слогом самих рецензентов).

Казусы, подобные изложенным - суть результат абстрактных (т.е. неистинных) рассуждений рецензентов - без внимания к

конкретным фактам рецензируемых ими работ.

* *
*

Аналогично обстоит дело и с якобы нетрадиционностью рассматриваемых в диссертации и книгах мишар татарских говоров, о чем частично говорилось и выше - в главе о дикторах.

Утверждение в отзыве о якобы нетрадиционности говоров горьковских или буинских и др. мишарей способно ввести в заблуждение только неязыковедов и тех, что не знаком с татарским языкознанием.

О мишарях Буинского уезда Симбирской губернии, к которым относится и нынешние дрожжановские мишари, писали еще Золотницкий в "Корневом чувашско-русском словаре" (Казань,1875), Г. Ахмаров, С.Е.Малов и др. (ссылки - выше)

О нижегородских мишарях, на основе которых судил о татарском языке еще акад.Бетлинг, писали Г.Ахмаров, Х.Паасонен[1] и другие.

О чистопольских мишарях писали от Г.Ахмарова - до недавно скончавшегося С.Е.Малова, а Казаринов посвятил этому говору специальную работу: "Сведения о мишарях Чистопольского уезда" (как, впрочем, и некоторые другие авторы).

Из стр.5 работы "О языке и народности мишарей" (Казань,1903) Г.Ахмарова, например, видно, что нижегородские (горьковские), чистопольские и симбирские (к последним относятся и ныне дрожжановские) мишари издавна считались вполне равноправными и

---

1) Журнал финно-угорского общества XУ 2

типичными представителями мишар-татарского наречия, постоянно упоминались и изучались - наряду с другими ,- ввиду чего и являются "традиционными", ибо традиция узаконила эти говоры как особенные, издавна существующие и изучаемые мишарские говоры.

Даже одна лишь небольшая книжка Г.Ахмарова уже показывает, что указанные три мищарских говора существовали и в прошлом веке, изуялись многими и им посвящались специальные работы и эти говоры, например, уже в прошлом веке имели вполне определенные лингвистические особенности, отличающие их друг от друга и в целом - от казанско-татарского. Отсюда видно, что объявляя (голословно) эти говоры нетрадиционными, рецензенты имеют в виду, очевидно, с в о ю , д о м а ш н ю ю традицию, которая не имеет ничего общего ни с традицией татароведения и тюркологии, ни вообще с научными традициями и с наукой как таковой. В который уже раз мы вновь наталкиваемся в рецензии на упртребление общеизвестных слов и терминов не в обычном, нормальном их смысле, а, напротив, в индивидуальном (рецензентов) понимании, противоположном общеизвестному значению этих слов: традиционное рецензенты называют нетрадиционным и наоборот. И на этом, типичном для всего данного критического направления, индивидуальном переосмыслении общеизвестных значений общеизвестных слов, о каковом своеобразном употреблении терминов в отзыве рецензенты не сообщают читателю и слушателю, эти рецензенты строят всю свою критику положений рецензируемых в отзыве работ.

§ 3

Об изучаемых нами татарских говорах в целом

Наконец, последнее в связи с татарскими говорами.

Как показано выше и как видно из опубликованных моих работ, в диссертации и н с т р у м е н т а л ь н о исследованы определенные вопросы фонетики наиболее важных, значительных говоров казанско- татарского наречия и мишар-татарского диалекта. Полное же исследование всех говоров татарского языка не ставилось задачей диссертации, которая не является диалектологическим или диалектографическим исследованием. Помимо этого в работе впервые исследованы нами инструментально неизученные вопросы около двадцати других языков - по тому же кругу проблем.

Критикуя же диссертацию и книги - за неполноту охвата татарских говоров, рецензенты ведут завуалированное, прикрытое нападение на т е м у данной инструментально-фонетической, а н е диалектологической работы и при этом предъявляют к данной н е диалектологической работе б о л ь ш и е требования диалектологического характера, чем предъявляются даже к с а м и м специально д и а л е к т о л о г и ч е с к и м работам.

Так, как указывалось, рецензент Л.Заляй написал и в 1954г. защитил в том же Институте языкознания АН СССР в Москве докторскую диссертацию: "Средний диалект татарского языка", то есть ограничился описанием по с л у х о в ы м данным одного лишь диалекта татарского языка. Мишар-татарский оставлен Л.Заляем в стороне. Об исследовании других тюркских и тем более -финно-угорских языков - вообще нет и речи в диссертации Л.Заляя.

Выходит, таким образом, что недостатком нашей диссертации рецензенты считают слишком большое количество рассматриваемых говоров и диалектов татарского языка, ибо если бы мы вообще не приводили инструментальные данные по мишарскому диалекту,- тогда рецензенты не возражали бы по этому вопросу. Тогда, выходит, диссертация была бы лучше - на взгляд рецензентов.

Две статьи Г.Шарафа, основанные на исследовании произношения о д н о г о диктора объявляются "очень серьезными" и "в ш и р о к о м масштабе", а данная диссертация, основанная на изучении речи всего около 60 дикторов, представляющих разные языки , диалекты и говоры - не имеющей значения.

Диссертация Л.Заляя основана на с л у х о в ы х наблюдениях. И н с т р у м е н т а л ь н ы е же исследования, как известно, более сложны по сравнению с простыми слуховыми наблюдениями (хотя, зато, более надежны,объективны). Поэтому, как известно, к инструментальным исследованиям предъявляются м е н ь ш и е требования - в отношении ш и р о т ы охвата, в отношении т е м а т и к и -по сравнению со слуховыми наблюдениями.

Рецензенты же, напротив, к инструментальному исследованию данной диссертации - предъявляют б о л ь ш и е требования - в отношении широты охвата татарских говоров,- по сравнению с требованиями, предъявляемыми к с л у х о в ы м наблюдениям. И незаконно переносят (в расширенном виде) на инструментальную работу -требования, предъявляемые к с специально диалектологическим работам, основанным к тому же на слуховых наблюдениях.

А если, к тому же, учесть сложность исследования и классификации даже татарских диалектов, а не только говоров, о каковой

сложности справедливо писал еще Джамал Валиди (цит.раб.), если принять во внимание тот известный факт, что даже в течение десятков лет в с е татарские диалектологи не смогли пока что дать исчерпывающее описание татарских говоров - даже по одним только с л у х о в ы м наблюдениям (хотя в Казани в трех учреждениях специально занимаются изучением татарской диалектологии), в том числе не смог дать за 25 лет существования Институт языка, литературы, истории Казанского филиала АН СССР, в котором диалектологической работой руководили сами рецензенты-Л.Заляй и Л.Махмутова, то ясно станет, что по существу рецензенты (как и С.С.Высотский) предъявляют к настоящей диссертации такие требования, которые способны выполнить только "объединенные силы большого коллектива специалистов" - всего данного народа.

Подобные п р о и з в о л ь н ы е требования рецензентов совпадают с известными примерами несоразмерных по обстоятельствам и столь же п р о и з в о л ь н ы х требований, предъявлявшихся к героям а н т и ч н о й (и иной) м и ф о л о г и и, отражавшей - по известному выражению К.Маркса - д е т с т в о ч е л о в е ч е с т в а .

Глава XII

О КРУГЕ РАССМАТРИВАЕМЫХ ЯЗЫКОВ

§ I

О тюркских языках

Как признают и оппоненты, например, Э.В.Севортян (Москва), в диссертации "в исследование вовлечен ряд других тюркских языков, по которым проведены параллельные экспериментальные наблюдения согласно той же программе исследования и это обстоятельство придает работе У.Ш.Байчуры общетюркологический характер". В отзыве указывается, что "эти исследования... распространены на другие основные отделы фонетики тюркских языков. Так, впервые в тюркологии подвергнуты экспериментальному изучению выпадение, оглушение, редукция гласных, протеза; татарский консонантизм в свете данных чувашского, азербайджанского, туркменского и других тюркских, а также финно-угорских языков; словесное ударение в татарском в сравнении с ударением в тех же языках. Один только этот перечень вопросов позволяет получить представление об объеме и широте задач, поставленных автором перед собой. У.Ш.Байчура отлично понимал, что много из наблюденного им в татарском языке может встретиться в территориально смежных финно-угорских или других тюркских языках. Собственно этим и объясняется урало-алтайский фон его исследования. Очевидно, что методология автора полезна и оправдана. Она полезна вдвойне, так как

приведенные им данные из ряда тюркских языков имеют весьма существенное и самостоятельное значение для этих языков" (стр. I-2 отзыва, хранящегося в ВАК и Институте языкознания АН СССР). (Подчеркнуто мною - У.Б.).

Аналогично, читаем в отзыве проф. Ш.Мураяма из Токийского университета (Япония): "нельзя сказать, что до сих пор подобные экспериментально-фонетические исследования не проводились. Прежде всего можно назвать работы знаменитого Казанского лингвиста Богородицкого, однако работа Байчуры сравнительно на много шире по охвату и представляет весьма солидную базу для дальнейших фонетических исследований тюркских языков" "С настоящего времени нельзя обойти его диссертацию, если мы хотим говорить или писать о тюркской акцентологии. Его аргументация весьма поможет прояснению акцентологии алтаистики вообще.... Байчура своей диссертацией намного поднял уровень фонетики тюркских языков ..."[I] Аналогичное содержится и в других (около 30) отзывах из 10 Советских республик, из центра и в иностранных отзывах (Будапешт, Прага, Токио) и в ряде отзывов из всех учреждений Казани, занимающихся изучением татарского языка.

Основанием для всех этих высказываний является тот факт, что в диссертации и отражающих ее работах инструментально исследуется ряд вопросов фонетики почти около двадцати тюркских и финно-угорских языков - по данным многих дикторов.

I) Отзыв хранится в ВАКе и Институте языкознания АН СССР -как и другие отзывы. Подчеркнуто всюду мною - У.Б.

В отличие от авторов многих других отзывов, наши авторы будто бы "обстоятельного" отзыва даже и не пытаются рассмотреть полученные нами данные и выводы по другим тюркским и финно-угорским языкам, даже не у п о м и н а ю т о данных по другим языкам-кроме татарского.

И тем не менее высказывают замечание по поводу круга исследуемых в рецензируемых работах других тюркских языков. Вот это замечание (на стр.5 отзыва П), приводимое нами целиком:

"2. При ознакомлении с работой" (какой именно?- У.Б.) "возникает вопрос, почему автор взял для сравнения из тюркских языков именно азербайджанский, туркменский, чувашский, хакасский, уйгурийский[I)], казахский, тувинский. Сам он пишет, что взяты по преимуществу лишь те тюркские языки и диалекты, которые обычно принято считать << наиболее отдаленными от татарского .... >> (стр.3-я, I книга). Однако этот тезис автора нельзя считать точным. (" 2)

Замечания по поводу других тюркских языков, которым, вместе с финно-угорскими посвящена половина всех моих работ (и половина диссертации) и с ч е р п ы в а е т с я этой цитатой (не только по поводу к р у г а языков, но в о о б щ е по поводу других тюркских языков).

Замечание с а м о говорит за себя.

Однако мы в ы н у ж д е н ы его рассматривать - вслед-

I) Рецензенты пишут: "уйгурийский", а не уйгурский- прим.У.Б.

2) Скобку оставляю в том виде, как в отзыве.

ствие требования о доработке - разумеется - с учетом этого отзыва, хотя об этом прямо не сказано в решении о доработке.

Прежде всего приходится очистить это, так сказать, "глубокомысленное" замечание (из четырех предложений)- от и с к а ж е н и й содержания диссертации и др. работ, а также в о з в р а т и т ь автору рецензируемых в отзыве работ выводы этого автора, незаконно присвоенные рецензентами, которые в своем "обстоятельном" обзыве выдают мои мысли за якобы м ы с л и рецензентов.

На стр.3 I части "Звукового строя...", на которую ссылаются и рецензенты, читаем:

"для сравнительного изучения брались по преимуществу лишь те тюркские языки и диалекты, которые обычно принято считать наиболее отдаленными от татарского, ибо это представляет наибольший интерес с точки зрения компаративистики ввиду исключительной близости языков и наречий данной группы".

При цитировании в отзыве из всей этой фразы рецензенты оставили мне только выражение: "наиболее отдаленными от татарского" и т е м с а м ы м незаконно приписали мне б е з о г о в о р о ч н о е п р и з н а н и е этой существующей классификации, в правильности которой я сомневаюсь, также, как сомневаюсь в том, что упомянутые языки являются якобы все наиболее отдаленными от татарского, а в отношении некоторых из этих будто бы наиболее отдаленных языков я д о к а з ы в а ю п р о т и в о п о л о ж н о е , именно, например, что уйгурский отнюдь н е я в л я е т с я наи-

более отдаленным от татарского - вопреки известной классификации.

Именно поэтому я и пишу: " о б ы ч н о п р и н я т о с ч и т а т ь наиболее отдаленными от татарского", а вовсе н е с ч и т а ю э т о г о с а м .

М о е выражение: "обычно принято считать" рецензенты - при цитировании - незаконно присвоили себе, а вместе с этим выражением - присвоили и м о ю м ы с л ь , в ы в о д - о несовершенстве существующей классификации тюркских языков. И проделали это п р и с в о е н и е рецензенты очень просто: переместили кавычки при цитировании указанной фразы из моей книги.

Таким образом, здесь в н о в ь (в который раз!) имеем пример упоминавшейся "м и к р о к р и т и к и " - с помощью искажения дополнительных мелких значков -при цитировании в отзыве, в результате чего, однако, возникают "м а к р о " - недоразумения.

И еще. Не поставив выражения "и т.д." или подобного - после перечня в отзыве языков, исследуемых в диссертации, т е м с а м ы м рецензенты утверждают, что их перечень и с ч е р п ы в а ю щ и й . Между тем, в действительности перечисленные (с ошибками) в отзыве семь языков составляют примерно всего лишь п о л о в и н у изучаемых нами тюркских языков и наречий - в рецензируемых в отзыве работах. Опять "микро"-критика -с помощью у м а л ч и в а н и я . Рецензенты могли не перечислять, если нет в этом необходимости. Однако н а ч а в перечислять они о б я з а н ы дать п о л н ы й перечень или же указать о п р е д е л е н н о ,

что их перечень является н е п о л н ы м . Рецензенты этого не делают и уже тем самым искажают содержание рецензируемых работ.

* *
*

Теперь перейдем к рассмотрению утверждений рецензентов, которые действительно принадлежат им самим, а не автору рецензируемых работ.

Во-первых что полезного можно почерпнуть из того факта, что у рецензентов "возникает вопрос" о том, почему автор диссертации взял для сравнительного исследования (не для сравнения - В) те или иные языки?

Рецензенты задают вопрос и ставят точку.

Ч т о я должен доработать на основании подобного "обстоятельного" замечания?

Из этого вопроса рецензентов можно почерпнуть только то, что авторы "обстоятельного" отзыва п о н я т и я не имеют о компаративистике и ее требованиях, коль скоро им н е я с н о то, почему мною взяты языки, считавшиеся более отдаленными от татарского.

Во-вторых , к чему относится неопределенное утверждение: "однако этот тезис автора нельзя считать точным. (" ? Какой, к о т о р ы й тезис?

И что можно почерпнуть для "доработки" диссертации из этого неопределенного и не имеющего ни фактического, ни логического основания голословного заявления, неизвестно к чему,

к какому вопросу относящемуся?

Согласно даже элементарной логике отсутствие о п р е д е л е н н о с т и высказываний означает их нелогичность, т.е. н е и с т и н н о с т ь .

О н е и с т и н н о с т и говорит и отсутствие о с н о в а н и я для суждения.

И тем не менее меня обязывают "доработать".

Отсюда следует, что я вынужден дать объяснение некоторым элементарным общим понятиям, как видно, неизвестным некоторым, так сказать, ученым-языковедам.

Прежде всего рецензенты о б я з а н ы о б ъ я с н и т ь и д о к а з а т ь н а ф а к т а х т о , ч т о и м е н н о по их мнению является "неточным" и то, п о ч е м у , на каком о с н о в а н и и " н е т о ч н о " и в каком отношении "неточно". Бремя доказательства лежит на том, кто что-либо утверждает, а не на том, о ком утверждается что либо.

Во-вторых, вообще ненаучно абстрактное выражение "неточно" Ибо требуется указать то, какая с т е п е н ь точности требуется в данном случае, каков процент допустимой ошибки.

Элементарной, школьной истиной любой науки (и техники), как известно любому, имеющему с ними дело, является то, что в о о б щ е не может быть п р о с т о точности. А б с т р а к т н о точности. Та или иная степень неточности в с е г д а имеется в любой работе, в любом произведении рук человека (и его мозга).

В философии, которую рецензенты и их покровители обязаны знать по долгу службы, роду занятий, такие вопросы, как известно, рассматриваются в теории познания, в учении об истине. Однако авторам "обстоятельного" отзыва, как видно, неведомо соотношение между абсолютной и относительной истиной. Иначе они не стали бы абстрактно заявлять о "неточности" вообще без указания ее степени и значения для данных конкретных условий.

В науке и технике, как известно, степень точности, процент допустимой ошибки ("д о п у с к ") определяется поразному - в зависимости от конкретных условий, цели, задач, от объекта исследования (или обработки) и т.д. Например, расстояние между двумя городами измеряется с иной степенью точности - по сравнению со случаем, когда измеряется расстояние между зубьями расчески или зубцами часового механизма.

А наши авторы "обстоятельного" отзыва толкуют об абстрактной "неточности" вообще , неизвестно к какому объекту относящейся.

Здесь, в этой словесной ш а р а д е в отзыве возможны, например, такие толкования того, к чему относится это заявление о "неточности".

I) Можно допустить, например, что "неточным" рецензенты считают утверждение что перечисленные тюркские языки являются наиболее отдаленными от татарского.

Тогда это "возражение" о "неточности" вообще не относится к диссертации, а относится оно к авторам существующих классификаций тюркских языков. Я же, как показано выше н е

с о г л а с е н с этой классификацией, однако эта моя мысль п р и с в о е н а рецензентами, которые - вопреки фактам- незаконно приписывают мне безоговорочное признание этой классификации - путем м и к р о -искажений при цитировании (переместив кавычки) и присвоив с е б е это мое несогласие, мою мысль о несовершенстве указанной классификации.

2) Можно толковать утверждение рецензентов о "неточности" - как относящееся к тому,, принято или не принято считать наиболее отдаленными от татарского указанные тюркские языки. Если рецензенты считают, что н е п р и н я т о считать отдаленными эти языки, -опять таки рецензенты обязаны привести факты в подтверждение того, что о б ы ч н о (ЛВ) н е п р и н я т о считать эти языки отдаленными.

3) Можно даже предположить, что это заявление о "неточности" относится к перечисленным языкам, хотя как показано выше, в данном случае в неточности можно обвинить только самих рецензентов, п р о и з в о л ь н о сокративших число изучаемых в диссертации языков наполовину -в списке, выдаваемом за якобы исчерпывающий перечень.

А кроме того рецензенты с а м и допустили здесь такую "неточность", которая создает неправильное представление об авторской принадлежности материалов диссертации и книг - в отношении других (кроме татарского) языков, ибо они говорят: "автор взял для сравнения", тогда как в действительности автор и с с л е д о в а л в сравнительном плане, с а м о - с т о я т е л ь н о исследовал (и впервые по данным вопросам)

ряд фонетических явлений рассматриваемых тюркских и финно-угорских языков.

Рассмотренное показывает (и доказывает) б е с с о д е р ж а т е л ъ н о с т ь данного замечания о "неточности", которое не имеет ни научного, ни иного с о д е р ж а н и я , с м ы с л а - ввиду абстрактности, неопределенности, отсутствия о с н о в а н и я , то есть вследствие нарушения основных законов логики и отсутствия подтверждения фактами.

§ 2

О финно-угорских языках

Помимо наших инструментальных данных по многим тюркским языкам и наречиям, в диссертации и книгах ее отражающих, содержатся также данные по четырем финно-угорским языкам, каковые данные впервые получены нами, а не другими учеными (как и наши данные по всем исследуемым тюркским языкам), вопреки голословным и неопределенным заявлениям рецензентов, содержащим н а м е к на то, что якобы эти данные получены кем-то другим. Однако рецензенты даже не осмеливаются прямо утверждать это и лишь с помощью н а м е к о в пытаются в н у ш и т ь читателю -не языковеду -не знакомому с работами - неправильное представление об авторской принадлежности указанных данных - по примеру В.Смирнова и всего данного критического направления, обычно строящего свою критику на принципах старопрусского феодального земского права - на попытках поставить под п о д о з р е н и е и уже тем самым осудить -без доказательств и аргументов (подробнее -см. об этом выше, во II разделе).

Рецензенты, никогда не занимавшиеся никакими финно-угорскими языками, не имеющие представления о финно-угроведении[I] и не имеющие ни единой работы в этой области, ни в сравнительной области, и даже не затрагивающие, не упоминающие в отзыве конкретные материалы и выводы диссертации и др.работ, которые касаются финно-угорских языков, тем не менее в отзыве на стр.5 высказывают возражение по поводу к р у г а исследуемых нами финно-угорских языков. Возражение это состоит из двух частей.

I) Рецензенты пишут: "Из финно-угорских языков привлекаются данные удмуртского, марийского, а также эрзя-мордовского". Это возражение распадается в свою очередь на два: а) возражение против авторской принадлежности, ибо не указано, ч ь и данные привлечены диссертантом, а из других мест рецензии видно, что намеками рецензенты оспаривают это авторство, хотя не только не аргументируют, но даже не с м е ю т п р я м о с к а з а т ь; б) голословное отрицание путем у м о л ч а н и я -того, что нами исследуются также и хантыйский язык - по данным трех дикторов (стр. 261-267 и др. "Звукового строя...", часть II). Отрицание - так как, поставив точку после перечня (без "и др." и т.п.) - рецензенты т е м с а м ы м утверждают, что их перечень исчерпывающий.

Это примеры "микро"-критики, приводящей к "макро-"недоразумениям, к внушению неправильного представления о рецензируемой работе.

I) Этому я и сам являюсь свидетелем -поскольку более трех лет работал в одном учреждении с этими рецензентами.

2) По мнению рецензентов не следовало исследовать эрзя-мордовский, а следовало исследовать мокша-мордовский. Этим исчерпывается перечень возражений рецензентов -по вопросу о финно-угорских языках, которые далее не упоминаются в рецензии.

Второе возражение (выше) - о необходимости не исследовать эрзя-мордовский и о необходимости исследовать мокша-мордовский рецензенты аргументируют следующим: по их мнению 1) эрзя-мордовский дальше отстоит от татарского (и территориально и исторически и в языковом отношении) - по сравнению с мокшей; 2) тем "что татарских заимствований значительно больше в мокшанском языке (в отзыве эрзя их значительно меньше)", что мордва каратаи.... "переняли тат.язык" (стр. 6 отзыва), " да и лексические заимствования из мордовского языка в мишарский диалект, несомненно мокшанского происхождения (на это указывает, в частности, их фонетический облик)". Этим исчерпывается аргументация рецензентов по данному вопросу.

Помимо этой аргументации здесь (стр.5-6) встречаем голословные выпады против диссертанта (" << ищет >> финно-угорский субстрат") и вообще не относящиеся к делу посторонние отрывочные и несвязанные между собой высказывания не - лингвистического характера, наподобие: "вспомним завоевание мокшанских земель Батыем в XIII в" или: "Миграция эрзи на территорию ТАССР (именно в Заказанье) началась лишь в XVII веке" и тому подобное.

А. Таким образом, главный аргумент - тот, что татарский язык повлиял на мокшанский и что якобы поэтому следовало изучать мокшанский, а не эрзянский.

I. Между тем, вопрос о влиянии языков вообще не относится к теме наших работ: они эти работы описательные, а не историко-лингвистические.

Во-вторых, в диссертации ни единого слова не содержится о влиянии татарского и др. тюркских на финно-угорские и это понятно, ибо изучение влияния тюркских - на финно-угорские - относится к компетенции финно-угроведения, но никак не к тюркологии. К области тюркологии может относиться лишь изучение влияния финно-угорских на тюркские.

Рецензенты п о д м е н я ю т м о и попутные с описанием частные выводы о возможности финно-угорского влияния на (по) волжско-тюркские -противоположной задачей, н а в я з ы в а н и я мне изучения тюркского влияния на финно-угорские, хотя последние относится к компетенции финно-угроведения, а вопросы влияния вообще не относятся к теме диссертации.

Влияние татарского языка на финно-угорские я не рассматриваю, вообще, даже не касаюсь этого вопроса по той причине, что эти вопросы должны решать специалисты финно-угроведы, в совершенстве владеющие соответствующим финно-угорским языком и знакомые с другими финно-угорскими языками.

Только наши рецензенты, беспримерная смелость которых обратно пропорциональна их осведомленности, способны, не зная ни одного финно-угорского языка претендовать на изучение татарского влияния на финно-угорские.

Второй аргумент рецензентов -тот, что лексические якобы заимствования из мордовского в мишар-татарский будто бы носят мокшанский характер, а якобы не эрзянский или иной, как и то, являются ли эти заимствования вообще финно-угорскими и более того, заимствования ли это или, напротив, исконные, свои мишарские слова - все это ничем не подтверждено, ни единого факта не приводится рецензентами в этой связи. Вместо фактов нам преподносятся абстрактные и не связанные рассуждения, не относящиеся к теме диссертации и ничего не доказывающие по данному вопросу.

Фонетическое якобы влияние мокшанского (а не эрзянского или др.) - на татарский рецензенты объясняют лексическими заимствованиями (из мокшанского - в мишарский), а эти лексические заимствования из (якобы) именно мокшанского (а не эрзянского) аргументируют "фонетическим обликом" заимствованных слов, то есть фонетическим влиянием или короче: фонетическое влияние аргументируется лексическим, а лексическое - фонетическим, тогда как н и к а к и х ф а к т о в в подтверждение не приводится в отзыве - ни из области лексики, ни из области фонетики, ни из какой-либо иной области.

В результате вся аргументация рецензентов сводится к порочному кругу: земля на ките, кит на воде, вода на земле. И подобный софистический хоровод - обычный прием наших рецензентов - также, как и нагромождение голословных утверждений.

Чем аргументируется то, что "фонетический облик" заимствованных слов (каких именно слов?)- мокшанский, а не эрзянский, не русский или иной и что это заимствования, а не исконно-тюркские слова? Н и ч е м . Даже эти слова не приводятся в отзыве: ни единого примера. Зато есть рассуждения о Батые и т.п.

Между тем этот "фонетический облик" как заимствованных, так и незаимствованных слов в мишарско-татарском, без сомнения, не может являться ни мокшанским, ни эрзянским, ни иным, а может быть т о л ь к о мишар-татарским, ибо элементарной истиной является изменение и фонетическое приспособление заимствований к звуковому строю з а и м с т в у ю щ е г о языка, о чем в лингвистике написаны горы трактатов, содержащие бесчисленное количество фактов, однако, тем не менее, как видно не известных нашим рецензентам.

По логике наших рецензентов получается, что в мишар-татарских говорах будто бы с о с у щ е с т в у ю т слова, произносимые по мишарской фонетике и слова, произносимые по мокшанской фонетике. Иначе говоря, мишар-татарская фонетика в этом уподобляется (рецензентами) некоей мозаике, состоящей из фонетических закономерностей различных языков, параллельно сосуществующих в мишар-татарских говорах. Это значит, помимо прочего, что рецензенты неясно представляют себе д а ж е закономерности самого мишар-татарского наречия, представителями которого являются.

* *

*

Что же касается настоящей диссертации, то нами, как указано выше, был избран эрзянский, а не мокшанский и не иной мордовский именно по той причине, что эрзянский по-видимому меньше претерпел тюркское влияние и является более типичным - в финно-угорском отношении - представителем мордовских языков. Ибо нашей задачей могло быть только выяснение финно-угорского влияния на тюркские, тогда как вопросы, связанные с тюркским влиянием на финно-угорские, как указано, относятся к компетенции финно-угроведения, а не тюркологии и мы этих последних вопросов вообще не затрагивали.

Глава XIII ЗАКЛЮЧЕНИЕ К РАЗДЕЛУ О МЕТОДАХ

Изложенное показывает, что все возражения, выдаваемые рецензентами за замечания по "методу и методике" в действительности не имеют никакого отношения к инструментальному методу и методике диссертации и отражающих ее работ, и в действительности относятся к области изучения диалектов и говоров, причем основным аргументом рецензентов является то, что наши инструментальные данные не соответствуют слуховым впечатлениям и "чувствам" рецензентов, каковые свои собственные впечатления и чувства рецензенты называют, вопреки фактам, традиционными, хотя в действительности традиционные взгляды не соответствуют представлениям рецензентов и в большей части эти традиционные взгляды, не соответствующие взглядам рецензентов, подтверждаются нашими инструментальными исследованиями.

Под "традицией" рецензенты имеют в виду свою д о м а ш н ю ю традицию, а не традицию науки; под "диалектальными особенностями" рецензенты имеют в виду о т с у т с т в и е диалектальных особенностей (например, устанавливаемых в нашей работе), под "типичными" говорами рецензенты имеют в виду н е т и п и ч н ы е (например, нукратский и касимовский говоры); под "литературным" языком рецензенты имеют в виду н е л и т е р а т у р н ы й , а некое приближение к мишар-татарскому; правильность результатов инструментального исследования

рецензенты определяют степенью соответствия этих инструментальных данных собственным слуховым наблюдениям рецензентов и ввиду несоответствия объявляют неправильным метод и методику инструментального исследования (материал в основном -диалектологический); незначительную часть от целого рецензенты выдают за все целое; место (в городе) "фиксации фонетических явлений" они приравнивают к с п о с о б у фиксации, то есть к технике фиксации; дикторов-уроженцев разных районов рецензенты голословно объявляют владеющими литературным языком и внушают читателю, что это уроженцы самой Казани, а у коренных казанских жителей "н а х о д я т " (голословно) диалектальный акцент, который при проверке оказывается тем, что отличает литературный язык от мишарского диалекта, родного рецензентам, ввиду чего оказывается, что жители Казани будто бы говорят на диалекте, а представители мишарского диалекта - якобы говорят на литературном языке; путем умолчаний и искажений при цитировании рецензенты приписывают диссертанту зачастую противоположное тому, что он говорил, а себе -приписывают выводы диссертанта; исследование татарского языка по данным одного диктора называют "широким", а исследования по сорока дикторам и более широкому кругу вопросов - "не имеющим значения"; вопреки фактам рецензенты внушают, что якобы произношение диктора внезапно изменится при переезде из одного места в другое и предлагают невиданное: возить лабораторию и студию из села в село и после всего этого немедленно отказываются от в с е х своих этих г о л о с л о в н ы х утверждений, как только речь заходит не о данной диссертации, а о трудах других ученых;

к данной же диссертации предъявляют требования, которые способен выполнить только целый коллектив ученых или несколько коллективов - вместе взятых; оспаривают тему диссертации-как недостаточно широкую, ибо не все без исключения татарские говоры "охвачены," а только основные, хотя сам рецензент Л.Заляй - единственный доктор из всех пяти рецензентов " охватил" в своей докторской диссертации "Средний диалект татарского языка" (1954) только один этот диалект, а все татарские диалектологи даже на слух не описали всех татарских говоров-даже за многие десятилетия - ввиду сложности вопроса; рецензенты пытаются поставить под подозрение полноту "охвата" в диссертации, исследуемых в ней экспериментально и других, кроме татарского, языков (их около 20 и этого числа не отрицают, хотя и замалчивают рецензенты) и в довершение всего еще и обвиняют диссертанта в том, что якобы он "вводит в заблуждение научную общественность".

Все эти возражения рецензентов по существу относятся к противопоставлению результатам наших инструментальных данных о диалектах и говорах - слуховых впечатлений рецензентов и к отрицанию установленных нами диалектальных особенностей, то есть диалектальными особенностями якобы недостаточно отраженными в речи наших дикторов, будто бы знающих литературный язык, рецензенты называют не диалектальные особенности, а о т с у т с т в и е д и а л е к т а л ь н ы х о с о б е н н о с т е й ,ибо данные дикторов показывают н а л и ч и е особенностей, а рецензенты голословно о т р и ц а ю т наличие особенностей.

Между тем, рецензентам и их покровителям, как видно, не пришло в голову то, что вопрос весь мог быть поставлен совсем в иной плоскости: является ли научно оправданной тема докторской диссертации: "Звуковой строй татарского языка" - б е з с р а в н е н и я с диалектами и говорами, б е з с р а в н е н и я с другими тюркскими и финно-угорскими языками?

Практика подобного рода исследований показывает, что на этот вопрос приходится ответить п о л о ж и т е л ь н о - нв .

I. В 1963 г. защищена (при участии и поддержке и оппонировании Б.А.Серебренникова и Е.И.Убрятовой - из Института языкознания АН СССР) докторская диссертация: " Синтаксический строй татарского языка" - н е и н с т р у м е н т а л ь н а я, б е з с р а в н е н и я с диалектами, говорами или иными языками.

2. Как указано, в 1954 г. в Институте языкознания в Москве защитил рецензент Л.Заляй свою докторскую диссертацию "Средний диалект татарского языка" -н е и н с т р у м е н т а л ь н у ю, б е з с р а в н е н и я с другими языками, основанную лишь на слуховых наблюдениях только одного татарского диалекта.

3. Член-корреспондент АН СССР В.А.Богородицкий написал фундаментальный труд (около 25 печ.листов): "Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных", Казань,1930 б е з с р а в н е н и я с другими языками и даже диалектами и го-

ворами русского языка.

Что же касается настоящей диссертации, имеющей объем 38 печ.листов (I-III тома - не считая настоящего дополнения), то эта диссертация является от начала до конца целиком инструментальным исследованием и содержит по признанию оппонентов и других рецензентов все основные аспекты татарской фонетики, исследованные экспериментально по данным десятков дикторов - татар, в том числе - из самой Казани.

Допустимо ли в качестве докторской диссертации подобное инструментальное исследование, посвященное только о д н о м у языку?

Да, допустимо, если учесть п р а к т и к у лингвистических, особенно - и н с т р у м е н т а л ь н ы х исследований.

Но если допустимо, тогда какой может быть "разговор" о недостаточности сравнения с другими языками или диалектами и говорами, о том, достаточно ли представляют дикторы те или иные говоры, все ли говоры исследованы и т.п.?

Если допустимо исследование лишь по одному языку, тогда сравнение хотя бы и неполное, даже с одним языком, только с одним говором (а не с десятками языков и говоров) оказывается только дополнительным положительным качеством работы.

Чего стоят в этом случае заявления рецензентов о том, что не все говоры без исключения "охвачены", о том, что рецензентам непонятно, почему взяты те, а не иные двенадцать-четырнадцать тюркских языков и наречий, о том что следовало бы среди четырех исследуемых финно-угорских языков заменить

один из них на другой, заявления о том, что некоторые дикторы недостаточно типичны для того или иного татарского говора, и что якобы" нетрадиционны " те или иные говоры, заявление о том, что запись следовало проводить в селе , а не в городе и т.д. и т.п.?

Ведь именно эти замечания и выдаются за возражения против "метода и методики" диссертации. И эти замечания сами показывают, что рецензенты даже не имеют представления о современном состоянии инструментальной фонетики, да и вообще об экспериментальных исследованиях или же они сознательно не считаются с требованиями к инструментальным исследованиям.

Диссертацию можно было ограничить, исключив сравнение с языками и говорами и тогда о т п а д а ю т по сути дела в с е замечания рецензентов, выдаваемые ими за методические И даже при исключении всякого сравнения т е м а остается докторской, о чем свидетельствуют приведенные выше примеры из практики подобных работ.

Таким образом, как при оценке содержания, так и темы диссертации единственно правильным с научной точки зрения является обязательное требование об учете м е с т а содержания и темы данной работы – в ряду подобных ей других работ.

Это относится и к степени широты темы, при выполнении или невыполнении которой обязательным является требование учета существа, содержания.

Неполное выполнение более широкой темы может дать для науки больше, чем п о л н о е выполнение более узкой темы. Например, темой может быть сравнение двадцати языков, а фак-

тически сравнено пять. С другой стороны, темой может быть сравнение двух языков и фактически сравнено два. В результате, хотя первая тема выполнена только на 25%, а вторая -на 100%, тем не менее первая работа в два с половиной раза ценнее для науки, чем первая - при прочих равных условиях. И если мы будем исходить не из фактического содержания работы, а из формального выполнения темы, то тогда мы забракуем много лучшую работу и одобрим х у д ш у ю .

Что же касается настоящей диссертации, то т е м а нас не обязывает сравнивать с теми или иными конкретными языками, не обязывает сравнивать с теми или иными конкретными говорами: для выполнения темы достаточно сравнить с двумя какими-нибудь языками тюркскими, двумя какими-нибудь финно-угорскими языками, а с диалектами и говорами можно вообще не сравнивать, поскольку в тему это не входит. А при всех своих возражениях, рецензенты, тем не менее, оставляют вообще нетронутыми два финно-угорских языка: удмуртский и марийский и многие тюркские.

Ввиду этого не только по существу , не только по содержанию, но и формально все возражения данных рецензентов являются несостоятельными , лишенными о с н о в а н и я .

Изложенное показывает, что авторы "обстоятельного" отзыва,поддержанные Б.А.Серебренниковым, ведут нападение на диссертацию не за недостаточность ее данных и выводов, а за то, что диссертация содержит (по их мнению) слишком много данных и выводов.

Р А З Д Е Л I У

К О Н С О Н А Н Т И З М

Г л а в а XIУ О ТАТАРСКОМ КОНСОНАНТИЗМЕ

Авторы "обстоятельного" отзыва П, посвятившие около десяти страниц, т.е. около половины отзыва (стр.7-I6) рассмотрению отдельных примеров, приводимых в относительно незначительном разделе диссертации и книг, а именно, в разделе о выпадении, оглушении и протезе гласных, каковой раздел составляет менее одной двадцатой в с е й работы[I] отделались с е м ь ю с т р о ч к а м и от одного из двух важнейших, о с н о в н ы х разделов диссертации и рецензируемых книг - от раздела "Консонантизм", составляющего около половины в с е й работы (в книге - 289 страниц, т.е. более I8 печ.листов - при общем объеме обеих частей книги - около 36,5 печ.л., в диссертации консонантизму посвящено более полутора томов).

Т а к составлялся отзыв якобы на в с е "работы У.Байчуры по экспериментальной фонетике татарского языка" (стр.I отзыва П), В отзыве же первом - вообще нет речи об этом разделе "Консонантизм".

Указанные семь строк в отзыве П (стр. I6) - следующие

I) "Звуковой строй...." часть П, Казань, I96I, стр. 7-24, 36-43.

(Приводим целиком):

"6. Раздел << Консонантизма >> [1] требует проверки материалов экспериментальным путем. Поэтому на нем останавливаться не будем, хотя при чтении этого раздела и возникает ряд очень серьезных с о м н е н и й .[2] Заметим тольк ,[3] что методика и метод исследования остаются теми же. Наше мнение о методике исследования уже было высказано выше, поэтому нет необходимости останавливаться здесь. Выводы автора сбивчивые, н е у б е д и т е л ь н ы е [4], натянутые".

Этим исчерпываются возражения по разделу "Консонантизм", если не считать одного абзаца на стр.I отзыва, рассмотренного выше и касающегося описания двух согласных звуков: г̃, h̃, причем, там рецензенты не возражают и лишь голословно утверждают, что в разделе "Консонантизм" нет ничего нового (см.выше, раздел П, гл. У ....)

Цитированное замечание из семи строк само говорит за себя: что оно не заслуживает даже рассмотрения.

Однако, я вынужден, так сказать, доработать диссертацию и поэтому придется вновь пояснить некоторые элементарные вещи.

Поскольку рецензенты поставили на голову обычные соотношения и связи, то здесь опять таки придется начать с конца цитаты.

---

1) Орфографию подлинника сохраняю: "Консонантизма" (У.Б.)

2) Разрядка наша - У.Б.

3) Орфография подлинника: "Тольк " (У.Б.)

4) Разрядка наша - У.Б.

Итак, последняя фраза: "выводы автора сбивчивые, неубедительные, натянутые" не имеет фактического или логического основания. На основании этой фразы нельзя и получить представление о том, как следует дорабатывать диссертацию, ибо рецензенты не указывают того, в чем заключается якобы сбивчивость и натянутость выводов. Это они, так сказать, держат в тайне. И предлагают читателю и слушателю поверить им на слово. К сожалению, предшествующий опыт рассмотрения этих отзывов не позволяет верить на слово этим рецензентам - ни в чем. Что же касается "неубедительности" - то это вообще не относится к науке, ибо субъективные убеждения, как известно, могут основываться не только на фактах, но и на предчувствиях и на в е р е и на ходячих ненаучных воозрениях и проч.

Далее. Поскольку возражения рецензентов против (якобы) "метода и методики" рассмотрены нами и это рассмотрение показало несостоятельность этих квази-методических замечаний, по существу даже не относящихся к области метода, то в результате в этой семистрочной критике по адресу восемнадцати печатных листов остаются одни лишь " с о м н е н и я " рецензентов, висящие в пустоте - без какого-либо о с н о в а н и я .

Рецензенты, однако, видимо исходят не из того, что нужно что-то доказывать, а просто расчитывают на психологический эффект: ведь ученые -люди, как правило, добросовестные, серьезные, честные. И они, разумеется решат -особенно при слуховом восприятии - что вероятно есть какие-то объективные основания, коль скоро рецензенты решились выступить с подобными утверждениями. А проверять то, есть ли такие основания у рецензентов - кому это интересно, да и невозможно это сделать во

время защиты - при слуховом восприятии, на которое и был расчитан отзыв.

С другой стороны - рецензенты, как видно, полагают, что главное - лишь бы побольше обвинений и т.п. по адресу диссертанта и неважно, что их утверждения не имеют никакого основания: " что нибудь да останется"[I] у слушающих - даже если заявления рецензентов и голословны.

С третьей стороны - все тот же прием: поставить под сомнение, под подозрение и уже тем самым - осудить диссертацию и диссертанта - не приводя при этом никаких доказательств.

И в четвертых, так сказать, с научной стороны, возложить бремя доказательства на того, к о г о обвиняют. Это уже полный отказ от презупции невиновности и научных методов.

Все это, конечно, элементарные азбучные истины и приходится их излагать лишь потому, что и в наш век иногда случается, что некоторые вопросы решаются без учета этих элементарных истин.

Рецензенты, конечно, могут считать свои с о м н е н и я серьезными и даже "очень серьезными", однако, научные опытом, мы можем сразу догадаться, что надо расшифровать значение этих слов - в понимании рецензентов -так сказать, наоборот: "серьезные" - означает по их словарю н е с е р ь е з н о е, а "очень серьезное" - вообще пустяки. Фактов-то никаких не приводится в отзыве.

Коль скоро уж пришлось заговорить о слове "серьезно" - как об особом, так сказать, "научном" аргументе, приводимом

I) Выражение В.И.Ленина в статье "Союз лжи".

в отзыве- в качестве суррогата научных доказательств - то можно еще указать и некоторую литературу вопроса по этому предмету: у Оскара Уайльда есть произведение: "Как важно быть серьезным". Издано в Англии и в Москве на английском и русском (и многих других) языках - неоднократно ставилась и на сцене. Хотя это произведение и не имеет отношения к инструментальной фонетике и к татарскому языкознанию, однако облегчает понимание данного отзыва и психологии его составителей и их покровителей и консультантов.

Теперь мы добрались до конца этой семистрочной критики по адресу 18 печ.листов. (То бишь -на словаре рецензентов - до начала).

Рецензенты, оказывается, критикуют вообще, даже "не останавливаясь" на рассмотрении раздела "Консонантизм". Иначе говоря, они даже не читали этот раздел, ибо ведь они утверждают: "при чтении", а как мы убедились, это надо толковать как "при отсутствии чтения." Во всяком случае, так сказать, наличие факта чтения раздела "Консонантизм" -рецензентами-не подтверждается содержанием рецензии.

Все же некоторые сомнения, видимо, у рецензентов возникли: именно - сомнения в том, все ли им может быть понятным в этом разделе. И они, весьма разумно, решили "не останавливаться" на этом разделе, а только мимоходом, так сказать, сделать залп из серии голословных утверждений - по этому разделу. Одним из таких голословных заявлений, призванных поставить под с о м н е н и е , под подозрение, (без доказательств) весь этот раздел "Консонантизм" 18 печ.листов, на котором рецензенты

"не останавливаются"- таким заявлением является и самое последнее утверждение в отзыве (то бишь самое первое): "Раздел << Консонантизма >> требует проверки материалов экспериментальным путем".

Проверять, конечно, можно все, что угодно.

Однако в данном случае это голословное требование проверки - в сочетании с субъективными "с о м н е н и я м и" в н у ш а е т читателю и слушателю п о д о з р е н и е, внушает б е з д о к а з а т е л ь с т в и уже тем самым, по образцу старопрусского земского права ведет к осуждению -без доказательств.

* * *

К сожалению рассмотрение разных субъективных с о м н е н и й рецензентов, каковые с о м н е н и я никакими ф а к т а м и не подтверждены, лишает нас какой-либо возможности использовать в доработке диссертации эти, так сказать, "глубоко научные" высказывания авторов будто бы "обстоятельного" отзыва, содержащиеся в семистрочной критике по адресу одного из двух основных разделов диссертации, каковой раздел имеет объем I8 печ.листов, в книгах - 289 страниц.

Глава XУ

О ЧУВАШСКОМ КОНСОНАНТИЗМЕ

Теперь нам придется на время покинуть наших "обстоятельных" рецензентов и их "обстоятельные" отзывы и обратиться к отзыву сотрудников Института национальных школ Академии Педагогических наук РСФСР - кандидатов наук[I] Р.И.Цаплиной и А.И.Инкижекевой-Грекул (отзыв от 22.I.62., хранится в Институте языкознания АН СССР и в ВАК МВО).

Согласно предложенной Б.А.Серебренниковым классификации отзывов, полученных на данную диссертацию, этот отзыв относится не к классу "обстоятельных", но зато к другому привелигированному классу - "официальных".

Дело в том, что не удовлетворившись предшествующими протоколами расширенных обсуждений диссертации в различных университетах и научно-исследовательских институтах страны - на специально филологических кафедрах и в отделах - Б.А.Серебренников счел необходимым получить еще отзыв из Академии Педагогических наук РСФСР, куда и была направлена диссертация - для заключения.

Сектор методики родных языков Института национальных школ АПН РСФСР постановил одобрить две рецензии сотрудников этого института: ст.научн.сотрудника А.Валитова (о работе в целом - положительный) и младших научных сотрудников,

---

I) Не могу сказать точно: педагогических или филологических

кандидатов наук Р.И.Цаплиной и А.И. Грекул -о чувашской и хакасской частях диссертации (в целом -положительный). Поскольку в связи с хакасским языком в последнем отзыве содержится лишь пара замечаний о переводе з н а ч е н и й т р е х хакасских слов, то нам приходится рассматривать по сути дела лишь то, что относится к чувашскому.

Что же касается указанных переводов т р е х хакасских слов - из общего числа использованных нами только в I части "Звукового строя" - более ста хакасских слов (при многих измерениях каждого слова), - то мы в переводах, во-первых, руководствовались словарем, в составлении которого принимала участие сама рецензент А.И.Инкижекова-Грекул, а кроме того, вносили коррективы в эти переводы - с учетом замечаний бывшего моего коллеги по аспирантуре - Д.Чанкова, хакаса, ныне директора Хакасского научно-исследовательского института языка литературы,истории - в Абакане (Хакасия). Поэтому претензии в отношении переводов, указанных т р е х хакасских слов следует предъявлять не к автору данной диссертации, а к самому рецензенту А.И.Грекул и к Д.Чанкову.

Поскольку Б.А.Серебренников отнес данные два отзыва из АПН РСФСР к числу "официальных" - то на этом якобы "основании" Б.А.Серебренников з а п р е т и л мне вообще отвечать на защите на замечания, содержащиеся в отзыве Р.И.Цаплиной и А.И.Инкижековой-Грекул . Б.А.Серебренников заявил на защите, что этот отзыв -официальный и по этой причине обсуждению не подлежит.

Авторы указанного отзыва - Р.И.Цаплина и А.И.Грекул не являются специалистами по инструментальной фонетике и не имеют каких-либо трудов этой области. А.И.Инкижекова-Грекул занималась, например, словарной работой - помимо методико-педагогической.

Отзыв этот положительный.

Здесь говорится, что "автором..... диссертации.... собран большой фактический материал по чувашской и хакасской фонетике", что "работа представляет интерес как для фонетистов-экспериментalистов, так и для лингвистов-тюркологов и финно-угроведов вообще", что "ценность работы диссертанта в том, что он применил известные методы объективного экспериментального исследования к изучению вопросов фонетики конкретных языков, которые до сих пор не были изучены или были недостаточно изучены инструментально..." и что "в целом чувашская и хакасская части.... диссертации ... представляют значительный интерес и научную ценность".

Рецензенты отмечают и недостатки работы (по их мнению) и эти замечания представляют для нас в данном случае наибольший интерес, ибо ведь я вынужден дорабатывать диссертацию. Хотя некоторые замечания здесь касаются не только консонантизма, тем не менее, чтобы не разбивать рассмотрение этого "не подлежащего обсуждению" отзыва мы рассмотрим здесь же и замечания по вокализму, ибо весь отзыв небольшой и замечаний немного.

П е р в о е <u>замечание</u> в этом "не подлежащем обсуждению" отзыве следующее:

"I автор подробно описывает то или иное положение того или иного органа речи, но не определяет качество самого звука. Так, например, чувашский и татарский << а >> противопоставляется русскому << а >> ,при этом автор не подчеркивает известное положение о том, что татарский гласный << а >> более задней артикуляции, чем чувашский".

Между тем, во-первых, на стр.32 "Звукового строя...", часть I читаем: "Изучение палатограмм показывает более переднюю артикуляционную базу чувашского языка по сравнению с казанско-татарским..... О том же говорят и рентгенограммы звуков татарского и чувашского языков", а в общих выводах (стр.43), касающихся и татарского и чувашского и русского языков, говорится:"... в ряду языков - французский, русский, чувашский, татарский - наиболее переднюю артикуляционную базу... имеет французский, наиболее заднюю артикуляционную базу.... имеет татарский язык".

Это означает, что для к а ж д о г о звука чувашского языка характерна более передняя артикуляция -по сравнению с татарским - если не оговорено противное, а относительно звука << а >> не оговорено.

Если все люди смертны - следовательно и каждый конкретный человек смертен. Такое умозаключение от общего к ч а с т н о м у , как видим, не могут сделать наши авторы "не подлежащего обсуждению" отзыва. Ибо для них недостаточно содержащегося в диссертации о б щ е г о указания, что в с е звуки чувашского языка произносятся при более передней арти-

куляции - по сравнению с татарским. Они требуют еще и перечислить "персонально", что более передним является гласный << а >> в чувашском, более передним является гласный << у >> в чувашском, более передним является гласный << и >> в чувашском и так далее.

Во-вторых (тем не менее), в книге и диссертации приводятся инструментальные данные: рентгеноснимки и проч., а также таблицы, из которых видна артикуляция к а ж д о г о гласного, в том числе чувашского и татарского << а >> Именно на этих и н с т р у м е н т а л ь н ы х данных и основано цитированное выше заключение в книге - о более передней артикуляционной базе чувашского - по сравнению с татарским.

В приводимых нами инструментальных данных и таблицах не только "подчеркивается", а более того, там г р а ф и ч е с к и в ы ч е р ч е н а артикуляция звуков, в том числе гласного << а >> в татарском и в чувашском.

Однако рецензенты не будучи экспериментаторами, или не понимают значения инструментальных данных, приводимых нами, или же они вообще не читали работы, на которую пишут отзыв.

Ибо в действительности в диссертации о п р е д е л е н о качество каждого рассматриваемого чувашского звука (как и других). Например, см.таблицу на стр.42 I ч. "Звукового строя" и соответствующие страницы диссертации. Кроме того, качество каждого чувашского гласного определено на стр. I59-I62, где приведены палатограммы и схемы рентгеноснимков положения органов речи при артикуляции этих звуков. Определено даже более точно, чем это вообще возможно сделать словами. Словесное же

описание особенностей артикуляции чувашских гласных - в сравнении с татарскими и русскими - содержится на стр.38-42 и др.

Данные же рецензенты по роду занятий занимаются методикой преподавания родного и русского языков и никогда не занимались инструментальной фонетикой, ввиду чего они н е п о н и м а ю т принятых в инструментальной фонетике схем, рентгеноснимков и проч., которые, в первую очередь и дают самое точное описание артикуляции. В особенности - описания с помощью треугольной или четырехугольной схемы, которая общеизвестна в фонетике и дает наиболее точное современное "определение качества" гласных.

"Определение качества" каждого гласного звука содержится в диссертации, притом, наиболее точное определение, какое вообще возможно в настоящее время. Но рецензенты - не специалисты и не понимают этого определения и своим заявлением о якобы отсутствии "определения качества звука" дезориентируют слушающих, не имеющих возможности сопоставить отзыв с диссертацией.

Кроме того, ничем не мотивируется в отзыве то, почему якобы д о л ж н о быть такое описание отдельных звуков чувашского языка в данной работе. Ибо описание с л о в а м и по отдельным звукам содержится и в ряде других работ разных авторов, например, Е.Степановой. Мы же у т о ч н я е м имевшиеся описания и пользуемся при этом принятыми в инструментальной фонетике определениями, а не определениями по способу школьных учебников.

В-третьих, как известно, и видно из работ, то, что чувашский имеет более переднюю артикуляционную базу - по сравнению с татарским (в том числе - более передний характер артикуляции чувашского << а >>) впервые доказан инструментально именно в м о е й кандидатской диссертации (М.-Л. 1953), ввиду чего " известным" указанная более передняя артикуляция чувашского << а >>(по сравнению с татарским) может быть рецензентам прежде всего из работ самого диссертанта. Поэтому в д а н н о м случае, приписывая вывод диссертанта анонимным другим исследователям и затем предъявляя к этому диссертанту претензии, рецензенты затрагивают вопросы авторского права. Однако ничем не аргументируют это свое голословное заявление.

По сути дела данное замечание авторов " не подлежащего обсуждению" отзыва построено на принципах авторов "обстоятельных " отзывов и всего рассмотренного критического направления, ибо вывод диссертанта приписывается анонимным другим специалистам, а затем противопоставляется автору этого вывода - но уже как якобы мнение самих рецензентов.

В четвертых , в данном "неподлежащем обсуждению" отзыве все же содержится и нечто специфическое.

Рецензенты эти предлагают в докторской диссертации "подчеркивать и з в е с т н о е " .

Возможно, что подчеркивание известного имеет методико-педагогическое значение для составления элементарных школьных учебников, "Но" - говоря словами Ф.Энгельса -"при такой точке зрения прекращается всякая наука, ибо наука должна ис-

следовать как раз то, чего м ы н е з н а е м "[I])

В т о р о е замечание, содержащееся в этом "не подлежащем обсуждению" отзыве, заключается в следующем:

"В главе << Консонантизм >> " - пишут рецензенты - "вызывают возражения данные автора относительно озвончения чувашских согласных в положении между гласными и между сонорными согласными. Специальное изучение чувашских согласных рядом авторов - чувашоведов и тюркологов (проф.С.Е.Малов, Н.И. Ашмарин, В.Г. Егоров и др.) на обширном материале показало, что озвончение чувашских глухих согласных в указанных положениях является незначительным, оно колеблется от 20-50%. Поэтому утверждение автора диссертации о << стопроцентном озвончении >> чувашских глухих согласных могли явиться из данных, полученных в результате неестественного произношения диктора".

Данное замечание само говорит за себя - говорит для того, кто знаком с диссертацией и трудами упоминаемых авторов.

Прежде всего, рецензенты у м а л ч и в а ю т о том, что[1]) Н.И.Ашмарин, С.Е.Малов, В.Г.Егоров никогда не были

I) Ф.Энгельс. Диалектика природы. М. 1948, стр. 174, разрядка моя - У.Б.

2) По-видимому это относится к В.Г.Егорову, о докторской диссертации которого его первый оппонент покойный Чл.-корр.АН СССР Н.К.Дмитриев выразился на защите, что собирательный момент преобладает над исследовательским.

экспериментаторами и не исследовали инструментально языковые явления, ввиду чего и не могли говорить о "20-50%" озвончения, если только они хотели оставаться на почве науки;
2) не случайно поэтому в отзыве у м а л ч и в а ю т с я даже названия работ этих авторов - не только страницы их трудов.

И даже если бы кто -либо из них и утверждал подобное[I]

Какое значение для науки имеют подобные голословные утверждения, не основанные на инструментальных данных?

Рецензенты противопоставляют конкретным инструментальным данным, приводимым в диссертации, результаты с л у х о в ы х наблюдений, о которых не указано даже того, где, в какой работе они изложены, над кем, над какими дикторами они проводились, к какому ~~анализу~~ диалекту относятся эти неизвестные дикторы, причем эти слуховые наблюдения проводились десятки лет назад, ибо, например,- Н.И.Ашмарин умер то ли в 20-х, то ли в 30-х годах.

И отсюда рецензенты делают заключение о якобы неестественном произношении наших дикторов. Так как результаты наших инструментальных данных будто бы не соответствуют каким то загадочным слуховым наблюдениям, о которых ничего о п р е д е л е н н о г о не сообщается в отзыве - кроме фантастического утверждения, что будто бы на слух можно с точностью

I) По-видимому это относится к В.Г.Егорову, о докторской диссертации которого его первый оппонент, покойный чл. корр.АН СССР Н,К.Дмитриев, выразился на защите, что собирательный момент преобладает над исследовательским.

до одного процента определить звонкость согласных.

Ибо, почему "от 20-50%", -не от 18 до 48%? В науке известно, что наш слух обычно различает изменения составляющие лишь 1/5, то есть 20%, а практика показывает, что при слуховых наблюдениях спорным остается нередко даже то, является ли данный звук звонким или глухим - вообще.[1]

Таким образом, критика инструментальных данных и метода диссертации ведется рецензентами, исходя из, так сказать, авторитета (опирающегося только на слух), хотя даже само наличие высказываний этих будто бы авторитетов по данному вопросу ничем не подтверждено в отзыве.

Во-вторых, вопреки голословным, (даже без ссылок на страницы) и противоречащим фактам, утверждениям рецензентов, в диссертации не исследуется "положение" (в ед.числе - В) "между гласными и между сонорными согласными", а там , где встречаются е д и н и ч н ы е примеры на указанное положение - в диссертации делается вывод п р о т и в о п о л о ж н ы й голословно приписываемому диссертанту рецензентами (без указания в отзыве страниц диссертации). Например,: "Озвончение отмечено д а ж е в таком слове,как "Петров" (фамилия), где т озвончается на $\frac{2}{3}$, а конец является г л у х и м , слабым непридыхательным, хотя у в с е х наших дикторов обычно шумные согласные в конце закрытого слога являются г л у х и м и " (стр.124 "Звукового строя..." ч.П).

---

1) Об этом сказано, со ссылкой на литературу - на стр.9 "Звукового строя..." часть 1.

Глухое произношение слабых шумных согласных чувашского языка "в положении между гласными и между сонорными согласными" - факт известный ш к о л ь н и к а м . Поэтому с п е ц и а л ь н о мы это положение даже не исследуем, а когда касаемся его - отмечаем лишь случаи , когда вопреки этому о б щ е м у правилу иногда имеет место частичное озвончение (на $\frac{2}{3}$ максимум). И отмечаем это как особый феномен. Таким образом, по вопросу об "озвончении чувашских согласных в положении между гласными и между сонорными согласными" в диссертации доказывается прямо противоположное тому, что приписывают диссертанту авторы "не подлежащего обсуждению" отзыва.

В-третьих, указанное в предшествующем пункте подтверждается и при рассмотрении выводов диссертации -о глухом произношении шумных согласных - и в других позициях в чувашском.

В данном замечании рецензенты не касаются абсолютной интервокальной позиции и позиции между сонорным и гласным. Здесь они не возражают, таким образом, против возможности случаев полного озвончения чувашских шумных согласных, ибо ведут в отзыве речь т о л ь к о о б о д н о й позиции: "в положении между гласными и между сонорными согласными" и пишут слово "Положение" в единственном числе (NB). Однако в о б щ е м заключении - о в с е х позициях - диссертации читаем (стр.I20 "Звукового строя..." часть П): "Как звонкость, так и глухость слабых согласных факультативна. Более того, по данным диктора В.Иванова, представляющего наиболее типичный говор чувашского языка, слабые интервокальные сог-

ласные вообще, как правило, не озвончаются полностью, причем эта закономерность подтверждается данными диктора И.Максимова, а частично - И.Павлова. Особняком стоят лишь данные диктора А.Краснова, относящегося, в отличие от других дикторов, к низовому диалекту чувашского языка. "На стр.130: "По данным большинства дикторов слабые согласные в интервокальной позиции озвоняются неполностью, их конечная часть большей частью остается глухой. Озвончение начала сильных согласных может достигать $\frac{1}{4}$ всей длительности звука".

Более того, в таблицах на стр. 125, 126, 128-129 приведены конкретные цифры. Вот некоторые из них: по данным диктора В.Иванова (верховой диалект) в интервокальной позиции (и между сонорным и гласным) средний процент озвончения слабых согласных равен: p (b̂) - 73,3% (9 измерений); t (d̂) - 47,9% (6); k (g) - 60,5% (6); č (ǧ) -29,0% (9); сильных согласных: p̂ (pp) -11,0% (4); t̂ (tt) -11,0%(4); k (kk) -8,3%(6); č (čč) -0,0%(2). Данные других дикторов аналогичны, лишь при отдельных измерениях зафиксированы случаи полного, "стопроцентного" озвончения слабых шумных, но никогда - сильных шумных. В низовом диалекте (диктор А.Краснов) озвончение больше, однако по слабым согласным средние цифры заключены между 68,4% (č) и 94,1% (t), а по сильным - от 7,2% (čč)- до 17,8% (tt), хотя в ряде случаев по данным этого диктора возможно 100%-ное озвончение (но не в той позиции, о которой ведут речь рецензенты).

Изложенное показывает, что рецензенты приписывают себе или другим авторам) выводы диссертанта, а затем противопоставляют эти выводы самого диссертанта - его же диссертации, в которой эти выводы содержатся.

В-четвертых, неопределенность выражений рецензентов прикрывает голословность их утверждений, не соответствующих действительности и опровергаемых фактами.

а) Например, что означает выражение в отзыве "утверждение автора диссертации о стопроцентном озвончении чувашских глухих согласных"?

Человек, не сведущий с работой, решит, что, будто бы все сто процентов всех согласных по мнению автора диссертации озвончаются - всюду и везде, во всех 100% фонетических позиций. Идет ли речь о всех ста процентах чувашских согласных, включая сильные ("двойные") или идет речь о ста процентах озвончения отдельных согласных или отдельных типов согласных или об отдельных диалектах или об отдельных дикторах?

Из заявления рецензентов следует, что по мнению автора диссертации все сто процентов согласных чувашского во всех диалектах, у всех дикторов озвончаются на все сто процентов- без исключения -и притом во всех 100 процентах фонетических позиций -ибо никаких оговорок в отзыве не содержится.

Тем самым в отзыве внушается неправильное представление о содержании диссертации внушается -путем неопределенности выражений и умолчания. Ибо о "стопроцентном озвончении может итти речь - в связи с диссертацией - только

об отдельных примерах, составляющих меньшую часть данных, причем в основном и здесь ограниченных фонетической позицией и диалектами, тогда как в общем - как показано выше - в диссертации содержится вывод, что как правило, нет стопроцентного озвончения шумных согласных в чувашском. Рецензенты же, с помощью неопределенности выражений приписывают диссертанту утверждение о якобы озвончении даже сильных (двойных) согласных, то есть , приписывают нечто прямо противоположное тому, что инструментально доказывается в диссертации и др.работах.

б) Последнему необыкновенному приписыванию помогает и другое неопределенное и диффузное выражение: глухие согласные. В чувашском, как доказано и нами - инструментально - вообще нет шумных звонких согласных: они все глухие. И лишь в определенных позициях могут озвончаться - в разной степени. Слабые озвончаются больше, сильные - меньше, а в диссертации мы пользуемся понятиями "слабые" и "сильные", а не глухие -звонкие, каковое последнее деление неприменимо в отношении шумных согласных в чувашском.

Так или иначе, в диссертации исследуется озвончение шумных, сильных и слабых, а рецензенты подменяют эти научные термины другими неравными и устарелыми - ввиду несоответствия чувашской фонетике - терминами: г л у х и е - звонкие.

Поскольку же эти термины: "глухие-звонкие" и термины "сильные-слабые" н е с о в п а д а ю т по значению, тем самым оказывается, что под видом критики положений диссертации рецензенты ведут речь о посторонних вещах. И устарелые

термины и понятия п р и к р ы в а ю т в отзыве то, что возражения рецензентов не относятся к делу и не соответствуют действительности.

Т р е т ь е (и последнее) замечание по чувашской фонетике, содержащееся в данном "неподлежащем обсуждению" отзыве - следующее:

"Утверждение автора о наличии протетических гласных той или иной степени длительности при стечении согласных вызывает также некоторое с о м н е н и е, т.к. подобное произношение (агыраном, быригада и т.д.) в настоящее время характерно лишь для той незначительной части населения, которая совершенно не владеет русским языком, но не молодежи, к которой относятся дикторы".

Как видим, вновь здесь голословное априорное утверждение рецензентов противопоставляется результатам научных данных, полученных экспериментально.

Ч е м подтверждается голословное заявление в отзыве - что якобы для студентов вузов" "характерно" то или иное произношение? Н и ч е м.

Инструментальные данные записи речи конкретных дикторов-чуваш показывают, что в о з м о ж н о произношение типа а г ы р а н о м, что однако еще не означает о б я з а т е л ь н о с т и такого произношения во всех случаях, всеми чувашами. Рецензенты же - в о о б щ е приписывают диссертанту заявление "о наличии протетических гласных... при стечении согласных" в о о б щ е в чувашском.

Тем самым в отзыве в н у ш а е т с я (без доказательств, без ссылок на страницы), н е п р а в и л ь н о е представление о содержании диссертации - по данному вопросу.

Вопрос о протезе гласных в чувашском представляет в определенном отношении обратную сторону вопроса об озвончении или оглушении шумных согласных.

В диссертации показано, что согласно полученным нами инструментальным данным у с л о в и е м звонкого произношения шумных согласных в чувашском является интервокальная позиция или же позиция между сонорным и гласным, а в остальных позициях, в том числе - между гласным и сонорным, сколько - нибудь значительного для восприятия озвончения обычно не происходит.

Рецензенты голословно утверждают, что в словах подобных быригада, агыраном протезы быть не может - у студентов-чуваш и при этом у м а л ч и в а ю т о том, к а к же произносятся эти слова по их мнению.

Из предшествующего же замечания рецензентов следует, что по их мнению данные слова произносятся в чувашском; акроном, пригада. Ибо ведь рецензенты считают, что не может быть озвончения согласных между гласными и сонорным, а в слове агроном звук Г как раз и находится в такой позиции.

Согласно нашим слуховым наблюдениям оглушение звонких шумных при русской речи чуваш наиболее ощутимо-из всех изменений, которые претерпевают при этом русские слова в чувашском.

Однако на стр.37, 43,45 "Звукового строя..." часть II речь идет о том, что у с л о в и е м звонкого произношения - по данным наших дикторов - является вставка протетического глааного, в результате чего м е н я е т с я фонетическая позиция согласного.

В диссертации идет речь о в о з м о ж н о с т и указанной протезы в чувашском.

Этот вопрос о в о з м о ж н о с т и рецензенты подменяют вопросом о х а р а к т е р н о с т и.

Спрашивается, откуда рецензенты могут знать о том, что, например, характерно или нехарактерно для наших конкретных дикторов, на основании данных которых нами установлена указанная в о з м о ж н о с т ь протезы в чувашском? Ведь этих дикторов рецензенты даже н е с л ы ш а л и (кроме одного - контрольного). Да и недостаточно только слушать, надо,кроме того, еще и с л ы ш а т ь.

Наконец, последнее заявление рецензентов, что только те чуваши, которые "совершенно не владеют русским языком", могут подставлять протетические гласные означает, что, скажем, если человек знает, например, сотню русских слов и, следовательно, о нем нельзя уже сказать, что он "совершенно" не владеет русским языком, будто бы произносит заимствованные слова без протезы. Возможно произносит без протезы, но в этом случае он/, без сомнения, о г л у ш а е т звонкие согласные заимствованных слов.

Данное упоминание в отзыве о русском языке проливает свет на неопределенные высказывания рецензентов. Поскольку

произношение с протезой иди без протезы указанных слов рецензенты связывают со знанием русского языка, то отсюда следует, что по мнению рецензентов в одном чувашском сосуществуют одновременно два закона двух языков: чувашского и русского. Ибо по логике рецензентов с а м по себе факт знания нескольких десятков русских слов уже означает (якобы), что этот знающий говорит на русском без чувашского акцента.

С другой стороны, приравнение произношения русских слов с чувашским акцентом - к русскому литературному произношению означает незаконное р а с ш и р е н и е рамок русского литературного языка и представляет из себя по сути дела покушение на н о р м ы русского литературного произношения.

Если бы представители разных народов, умеющие в той или иной степени объясняться по-русски и о которых уже по этой причине нельзя сказать, что они "совершенно не владеют" русским языком - если бы все они произносили русские или заимствованные из русского слова согласно законам русской фонетики - уже по одному тому, что они знают несколько десятков или даже сотен русских слов - тогда незачем было бы обучать русскому произношению нерусских. И по логике рецензентов получается, что напрасно теряли время и Л.В.Щерба и В.А.Богородицкий и другие (не исключая самих рецензентов) - когда они специально изучали о ш и б к и произношения изучающих французский, русский или иные языки.

По "не подлежащей обсуждению" логике данных представителей Академии Педагогических Наук РСФСР ни к чему изучать произносительные ошибки в русском языке - нерусских; следует (якобы) только приравнять (на бумаге) ошибочное произношение к литературному русскому языку и назвать это правильной русской речью. По логике рецензентов получается, что излишним является научно обоснованное официальное требование к учителям - собирать, изучать и классифицировать ошибки учащихся.

К этому следствию неизбежно приводит голословное заявление в отзыве -о том, что якобы только "совершенно не владеющие" русским языком представители чувашского народа (или иного народа) будто бы произносят заимствованные слова с протезой. В действительности, как известно, не владеющие русским языком чуваши произносят такие слова часто б е з протезы, так как о г л у ш а ю т звонкие: акроном, приката (агроном, бригада) и т.п., а с протезой произносят эти слова только те, кто знает в той или иной мере русский язык и старается произносить звонкие согласные звонко, но при этом не овладел еще в совершенстве русским л и т е р а т у р н ы м произношением.

Здесь приходиться отметить еще один существенно важный факт. В 1954 г. на конференции в Казанском университете один ученый доложил любопытные особенности в фонетике некоторых русских говоров. Некоторые р у с с к и е говоры на территории Чувашии, как выяснилось обладают рядом особенностей ч у в а ш с к о й фонетики, в том числе и в

отношении оглушения и проч. согласных.

Кроме того, известно, что в говорах поволжско-русских, например в Казани, в ТАССР зачастую отмечаются отличия (заметные даже на слух), заключающиеся в том, что в этих говорах иногда различимы видимо протетического характера гласные - по сравнению с Московским литературным `произношением.

Отсюда следует, что существенно важно, говоря о русском произношении, указывать литературные нормы, а не местное диалектальное русское произношение, нередко испытавшее влияние окружающего нерусского населения.

Поэтому заявления рецензентов о знании русского языка вообще являются неопределенными и уже поэтому вообще неистинными, ибо тем самым они с м е ш и в а ю т русское литературное и русское диалектальное произношение, что, как известно, не одно и то же.

* * *

В заключение отзыва рецензенты заявляют: "Наши замечания не колеблют основного вывода о том, что в целом чувашская и хакасская части рукописи диссертации У.Ш.Байчура представляет значительный интерес и научную ценность".

Следует отметить, что и здесь рецензенты отождествляют различное, ибо приравнивают машинопись к рукописи. По содержанию же эта концовка отзыва свидетельствует о признании самими рецензентами необоснованности своих замечаний, ибо "не

колебать" эти замечания могут только если они несостоятельны, что и было показано.[1]

* * *

Таким образом авторы "не подлежащего обсуждению" отзыва не могут сделать вывода от общего к частному; не могут прочесть инструментальные данные в диссертации (они и не специалисты): выдают за свои (или приписывают другим) выводы ~~за свои (или приписывают другим)~~ выводы диссертанта; предлагают в докторской диссертации "п о д ч е р к и в а т ь и з в е с т н о е"; против инструментальных данных противопоставляют будто бы мнения авторитетов, не давая при этом ссылок даже на труды (не только на страницы); смешивают различные фонетические позиции, взгляды; приписывают автору диссертации взгляды противоположные, излагаемым последним; не обращают внимания на цифровые данные в диссертации; неопределенность выражений их прикрывает голословность утверждений и умолчанием они в н у ш а ю т неправильное представление о содержании рецензируемой работы, чему способствует устарелая терминология, от которой отказался еще В.В.Радлов (1882); выдают свои априорные предположения и беспочвенные сомнения (не подкрепленные никакими фактами кроме голословных утверждений) - за якобы научные доказательства; приравнивают к литературному русскому произношению русское диалектальное произношение и произношение русских слов с чувашским

1) Все эти данные о чувашском консонантизме были впервые опубликованы нами в Чебоксарах в Ученых записках Чувашского НИИЯЛИЭ. в 1958 г. Т. XVIII и не вызвали возражений в Чувашии

акцентом и этим незаконно расширяют рамки литературного русского языка, ибо не различают, смешивают эти стили и тем внушают, что нет необходимости изучать акцент нерусских при их русской речи - вопреки противоположному официальному постановлению руководящих органов.

Рассмотренное показывает, что методы авторов "не подлежащего обсуждению" отзыва не отличаются по своей сути от приемов авторов "обстоятельных" отзывов.

Для нашей же диссертации имеют значение не рассмотренные отзывы, а позиция бывш.руководства Института языкознания АН СССР Б.А.Серебренникова и других, которые сочли "не подлежащими обсуждению" рассмотренные отзывы, а следовательно и методы и приемы, использованные в указанных отзывах, каковые "не подлежащие обсуждению"методы и приемы, как показано, отражают и представляют методы, применявшиеся тысячу лет назад.

Р А З Д Е Л У

У Д А Р Е Н И Е

Глава XУ1. ДОПОЛНЕНИЕ К ВОПРОСУ О СЛОВЕСНОМ УДАРЕНИИ В НЕКОТОРЫХ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ.

Известно, что в мадьярском и прибалтийско-финских языках словесное ударение приходится, как правило, на первый слог слова.

Насколько можно судить по некоторым известным нам инструментальным исследованиям и прослушиванию по радио, в мадьярском это правило распространяется и на фразовое или синтагматическое ударение, когда на начальный слог сочетания двух, трех и более слов приходится главное ударение, а остальные последующие слоги оказываются, по крайней мере, относительно безударными.[1]

---

[1] E.g. L. Hegedüs, Rhytmus der Ungebundenen Sprache, Arcives Néerlandaises de Phonetique Experimentale, t.XI 1935, pp. 39 - 46.

И даже в эстонском, повидимому, больше испытавшем воздействие других языков по сравнению с финским,[1] главное ударение - по свидетельству П. Аристэ - обычно приходится на начало слова, а исключения обычно наблюдаются лишь в заимствованных словах, междометиях и некоторых типах сложных слов, причем по отношению к некоторым из заимствованных слов ударение в эстонском может играть фонологическую роль: 'traktorist "из трактора", trakto'rist "тракторист", 'Marksist "из Маркса", marksist "марксист" и т.д. - в противоположность таким заимствованиям, как 'bolševik "большевик", 'vogul "вогул", 'ostjak "остяк", 'diivan "диван", 'diftong "дифтонг" и др., в которых ударение перенесено на первый слог согласно законам эстонской фонетики.[2]

Согласно нашим слуховым впечатлениям, в связной речи в эстонском безударные гласные (в непервых слогах) иногда даже могут выпадать, напр., 'ter(eh)'ommiku(s)t "доброе утро"[3], тогда как (при ответе) в 'terē "здравствуйте", силовое ударение падает на первый слог, но тон второго гласного (восходящий) может быть иногда выше, чем таковой первого гласного.

В водском языке, как правило, начальное силовое (главное) ударение отмечает П. Аристэ.[4]

---

[1] Об этом, напр., свидетельствует сохранение сингармонизма в финском и утеря его в эстонском, большее число заимствований в эстонском - по сравнению с финским (ср. эст. ülikool , финск. üliopisto "университет" и др.)

[2] P. Ariste, Eesti keele foneetika. Tallinn 1953, 97-100 etc.

[3] Ср. выпадение h ,s в ряде алтайских языков, h в разговорном английском, в истории французского и т.д.

[4] P. Ariste. Vadja keele Grammatika, Tallinn, 1948, 19-20, § 16, 17 ect.

В лапском (лапландском) языке, как известно, главное ударение приходится на первый слог слова.[1]

В отношении же места главного ударения в поволжско-финских точка зрения исследователей менее определенна.

По мнению Д.В. Бубрих, в марийском и эрзянском нет ударения вообще (повидимому, он имеет в виду фонологическое ударение)[2].

В отношении марийского Л.П. Грузов пишет: "нефиксированность марийского ударения не позволяет установить точных правил в отношении его места в слове".[3] "Очень часто ударение слова, произносимого изолированно, колеблется", "порой носители языка не сразу могут ответить, на какой слог падает ударение", "разнобой в месте ударение подкрепливается еще диалектными различиями"... Вместе с тем отмечается, что ударение в марийском "в какой-то степени является фонологическим" и "может выступать в качестве словоразличителя", причем "в значительном числе слов ударение падает на первый слог..." и "эта тенденция к сохранению древней черты ударения прослеживается в особенности на древнейшей финно-угорской лексике"[4].

---

[1] Bjorn Collinder. Survey of the Uralic Languages. Uppsala - Stockholm 1957, p. 187.

[2] Д.В. Бубрих. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск, 1954, стр. 36.

[3] Л.П. Грузов. Современный марийский язык (фонетика), Йошкар-Ола, 1960, стр. 132 - 133, 139 и др.

[4] Л. Грузов, цит. раб. стр. 132 - 139.

Изложенные выводы об ударении в поволжско-финских не основываются на инструментальных исследованиях акцента.[1] Проведенные нами в 1959 г. (в Казанском пединституте) инструментальные записи на кимографе произношения двух дикторов - представителей марийского (лугового) и эрзя-морловского показали следующее.

В марийскои (луговом) при записи произношения диктора (в возрасте около 20 лет), происходящего из села Новый Тарьял Марийской АССР, в 16 словах: tudo "он", tuga "да, так", toškaš "топтать" (2), taptaš "ковать", toraš "разъединить" (2), tegət "деготь" (2), təšeč "отсюда", taček "на сегодня", tòsto "прежний" (2), torta "оглобля" (2), tïške "сюда" средняя высота тона первого гласного во всех без исключения случаях превосходит таковую второго гласного (тем более это относится к максимальной высоте тона) и интервал колеблется от 2 гц. (109 - 107 гц., т.е. практически - нуль тонов) до 56 гц. (185 - 129, т.е. до более трех тонов), в среднем по 16 измерениям составляет 134 - 110 = 24 гц. ≈ 1 $^{2}/_{3}$ тона [(c - cis) - (A - Ais)], причем интервал менее 13 гц. (около 1 тона) отмечен только при трех измерениях (из 16) - помимо упомянутого слова tïške "сюда" - в слове tosto "прежний" (5 гц. ≈ $^{1}/_{4}$ тона), однако при другой записи того же слова получено 13 гц. (≈ 1 тон), в среднем же для

---

[1] В работе Л.П. Грузова приводятся некоторые инструментальные данные лишь о д л и т е л ь н о с т и.

двух измерений - 9 гц., около полутона; в слове tegat "деготь" - при одном измерении - 5 гц., при другой записи - 24 гц., средняя для двух измерений 14,5 гц., около 1 тона.

Силовое ударение в тех же 16 словах приходится на первый слог слова в 13 случаях, в одном - отсутствует, причем в этих 14 случаях отношение средней интенсивности первого гласного к таковой второго составляет 135%, колебания же - от 173,9% в слове torta "оглобля" (1) и до 100,3% - tap-taš "ковать", а в слове tegat "деготь" (1) - 100,0%. При другом измерении последнего слова - 89,1%, в среднем для двух измерений слова tegat имеем 95%, тогда как средний тон первого гласного превосходит таковой второго - на 14,5 гц., т.е. один тон - для этих двух измерений. Помимо этого - только одно исключение: слово tašeč "на сегодня", в котором отношение интенсивности первого гласного к таковой второго составляет 77,3%, однако средняя высота тона первого гласного на два тона выше таковой второго [128 - 102 ≃ c - Gis][1].

Таким образом, во всех исследованных случаях повышение тона приходится на первый слог, а в 13 случаях из 16 оно сопровождается и возрастанием интенсивности первого слога: тогда же, когда (в двух случаях из 16) силовое ударение приходится на второй слог двусложного слова, - он[о] проти-

---

[1] Подробнее эти цифровые данные изложены в книге "Звуковой строй татарского языка в связи с некоторыми другими тюркскими и финно-угорскими языками", часть II, Казань 1961, стр. 255 - 257.

востоит тоническому ударению первого слога этого слова.

Что же касается д л и т е л ь н о с т и гласных, то за исключением слова tegat "деготь" (2 изм.), во всех случаях длительность второго (последнего) гласного превосходит таковую первого независимо от качества слогов и гласных; колебания отношения длительности первого гласного к таковой второго - от 32,3% (tuge "да, так") до 95,4% (tošto "прежний"). В слове же tegat "деготь" (158%), повидимому, отражается соотношение длительностей гласных этого слова - в русском языке, из которого, возможно, это слово было заимствовано в марийский.

В этой связи достойно упоминания то, что, как известно, ударенный гласный в русском языке обычно значительно дольше (раза в полтора) безударных - в том же слове - и возрастание относительной длительности гласного - один из наиболее характерных моментов ударения в современном русском языке,[1] давно потерявшем противопоставление долгих и кратких гласных, существовавшее в общеславянском и древних индоевропейских.[2] Вследствие указанной особенности ударения в современном русском языке, при заимствованиях ударенные гласные русских слов часто замещаются, напр., в эстонском долгими гласными,

---

[1] См., напр., Л.В. Щерба, Русские гласные в качественном и количественном отношении, СПб 1912.

[2] Напр., А. Мейе, Общеславянский язык, Париж 1934, М. 1951; Е. Прокош, Сравнительная грамматика германских языков. Филадельфия 1959, Москва 1954; Jerzy Kyrilowisz. L'Accentuation des Langues Indo-Europeenes, Wroclaw-Krakow 1958 и другие.

напр., рус. к а л х о с > эст. kolhoos "колхоз" - независимо от места ударения при эстонском произношении. Поэтому то же самое могло иметь место и в отношении марийского слова tegat "деготь".

Приведенные цифры показывают, что влияние факторов, производящих позиционные колебания ударения в марийском, - относительно и, как правило, перекрывается основным тоническим и силовым ударением на первом слоге.

Здесь следует оговорить то, что возрастание интенсивности звука не следует смешивать с усилением экспирации, что, как известно, - не одно и то же, ибо увеличение экспирации, как и увеличение прилагаемой мускульной силы, отнюдь не являются обязательным и непременным условием усиления з в у к а, что хорошо известно, например, в музыке. Напротив, это четко различается и именно отсутствие этого различения - на практике - приводит к неправильному пению, которое иногда в просторечии называют "петь горлом" (а не голосом). Смешение в лингвистике экспирации с силой звука имеет место, между прочим, и потому, что во многих индоевропейских языках усиление экспирации совпадает с возрастанием интенсивности звука. Однако и н а ч е обстоит дело в финно-угорских, и. особенно, - тюркских языках, в которых эти два вида ударения часто не совпадают. Как показано нами, например, в тюркских возрастание силы звука часто имеет место на первом слоге, тогда как экспираторное ударение может падать на последний слог.

Что же касается упомянутых факторов, производящих позиционные колебания компонентов ударения, то они, как указано в диссертации, следующие: 1) закрытый характер слога; 2) глухость, сильность, сильное произношение соседних, прежде всего - предшествующих согласных, сокращение до определенного предела длительности данного гласного (не ниже, чем до 5 - 6 сигм) и др.[1]

Ч а с т ь этих наших выводов о связи ударения с глухим произношением предшествующих согласных - была повторена Б.А. Серебренниковым в его статье о связи языковых явлений - в Вопросах языкознания, 1964, № 3, стр. 25 и др. - подробнее - см. выше - гл. У, У1.

В эрзя-мордовском - при записи произношения диктора (в возрасте около 20 лет), происходящего из села Гузинцы Б.Березниковского р-на Мордовской АССР - из 22 слов интенсивность определялась при пяти измерениях: в словах: вика "бык" (2), викаŋ "бычий" (3) и во всех пяти случаях приходится на первый слог, совпадая с повышением тона. Из 22 случаев в 17 отмечено повышение средней высоты тона первого гласного - по сравнению с таковой второго, в пяти - второго гласного двусложных слов. Повышение тона первого

---

1 Об этих факторах см. в следующих моих работах (помимо диссертации): "Звуковой строй..." часть П: 254 (удмуртский), 257 (марийский), 258, 260 (эрзя-мордовский), 265 (хантыйский), 208 - 218 (чувашский и казан-татарский), 193 (мишар-татарский), 202 (башкирский), 228-244 (другие тюркские), в связи с экспирацией - см. автореферат (1962) - стр. 48-52; об удмуртском также в Emakeeies Aastaraamat, V, 1959, Tallinn, стр. 303 - 304 и др. Seltsi

гласного отмечено, помимо упомянутых, в словах: toso "там" (2), tosto "оттуда" (1), tosko "там же", kodams "плести, штопать" (2), sokar "слепой" (2), došuz "заботливый, старательный" (2) и др. Более высокий тон второго гласного отмечен в словах: tarka "место, местность" (2), (интервал в средней высоте тона равен 1) - 1, 2) - $^{3}/_{4}$ тона), tarad "ветвь" (1) (интервал - $^{1}/_{2}$ тона), тогда как в слове taradt "ветви" (2) в одном случае положительный интервал, в другом - отрицательный, а в слове tarkaš "вместо" интервал в высоте тона гласных практически отсутствует (192 - 194 = - 2 гц. = g - g).

Повышение средней высоты тона второго гласного по сравнению с первым, как правило, сопровождается сокращением сонорной длительности этого гласного - по сравнению с первым.

На первый слог всегда приходится один или несколько компонентов ударения или (иногда) - возрастание (относительно второго гласного) квантитета. Кроме того, тоническое ударение на первом слоге выражено сильнее, ибо интервал в средней высоте тона гласных может достигать 2 $^{1}/_{4}$ тонов, тогда как при повышении средней высоты тона второго гласного по сравнению с таковой первого - интервал не превосходит одного тона.

Общая средняя для 21 измерения выражается в следующих цифрах: 1-й гласный - 165 гц., второй гласный - 157 гц., интервал в герцах + 8 гц., в тонах + $^{1}/_{2}$ тона [(e - f) - - (dis - e)].

Длительность гласного первого слога, как правило, превосходит таковую гласного второго слога, отношение первой ко второй составляет (в двусложных словах): 1) если оба слога открытые - 112,5% (7 слов, 15 измерений, разброс от 94,0% до 156,2%); 2) в семи словах, когда оба слога закрытые - 119,6% (15 изм., разброс от 86,7% до 177,8%);, 3) в словах с первым открытым, вторым закрытым слогами - 134,2% (14 изм., разброс от 123,4 до 147,7%); 4) в двенадцати словах с первым закрытым, вторым открытым слогами - 91,4% (24 изм., разброс от 61,9 до 105,2%)[1].

Таким образом, приведенные цифровые данные указывают на преимущественно начальное силовое и тоническое ударения в марийском (луговом) и эрзя-мордовском - согласно произношению наших дикторов.

В отношении пермско-финских языков мнения еще более различаются.

Р.М. Баталова в автореферате канд. дисс. "Оньковский диалект коми-пермяцкого языка", Кудымкар, 1962 (стр. 7-8) - отмечает сохранение во многих случаях (при словоизменении и словообразовании) ударения на корневом гласном - в оньковском и коми-язвинском диалектах - по слуховым наблюдениям.

В отношении удмуртского существовало некогда предположение, что ударение в нем приходится на последний слог слова и эта гипотеза была принята уже как аксиома в статье

---

[1] Подробнее цифровые данные и выводы об ударении в эрзя-мордовском изложены в указанных двух моих работах "Звуковой строй...", часть I, 1961, стр. 257, 258, 260, а также в упомянутом одноименном автореферате от 1962 г. - о длительности и ударении - на стр. 10, 59 - 60 и др.

Б.А. Серебренникова "О взаимодействии языков (проблема субстрата)"[1], где на стр. 11 читаем: "В удмуртском языке ударение, за исключением формы 2-го лица повелительного наклонения глаголов, падает всегда на последний слог слова". В другой работе того же автора читаем: "Возникновение в удмуртском языке ударения не последнем слоге. Это явление резко отличает удмуртский язык от других финно-угорских языков, в большинстве которых наблюдается т е н д е н ц и я[2] ставить ударение на первом слоге"[3], каковое явление автор объясняет влиянием татарского языка.

Иной взгляд представлен удмуртским ученым И. Тараканов-ым - в его статье "Об ударении в удмуртском языке"[4], которая означает,по сути дела, отход от указанной выше гипотезы.

Хотя автор и считает, что ударение в удмуртском "фиксированное" и "падает главным образом на гласный последнего слога" (стр. 170), однако список исключений занимает большую часть статьи, а на стр. 175 и др. говорится о колебаниях в месте словесного ударения - в зависимости не только от типов слов и форм, но и в зависимости от диалектов, а далее читаем: " Кроме того, выявление причины колебания ударе-

---

[1] Вопросы языкознания, М. 1955, № 1.

[2] Разрядка моя - У.Б.

[3] Б.А. Серебренников, Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп, Москва 1960, стр. 265.

[4] Известия Академии Наук Эстонской ССР, Серия общественных наук, Таллин, 1959, № 2, стр. 170 - 177.

ния затрудняется еще тем обстоятельством, что произношение их"(т.е. слов - *У.Б.*)" с ударением то на первом, то на последнем слоге слова во многих случаях не играет ни смыслоразличительной, ни морфологической роли и место ударения в них не зависит от качества гласного и характера предложения". Следовательно, различия в месте ударения в них теряют всякое значение". Наконец, на стр. 175 - 176: "Фонологическая и грамматическая роль удмуртского ударения незначительна. Лишь в двух формах глаголов: в третьем лице единственного числа настоящего времени и втором лице единственного и множественного числа повелительного наклонения - оно используется как средство дифференциации грамматических значений слов".

Таким образом, согласно данному автору, фонологическая функция ударения в удмуртском практически отсутствует, место ударения в слове колеблется (в том числе - и по диалектам), определить место ударения затруднительно, причем эти выводы сопровождаются в статье обширным перечнем форм, в которых словесное ударение по мнению автора вполне определенно приходится на <u>первый</u> слог слова и именно э т и случаи имеются в виду, когда идет речь о фонологической функции ударения, которое определяется как выдыхательно-квантитативное.

Согласно произведенным нами в 1955 г. в КПИ кимографическим записям произношения четырех дикторов-удмуртов (в возрасте около 20 лет), происходящих из Кизнерского и Глазовского районов Удмуртской АССР и из Кукморского района Татарской АССР, установлено, что "силовое и тоническое ударе-

ния в удмуртском приходятся большей частью на первый слог двусложного слова", тогда как сонорная длительность второго гласного, как правило, превосходит таковую первого в среднем в полтора - два раза, а редкие исключения касаются главным образом случаев, когда во втором закрытом слоге имеется более узкий, или редуцированный гласный, в первом же - более широкий, не редуцированный.[1] Согласно этим кимографическим данным возрастание сонорной длительности конечного гласного характерно и для многосложных удмуртских слов. Согласно нашим слуховым наблюдениям начальное силовое и тоническое ударения в трехсложных словах большей частью выражены еще более четко, чем в двусложных, но на третьем слоге может наблюдаться второстепенное ударение; в четырехсложных словах ударенными иногда могут быть второй и четвертый слоги. При этом длительность заударных конечных слогов является слабой длительностью; при которой уменьшается сила звука.

Согласно полученным нами инструментальным данным картина соотношения между компонентами ударения (сила звука, высота тона гласного) и длительностью в двусложных словах в марийском и удмуртском аналогична соотношению их в эстонских словах наподобие 'terē "здравствуй", в которых оба гласных краткие, причем длительность второго гласного значительно превосходит таковую первого - примерно в 1,5 раза.

---

[1] Результаты частично изложены в упомянутой моей статье в Emakeele Seltsi Aastaraamat, V, 1959 и в книге "Звуковой строй..." (1961), стр 244-255 и в одноименном автореферате (1962), стр. 8-11, 57-58 и др.

Согласно инструментальным данным эстонского фонетиста Г. Лийв - в автореферате его канд. дисс. "Ударные монофтонги эстонского языка (артикуляторно-акустическое исследование)" (Таллин, 1962), где на стр. 26 - 29 в табл. П - 2 приводится сводка относительных и абсолютных длительностей гласных в двусложных словах эстонского языка (по данным пяти дикторов - ср. стр. 16).

Такие же соотношения были получены нами при инструментальном исследовании двусложных татарских слов с ударением на первом слоге, напр., 'кӥртә "много ли", 'пiаӕ "сколько и т.п.[1]

В других разделах таблицы работы Г. Лийва (П, Ш) приведены данные о двусложных словах с первым долгим или сверхдолгим и вторым - кратким гласными и поскольку в марийском, удмуртском (эрзя-мордовском) по имеющимся данным нет фонологического противопоставления долгих и кратких гласных, разделы П, Ш, таблицы в работе Г. Лийв не соизмеримы с нашим материалом по удмуртскому, марийскому и др. Это мнение подтверждается и выводом П. Аристэ, что динамическое ударение и квантитет не совпадают в эстонском.[2]

---

[1] См. Ü. Baicura, Experimentalphonetische Beiträge zur Kenntnis des Wortarkentes des Kasan-Tatarischen, Acta Linquistica Acad. Scienciarum Hungaricae, Tomus V, Fasc. 3 - 4 ss 265-280, Budapest 1955, по разным языкам - см. "Звуковой строй..." (1961, 1962).

[2] P. Ariste, Eestikeele foneetika, Tallinn 1953, стр. 93.

Помимо указания на возрастание относительной длительности заударных гласных при эмфатической речи в эстонском, он также приводит и примеры типа advokaat "адвокат", agregaat "агрегат" и т.п., в которых первый гласный ударенный, но краткий, а последний гласный - безударный, но долгий.

Изложенное показывает, что соотношение между ударением и долготой гласного в русском языке - не совпадает с соотношением между ударением и долготой гласного в финно-угорских и тюркских языках, которые обычно р а з л и ч а ю т долгие и краткие гласные, причем здесь, как показывают и наши исследования, имеет значение не только фонологическое различение долготы, но и качественная долгота гласных, о чем свидетельствуют данные по татарскому языку и др.

Указанное р а з л и ч и е в понимании долготы и ударения иллюстрируется также и каждодневной п р а к т и к о й, согласно которой при изучении эстонского языка характерной ошибкой русских учащихся является замена безударных, но относительно более долгих гласных в эстонских словах - ударенными и замена ударенных кратких гласных в эстонских словах - долгими, например, произношение 'tēre вместо 'terē "здравствуй"[1], а в некоторых словах, имею-

---

[1] На это обратил внимание П. Аристэ. См. также его работы Eestikeele foneetika, 1953; 93, 97 - 100 и др.

щих относительно более долгий гласный в конце слова, - перенесение ударения на конечный слог вопреки эстонской фонетике.

В "Грамматике современного удмуртского языка" (Ижевск, 1962), составленной коллективом авторов, приносящих благодарность Б.А. Серебренникову (в предисловии), в разделе о фонетике, составленном В.И. Лыткиным и Тепляшиной (Москва) на стр. 47 (§ 31) читаем: "В удмуртском языке ударение обычно падает на последний слог"... "однако в ряде случаев ударение в удмуртском языке покоится не на последнем слоге", после чего идет перечень таких исключений, составляющий основное содержание данного параграфа об ударении. Далее на стр. 49 отмечается, что в диалектах нередко в ряде случаев ударение "отклоняется" на первый слог, после чего читаем: "Ударный слог в удмуртском языке отличается от безударного главным образом своей долготой: он примерно в полтора раза длиннее безударного. Побочным средством выделения ударного слога является усиление голоса и изменение тона"[1]. Далее читаем: в "В связной речи все же мы не наблюдаем резкого различия между ударными и безударными гласными". "Как показывают экспериментальные данные, ударенные гласные середины фразы могут отличаться по своей длительности от безударных незначительно, зато долгота конечного ударного гласного весьма ощутима" (49).

---

[1] Курсив мой. - У.Б.

В книге содержится три фотоснимка кривых записи пяти слов - в произношении соавтора данного раздела - Тепляшиной - и содержатся цифры о длительности гласных в этих пяти словах, из которых видно, что слова эти записаны по одному разу. (В сноске на стр. 22 указано, что запись проведена под руководством ст. научн. сотрудника С.С. Высотского). Никаких цифровых данных об интенсивности или высоте тона гласных не приводится. Ударением авторы считают возрастание длительности, а поскольку последняя приходится на последний слог, - то в книге делается вывод о конечном ударении. Что же касается побочного (по словам авторов), так сказать, повышения тона и интенсивности, то на фотографиях отнюдь не отмечается определенно возрастание интенсивности,, а проведенные нами расчеты по этим фотографиям показали, что о повышении тона конечного гласного можно говорить только в отношении одного слова (1 измерение) - из всех пяти, тогда как в двух случаях ясно видно значительное возрастание высоты тона первого гласного, а в четвертом слове - разница в высоте тона первого и конечного гласных примерно одинакова.

В целом приводимые в книге кимограммы по данным произношения Тепляшиной пяти удмуртских слов (по одному измерению), подтверждают наши выводы о возрастании квантитета конечного гласного и о возрастании тона и частично - интенсивности - первого гласного слова в удмуртском, тогда как с определением (в их книге) ударения - как длительности никак нельзя согласиться.

По хантыйскому языку наши кимографические записи произношения трех дикторов (в возрасте около 20 лет, происходящих из Ханты-мансийского национального округа), произведенные в Ленинграде в 1954 г. показали, что при 94 измерениях из 98 на первый слог приходится тот или иной компонент ударения, а часто - несколько компонентов или (иногда) - возрастание сонорной длительности, которая часто противопоставляется ударению, тогда как на второй гласный в 53 случаях не приходится ни одного из компонентов ударения, ни возрастания квантитета.

Таким образом, можно сделать заключение о том, что общей для всех без исключения рассмотренных финно-угорских языков является (по меньшей мере) тенденция сохранять ударение на первом слоге слова (или даже фразы) и это в полной мере относится также к удмуртскому языку, ибо предположение о конечном ударении в удмуртском основывается, повидимому, не на фактах языка, а на аутоморфическом восприятии[1] и априорных гипотезах наподобие той, что если рядом с удмуртами живут татары, то поэтому конечное ударение в татарском будто бы должно было повлиять на удмуртское ударение (независимо от того, повлияло ли оно в действительности или нет), хотя не отмечалось тюркского субстрата в финно-угорских, а напротив,

---

[1] Об аутоморфическом восприятии писали и В.А. Богородицкий (О преподавании русской грамматики в татарской школе, Казань, 1951, стр. 24) и К. Грёнбек (ZDMG 94, 384 - 385), и M. Räsänen (Materialen zur Lautgeschichte der Türkiscen Sprachen - Heisinki 1949, Москва 1955, стр. 40), и Э.В. Севортян (Фонетика турецкого литературного языка, М. 1955, стр. 130) и др.

более ста лет дискутируется лишь вопрос о финно-угорском субстрате в поволжско-тюркских, а отсюда следует, что повлиять могли только финно-угорские – на эти тюркские, но не наоборот, ввиду чего нельзя согласиться и с точкой зрения Б.А. Серебренникова, отражающей отмеченные выше взгляды.

Более того. Тенденция к относительному возрастанию длительности конечного гласного в удмуртском (общая для ряда финно-угорских и даже тюркских языков Поволжья) более четко выражена по данным наших дикторов-удмуртов из самой Удмуртии, тогда как начальное ударение – напротив, более сильно выражено у наших дикторов-удмуртов, происходящих с территории ТАССР – по сравнению с дикторами-удмуртами из Удмуртии.

Отсюда следует научная несостоятельность точки зрения, высказанной Б.А. Серебренниковым, что якобы в вопросе об ударении татарский повлиял на удмуртский. По логике этого автора получается, что явление более четко выраженное в удмуртском, в котором это явление выражено менее четко: возрастание относительной длительности гласного последнего слога, каковое возрастание длительности приравнивается им к (якобы) ударению.

Г л а в а XVII.

НЕКОТОРЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ОБ УДАРЕНИИ И МЕЛОДИКЕ РЕЧИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

В тюркологии неоднократно высказывалась мысль о наличии связи между типом предложения (повествовательное, вопросительное и т.п.) и его ритмико-мелодической структурой, о влиянии экспрессивных моментов на интонацию и о возможности той или иной зависимости между интонацией предложения или фразы и тоническим ударением слова [I]. Приводимые в настоящей статье инструментальные данные подтверждают приведенные высказывания, основанные на слуховых наблюдениях, и в то же время позволяют в ряде моментов конкретизировать и дополнить указанные более общие положения.

Изучение уйгурской интонации проводилось путем расшифровки кимограмм в произношении диктора (А) из района Кульджи (возраст -около 25 лет). Запись проведена 7 мая 1956г. в экспериментально-фонетической лаборатории им.А.В.Щербы при Ленинградском университете. Максимальная ошибка записи на кимограф - 2,8% (при обычно допустимой 5,0%). Все предложения произносились в обычном нормальном темпе, по возможности избегались эмоциональные оттенки и эмфатическая речь.

В таблице I приводятся данные о средней высоте тона глас-

I) По уйгурскому языку см.,напр., А.Кайдаров, Краткий грамматический очерк уйгурского языка - в уйгурско-русском словаре, Изд.АН Казахской ССР, Алма-Ата, 1961, стр.295.

ных в 32 различных предложениях (от односоставных до сложноподчиненных). В отдельных случаях, когда границы между соседними гласными получились недостаточно четкими на кимограммах (вследствие ассимилятивных фонетических процессов в языке, например, - вокализация интервокального согласного от и т.п.) указывается высота тона в начале первого и конце второго гласных и дается средняя для обоих гласных. В таблице 2 сумированы данные о сонорной длительности гласных в тех же предложениях. Кроме того, в таблицах 3-6 приведены для сравнения некоторые суммарные данные об интонации в татарском- по данным двух дикторов из Казани (диктор Б-кимограф, диктор В-осциллограф).

Полученные цифровые данные позволяют сделать следующие выводы.

Наиболее общая картина интонации предложения, фразы сводится к восходяще-нисходящему движению тона (например, уйг. - УI, УШ и др; тат.: Б- № I, 4, В - № 2, 3 и др.), т.е. в словосочетаниях из двух двусложных слов, таких же утвердительно-повествовательных и некоторых специально-вопросительных предложениях, а кроме того, в общем восходяще-нисходящий тон характерен и для сложно-подчиненных предложений в целом.

2. Однако в зависимости от типа предложения, семантических и логических факторов, места словесного ударения и др. вершина в этом восходяще-нисходящем мелодическом рисунке мо-

жет смещаться к началу или концу предложения (или фразы) - вплоть до первого или последнего слога.

3. Если первое слово в утвердительно-повествовательном предложении является односложным, то максимальная высота тона в предложении (или фразе) приходится на это первое слово (см.уйг.- №I,УII, тат.:Б- №2,В - № I) и в целом имеем нисходящий тон.

В двусложных словах - предложениях, являющихся ответом на вопрос, при наличии в обоих слогах слова однородных (узких)гласных средняя высота тона второго гласного превосходит таковую первого (уйг.№II, тат.,В- № 5), однако при наличии в первом слоге широкого, во втором -узкого гласного, напротив в уйгурском нередко выше средняя высота тона первого гласного (уйг. № У), тогда как в татарском этого нами не было отмечено(в слове ɔɕa "летит" - диктор В, №6 - тоническое и силовое ударения приходятся в татарском на второй слог, также, как и возрастание квантитета).

4. В целом нисходящий (иногда - восходяще-нисходящий) тон характерен для главной (второй) части сложноподчиненного предложения, а также для предложений, являющихся ответом на вопрос и состоящих из двух и более слов (словесное ударение падает на последний слог слова). В этих случаях максимальная высота тона приходится на первый (уйг.№№IУ,УII; тат., В- № 3) или на второй (уйг.УI,УIII) слог предложения - в зависимости от фонетических и семантических факторов. Так, нисходящий тон во второй части предложения az bolsima saz bolsin "пусть будет мало, но пусть будет хорошо" (уйг.УII)

объясняется наличием в начале главного предложения односложного слова, к тому же с широким гласным (такие слова имеют тенденцию принимать на себя максимальную высоту тона в предложении, если находятся в его начале), а кроме того, это слово несет важную смысловую нагрузку по сравнению с последующим глаголом. Напротив, в № VIII в полной мере проявляется действие фонетических закономерностей, причем полному выпадению начального узкого гласного не препятствует семантический фактор.

5. Предложение : sujuqaš pišti "суп(т.е.жидкая пища) сварился" является ответом на вопрос: "какая пища сварилась? и здесь (как при переспросе) ввиду семантической важности слова sujuq "жидкий" максимальная высота тона в предложении приходится на это слово, причем на первый слог, а не на второй, как можно было ожидать. В этом предложении в одном случае тон является целиком нисходящим (от 150гц, до нуля - выпали оба гласных в слове pišti "сварился" - превратилось в энклитику), в другом случае высота тона последнего гласного в предложении мало уступает таковой первого и здесь, вследствие выпадения предпоследнего гласного, интонация предложения приобретает в известном смысле нисходяще-восходящий характер (как и в некоторых других случаях). Словесное ударение влияет на интонацию предложения, что отмечается и в татарском - см.,напр., Б.№6.

Нисходяще-восходящий тон отмечается в татарском в первой половине простого повествовательного предложения(Б.№ 2) которое в целом имеет нисходящий тон. Здесь семантически

важная часть: min qazanda "я в Казани" имеет первостепенное тоническое ударение на первом слоге (min) , второстепенное- на последнем (da), тогда как семантически менее важный последующий глагол tɔram "живу" произносится с падающей интонацией, по тесситуре находящейся целиком на более низком уровне по сравнению с любым предшествующим слогом.

6. Как в общих, так и специальных вопросах в уйгурском языке наблюдается восходящий (в целом) тон (уйг.№№II,III, УI) иногда- нисходяще-восходящий (если не считать выпавшего I-го гласного i - уйг.№У). Большей частью тон повышается вплоть до начала последнего гласного или до конца предпос - леднего и на эти места приходится наивысшая точка тона иногда - не исключая вопросительной частицы mu//mü. Если первый слог представляет собой односложное слово с широким гласным (уйг.№2- общий вопрос) или в начале предложения имеется вопросительное слово с ударением на первом слоге (уйг.№ III), движение тона в предложении может принимать в некоторой мере нисходяще-восходящий характер; в отдельных случаях максимальная высота тона приходится на первый или второй слог в предложении. Аналогично обстоит дело и в от - ношении придаточных предложений (уйг.№№УII,УIII). Здесь тон восходящий, однако наличие в начале предложения односложного слова с широким гласным, несущего важную смысловую нагрузку, может перемещать максимальную высоту тона на первый слог предложения и тон в целом приобретает нисходяще-восходящий характер (№ УII). Частица ma//mä , оформляющая придаточное уступительное, так же как и вопросительная час-

тица *mu||mi*, может принимать на себя максимальную высоту тона. Этого не бывает при обычной речи в татарском, где эти аффиксы, как правило, безударны, если оставить в стороне эмфатическую и т.п. речь.

В казанско-татарском наличие вопросительного слова в предложении исключает восходящий тон (см.Б - № 3,В - № 4); максимальная высота тона приходится на вопросительное слово, как правило, находящееся в начале предложения. Если это слово не односложное, то наибольшая высота тона отмечается в том его слоге, на которое падает словесное ударение. Если вопросительному слову предшествует другое слово, напр., местоимение *sin* "ты" (Б- № 4), то высота тона в этом слове ниже по сравнению с таковой в первом слоге последующего вопросительного слова *qaida* "где"[I]. Напротив, в мишар-татарском восходящий тон характерен как для общих, так и для специальных вопросов, ввиду чего здесь наблюдается аналогия с уйгурским. В казахско-татарском восходящий тон характерен лишь для общих вопросов (Б-№5,6, В-№5,6).

x x
x

7. Интонация предложений находится во взаимодействии со словесным ударением и испытывает влияние последнего. В таблицах ~~и на схеме~~ можно видеть, как мелодический рисунок предложения постоянно перебивается словесным ударением : в дву-

---

I) Однако в эмфатической речи, напр., *sinkəm* "ты-то кто!" максимальный тонический акцент будет на местоимении *sin* "ты", а не на последующем вопросительном слове.

сложных словах с обоими узкими гласными (išik "дверь", pišti "сварился") начальнай безударный гласный i между глухими выпадает(или оглушается) всюду, независимо от позиции слова: и в начале предложения и в конце. Также в трехсложных слова с первым узким, вторым и третьим - широкими гласными: iš-lxsxy tišlxrsxn "если будешь работать - будешь есть" (уйг №VIII). В первом слове išlxsxy "если будешь работать" высота тона третьего гласного в среднем более, чем 1 1/2 тона превышает таковую второго [(dis-e)-(fis-g)], т.е. максимум тона совпадает с силовым ударением, конечное тоническое ударение сохраняется и при широких гласных. Начальное тоническое, а также силовое, экспираторное ударения сохраняются и в слове qandaq "какой" (уйг.№III) и оказывают влияние на интонацию предложения. В предложении nimä očuq "что открыто" (уйг.№VII) высота тона гласного i первого слога уступает таковой второго гласного ä в среднем минимум на 3/4 тона [(d-dis)-(dis-e)].

Лишь в двусложных словах с первым широким, вторым - узким гласным (očuq "открытый", bolsun "пусть будет") наблюдаются особенности. В предложениях nimxə očuq "что открыто ?" (4), išiy očuq "дверь открыта" (4) (уйг.№VI) высота тона гласного o превышает таковую последующего u в среднем на I 1/4 и на I 1/2 тона - соответственно, а как минимум - на I/2 и на 3/4 тона- разница, воспринимаемая и нетренированным слухом. Аналогично - в ответном слове - предложении očuq "открытый" (уйг.№V). Вместе с тем, во всех этих примерах значительно возрастает экспирация последнего слога (с гласным u) - по

сравнению с предшествующим (с гласным о) , т.е. имеем повышение тона на первом слоге, экспираторное ударение - в конце, а в одном случае даже выпал гласный о, а экспирация второго слога возросла в два раза. В предложении išiy očıqtı "дверь открыта?" (3) в двух случаях гласный ı в слове očıq "открытый" выпал, но в третьем высота тона ı уступает таковой предшествующего о менее, чем на I/4 тона, однако в последнем примере возрастает относительная высота тона конечного гласного в частице tı "ли". В предложении az bolsima saz (bolsin) "пусть будет хоть мало, но хорошо" (4) (уйг.№VII) в уступительном придаточном высота тона второго гласного i превосходит таковую предшествующего о в среднем на I/4 тона (максимально - 3/4 тона) и лишь в одном случае из четырех уступает на I/4 тона. Во втором (главном) предложении (4 изм.) интервал (в пользу первого гласного) равен в среднем I/2 тона, максимально - $I\frac{I}{4}$ тона, а в двух случаях практически нуль.

Таким образом, если слово находится в первой части фразы, предложения, то в словах с ударением на конечном слоге совпадают в конце максимальные для данного слова высота тона и сила артикуляции звука, в словах с ударением на первом слоге - эти компоненты совпадают на первом; если же слово находится в конце фразы, предложения, то часто максимальная (для данного слова) высота тона приходится на первый слог (хотя это не обязательно), а силовое или экспираторное ударение - на последний (в словах с конечным ударением). Изредка же возможны случаи переноса на первый слог и тонического и силового ударений , а также - полного выпадения

обоих гласных последнего слова в предложении.

Следовательно, интонация предложения, фразы, в свою очередь, может оказывать известное, хотя и весьма ограниченное, влияние на словесное ударение.

Диктор А. Таблица I

Предложения	Средняя высота тона гласных в слогах						
	I	2	3	4	5	6	7
I aš pišti /пища сварилась/	a	i	i				
а/	I70	-	I40				
б/ -"-	I63	-	I40				
Средняя /2 изм./	I66	-	I40				
2. aš pišti mu? -pišti /пища сварилась? -сварилась./	a	i	i	u	i	i	i
а/	I59	-	I80	I46	-	-	I47
б/	I6I	-	I65	I64		-	I42,5
в/	I59	-	I70	I58		-	I37
Средняя/3 изм./	I60	-	I72	I56		-	I42
3. gandaa aš pišti? /какая пища сварилась?/	a	a	a		i	i	
а/	I65	I6I			-	I72,5	
б/		/I50-I65/					
б/	I50	I62			-	I64	
		/I50-I65/					
Средняя /2/	I58	I62				I68	
4. sujuoaš pišti /суп сварился./	u	j u	o	a	i	i	
а/		I48			-	I37	
	/I50 - I42 - I50 - I35/						
б/		I36					
	/I50 - I35 - I20/				-	-	
Средняя /2/		I42					

Таблица I
/продолжение/

	I	2	3	4	5	6	7	8
5. išiɣ očuqtu? -očuq дверь открыта-открыта	i	i ɣo		u	u		o	u
а/	-	I55	I50	-	I58	-	I46	I38
б/	-	I62	I50	-	I52		I62	I50
в/	-	I60 /I65-I58/		I56	I62		I68	I38
Средняя/3/	-	I6I	I58	52	I57		I59	I42
6. nimæ očuq? -išiɣ očuq что открыто? - дверь открыта.	i	æ	o	u	i	i	o	u
а/	I50	I65 /I50-I80/		I44	-	I50	I46	I26
б/	I50	I65 /I65-I65/		I40	-	I65	I50	I26
в/	I50	I73 /I65-I80/		I58	-	I65	I58	I35
г/	I40	I76 /I65-I80/		I52	-	I50	I35	I26
Средняя /4изм./	I48	I70 /I6I-I76/		I48		I58	I47	I28
7. az bolsima, saz bolsin пусть будет мало, но хорошо.	az	ol	i	a		az	ol	i
а/	I54		I50	I55		I49	I35	I34
б/	I55	I54	I65	I50		I50	I37	I35
в/	I60	I49	I50	I50		I53	I48	I29
г/	I64	I54	I50	I63		I57	I50	I39
Средняя /4изм./	I58	I49	I54	I54		I52	I42	I34
8. išlæsæŋ tišlærsæn. будешь работать-будешь есть.	i	lä	ä			i	lär	ä
а/	-	I6I	I89			-	I45	I35
б/	-	I56	I99			-	I42	I42
Средняя /2изм./		I58	I94				I44	I38

Диктор А. Таблица 2

Предложения	число изм.	Сонорная длительность /сигмы/ 1	2	3	4	5	6	7	8
1. aš pišti		a	i	i					
пища сварилась	2	I3,0	00	I5,0					
2. aš pišti mu? -pišti		a	i	i	u			i	i
пища сварилась ?- сварилась.	3	I3,I	0,0	6,0	I9,7			-0,0	I4,2
3. gandaɯaš pišti?		a		aɯa			i	i	
какая пища сварилась ?	2	3,4		22,3			0,0	I4,4	
4. sujuɯaš pišti		u	j	u	aɯa		i	i	
Суп сварился	2	28,7					0,0	6,6	
5. išiɣ ocuqpu? -ocuq		i		iɣo	u	u		o	u
Дверь открыта? - открыта.	3	0,0		I9,9	2,4	I8,4		8,9	9,7
В том числе - (при двух измерениях)			i_2	o					
			9,5	6,5					
6. nimæ očuq -isiɣ očuq		i		æo	u	i		iɣo	u
Что открыто? Дверь открыта	4	5,8		I5,8	I0,6	0,0		I5,5	8,5
7. az bolsima saz bolsin		az		ol	i	a		az ol	i
Пусть будет мало, хорошо	4	2I,8		I3,6	3,5	II,I		I6,2 II,8	I2,8
В том числе-при трех измерениях		a		o				a o	
		I3,5		8,4				I0,8 6,8	
8. išlæsæɲ tišlær sæn		i		lä	ä			i lär	æ
Будешь работать- будешь есть.	2	0,0		II,6	I4,2			0,0 I6,7	6,7

Диктор Б. Таблица 3

Предложения	число измер.	Средняя высота тона гласных /гц./					
		I	2	3	4	5	6
I. ɔɣɔp ɣəqtə вылетел	6	II8	I44	I32	99		
2. min gazanda turam я живу в Казани	3	I5I	I35	I29	I39	I20	92
3. gaiɣan tuɣansəɲ? когда ты родился?	2	I68	I40	I08	96	90	
4. sin gaida tuɣansəɲ? Ты где родился?	2	I52	I83	I39	I20	II4	II2
5. aš pəštəmə? Суп сварился?	3	II4	II6	I34	84		
6. aš pəšəbzittəmə? Полностью ли сварился суп?	3	II2	0,0	II9	II5	I33	I04

Диктор В Таблица 4

Предложения	средняя высота тона гласных /гц/							
	I	2	3	4	5	6	7	8
I. aš pəštə Суп сварился	I47	I43	I25					
2. taptap kittə Прошел растоптав	II9	I33	I23	I0I				
3. aɣɣɔš ɔɣa лебедь летит					I37	I6I	I47	I27
4. nərsə pəštə? что сварилось?	I75	I52	II7	I25				
5. aš pəštəmə? суп сварился?- pəštə сварился	I45	I47	I69	II8			I20	I32
6. aɣɣɔš ɔɣamə? лебедь летит?- ɔɣa лети	I39	I47	I54	I75	I30		II6	I37

Диктор В

Таблица 5

Предложения	средняя интенсивность гласных							
	I	2	3	4	5	6	7	8
I. aš pəštə Суп сварился	3,90	2,32	3,27					
2. taptap kittə Прошел растоптав	I,85	2,74	3,48	I,43				
3. aqqɔš ɔqa Лебедь летит					3,5I	5,I0	2,97	3,20
4. nærsæ pəštə? Что сварилось?	6,36	5,I4	I,72	2,I3				
5. aš pəštəmə? Суп сварился?- -peštə сварился	3,7I	2,94	5,30	I,9I			3,39	3,92
6. aqqɔš ɔqamə? Лебедь летит?- -ɔqa летит	3,34	3,55	3,06	6,40	I,45		I,03	3,45

Диктор В

Таблица 6

Предложения	Длительность гласных /сигмы/							
	I	2	3	4	5	6	7	8
I. aš pəštə Суп сварился	I9,8	7,2	26,I					
2. taptap kittə Прошел растоптав	6,74	7,57	5,65	I2,34				
3. aqqɔš ɔqa Лебедь летит						I2,6	II,4	8,2 33,3
4. nærsæ pəštə? Что сварилось?	9,6	9,2	4,9		I5,8			
5. aš pəštəmə? Суп сварился?- -pəštə сварился	I5,9	8,2	8,8		I3,6			5,8 25,8
6. aqqɔš ɔqamə? Лебедь летит ли? - ɔqa летит	I2,9	9,6	5,9	I5,4	II,6			7,7 29,4

Глава XVIII.

ДОПОЛНЕНИЯ В СВЯЗИ С ВОПРОСОМ О ТУРЕЦКОМ УДАРЕНИИ "СУБСТРАТОМ".

В отзыве А.К. Боровкова содержится замечание о якобы необходимости детального сопоставления результатов опытных, экспериментальных исследований со всеми слуховыми наблюдениями по всем тюркским языкам, когда либо проведенным, ибо он настаивает на учете и специальном рассмотрении литературы о турецком ударении (хотя и называет эту литературу- таковой о тюркском ударении) - несмотря на то, что лучшие слуховые наблюдения о турецком акценте использованы в диссертации и отражающих её работах, например прекрасная работа Г.Раккет, ссылка на которую дается на стр. 267 II части "Звукового строя". - несмотря на то, что турецкий язык отнюдь не является объектом исследования данной работы, посвященной лишь некоторым тюркским языкам Советского Союза (а вовсе не 48 тюркским языкам и наречиям).

Говоря о какой-то дискуссии якобы по тюркскому ударению и о необходимости использовать эту литературу, оппонент умалчивает о том, какие же именно работы не учтены в диссертации и книгах, а единственная ссылка его в этой связи на работу Э.В.Севортян не подтверждается фактами.

Вновь здесь имеем дело с абстрактными рассуждениями вообще, не основанными на фактах, а только на голословных неопределенных заявлениях, которые в той мере, в какой поддаются вообще проверке- опровергаются фактами.

В отзыве говорится, что " автор проходит мимо разных теорий касательно словесного ударения в тюркских языках, достаточно подробно изложенных в последнее время в книге Э.В.Севортяна ("Фонетика турецкого литературного языка")". Выступая за точность ссылок , А.К.Боровков не относит к самому себе это требование и не указывает не только страниц, но даже года и места издания книги Э.В.Севортяна, на которую ссылается, тогда как ни в одной моей работе подобных небрежностей, как выразился сам А.И.Боровков (на защите в устном добавлении) не имеется. Далее рецензент продолжает: "Было бы очень ценным показать существо дискуссии о тюркском ударении и свое отношение к существующим теориям на новой современной экспериментальной основе". Таково замечание.

Следует отметить обычную неопределенную манеру выражений, запутывающую неосведомленного в данной области читателя.

Никаких "теорий"(об ударении в тюркских) " на новой современной экспериментальной основе" не существует в природе.

Рецензент имеет в виду не теории " на новой основе", а диссертацию"на новой основе". Рецензент имеет в виду, что на " новой экспериментальной основе" базируется диссертация, а вовсе не " теории". Рецензент имеет в виду, что эта диссертация которая опирается на новую " современную экспериментальную основу" должна будто бы специально показать свое отношение к старым теориям, не опирающимся на "новую экспериментальную основу", а напротив, воздвигнутым на результатах слуховых наблюдений.

Всё это - общеизвестные (для специалистов) факты.

Однако вследствие отсутствия определенности, четкости высказываний, вследствие бесформенности выражений рецензента, которые могут иметь не менее двух толкований, качество диссертации(её экспериментальный характер) вопреки фактам приписывается "теориям" как якобы аттрибут последних.

Из отзыва остается неясным то основываются ли эти " теории" или же, напротив, - диссертация не экспериментальных данных. И это создает у не специалистов и лиц незнакомых с диссертацией неправильное впечатление как о состоянии науки в данной области, так и о содержании диссертации.

Ибо по рассматриваемым нами языкам нет теорий об ударении основанных на инструментальных данных. Имеются только незаконченные и противоречивые наблюдения В.А.Богородицкого над движением тона в нескольких татарских словах - в произношении одного диктора родом из Башкирии (да ещё 8 слов и не имеющих смысла слогов по Г.Валидову), каковые спорадического характера наблюдения, естественно, не могут быть никаким экспериментальным основанием ни для каких теорий об ударении- тем более - по тюркским языкам вообще.

Во-вторых, чем мотивируется, аргументируется требование " показать отношение к существующим теориям"?

Ничем, кроме заявления, что это было бы"ценным".

Смотря для кого ценным. Для науки - нет, возможно лишь ценным для тех кто только собирается знакомиться с вопросом.

Ценным это может быть только для того, кто не имеет представления о данной области и потому не имеет возможности сопоставить самостоятельно.

Опять имеем в отзыве смешение экспериментальной, опытной работы с литературным обзором. Разве от инженеров изобретателей и других требуют " показать своё отношение к существующим теориям"? Ведь само содержание работ этих специалистов само показывает их"отношение к существующим теориям".

Данное требование рецензента означает, что рецензент видимо не знаком с существующими теориями и требует, чтобы ему диссертант изложил их.

И приходится мне вместо инструментального исследования излагать общеизвестные вещи.

Литература, о которой ведет речь рецензент, не указывая, однако, ни единого названия - кроме неподтверждающейся ссылки на книгу Э.В.Севортян, - следующая.

L/ Л.Старостов. Об ударении в турецком языке (Труды Военного института иностранных языков, 2, М.1953)

2/ L.Bonelli, Del movimento dell accento nel türco - osmanli(Rendiconti della Reale Accademia Nationale dei Lincei, Cl. di Scienze morali, Storiche e filosofische, Serie Quinta, vol. II, Roma, I893); 3) B. Collinder, Reichtürkische Lautstudien, Uppsala Universitets Ärsskrift, I939, Band I, 1 - IOI; 4) B.Collinder, Gibt es im Türkischen keinen Akzent ? (ZDMG, Bd 95) ; 5) J. Benzing (рецензия) Orientalische Literaturzeitung ,Leipzig , Juli // august, I94I, 44, Jahrg. Nr. 7/8; 6) H.W.Duda, Zu Björn Collinder's osmanisch - türkichen Lautstudien (ZDMG ; Bd 94), Leipzig I940 (Neue Folge, Bd I9) 7) R.Fuat, Osmanli türkçesinde vurgu,- Türk derneği,I327 (I909); 8) K.Grönbech, Der Akzent im Türkischen und Mongolischen

(Z D M Q Bd. 94 - NF I9) Leipzig I940;
9) Cl.Huart.Laccentuation en türk - osmanli (Mémoires de la Societé Linguistique de Paris, v I2); I0) K.Nielsen. AKcentueringen i Turkisk (Osmanisk) (Videns) kabs-Selshabet, Forhandlinger AarI906, N9, Christiania, I907);
II) K.Nielsen Druk und Tonbewegung im Reichtürkischen. Oslo, I945. I2)W.Pröle. Zur Frage des Wortakzents im osmanisch - türkischen (Keleti Szemle. Bd.XII ,Budapest, I9II-I2); I3) G. Raquette. The accent problem in Turkish. Lunds Universitets Arsskrift NF. Avd.I, Bd.24, I927;
I4) и рецензии на эту работу F.Giese (Orientalische Literaturzeitung, Jhvg. 3I, Leipzig, I928; G.L Clauson - Journal of the Royal Asiatic Society, I928; J.Nemeth- Keleti Szemle, II, I932. I5) J.Deny Grammaire de la langue turque, Paris I920; I6) Janua linguae ottomanicae Budapest, I905;
I7) Q.Bergsträsser, Zur Phonetik des Türkischen nach gebildeter Konstantinopler Anssprache (Z D M G, 72, I9I8);
I8) Ragip Özdem Tarihsel bakimdan öztürkçe ve yabanci Sözlerin fonetik ayraçlar, Istanbul, (I937, I9); А.Н.Кононов, Грамматика современного турецкого литературного языка, I94I; М.Л.I956 2; 20) Э.В.Севортян. Фонетика турецкого литературного языка, М.I955.

В перечисленных трудах, как и некоторых других работах (J.Kunos, J.Németh, M.Korlon) рассматри-

вается т у р е ц к и й язык и т у р е ц к о е ударение, государственный язык Турции, что не является предметом исследования нашей диссертации. Это во-первых.

Во-вторых, все эти труды , кроме одного- Нильсена (от 1945) - не считая Л. Старостова - основаны на слуховых наблюдениях и потому не относятся к теме диссертации также и по этой, второй (по счёту) причине.

В третьих, упоминаемые в обзоре Э.В.Севортян экспериментально-фонетические работы (в том числе и мои работы) не относятся к ударению.

Не имеют отношения к исследованию ударения перечисляемые в обзоре Э.В.Севортян труды Г. Шарафа "Палатограммы"... и "Сопорная длительность....", В.С.Михайлова "Реализация русских звуков и звукосочетаний в казахском языке" (Алма-Ата 1952г.), канд. дисс. Е.Н.Степановой "Звуковой состав чувашского языка в сравнении с немецким" (М.1952), А.П.Поцелуевского "Опыт изучения артикуляции звуков туркменской речи методом палатог-

рамм" (Ашхабад 1945), Ф.А.Кязимова "Азербайджанские гласные в сравнении с английскими" (М, 1951), П.П.Барашкова "Звуковой состав якутского языка" (Якутск, 1953), У.Ш. "Гласные татарского литературного языка по экспериментальным данным" (М, 1953).

Все последние экспериментальные работы, имеющие отношение к теме диссертации и затрагиваемым в ней вопросам, рассматриваются в диссертации и других моих работах в соответствующих разделах или во введении.

Как признает сам А.К.Боровков, обзоры работ по турецкому или тюркскому ударению имеются, оппонент сам упоминает один из таких обзоров - обзор в книге Э.В.Севортяна (1955г.). Можно добавить, что весьма важный такого рода обзор содержится, кроме того, и, например, в книге М.Рясянена "Материалы к истории звуков тюркских языков", Хельсинки, 1949 (на немецком языке), как видно неизвестной оппоненту, хотя эта книга и переиздана на русском в Москве в 1955 году под неточным названием "Материалы по исторической фонетике тюркских языков".

А.К.Боровков не требует от меня дать обзор перечисленным выше трудам, касающимся турецкого ударения, он лишь настаивает на том, чтобы было поведано отношение диссертанта к теориям, представленным в указанных трудах.

Однако все дело в том, что " своё отношение к существующим теориям" - разумеется в пределах исследуемых в диссертации языков и вопросов - показано в диссертации и других работах.

Во-первых это показано самим фактом изложения результатов инструментального исследования - в диссертации и других работах по исследуемым языкам.

Во-вторых это показано в выводах - в той мере, в какой совпадает предмет исследования диссертации с предметом, так сказать, "дискуссии" об ударении якобы в "тюркских" языках.

Требование особого специального рассмотрения и параллельного изложения содержания слуховых наблюдений предшествующих исследований и противопоставленным этим наблюдениям результатов наших инструментальных данных есть смешение задач экспериментального исследования с задачами литературных обзоров. Это лишь уводит в сторону от инструментальных исследований.

Так же, как и авторы "обстоятельного" отзыва и представители всего рассматриваемого критического направления, А.К.Боровков смешивает различное: задачи экспериментальных опытных наук - с задачами литературных обзоров. Это отождествление различного свидетельствует о неистинности данного замечания оппонента.

Условием признания результатов экспериментального исследования,- оппонент выставляет наличие обзора неэкспериментальных исследований. Притом, неэкспериментальных исследований совершенно по другому вопросу.

Между тем элементарной истиной науки является, как указано выше (раздел П) то, что не входит в задачу экспериментальных наук сопоставление результатов опытов - с предшествовавшими да ещё не инструментальными исследованиями, да

к тому же-по другим вопросам. Такое сопоставление- обязанность представителей неэкспериментальных наук, например, исторических. Экспериментатор же начинает там, где остановились предшественники и ставит опыты, эксперименты - дальше и описывает результаты опытов. Так обстоит дело в технике, так обстоит дело и в инструментальной фонетике.

Некоторые же языковеды, как видно из отзывов, не знают этой известной истины.

Поскольку, однако, некоторые лица, взявшиеся судить о данной диссертации, оказались не в состоянии самостоятельно сопоставить результаты и выводы данного инструментального исследования с предшествовавшими слуховыми наблюдениями, притом то, что рецензенты не смогли сопоставить-вменяется в вину диссертанту, приходится диссертанту покинуть инструментальное исследование и дать некоторые пояснения.

Во-первых, вопреки предположению о якобы единообразном ударении в тюркских языках, основанному лишь на слуховых впечатлениях, наши инструментальные данные показывают, что ударение в тюркских языках и диалектах не является единообразным - как по месту, так и по качеству, т.е. составу и соотношению компонентов ударения. Изложено это, например, в заключении III тома диссертации, а в книге "Звуковой строй..' часть II - например на стр. 267-270.

А.К.Боровков по другому поводу, даже цитирует из этого заключения (стр.270 книги), однако, видимо, не будучи экспериментатором, он не понял инструментальных данных и выводов из них, содержащихся как в этом заключении, так и на

других страницах работы. Или же он понял, но , так как выводы наши не подтверждают его взгляды, то он и делает вид, что ему непонятно. Однако если ему непонятно, то это ещё не аргумент, как известно.

Во-вторых, не оправдывается основанное на слуховых наблюдениях представление о том, что якобы во всех тюркских языках ударение как правило приходится на конечный слог слова. Это может быть справедливо лишь в отношении некоторых тюркских языков (изложено это на протяжении всей диссертации (том III) и соответствующих работ, в которых на цифровых данных доказывается несостоятельность указанной "слуховой" точки зрения).

В третьих, то же относится и к представлению, восходящему к незаконченным и непроверенным малочисленным опытам В.А.Богородицкого, согласно каковому представлению, на первом слоге имеется тонический акцент, а на последнем -силовое ударение. Причем это было распространено на все тюркские языки. Наши исследования показали, что это представление может быть оправдано лишь в отношении горно-башкирского диалекта, к которому, повидимому, и относился и единственный диктор В.А.Богородицкого (из Стерлитамака), выдаваемый, однако за представителя казанско-татарского языка.

Нет, пожалуй, А.К.Боровков понял выводы диссертации. Об этом свидетельствует его обвинение по адресу диссертанта в якобы неуважении к В.А.Богородицкому, каковое будто бы неуважение выражается именно в опровержении в диссертации результатов незаконченных и непроверенных выводов В.А.Богородицкого (и взглядов оппонента тоже) на ударение в татарском.

И так как нами доказана необоснованность выводов В.А.Богородицкого о татарском ударении - оппонент обвиняет диссертанта в якобы отсутствии обзоров, под каковыми имеет в виду детальное параллельное сопоставление взглядов предшествующих слуховых наблюдений - по другим вопросам и языкам - с результатами наших опытных исследований. Несостоятельность подобного требования ясно видна из того, что слуховая фонетика, например, в области тюркских языков имеет дело по существу, только с нерасчлененным одним ударением, которому даже не дает точного определения и самое большее - различает тонический и силовой акценты (названия различны иногда, но суть - одна).

Нами же, благодаря инструментальному методу, установлено не менее пяти компонентов, могущих способствовать выделению ударенного слога в тюркских и финно-угорских языках.

Попробуйте ка здесь сопоставить по деталям!

Получается, что диссертант виноват в том, что по существу нечего сопоставлять с результатами наших инструментальных исследований в области ударения ибо, прежде всего, инструментальные данные некоторым образом лежат в иной плоскости - по сравнению с результатами предшествовавших слуховых наблюдений.

Оказывается диссертант виноват в том, что до него ударение в тюркских языках инструментально по сути дела не исследовалось!

Наконец, в четвертых, в том, что касается связи, взаимовлияния разных компонентов и звуковых явлений, наши дан-

ные выводы показали несостоятельность взгляда о том, что якобы долгота гласных будто бы "перетягивает" на себя ударение. Это мнение, высказывавшееся и Б.А.Серебренниковым, построено без какого либо внимания к фактам языков как тюркских, так и финно-угорских, в области которых Б.А.Серебренников писал свои статьи.

Даже по слуховым наблюдениям можно легко установить, что долгота не перетягивает на себя ударение, что, например, в эстонском ударение не связано с долготой, ибо русское ударение в заимствованных словах обычно передается в эстонском долготой, а ударение же ставится по законам эстонского языка - преимущественно на первом слоге слова - независимо от того, на какой слог слова падает ударение в том языке, откуда это слово заимствуется в эстонский.
Правильной является, например, для русского языка противоположная точка зрения, заключающаяся в том, что ударение может иногда оказывать влияние на качество гласного, в том числе - на относительное увеличение его длительности, на расширение гласных и т.д.[I] Однако для тюркских и финно-угорских языков нельзя сделать и подобного вывода ибо здесь долгота вообще практически не связана с ударением (подробнее ниже; там же -и оговорки, условия).

В ходе, так сказать, "дисскуссии" якобы по "тюркскому" ударению поставлены следующие вопросы, которые (видимо)

I) Не будучи специалистом по русскому языку я не стану здесь приводить литературы вопроса и сошлюсь только на мнение доктора А.С.Львова.

А.К.Боровков приравнивает к "теориям".

I) Качество ударения в тюркских языках: силовое (=динамическое= экспираторное)[I] или тоническое? А если есть оба, то которое главное?

2) Количественная сторона ударения: первостепенное и второстепенное, их место в слове.

3) Каково место ударения: на конечном слоге или на первом или на ином? И какое по качеству ударение на конечном слоге и какое на ином слоге?

4) Соотношение, связь этих двух "типов" ударения: совпадают, не совпадают?

Большей частью они рассматриваются как два различных ударения - вслед за индоевропейской (ТИ)[2] и это подражание индоевропейскому, перенесение его на тюркские, в первую очередь относится к В.А.Богородицкому.

5) Исторически: каково было древнее ударение - по качеству и по месту в слове. A.M. von Gabain, Alttürkische Grammatik, Leipzig 1950, § I3, стр. 42 считает, что первичным было начальное тоническое ударение в древнетюркском.

I) Это приравнение делается не мною, а участниками "дискуссии", "слуховыми" фонетистами - прим.У.Б.

2) О двух разных ударениях (силовом и тоническом) в индоевропейских языках см., напр., Jerzy Kury lowisz L' Accentuation des Langues Indo-Europeennes, Wroclaw-Krakow, 1958, напр. стр.106-113 и др., A Meillet, Le Slave Commun, Paris 1934, M.1951, стр. 128 - 132 и др. русск.изд. ,E.Prokosch, A Comparative German Grammar, Philadelphia, 1939, M 1954, стр. 132 -133 и др. русск.изд. и другие работы.

6) Связь ударения со звуковым составом слова, с фонетической позицией, с морфологической структурой слова (безударные аффиксы и пр.).

7) Фонологическая роль ударения, соотношение словесного ударения с фразовым, логическим, с ударением в словосочетаниях, в предложении.

Таков круг затронутых в "дискуссии" по якобы "тюркскому" (в действительности - турецкому) ударению.

На все вопросы эти в диссертации и книгах дан ответ, "диссертантом " показано" "свое отношение""на основе экспериментальных данных" - "отношение" " к существующим теориям".

Вот эти ответы на вопросы, поставленные в "дискуссии" и данные в III томе диссертации и других опубликованных моих работах, отражающих содержание диссертации.

I) Неоправдано сведение качества ударения в тюркских языках к двум типам: тоническому и силовому. В действительности имеется не менее пяти " типов", точнее компонентов ударения в тюркских языках: а) силовое, б)экспираторное, в) повышение тона, г) особое движение тона, д)факультативное относительное возрастание сонорной длительности (при равных условиях) и т.д. Изложено, например, в книге "Звуковой строй" стр.267-269 и др., в диссертации том.III.стр. I6I-I65, автореф. I962. стр.48 и др.

2) Неоправдано сведение к двум типам ударения - по его количеству. Инструментальные исследования показывают, что име-

ются ударения I,2,3,4 и др. степеней и это относится к любому компоненту. Изложено, напр, в книге "Звуковой строй", ч.II,стр.I89 и др., дисс.т.III.стр.36,37 и др., автореферат I962, стр.44,45 и др. Следует добавить, что необосновано противопоставление "главного силового" и "второстепенного тонического" ударений: это разные вещи, для которых отсутствует общее основание для сравнения - в отношении первостепенности - второстепенности.

3) Неоправдано мнение о единообразном конечном ударении в тюркских языках. Место словесного ударения в тюркских языках различно. Изложено это, напр., в книге "Звуковой строй",ч.II. стр.267-269 и др., дисс. - т.III, стр.I6I-I65 и др., автореферат I962 -стр.52-65 и др.

4) Взаимоотношение различных компонентов ударения (сила, тон и пр.) заключается в их, по крайней мере, относительной независимости друг от друга. Эти компоненты могут совпадать или не совпадать друг с другом. В различных языках картина соотношения различна. Изложено на стр.I69-244 "Звукового строя", ч.II, Казань, I96I и соответствующих страницах III тома диссертации, также в автореферате, -напр., стр.55-63, 48,49,44, 45, 35-37 и др.

5) История ударения не является предметом исследования диссертации, которая написана в плане синхронии. Однако мнение А.М.фон Габэн получает новые подкрепляющие его данные - о первично начальном ударении в тюркских, поскольку нами установлено, что в ряде языков и наречий возможно и теперь начальное ударение (изложено в дисс.том III и др.работах).

6) Не подтверждается предположение о зависимости ударения от качества гласных. Напротив, качество гласных может

быть функцией ударения как это, если не ошибаюсь, имело место и в истории русского языка. Кажущаяся подобная связь в чувашском (В.В.Радлов, Н.И.Ашмарин и др.) относится лишь к говорам верхового диалекта, а к низовому чувашскому не относится. Изложено последнее, напр., в книге "Звуковой строй", часть II, стр. 205-208 и др., стр.216, 218-221, 222 и на соответствующих страницах диссертации.

б) Зависимость компонентов ударения от фонетической позиции носит обычно подчиненный, второстепенный характер - поскольку вообще ударение имеется (фонологические). Но эта роль фонетической позиции может возрастать - в зависимости от конкретного языка или диалекта и в обратной пропорции к степени выделенности, проявленности словесного ударения. Изложено на стр. 267 и др. книги "Звуковой строй" ч.II и соответствующих страницах диссертации, том III, автореферат 1962 - стр. 54 и др.

в) В диссертации всюду специально выделены инструментальные данные, касающиеся так называемых безударных аффиксов. Данные по этим словам приводятся отдельно, в конце таблиц - поскольку они имеются по тому или иному диктору. Следует отметить, что деление на ударенные и безударные аффиксы зачастую не совпадает не только по языкам, но и диалектам и говорам. Изложено на стр. 170-180, 182 и др. II части книги "Звуковой строй" и соответствующих страницах диссертации, автореферат 1962, стр. 34-37 и др.

7) Наличие фонологической роли татарского ударения

много доказано в статье "К истории изучения фонетики ка - занско-татарского языка"(Сб.памяти В.А.Богородицкого, Казань 1961,стр.386 и др.)

О несовпадении словесного ударения в татарском-с фразовым и т.п. ударением приведены данные в III томе диссертации, изложено в автореферате 1962,стр.41-46. Вопрос о соотношении словесного и фразового и т.п. ударения требует дальнейшего исследования по ряду языков и не входил в тему диссертации. Ввиду же решения ВАН я вынужден был писать настоящие пояснения для тех, кто невнимательно читал диссертацию и др.мои работы- вместо продолжения исследования мелодики предложения.

Инструментальное исследование ударения, мелодики речи тюркских языков только начинается и литература вопроса практически отсутствует. Надо полагать, что по мере накопления инструментальных данных турецкие лингвисты решат вопрос об ударении в турецком. В нашу же задачу не входило исследование турецкого ударения.

Как признают сами авторы обзоров, напр,Э.В.Севортян, на которого ссылается А.К.Боровков, слабой стороной всей дискуссии о, так сказать, "тюркском" ударении (читай-турецком) в иностранной литературе- является отсутствие инструментальной базы, инструментальных данных. К этому следует еще добавить, что, видимо, не все исследователи достаточно владеют турецким языком, ввиду чего не всегда могут ~~ижж~~ подметить тонкие нюансы фонетики, тем более -определить фонологические моменты. Основание для такого суждения дает и весьма ценный обзор в книге М.Рясянена, приводящего ряд фактов явных ошибок иностранных исследований ту-

рецкой фонетики.

А.К.Боровков же, повидимому, или не понял того, что он читал по данному вопросу в диссертации или же он вообще не читал данного раздела рецензируемой им работы и, как видно, мало знаком с существом упоминаемой им дискуссии и , видимо, поэтому предлагает диссертанту изложить её существо. Ибо заявление А.К.Боровкова о том, что якобы в диссертации не показано " отношение Н.У.Байчуры к существующим теориям" об ударении, как показано, противоречит фактам и опровергается фактами.

Как известно, дать оценку тем или иным взглядам - это вовсе не означает излагать эти теории. Достаточно для такой оценки изложить свои положительные выводы о той или иной проблеме. И как справедливо указывал другой оппонент - С.С.Высоцкий, выводы диссертанта легко найти на ожидаемых страницах работы.

Говорить о какой-то дискуссии об ударении в современных тюркских языках- это равносильно тому, как если бы говорить о дискуссии об ударении (например, о его месте в слове) - в современных славянских или романских и т.п. языках.
В одних языках ударение одно, в других- другое и подобная "дискуссия" была бы спором, наподобие того, когда один утверждает: " в узбекском языке квантитет гласного является компонентом ударения", а другой отвечает: "нет, в татарском - ударение падает на последний слог слова." В чешском ударение преимущественно на первом слоге, в русском - ударение раз-

номестно и дискуссия ничего здесь не изменит.

Если можно говорить о дискуссии об ударении в современных тюркских языках хотя бы уже потому, что число взглядов гораздо меньше, чем число тюркских языков и диалектов: последних 48, а взглядов несколько. Притом по каждому языку в лучшем случае один взгляд, основанный на инструментальных данных, а в подавляющем большинстве случаев - ни одного. Слуховые же наблюдения по сути дела представлены традиционным взглядом- о конечном ударении или - о двойном ударении: в начале тоническое, в конце - силовое.

Говорить о какой-то дискуссии о тюркском ударении можно только в том случае, если стоять на необоснованной позиции - о якобы однообразном ударении во всех тюркских языках. Если же говорить об ударении в древнетюркском языке-основе, то ясно, что это не имеет никакого отношения к теме диссертации, ввиду чего сама постановка в отзыве такого диахронического вопроса является возражением против темы диссертации, хотя и не высказываемым прямо, возражением основанным на смешении А.К.Боровковым неравных понятий: турецкого с тюркским, диахронического с синхроническим. Но и здесь, как известно, имеем лишь гипотезу о первичном-начальном ударении в тюркском языке - основе. И сравнивать по сути дела опять таки нечего.

Экспериментальное исследование А.К.Боровков смешивает с литературным обзором; слуховые наблюдения смешивает с инструментальным исследованием; "некоторые тюркские " языки, рассматриваемые в диссертации, смешивает со"всеми тюркски-

ми"; инструментальное исследование в плане синхронии он фактически приравнивает к филологическим исследованиям в плане диахронии и т.д. и т.п. и требования, допустимые к одним он предъявляет к другим, к которым эти требования не могут быть предъявлены, если мы хотим оставаться на научной почве.

В довершение всего, рассуждения об обзорах и проч. не имеют значения и потому, что независимо от обзоров и "теорий", результаты инструментальных данных остаются и никакие теории не могут ни на иоту их изменить. И все рассмотрение, таким образом, ни на шаг не подвигает нас вперед в науке.

Нуль научно-исследовательского результата в области изучения ударения - таков итог учета данного замечания А.К.Боровкова - об ударении. §2

В отзыве А.К.Боровкова содержится замечание, касающееся субстрата и ударения. Он пишет: "Спорным также остается вопрос о значении субстрата в фонетической эволюции отдельных тюркских языков и , напр., конечный вывод о направленном движении фонетических явлений, напр., перемещении ударения с востока на запад (ч.III.стр.166) и т.д. Во всех такого рода случаях следует иметь в виду, что фонетические данные сами по себе не всегда достаточны для широких обобщений без внимания к суммарным фактам истории тюркских языков в области исторической фонетики, морфологии, синтаксиса."

Это все возражение.

Никаких доказательств, фактов. Взамен их - общие рассуждения о пользе учета истории языков - без указания даже на то, относится ли это к диссертации и если относится, то в

чем выражается якобы отсутствие учета истории языков, и какое отношение имеет, скажем, учет исторической морфологии или синтаксиса - к инструментальной опытной работе, посвященной описанию современного состояния фонетики языков.

Единственная ссылка на диссертацию - в связи с ударением - не подтверждается. Нигде я не говорю о движении с востока на запад ударения или иных фонетических явлений.

Ударение не степной кочевник и оно не может самостоятельно двигаться с востока на запад или с севера на юг или в ином направлении. Ударение может лишь перемещаться внутри слова или предложения.

На указанной рецензентом странице диссертации (см."Звуковой строй...", Казань, 1961, часть II, стр.270) говорится совсем иное, а именно: " Любопытным моментом является то, что не только в тюркских и финно-угорских, но в известной мере также и в индоевропейских языках устанавливается определенная связь между территорией и ударением : чем дальше к западу, тем более четко выражено начальное ударение. Уже в западно-славянских языках словесное ударение приходится преимущественно на первый слог слова (не говоря о германских языках), тогда как русский язык с его разноместным ударением совершенно явно имеет промежуточный характер между Востоком и Западом, причем это согласуется и с этнической и с антропологической неоднородностью. В этой картине исключением являются лишь романские языки, испытавшие воздействие кельтского субстрата...."

Таким образом, ни о каком "направленном движении" (якобы самостоятельно существующего) "ударения с востока на запад" нет ни слова на указанных страницах, нет ничего подобного и в моей любой работе.

Не ударение двигалось с востока на запад, а двигались н а р о д ы - носители языков - на протяжении тысячилетий, они несли с собой свой язык и культуру, скрещивались на новых местах с другими народами и могли сохранить или, напротив, потерять древние особенности, приобретя взамен потерянных новые - под влиянием народов и языков, с которыми вступали в контакт. Сказанное относится и к характеру и месту ударения в различных языках.

Однако выяснение п р о и с х о ж д е н и я описываемых нами языковых явлений не относится к т е м е данной инструментально-фонетической диссертации, причем и сам А.К.Боровков всячески оправдывает необходимость указанной инструментальной описательной (а не исторической) темы диссертации, считает эту тему научно целесообразной и необходимой, и тем не менее - своим замечанием - завуалированно возражает против т е м ы диссертации, противореча собственному одобрению темы - в отзыве, стр.I .

В диссертации и других моих работах, упрощенно говоря, констатируется тот факт, что в языках, народы-носители которых размещены сейчас относительно западнее,- словесное ударение ч а щ е приходится на первый слог, тогда как в языках, народы-носители которых размещены теперь относительно

восточнее,- словесное ударение ч а щ е приходится на последний слог слова.

Это есть лингвистический факт. Факт, касающийся современного состояния рассмотренных в диссертации языков; такой же факт, как, скажем, давно установленное явление, что артикуляционная база в тюркских языках, народы-носители которых расположены далее к западу, является более передней - по сравнению с артикуляционной базой тюркских языков, народы-носители которых живут далее к востоку.[I]

Описанное с о в р е м е н н о е с о с т о я н и е ударения в различных языках, разумеется, есть результат определенных исторических причин, причем на это состояние, повидимому до сих пор мало обращалось внимания, хотя, напр., в отношении индоевропейских языков место ударения в них давно известно. В отношении некоторых финно-угорских языков, как, напр., некоторых поволжско и пермско-финских и в отношении обско-угорских вопрос о месте словесного ударения, повидимому, был не вполне ясен, иногда - спорен. В отношении тюркских языков такая связь, так сказать, "зависимость" места словесного ударения от размещения самих народов-носителей этих языков не была до сих пор известна науке. Применение инструментальных методов исследования позволило нам установить (в диссертации) этот лингвистический ф а к т.

I) Разумеется, неправильно толкование некоторых о непосредственной связи языка с территорией как таковой.

И для констатации этого ф а к т а, по А.К.Боровкову - для данного " обобщения", "конечного вывода" - приводимые в диссертации (и отражающих её содержание работах) цифровые и другие инструментальные данные - результаты сотен инструментальных записей примерно по двадцати языкам и наречиям - в произношении десятков дикторов (в целом) представляют вполне достаточное основание и , притом, совершенно независимо от решения вопроса " о значении субстрата" или иных причин, породивших описанное нами современное состояние , независимо от " суммарной" или несуммарной " истории тюркских языков". Описанное нами состояние является ф а к т о м.

Этот факт никем не опровергнут. Обьяснение же п р и ч и н, породивших этот факт (субстрат или др.) - это уже другой вопрос, не относящийся к теме диссертации (см.ниже).

Между тем, А.К.Боровков, свое голословное отрицание того или иного обьяснения причин данного фонетического факта выдает за опровержение самого этого линтвистического факта. (Причем сам А.К.Боровков отнюдь не предлагает никакого обьяснения - со своей стороны, в результате чего его позиция оказывается в некотором роде родственной нигилизму)

А.К.Боровков лишь пытается поставить под сомнение этот факт. Он утверждает: " Спорным также остается вопрос о значении субстрата в фонетической эволюции отдельных тюркских языков и, напр., конечный вывод о направленном движении фонетических явлений, напр., перемещении ударения с востока на запад."

В этом необоснованном суждении два слова "например" последовательно включают инструментально опытным путем установленный нами лингвистический факт (о том, что в современных языках расположенных западнее ударение чаще приходится на первый слог, в восточных же - относительно чаще на последний) - в состав " вопроса о значении субстрата..." как части последнего.

Приведенное рассуждение рецензента, таким образом, распадается на следующие элементы.

I) " вопрос о значении субстрата...." голословно объявляется спорным.

2) лингвистический факт , касающийся места ударения в ряде современных языков и установленный опытным путем, объявляется частью вопроса о субстрате (хотя последний в действительности относится не к современности, а к глубокой древности, к истории языка).

3) поскольку же якобы спорен"вопрос о значении субстрата" (т.е. целое) , то спорна и (якобы) часть этого вопроса, т.е. " вывод", о состоянии ударения в современных языках, основанный на инструментальных данных, т.е. спорен сам ф а к т современных языков.

Отсюда следует, что по логике А.К.Боровкова от того или иного решения " вопроса о значении субстрата" зависит то, говорят ли, скажем, современные прибалтийско-финские народы с ударением на первом слоге или на последнем, или произносят ли современные казанские татары, напр., слова ана

"мать" , ата "отец" и подавляющее большинство слов татарского языка с ударением на последнем слоге или же на первом.

Упрощенно говоря, по логике этого рецензента получается, что от того, как решить вопрос о значении субстрата, зависит то, как произносят сейчас, например, эстонцы слово 'tere "здравствуй" - с ударением на первом слоге или же на последнем, а татары-слово ата - "отец" - с ударением на первом или на последнем слоге.

Отсюда видно, что данная постановка вопроса А.К.Боровковым представляет из себя оценку степени реальности ф а к т ов современных языков, установленных инструментальным опытным путем - с точки зрения того, соответствуют ли эти факты априорным представлениям тех или иных лиц. Если факты не соответствуют этим п р е д с т а в л е н и я м, то они, факты, голословно объявляются " спорными".

Но и это еще не все. В отзыве ведь идет речь о (якобы) "соответствии" не тем представлениям, которые касаются данного вопроса (современное состояние языков), а , напротив, речь идет о будто бы" соответствии" таким представлениям, которые касаются д р у г и х вопросов (происхождение, а н е современное состояние, притом даже синтаксис и морфология), то-есть вопросов, даже не связанных с данным. То есть рецензент требует соответствия между явлениями, между которыми вообще отсутствует причинная связь - по самому х а р а к тер у этих явлений.

Факты реальной действительности объявляются "спорными",

т.е. существование их подвергается с о м н е н и ю (но не прямому отрицанию) на том якобы " основании", что эта реальная действительность (возможно !) не соответствует (априорным, субъективным) представлениям о " значении субстрата".

Даже на родине известных представителей субъективного идеализма - Д.Юма и епископа Д.Беркли, т.е. в Англии - ни один лингвист никогда не ставил определение места словесного ударения в современном английском языке в зависимость от того или иного решения вопроса " о значении субстрата в фонетической эволюции " английского или германских языков. Или в зависимость от " суммарной " или несуммарной истории этих языков. Напротив, всегда все исходили из того, что, как правило, начальное ударение в английских словах является фактом. И учитывали этот факт при решении вопросов о "значении субстрата" в истории языка и вопросов самой истории языка.

А.К.Боровков перевернул все нормальные соотношения и связи и поставил их на г о л о в у , так как в оценке степени реальности ф а к т о в он исходит из того, как решается вопрос о " значении субстрата" и так как он голословно объявляет это значение " спорным", то поэтому он объявляет "спорными" и результаты инструментальных данных о современном состоянии языков, объявляет"спорными" реальные факты современных языков.

В результате по сути дела объявляется, что место ударения , якобы зависит от того, как решить вопрос о " значении

субстрата".

Это и есть, так сказать, научная " критика" результатов инструментальных данных, материальных фактов - с точки зрения идей , отрицание фактов, если они не соответствуют субъективной идее. К тому же идее, не относящейся вообще к делу, в данном случае - идее о субстрате - не относящейся к описанию современного состояния языков.

Наконец, не имеет основания и сам исходный пункт умозаключений рецензента, ибо его начальное заявление о " спорности" "вопроса" о значении субстрата.." ничем не подтверждено, лишено фактического и логического о с н о в а н и я , ввиду чего висит в пустоте - также, как и вторая , заключительная часть приведенной цитаты.

Одно голословное заявление, так сказать, подкрепляется другим голословным заявлением.

Если даже вторую часть высказывания - о необходимости вообще учитывать "суммарные факты" истории" языков вообще - отнести к диссертации (сам рецензент об этом ничего определенного не говорит), то спрашивается, чем доказывается якобы отсутствие такого учета ? Где факты ? Отсутствие этого учета якобы подтверждается спорностью так сказать "перемещения ударения", последнее будто бы подтверждается "спорностью " "значения субстрата", и наоборот. Это опять таки порочный круг : земля на ките, кит на воде, вода на земле.

Наконец, абстрактность и неопределенность суждений А.К.Боровкова, уже одни делающие это суждение нелогичным, то

есть неистинным, заключаются в том, что I) вторая часть высказывания (об учете"суммарных" фактов истории языка) абстрактна и её отношение к диссертации не определено А.К.Боровковым; 2) в первой же части высказывания не указано того, в каком отношении и относительно каких именно тюркских языков является будто бы спорным "вопрос о значении субстрата". Не указывается того, какое отношение имеют загадочные "отдельные тюркские языки", в отношении которых якобы "спорен вопрос о значении субстрата" (в какой мере, в какой части вопроса спорен ?) - к языкам, рассматриваемым в диссертации. Правда, имеются некоторые косвенные данные: в одном месте отзыва упоминается киргизский - для якобы опровержения наличия чередования р - з (r-z) в татарских диалектах (поскольку в киргизском такое чередование факультировано, А.К.Боровков ставит под сомнение закономерность такого чередования в татарских диалектах).

Но если он упоминает киргизский, то отсюда мы можем предполагать, что под загадочными "отдельными" тюркскими языками рецензент, повидимому, имеет в виду "значение субстрата" для киргизского. Но если это так, то заявление А.К.Боровкова по - прежнему не имеет отношения к делу, ибо киргизский не рассматривается в диссертации и книгах.

С какой стороны ни подходить к цитированному высказыванию А.К.Боровкова, мы во всех случаях получаем ничто, в принципе напоминающее суждение о том, что у Семена глаза голубые, а в Москве есть Выставка достижений народного хозяйст-

ва. А неопределенность высказываний А.К.Боровкова просто прикрывает их недогичность.

К сказанному следует добавить, что смешение объяснения п р и ч и н фактов (напр.субстратом)-с а м и м и фактами, дополняется в цитированном высказывании рецензента недостаточностью самих его общих рассуждений.

Ибо для выяснения субстратного или иного влияния на тюркские совершенно недостаточно знать лишь историю одних тюркских языков. Нужно кроме того знать и историю других языков, с народами-носителями которых вступали в контакт тюрки. Во-вторых недостаточно знать историю языков, а необходимо кроме того знать и историю народов-носителей данных языков. В третьих, недостаточно знать историю последних столетий , необходимо знать б о л ь ш у ю (много) тысячелетнюю историю народов, их миграции и проч. Именно в этом ошибка рецензента, не учитывающего те исторические данные, которые касаются периода первого тысячелетия нашей эры и до нашей эры.

Наконец, необоснована оговорка в отзыве " не всегда достаточны", допускающая противоположное. Для обобщений о влиянии субстрата не только одни фонетические данные , но даже все перечисленные А.К.Боровковым данные в с е г д а н е д о с т а т о ч н ы. Однако одни лишь фонетические данные вполне достаточны для обобщений, касающихся состояния современной фонетики рассматриваемых языков. Все дело в том, о каких именно обобщениях идет речь. А рецензент не выражается определенно по этому поводу, а как известно, неопределенность выражений является нелогичностью и служит обычно

лишь для прикрытия необоснованности суждения.

В довершение всего рецензент и сам не придает серьезного значения своим замечаниям, ибо дает высокую положительную оценку диссертации.

На стр.I отзыва указывается, что тема диссертации имеет важное научное значение, а на последней пятой странице отзыва читаем: "Разумеется было бы б е с т а к т н ы м [I] в оценке труда У.Ш.Байчуры обращать исключительное внимание на отдельные теоретические положения и сугубо спорные моменты. Ценность труда заключается в огромном экспериментальном материале и ценнейших выводах, непосредственно проистекающих из этого материала. В целом выводы У.Ш.Байчуры касательно природы звукового состава татарского языка и привлеченных им других тюркских языков, общие положения о словесном ударении являются новыми и принципиально значительными. Специалисты в дальнейшем почерпнут в труде У.Ш.Байчуры очень много ценных данных".

" С другой стороны интерпретация добытых экспериментальных данных не всегда может совпадать у разных специалистов, но это обогащает тюркское языкознание, а не обедняет. Тем более, что в последние годы создаются все новые и новые лаборатории экспериментальной фонетики в наших национальных республиках, растут молодые кадры экспериментаторов — фонетистов, для которых труд У.Ш.Байчуры всегда будет иметь большое значение,"

" Внимательное рассмотрение труда У.Ш.Байчуры приводит к

I) Разрядка моя, подчёркнуто мною - У.Б.

тому заключению, что большая ценность исследования позволяет присудить ему искомую высшую ученую степень доктора филологических наук."

" Член - корреспондент АН СССР

А.К.Боровков."

Глава XIX.

ДОПОЛНЕНИЕ В СВЯЗИ С УДАРЕНИЕМ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Второму - после " Консонантизма" основному разделу диссертации - разделу об ударении, который составляет 6,5 печатных листов лишь в книге "Звуковой строй...." (часть II, стр.165-270), не считая еще четырех специальных статей по инструментальному исследованию ударения в разных языках [1] и других работ, в которых рассматриваются вопросы ударения [2].

---

1) а) Experimentalphonetische Baiträge zur Untersuchung des Wortakzentes des Kasan-Tatarischen. Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. V/3-4. Budapest, 1955; б) Характер ударения в мишар-татарском диалекте. Вопросы языкознания, 1959, № 2; в) Sõnarõhk iseloomust udmurdi keeles (kümograafi abil saadud andmete põhjal). Emakeele Seltsi Aastaraamat. V. Tallinn. 1959; г) К вопросу о характере словесного ударения в уйгурском языке. Труды Института языка и литературы АН Казахской ССР. т.2. Алма-Ата, 1961 (Сб. Уйгур филологияси мәсилилири).

2) Например, в статье "К истории изучения фонетики казанско-татарского языка" (за период с 1917-1957)"-Уч.зап. Каз.Университета, том.119, кн.5, 1959. Сб.Памяти В.А. Богородицкого, Казань 1961 - рассматривается фонологическая функция ударения в татарском.

- авторы "обстоятельного"отзыва II посвятили полстраницы (I6-I7), тогда как в "обстоятельном" отзыве I раздел "Ударение", как и раздел "Консонантизм" вообще не рассматривается, то есть вообще не рассматриваются о с н о в н ы е разделы диссертации и отражающих ее печатных работ, но зато в обоих отзывах по десять страниц посвящено рассмотрению нескольких страниц одного небольшого раздела диссертации- о выпадении и протезе гласных.

Авторы отзыва II ведут речь, насколько можно заключить из отзыва, - только о татарском ударении, однако путем неопределенных выражений и абстрактности суждений распространяют свои выводы на все рассматриваемые нами языки, о которых даже не упоминается- в связи с ударением - в отзыве.

Если оставить на время в стороне искажения содержания диссертации, допущенное в отзыве (стр.I6), то , в остальном данное замечание рецензентов сводится к двум моментам: I) диссертант оказывается виноват в том, что р е ц е н з е н т а м н е п о н я т н а диссертация, ибо эта непонятность для рецензентов, не являющихся специалистами по инструментальной фонетике и незнакомых с другими изучаемыми нами языками - кроме татарского - объявляется недостатком диссертации; 2) диссертант якобы не рассматривает ударение в связи с "лексико-грамматическим" значением слов, каковое "рассмотрение ударения в связи с лексико-грамматическим значением слов" приравнивается в отзыве к учету фонологической функции ударения.

Кроме того, в отзыве на стр.I7 содержится лишь голос-

ловное и противоречащее фактам отрицание установленных нами о с о б е н н о с т е й мишар-татарского ударения - в отличие от ударения в казанско- татарском. Последнего вопроса мы коснемся ниже, а прежде рассмотрим" фонологические" возражения, которые приводим целиком. На стр.16 отзыва читаем: "Автор совершенно не учитывает фонологической роли ударения, не рассматривает его в связи с лексико-грамматическим значением слов, ограничиваясь только рассмотрением его фонетической роли. В результате суждения и выводы автора оказываются непоследовательными. Если бы У.Байчура ударение рассматривал в связи с грамматическими категориями, то ему не пришлось бы говорить о каких-то "типах" слов" (кинэт, эмма), о том, что ударение может падать и на первый и на второй слог и т.д. слова, оставляя при этом свои утверждения без всякого объяснения, а наверняка, удалось бы ему указать конкретно в каких случаях какой слог бывает подударным, вывести совершенно определенные закономерности."

Таково замечание. Ни одного факта, одни лишь абстрактные рассуждения, без указания даже названия работ - не говоря уже о страницах.

А там, где есть какой-то намек на факты - утверждения рецензентов опровергаются этими фактами.

Во-первых, фонологическую функцию ударения в татарском я учитываю, как и значение слов и проч. - при изучении ударения.

Это подтверждается следующим:

а) фонологическая функция татарского ударения специаль-

" Подчеркнуто рецензентами - прим. У.Б.

но рассматривается мною в статье "К истории изучения казанско-татарского языка" I) и я даже полемизирую против некоторых авторов, являющихся как и рецензент Л.Махмутова, представителями мишар- татарского диалекта, которые не с л ы ш а т ударения в казанско-татарском и даже вообще о т р и ц а ю т фонологическую функцию ударения в татарском. Рецензенты, пишущие отзыв якобы на все мои работы, сделали вид, что не читали этой моей статьи, но в действительности противопоставляют выводы в этой моей статье м о и м же другим работам. Однако не приводят ф а к т о в в подтверждение своих голословных утверждений. О статье же этой - умалчивают.

б) Фонологическую функцию рецензенты понимают как смыслоразличительную - в соответствии со структуралистскими взглядами (напр., в Москве - А.А.Реформатского), что видно из приведенной цитаты, в которой якобы отсутствие учета фонологической функции ударения в диссертации, так сказать, "обьясняется" рецензентами будто бы отсутствием "рассмотрения его в связи с лексико-грамматическим значением слов."

Однако последнее утверждение не соответствует действительности и опровергается ф а к т а м и .

Например, на стр. I69-I89 и других II части " Звукового строя" дается перевод каждого слова и слова группируются так, как указывает материал (а не представления рецензентов), причем нами учитываются разнообразные части речи,

I) См. упомянутый сборник : Памяти В.А. Богородицкого, I96I, стр.385-386.

аффиксы. Так, при изучении ударения нами учтены: I) существительные, прилагательные, числительные, личные и неличные формы глагола и др. ; 2) слова, состоящие из одних основ и слова, образованные путем наращения основ аффиксами; 3) имена в именительном и ряде косвенных падежей; 4) всюду особо выделяются слова, которые согласно орфоэпическим нормам, должны, в отличие от общего правила, (о конечном ударении) произноситься с ударением на первом, а не на последнем слоге; 5) цифровые данные приводятся по каждому слову отдельно, после чего идут обобщения и т.д.

И даже а автореферате (стр.34-37,39,41,45,46 и др.) учтены существительные, прилагательные , личные и неличные формы глагола, особо выделены слова, которые согласно орфоэпическим нормам должны иметь ударение на первом слоге (но фактически не всегда в говорах имеют), исследуется картина словесного ударения в словосочетаниях, ряде простых предложений, фразовое ударение, сравнивается татарское ударение в прозаической и поэтической речи и т.д., причем всюду приведены конкретные цифровые данные по каждому примеру: слову фразе, предложению и т . д. и каждый пример снабжен п е р е в о д о м на русский или иной язык (в отличие от отзыва рецензентов).

Таким образом, в диссертации у ч и т ы в а е т с я з н а ч е н и е слов и их форм, фраз и предложений.

Именно н а л и ч и е учета значения слов и форм и т.д. рецензенты обьявляют о т с у т с т в и е м учета значения, что подтверждается и тем, что у меня всюду и везде дается п е р е в о д

слов, тогда как в работах самих рецензентов далеко не всегда имеется перевод; более того, при "цитировании" в отзыве рецензенты о п у с к а ю т мои переводы, а затем заявляют, что якобы диссертант не учитывает значения слов и форм (стр.II,I2,I3 и др. отзыва).

Однако рецензенты обязаны были предупредить читателей и слушателей, что под "отсутствием" (учета) они понимают н а л и ч и е (учета) и наоборот, ибо ввиду отсутствия таких оговорок в отзыве создается неправильное представление у читателей и, особенно, - с л у ш а т е л е й и неязыковедов, незнакомых с работой, на которых рассчитан этот отзыв (см. стр.8 отзыва). *

Изложенное показывает, что утверждение в отзыве - о якобы отсутствии учета - не подтверждается фактами. Речь могла бы итти лишь о том, что в ы в о д ы диссертации не согласуются с представлениями рецензентов: а) в самом определении фонологии и того, что является фонологическим; б) в конкретных выводах о том, на какой слог слова или группы слов приходится то или иное ударение в тех или иных словах - в диалектах и говорах.

Рецензенты и сами подтверждают последний наш вывод, ибо голословно возражают на следующей странице - по поводу определения места ударения в диалектах, диалектальных словах.

Однако несогласие с в ы в о д а м и диссертации не дает еще научного основания для заявления о якобы отсутствии учета значения слов и фонологической функции ударения.

Рецензенты были обязаны сказать, что возражают они против в ы в о д о в, основанных на этом учете.

Под якобы отсутствием учета значения слов рецензенты имеют в виду тот факт, что согласно нашим инструментальным данным в ряде слов, произносимых в литературном языке с ударением на первом слоге, тем не менее в ряде говоров казанско-татарского нами зафиксировано ударение на последнем слоге - вопреки литературным нормам - в отношении этих слов и , напротив, в мишар-татарском нами зафиксирован целый ряд случаев, когда слова произносятся с ударением на первом слоге - вопреки литературным нормам, требующим в этих словах конечного ударения.

Рецензенты голословно отрицают эти диалектальные особенности. Но они не о с м е л и в а ю т с я прямо заявить об этом сразу же и толкуют о якобы " неучете" значений слов. Только, так сказать, в пост-скриптуме, на следующей стр.17 они раскрывают, что они имеют в виду расхождение конкретных выводов диссертанта и априорных впечатлений рецензентов.

Метод рецензентов заключается в том, чтобы итти от значения - к произношению: именно, если в литературном языке аффикс подударный, следовательно - он подударный и во всех говорах, а если наши инструментальные данные показали, что не во всех говорах этот аффикс принимает ударение, то (якобы) следовательно (будто бы) диссертант не учитывает значения слов, а инструментальный метод - якобы неправилен.

На протяжении всего или почти всего отзыва рецензенты при "цитировании" или пересказе содержания "рецензируемых" работ систематически опускают содержащиеся в моих работах переводы примеров, не оговаривая своего подобного произвольного обращения с чужими работами. И только на 13-й странице з а п р я т а н о подстрочное примечание: "для краткости переводы примеров опускаем", которое одинаково может быть отнесено и к самим рецензентам, ибо во-первых не указано то, ч ь и переводы рецензенты опускают, а во - вторых, -не указано то, что во всех моих работах с о д е р ж а т с я переводы; в -третьих - это примечание содержится в другом разделе отзыва (о выпадении) и поэтому не может быть отнесено к разделу отзыва об ударении.

Рецензенты аппеллируют к неязыковедам и к тем, кто незнаком с татарским языкознанием и можно подумать, что для того, чтобы создать неясность и запутать дело, они опускают переводы, которые, однако, имеют существенное значение уже по той причине, что показывают, в каких случаях нами рассматриваются изолированные слова, а в каких случаях - связная речь. Рецензенты же с м е ш и в а ю т изолированные слова со связной речью - в отзыве - и опускают переводы, тем самым л и ш а я возможности понять суть дела для тех, кто является языковедом, но не знаком с татарским языком, лишая возможности понять то, что нашему рассмотрению слов в связной речи рецензенты противопоставляют слуховые впечатления об и з о л и р о в а н - ных словах в их словарной форме.

Вот другой наглядный пример.

На стр. I6 отзыва (цитировано) рецензенты заявляют, что диссертант " говорит о каких-то типах слов (кинэт, эмма)." Что может извлечь из этого заявления языковед, не знающий татарского языка и не знакомый с работой ? На основании этого отзыва слушающий или читающий решит: диссертант говорит о неизвестных двух типах слов, из которых один в диссертации называется типом "кинэт", а другой в диссертации называется типом "эмма".

Между тем ничего подобного я не говорю и типов таких не выделяю, а в автореферате, откуда без указания даже названия работы взяли рецензенты слова "кинэт", "эмма", говорится (на стр.34-40,49 и др.), что силовое и экспираторное ударение, как и повышение высоты тона и восходящее его движение в общем характерны для конечного слога татарских слов, " если не говорить о словах типа kinәt «внезапно» әmmа «однако» или appaq «белый-белый», в которых согласно орфоэпическим нормам ударение приходится на I-й слог, а также о втором лице ед.числа повелительной формы глагола, хотя в последнем случае нередко ударение, в т.ч. тонический акцент переносится также на последний слог" (стр.34 автореферата). А то, в каких случаях в этих словах переносится ударение на последний слог - излагается I) на последующих страницах того же автореферата (стр.35-48 и др.); в книге " Звуковой строй..." часть II, напр., на стр. I69-I92, особенно это видно из таблиц - по каждому слову, по каждому диктору, причем всюду (повторно) указан и район

происхождения диктора (Если рецензенты даже не могли все уяснить из автореферата, - кто мешал им взглянуть в книгу ?)

Приведенные цитаты и ссылки показывают, что в диссертации и др. работах отнюдь не идет речи о "каких-то" загадочных двух "типах слов": о типе "кинэт" и о типе "эмма" - как это представлено рецензентами, внушающими неправильное представление о диссертации и др. работах. Цитаты показывают, что речь идет в моих работах о типах слов: I) с ударением на первом слоге, каковой тип иллюстрируется словами kinэt "внезапно", эmma "однако", аppaq "белый-белый" (т.е. усилительная форма прилагательного), повелительной формой глагола и др. , в которых, как известно из школьной грамматики, ударение в литературном языке должно быть на первом слоге; 2) о словах с ударением на последнем слоге, к каковому типу относится подавляющее большинство слов казанско-татарского языка.

Таким образом, я говорю не о типах слов "кинэт" и "эмма", а говорю о типах слов I) с ударением на первом слоге и 2) с ударением на последнем слоге.

Слова же кинэт " внезапно", эмма " но, однако" являются словами татарского языка, имеющими реальное значение и приведены мною - наряду с другими лишь для иллюстрации - чтобы напомнить о б щ е и з в е с т н о е ш к о л ь н о е правило.

Рассмотренное показывает, что данный раздел этого "обстоятельного" отзыва составлен лицами, понятия не имеющими о татарском языке, а наши двое авторов подписавшие

отзыв, не являются составителями этой части отзыва. Ибо и с к л ю ч а е т с я то, что рецензенты не понимают значения этих двух татарских слов. Повидимому по недосмотру этих двух соавторов отзыва, они в своей рецензенции оставили без исправления замечания , составленные их консультантами, не в л а д е ю щ и м и татарским языком. (Таким консультантом мог быть, напр., А.А.Реформатский или др.).

Сказанное подтверждается и заявлением в отзыве - о том, что нужны якобы дополнительные "обьяснения" того, " в каких случаях какой слог бывает подударным" в татарском языке.

Это означает, что автор данного замечания н е в л а д е е т п р а к т и ч е с к и татарским языком вообще, и повидимому рецензенты наши, поверив авторитету своего консультанта, оставили без изменения данное замечание.

Ибо если эти строки действительно написаны Л.Махмутовой и Х.Курбатовым, то тогда остается только заключить, что они вполне сознательно внушают неправильное представление тем, кто не знает татарского языка. Доказательство это/му следующее.

Во-первых. Можно взять едва ли не любой школьный или вузовский учебник по грамматике татарского языка и узнать из него, что в татарском языке (имеется в виду литературный, казанско-татарский) ударение, как правило, приходится на последний слог и что имеются некоторые исключения из этого правила, причем список этих немногочисленных исключений приводится обычно в каждой грамматике.
Для примера можно взять хотя бы Грамматику Г.Алпарова (см.

в библиографии), в которой содержится один из наиболее полных подобных перечней аффиксов, не принимающих на себя ударения и слов с ударением не на последнем слоге, Замечания об ударении в татарском (основанные на слуховых данных) содержатся и в статье Г.Шарафа "Сонарная длительность....гласного а ". Некоторые замечания есть и в статье В.А.Богородицкого "Движение тона...". Все авторы пишут, что ударение в татарском, как правило, приходится на последний слог (главное ударение). К тому же сводится традиционная точка зрения на ударение в тюркских языках вообще.

Не знать всего этого может только человек, не знакомый ни практически, ни теоретически ни с одним из тюркских языков, в том числе и о словах кинэт , эмма, ибо эти слова имеются в большинстве тюркских языков.

Во-вторых, такой же школьной истиной является то, что смыслоразличительная функция ударения в татарском языке, как и во многих тюркских ограничена, что видно уже из изложенного и из любого учебника. Ибо в подавляющем большинстве слов имеем ударение на последнем слоге, но этим словам - за упомянутыми исключениями - не противостоят слова с тем же звуковым составом, но с ударением не на последнем слоге, например, слову ар'ба "телега" (с ударением на последнем слоге) не противостоит слово 'арба - с ударением на первом слоге, слову урын'дык "стул" (с ударением на последнем слоге) не противостоят слова 'урындык или же у'рындык (с ударением на первом

или втором слоге) и т .д. и т.п. Лишь в некоторых случаях, при некоторых аффиксах получаются противопоставления типа: бул'мә "комната" - 'булмэ "не дели", ал'ма "яблоко" - 'алма "не бери " и т.п. и как указано, список таких противопоставлений весьма незначителен и всем известен - даже из школьных грамматик и их знает практически каждый носитель языка - и без грамматик.

В подавляющем же большинстве татарских слов нет подобного противопоставления.

Таким образом, требование в отзыве указать , "какой слог бывает подударным"(фонологически) является требованием излагать в докторской диссертации содержание школьных учебников, того, что знают и дети, и, следовательно, это требование предьявлено теми, кто не знает татарского языка и не является тюркологом (видимо-консультантами рецензентов).

С другой стороны, это требование в отзыве - о рассмотрении ударения в связи с его смыслоразличительной функцией означает по сути дела требование рассмотреть ударение в связи с тем, что не существует. В связи с н у л е м. В связи с н и ч т о.

В этом софизм данного требрвания.

Ибо те немногие случаи, когда и м е е т с я смыслоразличительная функция ударения в татарском - она изложена в элементарных учебниках и общеизвестна для носителей языка, а в тех случаях, когда н е и м е е т с я смыслоразличительной функции ударения - её и невозможно рассматривать.

Рассмотрением подобных вопросов может заниматься лишь

А.А.Реформатский, считающий , что фонема (=функция, понятие) может реализоваться в нуле звука, то есть нуль "реализуется" в нуле.

Однако мы не ставили задачей настоящей диссертации изучение того, так как н и ч т о "реализуется" в н у л е.

Смыслоразличительная функция ударения в мишар-татарском не больше, чем в казанско-татарском и литературном языке, а скорее и того меньше. Это подтверждается и тем, что представители мишар-татарского диалекта нередко вообще отрицают наличие какой бы то ни было фонологической функции ударения в татарском, перенося закономерности собственного говора на весь татарский язык , ввиду чего я вынужден был специальнс рассмотреть этот вопрос в своей статье " К истории....." - в связи с одной книжкой, автор которой - представитель мишар-татарского наречия - отрицал вообще наличие фонологической функции ударения в татарском [1])

Заявление рецензентов о том, что диссертант не вывел определенные закономерности ничем не подтверждено и опровергается диссертацией и отражающими её работами, в которых , как указано, - вопреки голословному заявлению рецензентов - совершенно точно, в цифровых показателях определено то, какой слог каждого рассматриваемого слова является ударенным и в каких случаях, а затем идут общие выводы (см.,напр., стр. I69-I89 II части "Звукового строя"). Другое дело, что наши выводы расходятся с представлениями рецензентов, что

I) См. об этом в Сб. Памяти В.А.Богородицкого, Казань, I96I, стр.385-386.

они и сами подтверждают на следующей (I7) странице отзыва. Так это и надо было сказать с самого начала, а не относить в"пост-скриптум" и не предпосылать этому постскриптуму голословные заявления, опровергаемые фактами.

Несостоятельным является и неопределенное выражение рецензентов: " тогда ему не пришлось бы говорить....о том, что ударение может падать и на первый и на второй слог и т.д. слова" (хотелось бы знать, из чего состоят - по мнению рецензентов - слова, помимо слогов ? Ведь " и т.д." что то должно, казалось бы, означать ? А из чего еще - кроме слогов - состоят слова ?)

Неопределенность выражений означает их неистинность - согласно л о г и к е .

Нетрудно убедиться в многосторонней несостоятельности и последнего высказывания рецензентов.

Не случайно отсутствуют в отзыве и какие-либо ссылки даже на название работ - не говоря уже о страницах.

В диссертации и др. работах рассматривается как указано,то, к а к о е именно ударение приходится на тот или иной слог слова, а не вообще ударение.

Софизм рецензентов заключается в том, что они умалчивают о том, о к а к о м ударении и при к а к и х условиях они ведут речь: о фонологическом ли ударении или нет, о словесном ударении или фразовом, о силовом, экспираторном, тоническом или иномударении, о главном или второстепенном ударении и т.п. , об ударении ли в говорах и

диалектах или в литературном языке, об ударении ли в ка - зажско-татарском или же в мишар-татарском и т.д. Это во-первых.

Во-вторых, как известно (и вновь доказано мною экспериментально), в каждом слове может быть несколько ударений: разных по силе и по качеству. Возражая против этого известного положения, рецензенты были обязаны привести доводы, а между тем они ограничиваются голословным и к о с в е н - н ы м отрицанием (прямо отрицать не решаются).

В- третьих, как известно, в одном и том же слове, но в разных говорах, диалектах, ударение может приходиться и на первый и на последний слог - в зависимости от диалекта. Рецензенты же умалчивают о том, ведут ли они речь о разных говорах или нет.

В - четвертых, как известно, при связной речи место ударения может иногда меняться. Рецензенты не уточняют того, имеют ли они в виду связную речь или изолированные слова.

В - пятых, даже в одном и том же слове, в речи одного и того же диктора, как предполагал В.А.Богородицкий, воз - можно в некоторых наречиях д в а ударения: и на первом и на последнем слоге: тоническое в начале, экспираторное - в конце. Возражая против того, что ударение может падать и на первый и на второй слог слова, рецензенты, видимо, не были знакомы и с точкой зрения В.А.Богородицкого, которую фактически они также отрицают своим этим замечанием.
И требование рецензентов об обьяснениях по этому поводу -

- о двух ударениях - свидетельствует и о том, что они не знакомы и с работами В.А.Богородицкого, в частности с его статьей " Движение тона в словах двусложных и трехсложных в татарском языке" и ничего не поняли в данном инструмен - тальном исследовании.

Продолжать нет необходимости. Напомним лишь, что в каждом слове, упоминаемом нами в разделе книги об ударении и др.работах указывается в цифрах, на какой слог этого каждого конкретного слова, каждого и з м е р е н и я слова падает силовое ударение, повышение тона и т.д. и дается перевод слов.

В итоге получается, что данное замечание в отзыве состоит: I) из нагромождения неопределенных голословных заявлений, опровергаемых ф а к т а м и , 2) искажений содер - жания рецензируемых работ; 3) из попыток в н у ш и т ь неправильное представление о татарском языке; 4) из признания авторов "обстоятельного" отзыва, что они н е п о - н я л и рецензируемые ими работы и что рецензенты н у ж - д а ю т с я в дополнительных разъяснениях.

Содержание же их данного замечания показывает, что для того, чтобы сделать рецензентам понятным этот вопрос,- необходимо написать элементарный учебник, рассчитанный на тех, кто п р а к т и ч е с к и (не только теоретически) н е в л а д е е т татарским языком. [Поэтому то и сомнительно, что рецензенты самостоятельно писали (по крайней мере) данный раздел.]

По сути дела этим я и был вынужден заниматься - в зна-

чительной мере - в данном дополнительном томе.

Свои полстраничные замечания в связи с ударением рецензенты завершают следующим (стр.I7) : " Попытка противопоставить мишарский диалект среднему диалекту в данном случае, (как и в других случаях, о которых говорилось выше) также несостоятельна и, по всей в е р о я т н о с т и , потому, что материал записан неправильно".

В виде пояснения к этому месту в сноске сказано: "Отличие мишарского диалекта от среднего диалекта заключается как раз не в том, в чем видит У.Байчура." Далее в тексте читаем: "Ошибку можно заметить даже по старым заимствованным слова I), бурэнэ, бучка кадушка, кринка, Маруся, дэдэй, лыжа, бутылка, палка, тратайка, лайка, майка и мн.др! (Изложенным исчерпываются замечания об ударении в "обстоятельном" отзыве - прим. У.Б.).

Рецензенты здесь не "противопоставляют" мишарский диалект "среднему". Они, напротив, с м е ш и в а ю т эти диалекты, их диалектальные особенности, тем самым о т к а з ы в а я с ь от в с е х своих собственных статей. Ибо "противопоставление" мишарского "среднему" диалекту имеется только в I части "Звукового строя " - в разделе Консонантизм, где это " противопоставление" представляет собой излагаемые нами (в дополнение к нашим инструментальным данным) слуховые наблюдения с а м и х р е ц е н з е н т о в - причем там всюду указаны работы рецензентов, из которых много взято то или иное " противопоставление"

I) Орфографию отзыва сохраняю - У.Б.

(и огрехи)

(См., напр., стр. I05,I09,II2,II3,II5,II7,I24,I25,I34,I35, I38 и др. - в I части книги). При этом большая часть этих "противопоставлений" относится к противопоставлению говоров "среднего диалекта" литературному языку, а не к противопоставлению " среднего диалекта" мишарскому.

Логика авторов "обстоятельного" отзыва такова: когда они с а м и отмечают диалектальные различия - то это наука, а когда диссертант ссылаясь на этих же рецензентов упоминает о таких же различиях, - то это якобы несостоятельное "противопоставление".

К разделу же об ударении эти " противопоставления" "среднего диалекта"мишарскому" вообще не имеют никакого отношения, ибо даже термин "средний диалект" не употребляется нами в этом разделе, а речь идет только о казан-татарском (не совпадающим со "средним"по признанию и самих рецензентов в отзыве) и о мишар-татарском.

Поэтому, если действительно имеются какие либо ошибки в указанном противопоставлении " среднего" диалекта "мишарскому", - то все претензии следует направлять по адресу самих рецензентов. Это во-первых.

Во-вторых, здесь вновь (в который раз !) результатам инструментальных данных противопоставляются I) вообще голословные заявления : "отличие ... не в том, в чем видит У.Байчура " (в чем же ? Об этом тоже ни слова в отзыве); 2) десяток слов на бумаге, выдаваемых за результаты слуховых в п е ч а т л е н и й, полученных органами ч у в с т в рецензентов.

И так как результаты инструментальных данных не согласуются с голословными (утверд) убеждениями рецензентов, то пос - ледние объявляют неправильными и результаты экспериментов и сам инструментальный метод в диссертации.

Дело этим не исчерпывается, ибо говоря об ударении я пишу об исконно-тюркских словах (за редкими исключениями), а рецензенты приводят в якобы "опровержение" десяток якобы з а и м с т в о в а н н ы х слов, снабдив их значками ударения на последнем слоге, причем не оговаривают даже того, к какому, собственно, диалекту они относят эти якобы заимствования (не говоря уже о говорах, тем более - о диалектах), ибо в татарских говорах их большей частью нет, так как употребляются обычно другие слова тюркского корня, напр., чангы, а не "лыжа", таяк, а не "палка", кисмэк, а не "кадушка" и т.д., собственные имена, как Маруся вообще произносятся по разному и не могут быть примером, а уж если говорить о данном слове как заимствованном, то как известно, это слово имеет форму Марҗа < русское Марья и т.д.

Но и это далеко не все, ибо рецензенты вообще не дают определения тому, ч т о они называют ударением. Между тем, все приведенные ими слова будто бы татарского языка о к а н ч и в а ю т с я н а г л а с н ы й - /3.

Поскольку же, как показано было выше, в о в с е х без исключения исследованных нами тюркских и финно-угорских языках и диалектах гласный в абсолютном исходе приобретает длительность, значительно (в I,5 - 2 раза) пре

восходящую длительность любого предшествующего гласного (при прочих равных условиях) - совершенно независимо от ударения, то отсюда следует, что за "ударение" рецензенты принимают д о л г о т у гласного.

Во всех этих около десяти словах, приводимых в отзыве, ударение не играет смыслоразличительной функции - как известно.

В итоге подтверждается вывод о том, что данное замечание составлено, опять таки, лицами, п р а к т и ч е с к и не знающими татарского языка (не только теоретически) и не знающими ф о н е т и к и . Причем главный соавтор - Л.Махмутова (Х.Курбатов тут играет лишь роль приложения) не в состоянии внести коррективы с учетом татарского языка - не в состоянии по той причине, что, как известно, не владеет в достаточной мере татарским языком вообще, что лишний раз подтверждается тем, что никто и никогда не слышал её выступлений и не читал её работ на т а т а р с к о м языке. I)

Наконец, последнее - в связи с ударением.

Рецензенты утверждают, что якобы "суждения и выводы автора оказываются непоследовательными", хотя, как мы видели, это утверждение не подтверждено никакими фактами и более того, рецензенты не упоминают даже н а з в а н и й

I) Как это нередко встречается среди представителей мишар-татарского наречия, Л.Махмутова и Л.Заляй, не владеют также в достаточной мере и русским языком, говорят с а к ц е н т о м, ибо их родной говор представляет собою некую смесь того и другого.

работ, а не только страниц, к которым они относят эту якобы непоследовательность.

Между тем, как известно, в экспериментальной , опытной работе по сути дела только одна последовательность имеет значение: именно, соответствие между опытными данными - с одной стороны и выводами из этих данных - с другой. Рецензенты даже не касаются экспериментальных данных. Они аргументируют якобы непоследовательность выводов диссертации только нагромождением других, столь же голословных и бездоказательных заявлений, построенных к тому же на искажении содержания работы и общеизвестных фактов татарского (и тюркских) языка и в заключение требуют объяснений по поводу элементарных школьных истин, ибо рецензентам или их консультантам они, оказывается, неизвестны.

Рассмотренное выше показывает, что под "непоследовательностью" рецензенты понимают отсутствие соответствия между выводами диссертации с одной стороны и между априорными предположениями и слуховыми впечатлениями рецензентов - с другой, а вовсе не имеют в виду якобы отсутствие соответствия между инструментальными данными с одной стороны и выводами диссертации - с другой. Таким образом, вновь мы имеем дело со своеобразным,(так сказать, домашним) пониманием о б щ е и з в е с т н ы х терминов и понятий - рецензентами.

Последняя цитата из отзыва (выше) иллюстрирует то, к а к понимают последовательность авторы "обстоятельного" отзыва.

В указанной цитате якобы неправильность вывода диссер-

тации - о смещении ударения на первый слог в мишарском - так сказать, "аргументируется" тем, что будто бы " материал записан неправильно", а последнее, так сказать, "доказывается" голословным заявлением, что "отличие мишарского диалекта.... не в том, в чем видит У.Байчура."

Таким образом, логическая схема суждения рецензентов сводится к тому, что I) выводы неверны, так как неправилен метод (запись) , 2) метод же неправилен, так как выводы неверны.

И никаких фактов в подтверждение ни того, ни другого утверждения не приводится.

В результате имеем суждение по типу: земля на ките, кит на воде, вода на земле.

Это, по мнению рецензентов, - последовательное суждение. Но в таком случае рецензенты имеют в виду не ту последовательность, которая обычно обозначается словом "последовательно", а иную.

То есть под словом "последовательный" они имеют в виду непоследовательное, и наоборот. Однако не предупреждают читателей и слушателей о своем особом понимании общеизвестных терминов, в виду чего и создается неправильное представление, особенно - при слуховом восприятии, особенно - теми, кто не знаком с работами, особенно- теми, кто не тюрколог, особенно - неязыковедами , к которым как раз и аппеллируют - аппеллируют против языковедов - рецензенты на стр. 8 отзыва и внушают, что вся разница между языковедами и неязыкове -

дами лишь в том, что последние не знакомы с фонетической транскрипцией и на этом якобы основании в цитатах из моих книг заменяют около 150 фонетических знаков 38 буквами современной орфографии, опускают мои переводы, а затем заявляют (без ссылок), что У.Байчура (вообще) берет за основу слова в их написании и якобы не обращает внимания на значение слов.

РАЗДЕЛ УI

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В известном предисловии к Анти-Дюрингу, Фридрих Энгельс отмечает как широко распространенный в Германии XIX века факт-существование обильной литературы, авторы которой руководствуются, так сказать принципом: писать о том,чего не изучил и выдавать это за единственно правильный научный метод.

Факты, рассмотренные нами в настоящем томе показывают, что указанное течение в Германии XIX века нашло своих более или менее достойных, хотя и относительно малочисленных преемников и продолжателей - также в России - в области языкознания.

Кардинальный принцип этого направления - писать о том, чего не изучил и выдавать это за единственно правильный научный метод - определяет собою и, так сказать, научные приемы всего данного направления - от В.Смирнова -до его продолжателей в наши дни.

Как известно, путь познания идет от практики, от фактов-к теории, к абстрактному мышлению, от последнего - вновь к практике и к осмыслению фактов, а от последних же - к н о в о й теории, учитывающей уже п о в ы е факты -и так далее. Этот процесс бесконечен, но основой всего, всех заключений и теорий является о п ы т , ф а к т ы .

Как указывает В.И.Ленин (Философские тетради. К вопросу о диалектике), любой отрезок этого непрерывного познания может быть односторонне превращен в абсолют, оторванный от

всего процесса.

Именно это происходит тогда, когда оценивают н о в ы е факты с точки зрения с т а р ы х теорий, основанных н а с т а р ы х фактах и исходя из этих теорий, соответствующих прежнему, меньшему количеству известных науке фактов, голословно отрицают иногда само существование н о в ы х фактов - вместо того, чтобы внести коррективы в с т а р ы е теории - на основе н о в ы х фактов.

"Мы все согласны" - пишет Ф.Энгельс - "с тем, что в любой научной области - как в области природы, так и в области истории - надо исходить из данных нам фактов, стало быть, в естествознании - из различных предметных форм и различных форм движения материи, и что, следовательно, также и в теоретическом естествознании нельзя конструировать связей и вносить их в факты, а надо извлекать их из фактов, и, найдя, доказывать их, насколько это возможно, о п ы т н ы м путем"[I)]

В "Немецкой идеологии" читаем: "Эмпирическое наблюдение должно в каждом отдельном случае - на опыте и без всякой мистификации и спекуляции - вскрывать связь общественной и политической структуры с производством".[2)]

Подобных высказываний можно привести сотни - из одной только "Диалектики природы".

А вот какую оценку рассматриваемому нами направлению в языкознании дает один из идейных вождей этого направления - Б.А.Серебренников:

I) Диалектика природы, 1948, стр.28 (Разрядка моя -У.Б.)

2) Маркс и Энгельс, том IУ, стр.24.

"Сталинский режим на протяжении десятков лет культивировал определенный стиль научной работы, определенные черты научного поведения, выражающиеся в пристрастии к заранее установленным догмам и канонам, в стремлении подменить нормальный процесс научного исследования всякого рода п о д г а с о в к а м и и приспособлением языкового материала к заранее сформулированным готовым схемам, в склонности к различным а п р и о р н ы м и г и п е р г р о ф и р о в а н н ы м обобщениям, не говоря уже о том, что сталинский режим в высшей степени способствовал развитию различных негативных качеств - б р я з н и, как бы чего не вышло, л е н о с т и м ы с л и и т.д.[1]".

"Можно без всякого преувеличения сказать, что сталинский период оказал влияние в большей или меньшей степени на всех советских языковедов. Этому влиянию, несомненно, подвергались и мы, руководители Отделения литературы и языка АН СССР. Нам также в свое время были свойственны догматизм и робость. Мы знали о недостатках сталинского учения о языке, но часто боялись о них говорить и их замалчивали. Поэтому мы не можем снять с себя известной доли ответственности за промахи, которые были допущены в развитии советского языкознания. Тлетворное влияние сталинского режима, несомненно, сознательно или бессознательно закреплялось в виде определенных привычек, которые, может быть, уже неосознанно, но все же проявляются и в настоящее время".[2] Это написано в 1964 г. И автор цитированных строк, вероятно, еще считает себя марксистом.

---

1) Разрядка всюду здесь моя - У.Б.

2) Б.А.Серебренников. "О ликвидации последствий культа личности Сталина в языкознании". Сб.Теоретические проблемы современного советского языкознания, Изд."Наука", Москва, 1964, стр.109.

Получается по Б.А.Серебренникову, что это "сталинский режим" в 1962 году заставил Б.А.Серебренникова не давать слова диссертаету на защите, перед защитой допустить некое подобие того, что описано Марком Твеном в рассказе "Как я баллотировался в губернаторы штата", а затем, в начале 1963 г. будто бы "сталинский режим" заставил Б.А.Серебренникова - в объяснительном письме в ВАК - объявить "обстоятельными" рассмотренные выше два отзыва и этим внушить, что эти два отзыва будто бы научны и более того, что будто бы эти два отзыва неспециалистов заслуживают большего внимания по сравнению с семью протоколами обсуждения диссертации в специальных учреждениях страны, по сравнению с отзывами специалистов из десяти советских республик, по сравнению с отзывами специалистов из-за рубежа, по сравнению с отзывами четырех оппонентов и по сравнению с блестящим положительным отзывом самого Б.А.Серебренникова - от 1960 г., от которого он отказался, т.к. отзыв не был зачитан

По Б.А.Серебренникову получается, что в 1962 г. он "неосознанно" проявляете б е с п р и н ц и п н о с т ь - будто бы из боязни "сталинского режима", что в недостатках с а м о г о Б.А.Серебренникова виноват якобы "сталинский режим", хотя и годы культа личности не заставили отказаться от научных взглядов и методов большинства ученых.

По Б.А.Серебренникову получается, что все советские языковеды руководствовались и руководствуются теми же ненаучными принципами, которые изложены самим Б.А.Серебренниковым.

Это совершенно несостоятельная попытка очернить в с е х советских языковедов и этим путем найти себе какое-то подобие

оправдания.

Не говоря уже о советских языковедах, погибших в годы культа личности(но оставивших труды) большинство лингвистов отнюдь не исходило из предвзятых идей, как это делает Б.А.Серебренников и его немногочисленные последователи и соратники наподобие А.А.Реформатского и др. И это доказывается обширной лингвистической литературой, в том числе - принадлежащей не только языковедам различных советских республик, но даже языковедам из центра, из Москвы, Ленинграда и др., например, чл.-корр.АН СССР Н.К.Дмитриеву (умер в 1954 г.) и других.

Отказ от научного мышления, аргументация от идей - к фактам - это затронуло лишь таких, как Б.А.Серебренников, А.А.Реформатский и др. и дело тут не столько в культе личности, сколько в пережитках более древних эпох в сознании представителей указанного направления. Тогда как б о л ь ш и н с т в о советских языковедов исходило и исходит из ф а к т о в и идет от фактов к теории, к идеям, к заключениям и выводам и не подгоняет факты к априорным заключениям. Во всяком случае Б.А.Серебренников обязан д о к а з а т ь на фактах свое голословное обвинение по адресу в с е х советских языковедов.

Если "сталинский режим" и оказал влияние на многих, то это влияние выразилось в большинстве лингвистических трудов лишь в у п о м и н а н и и и м е н и Сталина, а н е в о т к а з е о т н а у ч н о г о м е т о д а.

Такой отказ от науки характерен только для Б.А.Серебренникова, А.А.Реформатского и небольшого числа их последователей.

И даже сам акад.В.В.Виноградов (в той же брошюре, стр.29)

пишет: "Можно назвать значительное количество таких работ, где упоминание имени Сталина и цитирование его брошюры носили чисто внешний, декларативный характер, не отражаясь существенно на содержании самого исследования. Но бесспорно, что одновременно с такими трудами выходили книги и статьи, в которых ошибочные или неточные положения Сталина определяли самое существо работы".

Именно к последним и относятся работы Б.А.Серебренникова, выступавшего в качестве, так сказать, теоретика. И именно поэтому Б.А.Серебренников не различает тех, у кого ссылки на Сталина носили чисто внешний характер и не отражались на содержании работы - от тех, у кого, подобного самому Б.А.Серебренникову, неправильные положения Сталина определяют с у щ е с т в о работ.

Однако несостоятельна и попытка объяснить все свои недостатки эпохой - потому, что никакой "режим" не требовал от Б.А. Серебренникова, например, принять понятия и терминологию князя Н.С.Трубецкого и не давать ссылки на труды предшественников и так далее. Б.А.Серебренников делает вид, что с о б с т в е н н ы х ошибок у него нет.

После XX съезда КПСС имела место реабилитация того, что н е з а с л у ж е н н о осуждалось до 1954 г. Однако было и такое, что осуждалось з а с л у ж е н н о , например, учение князя Н.С.Трубецкого - о фонеме. Однако соратник Б.А.Серебренникова - А.А.Реформатский решил по этому поводу преподнести в 1960 г. читателю в качестве "реалистического" - учение о фонеме Н.С.Трубецкого, который подписался под формулой, что фонема-

фикция, что эта "фикция" способна лишь " реализоваться" (или "воплощаться" -от слова "плоть" - 13) в реальные звуки и "конструировал" реальные свойства фонемы, исходя из ее функции и места " в системе", а не исходя из реальных звуков речи, определял качество р е а л ь н ы х звуков - исходя не из изучения действительности, а, напротив, исходя из а п р и о р н ы х идей - при определении реальной действительности, ввиду чего и было это учение, от которого давно отказались и на западе, окрещено датским ученым О.Есперсеном - " бумажной фонетикой".

Отсутствие содержания или нереальное содержание прикрывается в статьях "бумажно-фонетической" терминологией, как например, - в статье Б.А.Серебренникова - "О взаимосвязи языковых явлений..." (Вопросы языкознания, 1964).

Голословно и заявление Б.А.Серебренникова: "мы знали о недостатках сталинского учения о языке , но часто боялись о них говорить..." После 1954 года могли о них говорить, после XX съезда КПСС можно было не бояться, однако молчали до1963 года. Якобы "знание" это Б.А.Серебренниковым никакими реальными фактами не подтверждено - в отличие от действительных знаний ряда других языковедов, не являлвшихся тогда "руководителями Отделения литературы и языка" и действительно знавших о многих недостатках указанного учения, что видно из их трудов.

Только п о с л е т о г о , как р я д о в ы е лингвисты, в том числе - с п е р и ф е р и и - выступили против сталинских положений, только п о с л е этого бывшее руководство ОЛЯ , от имени которого писал Б.А.Серебренников,- т о ж е

выступило.

О важной роли экстралингвистических факторов было известно и до 1950 г. И именно Б.А.Серебренников и другие обрушивались на тех, кто отстаивал значение этих факторов

В начале 1962 г. в автореферате докторской диссертации на стр. II мною была показана б е с с о д е р ж а т е л ь н о с т ь понятия "внутренние законы" "развития языков" и вновь указана важная роль экстралингвистических факторов, недооценивавшаяся группой Б.А.Серебренникова.

Однако лишь в 1963 году бывшее руководство ОЛЯ АН СССР высказалось по этому вопросу, п о д т в е р д и в важность экстралингвистических факторов и ограничив "внутренние законы" - за счет первых - Изв.АН СССР ОЛЯ, т.XXII, вып.4, статья В.В.Виноградова "О преодолении последствий культа личности в советском языкознании".

Но, как признает сам Б.А.Серебренников, н е н а у ч н ы е методы сохраняются до сих пор. Мы не будем останавливаться на способах решения организационных вопросов Б.А.Серебренниковым, А.А.Реформатским и их группой - об этом сказано выше (раздел П).

Здесь заслуживают быть отмеченными прежде всего такие приемы, как смешение, отождествление различного и неотождествление тождественного. В голословном заявлении (цитировано выше) Б.А.Серебренников свои собственные работы, целиком опирающиеся на учение Сталина и посвященные пропаганде и, так сказать, обоснованию положений Сталина, - фактически приравнивает к трудам, например, академика И.И.Мещанинова или к

инструментальным исследованиям, которые, как известно, никак не могут иметь чего-либо общего со сталинским учением - уже по своему характеру. Приравнивает, ибо ведь Б.А. Серебренников не делает исключения и пишет, что на всех лингвистов оказало влияние сталинское учение и не делает различия. Другие многочисленные примеры приведены выше.

Прогресс науки ведет, как известно, к дифференциации наук, понятий и т.д.

Выше было приведено достаточно примеров, иллюстрирующих смешение элементарных лингвистических и других понятий представителями рассматриваемого направления - начиная от В.Смирнова (1884), не отличающего сильных согласных от слабых, и считающего языковые особенности следствием особого устройства рта иностранцев и т.п. и тем не менее выступившего с критикой "Фонетики" В.В.Радлова - и до авторов "обстоятельных"- по словам Б.А.Серебренникова - отзывов, смешивающих связную речь с изолированным произношением слов, инструментальные данные - с априорными предположениями и нормами школьной грамматики и даже выводы автора "рецензируемой" в указанных отзывах работы - с собственными утверждениями рецензентов или - с другими выводами по другим вопросам - других авторов.

Здесь заслуживают быть отмеченными высказывания бывшего заместителя Б.А.Серебренникова - Ю.Д.Дешириева (Москва).

В статье "На основе равноправия и взаимообогащения" - в газете "Советская Татария" -от 29 октября 1964 г., написанной Ю.Д.Дешириевым совместно с одним историком (опять историк, как и В.Смирнов!) "приближение науки о языке к жизни, к прак-

тике, к исследованию острых и сложных проблем "противопоставляется "узко-лингвистической проблематике так называемой «чистой науки» ".

Положим, два или три издания основной работы доктора филологических наук Ю.Д.Дешириева "Младописьменные языки народов СССР" (напр., издание 1959, М.-Л.), действительно далеки от "узко-лингвистической проблематики", поскольку содержит разнообразные и в том числе -нелингвистические сведения о народах и т.д.

Однако это отнюдь еще не означает, что указанные издания могут быть образцом просто лингвистики, просто языкознания.

В свете рассмотренного в настоящем томе, легко понять какое отрицательное значение могла иметь эта статья Ю.Д.Дешириева (и одного историка) для казанских условий. Это есть призыв вернуться к первобытной нерасчлененности наук и понятий - в то время, когда нередко лица, носящие звание даже кандидатов наук смешивают элементарные лингвистические понятия, что показано было выше.

Требование о приближении к жизни, к практике рассматривается в статье как требование о деспециализации, как требование о том, чтобы языковеды не занимались бы только лингвистической проблематикой. Выражение "узко-лингвистическая проблематика" не определяется в статье, как и противоположное понятие: широко-лингвистическая проблематика. Отсюда следует, что "узко-лингвистическим" называется просто лингвистическое.

И если цитированное высказывание вообще может иметь какое-то с о д е р ж а н и е, то только одно: расширить рамки лингвистики, то есть итти вопреки всему ходу исторической дифференциации наук и понятий.

В соответствии с этим, неопределенными являются и сами выражения в статье, а неопределнность означет нелогичность, то есть неистинность.

Приближение к жизни, к практике толкуется в статье, таким образом, как необходимость снижения теоретического уровня науки - в то время, когда именно повышение теоретического уровня наших языкознания является первоочередной задачей, как это видно из изложенного выше - во всем этом томе.

Практика бывшего руководства Института языкознания находится в соответствии с их теоретическими взглядами.

Б.А.Серебренников и бывшая зав.сектором тюркских языков Института языкознания АН СССР Е.И.Убрятова выступают в качестве оппонентов, с положительными отзывами на докторскую диссертацию по синтаксису, хотя по признанию самих оппонентов, докторант смешивает деепричастные обороты с придаточными предложениями (1963 г.).

Комиссия из Москвы -под председательством кандидата исторических наук Евстигнеева - из Института истории АН СССР, при помощи одного члена комиссии -(представителя Института языкознания АН СССР, кандидата филологических наук А.Юлдашева, соратника Б.А.Серебренникова и с помощью голосов членов комиссии - неязыковедов, закрывает сектор лексикографии Института языка, литературы, истории бывш.КФАН, а именует это "слиянием"

сектора лексикографии с сектором языка указанного института (конец 1962 г.) И это, несмотря на обоснованное возражение (особое мнение) члена указанной комиссии - проф.Н.А.Баскакова (Москва), тюрколога, заместителя председателя Словарной комиссии АН СССР. И закрывает этот сектор в тот самый момент, когда за три года существования (1959-1962) этот сектор, благодаря умелой инициативе его руководителя, создал на пустом месте миллионную картотеку - при сплошной выборке (т.е. современной методике) сэкономив более 100000 рублей государственных средств и одновременно составивший словарь около 100 печ.листов.- и оставляет при этом сектор языка, существующий только на дотации, оставляет сектор, существенные недостатки важнейших трудов которого рассмотрены нами во введении, хотя, уж если так необходима была "экономия", если было сочтено необходимым закрыть один из двух языковых секторов в ИЯЛИ КФАК, то и экономически и научно было целесообразнее оставить единственное в Татарской АССР учреждение, специально занимающееся составлением словарей - сектор лексикографии -и закрыть сектор языка,поскольку языком занимаются и соответствующие кафедры Казанского университета и Казгоспединститута, причем, например, научная продукция Казанского университета не уступает таковой сектора языка ИЯЛИ, тогда как словарями в КГУ и КГПИ специально не занимаются .

Наконец, добившись разными путями отрицательного исхода защиты данной диссертации, когда Б.А.Серебренников даже существенно ограничил возможность выступлений и ответов диссертанта, ввиду чего эта защита 5.X.62 только по названию была "защитой", так как диссертанту были связаны руки и он оставлен беззащитным, в начале следующего 1963 г. Б.А.Серебренников преподносит

Высшей Аттестационной комиссии в качестве "обстоятельных" два отзыва, рассмотренные нами в настоящем томе. Тем самым Б.А.Серебренников внушает ВАК'у, что эти два отзыва заслуживают предпочтительного внимания по сравнению по всеми другими.

Между тем все изложенное выше в настоящем томе показывает, что эти два отзыва от неспециалистов, никогда не занимавшихся инструментальной фонетикой и ни одним из рассматриваемых нами около 20 языков и наречий - кроме татарского - представляют, например из себя всего лишь образцы псевдо-научного направления, восходящего (через посредников) к историку В. Смирнову, в 1884г. на досуге занявшемуся несостоятельной критикой лингвистических работ основателя русской тюркологической науки -акад.В.В.Радлова, труды которого - имеют значение до наших дней, о чем лишний раз свидетельствует, например, переиздание его известного Словаря тюркских наречий - в Голландии и в СССР.

Что же касается рассмотренных в настоящем томе двух "обстоятельных" отзывов, то основные черты их метода - помимо указанного выше кардинального постулата всего данного направления - писать о том, чего не изучил и выдавать это за единственно правильный научный метод - сводятся к следующим.

I. Выдавать за собственные мысли рецензентов выводы и заключения, содержащиеся в, так сказать, "рецензируемой" работе, а также -голословно н а м е к а т ь , что якобы авторами являются третьи лица, даже и м е н а которых не указываются в отзыве. Достигается это в н у ш е н и е с помощью приемов умолчания о том, о чем рецензенты обязаны сказать,

например, - даже названия рецензируемых работ, как правило, не приводятся, а когда приводятся - обычно произвольно усекаются и запрятаны где нибудь в середине рецензии. Другой прием - "микрокритика" - искажение диакритических и др. значков -там, где от этого меняется смысл - , например, перемещение кавычек при цитировании, что помогает рецензентам присвоить себе выводы диссертанта.

2. Приписывание автору "рецензируемых" работ того, чего он никогда не говорил и не писал.

3. Употребление обычных слов в противоположном смысле,о чем, однако, не предупреждают читателя и слушателя отзыва. Третьестепенная деталь выдается за главное, а основное содержание "рецензируемых" работ игнорируется; за традиционные взгляды выдаются нетрадиционные , так сказать,"взгляды" самих рецензентов и т.д. и т.п.

4. Результаты инструментальных, опытных исследований объявляются несоответствующими действительности - если они не согласуются с а п р и о р н ы м и п р е д п о л о ж е н и я м и рецензентов, и даже тогда, когда эти инструментальные данные подтверждают слуховые наблюдения предшествующих исследователей и даже некоторые более ранние отдельные материалы с а м и х рецензентов, которые, однако, или не осмыслили даже собственные наблюдения или забыли о них.

5. Ничем, никакими фактами не подтвержденные голословные утверждения, чувства,"впечатления", вера, убеждения рецензентов ("чувствуется") и проч., иногда - ссылки на якобы "авторитеты"-

даже без указания названий трудов (не только страниц) и тому подобное, - выдаются за некие эрзац-суррогаты научных доказательств.

6. Приписывание автору "рецензируемой работы п р я м о противоположного тому, что он пишет, например, рецензенты без каких-либо ссылок даже на труды пишут: "бурят-монгольский язык... автор ..... относит к тюркским". Между тем на стр. 291 Звукового строя ч.П читаем: "бурят-монгольский, разумеется, относится к монгольским". И так далее.

7. Ссылаясь на то, что они пишут отзыв, исходя из круга лингвистических познаний неязыковедов (стр.8 отзыв П), рецензенты заменяют около 150 простых и комплексных знаков транскрипции APhI, использованных в моих работах - тридцатью восемью буквами орфографии, а мои примеры русских слов, приводимые в транскрипции - передают в своем, так сказать, пересказе содержания работы - в о р ф о г р а ф и и . И после всего этого заявляют, что диссертантом "за основу берутся русские слова в их написании, а не учитываются нормы русской орфоэпии".

Причем это пишут лица, не умеющие говорить на литературном русском языке - не умеющие говорить без акцента, а их отзыв показывает и ряд ошибок в письме - не говоря уже об изобилии отрывочных простых нераспространенных предложений в отзыве, составляющих некую м о з а и к у , отдельные элементы которой, как показано выше, обычно, не связаны между собой ни логически, ни вообще по содержанию.

Рецензенты, как всем известно, говорящие по-татарски с диалектальным мишарским акцентом и говорящие по-русски с акцентом, берутся судить о русской орфоэпии и критиковать с т и л ь автора диссертации, (ссылаясь, напр., на стр. 11-12 автореферата.) Эта ссылка не случайна и показывает суть приемов рецензентов. На указанных страницах содержатся обычные в моих работах периоды по 12 и 22 строки. Эти периоды, разумеется, могут представлять трудность для охвата единым взглядом - для школьников, которые выражаются простыми нераспространенными предложениями, (типичными и для "обстоятельных" отзывов), однако не могут представлять чего либо особенного в научной литературе.

Дело однако совсем не в стиле, а в том, что на указанных страницах II-I2 автореферата показана б е с с о д е р ж а т е л ь н о с т ь понятия "внутренние законы" "развития языков" и подчеркнута роль экстралингвистических факторов: языкового влияния и др.- то есть высказаны в о з р а ж е н и я против учения Сталина и Б.А.Серебренникова (и др.) т о ж .

Выступать п р я м о с защитой "внутренних законов" рецензенты не смеют. И они нападают на стиль.

Не смеют, так как положения в автореферате правильны и их правильность была подтверждена в 1963 г.и в докладе В.В. Виноградова, хотя, разумеется, о моих высказываниях (в 1962г.) ни словом не упоминалось.

8. Рецензенты заявдяют голословно и в о о б щ е , что якобы "автор не всегда дает ссылки на использованные труды" (стр.3) и лишь на стр. I7-I9 находим пояснение в отзыве:

I) Якобы нет ссылки по поводу описания о д н о г о звука -тамзы (сильного приступа), хотя в действительности содержится такая ссылка, но на две страницы ранее раздела о гамзе (на стр. I36 "Звукового строя", ч.I), причем эта ссылка вообще не обязательна в э к с п е р и м е н т а л ь н о й работе (см.выше).

2) Якобы отсутствуют ссылки по вопросу о перебое гласных, спирантизации согласных - на статью Б.А.Серебренникова от I956 г. (страницы статьи в отзыве указаны неправильно), хотя в действительности и м е ю т с я ссылки на литературу по указанным вопросам - на литературу, начиная от I876 (Н.Остроумов) и I882 (В.В.Радлов) и до Г.Шарафа (I927-28) и В.А.Богородицкого (I953), но на статью Б.А.Серебренникова по данному вопросу нельзя было ссылаться, так как во-первых, Б.А.Серебренников не только ничего не добавил, но сказал м е н ь ш е предшествовавших ученых, он сказал меньше того, что сказано было и самим д и с с е р т а н т о м - в работах, вышедших р а н е е статьи Б.А.Серебренникова от I956 г. или представленных р а н е е публикации статьи Б.А.Серебренникова. То обстоятельство, что Б.А.Серебренников, повторяющий известное до него, не дает ссылок на Н.Остроумова, В,В.Радлова и других, не дает ссылок на работы диссертанта - было использовано в "обстоятельном" отзыве для обвинений по адресу диссертанта, хотя, уж если кого-либо обвинять, если т а к ставить вопрос, то следует обвинять Б.А.Серебренникова, который в I964 г. вновь без ссылок повторил некоторые выводы моей диссертации и книг, с которыми он хорошо знаком, поскольку даже написал отзыв в I960 г.

Никакое учение Сталина не заставляло Б.А.Серебренникова в 1956 и 1964 годах не давать ссылок на использованную им литературу - ссылок, которые, как выясняются, были необходимы, хотя бы для того, чтобы избавить честных работников от беспочвенных обвинений со стороны неосведомленных в истории языкознания и тюркологии авторов якобы "обстоятельных" отзывов.

9. Рецензенты своеобразно используют диалектический закон перехода количества в качество - неосознанно используют, по-видимому.

Бесконечным нагромождением голословных, ничем не подтвержденных утверждений и обвинений они пытаются возместить отсутствие аргументации, доказательств, фактов. Так сказать, завалить, засыпать диссертанта этой горой бездоказательных утверждений.

Это особый прием, в результате которого затрудняется возможность ответа на каждое обвинение или утверждение. Кратко он резюмируется: "что нибудь да останется у читающего или слушающего. (Описан еще В.И.Лениным в статье "Союз лжи".) Это есть попытка рецензентов возместить количеством плохое к а ч е с т в о .

10. Голословные обвинения ставят в данных условиях диссертанта в положение, когда он вынужден доказывать свою невиновность, несмотря на то, что его вина ничем не доказана. Рецензенты, таким образом, возлагают бремя доказательства на того, кто обвиняется, а не на обвинителя и тем самым ставят свой отзыв на уровень средних веков. Более того, презумпция невиновности, как известно существовала еще в римском праве.

II. Доказательства от авторитета - без приведения а р г у м е н т о в этого авторитета - широко применяющееся всеми представителями данного направления, также ставит это направление на уровень до Френсиса Бэкона (XУП век). Для науки единственными авторитетами являются, как известно, факты.

I2. Неопределенность выражений, терминов, неправильное употребление общеизвестных слов, бесформенность и необоснованность суждений и вообще едва ли не все противоречия даже элементарной логики создают словесные шарады в отзыве, допускающие многообразное толкование одной и той же фразы рецензентов, создают двусмысленности, которые используются в отзыве для в н у ш е н и я (не доказательства) путем н а м е к о в неправильного представления о содержании, так сказать, "рецензируемых " работ.

Искажается не только содержание работ диссертанта, но и содержание работ других авторов и вообще состояние, уровень современной науки.

I3. Особым приемом данного направления является предъявление научно несостоятельных необоснованных требований о том, чтобы, в так сказать, " рецензируемой" работе одного автора были бы разрешены вопросы, решение которых может ставить перед собой только целый большой коллектив ученых - если не целая нация.

Так, авторы "обстоятельных" отзывов требуют всестороннего исследования в с е х татарских говоров - в инструментальном исследовании, хотя, такая задача не ставилась и не могла ставиться нами - как по характеру и теме работы, так и потому,

что ввиду сложности проблемы, даже за десятки лет три казанских учреждения, специально занимающихся изучением говоров, не дали полного описания даже по слуховым наблюдениям и это понятно, т.к. вопрос велик.

Еще более наглядно замечание С.С.Высотского - из Института русского языка АН СССР, - по сути дела требующего изучения речи "сотен дикторов, подобранных по полу, возрасту, тембру голоса и т.д.", хотя он и сам признает, что "такой размах работы, доступный лишь объединенным силам большого коллектива специалистов, был недоступен диссертанту"... и у м а л ч и в а е т при этом о том, что если в диссертации использовано около 60 дикторов, то Л.В.Щерба использовал о д н о г о диктора, а ныне всюду в лабораториях Москвы и Ленинграда используют не более трех-четырех дикторов.

Таким образом, подобного рода замечания возвращают нас на две-три тысячи лет назад, ибо такие несоразмерные требования ставились, как известно, только перед героями античной мифологии, отражавшей -по крылатому выражению Карла Маркса - д е т с т в о человечества_

I4. А вот образчик логических умозаключений рецензентов: на стр. I7 отзыва П якобы неправильность результатов инструментального исследования "аргументируется" якобы неправильностью метода , а якобы неправильность метода "аргументируется" несоответствием результатов инструментального исследования- априорным представлениям рецензентов. Иначе говоря: земля на ките, кит на воде, вода на земле.

И еще рецензенты обвиняют диссертанта в нелогичности.

I5. Вот образчик (из числа многих) лингвистических взглядов рецензентов. В отношении протезы, авторы обстоятельного отзыва считают, что "обнаружить ее можно только при сравнении орфоэпич.норм языка с орфографич. или литературных с диалектными"[I] (стр.I6 отзыва П). То же в отзыве I.

И это пишут не школьники, а кандидаты филологических наук, авторы "обстоятельного" - по словам Б.А.Серебренникова- отзыва.

I6. Рецензенты ,видимо бессознательно, исходят в своих представлениях о выпадении гласных - из наиболее общей практики арабского письма (при котором, например, начальные гласные слов всегда обозначаются, хотя бы фактически они выпадали) и и конструируют орфоэпию современного татарского языка, исходя из этой практики арабского письма в татарском. Однако арабское письмо в татарском основывалось не только на фонетическом принципе, но и на историческом и морфологическом. Поэтому подобные конструкции рецензентов большей частью не соответствуют закономерностям татарской фонетики. Тем не менее, рецензенты имеют смелость утверждать - об инструментальном исследовании- что якобы автор следует за правилами арабского письма в татарском. Отсюда виден и уровень познаний рецензентов, как и то, что, как обычно, собственные недостатки рецензентов последние приписывают диссертанту.

Изложенное выше, в том числе в сравнительных таблицах,

I) Сокращения рецензентов, подчеркнуто мною - У.Б.

показывает несостоятельность этого голословного утверждения рецензентов (см.раздел I настоящего тома), причем по всем спорным вопросам - в связи с арабской графикой - наши инструментальные данные подтверждают наблюдения В.В.Радлова, В.А. Богородицкого и других. Однако существенно важен сам подход к делу, постановка вопроса.

А если бы в самом деле результаты инструментального исследования совпадали с общими принципами арабской графики?

Как быть тогда?

Совершенно очевидно, что рецензенты предлагают в этом случае, вслед за Б.А.Серебренниковым, "определенный стиль научной работы" - "подменить нормальный процесс научного исследования всякого рода подтасовками и приспособлением языкового материала к заранее сформулированным готовым схемам".

Рецензенты не опровергают научные факты, нет, они лишь противопоставляют искаженным ими и непонятным ими результатам инструментального исследования - те или иные априорные д о г м ы: арабская письменность - это бука, табу.

И мы возвращаемся к периоду до цивилизации.

I7. Характерной особенностью всего данного псевдо-научного направления является калейдоскопическое разнообразие их голословных утверждений и обвинений по адресу не понравившегося им а в т о р а "рецензируемой" работы и самой работы. Однако отсутствует анализ основного содержания будто бы "рецензируемых" работ.

Все голословные обвинения имеют один результата поставить под подозрение личность автора и тем самым осудить б е з

д о к а з а т е л ь с т в - как это допускалось по старо-прусскому земскому праву XIX века, хотя уже законодательство Наполеона, будучи более прогрессивным по сравнению с прусским, не допускало подобного и оправдывало обвиняемого - при недостатке доказательств вины.

И калейдоскопическое разнообразие голословных обвинений имеет целью поставить под подозрение личность автора - перед возможно большим кругом людей.

Отсюда аппеляции рецензентов к неязыковедам и политические обвинения в духе 1937 года и обвинения в якобы отсутствии должных ссылок и другие голословные обвинения против личности диссертанта и what not, как говорят англичане.

Отсутствует "только" одно: научный анализ и научная аргументация. *

Все рассмотренное нами по требованию ВАК МВО СССР данное направление в языкознании, возглавляемое Б.А.Серебренниковым и другими, представляет из себя, как показано, отказ от материалистического метода, отказ от науки вообще, отказ от всего того положительного, что свойственно было добросовестным русским языковедам XIX века и добросовестным зарубежным ученым. И причина здесь далеко не в одной только "сталинском режиме", как выражаются вслед за "Голосом Америки" и "Би-Би-Си" - Б.А. Серебренников и другие.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что Б.А. Серебренников был отстранен от руководства Институтом языкознания и экспертной комиссией ВАК МВО - также, как отстранены от руководства заместитель Б.А.Серебренникова по Институту

языкознания - Ю.Д.Дешериев, бывш. уч.секретарь Института Ю.С.Елисеев, отстранен от руководства сектором А.А.Реформатский, отстранен от руководства бывший директор Института языка, литературы, истории Казанского филиала АН СССР кандидат наук К.Фасеев, помогавший Б.А.Серебренникову, и другие.

Все изложенное показывает, что попытки оправдать ненаучные методы ссылками на культ личности не оправданы, ибо рассмотренное направление в науке, во-первых, существовало еще и в прошлом веке, а во-вторых, как показывает исследование, методы этого направления восходят к средневековью и к еще более ранним периодам истории человечества.

И роль этого направления в настоящее время сводится к тому, чтобы препятствовать любыми средствами развитию новых отраслей науки, как например, инструментальной фонетики и др. К этому направлению и относятся слова К.Э.Циолковского: "почти всегда новое передовое, прогрессивное встречает решительное сопротивление сторонников старого".

БИБЛИОГРАФИЯ

А. Список работ, использованных в первых трех томах диссертации (1960) и в автореферате (1962).

I. Классики марксизма.

I. К.Маркс и Ф.Энгельс. Немецкая идеология. М. 1935.

II. Инструментально и общефонетические труды по различным языкам

а) Труды отдельных авторов

2. P.Ariste. Eesti keele fonetika. Tallinn, 1953.

3. P.Ariste. Heliline ja helitu h eesti keeles. Eesti Keel, 1938.

4. P.Ariste. Hiiu Murrete Häälikud. Tartu, 1939.

5. F.Äimä. Ibeisen fonetikan oppikirja. Helsinki, 1938.

6. В.А.Артемов. Лаборатория экспериментальной фонетики и психологии речи. М. 1950.

7. В.А.Артемов. Экспериментальная фонетика. М. 1956.

8. У.Ш.Байчура. К вопросу о методах инструментального исследования языков и диалектов. Сообщение на У Всесоюзном координационном совещании, посвященном вопросам изучения диалектов и говоров на территории СССР, состоявшемся в г.Кишиневе в 1959 г. Объем 1/2 авт.листа машинописи, представлено в Институт языкознания АН СССР, Москва.

9. У.Ш.Байчура. К вопросу о транскрипции для тюркских языков. Сообщение на III Региональном координац.совещании по вопросу о диалектологии тюркских языков (24-27 окт. 1960 г. Баку. (Опубликовано в Трудах Ин-та литературы и языка им.Низами. Баку, 1963).

I0. У.Ш.Байчура. Эксперименталь фонетика һәм уның практик әһәмиәте. Башкортостан укытыусыны. Ө ф ө, I955, № 5.

II. С.И.Бернштейн. Против идеализма в фонетике. Известия АН СССР, ОЛЯ, т.XI, вып. 6, М. I952.

I2. В.А.Богородицкий. Курс экспериментальной фонетики. Казань, I9I7-I922 (I-3 выпуски).

I3. В.А.Богородицкий. Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных. Казань, I930.

I4. Л.Р.Зиндер. Общая фонетика. Автореферат докт.дисс.,Л.I955.

I5. Л.Р.Зиндер и М.И.Матусевич. К истории учения о фонеме. Известия АН СССР ОЛЯ т.XП., вып.I, М.I953.

I6. М.И.Матусевич. Введение в общую фонетику. М. I948.

I7. М.И.Матусевич. Л.В.Щерба как фонетик. Сборник памяти Л.В.Щербы. Л. I95I.

I8. E.Meyer. Englische Lautdauer. Leipzig, I903.

I9. G.Panconcelli-Calzia. Die experimentelle Phonetik in ihrer Anwendung auf die Sprachwissenschaft. Berlin, I924.

20. С.Н.Ржевкин. Слух и речь в свете современных физических исследований. М.-Л. I936.

2I. P.Rousselot. Principes de phonetique experimentale. Paris, I897-I902.

22. O.G.Russel. The Vowel.Some X-Ray and Photo-Laringoperiscopic Evidence. The Ohio State University Press, I928.

23. E.W.Scvipture. The elements of experimental phonetics. New-York - London, I902.

24. Ф.де Соссюр. Курс общей лингвистики. М. I933.

25. Г.П.Торсуев. Фонетика английского языка. М. I950.

26. Л.В.Щерба. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПБ, I9I2.

27. Л.В.Щерба. Фонетика французского языка. М. 1948.

28.

б) Журналы и сборники

28. Acta Linquistica Academiae Scientiarum Hungaricae.

29. Archives Neerlandaises de Phonetique Experimentale.

30. Известия АН СССР, ОЛЯ, том XI-XII, 1952-1953.

31. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. I. Фонетика. Под ред. чл.-корр.АН СССР Н.К.Дмитриева. М., 1955.

32. Памяти академика Льва Владимировича Щербы. Л.1951,изд.ЛГУ.

33. Труды Военного института иностранных языков. М.1953, 2, 3-4. Вопросы интонации. Под ред. В.А.Артемова.

34. Ученые записки I Московского государственного института иностранных языков I, VI, VII.

III. Инструментально-фонетические исследования по тюркским и финно-угорским языкам.

35. У.Ш.Байчура. Гласные литературного татарского языка в свете экспериментальных данных. Канд.дисс. М.-Л. 1953. Машинопись хранится во Всесоюзной библиотеке им.В.И.Ленина и в Институте языкознания АН СССР, Москва.

36. У.Ш.Байчура. Гласные литературного татарского языка в свете экспериментальных данных. Автореферат канд.дисс. М.-Л. 1953.

37. У.Ш.Байчура. Длительность татарских гласных. Машинопись 1,5 авт.листа. Казань, 1954. Была представлена в ИЯЛИ КФАН, а также А.К.Боровкову - в ЛОИВ АН СССР. Имеется рецензия из ИЯЛИ КФАН.

38. U.Š.Baičura. Experimentell-Phonetische Beiträge zur Kenntnis des Lautbestandes des Kasan-Tatarischen. Acta Lingvistica Academiae Seientiarum Hungaricae. Tomus VIII Fasciculus 2-4. Budapest 1958.

39. U.Š.Baičura. Experimentalphonetische Beirtäge zur Untersuchung des Wortakzentes des Kasan-Tatarischen. Acta Lingvistica, t.V. f. 3-4. Budapest, 1955.

40. У.Ш.Байчура. Некоторые вопросы фонетики тувинского языка по экспериментальным данным. Ученые записки Казанского университета, том II7, книга 9, Казань, 1957.

41. У.Ш.Байчура. Некоторые кимографические данные о длительности гласных и о звонкости и длительности согласных чувашского языка. Ученые записки Чувашского Научно-исследовательского института языка, литературы, истории этнографии. Вып. ХУШ, Чебоксары, 1958.

42. U.Š.Baičura. Sŏnarŏhu iseloomust udmurdi keeles (kiimograafi abil saadud andmete pŏhjal). Emakeele Seltsi Aastaraamat, V. Tallinn, 1959.

43. У.Ш.Байчура. Татар теленен аваз тезелешен ейрэнудэ эксперименталь фонетиканын хезмэте турында. Совет мэктэбе. Казан, 1959, № II.

44. У.Ш.Байчура. Звуковой строй татарского языка (экспериментально-фонетический очерк). Казань, 1959, часть I.

45. У.Ш.Байчура. Характер ударения в мишар-татарском диалекте. Вопросы языкознания. М. 1959, № 2.

46. П.П.Барашков. Звуковой состав якутского языка. Якутск, 1953.

47. В.А.Богородицкий. Движение тона в словах двусложных и трехсложных в татарском языке. Вестник Научного Общества Татароведения № 4. Казань, 1926.

48. В.А.Богородицкий. Рецензия на"Г.Шараф. Палатограммы."Записки коллегии востоковедов, IУ, Л-д 1929.

49. И.Д.Бураев. Звуковой состав бурятского языка. Улан-Удэ, 1959.

50. Л.П.Грузов. Гласные и согласные марийского языка (луговой диалект) в свете экспериментальных данных. Автореферат канд. дисс. Л. 1957.

51. L.P.Grusov. Die Vokale der Waldmundart des Mari schen im Lichte der Versuchs ergebnisse. Acta Linquistica Academiae Scienciarum Hungaricae. T.X, F.3-4. Budapest, 1960.

52. Л.П.Грузов. Современный марийский язык. Фонетика. Йошкар-Ола. 1960.

53. Кунаа. Звуковой состав тесхемского говора тувинского языка. Кызыл, 1957.

54. Ф.А.Кязимов. Азербайджанские гласные в сравнении с английскими, Ученые записки I Московского пединститута иностранных языков, т.УШ, М. 1954.

55. М.И.Матусевич.Очерк системы фонем Ербогаченского говора эвенкийского языка на основе экспериментальных данных. Ученые записки ЛОЛГУ № 237. Серия филологических наук, выпуск № 40. Вопросы фонетики. Изд. ЛГУ, 1960.

56. А.П.Поцелуевский. Опыт изучения артикуляции звуков туркменской речи методом палатограмм. Известия туркменского филиала АН СССР, № 3-4, Ашхабад, 1945.

57. Е.Н.Степанова. Звуковой состав чувашского языка в сравнении с немецким. Ученые записки I МГПИИЯ, т.УШ, М.1954.

58. S.Tekin, Germersheim. Palatogramme Türkischer Laute. Zeitschrift für Phonetik und Allgemeinne Sprachwissenschaft. Band II, Heft 2-3, 1958.

59. Ludwig Hegedüs. Der modifizierende Einfluss der sensitiven Faktoren auf die Sprachmelodie im Ungarischen. Archives Néerlandaises de Phonetique Experimentale, tome X, 1934. s' Gravenhage.

60. Ludwig Hegedüs. Ein fluss der Nasallaute auf die Vokale im Ungarischen. Archives Néerlaudaises de Phonetique Experimentale, T.XII, 1936. s' Gravenhage.

6I. L.Hegedüs.Kinematographie der mundlippen während der Artikulation. Arch. Néerl. Phon.Exp. Tome VIII-IX, 1933.

62. L.Hegedüs. Phythmus der ungelundenen Sprache. Arch.Néerl. Phon. Exp. Tome XI, 1935.

63. L. Negedüs. Röntgenaufnamen von Ungarischen Vokalen. Arch. Neerl. Phon. Exp. Tome XIII, 1937.

64. Д.И.Чанков. Согласные хакасского языка (опыт экспериментального исследования). Абакан, 1957.

65. Г.Шараф. Палатограммы звуков татарского языка сравнительно с русскими. ВНОТ № 7, Казань, 1927.

66. Г.Шараф. Сонорная длительность татарских гласных (длительность гласного а). ВНОТ № 8, Казань, 1928.

67. Р.О.Шор. К вопросу о чувашском консонантизме. Известия Восточного факультета Азербайджанского гос.университета, том IУ. Баку, 1929.

IУ. Слуховые наблюдения над фонетикой тюркских языков.

68. Гыйбад Алпаров. Шәкли нигәздә татар грамматикасы. Сайланма хезмәтләр. Казан. 1945.

69. Э.М.Ахунзянов. Морфологическое освоение русских слов, заимствованных в татарский язык. Известия Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Казань, 1955, вып. I,2.

70. Н.И.Ашмарин. Материалы для изучения чувашского языка. Казань, 1893.

71. У.Ш.Байчура. К истории изучения фонетики казанско-татарского языка (за период 1917-1957 гг.). Доклад на межобластной лингвистической конференции, посвященной столетию рождения В.А.Богородицкого, состоявшейся в Казанском университете в мае 1957 г. Объем I авт. лист машинописи. В сокращенном виде опубликован в Сборнике памяти В.А.Богородицкого. Казань, 1961.

72. У.Ш.Байчура. Чиле-пешле бер дәреслек - кулланма турында.. Рецензия на книжку Р.Ф.Шакировой Хәзерге татар теле фонетикасына кереш, Казан 1954. Рецензия на русском и татарском языках объемом I авт.лист машинописи. Хранится в редакции журн. Вопросы языкознания, Москва и др. Написана и представлена в 1954 г.Имеется рецен-

73. У.Ш.Байчура. К вопросу о фонематическом составе гласных татарского языка. Казань, I954. Машинопись объемом I/2 авт.листа хранится в архиве Казанского университета. Имеется несколько рецензий

74. В.А.Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, I934, I953[2] (Небольшое экспериментально-фонетическое исследование В.А.Богородицкого, включенное им во "Введение", а впервые опубликованное ранее, отмечено нами выше в разделе Ш библиографии № 47).

75. В.А.Богородицкий. Введение в тюрко-татарское языкознание. Казань, I922.

76. В.А.Богородицкий. О преподавании русской грамматики в татарской школе. Казань, I95I.

77. Диалектологик сузлек. Казан, I948 - I чыгарылыш; I953 - 2 нче чыгарылыш; I958 - 3 нче чыгарылыш. (Диалектологический словарик, I-Ш вып.).

78. Н.К.Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.I948.

79. Н.К.Дмитриев. Неустойчивое положение сонорных р, л, н в тюркских языках. Сборник Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, часть I. Фонетика. Под ред. Н.К.Дмитриева. М. I955.

80. N.K.Dmitrijev. On the pronunciation of the common türkisch R. JRAS. London, I927.

8I. Н.К.Дмитриев, В.М.Чистяков и Н.З.Бакеева. Очерки по методике преподавания русского и родного языков в татарской школе. М. I952.

82. Л.Жәләй. Татар диалектологиясе.. Казан, I947.

83. Л.Жәләй. Татар теленец тарихи фонетикасы буенча материаллар. Казан, I954.

84. Л.Заляй. Средний диалект татарского языка. Автореферат докт. дисс. Казань, I954.

85. Ф.Г.Исхаков. Об отдельных фонемах татарского языка. Сборник Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Часть I. Фонетика. М.I955.

86. Ф.Г.Исхаков. Хакасский язык. Краткий очерк по фонетике. Абакан, I956.

87. Н.Ф.Катанов. Опыт исследования урянхайского языка. Казань, I903.

88. Каном Насыйри. Энмузэж. Казан, I895.

89. М.Курбангалиев, Р.Газизов. Опыт систематической грамматики татарского языка в сравнении с грамматикой русского языка. Казань, I93I, I932^2.

90. Л.Т.Махмутова. Особенности касимовского говора татарского языка. Автореферат канд.дисс. Л.I952.

9I. Л.Т.Махмутова. Фонетические особенности касимовского говора татарского языка. Сборник Материалы по диалектологии. Казань, I955.

92. Н.Остроумов. Предисловие к первому опыту словаря народно-татарского языка по выговору крещеных татар Казанской губернии. Казань, I876.

93. H.Paasonen. Die Türkische Lehnwörter im Mordwinischen, JSF Ou XV$_2$.

94. А.П.Поцелуевский. Туркменские диалекты. Ашхабад, I936.

95. W.W.Radloff. Phonetik der Nördlichen Türksprachen, Leipzig, I882.

96. W.W.Radloff. Zur Geschichte des Türkischen Vokalsystems. Известия Императорской Академии Наук,I90I,т.XIУ,№ 4

97. G.Raquette. The accent problem in Turkisch. Lunds Universitets Årsskrift, N.F.Avd. I.Bd.24. Nr.4.Lund-Leipzig,I927.(Lund.printed by Håkan Ohlsson,I927).

98. M.Räsänen. Materialen zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen. Helsinki,I949. Москва, I955^2.

99. Д.М.Сарманаева. Диалектальные особенности языка среднеуральских татар. Автореферат канд.дисс., Казань, I959..

I00. Э.В.Севортян. Фонетика турецкого литературного языка. М.I955.

I02. Д.Г.Тумашева. Татарские диалекты Западной Сибири. Автореферат канд.дисс. М. I952.

I03. Р.Ф.Шакирова. Фонетические особенности говора татар Краснооктябрьского района Горьковской области (мишарский диалект). Сборник Материалы по диалектологии, Казань, I955.

I04. Новые и старые словари по языкам. рассматриваемым в диссертации.

Б. Список работ, использованных в дополнении к диссертации

Часть I. Опубликованные труды

I. Философия и труды классиков марксизма-ленинизма

I (I05). Г.Ф.В.Гегель. Сочинения, том I

2 (I06). Г.Ф.В.Гегель. Сочинения, том У

3 (I07). Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Сочинения, том I.М,-Л. I923.

4 (I08). Ф.Энгельс. Анти Дюринг. Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом. М.-Л. I930.

5 (I09). Ф.Энгельс. Диалектика природы. М. I948.

6 (II0). В.И.Ленин. Империализм как новейший этап капитализма.

7 (III). В.И.Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. М. I945.

8 (II2). В.И.Ленин. Собрание сочинений т.32.

9 (II3). В.И.Ленин. Союз лжи. (Цитирую по газете "Известия" от 26 сентября I964 г., № 230 (I4700), стр.2)

I0 (II4). В.И.Ленин. Философские тетради.

II. История, археология, этнография, антропология

II (II5). Ю.В.Готье. Железный век в Восточной Европе. М.-Л.I930.

I2 (II6). Г.С.Гуйбадуллин. К вопросу о происхождении татар. Вестник Научного общества татароведения № 8, Казань, I928.

I3 (II7). Г.Ф.Дебец. Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии. Антропология, М. I932, № I.

I4 (II8). А.П.Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 92I-922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, I956.

I5 (II9). А.П.Ковалевский. Чуваши и булгары по данным Ахмеда ибн Фадлана, Чебоксары, I954.

I6 (I20). Шигапэтдин Марджани. Собрание сведений по истории Казани и Булгар. Том I. Казань I897.

مستفاد الاخبار فی احوال قزان و بلغار

I7 (I2I). В.Ф.Смолин. Археологический очерк Татреспублики. Материалы по изучению Татарстана. т.П, Казань, I929.

I8 (I22). А.П.Смирнов. Волжские булгары. М. I95I.

I9.(I23). М.Р.Федотов, Г.В.Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. Рецензия в Известиях АН СССР ОЛЯ I963, том ХХП, вып.5.

20 (I24). И.Фирсов. Прошлое Татарии. Казань, I926.

2I (I25). Г.В.Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л., I960.

Ш. Татароведение и тюркология (включая историю, этнографию и т.п.).

а) Работы, вышедшие до написания первых трех томов диссертации.

22 (I26). Г.Ахмаров. О языке и народности мишарей. Казань, I903.

23 (I27). Дж. Валиди. О диалектах казанско-татарского языка. ВНОТ № 6, Казань, I927.

24 (I28). Грамматика алтайского языка, составленная членами алтайской духовной миссии. Казань, I869.

25 (I29). В.Г.Егоров. Современный чувашский литературный язык. Часть I. Чувашгосиздат. I954.

26 (I30). А.Зайончковский. Выступление на Первом координационном совещании по вопросам диалектологии тюркских языков в Баку в I956 г. - Сб.Вопросы диалектологии тюркских языков. Труды Института литературы и языка им.Низами, том XП. Баку, I958.

27 (I3I). Ф.Г.Исхаков. Тувинский язык. Очерк по фонетике. М.-Л. I957.

28 (I32). А.И.Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л., I956.

29.(I33). Е.Малов. Сведения о мишарях. Казань, I885.

30 (I34). В.В.Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен. СПБ, I866.

3I (I35). В.Смирнов. Рецензия на "Vergleichende Grammatik der Nördlichen Türksprachen vor Dr.W.Radloff. Erster Theil. Phonetik der Nördlichen Türksprachen. Leipzig I882.-
Журнал Министерства народного просвещения, ноябрь I884, СПБ.

32 (I36). Г.Тукай. Сочинения том IУ. Казань, I956.

33 (I37). А.А.Юлдашев. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., I958.

б) Работы, вышедшие после написания первых трех томов диссертации (представл. в I960 г.) или даже после защиты (I962).

34 (I38). Ф.А.Абдуллаев. Фонетика хорезмийских говоров узбекского языка. Опыт сравнительно-исторического описания хорезмийских говоров. Автореферат докт. дисс. Ташкент, I96I.

35 (I39). А.И.Абражеев, П.А.Данилов, Р.И.Бигаев. Очерки по сопоставительной грамматике русского и узбекского языков. Учебное пособие для заочных отделений факультетов русского языка и литературы педвузов в Узбекистане. Ташкент, I960.

36 (I40). Н.А.Баскаков. Тюркские языки. М. I960.

37 (I40а). Н.А.Баскаков. К критике новых классификаций тюркских языков. Вопросы языкознания I963, № 2.

38 (I4I). Материалы по татарской диалектологии. Сборник. Казань, I962.

39 (I42). Р.Э.Рустамов. Губа диалекти Азербаjан ССР Елмлэр Аккдемиjасы Нэшриjjаты. Бакы I96I.

40 (I43). Б.А.Серебренников. Система времен татарского глагола. Казань, I963.

4I (I44). Д.Г.Тумашева. Кенбатыш Себер татарлары теле. Грамматик очерк hэм сузлек. Казан, I96I.

42. (I45). М.Ширалиев. Азербаjан диалектолок иjасынын эсаслары. Бакы, I962.

в) Материалы по тюрко-татарской письменности и орфографии

43 (I46). Л.Желэй. Татар теленец орфоэпик нигезлэре. Казан, I953.

44 (I47). Г.Ибрагимов. Татарские поэты. Оренбург, I9I3.

عالمجان ابراهیمف، تاتار شاعرلری، اورنبورغده «وقت» مطبعه‌سی ۱۹۱۳

45 (I48). М.Курбангалиев, Х.Бадыгов. Синтаксис родного языка. Казань, I9I9.

محی الدین قربانعلی خواجه عبد البدیع، آناتیلی نحوی «قورولتای» نشری: قازاندا، 1919

46 (I49). Сказание об Авиценне. Изд. К.Насыйри. Казань, I880.

ابوعلی ایبن سینا قصه‌سی، قزان ۱۸۸.

47 (I50). С.Е.Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л. I95I.

48 (I5I). С.Е.Малов. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.-Л. I952.

49 (I52). Марджани. Сборник. Казань, I9I5, изд. Маариф.
مرجانی ناشری: صالح بن ثابت عبید اللین
۱۳۳۳ سنه «معارف» مطبعه سی، قزانده

50 (I53). I, II
ش. مرجانی، مستفاد الاخبار
см. выше № I6(120).

5I (I54). Ʒimad Nuoʒ[ajbik. Jmlə nigezlə re
Qazan, I928. (Основы правописания).

52 (I55). Г.Шараф. Новое татарское правописание в Уфе. Просвещение . Казань, I926, № 5.
عالیمجان شه ره ف. ئوفادا یا گاتاتار ئیملاسی،
معاریف 1925، ۵ سه. قازان.

53 (I56). Тексты булгаро-татарских намогильных надписей - по книге Г.В.Юсупова "Введение в булгаро-татарскую эпиграфику", М.-Л. I960.

54 (I57). Школьные учебники по татарской грамматике.

55 (I58). Программы для средних школ по татарскому языку.

IУ. Языкознание: учебники и исследования

а) Литература, вышедшая в свет до написания первых трех томов диссертации

56 (I59). Р.И.Бигаев, П.А.Данилов. Введение в языкознание (пособие для педагогических вузов Узбекистана). Ташкент, I954.

57.(I60). Р.А.Будагов. Введение в науку о языке. Учпедгиз, Москва, I958.

58 (I6I). Ж.Вандриес. Язык. М. I937.

59 (I62). Ю.Д.Дешириев. Младописьменные языки народов СССР. М.-Л. I959.

60 (I63). O.Jespersen. Die Sprache. Heidelberg, I925.

6I (I64). Лингвистическая конференция, посвященная столетию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, виднейшего представителя казанской лингвистической школы, профессора Василия Алексеевича Богородицкого (I857-I957). Казань, I957, тираж 500 экз. Решение конференции.

62 (I65). А.Мейе. Сравнительный метод в историческом языкознании. Москва, I954.

63 (I66). А.А.Реформатский. Введение в языковедение. Пособие для учительских институтов. Учпедгиз, I947. Москва.

64 (I67). А.А.Реформатский. Введение в языкознание. Учпедгиз, I955. Москва.

65 (I68). В.С.Расторгуева. Краткий очерк грамматики персидского языка. Персидско-русский словарь Б.В.Миллера. М. I950.

66 (I69). Э.Сепир. Язык. М.-Л. I934.

67 (I70). Б.А.Серебренников. О взаимодействии языков (проблема субстрата). Вопросы языкознания. М. I955, № I.

68 (I7I). А.И.Томсон. Общее языковедение. Одесса, I9I0.

69 (I72). Вузовские программы по языкознанию.

б) Литература, ставшая доступной после написания первых трех томов диссертации

70 (I73). К.Абен. Учебник эстонского языка для высших учебных заведений. Таллин, I960.

7I (I74). Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, I962.

72 (I75). Л.Р.Зиндер. Общая фонетика. Л. I960.

73 (I76). А.А.Реформатский. Послесловие к книге Н.С.Трубецкого "Основы фонологии", М., I960.

74 (I77). Б.А.Серебренников. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. Москва, I960.

75 (I78). Б.А.Серебренников. О взаимосвязи языковых явлений и их исторических изменений. Вопросы языкознания. М. I964, № 3.

76 (I79). И.В.Тараканов. Об ударении в удмуртском языке. Известия АН Эстонской ССР, том УШ, серия общественных наук № 2, Таллин, I959.

77 (I80). Н.С.Трубецкой. Основы фонологии. М. I960.

78 (I8I). С.К.Шаумян. Проблемы теоретической фонологии. Автореф. докт. дисс. Москва, I962. Институт языкознания АН СССР.

У. Инструментально-фонетические исследования, ставшие доступными только после написания и представления первых трех томов диссертации (I960) или даже после защиты (I962).

79 (I82). У.Ш.Байчура. Звуковой строй татарского языка в связи с некоторыми другими тюркскими и финно-угорскими языками. Часть П. Казань, I96I.

80 (I83). У.Ш.Байчура. Звуковой строй татарского языка в связи с некоторыми другими тюркскими и финно-угорскими языками. Автореферат докт.дисс. Москва, I962.

8I (I84). У.Ш.Байчура. К вопросу о характере словесного ударения в чувашском языке (по материалам кимографических записей). Сб. Тюркологические исследования. М.-Л. I963. Изд. АН СССР.

82 (I85). Özbäk Baitšura. Konsonantide kestuse ja helilisuse astmest udmurdi keeles (Kümograafiliste ülestähenduste alusel). Emakeele Seltsi Aastaraamat. IX. 1963.

83 (I86). У.Байчура. Татар теленен кайбер фонетик үзенчәлекләре (Эксперименталь мәгълуматлар буенча). СССР Фәннәр Академиясенең Казан филиалы. Тел, әдәбият һәм тарих институты хезмәтләре. Икенче китап, 1963.

83а(I86а). В Грамматике современного удмуртского языка имеется три фотоснимка кимографических записей - см. выше № 7I (I74).

84 (I87). А.А.Исенгельдина. Спектрально-рентгенологическое исследование сонорных согласных казахского и англдийского языков. Автореферат канд.дисс., Алма-Ата, I960.

85 (I88). Г.Лийв. Ударные монофтонги эстонского языка (артикуляторно-акустическое исследование). Автореферат канд. дисс. Таллин, I962.

86 (I89). Г.П.Мельников. Некоторые способы описания и анализа гармонии гласных в современных тюркских языках. Вопросы языкознания. М., I962, № 6.

87 (I90). С.Отамирзаева. Наманган шевасидаги аспирация хакида. Узбек тили ва адабиёти масалалари. Тошкент, I96I, № 4.

88 (I9I). И.В.Тараканов. Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных). Автореф.канд.дисс. Тарту, I959, ТГУ.

89 (I92). Moris Halle. The Sound Pattern of Russian. A Linguistic and Acoustical Investigation Mouton and Co I959's Gravenhage (Massachusetts Institute of Technology). With an Excursus on the contextuel variants of the Russian vowels by Lawrence G. Jones, Harward University. Discription and Analysis of Contemporary Standard Russion.

УI. Использованные словари

а) Тюркские языки

90 (I93). Azərbaycanca - rusca lyoğat. Bakı, 1939

9I (I94). Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, I884. Пр. Вербицкого.

92 (I95). Русско-башкирский словарь под ред. Н.К.Дмитриева. М. I948.

93 (I96). Казахско-русский словарь под ред. И.Т.Сауранбаева. М. I954.

94 (I97). Каракалпакско-русский словарь под ред. Н.А.Баскакова. М. I958.

95 (I98). Киргизско-русский словарь К.К.Юдахина. М. I940.

96 (I99). Русско-ногайский словарь под ред. Н.А.Баскакова. М. I956.

97 (200). Русча-татарджа лугъат Крым АССР Девлет нешрияты I940.

98 (20I). Татарско-русский словарь. Казань, I950.

99 (202). Русско-татарский словарь. Казань, I94I г.

I00 (203). Русско-татарский словарь в четырех томах. Казань, I956.

I0I (204) اورسچا - تاتارچا یاکالوغات

Новый русско-татарский словарь. Казань, I929 г., а также другие словари татарского языка.

I02 (205). Д.А.Магазаник. Турецко-русский словарь. М.I945.

I03.(206). Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПБ. Том I, I869, том II - I87I. Л.З.Будагова.

I04 (207). Pavet de Courteille. Dictionaire turk-oriental. Paris I870.

I05 (208). В.В.Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т.т. I-IУ. СПБ, I893-I9II.

I06 (209). Русско-узбекский словарь под ред. Р.Абдурахманова. М. I954.

I07 (2I0). Уйгурско-русский словарь под ред. Ш.Кибирова и Ю.Цунвазо. Алма-Ата, I96I.

I08 (2II). Русско-уйгурский словарь под ред. Рахимова. М.I956.

I09 (2I2). Хакасско-русский словарь. Н.А.Баскаков и А.И.Инкижекова -Грекул. М. I953.

II0 (2I3). Чувашско-русский словарь под ред. М.Я.Сироткина. М. I96I.

*

Ряд других словарей по тюркским языкам.

б) Нетюркские языки

III (2I4). Арабско-русский словарь. Х.К.Баранова. Москва,I937.

II2 (2I5). Персидско-русский словарь Б.В.Миллера. М. I950.

II3 (2I6). Русско-бурятский словарь под ред. Ц.Б.Цыдембаева. М.I954.

II4 (2I7). Различные словари по финно-угорским языкам: удмуртскому, марийскому, эстонскому и другим.

II5 (2I8). Различные словари по русскому языку:В.Даля, Ушакова, С.И.Ожегова.

а) С.И.Ожегов. Словарь живого великорусского языка. М. I964.

б) В.Даль. Толковый словарь русского языка. СПБ-М. I880-I882 (I-IУ т.т.). Переиздан М.I955.

II6 (2I9). Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык. Под ред. И.В.Лёхина и Ф.И.Петрова. М.I954 и другие словари этого типа.

II7 (220). Англо-русский словарь В.К.Мюллера и С.И.Боянус,под ред. О.Ю.Шмидта. М.I93I, а также другие словари английского языка, в том числе Оксфордский.

II8 (22I). Немецко-русский словарь под ред. В.В.Рудаш. М.I942, а также другие словари немецкого языка, в том числе Павловского и др.

II9.(222). Французско-русский словарь К.А.Ганшиной. М.I929, а также другие словари французского языка, в том числе Ларусс.

I20 (223). Латинско-русский словарь И.Х.Дворецкого и проф. Д.И. Королькова под ред. чл.-корр.АН СССР проф. С.Ч. Соболевского. М.I949.

Часть П. НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МАШИНОПИСНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В ДОПОЛНЕНИИ К ДИССЕРТАЦИИ.

УШ. Отзывы на диссертацию и мои книги

I2I (224). Резюме отзывов приводится в приложении.

IX. Материалы защиты.

I22 (225). У.Байчура. Ответы оппонентам на защите диссертации 5.X.I962.

I23 (226). Стенограмма защиты 5.X.I962.

X. Другие машинописные и рукописные материалы и отзывы в областной печати.

I24 (227). У.Ш.Байчура. К вопросу о физико-математических методах в лингвистике. Москва 30 мая I963. II стр. м/п. Представлена 30 мая I963 г. в Президиум АН СССР - по предложению зам.гл.учен.секретаря Президиума АН СССР Б.Н.Топорнина.

I25 (228). Отзыв А.А.Реформатского о канд.диссертации У.Ш.Байчура "Гласные татарского языка в свете экспериментальных данных" I8 стр.рукописи,

I26 (229). П.Аристэ. Рецензия о работах У.Ш.Байчура "Звуковой строй татарского языка" и "Словесное ударение".Тарту II декабря I960.

I27 (230).Выписка из протокола № 2 заседания кафедры фонетики ЛОЛГУ от 30.IX.I953. П/п.зав.каф.М.И.Матусевич, секретарь кафедры М.В.Гордина.

I28 (23I). Н.К.Дмитриев. Отзыв о кандидатской диссертации У.Ш. Байчура "Гласные татарского языка литературного языка в свете экспериментальных данных" М.-Л. I953, стр. 243, включая рентгенограммы, палатограммы и другие виды снимков. Профессор,доктор, чл.-корр.АН СССР и действ.чл.АПН РСФСР Н.К.Дмитриев.Март I954 г.(Ин-т языкозн.АН СССР.ВАК МВО

I29 (232). "У.Ш.Байчураның "Длительность татарских гласных хәзмәте турында." Казань 22/УI.I954. Х.Курбатов (мл.научн.сотр. ИЯЛИ КФАН).

I30(233). Д.Г.Тумашева. Отзыв на работу У.Ш.Байчура "Звуковой строй татарского языка (экспериментально-фонетический очерк)". Казань, 28.XII.57. КГУ.

Добавление

I3I (234). С.Г.Бархударов. Основные итоги научных исследований в области языкознания в I963 г. Известия АН СССР, т.XXШ, вып. 3, I964.

I32 (235). Ахунзянов. Рецензия на Русско-татарский фразеологический словарь (карманного типа) - Л.Махмутовой и Н.Бургановой (составленный на основе Русско-татарского четырехтомного словаря). Совет Татарстаны. 6 октября I960. В рецензии показано, что составители фразеологического словаря не знают как следует ни русского, ни татарского языка.

I33 (236). Ахунзянов. Рецензия на 4-томный русско-татарский словарь. Журнал "Совет эдэбияты", Казань, I960,№ 9. Из рецензии видно изобилие недостатков словаря.

I34 (237). Jerzy Kyrytowisz. L'Accentuation des Langues Indo-Europeennes, Wroclaw-Krakow, I958, напр.стр.I06-II3 и др.

I35 (238). A.Meillet. Le Slave Commun. Paris, I934, M.I95I.

I36 (239). E.Procosch. A Comparative German Crammer, Philadelphia, I939, M. I954.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	стр.
ПРЕДИСЛОВИЕ	I
ВВЕДЕНИЕ	I
РАЗДЕЛ I. О некоторых особенностях татарского вокализма (выпадение и др.) в связи с историей и методологией изучения и письменностью	53
Г л а в а I. К постановке вопроса.....	53
§ I.	53
§ 2.	67
§ 3.	72
Г л а в а II. Выпадение гласных в татарском. Взгляды различных ученых	85
Г л а в а III. Выпадение гласных в татарском и арабская письменность.....	II5
Г л а в а IУ. О выпадении и протезе гласных как двух сторонах единого явления	I47
§ I.	I47
§ 2.	I58
§ 3.	I7I
РАЗДЕЛ II. Из истории	207
Г л а в а У. Из прошлого и настоящего одного из направлений критической мысли...	207
§ I. Две страницы истории.....	207
§ 2. Отражение в настоящем истории прошлого	234
§ 3. О необоснованном смешении экспериментальных наук с неэкспериментальными	279

стр.

§ 4. О смешении некоторых лингвистических понятий. (К вопросу об одном татарском согласном - гамзе) 300

§ 5. Замечание в связи с субстратом 308

§ 6. Заключение по вопросу о ссылках на литературу 321

Глава Уа. Заключение к У главе. О некоторых специфических чертах и исторических корнях данного направления критической мысли 328

§ I. О специфических чертах 328

§ 2. Об исторических корнях..... 338

Глава УI. О некоторых взглядах на субстрат и финно-угорско-тюркское языковое взаимодействие 349

§ I. К истории идеи субстрата вообще, финно-угорского субстрата в тюркских - в частности и о некоторых взглядах 351

§ 2. О некоторых взглядах на финно-угорско-тюркские языковое взаимодействие (продолжение)..... 377

РАЗДЕЛ Ш. О некоторых вопросах методологии и метода 418

Глава УП. Обзор поднятых вопросов..... 418

Глава УШ. К вопросу о соотношении инструментальных (объективных) и слуховых (субъективных) методов в лингвистике 436

Глава IX. О значении места, где проводится запись на приборы..... 449

Глава X. О количестве и качестве дикторов 462

§ I. Количество дикторов..... 462

§ 2. Качество дикторов..... 466

Глава XI. О круге рассматриваемых диалектов и говоров татарского языка 503

стр.

§ I. О казанско-татарских говорах 503
§ 2. О мишарско-татарских говорах 512
§ 3. Об изучаемых нами татарских говорах в целом..... 520

Глава XII. О круге рассматриваемых языков... 523

§ I. О тюркских языках..... 523
§ 3. О финно-угорских языках..... 532

Глава XIII. Заключение о методах..... 539

РАЗДЕЛ IУ. Консонантизм 546

Глава XIУ. О татарском консонантизме 546

Глава XУ. О чувашском консонантизме..... 552

РАЗДЕЛ У. Ударение 574

Глава XУI. Дополнение к вопросу о словесном ударении в некоторых финно-угорских языках..... 574

Глава XУII. Некоторые экспериментальные данные об ударении и мелодике речи в тюркских языках 593

Глава XУIII. Дополнения в связи с вопросом о турецком ударении и "субстратом" 607

§ I. 607
§ 2. 626

Глава XIX. Дополнение в связи с ударением в татарском языке..... 639

РАЗДЕЛ УI. Заключение 663

РАЗДЕЛ УII. Библиография 687